g 88/246

Д 222/57
g 88/246
№ 1726/1917

А. ЯКОВЛЕВЪ.

ПРИКАЗЪ СБОРА РАТНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

146—161 / 1637—1653 гг.

МОСКВА.
1917.

222/57
Въ Библіотеку Румянцовскаго Музея. Отъ автора
88/246
1917-II-19

А. ЯКОВЛЕВЪ.

ПРИКАЗЪ СБОРА РАТНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

146—161 / 1637—1653 гг.

XVII 01011
ИМПЕРАТОРСКІЙ МОСКОВСКІЙ и РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕЙ

МОСКВА.
1917.

2007041972

МОСКВА. — 1917.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
АРБАТСКАЯ ПЛ., ФИЛИППОВСКІЙ ПЕР., Д. 11.

Предисловіе.

Предметомъ настоящаго изслѣдованія является дѣятельность Приказа сбора ратныхъ людей, существовавшаго въ 146—161 (1637—1653) гг. Приказъ этотъ собиралъ со всего государства даточныхъ и деньги впервые въ исторіи Московскаго государства на основѣ двороваго числа. Значеніе этой темы опредѣляется слѣдующими соображеніями.

Исторія Московскаго государства въ XVII в. неоднократно была предметомъ настойчиваго историческаго изученія. Эпоха эта отличается извѣстной законченностью своего государственнаго и общественнаго уклада и, сравнительно съ предшествующими вѣками, обиліемъ матеріала историческихъ памятниковъ. Изученіе ея прошло черезъ нѣсколько фазисовъ: начавшись съ общихъ глазомѣрныхъ оцѣнокъ, оно стало постепенно сосредоточиваться около нѣкоторыхъ систематически выдѣляемыхъ заданій.

Одинъ изъ главныхъ вопросовъ этой эпохи—вопросъ о процессѣ кристаллизаціи государственной идеи. На смѣну общимъ суммарнымъ характеристикамъ московскаго государственнаго строя, какъ какого-то самобытнаго и самодовлѣющаго національнаго типа, стала все болѣе опредѣляться другая методологическая точка зрѣнія, требовавшая изученія генезиса этого порядка, вскрытія тѣхъ силъ, которыя двигали и направляли его развитіе, истолкованія внутреннихъ связей и сцѣпленій отдѣльныхъ историческихъ процессовъ и опредѣленія ихъ направленія и темпа. Все болѣе крѣпла мысль о томъ, что Московское государство въ теченіе XVII в. непрерывно росло и развивалось. Но физіономія его двойственна: передъ нами то старая вотчина московскаго государя, характеризующаяся мотивами частно-правового харак-

тера, то порядокъ, развивающійся на государственно-правовыхъ началахъ. Старая вотчинная чешуя сползала медленно, и старые навыки были очень живучи. Все же мы наблюдаемъ довольно послѣдовательное и непрерывное нарожденіе и укрѣпленіе государственно-правовыхъ тенденцій. Государство подбираетъ вожжи мѣстнаго управленія, централизуетъ писцовое дѣло, перерабатываетъ основы своего финансоваго уклада, вноситъ систему и нѣкоторую публичность въ область правовыхъ отношеній и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ, уступая домогательствамъ служилаго класса, оно утверждаетъ окончательно крѣпостной порядокъ во владѣльческой деревнѣ и на два вѣка становится на стражѣ крѣпостныхъ отношеній посредникомъ между господами и мужиками. Равнодѣйствующей развитія этихъ отношеній было обособленіе правящей группы отъ остальной массы русскаго общества, влекущее за собой умираніе послѣднихъ пережитковъ старыхъ патріархальныхъ отношеній между властью и обществомъ, выразительнымъ образчикомъ которыхъ былъ земскій соборъ.

Интересомъ къ развитію государственнаго начала и преломленію этой тенденціи въ области соціальныхъ отношеній и опредѣляется заданіе настоящей работы. Рядъ изслѣдователей, назовемъ Ю. А. Гагемейстера, В. Кури, В. А. Незабитовскаго, А. С. Лаппо-Данилевскаго, П. Н. Милюкова, И. Н. Миклашевскаго, С. Б. Веселовскаго, открылъ широкія перспективы въ изученіи этой области. Совмѣстными усиліями установлена была общая картина развитія московскихъ финансовыхъ порядковъ, и намѣчены дальнѣйшія задачи изученія, съ которыми не можетъ не считаться всякій новый изслѣдователь, если онъ дорожитъ планомѣрностью и послѣдовательностью исторической работы. Самымъ важнымъ этапомъ въ развитіи московскаго государственнаго хозяйства была исполненная безпокойства и движенія эпоха 1630—1640-хъ гг.; съ финансовымъ кризисомъ этихъ лѣтъ связано и нарожденіе новой податной схемы, построенной на основѣ двороваго числа, сначала дополнившей, а потомъ и разрушившей старую схему сошнаго письма. Узломъ въ развитіи этихъ явленій и была дѣятельность Приказа сбора ратныхъ людей 146 года. Внимательный взглядъ нѣсколькихъ наблюдателей давно уже уловилъ значеніе Приказа и угадалъ цѣну содержа-

щихся въ его архивномъ наслѣдіи данныхъ: вопросъ о немъ авторъ нашелъ въ предшествующей литературѣ не только обозначившимся, но, можно сказать, прямо поставленнымъ [1]). Таковъ былъ историческій интересъ, побудившій автора остановиться на изученіи именно этой темы.

Навстрѣчу указаннымъ историческимъ соображеніямъ шли соображенія археографическія. Изъ десятковъ временныхъ приказовъ этой эпохи только одинъ Приказъ 146 г. оставилъ довольно полный архивъ, сохранившійся въ разсыпанномъ видѣ среди книгъ и столпцовъ такъ называемыхъ Приказныхъ дѣлъ старыхъ лѣтъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Не одинъ наблюдательный изслѣдователь, проходя черезъ Приказныя дѣла старыхъ лѣтъ по этой теперь уже торной дорогѣ русской исторической науки, долженъ былъ чувствовать искушеніе покончить съ мимолетнымъ заглядываніемъ наудачу въ наслѣдіе Приказа с. р. л. и изучить этотъ матеріалъ въ полномъ объемѣ, дабы выяснить, что именно таится въ десяткахъ книгъ этого учрежденія и въ болѣе чѣмъ сотнѣ столпцовъ, дошедшихъ отъ него. Сознательное развитіе русской исторической науки, поскольку она задавалась серьезнымъ изученіемъ финансоваго строя Московскаго государства въ XVII в., не могло спокойно итти впередъ за хронологическіе предѣлы 1630-ыхъ гг., оставляя у себя въ тылу неизученнымъ столь значительный комплексъ документовъ, относящійся къ дѣятельности одного изъ важнѣйшихъ финансовыхъ учрежденій. Между тѣмъ масса этого матеріала дошла какъ бы въ видѣ груды мусора, оставшагося отъ разрушеннаго сложнаго сооруженія, и неизбѣжно приходилось или взять весь матеріалъ цѣликомъ или не трогать его совсѣмъ: пройти его поверхностно,

---

[1]) Приказъ с. р. л. былъ отмѣченъ въ трудахъ слѣдующихъ ученыхъ, частью использовавшихъ и матеріалъ его дѣлопроизводства: В. О Ключевскаго, П. Н. Милюкова, А. С. Лаппо-Данилевскаго, С. К. Богоявленскаго, Д. И. Иловайскаго и С. Б. Веселовскаго. Д. И. Иловайскій далъ вѣрную характеристику его личнаго состава. Книги Приказа с. р. л., разбросанныя въ М. Г. А. М. И. Д. подъ разными географическими рубриками, были указаны въ статьѣ С. Б. Веселовскаго въ Ж. М. Н. П. за 1908 г. № 2.

„скорымъ обычаемъ для поспѣшенья", какъ говорили въ Приказѣ с. р. л., использовавъ отдѣльныя болѣе или менѣе характерныя черты, удачно попадающіяся на глаза, было бы безцѣльнымъ. Таковы были соображенія археографическія, побудившія автора прикрѣпить изученіе общаго вопроса о перерожденіи финансоваго строя Московскаго государства въ XVII в. именно къ данному комплексу архивнаго матеріала.

Изучая архивное наслѣдіе Приказа, авторъ направилъ вниманіе, во-первыхъ, на общій вопросъ о кризисѣ финансоваго строя Московскаго государства въ XVII в, и на самое учрежденіе, явившееся весьма важнымъ звеномъ въ развитіи этого перелома. Исходя изъ драгоцѣннаго права, или вѣрнѣе, обязанности историка, авторъ вездѣ, гдѣ это было ему доступно, старался увидать живыхъ людей, чувствовавшихъ, думавшихъ и дѣйствовавшихъ въ изучаемомъ имъ учрежденіи, старался понять самый ходъ работы въ приказной лабораторіи, уловить процессъ образованія ткани ихъ соображеній и заключеній. Авторъ стремился къ тому, чтобы, заглянувъ въ домашнюю интимную обстановку, въ которой шла работа учрежденія, вглядѣться въ московскій приказъ въ его внутренней жизни и выйти изъ того заколдованнаго круга общихъ опредѣленій московскихъ приказовъ, которыя уже начинаютъ утомлять насъ своимъ однообразнымъ повтореніемъ. Вторымъ заданіемъ было вскрытіе развившихся при взиманіи сборовъ, порученныхъ Приказу с. р. л., взаимоотношеній между властью и служилымъ обществомъ. Рѣшенію этой задачи, неизбѣжно очень кропотливой по характеру изучаемыхъ данныхъ, авторъ придавалъ наибольшее значеніе. Наконецъ, въ третьихъ, цѣлью работы было выяснить, какъ велика была податная выносливость въ эти годы отдѣльныхъ посадовъ и черныхъ уѣздовъ (именно относящаяся сюда группа матеріала казалась наиболѣе любопытной прежнимъ изслѣдователямъ),—поскольку, разумѣется, объ этомъ можно было судить по матеріалу Приказа. Сосредоточенность заданія налагала на автора обязанность добиваться возможной точности въ своихъ наблюденіяхъ, подсчетахъ и заключеніяхъ; какой цѣной при работѣ надъ счетоводствомъ XVII в. покупается сознаніе до конца исполненнаго научнаго долга, понятно всякому, кто имѣлъ съ нимъ дѣло. Авторъ

слишкомъ хорошо знаетъ, что далеко не всегда ему удалось преодолѣть встрѣченныя чрезвычайныя трудности.

Документы, на которыхъ построена работа, въ большинствѣ взяты изъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Въ случаяхъ цитать изъ матеріала этого архива указаній на архивъ не дѣлаемъ; всегда указываемъ архивъ, если документъ взятъ изъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи (А. М. Ю) и Московскаго Архива Министерства Императорскаго Двора (М. А. М. Д.)

По разнымъ соображеніямъ авторъ счелъ неудобнымъ въ большинствѣ приводимыхъ хронологическихъ указаній отказаться отъ датировки XVII в., считавшаго годы отъ сотворенія міра, но сохранилъ въ датахъ дней и мѣсяцевъ современное обозначеніе мѣсяцевъ по порядку, начиная съ января: январь—I, февраль—II и т. д.

Авторъ сердечно благодаритъ С. Б. Веселовскаго за возможность обращаться за справками къ его драгоцѣнному собранію копій съ документовъ и приноситъ выраженіе своей глубокой признательности Императорскому Московскому университету за включеніе его работы въ серію ученыхъ записокъ университета.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр

Предисловіе . . . . . I — V.

Гл. I. Характеръ развитія прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ въ XVI в. и въ первую треть XVII в. 1 — 112.

1. Происхожденіе системы сошнаго письма въ Московскомъ государствѣ XVI в. (1—18). 2. Система сошнаго письма, какъ выраженіе общихъ началъ московской финансовой политики (19—32). 3. Сошное письмо и служилый классъ (32—48). 4. Сошное письмо на черныхъ земляхъ и на посадахъ (48—57). 5. Значеніе системы сошнаго письма (57—66). 6. Москва и служилый городъ въ первую половину XVII вѣка (66—90) 7. Сборъ пятины и запроса 142-го года (90—109). 8. Приказъ и приказные въ XVI—XVII вв. (109—112).

Гл. II. Приказъ сбора ратныхъ людей . . . . . 113 — 160.

1. Предшественники Приказа с. р. л. (113—122) 2. Бояре и дьяки Приказа с. р. л. (122—140). 3. Подъячіе и сторожа Приказа с. р. л. (140—149). 4. Порядокъ дѣлопроизводства въ Приказѣ с. р. л. (149—155). 5. Обстановка Приказа с. р. л. (155—158). Заключеніе къ гл. II-ой (158—160).

Гл. III. Сборъ со служилыхъ людей . . . . . 161 — 336.

1. „Земляной списокъ“ (161—184). 2. Статистика Приказа с. р. л. и движеніе землевладѣнія (184—198). А) Переходъ земли по правительственнымъ распоряженіямъ (185—187). Б) Переходъ земли по частнымъ сдѣлкамъ (187—196) а) Наслѣдованіе и сдача; б) мѣна; в) продажа; г) залогъ земли; д) раздѣлы. 3. Реакція служилыхъ людей на сборы (198—235). А) Замѣна денежнаго сбора даточными и обратно (199—202). Б) Отсрочка сбора (202—204). В) Сложеніе сбора (204—235). а) Сложеніе сбора вслѣдствіе погрѣшностей, оказавшихся въ спискахъ; б) сложеніе сбора вслѣдствіе нахожденія на службѣ обложенныхъ сборомъ лицъ; в) сложеніе сбора вслѣдствіе верстанія службой; г) сложеніе сбора вслѣдствіе сдачи земли; д) сложеніе сбора вслѣдствіе перечисленія изъ московскаго списка на службу съ городомъ; е) сложеніе сбора въ ка-

чествѣ особой льготы; ж) сложеніе сбора за особыя службы; з) сложеніе сбора вслѣдствіе бѣдности; и) сложеніе сбора для группъ служилыхъ людей. 4. Жалобы служилыхъ людей на бѣдность и разореніе (235–247). А) Внѣшнія нападенія. Б) Разореніе отъ своей братіи. В) Разбродъ крестьянъ. Г) Тяжесть повинностей. 5. Отношеніе служилыхъ людей къ сбору (247—256) 6. Статистика служилаго землевладѣнія и финансовая схема сбора (256—265). 7 Взиманіе сборовъ со служилыхъ людей (265–283). А) Взиманіе въ Москвѣ. Б) Взиманіе въ уѣздахъ. 8. Итоги сборовъ по думному и московскому спискамъ (283—287). 9. Итоги сбора со вдовъ и недорослей по городовымъ спискамъ (287—312). Таблица поступленія съ городовыхъ вдовъ и недорослей сбора на 146 г. (313—319). 10. Заключенія Приказа относительно сбора со служилыхъ людей (320–322). Списокъ лицъ, по челобитьямъ которыхъ производились дѣла, упоминаемыя въ главѣ III-ей (323—336).

Гл. IV. Сборъ съ посадовъ, чернаго населенія уѣздовъ и дворцовыхъ селъ . . . . . 337 — 443.

1. Статистическія данныя Приказа с. р. л. и финансовая схема сбора (337—342). 2. Ходъ сбора съ посадовъ и черныхъ уѣздовъ (343—392). 3. Схема поступленія сбора съ посадовъ и черныхъ уѣздовъ (392–404). 4. Затрудненія, встрѣченныя Приказомъ с. р. л. въ 146–149 гг. при сборѣ съ посадовъ и черныхъ волостей (404—440). 5. Заключенія Приказа с. р. л. относительно сбора съ посадовъ, дворцовыхъ и черныхъ волостей (440—443).

Гл. V. Приказъ сбора ратныхъ людей . . . . . 444 — 458.

1. Темпъ приказной работы (444—445). 2. Приказъ с. р. л. и мѣстная администрація (446–452). 3. Злоупотребленія со сборомъ и доставкой денегъ въ Приказъ (452—458).

Гл. VI. Приказъ сбора ратныхъ людей . . . . . 459 — 540.

1. Возникновеніе Счетнаго дѣла (459—464). 2. Составъ Счетнаго приказа 149 г. (464—473). 3. Заявленія дьяковъ М. Невѣрова и В. Прокофьева (473–479) 4. Допросы въ октябрѣ 149 г. (479–483). 5. Обработка Счетнымъ приказомъ обвинительнаго матеріала (483–487). 6. Допросы дьяковъ и подъячихъ Приказа с. р. л. въ ноябрѣ 149 г. (487—507). 7. Допросы въ январѣ 149 г. молодыхъ подъячихъ и сторожей Приказа с. р. л. (507—512). 8. Допросы дьяковъ и подъячихъ Приказа с. р. л. и экспертиза описи въ августѣ 149 г. (512—519). 9. Допросы дьяковъ и подъячихъ въ январѣ 150 г. и общій расчетъ доимки (519—526). 10. Допросы въ ноябрѣ 151 г. и челобитье М. Дубинина (527—529). 11. Составъ Счетнаго приказа 151 г. (529–535). 12. Прекращеніе Счетнаго дѣла (535—537). 13. Характеръ Счетнаго дѣла (537—540).

Заключеніе . . . . . 541 — 555.

Значеніе финансовыхъ итоговъ дѣятельности Приказа с. р. л. Государственно-правовое и соціальное значеніе идеи дворового числа. Характеръ перелома въ финансовой системѣ Московскаго государства въ связи съ характеромъ мышленія людей того времени.

Дополненія и поправки 556

ГЛАВА I.

Характеръ развитія прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ въ XVI в. и въ первую треть XVII в.

I. Происхожденіе системы сошнаго письма въ Московскомъ государствѣ XVI в.

Власть, облагавшая населеніе въ древней Руси, подходила къ плательщикамъ или съ требованіемъ контрибуціоннаго характера—такъ взыскивался, напримѣръ, новгородскій окупъ,—или вступала съ субъектами платежей и повинностей въ льготныя соглашенія на основаніи жалованныхъ грамотъ, или развивала обложеніе на основаніи извѣстной податной таксаціи. Послѣдній способъ постепенно становится преобладающимъ.

Податные расчеты древней Руси, какъ, вѣроятно, и всякой примитивной политической организаціи, опирающейся на земледѣльческое и земледѣльческое населеніе, изъ вѣка въ вѣкъ строились на учетѣ отдѣльныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ. Облагаемыя податныя ячейки обозначаются разными терминами,—мы встрѣчаемъ названія: рало[1]), дымъ[2]), дворъ[3]), плугъ[4]), соха[5]), ворота[6]), юртъ[7]) и др.

---

[1]) Сборъ съ рала, согласно Начальной лѣтописи, платили хозарамъ вятичи. Ср. А. И. I № 17 (поралье).

[2]) Сборъ съ дыма тоже извѣстенъ еще Начальной лѣтописи: съ дыма платили дань хозарамъ поляне. Ср. А. Э. I № 218 и С. Г. Г. Д. II № 73 и др.

[3]) Сборъ съ дворовъ, напр., А. Э. I № 69.

[4]) Сборъ съ плуговъ (поплужное) встрѣчается въ татарскихъ ярлыкахъ, напр., П. С. Р. Л. т. XX ч. 1 с. 183, С. Г. Г. Д. II № 2, Акты Ѳедотова-Чеховскаго I с. 117.

[5]) Сборъ съ сохъ, напр., А. Э. I №№ 104, 210, 218, 233, 273, 299, 310 и др.

[6]) Сборъ съ воротъ (поворотное), напр., А. Э. I №№ 152, 158.

[7]) По юртамъ обычно разверстывался ясакъ, напр., Д. А. И. II, IV, VI passim. См. также ниже въ IV гл. сборъ съ вятскихъ инородцевъ.

Идея хозяйственной единицы, полагаемой въ основу расчетовъ, конечно, совершенно неизбѣжно пріобрѣтаетъ условный символическій смыслъ нѣкотораго средняго нормальнаго хозяйства, съ которымъ могутъ не совпадать многія реальныя хозяйства. Первичную, но уже ясно выраженную, форму такого податного символизма мы встрѣчаемъ въ новгородской обжѣ: среднее нормальное хозяйство отмѣчается терминомъ, въ своемъ первомъ значеніи обозначающимъ собственно ту земельную площадь, которую такое хозяйство обычно обрабатываетъ[1]). Но развитіе податной символики не ограничивается выработкой подобнаго условнаго понятія, соотвѣтствующаго отдѣльному хозяйству, а ведетъ къ образованію болѣе сложной идеи, означающей уже небольшую группу хозяйствъ. Такими идеями являются идея новгородской сохи[2]) и идея выти[3]): послѣдняя единица очень различна въ разные моменты и въ разныхъ условіяхъ. Образованіе этихъ символическихъ единицъ указывало на то, что власть стремилась сдѣлать свои выкладки болѣе точными: вмѣсто суммарнаго подсчета платежей и повинностей, падавшихъ на общій итогъ хозяйствъ извѣстнаго податного района, власть стремится индивидуализировать податную отвѣтственность нѣкоторыхъ небольшихъ группъ плательщиковъ. Такой характеръ долгіе вѣка имѣло старинное сошное письмо, т. е. система податной таксаціи, состоявшей въ учетѣ группъ отдѣльныхъ хозяйствъ. Въ Московскомъ государствѣ XVI в. податные расчеты подвергаются крупнымъ измѣненіямъ. Древнее сошное письмо переводится на другую плоскость, его начинаютъ основывать на учетѣ распахиваемой болѣе или менѣе значительными группами хозяйствъ площади. Этотъ порядокъ продержался болѣе полутора вѣковъ: съ княженія Василія III до царствованія Ѳедора Алексѣевича. Система московскаго сошнаго письма является одной изъ загадочныхъ и очень своеобразныхъ особенностей уклада Московскаго государства. Она

---

[1]) Условный смыслъ новгородской обжи виденъ въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ на каждомъ шагу. Напр., Новгородскія писцовыя книги, I, 138, 263, 264, 271, 298, 353, II, 104, 118, 189, 281 и мн. др. Ср. Владиславлева „Обжа“ въ Ж. М. Н. П. 1892 г. № 8.

[2]) Смыслъ новгородской сохи ярко выраженъ въ знаменитой грамотѣ на черный боръ—А. Э. I № 32, ср. П. С. Р. Л. т. VI с. 216 и др.

[3]) О выти см. С. Б. Веселовскій „Сошное письмо“ т. II, гл. XIII.

интересна какъ своей сложной и запутанной техникой, такъ и своими общими идеями и принципіальными посылками. Не касаясь технической стороны этой системы, съ замѣчательной настойчивостью разъяснявшейся нашей исторіографіей[1]), отмѣтимъ то сочетаніе общихъ идей, которое вызвало къ жизни эту систему и повліяло на ея развитіе.

Документы, при помощи которыхъ приходится уяснять себѣ финансовые порядки нашихъ великихъ и удѣльныхъ княженій XV—XVI вв., довольно многочисленны, но всѣ они такъ лаконичны и бѣдны содержаніемъ, что по нимъ очень трудно представить себѣ полную картину повинностей населенія древнерусскаго княженія въ надлежащей перспективѣ, понять логику расчетовъ власти и порядокъ отбыванія повинностей населеніемъ. Древніе акты въ своихъ перечисленіяхъ видовъ тягла перемѣшиваютъ денежныя повинности съ натуральными и прямыя съ косвенными; никогда, къ тому же, нельзя поручиться за то, что финансовая схема, развертываемая тѣмъ или инымъ актомъ, содержитъ перечисленіе в с ѣ х ъ повинностей, ложившихся на данную группу населенія, на данное лицо или учрежденіе. Переберемъ извѣстія, относящіяся къ финансовымъ порядкамъ 14 древне-русскихъ княженій, начиная съ незначительныхъ удѣльныхъ и восходя къ крупнымъ великимъ княженіямъ.

Жаловашная грамота микроскопическаго юхотскаго князя Ѳедора освобождаетъ вновь селящихся крестьянъ Спасскаго монастыря отъ повинностей такой формулой: „не надобе наша дань ни данскые пошлины ни которое дѣло, ни къ становщикомъ къ нашимъ, ни къ десятцкимъ ни в какые наши проторы ни в розметы не тянут ничѣмъ“ (1510 г.) [2]). Въ Рузскомъ княжествѣ встрѣчаемъ ямъ, подводы, мытъ, тамгу, костку, восьменичее (1498 г.) [3]). Въ Углицкомъ княжествѣ—дань, писчую бѣлку, ямъ, подводу, мытъ, тамгу, осьминичье, костку (1414 г.), въ другихъ грамотахъ—дань, писчую бѣлку, ямъ, подводу, мытъ, тамгу,

---

[1]) Тема эта, не говоря о богатой и цѣнной предшествующей литературѣ, съ исчерпывающею полнотой изучена въ указанной работѣ С. Б. Веселовскаго „Сошное письмо“. Въ ней собраны и подробныя указанія на литературу вопроса.

[2]) Н. П. Лихачевъ „Сборникъ актовъ“ вып. II, с. 203.

[3]) А. Юшковъ „Акты XIII-XVII вв.“ и т. д. №№ 44, 45.

восминичье, кости (1434-1437 гг.), подводы, мытъ, тамгу, костку, восьминичее (1462-1492 гг.) [1]). Въ Можайскомъ княжествѣ—дань, бѣлку, рѣзанку (1397-1432 гг.), позднѣе—мытъ, тамгу, дань, писчую бѣлку, ямъ, подводу (1443 г.) [2]). Въ Звенигородскомъ княжествѣ—дань, ямъ, подводы, мытъ, тамгу (1404 г.) [3]). Въ Волоцкомъ княжествѣ—дань, ямъ, подводы, мытъ, тамгу (1498 г.), въ другой грамотѣ—писчую бѣлку, ямъ, подводы, бобровое, явку (1499 г.) [4]). Въ Кашинскомъ княжествѣ—дань, ямъ, подводу тамгу, осьмничее (1361-1365 гг.) [5]). Въ Рязанскомъ княжествѣ—рѣзаньку, шестьдесятъ, поличное (1356-1387 гг.), дань и ямъ (1501 г.) [6]). Въ Тверскомъ княжествѣ—дань, ямъ, подводы, тамгу, кормъ, бобровое (1437-1461 гг.) [7]). Въ Ярославскомъ княжествѣ—дань, тамгу, новоженную куницу, кормъ данной, таможенный кормъ, волостелинъ кормъ, доводщичъ кормъ (1400 г.), въ другой грамотѣ—дань, ямъ, подводы, мытъ, тамгу, восмничее, закосное, портное, скатертное, пятенное, новоженную куницу, хмелевой докладъ, площку (1473-1478 гг.) [8]). Въ Нижегородскомъ княжествѣ—мытъ, тамгу, побережное, костку, осмничее (1410-1417 гг.), въ другихъ грамотахъ—дань, ямъ, подводу, тамгу, мытъ, писчую бѣлку, костку, восмничее, вѣсчее, ѣзовое, побережное (1410-1418 гг.) дань, писчую бѣлку, ямъ, подводу, татарскій проѣздъ, городное дѣло (1418 г.) [9]). Въ Бѣлозерскомъ княжествѣ—дань, городное дѣло, ямъ, подводы, писчую бѣлку (1437 г.), въ другихъ грамотахъ—дань, городное дѣло, ямъ, подводы, писчую бѣлку (1437 г.) или дань, городное дѣло, ямъ, подводы, писчую бѣлку, явку, тамгу (1448-1468 гг.) [10]). Въ Вологодскомъ княжествѣ—дань, писчую бѣлку, ямъ, подводы, тамгу, рѣзанку, восьменичее, вѣсчее, го-

---

[1]) А. Юшковъ „Акты XIII-XVII вв." № 23; А. Э. №№ 19, 28. А. Ю. Б. I № 31, IV.

[2]) А. Э. I № 38; Р. И. Б. II № 7.

[3]) А. И. I № 15.

[4]) А. И. I №№ 106, 108.

[5]) А. Э. I № 5.

[6]) А. И. I №№ 2, 13, 14; А. Юшковъ „Акты XIII-XVII вв." №№ 2, 53, 54, 57.

[7]) А. Э. I №№ 34, 35.

[8]) А. Э. I №№ 15, 99. Ср. Сборникъ Муханова №№ 257, 283.

[9]) А. Э. I. №№ 17, 18; А. И. I № 25.

[10]) Д. А. И. I №№ 187, 193, 197, 207; А. Э. I № 31; Р. И. Б. II №№ 21, 22, 23.

стинное, явленное, зъзорное (1467-1471 гг.) [1]). Въ Московскомъ княжествѣ — дань, кормъ, подводу (1328-1340 гг.), въ другихъ грамотахъ—дань, ямъ, писчую бѣлку, подводу (1421-1423 гг.), дань, приметъ, посошный кормъ, посошная служба, туковое, подымное, мытъ, перевозъ (1547 г.) и т. д. [2]).

Обходимъ безпрестанно встрѣчающееся, на ряду съ перечисленными платежами и повинностями, упоминаніе объ обязанности населенія кормить княжескихъ коней и косить княжескіе луга,—напримѣръ, въ Рузѣ, Угличѣ, на Бѣлоозерѣ, Волокѣ и въ другихъ княженіяхъ.

Въ глубинѣ перспективы, пріоткрываемой грамотами удѣльнаго времени, виднѣется нерѣдко мірская организація, завѣдывавшая раскладкой бремени податей и повинностей, возлагавшихся на населеніе. Такъ, грамоты безпрестанно говорятъ о „проторахъ и розметахъ", въ которые тянутъ тяглые люди,— напримѣръ, цитированная выше грамота рузскаго князя Ивана Борисовича: розметами этими завѣдуютъ мірскіе выборные. Въ Рузѣ, Угличѣ, Юхотскомъ княжествѣ мы встрѣчаемъ сотскаго и десятскихъ, какъ постоянное учрежденіе. Княжеская власть брала на себя, вѣроятно, только общую экспертизу платежеспособности извѣстнаго поселенія или поселеній, да и ту производила при близкомъ содѣйствіи мѣстныхъ силъ. Установивъ размѣръ заданія, она предоставляла, надо думать, его разверстку мѣстнымъ людямъ, руководящимся въ этой операціи своими собственными критеріями податной мощности отдѣльныхъ хозяйствъ. Основой оцѣнки при земледѣльческихъ промыслахъ населенія, конечно, было, прежде всего, количество поднимаемой каждымъ хозяйствомъ пашни—вотъ какой смыслъ имѣло другое ходячее выраженіе грамотъ объ участіи населенія въ платежахъ „по силѣ" [3]). Обложеніе населенія не по произволу и вдохновенію, а на основаніи хотя бы самой примитивной экспертизы его платежеспособности—первая общая идея финансовыхъ порядковъ древней Руси.

Въ пестрой мозаикѣ перечисляемыхъ грамотами удѣльнаго

---

[1]) Д. А. И. I № 208.

[2]) А. Э. I №№ 3, 4, 7, 20, 21, 23, 30, 39, 41, 44, 56, 215, 218 и мн. др.

[3]) А. Э. I №№ 17, 18 и мн. др.; С. Б. Веселовскій „Сошное письмо" I, с. 395 и др.

времени платежей и повинностей съ замѣтнымъ постоянствомъ, какъ было сейчасъ показано, въ разные хронологическіе моменты и въ обстановкѣ разныхъ княженій повторяется упоминаніе объ участіи населенія въ подводахъ и городномъ (или городовомъ) дѣлѣ, т. е. объ участіи населенія въ постройкѣ, поддержаніи и; можетъ быть, охранѣ мѣстныхъ укрѣпленій. Эта, конечно, всегда тяжелая повинность населенія пріобрѣтаетъ въ московское время все болѣе универсальный характеръ и начинаетъ обозначаться спеціальнымъ терминомъ—„посоха“. Терминъ „посоха“ имѣетъ въ грамотахъ нѣсколько значеній, обозначая то сборъ подводъ и рабочихъ дѣловцовъ для какихъ-либо экстренныхъ надобностей, то сборъ провіанта въ военное время, то сборъ денегъ, то, наконецъ, обязанность населенія выставлять крестьянское ополченіе. Терминъ „посоха“ тяготѣетъ вообще къ болѣе широкому значенію, покрывая рядъ частныхъ формъ отбыванія населеніемъ государственной повинности своимъ трудомъ.

Какъ можно видѣть изъ самой этимологіи термина „посоха“, признакомъ ея является *не родъ* повинности, а *порядокъ* ея отбыванія. Съ сохъ, т. е. отдѣльныхъ хозяйствъ или ихъ комплексовъ, отбывались и другіе платежи и повинности (поралье, поплужное, подворное; поворотное, подымное и т. д.), но нѣкоторыя повинности отбывались съ сохъ какимъ-то особымъ образомъ, и именно тогда онѣ обозначались терминомъ посохи. Особенностью этой, какъ можно понять изъ текста грамотъ, былъ универсализмъ отбыванія нѣкоторыхъ экстренныхъ и исключительно важныхъ повинностей. Посохой грамоты называютъ повинность, ложившуюся на всѣ хозяйства данной мѣстности, безъ изъятія. Такъ, удѣльный углицкій князь Дмитрій Юрьевичъ, жалуя въ 1434—1437 гг. Троицкій Сергіевъ монастырь нѣсколькими селами, деревнями и пустошами и освобождая жалуемыя земли отъ всякихъ повинностей, оговаривался: „опричь того дѣла, коли учнутъ городъ рубити, и имъ дѣлати же“ [1]). Великій князь Василій III, отдавая приказаніе о постройкѣ Ергольскаго яма, распоряжался, чтобы работа эта была выполнена всѣми бѣлозерскими сохами—„моими Великаго князя селчяны и митрополичи, и вла-

[1]) А. Э. I № 28.

дычными, и боярскими, и монастырскими, и черными, и оброчными, и всѣми безъ омѣны, чей кто ни буди“ [1]). Рѣшительное привлеченіе всего населенія къ повинности ставить укрѣпленія было, повидимому, характерной московской чертою. Въ Новгородѣ въ 1535 г., когда великій князь приказалъ поставить на Софійской сторонѣ „городъ деревянъ“, и къ отбыванію этой повинности было привлечено и духовенство, лѣтописецъ съ нѣкоторымъ укоромъ замѣчаетъ, что доселѣ „священнаго лика никакоже съ простою чадію ни въ какихъ дѣлѣхъ не совокуплялиˮ. „И оттолѣ, прибавляетъ онъ, той обычай уставили, и на самого архіепископа Макарія урокъ учиниша, также и на весь священный ликъ, на церковные соборы урокъ учиниша; также и на гости наметаша и на вся люди градскія урокъ учиниша, елико достоитъ“ [2]).

Появленіе и утвержденіе общаго термина „посоха“ свидѣтельствуетъ и о появленіи извѣстной общей идеи, обозначаемой этимъ собирательнымъ терминомъ. Обозначая имъ древнія „подводы и городное дѣло“, хотятъ придать отбыванію этихъ повинностей особую принципіальность, направляемую противъ удѣльныхъ пережитковъ, противъ стремленія отгораживаться отъ своихъ сосѣдей льготными изъятіями. Въ принципіальной территоріальности посохи, проводимой по требованію княжеской власти, выражается ея очень существенная черта, вскрывающая ея общественное значеніе.

Въ идеѣ территоріальнаго универсализма не было ничего исключительнаго и новаго. Тотъ же самый мотивъ давно развивался въ между-княжескихъ договорахъ по отношенію къ боевымъ слугамъ. Обязанные вообще служить извѣстному князю независимо отъ мѣстоположенія своихъ земельныхъ владѣній въ разныхъ удѣлахъ, бояре и дѣти боярскіе, въ случаѣ нашествія врага на территорію удѣла, въ которомъ находились ихъ владѣнія, должны были участвовать въ оборонѣ именно по мѣсту владѣнія. „А городная осада, гласятъ договоры, кто гдѣ живетъ, тому туто и сѣсти въ осадѣ, опрочь бояръ введенныхъ и путниковъ“—формула, повидимому, навязываемая Моск-

[1]) А. Э. I № 156, ср. №№ 182, 206, 233, 273, 299; А. И. I № 259 и др. Ср. Сборникъ Муханова №№ 283, 309.

[2]) П. С. Р. Л. т. VI с. 293.

вой мелкимъ удѣльнымъ князьямъ на смѣну старому принципу чисто личныхъ отношеній княжескихъ слугъ со своими государями[1]). Болѣе чѣмъ естественно, конечно, что та же идея должна была получить свое выраженіе и въ отношеніяхъ великаго князя къ крестьянскому населенію при организаціи „посохи“, когда потребовалось привлечь его къ устройству мѣстной обороны.

Легко понять, какое огромное значеніе должно было имѣть систематическое установленіе этой повинности и ея регламентація. Въ зависимости отъ своихъ силъ и характера оборонительныхъ задачъ извѣстнаго района посады и уѣзды то добиваются своего отдѣленія, „отписки“, въ отбываніи городового дѣла, то приписки къ другимъ посадамъ и уѣздамъ. Такъ, Пошехонье приписывалось то къ Бѣлоозеру для возведенія бѣлозерскихъ укрѣпленій, то къ Романову. Когда въ 168 (1660) г. велѣно было построить въ Угличѣ новый городъ силами Углича, Ростова, Романова, Кашина, Мологи и Устюжны, романовцы жаловались на то, что „прежде сего на Романовѣ городовое дѣло дѣлали городомъ Романовымъ и Романовскимъ уѣздомъ да Пошехоньемъ, и въ Литовское разоренье въ осадѣ сидѣли Романовцы и Пошехонцы въ Романовѣ же; а на Угличѣ де городового дѣла не дѣлывали и въ осадѣ не сиживали“ [2]). Къ отбыванію городовой повинности въ древности привлекались, повидимому, и бѣлые дворы, не несшіе другихъ повинностей. Такъ, въ Можайскѣ въ 104—106 (1596—1598) гг. въ писцовую книгу внесены „на посадѣ слободки монастырскія, а въ нихъ живутъ торговые и мастеровые молодшіе люди, а съ посадскими съ черными людьми тягла не тянутъ опричь городового дѣла“. Въ нѣкоторыхъ писцовыхъ наказахъ относительно бѣлыхъ дворовъ содержится такая оговорка: „...тѣ дворы писати... бѣлыми жъ дворы, и въ сошное письмо тѣхъ дворовъ не класти и оброковъ съ нихъ не писати опричь городовыхъ подѣлокъ, которыя емлютъ со всѣхъ сохъ“ [3]). Точку зрѣнія населенія отлично выразили въ своихъ рето-

---

[1]) Напр., С. Г. Г. Д. I №№ 78,79 и мн. др.

[2]) С. Б. Веселовскій „Новые акты Смутнаго времени“ № 72 и его же „Сошное письмо“ I с. 255—256, 330.

[3]) С. Б. Веселовскій „Акты писцоваго дѣла“ I № 257 с. 540 и „Сошное письмо“ I с. 272—274.—Обычная формула сбора посохи, постоянно повторяемая въ XVI—

рическихъ вопросахъ правительству выборные на соборѣ 1566 г.: „...городомъ какъ безъ земли быти, и село безъ деревень покинути?“ [1]).

Такъ намѣтилась еще въ XV вѣкѣ въ порядкахъ отбыванія нѣкоторыхъ повинностей вторая очень важная идея, на которой будетъ строиться московскій государственный порядокъ,—идея отбыванія нѣкоторыхъ повинностей на основаніи обязательной территоріальной разверстки.

Третья общая идея московскаго сошнаго письма, идея централизаціи всѣхъ финансовыхъ расчетовъ въ Москвѣ, растетъ на иномъ историческомъ корнѣ. Она намѣтилась еще въ XIV в. около разверстки ордынскаго „выхода“ между отдѣльными княженіями черезъ посредство московскаго великаго князя. Около разверстки выхода должна была сложиться въ Москвѣ и первая организованная система финансовой бухгалтеріи и отчетности. Съ организаціей выхода же были связаны и первыя систематическія описанія русскихъ княженій, то „письмо“, свѣдѣнія о которомъ идутъ съ XIII вѣка. Разъ сложившись, система эта должна была поддерживаться непрерывно во имя интересовъ самихъ московскихъ князей, и развитіе ея, конечно, не прерывалось ни въ XIV ни въ XV вв., преемственно перейдя въ тотъ порядокъ письма, который мы застаемъ въ концѣ XV в. въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ: сосредоточеніе въ своихъ рукахъ уплаты выхода было лучшимъ средствомъ укрѣпленія за Москвой великорусской гегемоніи. Около вопроса объ уплатѣ выхода наблюдаемъ закрѣпленіе и нѣкоторыхъ частичныхъ положеній. Такъ, очень явственно выражается мысль о неприкосновенности нѣкоторыхъ группъ плательщиковъ, числящихся въ Ордѣ на особомъ учетѣ, такъ называемыхъ „числяковъ и ордынцевъ“; наблюдаемъ также борьбу съ образованіемъ на южной окраинѣ русскихъ поселеній особыхъ слободъ, уклонявшихся отъ платежей, благодаря покровительству татарскихъ вельможъ: Орда становится въ этомъ

XVII вв., требуетъ созыва дѣловцовъ „противъ платежныхъ книгъ со всякихъ людей и со лготчиковъ и съ тарханщиковъ со всѣхъ безъ обходу, чей кто ни буди, чтобы... никаковъ человѣкъ противъ платежныхъ книгъ въ избылыхъ не былъ“. См., напр., нашу работу „Засѣчная черта Московскаго государства въ XVII в.“ с. 112 и др.

[1]) С. Г. Г. Д. I № 192.

случаѣ на сторону князей, видя въ нихъ проводниковъ своей власти и своихъ интересовъ [1]).

Такъ намѣчались и выражались по частямъ тѣ мотивы, изъ которыхъ позднѣе сложилась система московскаго сошнаго письма: Сильное движеніе развитію финансовой политики Московскаго государства должно было сообщить въ концѣ XV в. присоединеніе къ Москвѣ огромныхъ новгородскихъ владѣній. Включеніе въ предѣлы московскихъ владѣній десятковъ тысячъ дворовъ новгородскаго крестьянства должно было дать особенно энергичный толчокъ и признанію со стороны московской власти за основной мотивъ податной экспертизы того начала, которое лежало въ основѣ мірского оклада, начала развёрстки тягла „по силамъ", т. е., прежде всего, по пашнѣ: изъ конкретнаго правила мірской раскладки Московское государство дѣлаетъ общій принципіальный тезисъ, сообщающій особое значеніе и тому территоріальному началу посохи, которое мы отмѣтили въ удѣльную эпоху.

Итакъ, въ пріемахъ мірской поземельной развёрстки тягла, въ организаціяхъ посохи и выхода, можно подмѣтить проявленіе тѣхъ тенденцій, которыя позднѣе мы встрѣтимъ въ московскомъ сошномъ письмѣ, но пока въ нерѣшительной и невыдержанной формѣ. Эти три разрозненныя идеи должны были встрѣтиться и слиться въ одномъ общемъ синтезѣ для того, чтобы получилась та система, которую мы застаемъ въ дѣйствіи въ половинѣ XVI вѣка. Территоріальный принципъ „посохи", приложенный къ денежному сбору, разверстанному на всѣ владѣнія московскаго государя, какъ развёрстывался выходъ, при чемъ въ основу раскладки полагалось мірское начало соотвѣтствія размѣровъ платежей и повинностей количеству пашни, по учитываемой не по отдѣльнымъ хозяйствамъ, а по комплексамъ хозяйствъ, — такова принципіальная схема сошнаго письма въ его вполнѣ сложившейся формаціи. Для того, чтобы начала эти могли слиться въ тотъ сплавъ, который мы наблю-

---

[1]) Развёрстку выхода см. въ духовныхъ московскихъ князей, напр., въ духовной Дмитрія Донского — С. Г. Г. Д. I № 34. См. П. С. Р. Л. т. I с. 458, т. VII с. 176-178, т. IX с. 211, т. X с. 162, т. XV с. 266, т. XVIII с. 79.

даемъ въ законченномъ видѣ въ системѣ сошнаго письма XVI—XVII вв., они должны были получить свой юридическій и политическій базисъ, свое принципіальное прикрытіе въ нѣкоторыхъ общихъ идеяхъ. Эти скрѣпляющія идеи пришли, однако, не изъ области финансовой техники, а родились изъ того перелома, который переживала вотчина московскихъ государей, превращавшаяся изъ Московскаго княжества въ Московское государство. Механическое и спорадическое вдвиганіе того или иного принципа смѣняется теперь подъ вліяніемъ этого общаго перелома органическимъ перерожденіемъ всей финансовой системы. Идеями, при помощи которыхъ въ Москвѣ XV и XVI вв. осмысливали переживавшійся переломъ, были два со стихійной мощью, не планомѣрно, а толчками, отрывисто развертывавшихся мотива, никогда не выраженныхъ въ видѣ общаго теоретическаго постулата, но на каждомъ шагу сквозящихъ изъ безчисленныхъ частныхъ мѣръ. Это были: 1) идея права московскаго государя на в с ю подвластную ему территорію, безразлично была ли она унаслѣдована отъ далекихъ предковъ, захвачена обманомъ, пріобрѣтена дареніемъ, куплена, завоевана силой оружія или присоединена по доброй волѣ своихъ прежнихъ владѣльцевъ, и 2) идея права московскаго государя на распоряженіе силами и судьбою всего населенія, живущаго на подвластной ему территоріи.

Воплощенія обѣихъ идей были очень различны, у каждой были свои собственныя формы внѣшняго выраженія, но идеи эти легко скрѣплялись и срастались. Для обѣихъ характерна энергія и широта общихъ, правда, обычно умолчанныхъ посылокъ и сравнительная узость и неравномѣрность практическаго и техническаго выраженій. У каждой изъ нихъ была и своя историческая судьба. Сила каждой въ извѣстный моментъ опредѣлялась совпаденіемъ ея съ интересами той или иной крупной общественной группы или даже всего великорусскаго общества. Именно эти двѣ правовыя идеи сообщили сознательность и оріентировку тѣмъ разрозненнымъ общимъ тенденціямъ, которыя мы встрѣчаемъ въ финансовой организаціи Московскаго княжества еще въ XV и даже въ XIV вв., превративъ ихъ въ извѣстную планомѣрную и установившуюся с и с т е м у сошнаго письма. Своеобразно воплощавшія идею суверенитета Московскаго государства общія посылки, при-

дали устойчивость и выдержку прежнимъ разрозненнымъ и неувѣреннымъ въ себѣ порывамъ.

Уже князья Кіевской Руси считали всю русскую землю своей „дѣдиной“, фамильнымъ и коллективнымъ своимъ достояніемъ, но для того, чтобы эта юридическая претензія получила реальное значеніе, она должна была переработаться въ сухое и жесткое индивидуалистическое, упрямо натверживаемое право князя сѣверной Руси на территорію своего удѣла. Эта глухая оборонительная идея удѣльныхъ вѣковъ оживаетъ и расцвѣтаетъ, придя въ соприкосновеніе съ просыпавшимся національнымъ чувствомъ, прилѣпившимся къ образу московскаго государя: идея правъ московскаго государя на всю великорусскую территорію была нарядомъ, въ который стало рядиться пробуждавшееся народное чувство. „Вотчина“ Ивана III — уже аггрессивное понятіе и боевой кличъ, съ которымъ ведется наступленіе на послѣдніе удѣлы и даже на зарубежныя литовскія владѣнія. Устами Ивана III говорила вся великорусская народность, для которой сомкнуться и сплотиться было злобой дня. „Ано и не то одно наша отчина, кои городы и волости нынѣ за нами: и вся Русская земля изъ старины отъ нашихъ прародителей наша отчина“,—этотъ припѣвъ не декоративная фраза, не реторическій орнаментъ политической идеологіи, это—выраженіе силы, требующей своего принципіальнаго признанія, сочувствія и содѣйствія, сознающей свое значеніе, посылающей вызовъ и готовой отвѣтить за себя и свою претензію.

Могучая „земельная“ идея нигдѣ не получила отчетливой и законченной формулировки, но она смотритъ на насъ изъ безконечной цѣпи частныхъ мѣропріятій и отдѣльныхъ выраженій, давая на каждомъ шагу побѣги соціальные и административно-техническіе, амальгамируясь съ конкретными мѣстными вопросами, отъ нихъ и черезъ нихъ получая свою реальную и практическую силу. Лишенная теоретической симметріи, она развертывается и разгорается, какъ языки пламени, то въ одномъ, то въ другомъ направленіи. Смотря по обстоятельствамъ и ходу дѣлъ, эта идея пріобрѣтаетъ то наступательный и задорно-полемическій, то оборонительный, то устрояющій и практическій смыслъ.

Во имя этой идеи развиваетъ свою политическую программу московская дипломатія, требуя включенія во владѣнія Ивана III верхне-окскихъ княженій, и во имя ея Москва сокрушаетъ новгородскую независимость и поглощаетъ послѣднія удѣльныя княженія, выметая при Василіи III остатки удѣльнаго сора. Та же идея служитъ основаніемъ для широкихъ земельныхъ конфискацій, которыми сопровождалось овладѣніе территоріей Новгорода и Пскова, завершившихся огромными экспропріаціями опричнины. Въ болѣе мягкихъ и сдержанныхъ формахъ она даетъ себя чувствовать въ стѣсненіяхъ, направленныхъ на княженецкое землевладѣніе и на духовныя вотчины, и въ поддержкѣ нужной государству родовой земельной собственности. Въ формѣ мысли о неприкосновенности и охранѣ государственной территоріи она выражается и въ постепенно укрѣпляющемся порядкѣ единонаслѣдія въ династической средѣ. Но всего выразительнѣе она развертывается въ могучемъ развитіи теоріи и практики помѣстнаго землевладѣнія и въ подчиненіи всего служилаго землевладѣнія порядку обязательной службы.

Поддерживаемая національнымъ чувствомъ въ вопросахъ о присоединеніи новыхъ удѣловъ, эта идея скрѣпляется съ династическимъ интересомъ въ вопросѣ о престолонаслѣдіи, съ интересомъ служилаго рода въ вопросахъ наслѣдственнаго права, но чаще всего — съ интересами боевой военно-служилой массы дворянскаго воинства, стягивавшагося въ Москву изъ присоединяемыхъ удѣловъ и сливавшагося здѣсь въ однородную среду, верхи которой концентрировались около особы государя. Въ интересахъ этой служилой массы производятся огромныя конфискаціи, на ея нетребовательность и на ея дисциплинированность разсчитано демократическое помѣстное право.

Параллельно съ этой идеей права государства на землю, сплетаясь съ нею, ее отчасти дополняя, отчасти практически интерпретируя, развивается идея права государства на людей, на распоряженіе ихъ силами и участью. Завязи и этой идеи на каждомъ шагу встрѣчаются въ удѣльные вѣка, корни ея—въ той заботливости, съ какой княжеская власть оберегаетъ подвластное ей населеніе своего удѣла. Но въ удѣльное время право это парализовалось въ своемъ развитіи, во-первыхъ, невозмож-

ностью особенно нажимать на населеніе вслѣдствіе близости границы чужихъ владѣній и, во-вторыхъ, договорными отношеніями между князьями и ихъ боевыми слугами. Теперь мы встрѣчаемся съ принципіальнымъ утвержденіемъ и проявленіемъ этого права: государство безпощадно борется съ боярскими отъѣздами, тысячами перекидываетъ на новыя мѣста населеніе изъ вновь присоединяемыхъ областей, начинаетъ частично стѣснять свободу перехода крестьянъ, накладываетъ руку на вѣковѣчный институтъ холопства и т. д.

„И ты бы, наставляетъ Иванъ III рязанскую великую княгиню Аграфену, ...лутчихъ бы еси людей и середнихъ и черныхъ торговыхъ на Донъ не отпущала ни одного человѣка того дѣля: занежъ твоимъ людемъ служилымъ, бояромъ и дѣтемъ боярскимъ и селскимъ людемъ служилымъ быти имъ всѣмъ на моей службѣ. А тѣмъ торговымъ людемъ, лутчимъ и середнимъ и чернымъ, быти имъ у тебя въ городѣ. А заказала бы еси своимъ людемъ лутчимъ и середнимъ и молодымъ накрѣпко, чтобы нынѣ на Донъ не ходили; а ослушаетца, а пойдетъ кто безъ твоего вѣдома, и ты бы тѣхъ людей велѣла ворочати да ихъ бы еси велѣла казнити. А уѣхалъ будетъ которой человѣкъ на Донъ безъ твоего вѣдома послѣ заповѣди, и которого у того человѣка остались на подворьѣ жона и дѣти, и ты бы тѣхъ велѣла казнити, а не учнешь ты тѣхъ людей казнити, ино ихъ мнѣ велѣти казнити и продавати“ [1]). Въ этомъ наставленіи развернута та программа, которую московское правительство проводило молча въ своихъ домашнихъ дѣлахъ, не задавая себѣ задачи отчетливо формулировать ее для своего населенія.

Длительное и настойчивое развертываніе этихъ двухъ идей, то порознь, то въ связи и сочетаніи, было тѣмъ базисомъ, на которомъ развивалась вся разрушительная и созидательная политика Московскаго государства. Формы ихъ практической постановки очень различны по своей технической выработкѣ: такъ, сравнительно съ тусклымъ и дремлющимъ правомъ

---

[1]) С. Р. И. О. т. 41 № 83. Частично тѣ же мотивы звучатъ еще въ договорныхъ грамотахъ удѣльнаго времени, но тамъ у нихъ нѣтъ этого размаха.

московскаго государя на землю сѣвернаго крестьянина, быстро привыкшаго повторять, какъ крестное знаменіе, при каждомъ удобномъ случаѣ—формулу „земля великаго государя, а моего владѣнія“, право помѣстнаго землевладѣнія имѣетъ несравненно болѣе жесткій, отчетливый, болѣе „кованый“ характеръ. Однако, корень, изъ котораго вырастаютъ обѣ программы, одинъ и тотъ же.

Развертываніе этихъ двухъ идей не могло, конечно, не повліять на логику пріемовъ обложенія: слишкомъ многочисленны были случаи ихъ скрещенія съ вопросами податной техники. Дѣйствіе этихъ общихъ идей должно было выразиться въ приданіи размаха и энергіи тѣмъ чертамъ, которыя выше были отмѣчены въ финансовыхъ порядкахъ удѣльной эпохи: мотивамъ систематической оцѣнки платежныхъ силъ населенія, территоріальной разверстки обложенія и централизаціи финансовыхъ расчетовъ.

Практически выработка новыхъ финансовыхъ схемъ должна была совершиться подъ вліяніемъ крупныхъ предпріятій Московскаго государства, развивавшихся въ XVI вѣкѣ, въ родѣ Казанскихъ походовъ [1]), Ливонской войны[2]), организаціи засѣчной черты[3]), огромныхъ пересадокъ и испомѣщеній служилаго люда, перебрасыванія посадскаго населенія, административной реорганизаціи вновь присоединяемыхъ владѣній и т. д.

Искать ключъ къ системѣ сошнаго письма, къ его общимъ соображеніямъ, въ какихъ-нибудь декларацiяхъ московскаго правительства совершенно напрасно: общія соображенія неизмѣнно подразумѣвались и умалчивались. Но мы можемъ уловить впечатлѣніе отъ московскаго сошнаго письма, когда оно приносилось московскими администраторами въ новый районъ. Характерно, что современники воспринимали актъ „положенія“ въ московскія сохи, какъ своего рода юридическій переломъ въ укладѣ мѣстныхъ порядковъ, затрагивавшій не только ихъ карманные интересы, но задѣвавшій и ихъ правовыя понятія. Описаніе „по-московски въ сохи“

---

[1]) См., напр., А. Э. I № 205.

[2]) П. С. Р. Л. IV с. 312-313.

[3]) См. нашу работу „Засѣчная черта Московскаго государства въ XVII в.“, гл. II-я.

отмѣчается лѣтописцами, какъ важное событіе [1]). Такъ, когда въ 1478 г. Москва присоединяла Новгородъ, и великій князь устраивалъ обложеніе новыхъ земель, онъ потребовалъ отъ новгородцевъ, чтобы „имати ему одиnова на годъ дань съ сохи по полугривнѣ со всѣхъ волостей Новугородскихъ, и на Двинѣ, и въ Заволочьѣ, на всякомъ кто ни пашетъ землю, и на ключникехъ, и на старостехъ, и на одерноватыхъ". Новгородскій владыка билъ тогда челомъ о томъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, не посылались въ Новгородскія земли московскіе писцы и данщики, „понеже христіаньству то тяжко,—положилъ бы государь на Новгородскую душю, а скажутъ всѣхъ, колко у кого сохъ будетъ, да сами, собравъ дань, отдадутъ по крестному цѣлованью безъ хитрости тому, кому великіе князи прикажутъ отдати въ Новѣгородѣ; а кто утаитъ хотя одну обжу, а уличимъ его, и мы того скажемъ своимъ государемъ, и великіе князи того казнятъ". Челобитье это великій князь удовлетворилъ [2]). Въ Псковѣ населеніе встрѣтилось съ московскими требованіями въ иной формѣ. Въ 1496 г. великій князь потребовалъ съ псковичей посоху— „чтобы отчина моя Псковичи послужили бы мнѣ на Свею на Нѣмцы". Псковичи „ялися въ помощь великому князю Ивану Васильевичу", „срубили съ десяти сохъ человѣкъ конный" и рѣшили привлечь къ отбыванію этой повинности и духовенство— „да и со священниковъ и со діяконовъ почали рубити". Приводимъ разсказъ лѣтописца о разыгравшемся конфликтѣ. „И священники нашли въ Правилѣхъ Святыхъ Отецъ въ Манаканунѣ, что написано, яко не подобаетъ съ церковной земли рубитися; и посадники Псковскіи и со Псковичи, а въ степени тогда былъ посадникъ Яковъ Аѳонасьевичъ Брюхатой да Васплей Опимаховичь, и учали силно дѣяти надъ священники, и лазили многажды на сѣни и въ вѣчьи, и опять въ вѣчье влѣзли и хотѣли поповъ кнутомъ избезчествовати, Ивана священника Рожественскаго и Андрѣя, и въ одныхъ рубахахъ стояли на вѣчѣ, и иныхъ всѣхъ поповъ и діаконовъ изсоромотиша" [3]). Въ такую своеобраз-

---

[1]) Для Твери, напр., съ 1492 г.—П. С. Р. Л. т. VIII с. 223 и т. XII с. 232.
[2]) П. С. Р. Л. т. VI с. 217, т. VIII с. 195-196, т. XII с. 184.
[3]) П. С. Р. Л. т. IV с. 269, т. XII с. 265.

ную форму вылилась въ Псковѣ новая податная идея московской политической программы.

Понятно, что распространеніе системы сошнаго письма по территоріи московскихъ владѣній не могло имѣть особенно быстраго темпа. Система эта вводилась, по мнѣнію ея изслѣдователя, около полустолѣтія съ разной быстротой. Всего энергичнѣе она развивалась на земляхъ служилаго населенія и на монастырскихъ, окруженныхъ служилыми землями. Зависѣло это, вѣроятно, отъ того, что, при наличности служилаго населенія, у власти были въ мѣстности готовые проводники, и, кромѣ того, какъ ниже увидимъ, здѣсь возникали и нѣкоторые особые болѣе острые вопросы[1]).

Черезъ посредство формулъ сошнаго письма получала въ значительной мѣрѣ свою житейскую и практическую постановку идея государственнаго суверенитета, перерождавшаяся изъ стихійнаго и безпорядочнаго порыва въ систему, въ устроенный и признанный порядокъ. Сошное письмо стало выраженіемъ этой идеи въ особомъ сложномъ обрядѣ, и благодаря въ значительной мѣрѣ проведенію именно этого обряда, право государства на распоряженіе своей территоріей и своимъ населеніемъ превратилось въ реальный фактъ. Сошное письмо было развитіемъ и самоутвержденіемъ государственнаго начала, получавшаго свою оболочку изъ новаго сочетанія уже давно порознь дѣйствовавшихъ, давно опредѣлившихся чертъ удѣльнаго быта. Вотъ почему принципіальная сторона сошнаго письма никогда не была оформлена и никогда не была оправлена въ спеціальную догму. Кругъ этихъ идей выражался не въ видѣ законченныхъ общихъ тезисовъ, а въ системѣ практическихъ выводовъ и слѣдствій, въ мелкихъ, но цѣпкихъ житейскихъ мѣропріятіяхъ. Несмотря на пестроту и разнокалиберность своего практическаго выраженія,

---

[1]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо“ т. II с. 352. Процессъ этотъ имѣлъ иногда боевое значеніе еще и въ XVII в. Характеренъ, напримѣръ случай Калужскаго посада, положеннаго въ оброкъ Когда въ 140-мъ году собирали посоху, Калужскій посадъ велѣно было ради этого сбора, „для посохи“, положить въ сошное письмо. Жалуясь на разбродъ посада и на непосильность потребованной посохи, калужане писали: „...Да на насъ же сиротахъ, послѣ пожару по твоему государеву указу доправлено за городъ 1326 рублевъ, а въ сохахъ, государь, мы, сироты твои, искони бѣ не бывали, кромѣ оброку...“ (А. М. Д. № 40762—140 г. № 125).

сошное письмо послѣдовательно и упорно развивало и осуществляло вложенную въ него государственную идею, противопоставляя ее всякому частному интересу; система этого выраженія мѣшала государственному началу слиться съ частнымъ интересомъ и раствориться въ немъ; она помогала удержать и оборонять позицію государства въ финансовыхъ вопросахъ въ теченіе почти полутора столѣтія, пока развитіе общественныхъ отношеній и ростъ государственныхъ техническихъ средствъ не выдвинули на очередь другихъ пріемовъ.

Итакъ, въ замыкающія писцовое описаніе формулы сошнаго письма, столь сухія и безжизненныя по внѣшнему виду, вкладывалось сложное внутреннее содержаніе: въ шелухѣ этихъ обрядовыхъ формулъ вынашивалось и выращивалось важное политическое зерно; сила сошнаго письма была не въ счетоводныхъ выкладкахъ, а именно въ этой незримой и невысказанной сущности его. Получая значеніе отъ воплощенной въ немъ государственной идеи, сошное письмо своей цѣнкой и размѣренной практикой придало государственной идеѣ извѣстную устойчивость, практически оформило и консолидировало ее, дало ей нѣкоторое общепринятое и общепонятное внѣшнее выраженіе.

Практическое развитіе и воздѣйствіе сошнаго письма было связано съ развитіемъ той соціальной программы, которой держалось московское правительство по отношенію къ служилой и по отношенію къ черной землѣ. Развитіе этой соціальной программы влекло за собой и соотвѣтствующую интерпретацію схемъ сошнаго письма и извлеченіе изъ его предпосылокъ новыхъ выводовъ, то смягчавшихъ, то усиливавшихъ общія директивы податной политики Московскаго государства.

Въ своемъ дѣйствіи и развитіи система сошнаго письма интересна со слѣдующихъ сторонъ: 1) какъ система правительственной техники и аппаратъ центральнаго управленія, 2) какъ система воздѣйствія на служилое общество, постепенно перерабатывавшаяся этимъ обществомъ согласно его собственнымъ интересамъ, и 3) какъ система воздѣйствія на черное и посадское населеніе.

2. Система сошнаго письма, какъ выраженіе общихъ началъ московской финансовой политики.

Итакъ, система сошнаго письма развила, оформила и связала нѣкоторые мотивы, замѣтные уже въ финансовыхъ порядкахъ удѣльнаго времени. Совершенно не касаясь счетоводной техники сошнаго письма, съ такой настойчивостью и успѣхомъ изученной въ рядѣ работъ, ей посвященныхъ, и, въ частности, въ изслѣдованіи С. Б. Веселовскаго,[1]) отмѣтимъ наиболѣе общія черты этой системы, слѣдуя порядку ихъ значенія. Это: 1) смѣтно-раскладочный мотивъ обще-государственнаго распредѣленія податныхъ заданій[2]), 2) мотивъ разверстки податныхъ требованій на территоріальномъ началѣ и 3) мотивъ систематической податной экспертизы податныхъ единицъ. Эти три мотива послѣдовательно развиваются въ разныхъ варіантахъ и комбинаціяхъ и на служилой, и на черной землѣ, и на посадахъ, и въ дворцовыхъ волостяхъ, при чемъ сообразно особымъ условіямъ въ каждомъ случаѣ они осложняются нѣкоторыми дополнительными чертами вспомогательнаго характера. Разсмотримъ сначала эти мотивы порознь въ ихъ наиболѣе общей формѣ.

Основнымъ мотивомъ, около котораго развивалась вся система сошнаго письма, былъ, несомнѣнно, мотивъ разверстки назначавшихся изъ центра финансовыхъ требованій между отдѣльными частями государственной территоріи и отдѣльными группами населенія. Система сошнаго письма съ этой точки зрѣнія была для приказнаго финансиста, раскидывавшаго по ней свои расчеты, своего рода камеръ-обскурой. Пользуясь обычнымъ терминомъ того времени, этотъ смѣтно-раскладочный мотивъ можно назвать „разводомъ“ — въ отличіе отъ разверстки податного оклада въ предѣлахъ извѣстной мѣстности, обычно обозначавшейся терминомъ „разрубъ“ или „разметъ“. Мысль о такомъ назначеніи системы сошнаго письма ясно выражена въ предложеніи Стоглава (1551 г.) организовать сборъ

[1]) О порядкѣ введенія большой сохи, въ которой воплотились идеи московскаго сошнаго письма, см. рядъ интересныхъ наблюденій въ его „Сошномъ письмѣ“, напр., т. I с. 198, 208, т. II с. 427—430.

[2]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо“ т. I с. 224.

полоняничныхъ денегъ такимъ образомъ, чтобы, „сколько годомъ того плѣннаго окупу изъ царевой казны разойдется, и то раскинути на сохи по всей землѣ“ [1]). Черезъ 80 лѣтъ послѣ Стоглава, намѣреваясь назначить экстренные сборы на Смоленскую войну (1633 г.), московское правительство точно такъ же соображаетъ, „сколько во всемъ государствѣ живущихъ сохъ“ [2]). Разводъ состоялъ въ рѣшеніи правительствомъ задачи на тройное правило: окладъ платежа извѣстной платежной единицы долженъ былъ такъ относиться къ общему окладу всего государства, какъ формула сошнаго оклада данной податной единицы относилась къ общему сошному итогу всего государства. Запасъ писцовыхъ книгъ давалъ правительству въ руки расчетную таблицу, на основаніи которой изъ центра можно было производить податную разверстку. На практикѣ разводъ обставлялся всевозможными коррективами: въ расчетъ принимались разореніе, миграція населенія, спеціальныя повинности, падавшія на данную мѣстность, и т. д. Въ финансовой системѣ московскаго правительства можно отмѣтить нѣкоторую тенденцію къ фиксаціи окладовъ, падавшихъ на отдѣльныя сохи. Такъ, къ концу XVI в. на помѣстныхъ, вотчинныхъ и монастырскихъ земляхъ были фиксированы три общихъ постоянныхъ налога: памѣстничъ кормъ по 42 ал. 4 д., ямскія деньги по 10 р. и полоняничныя деньги по 2 р.,—всего по 13 р. 9 ал. 2 д. съ сохи. Но эта тенденція не имѣла большого распространенія, и большая часть податныхъ заданій, разверстывавшихся на основаніи системы сошнаго письма, носила измѣнчивый, колеблющійся характеръ. Да и самая система сошнаго письма никогда не имѣла значенія счетоводной монополіи: значительная часть сборовъ и повинностей вообще не входитъ въ схему платежей, раскладывавшихся на основѣ системы сошнаго письма.

Возможность приводить при помощи системы сошнаго письма податныя выкладки какъ бы къ одному знаменателю и развивать на этой основѣ нѣкоторые общіе расчеты была крупнымъ

---

[1]) Стоглавъ, изд 1911 г., с. 155 156 Образцы такъ называемыхъ „розводныхъ“ и „розрубниковъ“ см. въ А. Ю. Б. т III, №№ 302, 306. Ср. М. М. Богословскій „Земское самоуправленіе на Сѣверѣ“ т. II, прилож. № 4.

[2]) А. М. Г. П № 571.

успѣхомъ на пути финансоваго самоопредѣленія государства, хотя логика сошнаго развода отдѣльныхъ налоговъ была непохожа на современныя бюджетныя операціи, въ которыхъ расчеты развиваются около общаго годичнаго баланса прихода и расхода.

Второй мотивъ системы сошнаго письма — стремленіе произвести разверстку податныхъ требованій на территоріальной, а не на личной или сословной основѣ: въ принципѣ всѣ должны были платить по мѣсту владѣнія землей и пропорціонально этому владѣнію, хотя и по разнымъ податнымъ тарифамъ для разныхъ группъ плательщиковъ. Мы видѣли, что этотъ мотивъ при своемъ первоначальномъ приложеніи имѣлъ боевой характеръ и встрѣчался съ оппозиціей нѣкоторыхъ группъ населенія. Во вторую половину XVI в. и въ XVII в. правительству при отсутствіи принципіальныхъ протестовъ со стороны населенія все же приходится поддерживать это начало съ извѣстнымъ усиліемъ, противодѣйствуя непрерывной тенденціи отдѣльныхъ плательщиковъ стать въ обособленное положеніе, оторвавшись отъ окружающей среды и обезпечивъ себѣ прямыя и непосредственныя отношенія съ центральною властью. Если власть и идетъ на уступки въ отдѣльныхъ случаяхъ, то дѣлаетъ это во имя какихъ-нибудь своихъ выгодъ, рѣшая каждый индивидуальный случай самостоятельно. Территоріальный мотивъ никогда не былъ проведенъ съ формальнымъ ригоризмомъ современнаго земельнаго обложенія, но, тѣмъ не менѣе, податныя схемы развиваются все время подъ его давленіемъ: если мы и встрѣчаемъ отклоненія, какъ, напримѣръ, въ сборѣ Приказа с. р. л. въ 146—147 (1638—1639) гг., то эти отклоненія имѣютъ характеръ не льготнаго изъятія, а, наоборотъ, болѣе энергичнаго нажима на привилегированныя группы населенія.

Третій мотивъ, развиваемый посредствомъ финансовыхъ схемъ сошнаго письма, — мотивъ обязательной платежной экспертизы, производимой агентами центральной власти относительно платежныхъ силъ какъ отдѣльныхъ плательщиковъ, такъ и цѣлыхъ совокупностей ихъ. Обрядъ этой податной экспертизы, прохожденіе черезъ который реально или потенціально было и обязанностью и правомъ каждаго плательщика, „сошное письмо“ въ

собственномъ смыслѣ, есть самая осязательная и своеобразная черта сошной системы, наиболѣе выразительно представленная въ памятникахъ исторіи письма Московскаго государства, то, что можно назвать его обычнымъ правомъ. Сошное письмо оставило огромный архивный матеріалъ, относящійся какъ къ итогамъ писцовой работы, такъ и къ самому теченію ея—переписку приказовъ съ писцами, наказы писцамъ и т. д. и т. д. Писцовая экспертиза представляетъ интересъ съ разныхъ сторонъ[1]) Отмѣтимъ слѣдующія черты ея: а) лежащую въ основѣ ея технику обмѣриванія распаханной площади и б) ея согласительно-договорный характеръ, в) ея обрядность, г) ея обязательность для обѣихъ сторонъ — для власти и для облагаемыхъ. Вглядѣвшись въ характерныя черты системы сошнаго письма, мы увидимъ, въ какой сложный узелъ понятій и пріемовъ переродилось древнее правило „посильности“, служившее руководствомъ въ удѣльную эпоху.

Обложеніе по сошному письму по внѣшности было обложеніемъ поземельнымъ, основаннымъ на измѣреніи распаханной площади. Но въ этой поземельности было много условнаго. Учетъ обрабатываемой площади, „пашни паханой“, имѣлъ очень грубый и приблизительный характеръ. Описаніе полагалось „на душу“, т. е. на совѣсть писца, при чемъ ему открывался широкій просторъ дѣйствовать, „какъ пригоже по тамошнему дѣлу“. Писецъ мѣрилъ не всю распаханную площадь, а только одну третью часть ея, оставшуюся подъ паромъ, не соображаясь съ тѣмъ, равна ли она геометрически двумъ остальнымъ полямъ. Едва ли не единственнымъ коррективомъ къ этому схематичному расчету было отнесеніе подъ самостоятельную рубрику такъ называемой „пашни наѣздомъ“. Понятны вытекавшія отсюда недоразумѣнія и споры по поводу того, напримѣръ, что писецъ иной разъ заносилъ въ итогъ правильнаго сѣвооборота „однохлѣбныя мѣста“, на которыхъ снимался только одинъ урожай—нерѣдкій случай при подсѣчномъ хозяйствѣ на сѣверѣ. Никакихъ техническихъ ука-

---

[1]) Истолкованіе этой стороны финансовой системы Московскаго государства издавна привлекало усиленное вниманіе и повело къ значительнымъ разногласіямъ въ нашей ученой литературѣ по частнымъ вопросамъ, которыхъ мы здѣсь не касаемся.

заній относительно того, какъ писцу разбираться въ хозяйственной оцѣнкѣ описываемой „пашни паханой“, инструкціи писцамъ не содержатъ. Дѣло ограничивается наставленіями самаго общаго характера въ родѣ того, напримѣръ, какое содержалъ наказъ тотемскимъ писцамъ о письмѣ и мѣрѣ: „вправду, понаметуя души свои и наше крестное цѣлованье, на чемъ вы намъ крестъ цѣловали, смотря по землѣ, и по нашему наказу, каковъ вамъ данъ..., смотря по землѣ и по угодью, и по людемъ, и по ихъ животомъ, и по промыслюмъ, и примѣряся къ прежнимъ писцовымъ и дозорнымъ книгамъ и къ сотнымъ грамотамъ, что-бъ впередъ было крѣпко и стоятельно, а посадскимъ бы людемъ и волостнымъ крестьяномъ... всякія подати платить было возможно, а что-бъ ихъ... во всякихъ податѣхъ не ожесточить и до конца-бъ тѣмъ ихъ не оскорбить...“ и т. д.[1]). Поэтому основной критерій обложенія, „пашню паханую“, слѣдуетъ считать не реальной величиной, а условнымъ податнымъ символомъ, въ которомъ синтетически сливались и находили свое выраженіе всевозможные критеріи податной энергіи данной платежной единицы. По мнѣнію новѣйшаго изслѣдователя, „пашня паханая“, полагаемая для тягла въ живущее сошное письмо, вовсе не была тожественной съ дѣйствительной запашкой тяглыхъ хозяйствъ во время описанія, а была условной величиной: вся система сошнаго письма являлась своеобразнымъ „компромиссомъ между старымъ строемъ субъективнаго оклада (т. е. посильностью тягла) и объективными нормами, которыхъ требовали развитіе и рость государственнаго обложенія и превращеніе сошнаго письма изъ мѣстныхъ окладныхъ и раскладочныхъ единицъ въ государственный кадастръ“[2]). Условность эта съ теченіемъ времени не исчезала, а усиливалась, и „пашня паханая“ все дальше и дальше отходила отъ учета размѣровъ дѣйствительной запашки облагаемыхъ хозяйствъ. Понятно, что система этихъ условныхъ податныхъ опредѣленій могла держаться лишь до тѣхъ поръ и постольку, поскольку эта податная квалификація опиралась на традицію и на прочное соглашеніе представителей центральной власти съ облагаемыми единицами: на почвѣ этихъ условностей открывался

[1]) С. Б. Веселовскій, „Акты писцоваго дѣла“ I № 129 с. 273.
[2]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо“ т. II с. 359—360.

широкій и часто соблазнительный просторъ для финансовыхъ агентовъ московскихъ государей[1]).

Условность счета живущей пашни осязательно выступаетъ наружу, когда писцу приходится таксировать случаи, отклоняющіеся отъ обычнаго шаблона. Такъ, напримѣръ, засѣчный сторожъ М. Григорьевъ получилъ на 106—113 гг. на льготныхъ условіяхъ въ Рязанскомъ уѣздѣ 20 четей дикаго поля, — „а какъ отойдутъ льготные годы, и ему платить съ живущаго съ 2 чети". Въ помѣстьѣ кн. Троекурова 100 четей дачи приравнены $4^3/_4$ чети пашни паханой. Мельница помѣщика И. Доможирова въ Нижегородскомъ уѣздѣ на р. Ворсмѣ приравнена 3 четвертямъ пашни паханой[2]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ живущая пашня приравнивалась $^1/_9$, $^1/_5$, даже $^1/_{30}$ земли, отводимой на льготныхъ условіяхъ.

Писцы, встрѣтившіе въ Ряжскомъ, Данковскомъ и Лебедянскомъ уѣздахъ однодворцевъ, были въ затрудненіи, какъ ихъ класть въ тягло—„на однодворцевъ сошнаго письма не смѣли не положить, потому что они прежъ сего въ сошномъ письмѣ были-жъ, а положили на однодворцевъ сошнаго письма до государева указа, какъ бы имъ, однодворцамъ, сошное письмо платить, на человѣка по четверику и по полуосминѣ и больше"[3]).

Условность этихъ расчетовъ и соглашеній особенно ясно выступаетъ при положеніи въ тягло посадовъ, на которыхъ „соха" и „четь пашни" были приравнены съ самаго начала извѣстнымъ количествамъ дворовъ. Такъ, Вяземскій посадъ на протяженіи двадцати трехъ лѣтъ (134—157 гг.) дважды подвергался податной переоцѣнкѣ. При описаніи 134 г. писецъ его кн. Ив. Волконскій разошелся со своимъ сотрудникомъ по письму подъячимъ Ел. Розпиковымъ въ вопросѣ о надбавкѣ тягла. Волконскій предлагалъ прибавить на Вязьму полсохи: „А сошнаго письма на тѣ на прибылые люди къ прежней къ полусохѣ не прибавити не мочно, А прибавити на порубежныхъ людей безъ государскаго велѣнья. только государь укажетъ, больше чети сохи не смѣю для того,

---

[1]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо" т. II с. 361—362.

[2]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо" т. II с. 424, 381.

[3]) И. П. Миклашевскій „Къ исторіи" и т. д. с. 43—45. Ср. С. Б. Веселовскій „Сошное письмо" т. II с. 84—85.

что устроены въ Вязьмѣ послѣ разоренья на посадскихъ мѣстахъ государевы ратные люди, стрѣльцы и казаки, и что посадскихъ же дворовыхъ тяглыхъ 142 мѣста и нынѣ пусты, и что прибавлено на нихъ государевыхъ всякихъ податей и лавочнаго оброка передъ прежними книгами съ прибылью; потому безъ государскаго велѣнья порубежнаго мѣста въ сошномъ письмѣ утяжелити не смѣю". Болѣе рѣшительный, чѣмъ кн. Волконскій, сотрудникъ его Ел. Розинковъ предлагалъ оцѣнить податныя силы Вязьмы втрое, даже вчетверо тяжеле: вмѣсто $^3/_4$ сохи почти въ 4 сохи. Въ 135 г. утвержденъ былъ расчетъ Волконскаго, т. е. $^3/_4$ сохи. Черезъ 17 лѣтъ, въ 153 г., вязьмичи, плохо справлявшіеся со своими платежами, били челомъ о новомъ дозорѣ. Дозоръ былъ произведенъ лѣтомъ того же 153 г., но въ теченіе всего слѣдующаго 154 г. шелъ торгъ вязьмичей съ приказомъ объ ихъ новомъ окладѣ. Докладъ приказа государю кончался вопросами: „противъ котораго города" (изъ приводимыхъ для сравненія) и по какимъ книгамъ, по дозорнымъ или по переписнымъ, класть вязьмичей въ тягло? Въ результатѣ была сдѣлана уступка вязьмичамъ, понижавшая ихъ окладъ приблизительно вдвое. Послѣ новыхъ хлопотъ вязьмичей черезъ годъ, въ 155 г., была сдѣлана еще уступка и опять на глазъ, а еще черезъ годъ, въ 156—7 гг., они добились и дальнѣйшаго пониженія сошнаго оклада, — положенія по 4 двора въ четь, что при приравненіи Вязьмы 60 четямъ давало вмѣсто $^3/_4$ сохи всего $^1/_3$ сохи: „запросивъ" съ Вязьмы окладъ въ 500 четей правительство помирилось подъ конецъ на 60 четяхъ[1]).

Операціи положенія посадовъ въ сошное письмо имѣли по внѣшности характеръ глазомѣра и произвола, и нормы, которымъ слѣдовали приказы, отличались совершенно фантастическимъ разнообразіемъ: въ посадскую „четь" клали и по $1^1/_4$ двора, и по $1^1/_2$, и по 2, и по 4, и 5, и по 8, и по 14, а при переводѣ четей въ сохи посадскія сохи оказывались положенными по расчету то въ 200 то въ 2400, то въ 3200, то въ 6400, то въ 16000 дворовъ на соху. „Тщетно, замѣчаетъ С. Б. Веселовскій, стали бы мы искать

---

[1]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо" т. II с. 318—330, ср. ib. с. 243—248, 314—318, 508 – 509.

(въ XVII в.) не только общихъ нормъ, но даже слѣдовъ или зародышей ихъ“[1]).

При такой постановкѣ дѣла понятно, что можно было говорить о составленіи писцовыхъ книгъ не на мѣстѣ, а въ самой Москвѣ, какъ предлагалъ упомянутый выше вяземскій писецъ кн. И. Волконскій, толковавшій въ чети о томъ, „что-бъ ему, не ѣздя въ Вязьму, дѣлать книги на Москвѣ съ вяземскими съ посадскими съ выборными людьми по выпросу и по ихъ мѣрѣ“, тогда какъ товарищъ его, подъячій, „сказывалъ, что ему по выпросу наизусть книгъ дѣлать не можно, потому что черныхъ книгъ у нихъ не осталось“[2]). Не было ничего удивительнаго и въ томъ вопросѣ, съ которымъ приказъ обращался на Чаронду, запрашивая чаронжанъ: „что имъ нынѣ писцовое дѣло и писецъ на Чарондѣ и въ Чаронской округѣ надобенъ ли и для чего надобенъ, или то писцовое дѣло отставить?“ Послѣ произведеннаго на Чарондѣ своего рода плебисцита оказалось, что 10 волостей пожелали новаго описанія, а 14 волостей отвѣтили, что „о писцовомъ дѣлѣ воленъ великій государь“. Приказъ приговорилъ Чаронду описать[3]). Зато Тотьмѣ было отказано въ новомъ письмѣ по педагогическимъ, если можно такъ выразиться, соображеніямъ—за ложь и обманы тотьмичей[4]).

Въ такія затѣйливыя и условныя формы отливалась теорія и практика опредѣленія податныхъ тарифовъ: принципъ торговаго соглашенія на глазъ или наощупь былъ основнымъ началомъ при лѣпкѣ этой податной системы.

Обратимся къ слѣдующей технической чертѣ этой податной системы—ея обрядности. Именно отсутствіе нормъ и просторъ произволу при положеніи въ сошное письмо заставили выработать, какъ противоядіе, извѣстную обрядность веденія дѣла описанія и положенія въ сошный окладъ.

Весь процессъ податной таксаціи былъ заключенъ въ сложный ритуалъ. Отправляемый изъ Москвы писецъ при отъѣздѣ получалъ письменный наказъ и словесное напутствіе. Такъ, отпра-

---

[1]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо“ т. II с. 325 и 331.
[2]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо“ т. II с. 319.
[3]) С. Б Веселовскій „Сошное письмо“ т. II с. 250—251.
[4]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо“ т. II с. 223.

вляемые въ 188 г. на работу писцы послѣ отпуска у государевой руки выслушали въ Передней палатѣ слѣдующій указъ. „Межевщики! стольники, стряпчіе и дворяне! Великій государь... велѣлъ вамъ сказать: въ прошлыхъ годѣхъ, какъ были межевщики, и они посыланы за крестнымъ цѣлованьемъ, а нынѣ великій государь указалъ вмѣсто того съ подкрѣпленьемъ вамъ наказать, что-бъ, будучи вамъ у межевого дѣла, чинить во всемъ правду по указнымъ статьямъ, каковы вамъ даны за дьячьею приписью, никому не норовя и не для своихъ корыстей. А будетъ великому государю учинится вѣдомо, кто учинитъ какую неправду дружбою кому или для корыстей, и за то по сыску быть тому, кто не по указу что неправдою учинитъ, въ великой опалѣ и въ жестокомъ разореньѣ, безо всякаго милосердія и пощады, и въ ссылкѣ, а помѣстья и вотчины взяты будутъ безповоротно“ [1]).

Дѣятельность писца была предусмотрѣна и регулирована наказами, которые онъ везъ съ собой, принеся крестное цѣлованіе и выслушавъ на Москвѣ внушительное напутствіе. Явившись на мѣсто своей работы, писецъ долженъ былъ „велѣть старостамъ и цѣловальникамъ и всякимъ посадскимъ людямъ и уѣзднымъ крестьянамъ для сыска и оклада выбрати на посадѣ и въ волостяхъ лучшихъ людей, поскольку человѣкъ на посадѣ и въ волости пригоже, которые бъ про торговыхъ и про волостныхъ людей и про землю и про всякія угодья вѣдали подлинно, и выборы на тѣхъ людей взяти за волостныхъ людей руками“. Кромѣ этихъ постоянныхъ сотрудниковъ, писцы должны были привлекать къ себѣ для содѣйствія и временныхъ консультантовъ изъ среды тяглыхъ міровъ. Привлеченіе этихъ выборныхъ къ участію въ обложеніи тоже было облечено въ извѣстный обрядъ. Такъ, на Устюгѣ они приводились къ присягѣ—„въ томъ во всемъ дѣлѣ, будучи съ ними, писцы, быть имъ радѣтельнымъ и въ свидѣтельствѣ ни въ чемъ неложнымъ“[2]). На служилыхъ земляхъ этихъ выборныхъ замѣняли служилые люди и ихъ приказчики. Сами владѣльческіе крестьяне могли участвовать въ работѣ писцовъ только съ согласія или по порученію своихъ владѣльцевъ. Писцовые наказы обращаются съ увѣщаніемъ и къ мѣст-

[1]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо“ т. II с. 42.
[2]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо“ т. II с. 109—110, 124.

нымъ сотрудникамъ писцовъ, чтобы они „про всякія угодья сказывали и въ памятехъ своихъ писали въ правду, по государеву... крестному цѣлованью... а не лгали и земель бы и угодій всякихъ не обводили“[1]). За утайки наказы грозятъ опалой и суровыми наказаніями, а доносчикамъ за раскрытіе злоупотребленій обѣщаютъ награды,—обычно признаніе правъ доносчиковъ на утаенное. Мѣстные люди должны были и въ черныхъ волостяхъ и на посадахъ сообщать писцамъ списки дворовъ и людей, давать свѣдѣнія о животахъ, торгахъ и промыслахъ посадскихъ тяглецовъ, о количествѣ бѣглыхъ тяглецовъ, о ихъ имуществѣ, сообщать росписи оброчныхъ статей и угодій, принадлежащихъ данному посаду[2]). Работа писцовъ, сводилась, такимъ образомъ, къ провѣркѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя они получили отъ мѣстныхъ людей. При содѣйствіи мѣстныхъ людей на посадахъ и на черныхъ земляхъ писцы вскрывали мѣстный мірской окладъ и, пользуясь данными этого оклада, производили экспертизу платежныхъ силъ описываемой мѣстности[3]). Усть-рѣцкій наказъ 127 г., напримѣръ, предписываетъ класть пепашенныхъ людей въ тягло „по ихъ животамъ и по промысламъ и по выпросу старостъ и старожильцовъ въ правду, какъ имъ мочно въ какомъ тяглѣ быти“[4]). Арзамасскій наказъ предписываетъ писцамъ: „А давати льгота, совѣтовавъ съ волостными людьми, съ мордвою и съ бортники: они то вѣдаютъ, сколько кому надобно льготы дати“[5]). Согласно грамотѣ 1509 г., бобровники Каменскаго стана должны были раскладывать кормъ ловчему и его слугамъ „по дани и по пашнѣ: которая деревня больше пашнею и угодьемъ, и они на ту деревню больше корма и поборовъ положатъ, а которая деревня меньше пашнею и угодьемъ, и они на ту деревню меньше корма и поборовъ положатъ“[6]). „Содѣйствіе тяглыхъ людей писцамъ было настолько значительно и важно“, полагаетъ С. Б. Веселовскій, „что писцовыя книги въ нѣкото-

---

[1]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо“ т. II с. 111.
[2]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо“ т. II с. 117 сл.
[3]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо“ т. II с. 129.
[4]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо“ т. II с. 130.
[5]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо“ т. II с. 131.
[6]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо“ т. I с. 395.

рыхъ частяхъ (главнымъ образомъ въ вопросахъ тягла) были плодомъ совмѣстной работы писцовъ и населенія". „Приказы и писцы, при установленіи окладовъ тягла дѣйствовали не односторонне принудительно, а вступали съ населеніемъ въ сдѣлки и допускали, то въ большей, то въ меньшей мѣрѣ, смотря по обстоятельствамъ, соглашенія съ ними. При неравномъ положеніи сторонъ, вступающихъ въ соглашенія, эти сдѣлки имѣли безформенный и часто трудноуловимый характеръ, но большое значеніе ихъ въ сошномъ окладѣ несомнѣнно"[1]).

Параллельно работѣ официальныхъ писцовъ, присылавшихся сверху, внизу шла дѣятельность самихъ мѣстныхъ міровъ, вырабатывавшихъ инструкціи и наказы для своихъ довѣренныхъ лицъ. Однимъ изъ основныхъ мотивовъ является нѣкоторая гласность и публичность операціи мірского оклада: показанія и возраженія облагаемаго считаются необходимымъ условіемъ правильнаго оклада[2]). Заочный окладъ допускается лишь въ исключительныхъ случаяхъ и обставляется сложной регламентаціей. Мірскіе приговоры, регулирующіе порядокъ окладовъ, предусматриваютъ особые казусы: неявку на окладную операцію, разъѣздъ съ оклада до его окончанія, появленіе на окладѣ въ пьяномъ видѣ и т. д. При окладѣ допускалась и присяга. Такъ, бѣлозерскій приговоръ относительно порядковъ оклада предвидитъ слѣдующій сложный случай. „А будетъ кто противъ прежняго своего оклада съ прибавкой быть въ новомъ окладѣ не захочетъ, а учнетъ просить вѣры и образованья, а торговъ его и промысловъ сыскать будетъ нечѣмъ и немочно, и имъ, окладчикамъ, такимъ людямъ въ сбавкѣ противъ прежняго его оклада, чѣмъ тѣ люди вновь учнутъ окладываться, дать имъ вѣра и образованье противъ прежняго, какъ было напередъ сего. А вѣра и образованье тѣмъ людямъ давать безъ замана и безъ оттяжки, не спуская съ оклада, буде ихъ сыскать нечѣмъ, что-бъ никому отъ того многихъ волокить, ходя на окладъ, не было и торговъ и промысловъ своихъ въ тое-бъ время имъ не отбыть, а окладчикамъ бы за тѣмъ многія просѣдки и мѣшкоты не

---

[1]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо" т. II с. 132 и 149.

[2]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо" т. I с. 373.

было-бъ“ [1]). Окладчики должны были производить свои операціи „по сыску своему и по разсмотрѣнью, какъ бы было пристойно и стоятельно и великихъ государей доходамъ и въ мірѣ было бы прибыльнѣе, а тѣмъ бы людямъ, которые учнутъ окладываться, не въ большую бы тягость“ [2]). Эта работа окладчиковъ должна была освѣщаться и нѣкоторыми общими соціально-моральными идеями. Существовалъ особый терминъ „мірская ровнь“—распредѣленіе мірского тягла сообразно измѣнившемуся экономическому положенію отдѣльныхъ членовъ міра: въ этихъ случаяхъ „равнялись“ между собою и писали „ровенной списокъ“ [3]).

Податная формула становится условіемъ, которое обязуются уважать обѣ стороны: формула сошнаго оклада есть уже нѣкоторымъ образомъ обычное финансовое право для данной мѣстности, и обѣ стороны считаются съ ней. Благодаря этому, обложеніе теряетъ въ глазахъ населенія характеръ произвольной контрибуціи, которую раньше требовали на глазъ—сколько возьмется, какъ брали, напримѣръ, новгородскій окупъ. Въ глазахъ власти зато податная формула является обязательствомъ мѣстнаго міра справляться съ наложенными на него платежами. Формула сошнаго оклада служитъ какъ бы приговоромъ, котораго всѣ предшествующія выкладки конкретнаго описанія были мотивировкой. Являясь искусственно отчетливымъ и законченнымъ въ своихъ конечныхъ замыкающихъ формулахъ, сошное письмо оставалось расплывчатымъ и патріархальнымъ въ фазисѣ подготовки этихъ своихъ формулъ—отсюда странная ариѳметическая неряшливость писцовыхъ книгъ, допускающая зачастую откровенную несогласованность слагаемыхъ съ итогомъ.

Формулы оклада сошнаго письма были не только экспертизой платежной мощности податной единицы въ данный моментъ, но и конспективнымъ выраженіемъ податной исторіи своихъ районовъ, и ихъ іероглифическія наслоенія указывали на ту силу сопротивленія, которую могло встрѣтить всякое новое финансовое требованіе правительства [4]). Вчитываясь и вслушиваясь

[1]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо“ т. I с. 378.
[2]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо“ т. I с. 389.
[3]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо“ т. I с. 287.
[4]) Характернымъ примѣромъ такого іероглифическаго опредѣленія служатъ,

въ мало говорящій нашему слуху лепетъ затѣйливыхъ наслоеній сошныхъ окладовъ, московскій финансистъ могъ припомнить всю податную исторію даннаго района, сообразить основанія своего расчета и учесть тотъ отпоръ, который могло встрѣтить его податное требованіе. Положеніе въ сошный окладъ до извѣстной степени гарантировало осторожность и извѣстную дѣловую разумность ставокъ сошнаго письма, — въ этомъ его смыслъ. Тяжеловѣсный ритуалъ „положенія", предохранявшій до нѣкоторой степени отъ ошибокъ, недоразумѣній и огорченій объ стороны, былъ характернымъ образчикомъ всего уклада древне-русскаго общества. Въ степенности его обряда была гарантія для мѣстности противъ произвола финансовыхъ агентовъ правительства, а для правительства — гарантія осуществимости его финансовыхъ расчетовъ и пріемлемости ихъ для плательщиковъ данной мѣстности: для обѣихъ сторонъ это была школа системы и порядка.

Такъ были развиты, оформлены, оправлены въ обрядъ и надѣлены универсальнымъ характеромъ тѣ пріемы податной политики, которые мы встрѣчаемъ спорадически и въ удѣльное время: централистическая разверстка, территоріальное распредѣленіе и податная экспертиза—„посильность". Система обложенія, отлившаяся въ сошное письмо, охватывала большую часть государства сѣтью податныхъ формулъ. Въ этой системѣ правительство имѣло механизмъ для развитія своихъ податныхъ нажимовъ на основѣ нѣкоторыхъ дѣловыхъ и реальныхъ расчетовъ, своего рода гидравлическій прессъ. Но эта система имѣла тенденцію изъ согласительной стать принудительной—въ ней все энергичнѣе развивается мотивъ обязательности и стремленіе монополизировать экспертизу за центральной властью. Тенденція въ эту сторону нигдѣ не выражена въ видѣ отвлеченнаго постулата, но она сквозитъ изъ многихъ частностей финансовой политики Московскаго государства: всего выразительнѣе она выступаетъ въ наклонности центральнаго управленія взять въ свои руки нормировку податныхъ окладовъ, какъ большихъ сохъ, въ зависимости отъ характера землевладѣнія, такъ и той условной еди-

---

напримѣръ, формулы сошнаго письма относительно Устюга, Перми, Кайгородка, Соли Камской. С. Б Веселовскій „Сошное письмо" т. II с. 168—170.

ницы, которая носила наименованіе „чети живущіе пашни". Нарастаніе этой тенденціи особенно осязательно замѣтно на служилой землѣ и на посадахъ. Это стремленіе къ формализму дастъ себя знать въ обоихъ случаяхъ, но развивается въ разныхъ варіантахъ. Естественно, что оно должно было сильнѣе сказываться на вновь заселяемыхъ пространствахъ, гдѣ не приходилось имѣть дѣла съ населеніемъ, цѣплявшимся крѣпко за старину и пошлину. Такъ, въ Пермской землѣ, напримѣръ, еще съ XVI в. вводится формальный пріемъ оцѣнки платежеспособности посредствомъ простого исчисленія податныхъ дворовъ: дворовое число появилось тамъ на полстолѣтіе раньше центра государства.

Несмотря на то, что система сошнаго письма была чужда всякаго догматизма, распространяясь вмѣстѣ съ большой сохой отрывочными толчками и не всегда даже поглощая и закрывая мелкія единицы обложенія, выросшія на мѣстной почвѣ, все же появленіе московскаго сошнаго письма имѣло огромное значеніе, выдвигая впередъ извѣстные, какъ мы теперь говоримъ, общіе и принципіальные мотивы. Московское сошное письмо — это уже идея извѣстнаго принципіально вносимаго въ сферу обложенія порядка. Эта черта системы сошнаго письма связываетъ его съ переломомъ въ жизни Московскаго государства въ половинѣ XVI в. вообще: задача, поставленная на Стоглавомъ соборѣ, посылка писцовъ, которые должны были „всю землю писати и смѣтити... земли всякія, чьи ни буди, а мѣрити пашенная земля и непашенная, и луги и лѣсъ и всякія угодья смѣчати и писати", имѣла не технической только, а гораздо болѣе широкій и глубокій государственно-правовой характеръ. Этотъ юридическій сдвигъ и скрывается за причудливымъ и кабалистическимъ жаргономъ сошнаго письма, на которомъ московская власть объяснялась со своими плательщиками.

3. Сошное письмо и служилый классъ.

Общія начала системы сошнаго письма осложнялись на служилой землѣ нѣкоторыми дополнительными соображеніями, смыслъ и значеніе которыхъ можно уяснить, припомнивъ исторію служилаго класса Московскаго государства и принявъ во

вниманіе тотъ переломъ, который этотъ классъ испыталъ въ XV—XVI вв., когда доживали свой вѣкъ послѣдніе значительные черты удѣльнаго строя, и складывалась абсолютная монархія московскаго самодержца.

Лѣтопись сохранила для насъ отголосокъ дружескихъ, почти задушевныхъ связей, скрѣплявшихъ московскаго князя XIV в. съ кругомъ его ближайшихъ совѣтниковъ и соратниковъ. „Съ вами царствовахъ, обращался въ предсмертной рѣчи къ своимъ боярамъ Дмитрій Донской, отчину свою великое княженіе съдръжахъ... и мужествовахъ, вами въ бранѣхъ страшенъ быхъ, и Божіею помощію низложихъ враги своя и покорихъ подъ себе, съ вами великое княженіе подъ себе укрѣпихъ, и миръ и тишину княженію своему сътворихъ, и дръжаву отчины своея съблюдохъ; велику же честь и любовь свою къ вамъ имѣхъ, и подъ вами городы дръжахъ и великіа власти.....; вы не нарекостеся у меня бояре, но князи земли моей...“ [1]). Мотивы эти преемственно повторяются около стола московскихъ государей изъ поколѣнія въ поколѣніе. Трудно сказать, какими средствами достигался въ Москвѣ такой складъ отношеній. Какъ будто тамъ сумѣли выработать въ обращеніи съ ближайшими слугами тонъ нѣкоторой по-своему демократической простоты, соединенной съ отсутствіемъ этнографической разборчивости. Въ пестрой массѣ московскаго боярства, собравшей въ своемъ составѣ цѣлый этнографическій музей народностей, обитающихъ на русской равнинѣ и даже за предѣлами ея, всякій взысканный милостью московскаго государя пришлецъ легко находилъ родственные себѣ по крови элементы. Отношенія московскихъ князей къ своимъ слугамъ, разумѣется, не идиллія, а крѣпкій сплавъ обоюдныхъ интересовъ, твердѣвшій по мѣрѣ того, какъ увеличивались силы Москвы, и становилось все болѣе и болѣе выгодно служить ей. Но спокойное развитіе этихъ отношеній начало прерываться съ той поры, какъ составъ этого боярскаго круга, переставъ быть результатомъ творчества московскихъ государей, сталъ пополняться группами удѣльнаго княжья, терявшаго свои наслѣдственные столы. Процессъ этотъ хорошо изученъ и не разъ былъ отлично

[1]) П. С. Р. Л. т. XI с. 114.

изображенъ въ нашей исторіографіи. Новые служилые элементы принесли съ собой и новые взгляды и новыя претензіи, очень повліявшія на міросозерцаніе московскихъ высшихъ служилыхъ круговъ, между тѣмъ какъ внѣшніе и внутренніе успѣхи московскаго государя, могучій ростъ его владѣній, народный взглядъ на него, огромность возникавшихъ передъ нимъ, какъ органомъ національныхъ интересовъ, задачъ сообщали его власти все болѣе грозный и аггрессивный по отношенію ко всякому проленію оппозиціи характеръ. На этой почвѣ и развился драматическій и оставившій такое сильное впечатлѣніе у современниковъ и у послѣдующихъ поколѣній конфликтъ XVI в. Отмѣтимъ одну сторону этого конфликта—его связь съ тѣми организаціонными задачами, которыя ставило и развивало московское правительство въ XVI в.

Важнѣйшей организаціонной задачей Московскаго государства XV—XVII вв. была безспорно задача устройства службой и землевладѣніемъ служилыхъ людей. Задача эта рѣшалась на разные лады: Москва охотно открывала двери боеспособнымъ элементамъ изъ своихъ собственныхъ соціальныхъ низовъ, механически перекидывала въ свои старыя владѣнія годные для военной службы элементы изъ вновь присоединяемыхъ областей (напримѣръ, Новгорода и Пскова), перетягивала на свою службу военно-служилые элементы изъ русскихъ и литовскихъ княженій и т. д. Этотъ процессъ пополненія рядовъ служилаго класса не всегда развивался достаточно ровно и плавно. Вдвиганіе въ уже сложившіеся ряды служилой братіи новыхъ элементовъ наталкивалось періодически на нѣкотораго рода заторы въ средѣ, успѣвшей уплотниться и укрѣпиться на службѣ московскаго государя. Сталкиваясь съ этими затрудненіями, homo novus московскаго служилаго міра пользуется, какъ орудіемъ борьбы, формулой, пріобрѣтающей въ его устахъ боевой и разрушительный характеръ—формулой, такъ выразительно сказанной въ одномъ мѣстническомъ дѣлѣ: „великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ“.

Въ случаяхъ этихъ конфликтовъ московскій государь нерѣдко очень твердо становился на сторону низшихъ разрядовъ служилаго люда и со всей грубой топорностью московской политики прини-

мался за разрѣшеніе возникавшихъ затрудненій. Особенно эффектны были эти мѣры при Грозномъ, энергично вливавшимъ свѣжія струи уѣзднаго служилаго люда въ среду окружавшихъ его наслѣдственно перешедшихъ къ нему слугъ. Такимъ актомъ было, напримѣръ, испомѣщеніе въ предѣлахъ 140-верстнаго радіуса отъ Москвы знаменитой тысячи, едва ли не на девять десятыхъ состоявшей именно изъ худороднаго служилаго люда уѣздовъ. Другой крупный актъ той же категоріи, оставившій еще большее впечатлѣніе,—учрежденіе опричнаго корпуса вобравшаго въ себя почти цѣлую треть всего служилаго люда, московскихъ чиновъ, дѣтей боярскихъ и дворянъ. На почвѣ этихъ мѣропріятій, соединенныхъ съ рядомъ другихъ вспомогательныхъ пріемовъ, выработанныхъ въ XVI в., и разыгрался рядъ очень внушительныхъ и исполненныхъ драматизма столкновеній, но все-таки мѣры эти не устранили розни между привилегированными столичными группами служилаго класса и уѣздными дѣтьми боярскими и дворянами и не предупредили дальнѣйшихъ конфликтовъ, развившихся въ Смуту, стоившихъ гибели династіи Годуновыхъ и далеко не закончившихся и при царѣ Михаилѣ.

Служилый уѣздъ или „городъ“, какъ тогда говорили, въ томъ видѣ, какъ онъ выступаетъ передъ нами въ конфликтахъ XVI в., не проявилъ особаго творчества и подъема, это — сѣрая, грузная и жесткая масса, готовая на всякіе эксцессы, если ихъ можно совершать безнаказанно и не безъ выгоды. Мѣра его творческихъ силъ въ XVI в. и началѣ XVII в. опредѣляется явленіями опричнины и Смутнаго времени: руководимый московскимъ государемъ служилый уѣздъ показалъ себя въ безчинствахъ кромѣшниковъ и разгромѣ Новгорода, а лишенный этого руководства, или вѣрнѣе, отказавшійся отъ него, вызвалъ неурядицы Смутнаго времени. Правительственная власть оказывала на него слабое воспитывающее вліяніе, скорѣе наоборотъ, развращала его натравливаніемъ на его соціальныхъ конкурентовъ. Въ Москвѣ отлично чувствовали малую способность уѣзднаго дворянства къ самостоятельной организаціи и пользовались этимъ. Событія Смутнаго времени были особенно показательны въ данномъ отношеніи: служилый

людъ уѣздовъ, способный къ шумнымъ и грубымъ протестамъ, способный „свести“ съ престола непопулярнаго въ его средѣ государя или, что было опаснѣе, предать его въ критическую минуту, какъ случилось съ царемъ Борисомъ, былъ совершенно неспособенъ къ организованному противодѣйствію и политической борьбѣ. То, что намъ показываютъ наглядно событія конца XVI и начала XVII вв., должны были учитывать въ московскомъ правительственномъ мірѣ съ конца XV в. Въ соотвѣтствіи съ оцѣнкой силъ и значенія уѣзднаго дворянства опредѣлялась вся программа, направленная на устройство его имущественнаго и соціальнаго положенія. Мѣры эти были разнообразны. Такъ, московское правительство создаетъ для этого служилаго люда особую форму землевладѣнія на помѣстномъ правѣ, разсчитанную на непритязательность низшихъ разрядовъ служилыхъ людей, при чемъ практика помѣстнаго права въ значительной степени ввѣряется уѣздной служилой корпораціи. Затѣмъ власть беретъ на себя организацію выдачи денежныхъ субсидій служилымъ людямъ изъ устроенныхъ въ половинѣ XVI в. четвертныхъ кассъ. Власть выступаетъ здѣсь въ роли финансоваго посредника между своими служилыми людьми и чернымъ и посадскимъ населеніемъ. Ревниво оберегая посадъ отъ всякихъ посягательствъ на него со стороны предпріимчивыхъ и властныхъ придворно-столичныхъ элементовъ служилаго класса, власть получаетъ въ денежномъ жалованьи драгоцѣнное средство для притягиванія къ Москвѣ и сосредоточенія около нея основного ядра своихъ боевыхъ дружинъ,—едва ли меньшее по значенію, чѣмъ даже вліяніе Помѣстнаго приказа. Квалифицируемый признакомъ „емлетъ жалованье“, особенно если оно выдавалось „изъ чети“, а не „съ городомъ“, служилый человѣкъ естественно становился надежнымъ проводникомъ московской централизаціи. Важными мѣрами были и привлеченіе уѣзднаго служилаго люда къ участію въ государственномъ строительствѣ черезъ представительство на земскихъ соборахъ и учрежденіе особыхъ органовъ, имѣвшихъ характеръ своеобразнаго трибуната, для защиты интересовъ низшихъ разрядовъ служилыхъ людей отъ притѣсненій ихъ болѣе властныхъ собратій—такъ называемыхъ Челобитныхъ приказовъ или „Приказовъ,

что на сильныхъ людей челомъ бьютъ", существовавшихъ съ легкой руки окольничаго Адашева въ теченіе цѣлыхъ ста лѣтъ. Наконецъ, надо отмѣтить рядъ мѣръ, менѣе значительныхъ по своему вліянію на положеніе уѣзднаго дворянства, но очень показательныхъ: привлеченіе уѣздныхъ служилыхъ людей къ полицейскому надзору въ губномъ дѣлѣ, учрежденіе чиновъ, долженствовавшихъ служить переходными звеньями между уѣздомъ и столицей (выборъ и жильцы), проведеніе въ боярскую думу элементовъ изъ того же уѣзднаго дворянства („дѣти боярскіе, что въ думѣ живутъ" и думные дворяне), наконецъ, мѣры, направленныя на смягченіе задолженности служилыхъ людей (указы 25/XII 1557 г. и 11/I 1558 г.), — своего рода сейсахтейя для уѣзднаго дворянства[1]).

Вотъ въ какой соціальной обстановкѣ московскому правительству приходится развивать свои финансовые планы. Естественно, конечно, что кризисы, переживавшіеся служилымъ сословіемъ, должны были отражаться и на характерѣ финансовой программы, проводившейся московской властью на земельныхъ владѣніяхъ служилыхъ людей. Именно подъ вліяніемъ измѣнившагося положенія въ государственномъ укладѣ уѣзднаго дворянства должна была измѣниться и система обложенія. Оно должно было потерять характеръ грубой и неуклюжей контрибуціи въ однихъ случаяхъ и характеръ личныхъ соглашеній и изъятій для отдѣльныхъ единицъ той же служилой братіи, опиравшихся почему-либо на особую близость къ особѣ московскаго государя, въ другихъ: техника обложенія должна была одновременно и упорядочиться и демократизироваться.

Создавая въ Москвѣ центральное управленіе своими служилыми людьми, московское правительство имѣло дѣло не съ прежними индивидуальными служилыми людьми-товарищами и соратниками, за которыми раньше только на заднемъ планѣ стояли ихъ боевые спутники, а съ сѣрой массой служилаго уѣзда въ цѣломъ. Отдѣльныя крупныя единицы изъ этой уѣздной среды (особенно, когда уѣздъ соотвѣтствовалъ цѣлому княжеству, воспитавшему среди своихъ слугъ собственную іерархію) могли

---

[1]) А. И. I № 154, VII и IX. Ср. Судебникъ въ изданіи Башилова (1768 г.).

передвигаться въ Москву и занимать видное мѣсто въ московской іерархіи, но огромная масса рядовыхъ „дѣтишекъ боярскихъ“, по своему бытовому и культурному уровню едва ли много возвышавшаяся надъ крестьянской средой, была организована на мѣстѣ въ довольно однородную уѣздную корпорацію. Эта уѣздная корпорація въ глазахъ московскаго правительства имѣла обычно характеръ организаціонной и даже юридической единицы, съ которой власть привыкла имѣть дѣло въ цѣломъ. На почвѣ такихъ отношеній власти съ уѣздной корпораціей и складывалась правительственная политика управленія служилымъ классомъ въ XV—XVII вв.

Участіе служилой корпораціи въ вопросахъ военной организаціи и помѣстнаго землевладѣнія—явленія, хорошо извѣстныя. Темнѣе вопросъ о податной организаціи служилаго города, однако, есть признаки, заставляющіе думать, что нѣкогда уѣздная организація имѣла и податной характеръ. Есть рядъ указаній на то, что въ концѣ XVI и даже въ XVII в. такъ называемое „списываніе“ служилыхъ людей въ сошное письмо для совмѣстнаго отбыванія государственныхъ платежей не было рѣдкостью. Такъ, въ 84 г. муромскій помѣщикъ И. Любовниковъ жаловался на то, что за нимъ въ помѣстьѣ только половина сельца, „а сошнымъ де письмомъ списано то сельцо въ одной кости съ другимъ помѣщикомъ, а городовые приказчики правятъ всякія подати на немъ, на его людяхъ и крестьянахъ за все сельцо“. Въ 123 г. дозорщикамъ Кубенской волости Вологодскаго уѣзда велѣно было при дозорѣ помѣстей ихъ „росписати и разкостити“, чтобы впредь помѣщикамъ „платить всякому съ своего помѣстья, а другъ за друга не платить“[1]). Въ томъ и другомъ случаѣ рѣчь объ индивидуализаціи платежа имѣетъ въ виду нѣчто новое, дотолѣ не установленное. Эту черту наблюдаемъ и позднѣе,—когда служилое землевладѣніе окладывалось по дворовымъ четвертямъ. Такъ, въ 1630-хъ гг. билъ челомъ Ив. Бѣгичевъ, жаловавшійся на то, что къ его алексинской вотчинѣ дер. Борщовкѣ приписана дер. Агаркова, принадлежащая Гр. Хитрому, который со своей доли не вносилъ платежей третій годъ. „И съ того, государь, получетве-

[1]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо“ т. I с. 259.

рика (доля дер. Агарковой за Хитрымъ), писалъ Бѣгичевъ, плотятъ мои бобылишки деревни Борщовки, а къ твоему государеву дѣлу къ засѣки мои бобылишки ходятъ и за нево, Григорья, безпрестанно и въ подводахъ, и въ засѣки, и подати за нево Григорьева полчетверика аплачиваютъ, а онъ, государь, тотъ Григорей Семеновъ сынъ Хитрой землю внаймы отдаетъ, и та, государь, земля пахона, а хлѣбъ на ней посѣенъ“[1]).

По извѣстнымъ намъ документамъ мы, къ сожалѣнію, не можемъ нарисовать картину податной организаціи въ служиломъ уѣздѣ, но на основаніи многихъ признаковъ можно думать, что въ XV в., а быть можетъ, и въ XVI в. внутри „города“ дѣйствовала податная организація, подобная служилой и земельной: можетъ быть, разверсткой податного, какъ и службы, бремени завѣдывали однѣ и тѣ же коллегіи окладчиковъ. Признаками этого являются: идеальная парцелляція писцовыхъ книгъ и владѣніе угодьями—„вобче“, встрѣчающееся то и дѣло [2]). С. Б. Веселовскій полагаетъ, что XV в. еще не зналъ податной индивидуализаціи, и что „особный платежъ по отдѣльному окладу сошнаго письма, прежде чѣмъ стать общимъ правомъ, былъ привилегіей, т. е. исключеніемъ“[3]). Можно думать, что порядки обложенія мелкаго служилаго землевладѣнія въ Московскомъ княжествѣ XIV и XV вв. не отличались отъ позднѣйшаго обложенія черныхъ земель на сѣверѣ, при чемъ податная отвѣтственность возлагалась на цѣлыя служилыя корпораціи, особенно если онѣ испомѣщались въ какомъ-нибудь районѣ одновременно общимъ распоряженіемъ, или даже непосредственно на самихъ крестьянъ.

Съ теченіемъ времени служилая среда начинаетъ послѣдовательно и настойчиво развивать мотивы податного индивидуализма: каждая боярщина такъ же, какъ и монастырская и церковная вотчина и каждый посадъ, стремятся превратиться въ отдѣльную „кость“ сошнаго письма. Черныя и дворцовыя

---

[1]) А. М. Ю. Сѣв. ст. № 107 л. 88. Черты эти заходятъ далеко и въ XVII в.: ихъ поддерживала практика выставленія даточныхъ и рекрутъ съ извѣстнаго количества дворовъ. Пережитокъ ихъ можно видѣть въ постройкѣ кораблей кумпанствами при Петрѣ.

[2]) См. въ Рязанскихъ, Бѣлевскихъ, Московскихъ и др. писцовыхъ книгахъ на каждомъ шагу. Ср. А. Ю. Б. I №№ 15, 17 и мн. др.

[3]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо“ т. I с. 346 и 352.

земли, попадающія въ руки служилыхъ людей, подвергаются „раскащиванію“, т. е. ихъ податные оклады индивидуализируются по отдѣльнымъ боярщинамъ, и каждая боярщина знаетъ только свой окладъ[1]). Такъ, въ 123 г. дозорщики Кубенской волости должны были дозрить вновь розданныя помѣстныя земли и, „дозривъ, росписати и раскостити по росписи, какова прислана съ Москвы на Вологду за приписью дьяка Гер. Мартемьянова, и государевы всякіе доходы велѣно платить всякому съ своего помѣстья, а другъ за друга не платить“[2]). Наоборотъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда бывшія за служилыми людьми земли поступали обратно въ составъ черпаго или дворцоваго землевладѣнія, прежнія боярщины въ податномъ отношеніи списывались вмѣстѣ. Такъ, списаны были въ 127 г. въ Заонежьѣ двѣ деревни Парѳеньевскія, расписанныя раньше порознь за двумя помѣщиками [3]).

Какъ происходилъ этотъ процессъ индивидуализаціи, изобразить пока невозможно, но въ концѣ XVI в. податная индивидуализація служилыхъ владѣній является дѣломъ, принципіально вполнѣ опредѣлившимся. Однако, техническая постановка ея, очевидно, требовала еще большой работы, что, какъ ниже увидимъ, и вскрылось при сборахъ 146—147 гг.

При индивидуалистической постановкѣ пріемовъ обложенія на служилой землѣ передъ центральной властью, по крайней мѣрѣ съ половины XVI вѣка, при производствѣ письма поднимались все болѣе и болѣе трудныя и сложныя задачи. Индивидуализируя тягло, писецъ долженъ былъ индивидуализировать и каждое владѣніе, опредѣлять точно его размѣры, границы и платежеспособность. Писцы должны были измѣрять, межевать и разбирать тяжбы между сосѣдями,—особенно много хлопотъ это дѣло потребовало послѣ Смуты, когда земельныя отношенія во многихъ уѣздахъ очень запутались.

На служилой землѣ писецъ не соприкасался непосредственно съ самими крестьянами, а имѣлъ дѣло или съ владѣльцами или съ ихъ приказчиками, предъявлявшими писцамъ документы на право владѣнія данной землей. Провѣрка этихъ документовъ и дѣлалась здѣсь едва ли не главной работой писца.

[1]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо“ т. I с. 343.
[2]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо“ т. I с. 343—344.
[3]) С. В. Веселовскій „Сошное письмо“ т. I с. 344.

Владѣльческіе крестьяне если и принимаютъ участіе въ этой работѣ, то не какъ заинтересованная сторона, а просто какъ свидѣтели и свѣдущіе люди. Не имѣя возможности путемъ непосредственныхъ сношеній съ владѣльческими крестьянами произвести экспертизу ихъ тяглоспособности, писцы неизбѣжно должны прибѣгать къ формальнымъ критеріямъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ писцовые наказы 1620-хъ гг., имѣющіе въ виду описаніе служилыхъ земель, ограничиваютъ заданіе писцовъ требованіемъ внести въ писцовую книгу свѣдѣнія, „сколько за кѣмъ живущія пашни и перелога, и что за кѣмъ крестьянъ и бобылей", т. е. стремятся основать податную таксацію на нѣкоторыхъ объективныхъ признакахъ. Землевладѣлецъ на принадлежащей ему землѣ естественно становился *между* органами государственной власти и своими крестьянами, „заслоняя отъ писца крестьянскій міръ съ его операціями мірского оклада"[1]).

Сплетеніе задачъ письма съ задачами регулированія земельныхъ отношеній, конечно, потребовало перехода всего писцоваго дѣла въ уѣздахъ со служилымъ землевладѣніемъ въ вѣдѣніе того учрежденія, которое вообще вѣдало служилое землевладѣніе, т. е. Помѣстнаго приказа, и послѣ 1620 г. описаніе уѣздовъ со служилымъ землевладѣніемъ сосредоточивается въ его вѣдомствѣ [2]).

Переводъ письма на служилой землѣ на формальныя основанія осложнился цѣлымъ рядомъ дополнительныхъ обстоятельствъ. Разореніе, произведенное событіями Смутнаго времени и охватившее цѣлый рядъ уѣздовъ со служилымъ землевладѣніемъ, потребовало отъ новаго правительства усиленныхъ дозоровъ для планомѣрнаго смягченія податного бремени. Того же требовалъ и индивидуализмъ податной отвѣтственности, обострявшій тяжесть обложенія для разореннаго служилаго человѣка. Дозоры, начавшись съ лѣта 120 г., были закончены къ лѣту 127 г., и едва ли позднѣе оставались не дозренные уѣзды,— если не считать Поморья. Крайне убыточная для правительства работа дозорщиковъ, чрезвычайно понижавшая оклады сошнаго письма, вносила въ то же время большой безпорядокъ въ писцо-

[1]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо" т. II с. 133, 136, 152—153.
[2]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо" т. II с. 23—24.

вое дѣло, — „а дозорщики, гласитъ одинъ документъ, которые послѣ московскаго разоренья посыланы, по городамъ будучи, дозирали и писали по дружбѣ за иными легко, а за иными по недружбѣ тяжело, и отъ того Московскаго государства всякимъ людемъ скорбь конечная“ [1]).

Еще въ концѣ XVI в. подъ вліяніемъ, вѣроятно, запустѣнія центра государства и обѣдненія служилаго класса наблюдается чрезвычайное измельчаніе тѣхъ условныхъ формулъ живущей пашни, въ которыхъ символически выражалась тяглоспособность отдѣльныхъ боярщинъ: живущая пашня приравнивается $^1/_{30}$—$^1/_{50}$ помѣстной или вотчинной земли [2]). Это измельчаніе сошныхъ окладовъ пошло послѣ Смуты еще дальше, и податныя формулы живущей пашни пріобрѣтали все болѣе и болѣе условный характеръ. Условность податной символики подготовила почву для перевода обложенія служилой земли на совершенно формальныя основанія. Завершеніе этого перевода выразилось въ переходѣ въ 128 — 131 гг. въ опредѣленіи тяглоспособности служилыхъ людей къ новой условной податной единицѣ—живущей чети. Живущая четь сама по себѣ была только $^1/_{800}$ большой сохи (для помѣстныхъ земель), но она знаменовала переходъ къ обложенію служилой земли на основѣ учета не земельной площади, а учета крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, числящихся за даннымъ землевладѣльцемъ [3]). Переходъ отъ совершенно фиктивнаго теперь символизма живущей пашни къ условностямъ счета дворовъ создавалъ сравнительно практичную и осязательную основу для развитія податныхъ тарифовъ, имѣвшую объективный и формальный характеръ. Черты эти имѣли большое значеніе въ глазахъ служилаго класса. Но варіанты живущей чети по новымъ дворовымъ окладамъ колебались въ разныхъ уѣздахъ въ зависимости отъ трудноуловимыхъ для насъ соображеній и все же сохраняли черты древняго сошнаго письма, основаннаго на глазомѣрной оцѣнкѣ тяглоспособности населенія [4]). Въ 138 — 139 гг. четыре новыхъ указа развили основныя идеи указовъ о живущей

---

[1]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо“ т. II с. 186 и 190.
[2]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо“ т. II с. 400.
[3]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо“ т. I с. 208—209, 233—234.
[4]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо“ т. II с. 96.

чети 128—131 гг., распространяя ихъ еще на 75 городовъ и измѣняя и упрощая систему поуѣздныхъ тарифовъ: вмѣсто 8 разрядовъ устанавливались только 2 (по 10 и 16 дв. кр.) [1]).

Вынужденное вмѣстѣ съ введеніемъ дворовой чети понизить податныя нормы служилыхъ людей, правительство стремится слѣдомъ за тѣмъ возмѣстить потери казны увеличеніемъ податныхъ ставокъ. Въ 142 (1634) г. окладъ ямскихъ денегъ повышается съ 400 р. до 534 р., а въ 149 (1641) г.—до 726 р. Окладъ стрѣлецкаго хлѣба въ тѣ же годы повышается со 100 до 200 юфтей съ сохи, а къ 149 г.—до 700 юфтей, при чемъ цѣна юфти (въ случаяхъ ея замѣны деньгами) увеличивается съ 26 ал. 4 д. до 32 ал., т. е. на 20% [2]).

Говоря объ исторіи обложенія служилой земли, нельзя миновать одну черту московскихъ порядковъ, которая, хотя прямо и не относится къ дѣлу обложенія, однако, представляется намъ характерной для общей его постановки—разумѣемъ признаніе и охрану московскимъ законодательствомъ права крестьянскаго выхода, которое, казалось бы, находилось въ полномъ противорѣчіи съ общими началами, проводившимися въ соціальномъ строѣ Московскаго государства.

Уже въ концѣ XV вѣка чувствуется забота московской власти объ огражденіи крестьянина отъ слишкомъ безцеремонныхъ посягательствъ на его благополучіе со стороны помѣщика, особенно, когда происходили массовыя испомѣщенія служилыхъ людей въ уѣздахъ, въ которыхъ раньше не было служилаго населенія, и когда къ экономическому интересу государства примѣшивалась и политическое безпокойство. Забота эта слышится въ стереотипныхъ выраженіяхъ ввозныхъ грамотъ: крестьянъ не разогнать, помѣстья не запустошить—наставляетъ правительство своего слугу. Та же точка зрѣнія съ большой пластичностью и полнотой выражена въ обильномъ матеріалѣ новгородскихъ писцовыхъ книгъ, составленныхъ вскорѣ послѣ присоединенія В. Новгорода. Москва старается тщательно опредѣлить, что именно она отдаетъ въ распоряженіе своихъ испомѣщаемыхъ

---

[1]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо“ т. II с. 217 и 495. В. П. Сторожевъ „Указная книга Помѣстнаго приказа“.

[2]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо“ т. II с. 219—220.

служилыхъ людей, и какая доля продуктовъ крестьянскаго труда отнынѣ будетъ итти въ распоряженіе помѣщика. Мы встрѣтимъ здѣсь учетъ хлѣба (треть, четверть, пятину или посп), пасмъ льна, кницъ желѣза, сметаны, овчинъ, шерсти, карасей и т. д. Что забота эта была очень нелишней, московское правительство должно было скоро убѣдиться на печальныхъ послѣдствіяхъ испомѣщеній, соединенныхъ съ непрерывными нажимами государственной податной системы XVI в. Отъ половины XVI в. идетъ рядъ свидѣтельствъ, указывающихъ на то, что въ новгородскихъ владѣніяхъ, отданныхъ въ распоряженіе вновь испомѣщаемыхъ служилыхъ людей, начинаетъ замѣчаться запустѣніе. Такъ, уже писцовая книга Бѣжецкой пятины 1551 г. отмѣчаетъ много случаевъ пустоты, вызванной обнищаніемъ крестьянъ, уходившихъ съ „голоду“ со своихъ старыхъ насиженныхъ участковъ, при чемъ покидали свои участки не только крестьяне, но иногда и сами помѣщики, въ родѣ, напримѣръ, помѣщика Илейки Васаева, сбѣжавшаго изъ своего помѣстья съ женой и дѣтьми „безвѣстно“ въ 7050 (1542) г. Случается, писцовая книга и пояснитъ, что запустѣніе произошло „отъ царевыхъ податей“, оттого, что данная обжа „описью дорога“, „отъ помѣщикова воровства“, или отмѣтитъ лаконично—„отъ помѣщиковъ“[1]). Правительственные обыски разъясняютъ картину, пріоткрываемую писцовыми книгами, договаривая, что запустѣніе происходило „отъ дороги и отъ насильства отъ ратныхъ людей“, „отъ дороги и отъ подводъ“, „отъ опричнаго правежу“, „отъ государьскаго тягла“ и т. д.[2]) Власть не могла не чувствовать, что бремя, возлагаемое на крестьянина, зачастую превосходитъ мѣру его силъ, и что кризисъ грозитъ разрастись.

Забота о томъ, чтобы крестьянинъ не сдѣлался неприкосновенной монополіей служилаго человѣка, и заставляетъ признать за нимъ право выхода, такъ настойчиво и упорно оберегаемое всѣми тремя Судебниками на протяженіи цѣлаго столѣтія, а въ

[1]) Новгородскія писцовыя книги V, с. 427—693 и VI, с. 565—1068. См., въ частности, VI, с. 802, 846, 896, 928, 980, 982, 985, 993, 1030, 1031, 1050—1053, 1065, 1066 и др.

[2]) Д. Я. Самоквасовъ „Архивный матеріалъ“ II с. 192, 309, 315, 316, 325 и др. Ср. Н. А. Рожковъ „Сельское хозяйство въ Московскомъ государствѣ XVI в.“

пережитокъ „выходныхъ лѣтъ“ дожившее почти до Уложенія царя Алексѣя. Охраняя остатки экономической свободы крестьянина, власть стремится оберечь и защитить въ ней с в о й собственный финансовый интересъ, слѣдуя въ этомъ случаѣ обычному пріему московской политики: дѣйствовать не непосредственно, а противопоставлять интересу одной общественной группы интересъ другой. Такая политика была возможна и допустима только потому, что государство мало знало рядового уѣзднаго дворянина, какъ индивидуальнаго плательщика, такъ какъ разверстка обложенія въ предѣлахъ служилаго „города“ была дѣломъ всей уѣздной корпораціи. Охрана закономъ крестьянскаго выхода была на нашъ взглядъ иносказательнымъ, но настойчивымъ поддержаніемъ мысли о томъ, что крестьянинъ не цѣликомъ принадлежитъ владѣльцу, и что государство въ этомъ случаѣ стоитъ на стражѣ своихъ интересовъ.

Начала финансовой политики, основанной на сошномъ письмѣ, должны были мѣшать росту крѣпостного права, его юридическому оформленію и затвердѣнію. Поддерживая идею прямыхъ и непосредственныхъ податныхъ отношеній государства къ массѣ крестьянскаго населенія, система сошнаго письма какъ бы вгоняла клинъ во взаимныя отношенія служилыхъ людей и ихъ крестьянъ. Тщетно, конечно, стали бы мы искать въ московскомъ законодательствѣ отчетливаго выраженія этой идеи: она развивается, какъ и вся московская политика, не по обдуманному и сознательному плану, а инстинктивно и стихійно. Но смыслъ формулъ сошнаго письма разгадать можно: протянувъ руку къ распаханной землѣ и посѣву, московская государственная власть не могла не наложить ее и на людей, работавшихъ на этой землѣ, хотя и сдѣлала это въ неувѣренной и нетвердой формѣ. Однако, идея эта несомнѣнно жила въ московскихъ правительственныхъ кругахъ. Она вызывала извѣстныя симпатіи даже въ средѣ самого мелкаго служилаго люда; по крайней мѣрѣ, глашатай его нуждъ Ив. Пересвѣтовъ совершенно отчетливо развиваетъ мысль о томъ, что надо перевести служилыхъ людей на денежное жалованье и противодѣйствовать развитію крѣпостной неволи, и строго осуждаетъ похолопленіе, утверждая, что, „въ которомъ царствѣ люди порабощены, і въ томъ

царствѣ люди не храбры“ [1]). Повидимому, въ половинѣ XVI в. для мелкаго уѣзднаго служилаго человѣка въ сохраненіи прямыхъ отношеній между государствомъ и крестьянами и въ отказѣ отъ крѣпостного права еще не было ничего непріемлемаго. Вотъ чѣмъ, надо думать, объясняется и дошедшій до насъ черезъ посредство Шиле разговоръ въ окруженіи царя Бориса о борьбѣ съ крѣпостнымъ правомъ на крестьянъ[2]). Но обстоятельства черезъ полстолѣтіе послѣ Пересвѣтова очень перемѣнились.

Оппозиція сошнаго письма крѣпостному праву даже въ такой мягкой и въ такой нерѣшительной формѣ не могла, конечно, не начать раздражать служилый классъ, когда вопросъ объ оформленіи и закрѣпленіи крѣпостного порядка сталъ для него злобою дня. Съ этой стороны и должно было развиться глухое противодѣйствіе служилыхъ людей системѣ сошнаго письма: относиться безразлично къ э т о й его тенденціи съ конца XVI в. они уже не могутъ: ихъ основное желаніе, совершенно не двусмысленно формулированное въ одномъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ эпохи Смуты — „выходу... не допущати“[3]). Обычная антипатія землевладѣльца къ поземельному обложенію смѣшивается теперь съ заботой служилаго человѣка объ устройствѣ своего соціальнаго и экономическаго положенія. Между тѣмъ московское правительство съ замѣчательнымъ упорствомъ не желаетъ сойти съ выработанной наощупь еще въ концѣ XV в. программы и во имя этой программы цѣпко держится за пережитки права крестьянскихъ переходовъ, на практикѣ безполезные и ничтожные, но безпокоившіе и раздражавшіе служилыхъ землевладѣльцевъ. Конфликтъ этотъ долженъ былъ обостряться по мѣрѣ роста служилаго класса, по мѣрѣ уплотненія ядра московскихъ чиновъ, распада вслѣдствіе разныхъ причинъ уѣздныхъ корпорацій и т. д. Бродячесть нѣкоторыхъ, всегда, конечно, немногочисленныхъ элементовъ крестьянства, терпимая при коллективной развертцѣ платежей въ пре-

---

[1]) В. Ѳ. Ржига „И. С. Пересвѣтовъ“ с. 75 и др.

[2]) Wichmann „Sammlung bisher noch ungedruckter kleiner Schriften zur älteren Geschichte und Kenntniss des Russischen Reichs“ с. 462—463.

[3]) А. З. Р. IV № 180 с. 16.

дѣлахъ уѣздной служилой корпораціи, становится все болѣе и болѣе неудобной при ея дифференціаціи и распадѣ, признаки которыхъ умножаются со второй половины XVI в., отчасти въ зависимости и отъ стремленія правительства создать вокругъ себя въ Москвѣ плотную среду изъ служилыхъ людей, навербованныхъ въ уѣздахъ, но уже прочно прикрѣпленныхъ къ столицѣ.

Поддерживая идею выхода, правительство не рѣшалось, однако, на энергичное развитіе вложенной въ сошное письмо на служилой землѣ потенціальной энергіи. Оно не нашло въ себѣ достаточно твердости, чтобы рѣшительно выдвинуть впередъ на первое мѣсто *свои* права на крестьянина и построить финансовую систему на послѣдовательномъ проведеніи *этой* идеи. Государство упорно натверживало притчу сошнаго письма, не рѣшаясь сдѣлать изъ нея всѣ заключенія. Эта опасливая нерѣшительность московскаго правительства имѣла свое оправданіе, прежде всего, въ его техническомъ безсиліи, такъ какъ всякое болѣе твердое отношеніе къ этой идеѣ потребовало бы и активной борьбы съ крѣпостнымъ правомъ. Во всеоружіи кнута и плахи московская власть чувствовала себя безгранично всемогущей по отношенію къ каждому случаю для разрѣшенія всѣхъ частныхъ затрудненій и сомнѣній, но не имѣла силы и духа ставить въ своемъ строительствѣ въ полномъ объемѣ принципіальные вопросы. Вотъ почему Московское государство въ своей соціально-устроительной программѣ, безъ сомнѣнія отражавшей логику его финансовой политики, застыло на рядѣ полумѣръ и компромиссовъ, точно не рѣшаясь досказать то, что оно разумѣло про себя. Въ этомъ умѣньи не договаривать и избѣгать всего, что могло обязать, стѣснить и затруднить, была своя житейская и политическая мудрость старой московской власти.

Итакъ, система сошнаго письма на служилой землѣ, сложившаяся по времени параллельно съ помѣстнымъ землевладѣніемъ, была разсчитана на извѣстный уровень въ подготовкѣ и развитіи уѣзднаго служилаго люда и, въ нѣкоторыхъ своихъ посылкахъ, и имѣла цѣлью задержаніе притязаній этого служилаго люда на неограниченное распоряженіе землей и крестьяниномъ. По мѣрѣ развитія рядовой уѣздной массы и пробужденія въ ней

самосознанія, служилые люди не могли не столкнуться съ этими тенденціями финансовой программы московскаго правительства, воплощенной въ сошномъ письмѣ, несмотря на всю измѣнчивость его тарифовъ. Конфликтъ долженъ былъ развиваться прямо и косвенно: прямо—по вопросу о строгой технической индивидуализаціи податной отвѣтственности, косвенно—по вопросу объ уничтоженіи крѣпко сросшагося съ этой программой права крестьянскаго выхода. Общей идеей служилаго люда, покрывающей оба требованія, была идея своеобразнаго служилаго демократизма, того „ровенства“, о которомъ говорятъ и Стоглавъ и Уложеніе.

4. Сошное письмо на черныхъ земляхъ и на посадахъ.

На посадахъ и на черной землѣ система сошнаго письма выразилась въ иномъ сочетаніи практическихъ пріемовъ. Идея государственнаго самоопредѣленія въ глубинѣ болѣе рыхлаго, чѣмъ служилый „городъ“, соціальнаго организма посада и чернаго уѣзда развернулась увѣреннѣе и вступила въ болѣе тѣсную связь съ мірской организаціей, подчиняя ее государственному интересу.

Основная практическая идея, проводимая сошнымъ письмомъ на черныхъ земляхъ, въ уѣздѣ и на посадѣ одинаково, была идея обереганія и поддержанія въ каждомъ данномъ поселеніи или совокупности поселеній, списанныхъ вмѣстѣ, извѣстнаго комплекта плательщиковъ. Идея этой охраны плательщиковъ осуществляется на разные лады. Государство оберегаетъ плательщиковъ отъ посягательствъ со стороны сильныхъ сосѣдей, сманивавшихъ къ себѣ обитателей посадовъ, стѣсняетъ переходъ посадскихъ плательщиковъ съ мѣста на мѣсто, препятствуетъ переходу посадскихъ людей въ холопство. Корни этого мотива финансовой и соціально-устроительной программы очень древни: онъ слышится еще въ княжескихъ договорахъ XV в., (имѣемъ въ виду извѣстную формулу княжескихъ договоровъ „блюсти съ одиного“, охрану числяковъ и ордынцевъ), но въ древности мотивъ этотъ имѣлъ условное и ограниченное значеніе и поддерживался, повидимому, татарскимъ давленіемъ. Въ серединѣ XVI вѣка онъ пріобрѣтаетъ характеръ самодовлѣющаго на-

чала финансовой программы и развертывается очень широко. Начало это на каждомъ шагу поддерживается окладными формулами сошнаго письма и параллельно выражается въ другихъ памятникахъ, напримѣръ, въ уставныхъ грамотахъ. Въ этомъ отношеніи особенно выразительна Важская уставная грамота, содержащая мотивъ прикрѣпленія къ тяглу въ очень энергичномъ выраженіи [1]). Особенно крутой характеръ прикрѣпленіе къ тяглу пріобрѣтаетъ въ связи съ организаціей содержанія служилаго класса въ половинѣ XVI вѣка при помощи четвертныхъ кассъ. Назначеніе четей—не только сосредоточивать въ своемъ вѣдѣніи сборы, шедшіе на нужды служилаго люда, но и оберегать полноту состава платежныхъ силъ посадовъ и черныхъ волостей. Съ конца XVI вѣка эта мысль получаетъ усиленное развитіе и въ дѣятельности спорадически возникающихъ сыскныхъ приказовъ, спеціальное назначеніе которыхъ—возстановлять составъ посадскаго населенія [2]). Формулы сошнаго письма, закрѣплявшія податныя организаціи, являлись какъ бы выраженіемъ двухсторонняго договора: обязательства правительства охранять полноту платежнаго состава посадовъ и черныхъ волостей и обязательства плательщиковъ отвѣчать за податную исправность всѣхъ элементовъ, положенныхъ въ податной окладъ извѣстнаго района. Такъ, когда въ 149 г. отъ Толшемской волости Тотемскаго уѣзда отбились платежомъ крестьяне четырехъ деревень, Манылова, Чиздина, Выборова и Бора, выхлопотавъ себѣ у воеводы „отставную память“, ихъ „отставка“ вызвала энергичный протестъ всей Толшемской волости, дорожившей прежнимъ порядкомъ, когда и эти деревни платили съ волостью „поваломъ вмѣстѣ“. Четь стала сначала на сторону этихъ податныхъ сепаратистовъ, но когда вслѣдъ за указанными деревнями отъ волости самовольно отбились еще четыре деревни, Толшемская волость путемъ настойчивыхъ хлопотъ добилась пере-

---

[1]) „... А на пустые имъ мѣста дворовые, въ Шенкурьѣ и въ Вельску на посадѣ и въ станѣхъ и волостѣхъ, въ пустые деревни и на пустоши и на старые селища крестьянъ называть и старыхъ имъ своихъ тяглецовъ крестьянъ изъ-за монастырей выводить назадъ безсрочно и безпошлинно, и сажати ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревни жилъ прежде того“. А. А. Э. I № 234.

[2]) Сыскной приказъ дѣйствуетъ уже при ц. Ѳедорѣ Іоанновичѣ—С. Б. Веселовскій „Сошное письмо“ II с. 180 сл.

смотра дѣла и государева указа о включеніи отсошившихся деревень обратно въ волостной окладъ. Относительно послѣднихъ четырехъ деревень указано было: „выбравъ... человѣкъ трехъ или четырехъ, велѣть бить батогами, чтобы впередъ было неповадно воровать и отъ волости отставать,—легко-ль или тяжело, платить съ волостью вмѣстѣ, а не особнякомъ“ [1]). Случалось, что мелкая единица и сама просилась подъ крыло крупной. Такъ, крестьяне дер. Дроковановы Кулиги Пермогорской волости сами хлопотали о своемъ включеніи въ податной окладъ волости на томъ основаніи, что „та де ихъ Дрокованова Кулига волость захребетная, стоитъ въ сторонѣ, и земли пришли худыя, безсѣнныя, и угодій никакихъ нѣтъ, и хлѣбу живетъ по вся годы недородъ, и тотъ хлѣбъ родится плохъ, а у Пермогорскія волости пришли земли добрыя, побережные сѣнные покосы и всякія угодья, а въ данномъ де окладѣ Пермогорская волость лежитъ легко“ [2]).

Идея охраны состава плательщиковъ, замѣтная и на служилыхъ земляхъ, на посадахъ и въ черныхъ волостяхъ опредѣлилась гораздо энергичнѣе и настойчивѣе. Она повела здѣсь къ усиленному развитію другой черты, характеризующей дѣйствіе системы сошнаго письма,—къ развитію общественной организаціи посадовъ и черныхъ волостей ради круговой отвѣтственности за исправное отбываніе платежей всѣхъ элементовъ населенія, списанныхъ въ одинъ податной окладъ.

У этого мотива податной политики есть свои варіанты. Обычно политика московскаго правительства состоитъ въ поддержаніи на мѣстахъ олигархіи состоятельныхъ элементовъ, въ зависимости отъ которыхъ ставится рядовая масса плательщиковъ. Призывы къ содѣйствію видамъ правительства такъ называемыхъ лучшихъ людей—одинъ изъ постоянныхъ и наиболѣе настойчивыхъ мотивовъ московской финансовой политики, при чемъ подъ лучшими или добрыми людьми власть разумѣетъ зажиточные элементы, дѣятельность которыхъ памятниками иногда опредѣляется, какъ ростовщическая [3]). Другой мотивъ, встрѣчающійся тоже нерѣдко—

---

[1]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо“ I с. 291—293.

[2]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо“ I с. 296.

[3]) Судебникъ царя Осдора ст. 52: „А доброму крестьянину, которой торгуетъ, или деньги и рож взаимы даетъ, или въ волосте его назовутъ добрымъ члкомъ, безчестия ему три рубля; а жене его вдвое“.

приглашеніе правительственными наставленіями рядовой массы бороться противъ тѣхъ же лучшихъ людей, превращающихся въ этихъ случаяхъ изъ „лучшихъ людей“ въ „горлановъ и міроѣдовъ“. Податная исторія посадовъ, какъ извѣстно, переполнена конфликтами, возникающими на этой почвѣ. Не стѣсняясь въ своихъ соціальныхъ принципахъ и не брезгуя перемѣнами соціальнаго курса, московское правительство становится по временамъ въ довольно странную для него позу демагогическаго характера, волнуя посадскую и уѣздную бѣдноту призывами, къ ней обращенными.

Третья идея, развертывающаяся въ формулахъ сошнаго письма на черныхъ земляхъ,—идея права государства распоряжаться посадской и крестьянской землей во имя правильнаго поступленія государственныхъ платежей. Эта идея, вяло и неувѣренно, отрывистыми толчками дѣйствующая въ XVII в., имѣетъ большое будущее. Постепенно развиваясь, пуская корни глубже и глубже, она придастъ податной крестьянской общинѣ поземельный характеръ и своимъ давленіемъ утвердитъ практику земельныхъ передѣловъ. Въ стремленіи государства взять въ свое вѣдѣніе и подъ свой контроль земельный оборотъ чернаго крестьянства, а отчасти и посада, можно видѣть наиболѣе яркое проявленіе земельной идеи сошнаго письма: здѣсь идея эта была, дѣйствительно, реальной силой, а не одной алгебраической условностью.

При помощи восхожденія къ этому общему принципу рѣшаются вопросы о пустыхъ вытяхъ, объ отчужденіи тяглыхъ участковъ, о земельныхъ передѣлахъ, о взаимоотношеніи правъ на землю крестьянскаго общества и отдѣльныхъ его членовъ и т. д. [1]).

Индивидуалистическія тенденціи развиваются и на посадахъ и на территоріи черныхъ уѣздовъ, но иначе, чѣмъ онѣ развивались въ служилой средѣ. Индивидуалистическія тенденціи отдѣльныхъ плательщиковъ имѣютъ здѣсь случайный и единичный характеръ. Гораздо большее значеніе имѣетъ стремленіе къ платежной индивидуализаціи крупныхъ податныхъ единицъ, цѣлыхъ податныхъ округовъ или отдѣльныхъ посадовъ: сильныя

[1]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо“ II с. 472 и др.

экономическія группы энергично отбиваются отъ включенія въ одну общую съ ними податную схему слабыхъ плательщиковъ. Мотивы такого стремленія къ отпискѣ вполнѣ понятны, но власть шла на нихъ неохотно и съ большой осторожностью, избѣгая риска исправнымъ поступленіямъ платежей. И здѣсь тоже, какъ и на служилой землѣ, мотивы сошнаго письма развивались не въ видѣ теоретическихъ постулатовъ и общихъ тезисовъ, а выражались и осуществлялись преимущественно черезъ посредство варіацій формулъ податныхъ окладовъ: податная формула, ея интерпретація и развитіе—вотъ основное несложное орудіе московской финансовой политики. Окладъ сошнаго письма на черной и посадской землѣ вырабатывался въ результатѣ длительнаго и преемственно изъ поколѣнія въ поколѣніе переходившаго соглашенія, смыслъ котораго усвоивался, такъ сказать, наощупь. Характернымъ образчикомъ такого глазомѣрнаго способа положенія въ сошный окладъ можетъ служить устюжское письмо 131 г. Устюжская четь, отправлявшая писцовъ и надѣлившая ихъ для приправки дозорными книгами, не знала и сама, въ какія, большія московскія или малыя устюжскія, сохи былъ положенъ Устюжскій посадъ: по даннымъ дозора въ устюжской сохѣ значилось по 14 дворовъ лучшихъ людей, по 30—середнихъ и по 84—молодшихъ. Въ наказѣ писцамъ содержалось наставленіе: „на посадѣ тяглыхъ черныхъ дворовъ лутчихъ класти людей, которые большими промыслы промышляютъ и судами ходятъ, по 40 человѣкъ, а середнихъ по 50 и по 60 дворовъ въ соху, а молотчихъ по 70 и по 80 дворовъ, а которые добрѣ худы, и тѣхъ дворовъ класти по 100 человѣкъ и больши въ соху“ [1]). Въ случаѣ, если бы окладъ Устюга оказался выраженнымъ въ малыхъ сошкахъ, писцы должны были перевести ихъ въ большія московскія сохи, не слѣдуя въ этой операціи старому устюжскому счисленію, такъ какъ, по объясненію чети, если держаться его и „въ малую сошку положити лучшихъ людей по 14 дворовъ, и имется противъ 7 сошекъ малыхъ лучшихъ людей положити въ большую соху по 90 по 8 дворовъ, и въ томъ сошномъ письмѣ и во всякихъ государевыхъ доходахъ

[1]) С. Б. Веселовскій „Акты писцоваго дѣла“ I с. 216.

въ платежѣ будетъ убыль великая, а посадскимъ людямъ во всемъ будетъ льготнее". Четь предписывала, однако, если бы устюжскій окладъ оказался при этомъ счетѣ дворовъ уже выраженнымъ въ большихъ московскихъ сохахъ, сохранить прежнюю нормировку,—„челобитья будетъ о томъ напередъ сего устюжанъ посадцкихъ людей не было". Мало того, четь собиралась немедленно использовать этотъ фактъ для обложенія другихъ городовъ: писцамъ прямо предписывалось „о томъ отписати къ государю къ Москвѣ вскоре напередъ себя, для вѣдома и для окладу иныхъ городовъ въ посадскихъ людяхъ".

Посланные въ Устюгъ писцы не послѣдовали ни старинѣ ни московскому наказу. Они положили Устюжскій посадъ въ малыя сошки по 13 дворовъ лучшихъ, 30 середнихъ, 70 молодшихъ и 100 самыхъ худыхъ. 689 дворовъ Устюжскаго посада были приравнены $11^{1}/_{12}$ сошкамъ; превративъ ихъ въ большія сохи, въ Приказѣ положили на большую соху по $8^{1}/_{2}$ малыхъ сошекъ, такъ что на большую соху въ среднемъ пришлось 525 дворовъ. Работа писцовъ не вызвала въ Москвѣ никакихъ протестовъ, устюжскій окладъ былъ доложенъ и утвержденъ.

Въ Устюжскомъ уѣздѣ тѣ же писцы должны были класть въ черныхъ волостяхъ на соху по 800 четей доброй земли, по 1000 средней и по 1200 худой, а въ монастырскихъ вотчинахъ по 600, 800 и 1000 четей. Приказъ предписывалъ провести при этомъ извѣстное единообразіе въ податныхъ единицахъ—„и учинити всѣ сохи ровны, смотря по пашнямъ и по угодью и примѣрясь къ прежнимъ приправочнымъ книгамъ",—давая писцамъ наставленія общаго характера, въ которыхъ они должны были разбираться сами, какъ умѣли. Писцы должны были разсчитывать оклады сошнаго письма „по прежнему въ малыя сошки и въ большія и въ выти, потому же, по кольку чети пригоже, смотря по землѣ и по угодью и примѣряся къ прежнимъ писцовымъ и къ дозорнымъ книгамъ и къ сотнымъ грамотамъ; то государево дѣло положено во всемъ на нихъ, что-бъ впередъ было постоятельно и безспорно, а чего не доведется, и въ чемъ чаять впередъ убыли, того собою не дѣлать". Получивъ такое противорѣчивое и неопредѣленное наставленіе, писцы примѣривались и дѣйствовали на глазъ, монастырскія и церковныя земли клали

по старинѣ въ выти и сошки, при чемъ соотношеніе вытей и сошекъ тоже полагали на глазъ въ разныхъ случаяхъ по разному, то слѣдуя данному имъ для приправки дозору 128 г., то отступая отъ него. Точно такъ же и переводъ вытей въ малыя сошки и большія сохи они производили, мало справляясь съ даннымъ имъ наказомъ. Но такъ какъ выкладки письма были выгодны для казны, а работа писцовъ казалась „постоятельной и безспорной", оклады, ими выработанные, были утверждены [1]).

Примѣръ Устюга, какъ одного изъ самыхъ крупныхъ посадовъ, обладавшаго длительной податной традиціей, особенно характеренъ для этой политики глазомѣра и ощупи: этой политикѣ было совершенно чуждо неумолимое послѣдовательное соблюденіе разъ надуманной отвлеченной нормы.

Случалось, что въ московскомъ приказѣ и вообще не знали того, что можно было бы назвать теоріей сошнаго письма. Такъ, когда въ 137 г. Костромская четь запросила Владимірскую четь о томъ, какъ былъ положенъ въ сошное письмо Владимірскій посадъ, дьякъ Владимірской чети, вѣдавшій владимірское письмо, отвѣчалъ, что ему это неизвѣстно. Приводя въ своемъ отвѣтѣ обычную отвлеченную норму положенія посадскихъ дворовъ въ сошный окладъ (по 40—50—60 дв.), четвертной дьякъ прибавилъ, что того, какъ посадъ былъ положенъ въ дѣйствительности, онъ не знаетъ: „того въ тѣхъ книгахъ (т.-е. писцовыхъ книгахъ 134 г.) не написано" [2]).

Логика обложенія посадовъ и черныхъ волостей отражается въ исторіи ихъ окладовъ. Окладъ и своимъ строеніемъ (весьма разнообразной расчетной группировкой дворовъ) и своимъ заключительнымъ итогомъ представлялъ изъ себя ту платформу, на которой сходились правительство и мѣстныя податныя организаціи плательщиковъ.

Окладъ сошнаго письма, прежде всего, долженъ былъ отражать прибыль платежныхъ силъ въ населеніи даннаго района. Такъ, развитіе оклада отражаетъ нарастаніе экономическаго благополучія Тотемскаго уѣзда: на Тотьмѣ въ 122—123 гг. числилось $3^1/_4$ сохи, по дозору 128—129 гг. — $4^1/_4$ сохи, по письму 131—137 гг.—

[1]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо" II с. 102 - 105.
[2]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо" II с. 294.

$5^1/_8$ сохи, въ 153 г.—$6^1/_{12}$ сохи и 22 чети пашни, въ 171 г.—$6^1/_{16}$ сохи и 2 чети пашни. На Устюгѣ въ 123 г. было $22^5/_{24}$ сохи и $9^1/_2$ четей пашни, въ 128 г.—26 сохъ, по писму 129—138 гг.—$28^1/_3$ сохи, въ 152—153 гг.—28 $^{19}/_{24}$ сохи и $6^1/_6$ четей пашни [1]. Обратно, окладъ отражаетъ и паденіе платежныхъ силъ. Такъ, въ Каргополѣ и Турчасовѣ въ 123 г. насчитывалось $23^1/_4$ сохи и $7^1/_2$ четей пашни, въ 128 г.—$16^{17}/_{32}$ сохи, по писму въ 129—138 гг.—$13^3/_{32}$ сохи, въ 152—153 гг.—$13^1/_8$ сохи и $12^2/_3$ чети пашни. Въ Вяткѣ наблюдаемъ волнообразное развитіе окладной формулы: въ 123 г.—$25^3/_4$ сохи, въ 128 г.—24 $^{11}/_{48}$ сохи, по писму 129—138 гг.—28 сохъ и 22 $^5/_8$ чети пашни, въ 152—153 гг.—$20^{43}/_{48}$ сохи и $7^{11}/_{24}$ чети пашни.

Характерно, что въ 12 сѣверныхъ уѣздахъ (Яренскомъ, Вятскомъ, Двинскомъ, на Кевролѣ и Мезени, Каргопольскомъ, Турчасовскомъ, Пермскомъ, Кайгородскомъ, Сольвычегодскомъ, Тотемскомъ и Устюжскомъ) общій итогъ сошныхъ окладовъ сохраняетъ устойчивость на протяженіи 30 лѣтъ: при нѣкоторыхъ колебаніяхъ отдѣльныхъ слагаемыхъ онъ равняется и въ 128 г. и въ 152—153 гг. 110 сохамъ съ дробями при 36415 дворахъ въ перечисленныхъ уѣздахъ по писцовымъ книгамъ 1620-хъ годовъ.

Но иногда оклады были и очень податливыми и подвижными, колеблясь въ зависимости отъ экономическаго состоянія посадовъ, и отъ произвола центральной власти, и отъ дипломатическаго умѣнья посадскихъ уполномоченныхъ, отправленныхъ предстательствовать передъ приказными властями. Такъ, на Вологдѣ до 121 г. было 7 сохъ безъ четверти и пол-пол-полтреть сохи, а по дозору 121 г. стало $1^3/_4$ сохи; въ приказѣ „навалили“ одну соху, такъ что стало 3 сохи безъ четверти. Въ 125 г. Вологодскій посадъ былъ положенъ въ полъ-сохи, но затѣмъ ему велѣно было платить съ 1 сохи безъ пол-пол-трети сохи. По писму 135—136 гг. тотъ же посадъ былъ положенъ въ соху и пол-пол-чети сохи. Нижній Новгородъ платилъ въ 120 г. съ 7 сохъ, по дозору 126 г. послѣ двухъ пожаровъ сначала съ 2, потомъ съ $3^1/_2$ сохъ. По писму 129—136 гг.—съ 4 сохъ съ четью и пол-пол-пол-трети сохи безъ четверти съ третникомъ пашни.

---

[1]) С. В. Весловскій „Сошное письмо“ I с. 200, 197 и IV гл. настоящей работы.

Въ 143 г. съ Нижегородскаго посада была сбавлена треть оклада, и въ 147 и 152 гг. онъ платилъ съ 3 сохъ безъ трети сохи и съ 10 четей пашни. Въ 174 г. окладъ Нижегородскаго посада равнялся 3 сохамъ безъ трети и 7 четямъ съ четверикомъ и съ пол-четверикомъ пашни и т. д. [1]).

Такъ, наслоенія податного оклада посада были краткой символической лѣтописью его колонизаціонныхъ и торгово-промышленныхъ успѣховъ или пережитыхъ имъ невзгодъ, пожаровъ и разореній.

При производствѣ описаній послѣ Смуты правительство круто понижаетъ посадскіе оклады, въ среднемъ въ 7 разъ, а въ отдѣльныхъ случаяхъ даже въ 11 и въ 23 раза. Эти операціи съ посадскими окладами имѣли двоякій смыслъ: сравнительно съ уѣздомъ посадъ—болѣе благодарный объектъ податной эксплоатаціи, но онъ гораздо чувствительнѣе и хрупче уѣзда. Поэтому правительство таксируетъ его платежеспособность относительно осторожнѣе, вознаграждая себя за то большей энергіей, большимъ разнообразіемъ пріемовъ эксплоатаціи податныхъ силъ посада и большей изощренностью обложенія, вмѣняя себѣ въ то же время въ обязанность энергичное поддержаніе платежеспособности посада на опредѣленномъ уровнѣ. Сравнительно съ окладомъ чернаго уѣзда, на посадѣ окладъ нервнѣе и сложнѣе по тѣмъ аксессуарамъ податной политики (сыскъ и свозъ), которыми онъ обставленъ.

Государственный мотивъ этой податной системы въ приложеніи къ чернымъ волостямъ и посадамъ имѣлъ болѣе оборонительный характеръ: при помощи формулъ сошнаго письма государство укрѣпляло свою позицію по отношенію къ населенію, составлявшему какъ бы его непосредственное достояніе и объектъ его непосредственной эксплоатаціи, и защищало это населеніе отъ всякихъ поползновеній захвата со стороны властныхъ круговъ московскаго общества. И здѣсь, какъ и на служилой землѣ, формула сошнаго письма была, прежде всего, кристаллизаціей государственной идеи и государственнаго интереса.

Тенденціи сошнаго письма и на посадахъ и на черныхъ

---

[1]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо" I с. 204, 206.

земляхъ благополучно пережили XVII вѣкъ и претворились въ финансовую и соціальную программу, развиваемую на той же соціальной почвѣ имперіей XVIII вѣка. Въ концѣ XVII вѣка государство отказалось отъ ветхой алгебраической символики сошнаго письма, ни на что уже не нужной, но начала, вызвавшія когда-то къ жизни эту земельную алгебру, дифференцировались, продолжали дѣйствовать и въ оболочкѣ двороваго числа и въ ревизскомъ счетѣ душъ.

5. Значеніе системы сошнаго письма.

Переходя отъ формъ внѣшняго воплощенія къ внутреннему содержанію, въ системѣ сошнаго письма надо различать: пестрыя и часто причудливыя тарифныя ставки, символическую оболочку основной „земельной“ идеи, условное обозначеніе при помощи этихъ символовъ и тарифныхъ ставокъ конкретныхъ соціально-экономическихъ фактовъ и развитіе извѣстныхъ государственныхъ и общественныхъ тенденцій, выражавшихся при помощи его податныхъ формулъ. Самое существенное въ дѣйствіи системы сошнаго письма именно послѣднее—развитіе и опредѣленіе тенденцій, сообщавшихъ содержаніе и жизнь его тарифнымъ символическимъ формуламъ. Тенденціи эти, конечно, и старше технической оболочки сошнаго письма и не умерли вмѣстѣ съ этой системой: она была только ихъ временнымъ и условнымъ пристанищемъ.

Система сошнаго письма всегда—живое усиліе и никогда законченная и застывшая догма. Она воплотила въ себѣ стремленіе московскаго правительства подчинить рядъ жизненныхъ теченій извѣстнымъ общимъ нормамъ, создать обще-государственную схему для податныхъ заданій, построить распредѣленіе податныхъ требованій на территоріальной основѣ и оправить эти требованія въ извѣстный обрядъ экспертизы. При практическомъ проведеніи этихъ мотивовъ „письмо“ осложнилось нѣкоторыми дополнительными посылками: на служилой землѣ стремленіемъ имѣть дѣло не съ индивидуальнымъ плательщикомъ, а со служилой корпораціей уѣзда, и стремленіемъ поддержать прямыя отношенія съ крестьянишомъ, а на черной землѣ и на посадахъ—стремленіемъ

прикрѣпить плательщика къ землѣ, организовать его въ податной союзъ, поддержать государственными средствами полноту этого союза и частью взять хозяйственный оборотъ черныхъ поселеній и посадовъ подъ свой контроль.

Сошное письмо было выразительнымъ образчикомъ соціально-политическаго міросозерцанія тѣхъ людей, среди которыхъ оно сложилось, и хорошо отразило логику московскаго государственнаго строительства: его затѣйливый символизмъ, его обрядность, временами даже вычурность, его глазомѣрность—все это характерно для вкусовъ, привычекъ и понятій людей того времени. Какъ и во многихъ другихъ областяхъ московскаго соціально-политическаго творчества, въ сошномъ письмѣ поражаетъ несоотвѣтственное развитіе разныхъ его моментовъ: широта и размашистость основной идеи и слабое и вялое развитіе технической оправы ея. Вложенную въ него поступательную идейную энергію сошное письмо не развило въ видѣ законченной и цѣльной программы, осуществляемой при помощи планомѣрно проводимаго нажима. Его энергія имѣла болѣе потенціальный характеръ и дѣйствовала наступательно лишь по мѣрѣ возникновенія отдѣльныхъ болѣе острыхъ вопросовъ, напр., при включеніи привилегированныхъ вотчинъ въ сошные оклады, при раздачѣ черныхъ земель въ помѣстья и т. д. Важнѣе его наступательнаго стремленія его охранительная и предупредительная роль и участіе въ консервированіи того сложившагося въ XVI вѣкѣ соціально-экономическаго уклада, въ нѣдрахъ котораго оно развилось. Въ этомъ отношеніи вліяніе его было значительнымъ: оно помогло сохранить до половины XVII вѣка такія архаическія черты, какъ пережитки крестьянскаго выхода, ограничивавшія владѣльческія права на крестьянина.

Не всегда выдержанное и послѣдовательное въ частностяхъ сошное письмо было сильно стихійной послѣдовательностью своего общаго направленія, выражая проснувшееся въ населеніи примитивное и наивное, но прочное и крѣпкое сочувствіе формировавшейся государственной организаціи. Послѣдовательность сошнаго письма—своеобразная послѣдовательность большой рѣки, капризной и причудливой въ своихъ неожиданныхъ поворотахъ и изгибахъ и все же выдерживающей на большихъ протяженіяхъ основное географическое направленіе.

Въ счетоводной техникѣ сошнаго письма было всегда много патріархально-неряшливаго. Но, несмотря на эту неряшливость, оно достигало своей цѣли, окружая плательщика какъ бы оградой: это былъ своего рода плетень, нехитрый и непрочный, черезъ который иной разъ соблазнительно легко было перешагнуть, но все же самый фактъ „огораживанія“ при помощи формулъ сошнаго письма выражалъ и утверждалъ извѣстную правовую идею. Въ строеніи программы московской податной политики на канвѣ сошнаго письма отразилось все Московское государство съ его тогдашними заботами, интересами, планами и перспективами, съ бродившимъ еще крестьянствомъ, съ пестрымъ и неорганизованнымъ въ цѣльную и однородную массу служилымъ классомъ, со слабыми техническими средствами дѣлопроизводства и смутными порывами государственнаго строительства. Сошное письмо послужило питомникомъ для развитія и укрѣпленія государственной идеи въ разныхъ областяхъ, особенно въ области финансовой политики,—оно восприняло и впитало въ себя эту идею, когда она еще не успѣла вполнѣ консолидироваться и окрѣпнуть въ отвлеченныхъ понятіяхъ и велѣніяхъ.

Комплексъ идей сошнаго письма не былъ ни навѣяннымъ со стороны заимствованіемъ, ни счетоводнымъ творчествомъ доморощеннаго приказнаго ума — сошное письмо, прежде всего, было иносказательнымъ выраженіемъ позиціи, которую стремилось занять Московское государство въ XVI—XVII вв. Это была по-своему глубокая и содержательная притча, при помощи которой носители и выразители московской государственной идеи стремились истолковать занятую государственной организаціей позицію своимъ управляемымъ, а можетъ быть, и самимъ себѣ. Но государственная идея въ своемъ развитіи не могла застыть на этомъ этапѣ,—цѣлый рядъ обстоятельствъ вліялъ разлагающе на ту сравнительно устойчивую комбинацію отношеній, которыхъ символомъ было сошное письмо. Росло государство, росло и общество, мѣнялись отношенія, а съ ихъ перерожденіемъ назрѣвалъ и кризисъ системы сошнаго письма.

Податная техника сошнаго письма жила и держалась до тѣхъ поръ, пока дѣйствовали общія начала, сложившіяся въ отношеніяхъ власти и общества въ XVI в. Съ перерожденіемъ этихъ

отношеній начали терять свое значеніе и алгебраическія формулы сошнаго письма: на смѣну однимъ компромиссамъ и комбинаціямъ придутъ другія.

Кризисъ этотъ подготовлялся съ двухъ сторонъ. Обрядъ сошнаго письма стѣснялъ правительственную власть и раздражалъ вліятельныя группы служилаго класса. Экспертиза, выраженіемъ итоговъ которой былъ окладъ сошнаго письма, погружала податное дѣло въ гущу мелкихъ и медлительныхъ техническихъ пріемовъ и была тѣсно связана съ сотрудничествомъ представителей мѣстнаго населенія. Государство стремилось воспользоваться окладомъ сошнаго письма, какъ проводникомъ своихъ притязаній, а общество превращало окладную формулу въ буферъ между собою и органами государственной власти, стараясь положить при помощи оклада предѣлы притязаніямъ, шедшимъ сверху. Сошное письмо было слишкомъ тяжеловѣсно и неповоротливо для тѣхъ быстрыхъ соображеній и операцій, которыхъ жизнь стала требовать отъ московскаго правительства, когда пришли трудныя времена. Съ другой стороны, служилое общество домогалось уничтоженія державшихся за прежнія финансовыя схемы урочныхъ лѣтъ и въ лицѣ своихъ болѣе вліятельныхъ элементовъ, какъ увидимъ, требовало отчетливой индивидуализаціи платежнаго счетоводства во всѣхъ его ярусахъ, какъ въ центрѣ, такъ и въ уѣздѣ. Скрещеніе указанныхъ тенденцій—государственнаго мотива къ дальнѣйшему самоопредѣленію, въ связи съ повышеніемъ податныхъ требованій, и желанія служилой среды разстаться съ урочными годами и поставить податное дѣло на дѣловую почву опрятнаго и доказательнаго счетоводства — стало очень рѣшительно давать себя знать послѣ Смуты. Развитіе этого взаимодѣйствія осложнилось нѣкоторыми спеціальными условіями, въ которыхъ находился служилый классъ въ царствованіе Михаила. Къ наблюденіямъ надъ положеніемъ служилаго класса въ этотъ моментъ обратимся ниже.

Циклопическое сооруженіе московскаго сошнаго письма, заразъ могучее и неуклюжее, имѣетъ черты частичнаго сходства съ разными кадастровыми системами. Наиболѣе интересной на нашъ взглядъ аналогіей сошному письму является грандіозная

система римскаго земельнаго ценза, какъ она сложилась въ Римской имперіи къ началу IV в. На основаніи ценза, постепенно гигантскимъ кольцомъ охватывающаго все побережье Средиземнаго моря, въ Римѣ раскладывается большинство прямыхъ налоговъ (munera) [1]). Операція ценза передала свое названіе и главному поземельному налогу, развертывавшемуся на его основѣ.

Исторія развитія ценза, начинающаяся съ Сервія Туллія, непрерывно продолжается до эпохи крушенія римскаго государственнаго строя и даже переживаетъ имперію, и созданіе этой счетоводной сѣти, сотканной тысячелѣтними усиліями римской финансовой администраціи, является однимъ изъ чудесъ римскаго государственнаго порядка.

Техника кадастровыхъ операцій ценза вызвала къ жизни цѣлый штатъ спеціальныхъ должностныхъ лицъ, такъ называемыхъ mensores, agrimensores, censitores, inspectores, descriptores, perequatores и т. д., съ однимъ главнымъ mensor'омъ въ самомъ Римѣ, стоявшимъ во главѣ этой обширной статистической работы. Индивидуальные участки описывались цѣликомъ въ своемъ полномъ составѣ, получая спеціальныя фискальныя наименованія (fundus Cornelianus, fundus Salvianus и т. д.). Показательно для устойчивости этой описательной работы то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ фискальныя наименованія земельныхъ участковъ пережили тысячелѣтія и уцѣлѣли въ быту до нашего времени. Цензовое описаніе захватывало не только земельныя угодья, но и жившее на нихъ рабочее населеніе. По окончаніи описательныхъ работъ одинъ списокъ направлялся въ центральный императорскій архивъ въ Римъ, а другой оставался на мѣстѣ въ рукахъ муниципальной администраціи. [2])

На основаніи описательной экспертизы, произведенной агентами правительства, опредѣлялся масштабъ фискальныхъ требованій, предъявляемыхъ къ данной платежной единицѣ. Податное заданіе возвѣщалось особыми императорскими эдиктами—опера-

---

[1]) Подобно доходамъ современныхъ государствъ, доходы Римской имперіи раздѣляются на двѣ группы: налоги прямые, munera, и косвенные, въ своей совокупности обычно называемые терминомъ vectigalia. Clamageran „Histoire de l'impôt en France", I, p. 3—5.

[2]) Clamageran „Histoire de l'impôt", I, p. 6—13.

ція, носившая названіе indictio. Indictio опредѣляла размѣръ нормальнаго оклада, обнимая такъ называемыя munera canonica. Чрезвычайные сборы, munera extraordinaria, опредѣляла superindictio.

Поземельное обложеніе опиралось на общую юридическую идею, согласно которой Римскому государству принадлежала вся завоеванная земля. На практикѣ, территоріи, присоединяемыя силой оружія, большей своей массой оставлялись, конечно, въ пользованіи туземнаго населенія, какъ usufructus, и только отдѣльные участки отбирались для основанія на нихъ римскихъ колоній. Оставляемая во владѣніи своихъ прежнихъ хозяевъ земля окладывалась поземельнымъ сборомъ (tributum или collatio praediorum). Tributum прошелъ длительную эволюцію. Его первымъ этапомъ былъ сборъ десятины натурой (decuma) съ валового урожая. Окладъ десятины опредѣлялся или на основаніи мѣстнаго обычнаго права или посредствомъ сдачи на откупъ (censoria locatio). Въ основу оклада поземельнаго налога принималась средняя доходность за нѣсколько лѣтъ. При этомъ исчисленіе общей доходности каждаго участка производилось путемъ довольно тонкаго учета его отдѣльныхъ доходныхъ статей. Постепенно десятина вытѣсняется денежнымъ окладомъ, получившимъ спеціальное названіе stipendium или stipendiarium; дольше всего сборъ десятины натурой удержался въ Египтѣ. Принципъ уплаты tributum'а деньгами становится универсальнымъ къ концу II вѣка по Р. Х.; термины decumae, vicesimae, frumentum decumanum и т. д. постепенно замѣняются терминами canon, oblatio, indictio. Систематическое описаніе всей подвластной Риму территоріи относится еще ко временамъ Августа, но окончательную выработку римскій кадастръ получилъ только при Діоклетіанѣ. Система введеннаго имъ податного описанія состояла въ условной разверсткѣ всей облагаемой земельной площади на идеальные участки одинаковой цѣнности въ 1000 золотыхъ солидовъ (отъ 4000 до 6000 руб. на наши деньги), хотя и не одинаковой величины. Такой участокъ назывался jugum, caput или millena. Операція оклада поземельнымъ налогомъ получаетъ названіе jugatio, jugorum capitatio, capitatio terrena. [1])

[1]) Clamageran „Histoire de l'impôt", I, p. 14—23. Ср. Dureau de la Malle „Economie politique des Romains", I, p. 192 suiv., II. Ch. XV, XVI. Теорія идеальнаго значенія jugum-millena развита Моммзеномъ и Савиньи.

Такъ, римскій поземельный налогъ, первоначально состоявшій во взиманіи десятины урожая натурой, съ теченіемъ времени сталъ взиматься въ видѣ десятой доли средняго чистаго дохода, а потомъ по сложному кадастровому расчету съ самаго земельнаго капитала, независимо отъ его доходности именно въ данномъ году. Кадастровое описаніе повторялось каждые 15 лѣтъ, и 15-лѣтній промежутокъ времени, въ теченіе котораго оно дѣйствовало, назывался индиктомъ.

Поземельное обложеніе осложнялось обложеніемъ поголовнымъ, существовавшимъ еще во времена республики. Цицеронъ называетъ его exactio capitis. Этотъ видъ обложенія отчасти дѣйствуетъ параллельно съ поземельнымъ обложеніемъ, отчасти сливается съ нимъ. Такъ, колонъ, ведущій самостоятельное хозяйство, уплачиваетъ налогъ самъ, но за колоновъ, не имѣющихъ самостоятельнаго хозяйства, налогъ уплачивается землевладѣльцемъ. Взаимодѣйствіе между этими двумя порядками обложенія опредѣлялось уже въ процессѣ взиманія. [1])

Capitatio terrena и служила для разверстки главной массы платежей и повинностей, взимавшихся съ недвижимаго имущества, такъ называемыхъ munera patrimonii.

Эволюціи въ системѣ римскихъ податныхъ расчетовъ соотвѣтствовала и эволюція пріемовъ взиманія. Въ глубинѣ римской финансовой исторіи мы встрѣчаемъ сдачу налоговъ на откупъ, какъ наиболѣе простой способъ извлеченія государственныхъ доходовъ. Слѣды откупа замѣтны до эпохи Тиверія, но затѣмъ раскладка налоговъ на основаніи систематическаго кадастра вытѣснила его совершенно. На смѣну прежнимъ откупщикамъ—публиканамъ являются государственные сборщики, такъ называемые susceptores или exactores. Къ сбору государственныхъ платежей привлекается само населеніе, несущее отвѣтственность за ихъ исправную уплату на основѣ круговой поруки и обязанное выбирать изъ своей среды контингентъ сборщиковъ. Эти exactores вербуются изъ сословія куріаловъ или декуріоновъ, наслѣдственно прикрѣпленныхъ къ своимъ правамъ и обязанностямъ подъ угрозой строгихъ каръ. Для сбора платежей съ низшихъ

*) Clamageran „Histoire de l'impôt", I, p. 23 -30.

классовъ населенія, такъ называемыхъ minores, которыхъ приходилось ограждать отъ притѣсненій куріаловъ, создается избирательный институтъ защитниковъ—defensores. Сборъ платежей съ властныхъ элементовъ населенія (potentiores), могущихъ оказать противодѣйствіе низшимъ агентамъ фиска, поручался самому начальнику провинціи. Императорскіе эдикты тщательно регламентировали порядокъ полученія окладныхъ данныхъ, объявленія облагаемымъ общинамъ податныхъ требованій, раскладки налога согласно capitatio, уплаты его и т. д. На помощь сборщикамъ (susceptores vel exactóres) въ случаяхъ затрудненій должны были являться apparitores или compulsores militaris annonae, а все податное дѣло провинціи сосредоточивалось въ рукахъ назначаемыхъ императоромъ намѣстниковъ (judices разныхъ степеней), отъ которыхъ зависѣло рѣшеніе спорныхъ финансовыхъ вопросовъ и принятіе понудительныхъ мѣръ.

Значеніе римскаго ценза многообразно. Распространяясь на огромную территорію, отдѣльныя части которой находились въ совершенно различныхъ условіяхъ, цензъ придавалъ финансовымъ расчетамъ правительства планомѣрность и устойчивость. Въ то же время онъ давалъ возможность провести въ податную политику идеи права и справедливости. Имѣя въ своихъ рукахъ могучее орудіе ценза, императорская власть возвышается и до общаго начала: всѣ общественныя обязанности должна отправляться пропорціонально размѣрамъ имуществъ [1]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, система ценза является проводникомъ чрезвычайнаго фискальнаго давленія и источникомъ разоренія и изнеможенія населенія, лишеннаго возможности противодѣйствовать развитію податного бремени.

Элементы финансовой системы Римской имперіи частью унаслѣдовало Франкское королевство. Мы встрѣчаемъ въ немъ слѣды римскаго ценза, хотя и лишеннаго прежней систематичности, выдержки и все сокрушающей авторитарности: варварское населеніе не мирится съ фискальнымъ давленіемъ такъ слѣпо и покорно, какъ обычно мирилось населеніе императорскихъ провинцій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, поземельный налогъ теряетъ свой госу-

[1]) Мотивъ этотъ былъ высказанъ имп. Антониномъ. Clamageran „Histoire de l'impôt", I, p. 87.

дарственный характеръ и, подвергаясь отчужденію въ частныя руки, пріобрѣтаетъ черты частно-правовой собственности, коллективная отвѣтственность плательщиковъ за податной окладъ исчезаетъ, а ея исчезновеніе дѣлаетъ финансовую систему рыхлой и неустойчивой. Tributum продолжаетъ жить и дѣйствовать, но какъ далекій отголосокъ когда-то универсальной, а теперь почти исчезнувшей системы: хранителемъ государственнаго правового мотива во Франкскомъ королевствѣ является не періодическій кадастръ, ритмически повторявшійся въ теченіе многихъ столѣтій, а обычай и глухая традиція [1]). Французской монархіи предстоялъ длинный путь возстановленія и укрѣпленія финансоваго суверенитета государства, нѣкогда символически выраженнаго въ римскомъ земельномъ цензѣ.

Между цензомъ Римской имперіи и сошнымъ письмомъ Московскаго государства—рядъ замѣтныхъ сходствъ. И цензъ и сошное письмо были одинаково выраженіемъ мощнаго централизаціоннаго усилія государственной организаціи, стремившейся опредѣлить свое финансовое положеніе. Въ обоихъ случаяхъ мы наблюдаемъ одно и то же государственно-правовое прикрытіе системы обложенія: и въ Римѣ и въ Москвѣ финансовая политика освѣщается идеей права государства на всю подвластную ему территорію. Обѣ системы одинаково сложились въ результатѣ длительной эволюціи, при чемъ и тамъ и здѣсь исходной точкой развитія были повинности натурой, постепенно и претворявшіеся въ общегосударственный денежный сборъ. Но всего выразительнѣе сходство между обѣими системами проступаетъ въ характерѣ пріемовъ оклада: и большая московская соха и jugum—millena одинаково представляютъ собой условныя символическія единицы, не имѣющія точнаго реальнаго значенія. Сходны и нѣкоторыя сопутствующія черты обѣихъ системъ: тяглое прикрѣпленіе во многомъ поразительно сходно въ римскомъ муниципіи и въ московскомъ посадѣ, а различіе, которое римская финансовая

[1]) Слѣды ценза встрѣчаются еще въ капитуляріяхъ 805, 812, 819 гг., даже въ Пистійскомъ эдиктѣ 864 г. и Тузіакскомъ капитуляріи 865 г., но послѣ Керсійскаго капитулярія 877 г. они теряются совершенно. Clamageran „Histoire de l'impôt", I, p. 118—154. Ср. Vuitry „Etudes sur le régime financier de la France" p. 1—97.

система дѣлаетъ между колонами, ведущими самостоятельное хозяйство, и колонами, являющимися рабочей силой въ хозяйствѣ землевладѣльца, напоминаетъ вопросъ объ обложеніи задворныхъ холоповъ въ Москвѣ.

Сходства эти вытекаютъ, прежде всего, изъ сходства въ положеніяхъ государственной власти въ томъ и другомъ случаѣ. И въ Римѣ и въ Москвѣ одинаково государственная власть опредѣляетъ свое финансовое положеніе на территоріи грандіознаго размѣра, облагая слѣпо покорное ей общество: сходство условій, среди которыхъ приходилось дѣйствовать, обусловливаетъ и сходство создаваемыхъ порядковъ.

Но есть и крупныя различія. По степени отчетливости своихъ юридическихъ посылокъ и технической выработки сошное письмо, конечно, не выдерживаетъ сравненія съ системой ценза. Въ Римѣ мы встрѣчаемся съ тонкимъ мастерствомъ, вырабатывавшимся вѣками, въ Москвѣ—съ топорной работой кустаря, который бралъ инстинктомъ и вдохновеніемъ. Замѣчательная устойчивость римскихъ окладныхъ единицъ, сложная техника описанія и податной оцѣнки, выработка пріемовъ взиманія, ритмичность повтореній кадастра—все это, разумѣется, несравнимо съ грубыми пріемами московскаго сошнаго письма, какъ несходны награвированныя въ Римѣ на мѣди формулы оклада съ замусоленными писцовыми книгами, стряпавшимися въ Москвѣ. Различны и судьбы обѣихъ системъ: цензъ въ законченномъ видѣ—финалъ финансовой исторіи Рима, ея закатъ, а сошное письмо—только начало финансовой исторіи Русскаго государства. Цензъ, вырождаясь, умираетъ, сошное письмо претворяется въ новую комбинацію податныхъ пріемовъ [1]).

6. Москва и служилый городъ въ первую половину XVII вѣка.

XVI вѣкъ, несмотря на всю сложность и рѣшительность мѣръ эпохи Грознаго, направленныхъ на устройство служилаго класса, не разрѣшилъ, однако, окончательно вопроса о взаимо-

[1]) Ср. Clamageran„Histoire de l'impôt", I, p. 82—108.

отношеніяхъ между столицей и уѣздомъ, а Смутное время прибавило къ нему свои осложненія.

Въ значительной мѣрѣ силами и энергіей именно городового дворянства была потушена разруха, водворенъ порядокъ, и посажена на московскомъ престолѣ новая династія, между тѣмъ городовой дворянинъ не могъ не чувствовать себя обойденнымъ при разверсткѣ земныхъ благъ. На первомъ планѣ въ Москвѣ оказывался его болѣе счастливый столичный собратъ, держащійся за свое столичное родство и свойство, вхожій во дворецъ и въ приказъ. Конечно, составъ столичнаго дворянства непрерывно освѣжался путемъ эндосмоса изъ уѣздовъ, но въ основѣ своей при Михаилѣ онъ состоялъ изъ довольно плотнаго ядра, въ которое входило не болѣе двухъ сотенъ фамилій, крѣпко между собою связанныхъ узами родства и хлѣбосольства. Остановимся на нѣкоторыхъ сторонахъ быта служилыхъ людей и сравнимъ черты, характеризующія положеніе городового и столичнаго дворянства.

Прежде всего, въ несравненно болѣе тяжелыхъ условіяхъ протекала служебная карьера провинціальнаго служилаго человѣка. Опоясавшись едва не съ 15 лѣтъ саблей, городовой дворянинъ разставался съ ней только тогда, когда его дряхлѣющая рука уже не въ силахъ была владѣть ею въ рукопашной схваткѣ. Служба его, протекавшая въ рядахъ его родного уѣзднаго отряда, на глазахъ у своей братіи, въ походахъ и бояхъ, требовала выносливости, терпѣнія и мужества. Ее трудно и сравнивать съ карьерой человѣка столичной служилой среды—карьерой, начинавшейся около Постельнаго крыльца вблизи „комнаты“ и продолжавшейся на воеводствахъ и въ парадированіи на Тулѣ въ безплодномъ ожиданіи татарскаго набѣга. Между тѣмъ только долгая боевая карьера, только рядъ подвиговъ и увѣчій вводилъ уѣзднаго воина въ его стеганомъ тягиляѣ на „обышномъ конишкѣ“ въ ряды свысока къ нему относившагося столичнаго дворянства, подъ осень жизни снискивая ему званіе дворянина московскаго, съ котораго заурядъ начинали свою служебную карьеру дѣти фамилій, успѣвшихъ пустить прочные корни въ столицѣ. Тугое движеніе по службѣ лишало городового дворянина и выгодъ, связанныхъ со служебными успѣхами (значительнаго оклада денежнаго жалованья, земельной дачи, сытнаго воевод-

ства и т. д.), заставляя подъ старость довольствоваться какой-нибудь костью въ родѣ должности губного старосты[1]).

Еще значительнѣе были невыгоды землевладѣльческаго положенія городового дворянина, зачастую принужденнаго безсильно взирать на то, какъ лучшіе куски уѣзднаго земельнаго фонда уплывали въ руки преуспѣвшихъ московскихъ карьеристовъ и фаворитовъ, запасавшихся иной разъ, какъ, напримѣръ, бояринъ Б. И. Морозовъ, вотчинами и помѣстьями чуть ли не въ 20-ти уѣздахъ[2]). Насколько быстро и легко обдѣлывались эти дѣла лицами, имѣвшими въ столичномъ приказѣ руку, особенно въ тѣ моменты, когда слабѣла центральная власть, можно судить наглядно, напримѣръ, по списку пожалованій, сдѣланныхъ при царѣ Владиславѣ. Вліятельные люди растаскивали не только деревушки и села, тащили цѣлые волости и уѣзды. Крайній Левъ Аѳанасьевичъ Плещеевъ получилъ въ Новгородскомъ уѣздѣ въ

---

[1]) См., напр., выразительное челобитье жильца Порфирьева — А. М. Г. I № 87 и ниже въ гл. III (с. 251—256) челобитья И. Тарбѣева, А. Языкова, Г. Дурного.

Въ мѣстническихъ дѣлахъ наглядно выступаетъ пренебрежительное отношеніе московской служилой среды къ своимъ уѣзднымъ собратіямъ, „молодымъ дѣтишкамъ“ или „сынчушкамъ боярскимъ“. Такъ, Дм. Погожему, бившему челомъ на кн. Н. Барятинскаго, читаютъ слѣдующее наставленіе: „Дмитрей! билъ ты челомъ Государю въ отечествѣ на князь Никиту Барятинскаго, и вы люди неродословные, дѣти боярскіе, родъ вашъ при прежнихъ Государѣхъ ни въ воеводахъ ни въ головахъ нигдѣ не бывали ни въ какихъ чинахъ, и ты тѣмъ князь Никиту обезчестилъ.....“ (Д. Р. I, с 317—318).— Кн. Сем. Гагарину, мѣстничавшемуся съ кн. В. Щербатовымъ, думный дьякъ Томило Луговской объявлялъ: „Билъ онъ челомъ на князь Вас. Щербатова не дѣломъ, со княземъ Васильемъ ему не сошлось, никто въ Гагариныхъ въ воеводахъ не бывали, вездѣ въ старостахъ въ губныхъ и въ городовыхъ прикащикахъ, и впредь бы князь Семенъ не билъ челомъ; а станетъ бить челомъ, и ему быти про то въ великой государевѣ опалѣ и въ наказаньѣ, безъ пощады“ (Д. Р. I, с. 501—502). Рязанцамъ Василію Чевкину и Дмитрію Воейкову, покушавшимся мѣстничаться съ Б. Пушкинымъ, пришлось испытать слѣдующее приключеніе. „...И государь велѣлъ имъ отказать, что такіе дѣти боярскіе бьютъ челомъ не по своей мѣрѣ на честныхъ дворянъ не дѣломъ. И дьякъ Ѳедоръ Лихачевъ отказалъ и называлъ ихъ дѣтишками боярскими и ударилъ Василья въ душу: а станешь де впредь бити челомъ, быть въ наказаньѣ. А Дмитрей вдругорядь почелъ бить челомъ государю, и государь на него почелъ кручиниться, лаелъ его м... и называлъ его сынчишкомъ боярскимъ: а будетъ станешь опять бити челомъ, велю опозорити“ (Д. Р. I, с. 795—796). Извѣстно, какъ любили корить кн. Д. М. Пожарскаго его предками, служившими въ губныхъ старостахъ и городничихъ (Д. Р. II с. 30 и др. Ср. С. М. Соловьевъ „Исторія Россіи“ II с. 1303 сл. Ср. также Д. Р. I с. 575, 990—993, II с. 17, 452 и мн. др.).

[2]) П. И. Смирновъ въ Ж. М. Н. П. 1913 г. № 9. Процессъ раздачи въ XVII в. земель дворцоваго фонда былъ предметомъ изученія въ V гл. работы Ю. В. Готье „Замосковный край въ XVII в.“

Бѣжецкой пятинѣ дворцовую волостку Липенскую и рядокъ Боровичи съ кабакомъ, тамгой и перевозомъ, Ѳедоръ Андроновъ—Погорѣлое Городище, бояринъ Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ—Чаронду и Тотьму „со всѣми доходы", Иванъ Тарасьевичъ Грамотинъ—Красную Слободу въ Темниковскомъ уѣздѣ съ кабакомъ и тамгою, крайчій кн. Андрей Ѳедоровичъ Масальскій получилъ „въ путь" Гороховецъ, „какъ давано прежнимъ крайчимъ", кн. Янушъ Порыцкій—Рославль „со всѣми до него принадлежностями и пожитками" для содержанія его „въ пильномъ опатренью и въ добромъ порядку" [1]) и т. д. Всѣ эти случаи показываютъ, куда дулъ вѣтеръ среди преуспѣвшихъ элементовъ служилаго общества, не только конкурировавшихъ съ менѣе счастливой уѣздной братіей при раздѣлѣ уѣздныхъ мужиковъ, но и посягавшихъ на то, что государство ревниво сберегало въ интересахъ всего служилаго класса въ цѣломъ,—на посады.

Находясь вдали отъ столицы и не располагая московскими связями, городовой дворянинъ былъ лишенъ возможности слѣдить въ Помѣстномъ приказѣ за распредѣленіемъ земельныхъ богатствъ, лежавшихъ внѣ предѣловъ его родного уѣзда. Хозяевами положенія были столичные чины, умѣвшіе во-время подстеречь и подхватить въ Помѣстномъ приказѣ лучшіе куски, на которые съ безпомощной завистью должна была взирать уѣздная мелкота. Какая масса голодныхъ уѣздныхъ ртовъ ждала очереди, видно, напримѣръ, изъ того, что на выморочное наслѣдіе кн. Ю. А. Сицкого нашлось около полутораста челобитчиковъ—претендентовъ. Обдѣляемому городовому дворянину остается самооборона: ему поневолѣ приходится заботиться о томъ, чтобы теченіе земельныхъ дѣлъ было приведено въ порядокъ, и чтобы къ нему въ уѣздъ, по возможности, не заѣзжали столичные удачники.

Забота объ упорядоченіи земельнаго оборота есть, поэтому преобладающая забота уѣзднаго дворянства, отчетливо выразп-

---

[1]) А. З. Р. IV № 183. XLI, XLIII, LXI, CCXXXVI, CDLXXXI, DCLXII, DCC. Чаронда бывала за частными лицами и раньше,—ею владѣли Дм. Ив. Годуновъ и кн. М. В. Скопинъ-Шуйскій. Не касаемся другихъ пожалованій перечисленнымъ въ текстѣ лицамъ, часто весьма обширныхъ, но сдѣланныхъ за счетъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель.

вшаяся еще въ Смуту въ іюньскомъ приговорѣ перваго ополченія. По длинной законодательной исторіи земельнаго вопроса можно прослѣдить, какъ безпокоилъ городового дворянина напоръ на земельное богатство сверху, изъ столицы. Просматривая указную книгу Помѣстнаго приказа, мы видимъ, что законодатель то и дѣло долженъ возвращаться къ вопросу объ огражденіи интересовъ служилой уѣздной корпораціи и развивать цѣлую программу покровительственнаго для уѣзднаго люда законодательства. Еще въ 122 (1613) г. состоялся боярскій приговоръ о неотчужденіи у служилыхъ иноземцевъ земель, которыя они получили за службу. 9 іюля 125 (1617) г. бояре приговорили: „которыхъ смольнянъ дворянъ и дѣтей боярскихъ побитыхъ и которые собою померли, а помѣстья ихъ розданы послѣ приговору 122 году августа 8 числа мимо родства московскимъ дворянамъ или ихъ городу, хотя безпомѣстнымъ, и нынѣ тѣхъ помѣстей изъ роздачи поворачивать у московскихъ дворянъ половину, а другую оставливать за тѣми помѣщики, кому были розданы". Указъ 15 декабря 126 (1617) г. запрещалъ раздавать помѣстья бѣлянъ, сидящихъ въ осадѣ и убитыхъ, помимо ихъ женъ, дѣтей, рода, племени и города. Еще явственнѣе выражается та же тенденція въ указахъ 142 и 143 (1634) гг., изданныхъ въ связи со Смоленской войной. Указы эти требовали, чтобы вымороченыя помѣстья служилыхъ людей, убитыхъ подъ Смоленскомъ, отдавались безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ дворянамъ тѣхъ же городовъ, если эти дворяне были подъ Смоленскомъ, и запрещали ихъ раздачу московскимъ чинамъ и дворянамъ другихъ уѣздовъ. Къ декабрю 142 (1633) г. относится правоучительный указъ по частному дѣлу дьяка Александра Дурова, купившаго выслуженную вотчину у Ермолая Гвоздева. Расторгая заключенную Дуровымъ и Гвоздевымъ сдѣлку, указъ наставительно замѣчаетъ: „и та вотчина ему (Дурову) не крепка для того, что они посланы были на государевы службы не вотчины покупать, а надъ государевыми недруги промышлять,.... да и впредь воеводамъ и дьякамъ и всякимъ приказнымъ людемъ на службахъ вотчинъ не покупать, а кто купитъ, и у того даромъ отымутъ и отдадутъ тому, хто съ продалъ, для того, что многіе, будучи на службахъ, воруютъ, бражничаютъ и для воровства вотчины на малые деньги

отдаютъ, проворовавъ вотчину, и впередъ государю не слуга будетъ....“ Въ 144 (1636) г. запрещено вымѣнивать земли у бѣлозерцевъ боярамъ и вообще высшимъ чинамъ. Въ 145 (1637) г. послѣдовало общее запрещеніе давать московскимъ чинамъ помѣстья въ украинныхъ и польскихъ городахъ. Запрещеніе распространялось также и на покупку вотчинъ. Въ томъ же 145 (1637) г. подтверждено запрещеніе передавать въ руки московскихъ чиновъ и иногородцевъ помѣстья бѣлозерцевъ. Въ 147 (1639) г. запрещена вообще мѣна вотчинъ и помѣстій между московскими чинами и городовыми дворянами. Въ 150 (1641) г. высшіе чины были стѣснены и въ захватѣ „порожнихъ земель“. Въ 151 (1643) г. по челобитью городовыхъ дворянъ запрещены „безъ именного указу“ нѣкоторые случаи перехода уѣздныхъ земель въ руки московскихъ чиновъ даже по брачнымъ сдѣлкамъ. Впрочемъ, эта радикальная мѣра, какъ и категорическое воспрещеніе мѣны вотчинъ и помѣстій въ 147 (1639) г. между московскими и уѣздными служилыми людьми, вскорѣ подверглась ограниченію и даже полной отмѣнѣ—„потому что съ тѣхъ мѣстъ, какъ откровенно высказывается указъ, у многихъ людей межь собою въ сосѣдстве ссоры и вражды были многіе, и вдовамъ и дѣвкамъ зговаривать въ городѣхъ было не за ково, что у вдовъ и у дѣвокъ въ своихъ городѣхъ свойство со многими ближнее, а московскихъ чиновъ городовыхъ помѣстій давать не велено, и тѣмъ было за дѣвокъ и за вдовъ зговаривать не можно...., чтобы за тѣмъ вдовы и дѣвки безъ замужства не засиживались....“ Въ 156 (1648) г. по челобитью бѣлозерцевъ снова подтверждено запрещеніе передавать ихъ помѣстья московскимъ чинамъ, не трогая, однако, того, что уже передано („быти такъ“). „А впередъ, гласилъ указъ, поместей вашихъ и вотчинъ отдавать не велятъ и велятъ чинить, какъ о томъ былъ прежней указъ отца нашего великаго государя“. Въ 157 (1649) г. не велѣно „до указа“ отнимать старыхъ помѣстій у орловскихъ и курскихъ служилыхъ людей, сведенныхъ на Карповъ, а въ 159 (1651) г. этотъ указъ былъ подтвержденъ съ такимъ характернымъ разъясненіемъ: „будетъ тѣ прежніе помѣщики (т.-е. сведенцы)... въ новыхъ городѣхъ испомѣщены и землями устроены“, ихъ прежнія помѣстья справлять пре-

имущественно за безпомѣстными служилыми людьми тѣхъ же уѣздовъ [1]).

Параллельно съ этимъ теченіемъ въ законодательствѣ по земельнымъ дѣламъ развивается и другая струя, направленная на борьбу съ захватомъ земель обманомъ, съ такъ называемымъ „вылыганіемъ“ помѣстій и вотчинъ. Конечно, вылыганіе это было доступно преимущественно тѣмъ же столичнымъ чинамъ, и борьба съ нимъ имѣла въ виду именно злоупотребленія привилегированныхъ элементовъ служилаго класса. Такъ какъ обманный захватъ земель имѣлъ мѣсто главнымъ образомъ въ теченіе Смуты, то именно къ случаямъ изъ этой эпохи относятся указы 30 ноября 122 (1613) г., 20 сентября 125 (1616) г., 20 февраля 129 (1621) г. [2])

Это неустойчивое и безпорядочное законодательство характерно не только своимъ содержаніемъ, но и своимъ темпомъ. Его невыдержанное и не всегда твердое развитіе показываетъ, что земельный вопросъ, благодаря значительной автономіи въ земельныхъ дѣлахъ уѣздной служилой корпораціи, не имѣлъ самъ по себѣ исключительно боевого значенія, обостряясь только спорадически, но онъ несомнѣнно имѣлъ значеніе хроническаго зла, безпокоившаго служилое общество непрерывно въ теченіе всего XVII в., едва ли не до эпохи Петра. Ниже, въ главѣ III, мы увидимъ, какъ неравномѣрно распредѣлялся народный трудъ, находившійся въ рукахъ служилаго класса, между его столичными и городовыми элементами.

---

[1]) В. И. Сторожевъ „Указная книга Помѣстнаго приказа“ №№ 14, 15, 19, 21, 22—24, 87, 89, 95, 99, 103, 105, 107, 108, 118, 120, 125. Съ заботой законодательства регулировать отношенія между столицей и уѣздомъ встрѣтимся на каждомъ шагу и позднѣе, почти до конца вѣка. Ср. П. С. З. I №№ 20, 39, 53, 120, 516, 521, 522, 549, 552, 558, 606; II №№ 683, 689, 727, 935, 1031, 1034 и др. Случаи, иллюстрирующіе взаимоотношенія столицы и уѣзда, можно найти въ „Матеріалахъ для исторіи дѣлопроизводства Помѣстнаго приказа по Вологодскому уѣзду“, изданныхъ В. И. Сторожевымъ. Примѣры борьбы уѣздной корпораціи противъ вторженія въ уѣзды столичныхъ элементовъ см. въ „Арзамасскихъ помѣстныхъ актахъ“, изданныхъ С. Б. Веселовскимъ.

[2]) Въ связи съ заботой о контролѣ надъ этой стороной дѣла, составлялись уже въ эпоху Смуты и земельные реестры, въ родѣ напечатаннаго въ Ч. О. И. Д. Р. 1895, I. Ср. Л. М. Сухотинъ „Земельныя пожалованія при царѣ Владиславѣ“ с. 49, 72, 73. Въ 1620-хъ годахъ шли и сыски объ окладахъ—Ч. О. И. Д. Р. 1894, II, 1895, IV.

Одинаково съ земельнымъ вопросомъ уѣздное дворянство волновалъ и развивавшійся параллельно съ нимъ крестьянскій вопросъ. Почти все законодательство по крестьянскому вопросу связано съ отмѣченной рознью между столицей и уѣздомъ. Указы 110 и 111 (1601 и 1602) гг. ограничиваютъ право вывоза крестьянъ низшими разрядами служилыхъ людей (начиная съ выбора и жильцовъ), стремясь предохранить мелкопомѣстнаго служилаго человѣка отъ конкуренціи его столичныхъ товарищей. Уже въ договорѣ 4 февраля 118 (1610) г. среднее и провинціальное дворянство вопросъ о прекращеніи выхода поставило ребромъ. Съ 1630-хъ годовъ въ программу почти всѣхъ обращенныхъ къ власти ходатайствъ городовыхъ дворянъ входитъ требованіе уничтоженія урочныхъ лѣтъ, представленныхъ въ одномъ коллективномъ челобитьѣ 143 (1634—1635) г., какъ непріятное нововведеніе послѣдняго времени—„а прежнихъ де годѣхъ, заявляли дворяне, и при прежнихъ государѣхъ въ тѣхъ бѣглыхъ крестьянахъ урочныхъ лѣтъ не бывало“. То же требованіе отмѣны урочныхъ лѣтъ повторяется и въ челобитныхъ 145 (1637), 149 (1641) и 153—154 (1646) гг. Извѣстно, какъ правительство шагъ за шагомъ уступало въ этомъ вопросѣ, поднимая урочные годы съ 5 до 9, 10 и 15 лѣтъ, и отмѣнивъ ихъ, наконецъ, переписчиковымъ наказомъ 154 (1646) г. совершенно [1]).

Какъ и въ земельномъ вопросѣ, мы встрѣтимъ здѣсь не особенно напряженное, но настойчивое и упорное давленіе на власть со стороны уѣзднаго служилаго люда, требовавшаго уничтоженія неудобной для него нормы.

Невыгоды положенія городового дворянина въ земельномъ

---

[1]) Ср. П. И. Смирновъ „Челобитныя дворянъ и дѣтей боярскихъ всѣхъ городовъ въ первой половинѣ XVII вѣка“, с. 38—50. Какое раздраженіе вызывали иной разъ въ служилой мелкотѣ сильные люди, видно изъ извѣстнаго челобитья ельчанъ на царскаго дядю Ивана Никитича Романова. „Намъ въ украйномъ городѣ, писали ельчане, съ такимъ великимъ боярином въ сосѣдствѣ жить невозможно,—мочи нашей отъ насильства людей и крестьянъ боярина Ивана Никитича не стало. Каково намъ разоренье было отъ Литвы, и Литва полѣнила насъ на одно время, а нынѣшнему плѣну, каковъ на насъ плѣнъ отъ людей и крестьянъ Ивана Никитича, и конца не вѣдаемъ, пуще намъ стало крымской и ногайской войны, во всемъ Елецкомъ уѣздѣ не осталось за нами крестьянъ и бобылей и третьяго жеребья“ (С. М. Соловьевъ „Исторія Россіи“ II, с. 1348. Отрывки этого любопытнаго дѣла см. въ изданіи: „Древности. Труды Археографической Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго общества“. Т. 3-й. 1913.).

и крестьянскомъ вопросахъ усугублялись еще своеобразіемъ московской столичной юрисдикціи—спеціальной подсудностью столичныхъ чиновъ Московскому и Владимірскому судным приказамъ и процессуальными выгодами вести тяжбу передъ столичнымъ трибуналомъ для служилаго человѣка, обладавшаго въ Москвѣ прочной осѣдлостью, сравнительно съ его уѣзднымъ собратомъ, имѣвшимъ возможность бывать въ столицѣ только наѣздомъ. Челобитье служилыхъ людей 145 (1637) г. гласитъ, что „московскіе сильные люди всякихъ чиновъ" свозятъ у нихъ крестьянъ, да еще затѣваютъ, въ добавокъ, противъ нихъ судебныя тяжбы. „И обида и продажа намъ, холопемъ твоимъ, жалуются городовые дворяне, отъ нихъ въ ихъ большихъ поклепныхъ искехъ: емлютъ по насъ, холопѣй твоихъ, и по нашихъ людишакъ и крестьянишакъ твои государевы заказные грамоты, надѣясь на жеребей, что съ нихъ твоихъ государевыхъ пошлинъ нѣтъ, и насъ, холопѣй твоихъ, и людишакъ и крестьянишакъ продаютъ напрасно". Городовые дворяне жаловались на то, что, „волоча ихъ московскою волокитою", имъ даютъ суды на властей и на монастыри только три раза въ годъ (на Троицынъ день, на Семенъ день и на Рожество Христово), между тѣмъ въ первые два срока они бываютъ на государевой службѣ, а на Рождество они „за своими бѣдностми и далными проезды на тотъ срокъ приезжать не успѣваютъ за разореньемъ отъ сильныхъ людей, и по многие.... годы на Рожество Христово и путь не ставитца". Отыскивая своихъ крестьянъ, городовые дворяне не могутъ добиться суда и должны волочиться „за судными дѣлами на Москвѣ въ приказе лѣтъ по пяти и по дѣсяти и болши, и по тѣмъ судным дѣламъ (имъ) указу нетъ, и (они) съ московскіе волокиты вконецъ погибли". „И вынять насъ, холопѣй твоихъ, продолжали челобитчики, не по судным дѣламъ сроками,—которые не успѣваютъ: за бѣдностми своими и за розореньемъ и за далнымъ путемъ отъ сильныхъ людей ставитца на срокъ къ судным дѣламъ не успеваемъ, и крестьянъ нашихъ и людишокъ, мимо судныхъ делъ и писцовыхъ книгъ и выписей нашихъ, отдаютъ имъ. А которые успеваютъ ставитца на сроки, и тѣмъ по судным дѣламъ указу нѣтъ: волочимся лѣтъ по дѣсяти и болши, а въ тѣ поры они крестьянишкоми и людишкоми нашими

владеютъ, а бѣглые наши крестьяне изъ лѣтъ выходятъ, а мы, холопи твои, съ московскіе волокиты вконецъ погибаемъ, и домишка наши опустели, и достолные наши крестьянишки и людишки изъ-за насъ, холопей твоихъ, выходятъ за московскихъ сильныхъ людей, и за всякихъ чиновъ, и за власти, и за монастыри. А въ городехъ намъ, холопемъ твоимъ, на власти и на монастыри, на московскихъ на сильныхъ людей всякихъ чиновъ судовъ не даютъ: надѣютца оне на твои государевы несудимыя грамоты и на урочные годы на пять лѣтъ, а мы холопи твои, бываемъ на твоихъ государевыхъ службахъ безпрестанно". Городовые дворяне не ограничивались въ этомъ челобитьѣ жалобами и критикой, но предлагали и положительныя мѣры. „И вели, государь, требовали они, выбрать въ городѣхъ изъ дворянъ и изъ земскихъ людей, и вели, государь, насъ, холопей своихъ, судить въ городехъ по своему государеву указу и по своей государеве уложенной судебной книге, для нашей бѣдности и разоренья и для дальново пути и для московские волокиты и проести, чтобы тебѣ, государю, отъ насъ, холопей твоихъ, докуки не было, а мы бъ, холопи твои, съ московские волокиты вконецъ не погибли и отъ московскихъ всякихъ чиновъ сильныхъ людей, и отъ монастырей, и отъ всякихъ властей въ продаже не были, и чтобъ намъ, холопемъ твоимъ, отъ ихъ продажи и насилства вкопецъ не погибнуть и твоей бы царской службы впредь не отбыть" [1]).

Въ отвѣтъ на это челобитье послѣдовалъ указъ 20 февраля 145 (1637) г. объ удлиненіи урочныхъ годовъ до 9 лѣтъ, а черезъ годъ 3 февраля 146 (1638) г. государь указалъ „для поспѣшенія, чтобы дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ въ судныхъ дѣлахъ волокиты не было, взять изъ приказовъ городы и судити по приказомъ бояромъ". Нѣкоторыя льготы были сдѣланы городовымъ служилымъ людямъ и въ 147 (1639) г. Въ 149 (1641) г. служилый людъ разныхъ городовъ „всево Московскова государства", „всею землею", энергично возобновилъ свое челобитье на ту же тему. Служилые люди опять хлопочутъ о реформѣ судовъ, добиваясь того, чтобы ихъ судили по судебнику Грознаго: „за ихъ

---

[1]) П. П. Смирновъ „Челобитныя" и т. д. с. 38—41.

за судными и за всякими спорными дѣлы велѣлъ бы государь сидѣть въ полате бояромъ, а не въ судныхъ приказахъ, а бѣглымъ изъ-за нихъ крестьянамъ, пожаловалъ бы государь, урочные лѣта велѣлъ отставить. А которые судьи учнутъ судить не по правде, и съ тѣми бъ судьями в-ыхъ неправедныхъ судехъ велѣлъ бы государь черезъ бояры давать очные ставки. И со всякими людмі велѣлъ бы ихъ государь судить на Москвѣ і въ городѣхъ безсрочно, а на нихъ бы велѣлъ государь искаті гдѣ кто судимъ. И посулы бъ государь велѣлъ вывесть. А которые ихъ братья не по правде обинены, и помѣстьями ихъ і вотчинами сильные люди у нихъ завладѣли не по праведному суду и сыску, і въ томъ бы государь пожаловалъ,—велѣлъ судъ и сыскъ даті". Изданный въ отвѣтъ на это челобитье указъ („уложеніе") удлинялъ урочные годы до 10 и 15 лѣтъ, разрѣшая возбуждать дѣла о свозахъ, сопровождавшихся убійствами, даже до 122 (1613) г., вносилъ нѣкоторыя поправки въ судебный процессъ и освобождалъ ратныхъ людей отъ платежей за перевозы, отъ мостовщины и мыта и т. д. Въ связи съ этимъ челобитьемъ лѣтомъ 149 (1641) г. государь указалъ вызвать въ Москву „всево Московскова государства изо всякова города пятериковъ". Эти выборные отъ каждой уѣздной корпораціи въ количествѣ пяти человѣкъ дворяне должны были, повидимому, довести до свѣдѣнія правительства нужды своей уѣздной братіи [1]).

Идя навстрѣчу городовому дворянству въ его требованіяхъ, Московское правительство непрерывно поддерживаетъ и функціонированіе особыхъ буферныхъ учрежденій, назначеніемъ которыхъ было смягчать конфликтъ между столичнымъ и уѣзднымъ дворянствомъ,—такъ называемыхъ Челобитныхъ приказовъ или „приказовъ, что на сильныхъ людей челомъ бьютъ".

Городовой дворянинъ не былъ одинокъ въ своемъ неудовольствіи на сильныхъ людей, прочно обступившихъ новую династію съ того момента, какъ она обосновалась въ московскомъ Кремлѣ. Вотъ какъ характеризуетъ тогдашніе порядки въ своемъ общемъ обзорѣ Смуты и первыхъ лѣтъ царствованія Михаила псковскій лѣтописецъ: „Но и сему благочестивому и праведному царю,

[1]) П. П. Смирновъ „Челобитныя" и т. д. с. 41 — 47 и грамотка Колбецкаго въ Ч. О. И. Д. Р. 1894, II.

смиренія его ради, не безъ мятежа сотвори ему державу врагъ діаволъ древній, возвыся паки владущихъ на мздоимания, наипаче же насиловаху православнымъ, емлюще въ работу силно собѣ. Людіе же начаша оставшаяся собиратися на Русь по градомъ, исходя отъ плѣну отъ Литвы и Нѣмецъ, и начаша населятися; они же окаяннїи, акы волцы тяжцы восхитающе, емляху ихъ къ собѣ, понеже страхъ Божій преобидѣша и забыша свое прежнее безвремяніе и наказаніе, что надъ ними Господь за ихъ насильство сотвори, отъ своихъ рабъ разорени быша; и паки на то же подвигошася, а царя ни во что же вмѣниша и не боящеся его, понеже дѣтескъ сый". Истолковавъ какъ боярскій проискъ ту клятву, которой Михаилъ, по извѣстію этого лѣтописца, ограничилъ свою власть, авторъ заключаетъ: „Сего ради и всю землю русскую раздѣливше по своей воли, яко и его царьская села себѣ поимаша, иже бѣ преже у царей, понеже не вѣдомо бѣ царю, яко земскія книги преписанія въ разореніе погибоша, а на царскую потребу и росходы собираху со всей земли Русской оброки и дани и пятую часть имѣнія у тяглыхъ людей, а изъ протчихъ царьскихъ доходовъ, ихъ же государь царь оброки жаловаше". Заканчивая свою характеристику олигархіи первыхъ лѣтъ царствованія Михаила, лѣтописецъ заключаетъ: „Аще бы и попустилъ Богъ по ихъ велѣнію тако быти (т. е. посадить на московскомъ престолѣ иноземнаго государя), то не бы такъ обладали Рускою землею и насиловали Христіаномъ, но сами бы до конца погублени были отъ любимыхъ ими (т. е. этихъ иноземныхъ государей)" [1]).

Заглянемъ поближе въ настроенія, переживавшіяся въ ту эпоху городовымъ дворянствомъ, и познакомимся съ нѣкоторыми выраженіями неудовольствія, исходившими изъ его среды.

Въ такъ называемыхъ государевыхъ дѣлахъ то и дѣло пробѣгаютъ огоньки, указывающіе на настроенія, разлитыя въ глубинѣ уѣздной служилой массы. Одинъ изъ поводовъ неудовольствія—крестьянскій вопросъ въ его тогдашней постановкѣ, т. е. выходъ и вывозъ крестьянъ. Въ разговорѣ со своими крестьянами ливенскій казакъ Авдѣй Яковлевъ въ 133 (1625) г. жаловался на

[1]) II. С. Р. Л. V. с. 64—66. Ср. ib. IV. с. 332.

то, что „государь ихъ (т. е. мелкопомѣстныхъ служилыхъ людей) не жалуетъ, крестьянъ изъ-за нихъ велитъ выводить, и ихъ есть въ сборѣ съ 500 человѣкъ: кто изъ-за нихъ крестьянъ выводитъ, и у тѣхъ вотчины ихъ выжгутъ, а крестьянъ побьютъ, и найдутъ они иного государя“ [1]). Въ разговорѣ со своими мужиками о возможномъ возобновленіи крестьянскаго выхода по случаю рожденія царевича Алексѣя арзамасецъ сынъ боярскій Иванъ Чуфаровъ выразился очень рѣшительно: „Вырѣжу вамъ языкъ, а только де нынѣ дав[ать] выходъ, и въ томъ государева воля: царь Борисъ и мудренѣе былъ, и того скоро не стало“. Въ другомъ разговорѣ на ту же тему въ 141 (1633) г. Чуфаровъ говорилъ: „Нынѣшняго государя и не слышать! Сидѣлъ царь Борисъ и насъ не жаловалъ, ино и того не стало, а былъ мудръ“ [2]). Ефремовскій сынъ боярскій Лактюшка Некрасовъ въ 155 (1647) г. громко ропталъ на то, что челобитныя ихъ (т. е. мелкихъ слу̀жилыхъ людей вообще) не удовлетворяются: „О чемъ они ему, Государю, не бьютъ челомъ, и онъ, Государь, за нихъ не стоитъ“,— и прибавилъ при этомъ такія „непристойныя слова“, что ихъ оказалось даже невозможнымъ пересказать въ воеводской отпискѣ [3]). Въ проявленіяхъ своего несдержаннаго неудовольствія эта оппозиція заходила иногда очень далеко. „Язъ на патріарха плюю“ — кричитъ по адресу Филарета брянчанинъ сынъ боярскій Нехорошій Семичевъ [4]). „Патріархъ самъ воруетъ и ворамъ спущаетъ“ — шумитъ по тому же адресу въ бесѣдѣ о московскихъ полицейскихъ порядкахъ михайловскій пушкарь Сенька Потаповъ [5]). „Я царю горло перерѣжу“ — кричитъ переяславль-залѣсскій помѣстный казакъ Ивашка Пановъ [6]). До какой дер-

---

[1]) Н. Новомбергскій „Государево слово и дѣло“ I с. 351—352. Этотъ именно эпизодъ былъ отмѣченъ еще С. М. Соловьевымъ въ „Исторіи Россіи“ II с. 1348. Цитируемъ здѣсь и ниже инкриминируемыя слова независимо отъ того, признавались ли въ произнесеніи ихъ обвиняемыя лица, и были ли они подтверждены свидѣтельскими показаніями: считаемъ характерной самую возможность произнесенія ихъ въ глазахъ людей того времени.

[2]) Н. Новомбергскій „Государево слово и дѣло“ I с. 71—73.

[3]) Н. Новомбергскій „Государево слово и дѣло“ I с. 188—191.

[4]) Н. Новомбергскій „Государево слово и дѣло“ I с. 16—17.

[5]) Н. Новомбергскій „Государево слово и дѣло“ I с. 421.

[6]) Н. Новомбергскій, „Государево слово и дѣло“ I с. 413—414. Пойманный на словѣ, изворачивавшійся Ивашка поправился: „Хотя мнѣ государь велитъ горло перерѣвать, а ему де Кириллу (его сосѣду) у него въ помѣстьѣ не бывать“. Такой оборотъ мысли тоже очень характеренъ.

зости люди того времени иной разъ доходили въ открытыхъ выраженіяхъ своего неудовольствія, можно судить по фразѣ, подслушанной въ Можайскѣ и чрезвычайно обезпокоившей Государя: „Не умѣетъ государь матушку свою за смутню, въ медвѣдную ошивъ, собаками травить“ [1]).

Въ 150 (концѣ 1641) г. слышны и болѣе серьезные разговоры. Нижегородскій сынъ боярскій Прохорка Колбецкій, озабоченный земельными дѣлами, писалъ изъ Москвы домой: „Мѣнять (деревню) до указу погодить, что на сильныхъ на Москвѣ сдѣлается“. „За то земля встала, объяснялъ Колбецкій, что Азовъ осаженъ накрѣпко отъ турскихъ людей, только на Москвѣ пять казаковъ упило, и намъ служба безконечная“. Подозрительно было то, что грамотка Прохорки попала въ руки къ межевщику Ѳед. Колтовскому и подъячему Ивану Тихонову, а они „не поставиша тое грамотки ни во что, норовя тому сыну боярскому“. Прохорка на слѣдствіи покаялся, что онъ писалъ эту грамотку „спроста мірскою молвою, а не съ умышленія“[2]). И Прохорка и его отецъ Григорій были привезены въ Москву и отданы подъ стражу. Характерно, что дѣло это совпало съ Азовскимъ соборомъ.

Эта уѣздная оппозиція была лишена опредѣленности и выдержанности по многимъ причинамъ: для сознательной и отчетливой программы служилый уѣздъ былъ слишкомъ разнокалиберпымъ по своимъ количественнымъ размѣрамъ и слишкомъ неоднороднымъ по своему соціальному составу. Размѣры городовой корпораціи были очень неодинаковы. На ряду съ крупными уѣздами, какъ Рязанскій, служилая корпорація котораго въ 1631 году насчитывала болѣе 1.900 боеспособныхъ единицъ, какъ Новгородскій, насчитывавшій болѣе 1.600, какъ Курскій — болѣе 1.000, встрѣчаемъ уѣзды, въ родѣ Козельскаго, въ которомъ насчитывалось 97, Боровскаго—77, Рузскаго—53, Воротынскаго—36, Верейскаго—26 служилыхъ людей всего на все [3]). Въ предѣлахъ большинства уѣздныхъ корпорацій мы встрѣтимъ значительную дифференціацію. Въ то время, какъ выборъ и дворовые цѣпляются за Москву, имѣютъ шансы быть перечислен-

---

[1]) Н. Новомбергскій „Государево слово и дѣло I, с. 36—40.
[2]) Ч. О. И. Д. Р. 1894, № 2.
[3]) В. О. И. Д. Р. 1849, № 4.

ными въ жильцы и прочно прикрѣпиться къ столицѣ, уѣздъ наполненъ голытьбой, относительно которой разборныя десятни однообразно и меланхолично замѣчаютъ: „впредь его съ полковую и съ ближнюю службу не будетъ“, „на государевѣ службѣ быть не съ чево“, „подпятца ему нечѣмъ“, „помѣстье пусто, крестьянъ и бобылей нѣтъ“, „скитаетца на Москвѣ“, „ходитъ по дворамъ и кормитца Христовымъ имянемъ“ и т. д. [1]). Каждая изъ трехъ группъ уѣзднаго дворянства (выбора, дворовыхъ и городовыхъ) дробится еще на статьи соотвѣтственно количеству четей оклада. Такъ, въ 122 (1614) г. выборъ кашинскаго дворянства дѣлился на шесть статей (отъ 500 до 800 четей), дворовые на восемь статей (отъ 300 до 700 четей), городовые на десять статей (отъ 150 до 600 четей), при чемъ за предѣлами этой классификаціи оставались значительныя группы худопомѣстныхъ и пустопомѣстныхъ недорослей и вдовъ [2]).

Понятно, что при такой численной и экономической разнокалиберности уѣздовъ, усугубляемой еще и неравномѣрностью окладовъ денежнаго жалованья, при возможности, открытой верхнимъ слоямъ уѣзднаго дворянства понемногу устраиваться въ столицѣ, при нерѣдкихъ родственныхъ связяхъ со столичнымъ дворянствомъ, мы не встрѣтимъ въ средѣ городового служилаго люда сколько-нибудь равномѣрно разлитаго и отчетливо оформленнаго настроенія, чего-либо похожаго на „оппозицію“ въ нашемъ смыслѣ слова. Ропотъ и неудовольствіе, дававшіе себя почувствовать въ Москвѣ совершенно недвусмысленно, не могли кристаллизоваться въ сколько-нибудь отчетливую программу требованій и ограничивались отдѣльными вспышками. Однако, въ одномъ отношеніи съ ними приходилось считаться очень серьезно. Брюзжащее политическое сквернословіе, всѣ эти „злыя, воровскія, затѣйныя, непристойныя, неистовыя и гораздо тяжкія слова“, часто и не возбуждающее опасеній само по себѣ, въ устахъ этихъ непосредственныхъ и тяжеловѣсныхъ людей имѣло особое симптоматическое значеніе. Не пугаясь ихъ оппозиціонныхъ требованій, не слагавшихся въ программу, все же нельзя было не бояться съ ихъ стороны *воровства*, какихъ-нибудь непріятныхъ сюрпри-

[1]) Напр., В. И. Сторожевъ „Тверское дворянство“, passim.
[2]) В. И. Сторожевъ „Тверское дворянство“, вып. 3-ій.

зовъ, въ родѣ тѣхъ, какими подарили служилые люди царя Бориса въ 1605 году.

Характерно, что десятилѣтія послѣ того, какъ погасли послѣднія головешки Смуты, и она сдѣлалась историческимъ воспоминаніемъ, московскіе всякихъ чиновъ люди то и дѣло возвращаются къ ней, почти какъ къ злобѣ дня. Въ 130 (1622) г. рязанскій мужикъ Парѳ. Филатовъ предсказываетъ своему зарайскому пріятелю: „быть войнѣ великой, что Тушинской воръ, который назывался царевичемъ Дмитріемъ, живъ“ [1]). Въ 133 (1625) г. шацкіе мужики все еще пережевывали старыя воспоминанья о Смутѣ, калякая о томъ, какъ когда-то коверинцы, колтыринцы и конобѣевцы, собравшись вмѣстѣ, выбирали себѣ царя [2]). Расцаревщина, угрозы тѣнями самозванцевъ, предсказаніе ихъ появленія, здравицы за нихъ, разглагольствованія о томъ, что теперешній царь—„мужичій сынъ“, именованіе себя царскими дѣтьми, а то такъ и царями, объявленіе настоящихъ царевичей подметными—все фразеологія изъ эпохи Смуты!—то и дѣло на языкѣ. Эти блудливые обороты мысли показываютъ наглядно, какое опасное лукавство шевелилось въ лѣнивыхъ мозгахъ этого люда [3]). Еще въ 1650-хъ годахъ производилось въ Стрѣлецкомъ приказѣ дѣло о стрѣльцѣ Василіи Бархатномъ, который подъ пьяную руку вздумалъ именовать себя царевичемъ Димитріемъ [4]). Во время перебранки въ 160 (1652) г. въ Вологдѣ на архіепископскомъ дворѣ между дѣтьми боярскими Гаврилой Битяговскимъ и Петромъ Гольскимъ, корившимъ Битяговскаго его злополучнымъ именемъ, послѣдній, огрызаясь, „тѣхъ, кто проклинаетъ“, выбранилъ м... и попалъ за это подъ кнутъ [5]).

Не отъ этого ли соціальнаго антагонизма идетъ волнующая обитателей кремлевскихъ теремовъ тревога, страхъ передъ „звѣроподобными человѣками“, могущими наслать порчу, лишить

[1]) Н. Новомбергскій „Государево слово и дѣло“ I с. 19.

[2]) Н. Новомбергскій „Государево слово и дѣло“ I с. 584.

[3]) Для 132 (1624) г. — Н. Новомбергскій „Государево слово и дѣло“ I с. 10, для 133 (1625) г. — ib. с. 17—18, для 135 (1627) г. — ib. с. 43—44, для 138 (1630) г. — ib. с. 63—66, для 145 (1637) г. — ib. с. 468—469, для 151 (1643) г. — ib. с. 520—521 и др.

[4]) 1659 № 390.

[5]) 1651 № 58, л. 442—455. Рѣчь идетъ объ официальныхъ проклятіяхъ по адресу угличскихъ Битяговскихъ. Ср. А. Э. IV № 51; А. И. IV № 247 и др.

покоя, счастья и даже жизни,—мотивы, всплывающіе въ дѣлахъ о порчѣ царицы? Можетъ быть, въ связи съ нѣкоторой неувѣренностью въ соціальной почвѣ династія инстинктивно ищетъ въ своихъ брачныхъ союзахъ съ дочерьми городовыхъ дворянъ болѣе прочной опоры,—не идутъ ли царскіе браки по тому направленію, въ которомъ развивается въ эти годы и государственный порядокъ?

Что власти нельзя было относиться къ оппозиціоннымъ выходкамъ служилой братіи съ полнымъ равнодушіемъ, слишкомъ выразительно показала Смоленская катастрофа 141 (1633) г., не послѣдней причиной которой было неожиданное дезертирство изъ-подъ смоленскихъ стѣнъ осаждавшаго крѣпость дворянства. „И дворяне и дѣти боярскіе украинныхъ городовъ, жаловалось правительство на соборѣ 142 (1634) г., видя Татарскую войну, что у многихъ помѣстья и вотчины повоеваны, и матери, и жены, и дѣти въ полонъ поиманы, изъ-подъ Смоленска разъѣхались, а остались подъ Смоленскомъ съ боярином и воеводою немногіе люди. И Литовской король, послыша, что Государевы люди для той Крымской войны учали разъѣзжаться, пришелъ подъ Смоленскъ и съ братомъ своимъ Казиміромъ и съ гетманы и съ Польскими и Литовскими людьми“ [1]).

Глухое недовольство, на почвѣ котораго произошелъ разъѣздъ изъ-подъ Смоленска, повергнувшій правительство въ полную безпомощность, и отдѣльныя тамъ и здѣсь разсѣянныя въ государевыхъ дѣлахъ вспышки раздраженія получаютъ внушительное выраженіе въ знаменитыхъ заявленіяхъ отъ имени городового дворянства на Азовскомъ соборѣ 150 (1642) г. Въ заявленіяхъ Н. Беклемишева и Т. Желябужскаго[2]), выступившихъ глашатаями идей мелкопомѣстнаго служилаго люда, содержалась такая финансовая программа: „велѣть на ратныхъ людей деньги собрати съ приказныхъ и съ дворовыхъ людей, и со вдовъ, и съ недорослей, и съ гостей, и съ торговыхъ людей, со всякихъ чиновъ, которые его Государевы службы не служатъ, на Москвѣ

[1]) С. Г. Г. Д. III, № 99, Л. М. Г. I, № 687.

[2]) У дв. м. Никиты Ив. Беклемишева по даннымъ Приказа с. р. л. было 11 дворовъ (Боярская № 14, л. 213 об.), а у дв. м. Тимофея Желябужскаго — 38 дворовъ (Боярская № 14, л. 112 об.).

и въ городѣхъ; а которые и служивые люди, а нынѣ у корыстовных дѣлъ по воеводствамъ и по приказамъ, также съ нихъ деньги собрати, по чему онъ Государь укажетъ, чтобъ и неслуживые съ служивыми людьми въ ровенствѣ были, никто бъ въ избылыхъ не былъ". Даточныхъ людей Беклемишевъ и Желябужскій предлагали брать „съ большихъ мѣстъ, съ монастырей и съ пожалованныхъ людей, за которыми помѣстій и вотчинъ много; а у нихъ и не у слугъ за окладами много лишнія земли, да они же ѣздятъ по воеводствамъ, и бѣднымъ людямъ съ такими пожалованными людьми не стянути". Заявленія Н. Беклемишева и Т. Желябужскаго не ограничивались защитой интересовъ меньшой уѣздной братіи, а захватывали и близкіе къ авторамъ проекта мелкопомѣстные столичные чины. Они хлопотали о томъ, чтобы „Государь милостиво учинилъ, пожаловалъ, велѣлъ разобрати—съ малопомѣстныхъ и съ безпомѣстныхъ даточныхъ людей и за даточныхъ деньги не велѣлъ имати противъ городовыхъ людей, потому службы его Государевы всегда съ городовыми людьми въ равенствѣ,—а послѣ службы городовые люди живутъ по вотчинамъ своимъ и по помѣстьямъ, а Московскіе люди (рѣчь идетъ, конечно, относительно обдѣленныхъ представителей московскаго списка), по его Государеву указу, на Москвѣ живутъ безъ съѣзду, колодниковъ держатъ, и въ посылки безкорыстныя ихъ посылаютъ, и земляной городъ, и всякія городовыя дѣла дѣлаютъ, и въ колодези, и въ парусы, и въ мосты, и рѣшеточныя и посаженныя съ дворовъ деньги платятъ, а городовые люди всего того не знаютъ".

Еще рѣшительнѣе звучали голоса дворянъ и дѣтей боярскихъ, выборныхъ отъ уѣздовъ Суздаля, Юрьева Польскаго, Переяславля Залѣсскаго, Бѣлой, Костромы, Смоленска, Галича, Арзамаса, В. Новгорода, Ржевы, Зубцова, Торопца, Ростова, Пошехонья, Торжка и Гороховца. Развивая военную и финансовую программу и рекомендуя взять даточныхъ съ вотчинъ и помѣстій бояръ, властей, монастырей, дьяковъ и подъячихъ, эти служилые люди обрушиваются въ своихъ знаменитыхъ тирадахъ на приказныхъ: „А твои Государевы діаки и подъячіе пожалованы твоимъ Государевымъ денежнымъ жалованьемъ и помѣстьями и вотчинами, и будучи безпрестанно у твоихъ Государевыхъ дѣлъ

и обогатѣвъ многимъ богатествомъ неправеднымъ своимъ мздоимствомъ, и покупили многія вотчины и домы свои строили многіе, палаты каменныя такія, что, неудобь сказаемыя, блаженныя памяти при прежнихъ Государѣхъ и у великородныхъ людей такихъ домовъ не бывало, кому было достойно въ такихъ домахъ жити". Покончивъ съ приказными, служилые люди переходили къ своимъ болѣе счастливымъ собратіямъ, устроившимся въ Москвѣ: „А которые, Государь, наша братья, не хотя тебѣ, Государю, служить и отбываючи твоей Государевы службы, писались по Московскому списку и въ иные твои Государевы чины, и будучи въ твоихъ Государевыхъ городѣхъ у твоихъ Государевыхъ дѣлъ, отяжелѣли и обогатѣли большимъ богатествомъ, а и иные твоимъ Государевымъ жалованьемъ, помѣстьями и вотчинами большими, и на то богатество покупали многія вотчины: вели, Государь, и съ тѣхъ ихъ помѣстій и вотчинъ взять даточныхъ конныхъ и пѣшихъ людей; а съ ихъ пожитковъ вели, Государь, ихъ обложить деньгами и взять денегъ въ свою Государеву казну ратнымъ людямъ на жалованье, какъ ты, Государь, укажешь".

Аналогичные мотивы содержала и другая „мысль и сказка", исходившая отъ мещерянъ, коломничей, рязанцевъ, тулянъ, каширянъ, алексинцевъ, тарушанъ, серпуховичей, калужанъ, бѣлевцевъ, козличей, лихвинцевъ, серпьянъ, мещанъ, соловлянъ, воронежцевъ, медынцевъ, ярославцевъ, боровичей, болховичей, мещянъ, рязшанъ, карачевцевъ. Они предлагали деньги и запасы на войну брать съ думныхъ, московскихъ и городовыхъ чиновъ, со вдовъ и недорослей, „за которыми большія вотчины и помѣстья", и съ дворцовыхъ волостей, духовныхъ властей, монастырей, дьяковъ, подъячихъ, съ гостей и со всякихъ земскихъ торговыхъ людей не по писцовымъ книгамъ, а по сказкамъ. „А мы, холопи твои, заканчивали выраженіе своего мнѣнія эти служилые люди, съ людьми своими и со всею своею службишкою на твою Государеву службу противъ твоихъ Государевыхъ недруговъ готовы, гдѣ ты, Государь, укажешь; а разорены мы, холопи твои, пуще Турскихъ и Крымскихъ бусурмановъ Московскою волокитою и отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ" [1]).

---

[1]) С. Г. Г. Д. III № 113.

Ворчаніе продолжалось и послѣ Азовскаго собора. Тотчасъ по вступленіи на престолъ царя Алексѣя въ 153 (1645) г. служилые люди опять обращаются къ правительству съ челобитьемъ, до насъ не дошедшимъ, но по содержанію, повидимому, близкимъ къ изложеннымъ выше челобитьямъ 145 и 149 гг. Судя по частичному пересказу этого челобитья въ наказахъ переписчикамъ, служилые люди снова жаловались на урочные годы, на тяжесть своихъ службъ и на обиды сильныхъ людей [1]). Въ одномъ они, наконецъ, успѣли: наказомъ 1646 г., даннымъ переписчикамъ, урочные годы были окончательно отмѣнены. Въ томъ же 154 (1645) г. нѣкто Михаилъ Пушкинъ (повидимому, изъ столичнаго дворянства) былъ обвиненъ въ „непригожемъ словѣ“ за то, что говорилъ про царя Алексѣя, что онъ „на Московскомъ государствѣ учинился не по ихъ выбору“ [2]). Въ 155 (1646) г. въ Шацкомъ уѣздѣ татарскіе мурзы по поводу выраженной ихъ крестьянами надежды на то, что новый молодой государь дастъ имъ выходъ, вели такіе разговоры: „До смерти де вамъ, крестьянамъ, выходу не будетъ. А тому де было государю на царстве и не быть, посадилъ де его на царство Морозовъ“. Къ этому мурза прибавилъ и такой политическій проектъ: „Посадить де было на государство Московское королевича Датцкаго, которой былъ на Москвѣ, а государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Руси напрасно де на государство посадили“ [3]).

Выразительныя выступленія служилаго люда мы встрѣтимъ въ мятежные дни бурнаго лѣта 156 (1648) года. Въ первыхъ числахъ іюня, когда на Москвѣ разыгрались извѣстныя событія, въ движеніи противъ Б. И. Морозова принимали участіе городовые дворяне, арзамасцы Дм. Нетесовъ и Ив. Исуповъ, которые „заводъ заводили и про смертное убойство говорили“ [4]). Распространеніе извѣстія объ іюньскихъ событіяхъ встрѣтило отзвуки въ уѣздахъ. Городовое дворянство потянулось въ столицу съ единоличными и коллективными челобитьями „всѣмъ городомъ“. Такъ, 30 іюня хлопотали объ отправкѣ челобитчиковъ отъ „всего

---

[1]) П. П. Смирновъ „Челобитныя“ и т. д. с. 47—50.
[2]) Н. Новомбергскій „Государево слово и дѣло“ I. с. 369—372.
[3]) П. П. Смирновъ „Челобитныя“ и т. д. с. 67—70.
[4]) И. Е. Забѣлинъ „Домашній бытъ русскихъ царей“ с. 362 (изд. 1895 г.).

города“ арзамасцы. Къ концу іюня и къ іюлю относятся десятки челобитій, поданныхъ уѣздными дворянами на Б. И. Морозова. Въ августѣ „всѣмъ городомъ“ бьютъ челомъ ельчане. Московскія событія отозвались въ уѣздахъ, какъ извѣстно, и цѣлымъ рядомъ мятежныхъ выступленій служилыхъ людей. Еще 21 мая въ Томскѣ сынъ боярскій Ѳедоръ Пущинъ да пятидесятникъ Ивашка Володиміровъ „съ товарищи своими скопомъ и заговоромъ“ „отказали“ своему воеводѣ кн. Осипу Щербатому, „не велѣли“ ему ѣздить въ съѣзжую избу и посадили его подъ арестъ на его дворѣ. „Многихъ людей“, которые имъ говорили, „что они такой воровской заводъ завели скопомъ и заговоромъ не дѣломъ“, и мятежниковъ „отъ такого воровства унимали“, Ѳ. Пущинъ съ другими мятежниками били, грабили и въ тюрьму посажали. За попытку завязать сношенія съ арестованнымъ воеводою мятежники угрожали сохранившимъ вѣрность служилымъ людямъ смертью: „будетъ де вы пойдете ко кн. Осипу Щербатому или де возьмете у него какое письмо съ собою, и мы де васъ побьемъ до смерти“ [1]). Въ іюнѣ же разыгрались мятежныя сцены въ Козловѣ, Челнавскомъ острогѣ и Талицкомъ[2]). На Карповѣ дѣти боярскія Андр. Покушеловъ и Мих. Гришевъ вели такіе разговоры: „Только бы они въ то время, какъ учинилось смятеніе, были на Москвѣ, и они бы и весь боярскій корень повывели“,— сентенціозно прибавляя, что „на Дону и безъ бояръ живутъ, а въ Литвѣ черкасы пановъ большихъ побили и повывели же[3]).

Къ іюню 156 (1648) г. относится челобитная служилыхъ людей, сохранившаяся въ шведскомъ переводѣ Поммеринга. Въ этой челобитной правящіе московскіе круги аттестуются, какъ „порушители крестнаго цѣлованія, простого народа мучители и кровопійцы и наши мучители“, обвиняются въ „насильѣ и неправдахъ“. Служилые люди ходатайствовали объ учрежденіи особаго приказа для разслѣдованія: „какія тѣ власть имущіе надъ простымъ народомъ и твоего царскаго величества подданными мошенничества и преступленія учиняли, и какъ они, льстясь на посулы, взятки

---

[1]) А. И. Зерцаловъ „Къ исторіи мятежа 1648 г.“ с. 33—36.

[2]) А. И. Зерцаловъ „О мятежахъ въ г. Москвѣ“ и т. д. и его же „Къ исторіи мятежа 1648 г.“ В. Н. Латкинъ „Земскіе соборы“ с. 414—415.

[3]) А. М. Г. II. № 444.

и дары, насъ вконецъ разоряютъ и величайшія насилія и неправды чинятъ, чтобы верховную власть осмѣять и оболгать". Жалуясь на грабительство московской администраціи и повторяя знаменитыя фразы 1642 года о неправедно нажитыхъ каменныхъ палатахъ, челобитчики напоминали государю, что онъ „отъ Бога и всего народа былъ поставленъ и избранъ государемъ и великимъ княземъ, и (ему) мечъ злымъ на казнь, а добрымъ на милость былъ врученъ".... Челобитчики указывали на то, что „думные дьяки и иные дьяки и подъячіе добиваются подарковъ и взятокъ и посуловъ, и что они никого ни на воеводство, ни на приказы, ни получить, ни передать своего жалованья не допускаютъ безъ того, чтобы они сперва свою великую выгоду и доходъ отъ того не получили". „А по инымъ городамъ, гласила челобитная, воеводы и приказные люди крестьянъ и простой народъ до конца разоряютъ, всѣ хотятъ полныя руки набрать, для чего у нихъ при дворѣ и въ Москвѣ великая заступа и поддержка есть, такъ какъ они свои воеводства и приказы тамъ должны были дорого купить, за что всякіе люди потомъ достаточно дорого возмѣщать должны". Служилые люди горько жаловались: „....насъ хуже, чѣмъ за самыхъ жалкихъ подъ солнцемъ людей, держатъ и слушать не хотятъ, когда мы уже, такъ сказать, не имѣемъ, гдѣ намъ съ нашими женами и дѣтьми голову свою преклонить, и каждый день должны обливать слезами свой хлѣбъ и не знаемъ, какой отвѣтъ ты намъ про тѣхъ нашихъ губителей и насильниковъ хочешь дать". Челобитная настойчиво предостерегала государя о возможномъ наступленіи новой смуты и просила въ заключеніе не только объ удаленіи и наказаніи виновниковъ злоупотребленій, но и о разрѣшеніи „всякимъ людямъ самимъ всѣхъ служащихъ и судей назначать своими собственными средствами и для того людей выбирать, которые бы ихъ по старинѣ и по правдѣ вѣдать могли и отъ сильныхъ [людей] насилія оберегать". Челобитная заканчивалась правоучительнымъ наставленіемъ самому государю и его приближеннымъ: мѣрами этими будетъ облегченъ отъ заботъ и дѣлъ и самъ государь и его бояре[1]).

[1]) П. П. Смирновъ „Челобитныя" и т. д. с. 50—65. Слѣды возбужденія замѣтны и послѣ лѣта 156 (1648) года. Такъ, опасаясь новыхъ выступленій служилыхъ людей,

Дворяне и дѣти боярскія не одни выступали въ этихъ эпизодахъ 156 (1648) года, и не имъ принадлежала въ нихъ главная роль, но участіе въ смутахъ и служилаго элемента было каплей, переполнявшей чашу. Бравировать всеобщимъ неудовольствіемъ не могло и московское правительство: съ кѣмъ-нибудь да надо было прочно поладить, а проще и ближе всего было поладить съ главной боевой группой, наиболѣе близкой правительству и по житейскимъ связямъ и отношеніямъ. Мы видѣли, что уже давно общая конфигурація внутренней политики Московскаго государства была направлена къ смягченію розни между Москвою и уѣздомъ,—въ эту же сторону направленъ и рядъ экстренныхъ мѣръ, принятыхъ послѣ лѣта 156 (1648) года.

Отвѣтомъ на недовольство населенія вообще и дворянскихъ элементовъ въ особенности были какъ самый созывъ земскаго собора 156—157 (1648—1649) гг., такъ и изданіе Уложенія. Не отголосокъ ли стремленія умиротворить рознь между столицей и служилымъ городомъ—тѣ широкія эгалитарныя фразы, которыми открывается Уложеніе: „чтобы Московского государьства всякихъ чиновъ людемъ, отъ болшаго и до меншаго чину, судъ и росправа была во всякихъ дѣлѣхъ всѣмъ ровна“? Характеръ покровительства городовому дворянству имѣетъ и система широкаго судебнаго поручительства, энергично развитая X-ой главой Уложенія. Не лѣтомъ 156 г., конечно, эти идеи сложились, но именно Уложеніе связало ихъ въ прочное memento для юристовъ московскихъ приказовъ.

московское правительство сдѣлало даже попытку воспрепятствовать обычному съѣзду уѣздныхъ дворянъ въ Москву на Рождество 157 (1648) года. Въ апрѣлѣ 157 (1649) г. недовольный приказными порядками во Владимірскомъ судномъ приказѣ сынъ боярскій Вас. Константиновъ, судившійся съ кн. Ал. Ник. Трубецкимъ, при боярынѣ, дьякѣ и людяхъ говорилъ: „Ныне де имъ съ ними судитца нельзя. Смотри, что покажетъ зима. Хотя де вы то-і вымыслили, что не всѣмъ городомъ быті къ Москвѣ, и хотя де изъ города будутъ по одному человѣку или по два,—да здѣлаютъ де ещо лутше лѣтошнего. Тогда де ужъ имъ съ ними судится и тягатца пора будетъ“ (П. П. Смирновъ, „Челобитныя“ и т. д., с. 36—37). Въ 158 (1650) г. въ Псковѣ въ заявленіяхъ служилыхъ людей слышатся тѣ же мотивы: „У служивыхъ людей жалованье наполовину отнято, а инымъ вовсе не даютъ. А которымъ служивымъ людямъ даютъ жалованье по жалованнымъ грамотамъ, то воеводы и дьяки даютъ не противъ жалованныхъ грамотъ, и отъ этого жалованья со всѣхъ служивыхъ людей, кромѣ пригородовъ, берутъ посуловъ въ годъ рублей на 500 и больше, на указные сроки жалованья не выдаютъ“ (С. М. Соловьевъ „Исторія Россіи“ т. II с. 1543).

Уже въ іюнѣ 156 (1648) г. Б. И. Морозовъ торопливо раздастъ грамоты въ свои владѣнія, разбросанныя въ 19 уѣздахъ, о безпрепятственной выдачѣ чужихъ крестьянъ ищущимъ ихъ возвращенія мелкопомѣстнымъ служилымъ людямъ и спѣшно разрѣшаетъ въѣздъ въ свои лѣса сосѣдямъ-помѣщикамъ. Владѣнія другихъ жертвъ іюньскаго мятежа немедленно пускаются въ раздачу. Лѣтомъ того же 156 (1648) г. и зимою 157 (1648) г. начинаются усиленные разборы городового служилаго люда и верстанье его денежнымъ жалованьемъ во Владимірѣ, Суздалѣ, Юрьевѣ Польскомъ, Лухѣ, Гороховцѣ, Муромѣ, Арзамасѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Переяславлѣ Залѣсскомъ, Ельцѣ, Ливнахъ, Ефремовѣ, Лебедяни, Мценскѣ, Орлѣ, Черни, Калугѣ, Воронежѣ, Мещовскѣ, Серпейскѣ, Козельскѣ, Епифани, Волоколамскѣ, Боровскѣ, Можайскѣ и другихъ городахъ. Тѣмъ изъ городовыхъ дворянъ, которые „служатъ старо“, указано было дать по 14 руб., а новикамъ по 10 руб. Всего, по приказному подсчету, приходилось выдать 10.410 чел. дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ 124.529 руб., сумма огромная для бюджета Московскаго государства въ эти годы,—ниже будетъ показано, чего стоилъ Приказу с. р. л. сборъ такой суммы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, указомъ 13 ноября 157 (1648) г. выдача денежнаго жалованья была подчинена болѣе строгому контролю, чѣмъ раньше [1]).

На ряду съ увеличеніемъ земельнаго фонда, находившагося въ распоряженіи уѣзднаго служилаго люда, и съ раздачей ему денежнаго жалованія, идетъ и переводъ цѣлыхъ группъ городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ въ московскій списокъ. Не пытаясь изображать этотъ процессъ въ деталяхъ, отмѣтимъ одинъ крупный итогъ его. За человѣческій вѣкъ (1638—1700 гг.) количество служилыхъ людей, числившихся по московскому списку, не превышавшее въ 1638 г. 3.000 человѣкъ, возросло до

[1]) Р. И. Б. X, с. 428—439, 445—447, 476—483. Ср. П. С. З. I, № 120 (раздача жалованья въ 161 (1653) г.). А. М. Г. II, № 371. Участники собора 1648 г. били челомъ о жалованьѣ съ такой простодушной откровенностью: „А пришли, Государь, мы, бѣдные и разоренные холопи твои, изъ городовъ, *боясь твоего государева страху*, спѣша къ указному сроку къ тебѣ, Государю, къ Москвѣ беззапасны. И нынѣ, Государь, мы, бѣдные и до конца разоренные холопи твои, ожидая на Москвѣ твоего государева и земскаго дѣла вершенья, волочась со всякихъ нужъ, и голодомъ помираемъ“ (В. Н. Латкинъ „Матеріалы къ исторіи земскихъ соборовъ“ с. 51. Курсивъ нашъ.).

11.533 человѣкъ, при чемъ въ списокъ 1700 г. не вошли думные чины [1]). Слѣдовательно, за 62 года численность столичныхъ чиновъ возросла раза въ три-четыре. Таковы были успѣхи городового дворянства въ Москвѣ за вторую половину XVII вѣка.

Нельзя, конечно, придавать большой цѣны программнымъ мотивамъ въ челобитныхъ уѣздной братіи, этой сѣрой массы, представители которой нерѣдко бывали челомъ въ холопи и наполняли провинціальныя тюрьмы по обвиненіямъ въ разбоѣ и конокрадствѣ [2]) (и сами люди XVII вѣка не преувеличивали значенія этой стороны дѣла!), но надо было все же быть очень настороженъ противъ болотныхъ огоньковъ незатѣйливой, но непріятной и досадной уѣздной оппозиціи, грозившей неожиданными эксцессами.

Отпечатокъ заботы о смягченіи отношеній между столицей и служилымъ городомъ и о предупрежденіи и ограниченіи назрѣвавшихъ конфликтовъ носятъ и мотивы финансовой программы московскаго правительства въ эти годы, которыхъ мы пока не касались: нужны были чрезвычайныя финансовыя мѣры для выравниванія тяготъ, лежавшихъ на плечахъ столичныхъ и городовыхъ чиновъ.

7. Сборъ пятины и запроса 142-го года.

Тревожныя соціальныя условія придаютъ финансовой программѣ московскаго правительства въ эти годы безпокойный характеръ. Схемы сошнаго письма явно не удовлетворяютъ московскихъ финансистовъ, и они, развивая программу чрезвычайныхъ сборовъ, ищутъ новыхъ путей для покрытія неотложныхъ бюджетныхъ нуждъ. Они стремятся усилить податную эксплоатацію посадскаго населенія, служилыхъ столичныхъ чиновъ, вдовъ и недорослей городовыхъ чиновъ, чернаго духовен-

---

[1]) Изъ приводимыхъ ниже, въ гл. III, данныхъ Приказа с. р. л. за 146 (1638) г. исключаемъ вдовъ и недорослей высшихъ чиновъ, дьяковъ, но присчитываемъ человѣкъ 900 московскихъ чиновъ, не имѣвшихъ дворовъ совсѣмъ. Ср. Устряловъ „Исторія царствованія Петра Великаго“ IV, с. 468 (Свейскій походъ, полкъ адмирала Головина).

[2]) Н. Новомбергскій „Государево слово и дѣло“ с. 230, 237—239, 239—243, 249—255, 298—305, 474—478, 540, 546—548 и мн. др. Ср. Котошихинъ „О Россіи“ гл. II с. 26—27.

ства, монастырей, воеводъ, губныхъ старостъ, отставныхъ дворянъ и т. д., — словомъ, тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые не несли активной боевой службы и не содержали своимъ трудомъ тѣхъ, кто несъ ее. Техническая сторона этихъ сборовъ характерна, какъ выраженіе усилія государства взять податное дѣло, по возможности, цѣликомъ въ свои руки, отказавшись отъ условныхъ тарифныхъ выкладокъ сошнаго письма, закрывавшихъ индивидуальнаго плательщика. Тенденціи эти, обозначившись еще въ 122—127 гг., выразительно повторились въ сборахъ 139—142 гг. Характернымъ моментомъ въ развитіи этихъ явленій былъ сборъ пятины и запроса 142 г.[1]) Пятина и запросъ 142 г. были завершеніемъ цѣлаго ряда операцій, производившихся со 139 г., такъ что ихъ можно съ нѣкоторымъ правомъ считать какъ бы кульминаціонной точкой въ длинномъ рядѣ финансовыхъ экспериментовъ. Не имѣя возможности по состоянію научной разработки предмета дать общую картину операцій 139—142 гг., заглянемъ въ ходъ этого послѣдняго сбора, начавшагося въ 142-омъ г. и не закончившагося еще и въ 144-омъ.

Организація сбора имѣла центральный органъ въ Москвѣ, откуда были посланы для производства сбора по всей территоріи государства особые уполномоченные изъ столичнаго торговаго люда[2]). Въ помощь имъ должны были составиться на мѣстахъ особыя коллегіи окладчиковъ, частью по указаніямъ, шедшимъ

---

[1]) Происхожденіе идеи пятины въ практикѣ Московскаго государства загадочно. Пятина—пріемъ, встрѣчающійся въ финансовой исторіи нерѣдко: находимъ ее и у древнихъ евреевъ, и въ Аѳинахъ, и въ средніе вѣка. Пятину, какъ пріемъ помѣщичьяго хозяйства на каждомъ шагу видимъ въ Новгородскихъ писцовыхъ книгахъ. Встрѣчается она и въ помѣщичьемъ хозяйствѣ XVIII в. Первые сборы пятины въ Москвѣ въ 122—123 (1614—1615) гг. были направлены на посадское населеніе, и отъ нихъ были избавлены владѣльческіе и черные крестьяне: впослѣдствіи, въ 124—127 (1616—1619) гг., пятина пріобрѣтаетъ уже типично репартиціонный характеръ. Понятія пятины и запроса на практикѣ, по свойственной московскимъ людямъ невнимательности къ терминологическимъ различеніямъ, нерѣдко смѣшиваются. Пятина обычно—долевой налогъ, направленный на посадское населеніе, а запросъ—экстренное требованіе, предъявляемое къ нѣкоторымъ элементамъ служилаго люда, властямъ и монастырямъ. Изученію первыхъ пятинныхъ и запросныхъ сборовъ эпохи царя Михаила посвящена работа С. Б. Веселовскаго „Семь сборовъ пятинныхъ и запросныхъ денегъ“ и т. д.

[2]) Во главѣ Приказа пятинныхъ и запросныхъ денегъ въ 142 г. стояли извѣстный кн. Б. М. Лыковъ, окольн. В. Г. Коробынъ, архим. Ѳеодосій, дьяки М. Невѣровъ и П. Петровъ.

изъ Москвы отъ московскихъ торговыхъ людей, частью по выбору самихъ мѣстныхъ міровъ.

Такъ, въ Ярославль, Борисоглѣбскую слободу, Романовъ и Пошехонье были посланы для сбора пятины московскіе посадскіе люди гостиной сотни С. Гнѣздниковъ и С. Тчанчиковъ. Дѣйствія московскихъ пятинщиковъ немедленно вызвали жалобы со стороны ярославской коллегіи окладчиковъ, выбранныхъ въ количествѣ 90 человѣкъ. Ярославскіе окладчики, жалуясь на пятинщиковъ, писали въ Москву: „окладывати велятъ пятою деньгою не вправду, не по твоему государеву крестному цѣлованью, не по животомъ и не по промысломъ: кои, государь, люди въ Ярославлѣ обнищали и померли, а у иныхъ животы на морѣ погибли, а иные подъ Смоленскомъ ограблены, и съ тѣхъ, государь, людей противу прошлого 141-го году пятые денги збавливати не велятъ, а на иныхъ, государь, людей при прошломъ году велятъ прибавливати, не знаючи животовъ ихъ и промысловъ. А на чемъ тобѣ, государю, мы, холопи твои, крестъ цѣловали, и они намъ не вѣрятъ...“ Изъ Москвы отвѣчали, чтобы московскіе пятинщики окладывали вправду по животамъ и промысламъ, а „печалованью“ ярославскихъ посадскихъ людей не вѣрили бы [1]).

Въ Костромѣ посланные туда пятинщики М. Нестеровъ и Л. Сѣдельниковъ не успѣли приступить къ окладу, какъ началъся разбѣгъ населенія. Пятинщики писали, что едва они стали выбирать мѣстныхъ окладчиковъ и приводить ихъ къ крестному цѣлованью, „и въ то... время многіе костромичи посадскіе всякіе жилетцкіе люди съ Костромы з женами и з дѣтьми розно разбрелися безвѣсно“. Въ патріаршей вотчинѣ с. Вятцкомъ пятинщикамъ собрать ничего не удалось, потому что „того села Вятцкаго земскіе люди... государева указу не послушали, пятинныхъ денегъ... государю со всякихъ торговыхъ и съ промышленныхъ людей въ томъ селѣ Вятцкомъ збирать не дали, а сказали, что де и въ прошломъ во 141-омъ году пятинныхъ денегъ въ селѣ Вятцкомъ со всякихъ торговыхъ и съ промышленныхъ людей не имали, а нынѣ де тожъ въ селѣ Вятцкомъ со всякихъ торговыхъ людей пятинныхъ денегъ збирать не дадимъ“. „А въ томъ,

---

[1]) М. А. М. Д. № 41164 л. 249.

государь, сообщали пятинщики, въ селѣ Вятцкомъ всякіе торговые и промышленные и ремесленные нарочитые люди есть, а на Костромѣ, государь, въ костромскихъ таможенныхъ книгахъ села Вятцкаго всякихъ торговыхъ людей ихъ всякимъ товаромъ записка есть". То же самое произошло и въ дворцовомъ селѣ Писцовомъ, земскіе люди котораго съ мѣстными кабацкими откупщиками во главѣ заявили: „мы де Приказу запросныхъ и пятинныхъ денегъ съ Москвы никакихъ не слушаемъ, а слушаемъ де мы государевыхъ наказовъ во всякихъ дѣлѣхъ ис приказу Большого Дворца"[1]).

Посланные въ Чебоксары московскіе пятинщики Могутовъ, Онтипинъ и Воронинъ совершенно не сумѣли поладить съ мѣстнымъ населеніемъ. Въ отпискѣ, полученной въ Приказѣ 8/VIII, пятинщики повѣствовали о томъ, что, явившись въ Чебоксары 5/VII, они огласили грамоту о сборѣ пятинныхъ и запросныхъ денегъ и потребовали себѣ на помощь мѣстныхъ окладчиковъ, но воевода и состоявшій при немъ подъячій отказали имъ въ содѣйствіи. „...Намъ, холопемъ твоимъ, писали пятинщики, въ томъ не повѣря, велѣли намъ вычесть твой государевъ наказъ весь, каковъ намъ, холопемъ твоимъ, данъ". Пятинщики прочли воеводѣ Ив. Опухтину наказъ вторично, „весь передъ всѣмъ народомъ", и снова потребовали выбора окладчиковъ, но непремѣнно не тѣхъ, кто окладывалъ пятиною въ 141-мъ году. „И воевода сказалъ намъ, жаловались пятинщики, какихъ де людей посадскіе люди въ окладчики выберутъ, такихъ де вы людей въ окладчики и емлите, а собою не затѣвайте". Между тѣмъ, чебоксарскіе посадскіе люди, „не вѣря (пятинщикамъ) въ государевомъ денежномъ зборѣ", требовали у нихъ государева наказа „вдругорядь", „вопили и кричали" на нихъ, окладчиковъ не дали, словомъ — „учинились сильны". Когда на слѣдующій день, 6/VII, воевода созвалъ посадскихъ людей въ соборную церковь и пригласилъ туда пятинщиковъ, посадскіе люди и „въ самой соборной церкви бранили (ихъ) м...", а когда окладчики были, наконецъ, выбраны, чебоксаряне отказались скрѣпить свой выборъ рукоприкладствами. Тѣ же шумныя сцены повторились

---

[1]) М. А. М. Д. № 41164 л. 424.

и за службой въ соборной церкви $^{8}/_{VII}$ на Казанскую. „Посадскіе люди, жаловались пятинщики, на насъ, холопей твоихъ, вопили и кричали во весь голосъ и твоего государева указу у насъ прошали втретіе, не вѣря намъ, холопемъ твоимъ, ни въ чемъ". Часть окладчиковъ въ концѣ концовъ была выбрана, часть привезена изъ сосѣдняго Свіяжска, но затѣмъ начались затрудненія съ самымъ процессомъ окладыванія, такъ какъ окладчики стали окладывать „съ убавкою" противъ 141-го года, отказались ѣхать для оклада въ сосѣдніе уѣзды и на поруки „не давались". Пятинщики распорядились, было, поставить окладчиковъ на съѣзжемъ дворѣ на правежъ „въ ихъ огурствѣ", но посадскіе люди, имѣя во главѣ сына боярскаго Семена Дементьева и стрѣлецкаго сотника Ивана Лопатина, „съ правежю тѣхъ окладчиковъ... наспльствомъ взяли и запись имъ окладчикомъ давати въ томъ не велѣли", а пятинщиковъ „брашили м... и ворами называли: станете де впредь такъ воровать, людей на правежъ ставить, и вамъ де зборщикамъ отъ воеводы въ Чебоксарехъ быти въ тюрьмѣ". Пятинщики жаловались и на воеводу за то, что онъ не оказываетъ имъ содѣйствія и укрываетъ посадскихъ людей. Когда пятинщики вздумали поставить на правежъ въ пятинныхъ деньгахъ жену и дѣтей посадскаго Саввы Трушенникова, выбраннаго въ таможенные головы на Верхотурье и уже отпущеннаго туда чебоксарскимъ воеводой, посадскіе люди „тое Савину жену отбили и на съѣзжей дворъ для платежю пятинныхъ денегъ ходить ей не велѣли". Пятинщики обличали окладчиковъ и въ томъ, что тѣ слишкомъ низко окладывали свою родню, и въ доказательство ссылались на чебоксарскія таможенныя книги, устанавливая при ихъ помощи размѣры торговыхъ и кредитныхъ операцій облагаемыхъ пятиною посадскихъ людей. Но плательщики не подчинялись окладамъ, исходившимъ отъ самихъ пятинщиковъ, и „чинились сильны" [1]).

Въ иномъ свѣтѣ изображалось дѣло въ жалобахъ, исходившихъ отъ облагаемыхъ посадскихъ людей и мѣстныхъ окладчи-

---

[1]) Въ Чебоксарахъ возникъ цѣлый рядъ спорныхъ вопросовъ, которые пришлось разъяснять Приказу: о платежѣ пятины съ откупныхъ промысловъ, лавочныхъ мѣстъ, принадлежащихъ Троицкому монастырю, и съ „заемныхъ денегъ". По послѣднему вопросу Приказъ разъяснилъ, что пятина падаетъ на кредитора, а не на должника.

ковъ. Чебоксарскіе посадскіе жаловались на то, что пятинщики, не давая имъ сроку для уплаты пятины, принялись ихъ бить на правежѣ, произвольно облагая ихъ непосильными окладами и не щадя даже бѣдныхъ людишекъ, которымъ нечѣмъ было и прокормиться. Мѣстные окладчики принесли особую жалобу. Они писали въ Приказъ со своими ходоками, что въ Чебоксарахъ „міромъ" были выбраны 17 человѣкъ окладчиковъ, которые исправно выполнили возложенную на нихъ обязанность обложенія Чебоксарскихъ посада и уѣзда, но отказались ѣхать окладывать въ Козьмодемьянскъ, Цивильскъ, Васильсурскъ и Ядринъ, за что пятинщики приказали ихъ „на правежѣ бить нещадно". Окладчики писали, что въ Чебоксарскій уѣздъ они готовы ѣхать „безо всякаго ослушанья", но что въ перечисленныхъ городахъ они не знаютъ ни торговыхъ людей ни ихъ животовъ и промысловъ, и жаловались на то, что ихъ самихъ пятинщики обложили несоразмѣрнымъ „заошнымъ окладомъ", чѣмъ „вконецъ ихъ губятъ". Окладчики писали и о томъ, что пятинщики угрожаютъ имъ „всякими угрозами и битьемъ", а между тѣмъ прошелъ слухъ, что въ Свіяжскѣ они Семена Булдакова били, „и тотъ Семенъ умеръ,—„и мы, сироты твои, пессимистически заключали окладчики, отъ нихъ тово жъ опасаемся".

На Москвѣ стали рѣшительно на сторону пятинщиковъ. На докладѣ по этому поводу была положена такая резолюція: „143-го сентября въ 6 де. Сего докладу государь (*и. т.*) слушавъ, указалъ: къ воеводѣ писать съ опалою, что онъ мужикомъ потокаетъ: ему по государеву указу велѣно зборщиковъ оберегати и на непослушниковъ давати приставовъ и стрѣльцовъ, а онъ самъ мужикомъ потокаетъ, и у зборщиковъ отнимаетъ и челобитью мужичью вѣритъ и имъ потокаетъ; и челобитчиковъ (т.-е. явившихся на Москву въ Приказъ съ жалобою) послать съ приставомъ къ зборщикомъ и велѣть ихъ бити батоги нещадно, чтобъ стоило кнутья, да посадить на недѣлю въ тюрму и изъ тюрмы пятинные денги доправить по окладу, а на воеводѣ доправить прогоны". Вмѣстѣ съ тѣмъ, приказная грамота разъясняла, что чебоксарскіе окладчики должны сопровождать пятинщиковъ и въ Васильсурскъ, и въ Цивильскъ, и въ Ядринъ.

Не такъ представлялъ дѣло ставшій на сторону мѣстнаго на-

селенія чебоксарскій воевода Ив. Опухтинъ въ своей отпискѣ, полученной въ Приказѣ запросныхъ и пятинныхъ денегъ $^{20}/_{X}$ 143 года. Воевода отрицалъ всякую „попоровку“ со своей стороны чебоксарскимъ выборнымъ и утверждалъ, что онъ оказалъ сборщикамъ всяческое содѣйствіе, а посадскіе люди исполнили все согласно присланному изъ Москвы наказу, собрались въ церковь, выбрали окладчиковъ и т. д. Воевода утверждалъ, что не чебоксаряне, а пятинщики оказались виновны въ самоуправствѣ. Онъ сообщалъ, что пятинщики потребовали къ себѣ копіи таможенныхъ, кабацкихъ и ясачныхъ книгъ и „неокладново приходу роспись всякихъ откупщиковъ и оброчные всякіе и бобровые гоны“, а также именные списки пушкарей, воротниковъ и стрѣльцовъ. Все это воевода имъ послалъ, кромѣ, однако, именныхъ списковъ стрѣльцовъ, потому что объ этихъ спискахъ ничего не было сказано въ грамотѣ изъ Москвы, и онъ опасался, какъ бы пятинщики, получивъ эти списки, не стали препятствовать стрѣльцамъ нести караульную службу. Стрѣльцовъ воевода послалъ, однако, къ пятинщикамъ натурою, чтобы они могли дать тѣмъ непосредственныя показанія о своихъ торгахъ и промыслахъ. По словамъ Опухтина, пятинщики принялись посланныхъ къ нимъ стрѣльцовъ сажать въ тюрьму и битьослопы, добиваясь отъ нихъ свѣдѣній объ ихъ торгахъ и промыслахъ. Воевода обвинялъ пятинщиковъ и въ томъ, что деньги „у нихъ стоятъ давно въ зборѣ“, а въ Москву они ихъ не посылаютъ, продолжая жить въ Чебоксарахъ „для себя“, „пьютъ и ѣдятъ государевъ указной кормъ даромъ“, „а Ѳедоръ Онтипинъ, живучи, воруетъ и держитъ у себя блядню—всему городу Чебоксару вѣдомо“. Пятинщики, по словамъ воеводы, занялись изготовленіемъ подложныхъ приправочныхъ и таможенныхъ книгъ, въ которыхъ они пишутъ „всякую статью вдвое“, въ сотрудничествѣ съ подъячимъ Михаиломъ Ключаревымъ,—„а тотъ, государь, добавлялъ воевода, подъячей М. Ключаревъ Ѳ. Опухтину другъ, вмѣстѣ пьютъ и ядятъ и ночи многіе переспиваютъ, а на посадцкихъ людей злитца тотъ подъячей, что на него били челомъ тебѣ, государю, въ его озорничествѣ всякихъ чиновъ люди...“ Опухтинъ сообщалъ, что русскіе посадскіе люди и черемиса приходятъ къ нему „со слезами“, и, констатируя начавшійся разбродъ, предостере-

галъ, какъ бы отъ этихъ сборовъ Чебоксары не запустѣли такъ же, какъ запустѣли Оса и „другіе Казанскіе пригороды“,—объясняя, что ему и наказомъ вмѣнено блюсти порученное ему черемисское населеніе „ото всякихъ денежныхъ зборщиковъ и отъ напрасныхъ продажъ“ [1]).

Не менѣе запутаннымъ былъ ходъ сбора и въ Калугѣ, куда были посланы московскіе пятинщики Игнатій Зеркальниковъ и Леонтій Тюкшинъ. Когда Зеркальниковъ и Тюкшинъ въ концѣ марта 142 г. явились въ Калугу, оказалось, что часть калужскихъ выборныхъ, обложенныхъ въ Москвѣ, изъ Калуги сбѣжала, и пришлось добирать нужное количество (23 чел.) „прибавочныхъ“ окладчиковъ изъ посадскихъ же людей, дворниковъ монастырцевъ и пушкарей. Но тѣ окладчики, которые были выбраны на Москвѣ, и оклады которыхъ были опредѣлены въ столицѣ, — „по московскому окладу, жаловались пятинщики, денегъ не плотятъ и поручныхъ записей по себѣ не даютъ, потому... что никто по нихъ не ручаютца“. „И мы, холопи твои, повѣствовали пятинщики, въ день съ ними сидимъ въ окладѣ, а на ночь сожаемъ въ тюрму да твоего государева указу“. У тѣхъ изъ посадскихъ, которые „отъ окладу избѣгали“, пятинщики „жонъ ихъ перенмали и въ тюрму посожали“, пока бѣглецы не объявились въ Калугѣ и, въ свою очередь, сами не попали въ тюрьму и на правежъ. Пятинщики натолкнулись и на другое затрудненіе: калужскій воевода далъ имъ для дѣлопроизводства „подьячево съ площади пьяново“, „ и тово, государь, подьячево, писали пятинщики, съ твое государева дѣла не будетъ, и мы, холопи твои, къ твоему государеву дѣлу подьячево писать наняли твоею государеваю казною“. Въ Приказѣ рѣшили: „Отписать, велѣть: по наказу государевы пятинные денги збирали и окладывали по государеву крестному цѣлованью, а ослушниковъ метали въ тюрму дни на три и болши, смотря по винѣ, а не тюрмы вынявъ, по окладу пятинные денги на нихъ велѣть править сполна“.

Для ловли бѣглыхъ калужанъ пятинщики ѣздили въ Боровскъ, но „не изъѣхали“ ихъ и тамъ. Разбѣжались изъ Калуги не только посадскіе, но и ямщики, такъ что подводы пя-

[1]) М. А. М. Д. № 41164 л. 4—10, 14—16, 17, 54—56, 62—67, 74.

тинщикамъ пришлось нанимать. Въ Приказѣ сообщенія о разбѣгѣ вызвали неудовольствіе, и кн. Б. М. Лыковъ велѣлъ отписать, чтобы деньги правили нещадно, — „а которые сами избѣгаютъ, и тѣхъ людей по окладу денги имати на жонахъ ихъ и на дѣтехъ...“ Но это оказалось не такъ просто: калужане не открывали пятинщикамъ мѣстопребыванія сбѣжавшихъ изъ Калуги отъ пятины посадскихъ. Пятинщики „многижда“ говорили мѣстнымъ окладчикамъ, чтобы тѣ указали „жонъ ихъ, и дѣтей, и братьевъ, и племянниковъ, и сидѣльцовъ“. „Про жены, и про дѣти, и про братью, и про племянники, и про сидѣльцовъ намъ не сказали и ихъ укрываютъ, жаловались пятинщики, и всѣхъ знаютъ, гдѣ хто живетъ, а дворы ихъ пусты, и лавки для приходу литовскихъ людей розломаны...“ Съ мѣстными окладчиками тоже вышли затрудненія, такъ какъ „въ иные мѣста“ калужскіе окладчики ѣхать для оклада отказывались. Въ своей резолюціи Приказъ подтверждалъ распоряженіе править пятину на женахъ, дѣтяхъ, сидѣльцахъ и окладчикахъ скрывшихся посадскихъ. Приказъ очень настаивалъ на выполненіи этого распоряженія и впослѣдствіи, требуя чтобы пятинщики сыскивали женъ, дѣтей, сидѣльцевъ и людей неплательщиковъ, а въ тѣхъ случаяхъ, когда они никого не сыщутъ, сыскивали бы поруки, „въ какомъ дѣлѣ ни есть“(!), и пятину правили бы на поручикахъ, „а которымъ велѣно быти въ окладѣ, и тѣхъ людей по человѣку изъ дѣтей или не сидѣльцовъ по человѣку посадити въ тюрьму, покамѣста тѣ люди сами будутъ“ [1]).

Отъ Калуги перейдемъ къ сѣверо-западной окраинѣ государства и посмотримъ, какъ шелъ сборъ въ В. Новгородѣ и Псковѣ. 7/IV посланные въ Новгородъ В. пятинщики Степанъ Шеталовъ и Четвертый Огафоновъ вмѣстѣ съ мѣстными окладчиками „сѣли въ окладѣ“. Тотчасъ же начались и затрудненія. Выборныхъ окладчиковъ, Ѳед. Чирьева, Д. Бѣлонога и Алексѣя Золотого, въ Новгородѣ не оказалось: „...выборные и уличные окладчики про нихъ сказали, что тѣ люди з женами и з дѣтми изъ Великаго Новгорода сошли побѣгомъ до окладу, а куда сошли, и про нихъ де не вѣдаютъ“. Когда пятинщики потребовали у пятиконецкихъ

---

[1]) М. А. М. Д. № 41164 л. 1, 7, 15, 26, 45.

старостъ окладныя книги пятины 141 года, старосты „тѣхъ окладныхъ книгъ... у себя не сказали“, сославшись на то, что въ 141 году окладъ составляли и книги писали московскіе подъячіе, которые этихъ окладныхъ книгъ никому въ Новгородѣ не оставили. Пятинщикамъ пришлось взяться за „городовые тяглые окладные книги“ и разверстывать пятинный окладъ по этимъ книгамъ. Но пользованіе этими книгами вызвало недоразумѣнія.

Въ окладныхъ новгородскихъ книгахъ оказался написаннымъ нѣкто Степанъ Козыревъ, а мѣстные новгородскіе „уличные“ окладчики не обложили его пятою деньгою на томъ основаніи, что у него не было въ Новгородѣ двора, хотя многіе новгородцы и состояли его должниками. $^{28}/_{IV}$ 142 г. пятинщики передали этотъ случай на усмотрѣніе Приказа. Приказъ, доложивъ дѣло государю, распорядился: „...Степана Козырева обложить и безъ двора, сыскавъ накрѣпко, гдѣ сколько на комъ его денегъ въ долгу, или гдѣ въ монастырѣ стоятъ или въ промыслу и въ торгу, да съ тѣхъ со всѣхъ денегъ взяти на немъ пятина“. За лѣто одного изъ исчезнувшихъ окладчиковъ, Д. Бѣлонога, пятинщикамъ удалось сыскать и взять съ него окладъ пятины, но ни до Ст. Козырева, ни до Ѳ. Чирьева, ни до А. Золотого имъ добраться не пришлось; слѣдъ Ѳ. Чирьева, правда, отыскался на Торопцѣ, но съ Торопца онъ сбѣжалъ въ Псковъ „для долгового взимку“, а жена его и дѣти совсѣмъ не нашлись. Обыски относительно этихъ трехъ плательщиковъ пятинщики препроводили въ Москву. Въ Москвѣ примирились, повидимому, съ временной невозможностью отыскать семью Чирьевыхъ и положили слѣдующую платоническую резолюцію: „Писать къ зборщикомъ, чтобъ они тѣхъ всѣхъ людей сыскивали, а будетъ не сыщутца, и ихъ пятинными деньгами обложили по ихъ животомъ вправду, а для вѣдома объ нихъ отписали память въ Новгородскую четь: велѣть выписать, у Архангельского города въ прошлыхъ годѣхъ торгу ихъ чево сколько въ каждомъ году было да...“ (не дописано).

Въ помощь операціи оклада изъ Москвы препроводили книги пятиннаго сбора 141 г., но и онѣ не разрѣшали всѣхъ затрудненій. Въ книгахъ значилось, что крестьяне Сумского острога (вотчины Соловецкаго монастыря) въ 141 г. заплатили пятину, между тѣмъ

въ наказѣ 142 г. этотъ острогъ совсѣмъ не былъ упомянутъ Въ книгахъ были указанія на то, что пятина собиралась съ дворцовыхъ и монастырскихъ пашенныхъ крестьянъ, а наказъ 142 г. пашенныхъ крестьянъ совсѣмъ освобождалъ отъ сбора пятины. Приказъ отвѣтилъ общей сентенціей: „Отписать къ выборнымъ людемъ, велѣть Сумского острожка торговыхъ крестьянъ пятинными денгами обложить и по окладу пятинные денги съ нихъ имать, чей хто ни буди, чтобъ нихто в-ызбыли не былъ, чѣмъ хто не торгуетъ, денги имать...“ За Сумскихъ крестьянъ вступились соловецкія власти, доказывавшія, что всѣми платежами Соловецкій монастырь вѣдомъ въ Большомъ Дворцѣ, и что пятинщики не должны были вмѣшиваться въ платежи монастырскихъ крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, власти приводили рядъ указаній на ихъ бѣдственное положеніе. По докладу государю велѣно было, тѣмъ не менѣе, монастырскихъ мужиковъ обложить пятиной.

Между тѣмъ до самаго декабря 143 года вопросъ относительно обложенія Ѳ. Чирьева и Ст. Козырева оставался открытымъ[1]). Грамотой отъ начала декабря 143 года Приказъ разрѣшилъ затрудненіе съ обложеніемъ Ѳ. Чирьева (на котораго накинули огромную сумму въ 200 р.) слѣдующимъ образомъ. Пятинщики доносили ему, что Ѳ. Чирьевъ, по словамъ новгородскаго посадскаго Никиф. Хамова, отдалъ на сохраненіе посадскому человѣку Ивашкѣ Шелковнику полторы половинки сукна кострыпу. Посредникомъ въ этой операціи оказался тесть Ѳ. Чирьева Ив. Пепельниковъ. Когда пятинщики взялись за Пепельникова, послѣдній заявилъ, что и самъ Н. Хамовъ купилъ у Ѳ. Чирьева передъ тѣмъ, какъ тотъ скрылся изъ Новгорода, на 300 р. ефимковъ. Приказъ распорядился доправить пятину, падавшую на Ѳ. Чирьева, на тестѣ его Ив. Пепельниковѣ, на окладчикѣ Никиф. Хамовѣ, на Ив. Шелковникѣ и на ихъ поручикахъ,— „...потому что Микифоркоималъ у Ѳедки еѳимки, а сказалъ по нашему крестному цѣлованью, что онъ про Ѳедкины животы не вѣдаетъ, а послѣ по сыску у нево, у Микифорка, Ѳедкины бол-

[1]) Для Ст. Козырева не удавалось установить и оклада, потому, писали пятинщики, что „окладчики де многіе у него въ долгу, нихто его обложить не хотѣлъ, и нынѣ (въ началѣ 143 года) онъ не обложенъ“.

шіе животы Чирьева объявились, а на Ивашкѣ Савельевѣ сынѣ Шелковникѣ потому, что у нево Ѳедкины сукна объявились полторы половинки, а Ивашко Пепельниковъ Ѳедкѣ Чирьеву тесть, да онъ же Ѳедкины животы хоронилъ." „А будетъ, внушительно прибавляла приказная грамота, на Ивашкѣ Пепельниковѣ за Ѳедку пятинныхъ денегъ вскорѣ доправить немочно, и ты-бъ за Ѳедку Чирьева пятую денгу доправилъ на томъ, на комъ бы изъ нихъ скорѣе взять" [1]).

Въ Псковѣ ходъ пятиннаго сбора осложнился любопытнымъ казусомъ. Пятину 142 г. тамъ собирали московскіе выборные Терентій Горбовъ да Никита Ивановъ, но усердное участіе въ дѣлѣ принялъ и мѣстный дьякъ Томила Истоминъ. Въ Псковѣ, согласно его сообщенію, посланному прямо въ Приказъ, торговалъ съ иноземцами „свальными товары" псковскій помѣщикъ Григ Бѣшенцовъ. Торговля его была „записана" въ таможенныя записныя книги, и пошлину онъ платилъ наравнѣ съ торговыми людьми. Бѣшенцовъ не только торговалъ самъ, но и кредитовалъ другихъ торговыхъ людей:„... псковичемъ и иныхъ городовъ торговымъ людемъ, писалъ о немъ дьякъ, даетъ на торговлю изъ росту многіе свои денги рублевъ по сту, и по двѣсте, и по триста, и по пятисотъ, и болши человѣку". Сверхъ того, Бѣшенцовъ владѣлъ 5 помѣстьями и 1 вотчиной. „А въ прежнихъ, государь, годѣхъ, писалъ Т. Истоминъ, съ тѣхъ со всѣхъ помѣстей и съ вотчины, которые даны одному ему, Григорью, къ старому ево помѣстью въ додачю, служили тебѣ, государю, розные помѣщики, хто же съ своего помѣстья, а служба, государь, у нихъ у всѣхъ была не хуже ево, Григорьевы. А съ твоего дворцоваго селца з Жидилова Бору (которымъ также завладѣлъ Бѣшенцовъ) крестьяне сыпали въ твои государевы житницы посопной хлѣбъ и платили въ твою государеву казну денежные доходы въ Дворцовый приказъ по вся годы с-ными твоими государевыми дворцовыми крестьяны вмѣстѣ". Между тѣмъ въ 141 году Бѣшенцовъ при сборѣ запроса не далъ „ни единые денги" [2]). Спрошенные въ Приказѣ пятинщики показали, что

[1]) М. А. М. Д. № 41164 л. 480, 482, 501, 505, 526—528, 548, 561—564, 583, 601—602.

[2]) Въ подтвержденіе Т. Истоминъ представилъ въ Приказъ обстоятельныя рос-

въ псковскихъ таможенныхъ книгахъ слѣдовъ торговли Бѣшенцова они не нашли „и про торговлю его не вѣдаютъ". „А молвою про него слыхали, прибавляли пятинщики, что онъ торгуетъ, и они, Терентій и Микита (пятинщики), по того Григорья посылали и его про торговлю допрашивали, и онъ имъ сказалъ, что онъ никакими товары не торгуетъ и въ книгахъ не сыскань, а исцомъ ему въ томъ, что онъ торгуетъ, съ нимъ съ очей на очи не сказалъ, и письма имъ нихто не давывалъ, и принятись было имъ за того Григорья Бѣшенцова не по чему: да и про то де они слышали жъ, что онъ и денги взаймы даетъ, а кому сколько денегъ далъ, того де нихто имъ на него не указалъ же. А діакъ де Томило Истоминъ имъ на того Григорья ничего не сказывалъ же". По докладу государю $^{6}/_{IX}$ 143 года, велѣно было таможенному головѣ выписать изъ таможенныхъ книгъ свѣдѣнія о торгахъ Бѣшенцова и про долги сыскать, „на комъ сколко его долгу, да о томъ отписати..."

Поставленный къ допросу Бѣшенцовъ показалъ, что онъ никакими „свальными товары" не торгуетъ и въ долгъ денегъ изъ роста не даетъ, — „окромѣ тово, заявлялъ Бѣшенцовъ, что я во 138-мъ году купилъ соли на Нѣмецкомъ дворѣ для осаду литовскихъ людей на собя и на крестьянишекъ 30 мѣшковъ, а въ мѣшкѣ по десяти пудъ". При пожарѣ двора у Бѣщенцова, будто бы, сгорѣли всѣ его животы, лошади и купленная соль. Бѣшенцовъ объяснялъ, что дьякъ Томила Истоминъ извѣщалъ о его торгахъ и оборотахъ въ отместку за то, что онъ, Бѣшенцовъ, уличилъ Т. Истомина въ измѣнѣ, въ томъ, что тотъ „ѣздилъ въ нѣмецкій городокъ къ Якову Пунтусову съ вѣстьми; и по его извѣту тотъ Томило на пыткѣ былъ, и самъ на собя говорилъ, что онъ ѣздилъ къ Якову Пунтусову." Переходя къ нападенію, Бѣшенцовъ уличалъ Т. Истомина и въ томъ, что онъ доставилъ въ запросъ 15 р. „не противъ своего живота и денегъ". „А у него, Томила, показывалъ Бѣшенцовъ, голыхъ денегъ, окромѣ двора ево и платья и всяково живота, 5.000 денегъ. И я на тѣ его деньги просилъ пристава у таможеннова го-

---

писи разнообразнымъ покупкамъ и операціямъ Бѣшенцова и даже копію долгового обязательства, выданную Бѣшенцову ругодивскимъ нѣмцемъ Христоформъ Гаманомъ. Бѣшенцовъ бралъ, между прочимъ, по увѣренію Т. Истомина, въ залогъ помѣстья.

ловы у Третьяка Молодожника, и онъ, Третьякъ, пристава мнѣ на тѣ свои Томиловы денги не далъ, што было тѣ ево денги вынять, и со мною онъ тово Томила съ очи на очи не поставилъ и у нево не допрашивалъ про тѣ денги...“ Т. Истоминъ, по увѣренію Бѣшенцова, нажилъ деньги, будучи дьякомъ въ дворцовыхъ селахъ, „запустошивъ“ многія дворцовыя деревни и взыскивая кормовыя деньги для государевыхъ ратныхъ людей „вдвое и втрое не противъ... государева указу“. Бѣшенцовъ предлагалъ сыскать его должниковъ, — „и будетъ по ево Томилиной росписи тѣ тарковые люди скажютъ, что мои денги за ними есть, и тѣ бы, государь, денги велѣлъ на торговыхъ людѣхъ имать на себя, государя, и будетъ гдѣ сыщутца товары мои на Нѣмецкомъ дворѣ и во Псковѣ, и тѣ бы товары велѣлъ бы имать на себя же государя...“

Между тѣмъ, Т. Истоминъ, взявшій на себя задачу разоблачить торговые обороты Гр. Бѣшенцова, подалъ еще двѣ росписи, въ которыхъ доказывалъ, что Бѣшенцовъ занимался съ выгодой конской торговлей, что при пожарѣ его двора имущество его не погибло, и что должники его боятся заявлять о своихъ обязательствахъ: „блюдяся его, Григорья, что ему должны, про тѣ долговыя денги правды сказати не смѣли, а которые и правду сказали, и онъ тѣмъ грозитъ продажею и государевыми заказными грамотами [1]).

Заглянемъ теперь и въ шедшій параллельно съ пятиной сборъ такъ называемыхъ „запросныхъ денегъ“, платить которыя должны были монастырскія власти, воеводы, губные старосты и отставные дворяне и дѣти боярскіе. Сборъ этотъ производитъ еще болѣе унылое впечатлѣніе, чѣмъ сборъ пятины.

Въ Твери власти заявили, что казенныхъ денегъ у нихъ нѣтъ, а изъ своихъ келейныхъ денегъ архимандриты и игумены „посулили въ запросъ“ 15 р., да воевода со своихъ пожитковъ „ударилъ челомъ“ 5 рублями. Съ 9 монастырей получить ничего не удалось вслѣдствіе ихъ пустоты [2]).—Въ Кашинѣ „губной староста и городовой приказщикъ дали скаски, что имъ денегъ. .

---

[1]) М. А. М. Д. № 41178 л. 1—5, 9, 10; № 41164 л. 17, 21—32.
[2]) М. А. М. Д. № 41164 л. 199.

государю въ запросъ дати нечего, и кашинцы отставные дѣти боярскіе въ Кашинъ не поѣхали и денегъ въ запросъ ничего не дали". Съ архимандритовъ, игуменовъ и старцевъ удалось собрать 5 р., къ которымъ воевода Кузьма Васильевичъ Чаплинъ приложилъ своихъ 5 р. [1]). — Изъ Углича строитель Алексѣевскаго монастыря Мисаилъ писалъ, что у него самого „собинныхъ келейныхъ денегъ" нѣтъ, нечего взять и съ келаря и съ казначея—„люди опѣ небогатые", со слугъ взять не съ кого, а монастырская казна была въ 141 г. похищена, и сыскать похитителей. не удалось [2]).—Воевода Замятня Леонтьевъ писалъ изъ Ржевы Володиміровы, что губныхъ старостъ, городовыхъ приказчиковъ и отставленныхъ дѣтей боярскихъ, къ которымъ обращалась грамота за запросомъ, во Ржевѣ В. нѣтъ ни одного человѣка, а самъ онъ, сидя въ осадѣ, „проѣлся и одолжалъ великимъ долгомъ"; стрѣлецкій голова и стрѣлецкіе сотники и подъячій съѣзжей избы тоже заявили ему, что они, „сидя въ осадѣ отъ литовскихъ людей, проѣлись и одолжали великимъ долгомъ", помѣстій и вотчинъ ни у кого изъ нихъ не было; архимандритовъ и игуменовъ во Ржевскомъ уѣздѣ не оказалось, а ржевскіе монастыри были пусты [3]).

Въ Ярославлѣ воевода кн. Алексѣй Лыковъ получилъ въ запросъ съ мѣстнаго губного старосты 5 р., да съ одного отставного ярославца сына боярскаго—тоже 5 р., а остальные отставные ярославцы сказали: одинъ—что „имъ въ запросъ денегъ дати нечего, потому что... за ними помѣстьишка обычные", съ этихъ помѣстій они были на службѣ; другіе—что они бѣдны, людей и крестьянъ за ними нѣтъ, а третьи—что они и сами скитаются по міру [4]).—Костромскіе сборщики писали, что въ Ипатскомъ и Богоявленскомъ монастыряхъ они денегъ ничего получить не могли, костромскіе губные старосты тоже ничего денегъ „не объявили", подъячіе „отказали, что у нихъ денегъ нѣтъ", а мѣстный воевода Ив. Францбековъ отговорился тѣмъ, что онъ деньги пошлетъ прямо отъ себя въ Москву. На отпискѣ была положена резолюція: „Писать

---

[1]) М. А. М. Д. № 41164 л. 205.
[2]) М. А. М. Д. № 41164 л. 472.
[3]) М. А. М. Д. № 41164 л. 227.
[4]) М. А. М. Д. № 41164. л. 374.

къ воеводѣ, чтобъ тотчасъ денегъ своихъ пожитковъ и съ приказныхъ людей къ государю прислали или бы зборщикомъ отдалъ, а то учинилъ не дѣломъ, что государю денегъ, челомъ бьетъ самъ, по ся мѣста не прислалъ и зборщикомъ не отдалъ и не объявилъ". Съ своей стороны воевода писалъ въ Москву, что ему дать въ запросъ ничего, и что трое костромскихъ подъячихъ тоже по своей бѣдности не въ состояніи дать что-либо въ запросъ, доходовъ у нихъ нѣтъ, жалованья имъ не платятъ другой годъ, и они должны беречь и кормить плѣнную литву. Объѣздъ отставныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ въ Костромскомъ уѣздѣ кончился ничѣмъ: привезенныя сказки гласили, что у нихъ денегъ нѣтъ, и въ запросъ имъ дать нечего [1]).— Выше было показано, какихъ хлопотъ надѣлалъ въ Чебоксарахъ сборъ пятины, не удался здѣсь и сборъ запроса. Пятинщики писали, что воевода Ив. Опухтинъ и подъячій Мих. Ключаревъ имъ „о тѣхъ запросныхъ денгахъ ничево не сказали" и денегъ не прислали [2]).—Въ Вяткѣ архимандритъ Успенскаго монастыря ударилъ челомъ „отъ себя и отъ братьи и отъ служекъ монастырскихъ" 30 рублями, воевода Ив. Вировской — 20 рублями, подъячій Тим. Семеновъ, присланный „въ діачье мѣсто", — 5 рублями, а трое другихъ подъячихъ съѣзжей избы въ запросъ ничего не дали. Пятинщики жаловались, что плательщики запроса давали деньги „съ убавкой" противъ 141 года, тогда какъ по показаніямъ посадскихъ людей окладчиковъ „доходы" у воеводы и подъячихъ были „большіе". Московская резолюція гласила: „Писать къ зборщикомъ, чтобъ просили, а говори[ли] бы, чтобъ дали денегъ, не дожидаясь иного государева указу" [3]).— Въ Каширу были посланы изъ Москвы пятинщики Дм. Резановъ и Ив. Холщевниковъ. Когда они обратились къ воеводѣ кн. Григ. Андр. Волконскому и губному старостѣ Силѣ Грекову съ требованіемъ запросныхъ денегъ, оба имъ отказали и въ запросъ денегъ ничего не дали. Въ Приказѣ распорядились воеводѣ и губному старостѣ написать „съ осудомъ". Въ грамотѣ, разработанной изъ этой помѣты, было такое наставленіе: „А что ты

[1]) М. А. М. Д. № 41164 л. 400, 405.
[2]) М. А. М. Д. № 41164 л. 1—12.
[3]) М. А. М. Д. № 41164 л. 643.

зборщикомъ отказалъ, въ запросъ съ своихъ пожитковъ денегъ, вспоможенье ратнымъ людемъ на жалованье, не далъ, то учинилъ не дѣломъ. И ты бъ одполично намъ денегъ, вспоможенье ратнымъ людемъ на жалованье, далъ неоскудно и губному старостѣ потому же дати велѣлъ, не дожидаясь иного нашего указу...“ [1]). — Изъ Калуги пятинщики писали, что воевода, губные старосты и подъячіе имъ въ запросныхъ деньгахъ отказали: „дать де намъ нечева, бѣдны“, передавали пятинщики лаконическій отвѣтъ тѣхъ лицъ, къ которымъ они обратились съ требованіемъ запроса. Параллельно съ отпиской пятинщиковъ калужскій воевода кн. Петръ Барятинскій счелъ нужнымъ оправдываться въ собственномъ отказѣ заплатить пятинныя деньги ссылкой на свои тяжелыя обстоятельства: у него дважды сгорѣлъ дворъ со всѣми его животами, а въ 142 году отъ литовскихъ людей, черкасъ и отъ русскихъ воровъ онъ сидѣлъ въ осадѣ и „проѣлся до основанія“, а лошадей его отогнали литовскіе люди [2]).—Карачевскій воевода Гр. Квашнинъ послалъ собранныхъ имъ запросныхъ денегъ 9 р.: 2 р. съ Воскресенскаго монастыря, 4 рублями ударилъ челомъ онъ самъ, а 3 р. онъ получилъ со стрѣлецкаго головы Гр. Софонова. Съ губныхъ старостъ, осадныхъ головъ, городовыхъ приказчиковъ, отставныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ онъ собрать ничего не могъ, потому что ихъ въ Карачевѣ и не оказалось [3]). — Въ Мценскѣ воевода Лазарь Ододуровъ, стрѣлецкій голова Кириллъ Протасовъ и губной староста Василій Юрловъ запросныхъ денегъ не дали совсѣмъ. Мало того, по словамъ пятинщиковъ Леонтія Кострикина и Ив. Овдѣева, стрѣлецкій голова Протасовъ приходилъ въ съѣзжую избу и обличалъ пятинщиковъ въ недобросовѣстности, бранилъ ихъ нехорошими словами и даже хотѣлъ имъ выколоть глаза. Изъ Приказа распорядились: „...Впередъ зборщиковъ беречь, чтобъ имъ никто дурна никакова и безчестья не чинилъ, а кто учнетъ какое бесчестье чинити, и тѣхъ смирять“ [4]). — Боровскій воевода Романъ Шушеринъ писалъ, что онъ вслѣдствіе пожара, въ кото-

---

[1]) М. А. М. Д. № 41164 л. 173, 189, 195.
[2]) М. А. М. Д. № 41164 л. 15, 103.
[3]) М. А. М. Д. № 41164 л. 128.
[4]) М. А. М. Д. № 41164 л. 152.

ромъ вмѣстѣ съ его дворомъ сгорѣли всѣ его животы и статки („а послѣнее растощили ратные люди"), ничего дать не можетъ, а кромѣ него, требовать запросныхъ денегъ въ Боровскѣ не съ кого. Приказная резолюція игнорировала его ламентаціи: „Отписать, велѣть деньги, съ своихъ пожитковъ и съ подъячихъ собравъ, прислать" [1]).—Подъ предлогомъ осадной нужды ничего не дали въ запросъ вяземскій воевода Миронъ Андреяновичъ Вельяминовъ и дьякъ Филиппъ Ларіоновъ [2]).—Изъ Новгорода пятинщики писали, что дьякъ Михаилъ Ивановъ Милославскій принесъ имъ въ запросъ 10 р. По этому поводу они напоминали, что въ предшествующемъ 141-омъ году онъ принесъ всего только 1 р., но за это поплатился: по государеву указу велѣно было доправить на немъ въ запросъ 200 р., „потому что онъ, Михайло, человѣкъ полной и прожиточной". „И я, холопъ твой, писалъ пятинщикъ Ст. Шеталовъ, тому Михайлу говорилъ, чтобъ онъ, Михайла, тебѣ, государю, порадѣлъ и себя не обесчестилъ, далъ бы денегъ въ запросъ, не пожалѣя себя, не по оскуду. И онъ намъ сказалъ: мнѣ де дать болши того невозможно". На уклоненіе М. Милославскаго отъ запроса въ Москвѣ взглянули съ неудовольствіемъ, и на дѣлѣ была положена резолюція: „Отписать къ воеводамъ, велѣти на Михаилѣ Милославскомъ доправити попрежнему 200 жъ рублевъ: докладывалъ боярин князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ государя въ компатѣ маія въ 2 де въ вечерни и приказалъ государевымъ словомъ..." Архимандритъ новгородскаго Спасо-Хутынскаго монастыря Ѳеодоритъ подалъ извѣтную память, въ которой заявлялъ, что изъ Спасо-Хутынскаго монастыря вышелъ старецъ Закхей, находившійся много лѣтъ на приказѣ въ монастырскихъ селахъ,— „и онъ, старецъ, изможенъ своими келейными денгами, и мочи на немъ взяти тебѣ, государю, вспоможеніе денегъ 50 рублевъ, а онъ старецъ рублевъ на сто на... и болши можетъ". Пятинщики призывали старца Закхея. Старецъ обѣщалъ дать въ тѣхъ деньгахъ поручную запись въ своемъ монастырѣ. Но когда пятинщики послали въ Антоніевъ монастырь за этою записью стрѣльца, то монастырскій игуменъ „записи по немъ поручные прибрать не

[1]) М. А. М. Д. № 41164 л. 38.
[2]) М. А. М. Д. № 41164 л. 165.

далъ“ и изъ монастыря старца не отпустилъ. Въ Москвѣ распорядились написать архимандриту, „чтобъ онъ того старца къ зборщикомъ отослалъ и впередъ за него не вступался и своихъ бы монастырскихъ и келейныхъ денегъ и съ слугъ прислалъ“ [1]).

Оглядываясь на ходъ этихъ сборовъ, видимъ, что въ раскрывающейся передъ нами пестрой картинѣ преобладаютъ унылые тона [2]). Соприкосновеніе органовъ центральной власти съ мѣстными мірами влекло за собой кучу всяческихъ непріятностей. Пятинщики жалуются на „вопли, крикъ во весь голосъ, позорную брань“ населенія, на активное сопротивленіе правежу, на угрозы ихъ личной безопасности (въ Мценскѣ пятинщику даже собираются выколоть глаза), на разбѣгъ и укрывательство населенія. Отъ самого населенія несутся жалобы на пятинщиковъ—на то, что тѣ окладываютъ „невправду“, губятъ посадскихъ людей „вконецъ“, забивая на правежѣ до смерти, что пятинщики объѣдаютъ ихъ и даже разводятъ непотребство. Во многихъ случаяхъ центральная власть была, повидимому, совершенно безсильна разобраться въ этихъ взаимныхъ обвиненіяхъ и обычно, не вслушиваясь въ „слезы“ населенія, о которыхъ ей иной разъ писали ея же воеводы, послѣдовательно становится на сторону пятинщиковъ, поддерживая ихъ вездѣ, гдѣ ихъ дѣйствія клонятся къ увеличенію сборовъ. Репертуаръ средствъ, которыми разсѣкаются Гордіевы узлы финансовой политики, несложенъ: „дѣланье наказанья“, батоги—„чтобы стоило кнутья“, тюрьма, ловля женъ и дѣтей и лицъ, связанныхъ съ плательщиками случайными дѣловыми операціями, инквизиціонный сыскъ посредствомъ стравливанія личныхъ враговъ и т. д.—все это съ тѣмъ, чтобы только „скорѣе взять!“ Еще унылѣе картина сборовъ запроса: въ отвѣтъ на наставительныя требованія правительства предполагаемые плательщики или „ничего не говорятъ“ и денегъ за собой „не объявляютъ“ или даютъ 1 р., вмѣсто ожидаемыхъ 200 р.

Въ этомъ хаосѣ раздражающихъ затрудненій безсильно было

---

[1]) М. А. М. Д. № 41164 л. 480, 517.

[2]) Попытку опредѣлить цифровые итоги пятинныхъ и запросныхъ сборовъ и изобразить схему сбора содержитъ статья г. Сташевскаго въ Ж. М. Н. П. 1912 г. №№ 4 и 5.

и наставительное краснорѣчіе Приказа и энергичныя воздѣйствія самихъ пятинщиковъ; не трудно представить себѣ, какой искусительный просторъ при этомъ открывался для злоупотребленій... Попытка организаторовъ пятины хотя бы частично взять въ свои руки податную экспертизу отысканныхъ отдѣльныхъ плательщиковъ, даже при опытѣ предшествующихъ сборовъ, должна была приводить къ пессимистическимъ заключеніямъ. Полагаемъ, что главнымъ выводомъ изъ опыта сборовъ 141—142 (1633—1634 гг.) былъ тотъ, что обойти сошное письмо и экспромтомъ создать новые пріемы расчета, быть можетъ, и очень желательно, но невозможно. Возникалъ самъ собою другой планъ—планъ соотвѣтствующей обработки матеріала писцовыхъ книгъ для созданія болѣе дѣловой, болѣе солидной и осторожной схемы обложенія—и прежде всего, обложенія именно привилегированныхъ элементовъ служилаго класса. Какъ зрѣла и развивалась эта мысль въ первые годы послѣ Смоленской войны, мы вскрыть не можемъ,—въ 145-146 гг. она развертывается передъ нами уже въ сложившемся видѣ.

Организація этихъ операцій потребовала созданія въ Москвѣ спеціальныхъ органовъ центральнаго дѣлопроизводства, особыхъ временныхъ приказовъ, которые, какъ вѣхи, отмѣчали путь, пройденный мыслью дѣятелей того времени. Крупнѣйшимъ явленіемъ этого рода былъ Приказъ сбора ратныхъ людей 146 года. Прежде чѣмъ перейти къ нему, какъ къ непосредственному предмету нашего изслѣдованія, загляпемъ ненадолго въ приказную среду Московскаго государства вообще.

8. Приказъ и приказные въ XVI—XVII вв.

Въ эпоху перваго Романова московскій приказъ насчитывалъ уже не первое столѣтіе своей исторіи. Въ самомъ началѣ XVII в. приказъ былъ силой, безъ которой не умѣли обходиться въ Москвѣ: какъ только въ 1611 г. ополченіе водворилось на московскомъ пепелищѣ, однимъ изъ первыхъ его шаговъ было возстановленіе „на Трубѣ“ и приказовъ.

Роль приказа многообразна: онъ и управляетъ, и ведетъ учетъ силамъ населенія, и законодательствуетъ, и кодифици-

руетъ. Съ половины XVI в. опредѣляется отмѣченная нами выше очень существенная черта въ постановкѣ нѣкоторыхъ приказовъ: ходъ вещей, чѣмъ дальше, тѣмъ настойчивѣе сообщаетъ приказу роль соціальнаго посредника, а часто и буфера въ соціальныхъ отношеніяхъ. Такое значеніе принадлежитъ уже Помѣстному приказу, но особенно выразительно оно сказывается въ дѣятельности четвертей, Челобитныхъ приказовъ и нѣкоторыхъ спеціальныхъ финансовыхъ приказовъ. Однимъ изъ такихъ финансовыхъ приказовъ-посредниковъ былъ и Приказъ с. р. л. 146 года.

Міръ приказныхъ дѣльцовъ въ XVII в. очень обширенъ: въ половинѣ вѣка въ центральныхъ учрежденіяхъ Москвы насчитывалось до 1000 подъячихъ, до 100 рядовыхъ дьяковъ и до 10 думныхъ. По своему составу приказный классъ очень разнокалиберенъ: онъ начинался площаднымъ подъячимъ съ кувшиномъ чернилъ у пояса и гусинымъ перомъ за ухомъ и кончался сановитой фигурой вліятельнаго дьяка, „вѣдавшаго думу“, государева секретаря и докладчика. Съ конца XV в. многіе представители этого класса играли политическую роль, нерѣдко отмѣченную лѣтописью. Назовемъ при Иванѣ III создателя правовой схемы нашихъ Судебниковъ Владиміра Гусева, окончившаго свою жизнь на плахѣ изъ-за вопросовъ о московскомъ престолонаслѣдіи, цѣлую коллегію дьяковъ при Василіи III: Мансурова, Путятина, Цыплятева, Ракова, Мишурина, Курицыныхъ (особенно вліятельное положеніе принадлежало знаменитому Ѳедору Курицыну, замѣшанному въ дѣло о новгородской ереси), „дворового дьяка“ Андрея Шерефединова при Грозномъ, братьевъ Василія и Андрея Яковлевичей Щелкаловыхъ, ворочавшихъ дѣлами при царяхъ Ѳедорѣ и Борисѣ и даже вліявшихъ на судьбы московскаго престола [1]).

---

[1]) С. М. Соловьевъ „Исторія Россіи“ II с. 1168, С. Ѳ. Платоновъ „Очерки по исторіи Смуты“ с. 265. Дьякъ Ив. Тимоѳеевъ видитъ въ Борисѣ Годуновѣ ученика Щелкаловыхъ: „наставника и учителя си имѣ, како преходну быти ему отъ нижайшихъ на высокая и отъ малыхъ на великая и отъ меншихъ на болшая и одолѣвати благородная,—древнія мужа, иже въ царскихъ ступающихъ тайнахъ премудрыхъ царей нашихъ предваршихъ приближена бывша, и многолѣтна глубочайшими сѣдинами цвѣтущи и состарѣвшися, безъ него же никакая же державныхъ тайна и о землеправленіохъ законоуставленая положенія не совершашеся, понеже въ дѣлныхъ зѣло злохитрѣ бѣ отъ сопменныхъ ему“. По мнѣнію Тимоѳеева, Борисъ и на престолъ попалъ благодаря Щелкаловымъ: „...яко же и на царствіе посадитеся ему

Представители московской приказной среды отличаются отъ позднѣйшихъ канцелярскихъ дѣятелей тѣмъ, что московскіе дьякъ и подъячій иногда не прочь перемѣнить гусиное перо на боевую саблю. Такъ, дьякъ Ив. Грязной усмиряетъ нагаевъ [1]), дьякъ Ржевскій участвуетъ въ борьбѣ съ татарами и отбивается въ Псковѣ отъ Баторія [2]), дьякъ Баимъ Болтинъ беретъ въ 1632 г. приступомъ Новгородъ Сѣверскій [3]).

По мѣрѣ роста центральнаго дѣлопроизводства, особенно въ связи съ неизбѣжнымъ нарастаніемъ статистическихъ задачъ, все увеличивалась возможность для московскаго приказнаго ловить рыбу въ мутной водѣ канцелярскаго счетоводства; счетоводные фокусы и такъ называемая „подписка“, т.-е. подлоги, становятся назойливой хронической болѣзнью приказа [4]). Власть хорошо знаетъ цѣну ни передъ чѣмъ не останавливающейся готовности дьяка и принуждена стоять надъ нимъ съ кнутомъ и топоромъ въ рукахъ, не умѣя въ то же время ступить шагу безъ его помощи [5]). Подозрительное отношеніе къ своимъ „людямъ пера“ со стороны власти переходитъ подчасъ въ ненависть въ средѣ боярской аристократіи—съ какимъ брезгливымъ высокомѣріемъ смотритъ на приказныхъ дѣльцовъ, вышедшихъ изъ „поповичей и простого всенародства“, кн. А. М. Курбскій! Но мелкій служилый человѣкъ относится къ дьяку, зачастую вершителю его судебъ, почтительно, съ вожделѣніемъ оглядывая московскія каменныя хоромы, понастроенныя себѣ дьяками, тѣ

ими, подобою, яко на небо ими возведенъ бысть“ (Р. И. Б. XIII, с. 352 - 354). Позднѣе крупное дьячество не безъ вліянія на царскія бракосочетанія: темный дѣлецъ временъ Смуты думный дьякъ Ив. Тар. Грамотинъ сумѣлъ выдать свою родственницу или свойственницу за царя Михаила, а первый бракъ царя Алексѣя и второй бракъ царя Оедора переродили династію съ канцелярской знатью Матюшкиныхъ, Апраксиныхъ и др.

[1]) С. М. Соловьевъ „Исторія Россіи“ II с. 1165.

[2]) С. М. Соловьевъ „Исторія Россіи“ II с. 102, 103, 271 и др.

[3]) С. Ѳ. Платоновъ „Столяровъ хронографъ и его авторъ“.

[4]) Какой широкій размахъ могли имѣть плутовскія операціи московской администраціи въ эпоху царя Михаила, можно судить по тому, что хищенія одного изъ сибирскихъ воеводъ кн. П. Куракина въ союзѣ съ дьякомъ Ив. Булыгинымъ въ 134 (1626) г. достигали 14600 р. (В. Н. Сторожевъ „Матеріалы для исторіи дѣлопроизводства Помѣстнаго приказа по Вологодскому уѣзду въ XVII вѣкѣ“. Вып. I с. 52—53).

[5]) Судебникъ 1550 г. ст. 4, 5, 59; Уложеніе ц. А. М. X 5, 6 10—12 и др.

„неудобьсказаемыя палаты“, о которыхъ съ такимъ вкусомъ разсуждали служилые люди на Азовскомъ соборѣ [1]). Предметъ этой высокомѣрной брезгливости и зависти, московскій приказный, умѣлъ и самъ платить презрѣніемъ длиннобородымъ и тяжелодумнымъ засѣдателямъ Боярской думы, слабыя и смѣшныя стороны которыхъ онъ давно подмѣтилъ изъ своего угла острымъ и насмѣшливымъ взглядомъ!

Въ государственное строительство московскій приказный вносилъ то, чѣмъ былъ богатъ самъ: дѣловую практичность, глазомѣръ, цѣпкость, хорошее знаніе своихъ московскихъ „всякихъ чиновъ людей“ и зачастую отсутствіе всякаго зазрѣнія совѣсти. Онъ не могъ дать того, чего не было и у него самого: широкаго идейнаго кругозора, сознательнаго плана, системы, умѣнья развить принципіальную программу. Эти именно особенности приказной среды и вскрываются передъ нами въ дѣятельности Приказа с. р. л. [2]).

---

[1]) Въ Путивлѣ въ 145 (1637) г. во время перебранки между стрѣльцомъ Мишкой Коноваловымъ и жилымъ казакомъ Кирюшкой Родюкинымъ послѣдній шумѣлъ: „я де государя не слушаю, откупилъ де я деготь въ Володимерской чети у дьяка у Тимовея Голосова, а не у государя, и пошлины де откупныя плачу Голосову, а не государю“ (П. Новомбергскій „Государево слово и дѣло“ I с. 466—468).

[2]) Псковская лѣтопись, разсказавъ подъ 1528 г. о мерти Мисюря Мунехина, даетъ проникнутую тонкимъ и грустнымъ юморомъ характеристику дѣятельности московскихъ дьяковъ: „И быша по Мисюри дьяки частые, милосердый Богъ милостивъ до своего созданія, и быша дьяки мудри, а земля пуста; и нача казна велпкого князя множитися во Псковѣ, а сами ни одинъ не съѣхаша поздорову со Пскова къ Москвѣ, другъ на друга воюя“. „А дьяка Колтырю Ракова, замѣчаетъ тотъ же лѣтописецъ подъ 1534—1535 гг., свелъ князь великій на Москву, и бысть псковичамъ радость, а онъ многіе пошлины во Псковѣ уставилъ: а нога у него крива“ (П. С. Р. Л. IV с. 297 и 299).

ГЛАВА II.

Приказъ сбора ратныхъ людей.

1. Предшественники Приказа с. р. п.

Временные приказы въ Москвѣ для сбора экстренныхъ налоговъ, даточныхъ или провіанта были учреждаемы, вѣроятно, еще въ XVI в.—съ тѣхъ поръ, какъ возникла разсчетная система сошнаго письма, руководствуясь которой можно было распредѣлять изъ центра сборы по всей территоріи московскихъ владѣній. Вѣроятно, такой приказъ вѣдалъ, напримѣръ, сборы на Казанскій походъ [1]). Возможно, впрочемъ, что подобные сборы поручались тогда и какому-нибудь уже сложившемуся центральному учрежденію, подобно, напримѣръ, позднѣйшему сбору 149 г., производившемуся Большимъ приходомъ. Экстренные сборы, напоминающіе послѣдующія операціи эпохи Михаила, начались со времени царя Василія. Яркимъ эпизодомъ изъ исторіи этихъ сборовъ былъ псковскій сборъ 1606—7 гг. [2]). Другой опытъ крупнаго денежнаго сбора встрѣчаемъ въ Нижнемъ Новгородѣ при снаряженіи второго ополченія; сборъ этотъ былъ организованъ самимъ К. Мининымъ [3]). Именно эпоха Смуты, вѣроятно, пустила въ усиленный оборотъ основную національно-государственную идею сборовъ: за все время царствованія Михаила они сохраняютъ одну существенную черту—характеръ обще-народнаго подъема для національнаго дѣла, характеръ мірской помочи со стороны населенія государственной организаціи. Излюбленнымъ пріемомъ финансоваго управленія учрежденіе такихъ приказовъ

---

[1]) А. Э. I, № 205. Сборъ съ Новгорода и Новгородскихъ пятинъ.

[2]) С. О. Платоновъ „Очерки по исторіи Смуты", изд. II, с. 284—288.

[3]) С. Ѳ. Платоновъ „Очерки" с. 407—408.

становится съ первыхъ лѣтъ царствованія Михаила. Въ связи съ неустойчивостью въ первые годы послѣ Смуты приказной системы и обиліемъ новыхъ задачъ, не укладывавшихся въ привычныя рамки, правительство то и дѣло учреждаетъ временныя комиссіи или, по тогдашнему, „приказы", предназначенные для сбора экстренныхъ налоговъ деньгами или натурою, и по дѣламъ сыска, т.-е. разбора населенія для его водворенія по мѣсту тягла. Временные приказы по сбору экстренныхъ налоговъ и сыскные приказы, дѣйствующіе параллельно и часто направляемые одними и тѣми же лицами, переходившими изъ приказа одной категоріи въ приказъ другой, обслуживаютъ разныя стороны одной и той же финансовой программы и родственны между собой по своимъ основнымъ идеямъ. Оставляя въ сторонѣ группу сыскныхъ приказовъ, укажемъ извѣстные намъ временные финансовые и провіантскіе приказы.

Организація сбора пятины со всего государства 122 г. была поручена на Москвѣ дьяку Устюжской четверти Петру Третьякову, а сбора съ самой Москвы—Кузьмѣ Минину [1]). Сборъ пятины 123 г. былъ порученъ боярину Бор. Мих. Салтыкову, дьякамъ Ивану Болотникову и Герасиму Мартемьянову [2]). Сборъ пятины 124 г.—соборному старцу Діонисію Голицыну, боярину кн. Дм. Мих. Пожарскому, дьяку Галицкой чети Семену Головину, архимандриту Авраамію и игумену Симону [3]). Пятина 125 г. была поручена кн. Д. М. Пожарскому и тому же Семену Головину [4]). Сборъ пятины 126 г. былъ порученъ патріаршу двору—боярину кн. Ив. Никит. Одоевскому, окольничему Арт. Вас. Измайлову и дьяку Герасиму Мартемьянову [5]). Запросы 127 г. въ Н. Новгородѣ долженъ былъ собирать кн. Бор. Мих. Лыковъ, а въ Ярославлѣ кн. Ив. Бор. Черкасскій. Можно думать, что одно время въ Москвѣ носились даже съ мыслью сдѣлать запросъ и пятину постоянной формой денежныхъ сборовъ. Очевидно, для приданія общественнаго вѣса этимъ разнокалибернымъ и пестрымъ, труднымъ технически, тяжелымъ по размѣру и часто очень раздра-

[1]) С. Б. Веселовскій „Семь сборовъ пятинныхъ и запросныхъ денегъ", с. 26.
[2]) С. Б. Веселовскій „Семь сборовъ", с. 59—60.
[3]) С. Б. Веселовскій „Семь сборовъ", с. 61.
[4]) С. Б. Веселовскій „Семь сборовъ", с. 65.
[5]) С. Б. Веселовскій „Семь сборовъ", с. 67.

жающимъ по формѣ налогамъ старались поставить во главѣ дѣла людей съ общественнымъ значеніемъ и установившейся репутаціей, устраняя лицъ, подбиравшихся къ нимъ благодаря дворцовымъ связямъ, въ родѣ Б. М. Салтыкова.

Послѣ шести лѣтъ этихъ финансовыхъ пароксизмовъ лѣтъ на двѣнадцать временные приказы исчезаютъ изъ московскаго правительственнаго обихода. Усиленное требованіе новыхъ экстренныхъ налоговъ возобновляется съ 139 г., когда начались приготовленія къ Смоленскому походу, и продолжается въ теченіе лѣтъ десяти. Постановка экстренныхъ сборовъ 139—149 гг. имѣетъ внушительный характеръ: по дошедшимъ до насъ документамъ мы видимъ, что надъ дѣломъ сбора работаютъ въ этихъ случаяхъ штаты спеціально имъ занятыхъ лицъ.

Серьезныя приготовленія къ Смоленской войнѣ, открывшейся въ августѣ 140 г., начались еще съ лѣта 139 г. Въ 139—141 гг. были произведены экстренные сборы съ монастырскихъ и церковныхъ земель (по 35 р. съ 400 четей), порученные кн. Д. М. Пожарскому и дьяку Григ. Волкову [1]). Въ январѣ 140 г., когда въ Москву явились наемные нѣмцы, велѣно было собирать для нихъ кормъ, хлѣбные запасы съ четвертей, со всѣхъ уѣздовъ Гр. Ал. Загряжскому, потомъ кн. Ив. М. Барятинскому, Ив. Нелюбову Огареву да дьякамъ Тихону Бормосову и Емельяну Евсевьеву [2]). Въ іюнѣ того же года, за мѣсяцъ до открытія военныхъ дѣйствій, велѣно было собирать съ Москвы подводы. Сборъ былъ порученъ сначала боярину Ѳ. И. Шереметеву, окольничему Л. И. Далматову-Карпову да дьяку Мих. Данилову, а потомъ окольничему кн. А. М. Львову съ цѣлымъ рядомъ помощниковъ, между которыми Москва была разбита на районы [3]). Въ августѣ 140 г., одновременно съ объявленіемъ похода, учреждаются два временныхъ приказа, поставленныхъ подъ начало командующаго Смоленской арміей боярина М. Б. Шеина,—Приказъ суда нѣмецкихъ наемныхъ людей и раздачи имъ мѣсячныхъ кормовыхъ денегъ, во главѣ котораго поставлены Вас. Ив. Протопоповъ и дьякъ Тим. Пчелинъ, и Приказъ сбора кормовъ, хлѣбныхъ и мясныхъ

[1]) С. Б. Веселовскій „Сошное письмо" I, с. 403—404.
[2]) Д. Р. II, 249; А. Э. III, № 212.
[3]) Д. Р. II, 280—281; А. М. Г. II, № 349, 355, 360, 362, 365, 366.

запасовъ, съ Григ. Ал. Загряжскимъ, дьяками Ив. Огаревымъ и Ем. Евсевьевымъ во главѣ. Ем. Евсевьева впослѣдствіи въ 146 г. встрѣчаемъ и въ Приказѣ с. р. л. [1]). Наказъ имъ долженъ былъ дать самъ Шеинъ [2]). Учрежденный одновременно особый приказъ для вѣдѣнія наряда, отправляемаго съ М. Б. Шеинымъ, состоявшій изъ И. И. Арбузова и дьяка Ив. Костюрина, долженъ былъ произвести и сборъ 987 посошныхъ людей съ посадовъ и черныхъ волостей „по росписямъ, каковы присланы изъ четвертей съ писцовыхъ книгъ“ [3]). Арбузовъ и Костюринъ должны были вѣдать храненіе и перевозку амуниціи (зелье, ядра, свинецъ, мушкеты, протазаны, олебарды, барабаны, лопаты, заступы, кирки и т. д.) [4]).

Расходы, вызванные Смоленской войной, потребовали новыхъ энергичныхъ сборовъ, и въ ноябрѣ 141 г., т.-е. черезъ какихъ-нибудь 3 мѣсяца послѣ начала военныхъ дѣйствій, открываетъ свои операціи новый экстренный приказъ кн. Д. М. Пожарскаго, симоновскаго архимандрита Левкѣя, Моис. Θед. Глѣбова да дьяковъ Василія Копнина и Бажена Степанова для сбора пятинныхъ и запросныхъ денегъ [5]).

Подъ вліяніемъ неудачъ арміи, осаждавшей Смоленскъ, и въ предвидѣніи, быть можетъ, близкой катастрофы въ іюнѣ 141 г. были наскоро предприняты два экстренныхъ сбора. 25 іюня 141 г. боярину кн. Ю. Е. Сулешову, да Я. В. Колтовскому, да дьякамъ Григ. Теряеву да Рохманину Болдыреву [6]) велѣно было произвести сборъ съ земель думныхъ и московскихъ чиновъ, не участвовавшихъ въ походѣ,—„съ дьяковъ, съ дворянъ, которые сидятъ на воеводствахъ по городамъ, со вдовъ съ большихъ, и съ осадныхъ головъ, и съ губныхъ старостъ, и съ городовыхъ при-

---

[1]) К. Р. II, 378—380, 395; Д. Р. II, 285—286.

[2]) К. Р. II, 442. Наказы—К. Р. II, 487—491, 502—508; А. Э. III, № 214. Отправка провіанта подъ Смоленскъ, шедшая частью помимо этого приказа, изображена въ К. Р. II, 447—452. Документы о ходѣ этого сбора—въ М. А. М. Д.

[3]) К. Р. II, 395, 439—440.

[4]) К. Р. II, 441.

[5]) Наказъ—К. Р. II, 480—487; ср. Д. Р. II, 299—301, 330. Здѣсь помѣщенъ и списокъ части разосланныхъ этимъ приказомъ сборщиковъ. Документы по этому сбору—въ М. А. М. Д.; А. Э. III, № 211, 213.

[6]) Позднѣе при Сулешовѣ состояли кн. Никита Мих. Мезецкій и дьякъ Потапъ Внуковъ—А. Э. III, № 222.

кащиковъ, и съ дворянъ, и съ дѣтей боярскихъ съ городовыхъ, которые дворяне и дѣти боярскіе за старость и за увѣчье отъ службы отставлены, а помѣстья и вотчины за ними есть, и со вдовъ и съ недорослей, за которыми есть помѣстья и вотчины, и со всякихъ приказныхъ людей съ помѣстныхъ и съ вотчинныхъ ихъ земель, также и съ гостей, за которыми земли, взяти даточныхъ людей съ 300 чети по человѣку по конному". Списки обложенныхъ лицъ должны были прислать въ приказъ Сулешова, вѣроятно, изъ Разряда, а данныя о землевладѣніи изъ Помѣстнаго приказа. „А будетъ, прибавлялъ наказъ многозначительно, изъ Помѣстного приказу земляного списка вскорѣ къ нимъ не пришлютъ, и имъ для поспѣшенья у бояръ и у окольничихъ и у всякихъ чиновъ людей велѣти помѣстнымъ ихъ и вотчиннымъ землямъ взяти росписи. А то имъ всякимъ людемъ сказати, чтобъ они въ памятѣхъ помѣстья и вотчины свои писали подлинно, сколко за кѣмъ въ которомъ городѣ помѣстей и вотчинъ, а нигдѣ бъ помѣстей своихъ и вотчинъ не таили. А кто какіе земли за собой утаитъ, а послѣ про то сыщетца, и тѣ утаенные земли велитъ государь взяти и отдати челобитчикомъ, кто на нихъ про утаеную землю государю извѣститъ. А имати даточныхъ людей добрыхъ и на лошадѣхъ на добрыхъ же и оружныхъ". О ходѣ сбора предписывалось докладывать государю и патріарху [1]). 26 іюня 141 г. велѣно было собрать конныхъ даточныхъ и съ монастырей тоже по расчету съ 300 четей по человѣку по конному. Сборъ этотъ былъ порученъ боярину кн. А. М. Львову и дьякамъ Герас. Мартемьянову да Максиму Чиркову. Въ тѣхъ случаяхъ, когда за монастыремъ бывало менѣе 300 четей, велѣно было брать за даточнаго деньгами „по розщоту противъ даточного человѣка въ 30 рублей". Отчетъ о сборѣ („книги подлинно по статьямъ") сборщики должны были прислать въ Разрядъ къ дьякамъ, думному Ив. Гавреневу, Мих. Данилову да Гр. Ларіонову, за дьячьею приписью [2]).

27 ноября 142 г. государь указалъ сдѣлать смягченіе противъ предложенной программы сбора: кн. Сулешову и дьяку

---

[1]) К. Р. II, 510—513; А. М. Г. № 542, 582, 586.
[2]) К. Р. II, 508—510, 513—515; А. Э. III, № 222.

Потапу Внукову указано было не брать даточныхъ со вдовъ, мужья которыхъ убиты подъ Смоленскомъ въ 141 и 142 гг. [1]).

29 декабря 142 г. приказу кн. И. М. Барятинскаго, Ив. Огарева, Потапа Внукова и Ем. Евсевьева велѣно было взять съ посадовъ и уѣздовъ, отстоящихъ отъ Москвы не далѣе 700 верстъ, съ земель духовныхъ властей, монастырскихъ, церковныхъ, боярскихъ, московскихъ чиновъ, дьяковъ, дворовыхъ всякихъ чиновъ, городовыхъ воеводъ, со вдовъ большихъ и недорослей, съ осадныхъ головъ, губныхъ старостъ, съ головъ и сотниковъ и съ отставныхъ дѣтей боярскихъ „съ живущіе пашни съ чети по осминѣ муки ржаные да по три полуосмины сухарей“ для отправки въ Дорогобужъ по зимнему пути. Съ посадовъ и уѣздовъ, отстоящихъ отъ Москвы болѣе чѣмъ на 700 верстъ, велѣно было взять деньгами по полтора рубля за четь [2]).

Трудно сказать, насколько была успѣшна дѣятельность приказа Сулешова,—можно думать, что она осталась больше на бумагѣ. Во всякомъ случаѣ этотъ приказъ былъ по замыслу прототипомъ Приказа сбора ратныхъ людей 146 г., который началъ свою работу по той же самой программѣ, только съ переводомъ расчета съ четей на дворы. Можетъ быть, выяснившаяся къ февралю 142 г. невозможность произвести этотъ сборъ, вслѣдствіе непосильности для приказа Сулешова задачи, повела къ назначенію въ февралѣ 142 г. новаго сбора пятинныхъ и запросныхъ денегъ, порученнаго заслуженному боярину кн. Б. М. Лыкову, окольничему В. Г. Коробьину, чудовскому архимандриту Ѳеодосію, дьякамъ Мих. Невѣрову, впослѣдствіи дѣятелю Приказа с. р. л. 146 г., да Науму Петрову, дьяку заслуженному и бывалому [3]).

Затѣмъ наступаетъ 3-лѣтній перерывъ въ дѣятельности этихъ приказовъ. Поляновскій миръ и истощеніе населенія сдѣлали, вѣроятно, дальнѣйшіе экстренные сборы и ненужными и невозможными, но крымскіе набѣги 144—146 гг. скоро поставили на очередь задачу укрѣпленія южной границы государства, беззащитность которой такъ больно дала себя почувствовать и въ Смоленскую войну.

---

[1]) К. Р. II, 595.

[2]) К. Р. II, 609—610; А. М. Г. II, № 582; 583; А. Э. III, № 214, 216.

[3]) К. Р. II, 622—627; Д. Р. II, 372; А. Э. III, № 245.

Еще въ февралѣ 145 г. былъ рѣшенъ сборъ съ посадовъ, съ черныхъ волостей и съ мордовскихъ земель съ чети пашни по полтинѣ, съ дворцовыхъ селъ съ выти по полтинѣ жъ, а съ патріаршихъ, съ митрополичьихъ, съ архіепископлихъ и съ монастырскихъ вотчинъ и съ церковныхъ земель съ чети пашни по 40 алтынъ. Грамота пермскому воеводѣ отъ 8 февраля 145 г. предписываетъ однако произвести этотъ сборъ только съ монастырскихъ и церковныхъ земель. Сборъ долженъ былъ поступить въ Большой дворецъ [1]). Весной 145 г. сборъ—съ черныхъ земель съ чети пашни по полтинѣ, съ чиновъ думныхъ, столичныхъ, дворцовыхъ, съ городовыхъ воеводъ, со вдовъ большихъ и недорослей, со стрѣлецкихъ, казачьихъ и осадныхъ головъ, съ сотниковъ, губныхъ старостъ, городовыхъ приказчиковъ, съ приказныхъ, съ неслужилыхъ дѣтей боярскихъ, подъячихъ и гостей съ живущей чети по 20 алтынъ, а съ дворянъ и съ дѣтей боярскихъ, несущихъ дѣйствительную службу, съ мурзъ, новокрещеновъ, татаръ, „и со всякихъ служилыхъ людей“ и со вдовъ и недорослей (городовыхъ) съ живущей чети пашни по 10 алтынъ—былъ порученъ Челобитному приказу, въ которомъ сидѣлъ тотъ самый бояринъ Бор. Мих. Салтыковъ, который когда-то, 22 года тому назадъ, открылъ серію экстренныхъ сборовъ и теперь снова появился на сценѣ по смерти нелюбившаго Салтыковыхъ Филарета; дьяками при Салтыковѣ были Вас. Волковъ и Калистратъ Акинѳеевъ [2]). Надо думать, что сборъ этотъ, долженствовавшій быть доставленнымъ еще по зимѣ 145 г. или, самое крайнее, къ вешнему Николѣ 145 г., встрѣтилъ такія затрудненія въ организаціи дѣлопроизводства, что его совершенно не удалось осуществить, и онъ остался проектомъ. На разстояніи шести мѣсяцевъ отъ указаннаго въ цитированной грамотѣ срока вешняго Николы назначается новый сборъ 146 г., для производства котораго и учреждается нарочитый Приказъ сбора ратныхъ людей.

Таковы предшественники Приказа с. р. л. Онъ былъ едва ли не 21-ымъ по счету временнымъ приказомъ финансоваго характера изъ подобныхъ учрежденій, возникшихъ послѣ Смуты и,

---

[1]) А. И. III, № 195.

[2]) С. Г. Г. Д. III, № 107; А. Э. III, № 268. Здѣсь обстоятельная мотивировка и историческая справка.

надо думать,—самымъ сложнымъ и совершеннымъ выраженіемъ тѣхъ техническихъ требованій, которыя ставились его предшественникамъ.

Въ сентябрѣ 146 г. крымцы сдѣлали новый набѣгъ, и языки съ пытки объясняли, что набѣгъ сдѣланъ изъ-за Азова, и что по веснѣ 146 г. крымцы его повторятъ, если Азовъ не будетъ отданъ. Московское правительство въ этотъ моментъ какъ будто колебалось, отдавать Азовъ или нѣтъ, и стало готовиться къ оборонѣ. Въ ноябрѣ, январѣ, мартѣ и апрѣлѣ 146 г. были отданы распоряженія объ экстренной мобилизаціи служилыхъ людей для предупрежденія набѣга [1]). Особое распоряженіе было сдѣлано въ апрѣлѣ 146 г. о сборѣ Большимъ дворцомъ „у митрополитовъ, у архіепископовъ и у епископовъ—дѣтей боярскихъ, а въ монастырѣхъ слугъ лутчихъ конныхъ во всякой ратной сбруѣ, а указалъ государь тѣмъ людемъ быти на Москвѣ по болшимъ вѣстемъ“ [2]).

Мысль о новомъ сборѣ даточныхъ была оформлена въ началѣ 146 г. 25 сентября 146 г. государь указалъ П. И. Волынскому да дьякамъ Михаилу Бухарову да Григорію Углеву, т.-е. тогдашнему составу Холопьяго приказа, собрать даточныхъ людей съ пищалями съ думныхъ и московскихъ чиновъ „противъ 141 года съ прибавкою, а съ которыхъ бояръ, и съ околничихъ, и съ думныхъ людей, и съ столниковъ, и съ дворянъ, и со вдовъ болшихъ, и съ діаковъ, и съ приказныхъ людей, и съ дворовыхъ, и сколко даточныхъ людей было пѣшихъ въ прошломъ во 141 году, и съ которыхъ даточныхъ людей взяти вновь“, и тому роспись была послана къ Волынскому, Бухарову и Углеву за дьячьею приписью. Отчетъ о сборѣ Волынскій, Бухаровъ и Углевъ должны были сообщить въ Разрядъ думному дьяку Ив. Гавреневу да Григорью Ларіонову. 10 октября 146 г. велѣно было собрать по зимнему пути въ Большомъ дворцѣ, взявъ у властей и по монастырямъ, всю ратную сбрую „для воинскаго дѣла на время“ [3]).

Но многозначительное, какъ увидимъ ниже (см. гл. VI),

---

[1]) Инструкціи—см. Р. И. Б. II, 672—681. См. также нашу работу „Засѣчная черта Московскаго государства въ XVII в.“, гл. II и III.

[2]) Р. И. Б. II, 681—683.

[3]) Р. И. Б. II, № 168.

намѣреніе поручить сборъ по схемѣ 141 г. (т.-е. на основѣ счета четвертей) Волынскому, Бухарову и Углеву, объявленное въ концѣ сентября 146 г., было по неизвѣстной причинѣ (можетъ быть, вслѣдствіе того, что при полученіи извѣстій о совершившемся и снова грозившемъ крупномъ набѣгѣ взглянули на дѣло серьезнѣе) оставлено, дѣло сбора было молчаливо изъято изъ ихъ рукъ, и правительство круто повернуло къ другой мысли—собрать налогъ на основѣ расчетовъ дворового числа, а операцію сбора поручить болѣе авторитетнымъ лицамъ—кн. И. А. Голицыну, Пантелею Чирикову и Емельяну Евсевьеву. Чья рука сдѣлала этотъ поворотъ, сказать не можемъ, вѣроятно, онъ былъ результатомъ вмѣшательства кн. И. Б. Черкасскаго, сосредоточившаго на ближайшее время все дѣло обороны въ своихъ рукахъ.

Обстоятельная мотивировка, развитая очень выразительно не такъ давно при назначеніи сбора 145 г., была повторена съ нѣкоторыми измѣненіями и въ грамотахъ о сборѣ на 146 г., разсылавшихся въ ноябрѣ и декабрѣ 146 г. [1]) Въ росписномъ спискѣ 147 г. Приказа с. р. л. указъ отъ 25 ноября 146 г. пересказанъ такъ. „По крымскимъ вѣстемъ взять даточныхъ пѣшихъ людей съ бояръ, съ окольничихъ, и съ думныхъ людей, и стольниковъ, и стряпчихъ, и дворянъ московскихъ, и съ дьяковъ, и съ жильцовъ, и со вдовъ, и съ недорослей, и со всякихъ чиновъ людей съ ихъ помѣстій и вотчинъ съ 20 дворовъ по человѣку по писцовымъ книгамъ, а у кого 20 дворовъ не будетъ, или за 20 дворами останется лишка, и съ тѣхъ дворовъ имати денгами по росчету съ двора по рублю и за даточнаго человѣка по 20 рублевъ“. Спустя 12 дней, 7 декабря этотъ указъ былъ дополненъ поправкой, указывающей на ту оппозицію, которую схема налога встрѣтила въ правящихъ кругахъ: даточныхъ не велѣно было брать съ подмосковныхъ вотчинъ и помѣстій служилыхъ людей, — „взяти даточныхъ людей съ ихъ вотчинъ и помѣстій, которыя за ними въ городѣхъ“. Одновременно со сборомъ со служилыхъ людей былъ рѣшенъ сборъ съ чернаго населенія. Тотъ же росписной списокъ 147 г. упоминаетъ „государевъ (*n. m.*) указъ и боярской приговоръ

[1]) Напр., А. Э. III № 268, 275.

146 году ноября въ 25 де за приписью думного дьяка Михаила Данилова, какъ указано по крымскимъ вѣстямъ боярину князю Ивану Ондреевичю Голицыну да дьякомъ Пантелею Чирикову да Емельяну Евсевьеву з городовъ, которые городы въ четвертяхъ и въ Казанскомъ дворцѣ, съ посадовъ и съ уѣздовъ имать ратнымъ людемъ на жалованье з 10-и дворовъ за даточнаго человѣка по 20 рублевъ, з двора по 2 рубли...". [1])

Параллельно былъ назначенъ сборъ даточныхъ пѣшихъ людей съ высшаго духовенства и монастырей тоже по человѣку съ 10 дворовъ или по 20 рублей за человѣка—„гдѣ будетъ менши десяти дворовъ". Сборъ этотъ порученъ былъ Большому дворцу—въ составѣ кн. Ал. Мих. Львова, дьяковъ Григ. Нечаева и Макс. Нечаева [2]).

2. Бояре и дьяки Приказа с. р. л.

За первые 16 мѣсяцевъ существованія Приказа с. р. л. въ немъ сидѣли одинъ за другимъ 3 боярина, князья Иванъ и Андрей Голицыны и кн. Петръ Репнинъ, при которыхъ состояли два дьяка, П. Чириковъ и Е. Евсевьевъ. Сообщаемъ тѣ біографическія свѣдѣнія, которыя намъ удалось собрать о нихъ.

Князья Иванъ и Андрей Андреевичи Голицыны—сыновья князя Андрея Ивановича Голицына, строптиваго боярина временъ царя Ѳедора [3]). На ихъ теткѣ былъ женатъ Александръ Никитичъ Романовъ, такъ что Романовымъ они доводились въ свойствѣ. Иванъ Андреевичъ началъ свою карьеру дворяниномъ московскимъ въ 131 году. Съ начала этого года и до своей смерти въ 158 г. кн. Иванъ—постоянный участникъ дворцовой жизни, за исключеніемъ случаевъ служебныхъ командировокъ. Въ 132 г. въ мартѣ онъ былъ назначенъ воеводой большого полка на Тулу, и ему пришлось тамъ улаживать сложный мѣстническій переполохъ [4]). Въ іюлѣ 142 г. онъ былъ пожалованъ въ бояре [5]). Въ

[1]) 1638 № 53 л. I сл. „А что въ которомъ городѣ, гласила приписка, на посадѣ и въ уѣздѣхъ дворовъ и во дворѣхъ людей, и тому роспись подъ тѣмъ государевымъ указомъ за приписью думного дьяка Михаила же Данилова да другая роспись Казанскаго дворца городомъ за приписью дьяка Ѳедора Панова".

[2]) А. И. III № 198.

[3]) См. о немъ въ Разрядахъ Сибирскій сборникъ, с. 98, 99, 102, 103.

[4]) Д. Р. I, 583—603.

[5]) Д. Р. II, 383.

143 г. кн. Иванъ долженъ былъ сказывать боярство кн. Петру Александровичу Репнину. Голицынъ заупрямился, но ему было объяснено, что „въ отечествѣ ему князь Петру до него князь Ивана не достало, а приговоръ ихъ государской, что болшіе меншимъ сказываютъ, а отечеству ихъ тѣмъ порухи нѣтъ“; въ подтвержденіе приведены были прецеденты, между прочимъ, и тотъ вѣскій случай, когда бояринъ кн. Ѳ. М. Трубецкой сказывалъ боярство Борису Годунову. Увѣщаніе кончалось такимъ обращеніемъ: „и ты не упрямливайся, князь Петру боярство скажи, и тѣмъ отечеству твоему порухи не будетъ, и у стола будетъ онъ съ тобою“. Но кн. Иванъ не послушался, боярства не сказалъ и за это былъ посаженъ на 3 дня въ тюрьму и, кромѣ того, подъ домашній арестъ. Послали къ нему на домъ уговаривать его дьяка Г. Ларіонова—съ предупрежденіемъ, что если онъ боярства Репнину не скажетъ, „и ему быть разорену и сослану“. „И князь Иванъ дьяку Г. Ларіонову сказалъ, что въ розореньѣ и въ ссылкѣ воленъ Богъ да государь, а ему князь Петру боярства не сказывать. И того дни кн. Петру Репнину боярство не сказано“ [1]). Опала, однако, если и постигла Голицына, то ненадолго: въ іюлѣ 143 г. мы встрѣчаемъ его вновь за царскимъ столомъ [2]), а въ августѣ онъ былъ даже оставленъ въ отсутствіе государя на Москвѣ первымъ лицомъ. Это не разъ случается и позднѣе [3]). Въ 144 г. видимъ его въ отвѣтѣ у литовскихъ пословъ со званіемъ намѣстника Ярославскаго [4]). Въ сентябрѣ 146 г. по крымскимъ вѣстямъ ему поручается оборона Москвы на самомъ опасномъ мѣстѣ (Серпуховскія и Калужскія ворота), но „боярину и воеводамъ сказка была, а походу не было“ [5]). Зиму и весну 146 г. онъ сидитъ въ Приказѣ с. р. л., а лѣтомъ 146 г. завѣдуетъ обороной Одоевскихъ засѣкъ [6]). Въ началѣ 147 г. кн. Иванъ посаженъ во Владимірскій судный приказъ на мѣсто своего покойнаго брата [7]), а въ маѣ 147 г. посланъ воеводой въ

[1]) Д. Р. II, 456–457.
[2]) Д. Р. II, 472.
[3]) Д. Р. II, 476.
[4]) Д. Р. II, 513.
[5]) Д. Р. II, 555.
[6]) Д. Р. II, 568. См. также нашу работу „Засѣчная черта Московскаго государства въ XVII в.“.
[7]) Д. Р. II, 595.

Казань (гдѣ незадолго передъ тѣмъ, въ 142—144 гг., былъ его преемникъ по Приказу с. р. л. И. П. Шереметевъ) съ Ѳ. В. Клепиковымъ-Бутурлинымъ да дьяками Ст. Кудрявцевымъ и Ис. Кудринымъ [1]). Въ Казани онъ пробылъ, повидимому, только годъ [2]). Въ 150—157 гг. видимъ Голицына опять въ круговоротѣ Московской дворцовой жизни [3]). Въ апрѣлѣ 150 г. въ присутствіи государя въ Золотой палатѣ при пріемѣ иноземцевъ онъ покусился, было, сѣсть выше кн. Дм. Черкасскаго и даже назвалъ его „своимъ братомъ“. За это кн. Иванъ получилъ выговоръ и былъ отведенъ въ тюрьму [4]). Въ 157—8 гг. онъ значится на воеводствѣ въ Астрахани [5]), а послѣ 158 г. изъ Разрядовъ исчезаетъ.

Крутой и строптивый по характеру, Голицынъ—болѣе человѣкъ дѣла, судя по его работѣ на засѣкахъ, чѣмъ другіе бояре, встрѣчаемые намп около Приказа с. р. л. Изъ Приказа онъ ушелъ по своей охотѣ, испугавшись, надо думать, надвинувшейся на него бумажной лавины и остерегаясь злоупотребленій въ которыя его могла запутать канцелярія. Занимая видное мѣсто при дворѣ, онъ не могъ, однако, равняться во вліяніи съ близкой царской родней.

Кн. Андрей Андреевичъ Голицынъ, младшій, но очень близкій по возрасту братъ кн. Ивана, въ 130—139 гг. значится стольникомъ и участвуетъ въ придворныхъ церемоніяхъ. Ему обычно поручается наблюденіе за болѣе почетнымъ въ придворной іерархіи большимъ столомъ; видимъ его иногда рындой и у наряда вина [6]). Со 137 г. онъ пишется уже не стольникомъ, а дворяниномъ московскимъ—признакъ того, что послѣднее званіе имѣло какой-то особый, теперь забытый корпоративный смыслъ. Въ октябрѣ 141 г. кн. Андрей былъ назначенъ воеводой въ Тобольскъ, гдѣ и пробылъ не менѣе двухъ лѣтъ [7]). Въ январѣ 145 г. видимъ его все еще въ званіи дворянина мо-

---

[1]) Д. Р. II, 609.
[2]) Д. Р. II, 638.
[3]) Д. Р. II, 672, 743.
[4]) Д. Р. II, 679.
[5]) Д. Р. III, 132, 184.
[6]) Д. Р. I, 497, 512, 527 и др.; II, 6, 11, 12, 21, 85, 210 и др.
[7]) Д. Р. II, 295, 342, 395.

сковскаго участникомъ торжественной встрѣчи литовскаго гонца [1]). 6-го января 146 г. ему было сказано боярство, и онъ получилъ назначеніе во Владимірскій судный приказъ. Попрежнему встрѣчамъ его участникомъ придворныхъ церемоній и царской трапезы [2]).

Кн. Андрей смѣнилъ въ Приказѣ с. р. л. своего брата въ апрѣлѣ 146 г., когда тотъ отправился устраивать оборону засѣкъ. Передача Приказа съ рукъ на руки родному брату, вѣроятно, была мѣрой извѣстной осторожности со стороны кн. Ивана, знавшаго, какой бумажный хаосъ онъ оставляетъ своему преемнику, и быть можетъ, отъ этого хаоса бѣжавшаго къ болѣе живому военному дѣлу. Но кн. Андрей недолго управлялъ Приказомъ с. р. л., скончавшись въ самомъ началѣ слѣдующаго 147 г. На смѣну ему былъ назначенъ кн. Петръ Александровичъ Репнинъ.

Князья Петръ и Борисъ Александровичи Репнины занимали при дворѣ царя Михаила такое же привилегированное положеніе, какъ и Голицыны, и также (впрочемъ, какъ чуть ли не поголовно все боярство) находились въ свойствѣ съ Романовыми. Ихъ отецъ кн. Александръ Андреевичъ, скончавшійся въ 1612 г., по замѣчанію одного мѣстническаго челобитья 1598 г., „дружась со княземъ Іваномъ Ситцкимъ, угожалъ Ѳедору Никитину сыну Романову, потому что Ѳедоръ Романовъ і князь Іванъ Ситцкой і князь Александръ Репнинъ межъ себя братье і великие други“. Мѣстническая уступчивость князя Александра всполошила всѣхъ князей Оболенскихъ, къ роду которыхъ принадлежали Репнины [3]).

Кн. Петръ появляется въ Разрядахъ въ 126 г. въ чинѣ стольника, какъ участникъ придворныхъ церемоній; онъ наряжаетъ на обѣдахъ вино, принимаетъ посольства, присутствуетъ на царской свадьбѣ и т. д. До 133 г. его служба носитъ исключительно дворцовый характеръ. Въ 133 г. онъ получаетъ важное украинное назначеніе воеводой большого полка въ Переяславль Рязанскій, гдѣ у него были большія личныя связи, такъ какъ

---

[1]) Д. Р. II, 872.

[2]) Д. Р. II, 560, 564 и др.

[3]) Сибирскій сборникъ, Разрядная книга, с. 137.

онъ былъ женатъ на дочери Захара Ляпунова и былъ „Ляпуновымъ свой“ [1]). Въ 135 г. онъ пишется въ числѣ дворянъ московскихъ. Его помѣстный окладъ въ эти годы равнялся 600 чет., а денежный—50 р. [2]). Въ 141 г. кн. Петръ назначается воеводой и ведетъ военныя операціи около Лукъ Великихъ. Подъ его водительствомъ взятъ Невль, и сожжены Полоцкіе острогъ и посадъ. Въ іюлѣ 143 г. ему сказано боярство, и назначенъ денежный окладъ—400 р. [3]). Въ томъ же году онъ назначенъ воеводой въ Новгородъ Великій [4]), гдѣ и пробылъ до весны 146 г. Въ апрѣлѣ 146 г. видимъ его въ Москвѣ [5]). Въ началѣ 147 г. онъ назначается одновременно въ Устюжскую четь и въ Приказъ с. р. л.. Въ Устюжской четп онъ нашелъ дьякомъ Пан. Чирикова, а въ Приказѣ с. р. л. дьяковъ Чирикова и Евсевьева вмѣстѣ [6]). Въ мартѣ 147 г. Репнинъ, Чириковъ и Евсевьевъ по непзвѣстной намъ причинѣ отъ сбора были отставлены [7]). Въ томъ же 147 г. Репнинъ получилъ украинное назначеніе опять въ Переяславль Рязанскій [8]). Онъ исчезаетъ изъ Разрядовъ послѣ 149 г., а умеръ въ 151 г. [9]).

Канцелярія Приказа с. р. л. была поручена въ 146 г. и по мартъ 147 г. двумъ дьякамъ Пантелею Михайловичу Чирикову и Емельяну Евсевьеву.

Пантелей Михайловичъ Чириковъ, родомъ изъ дѣтей боярскихъ, съ 124 г. значился жильцомъ [10]). Въ 132—4 гг. онъ служилъ воеводой въ Цивильскѣ [11]), а въ 134 г. возвратился въ Москву [12]). Въ апрѣлѣ 139 г. онъ получаетъ назначеніе дьякомъ въ Устюжскую четь и управляетъ ею до своей смерти [13]). Въ 130-хъ

---

[1]) Д. Р. II, 667, 668.
[2]) Д. Р. В. IX; Д. Р. II, 909, 6, 39 и др.
[3]) Д. Р. II, 467.
[4]) Д. Р. II, 469.
[5]) Д. Р. II, 570.
[6]) Указаніе Разрядовъ на то, что Евсевьевъ присутствовалъ и въ Устюжской чети считаемъ недоразумѣніемъ—Д. Р. II, 596.
[7]) Д. Р. II, 596.
[8]) Д. Р. II, 605.
[9]) Д. Р. В. IX, с. 195—199.
[10]) Л. М. Сухотинъ „Четвертчики Смутнаго времени“, с. 204.
[11]) Р. И. Б. IX, 398; К. Р. I, 1035.
[12]) К. Р. I, 1254.
[13]) 1635 № 12 и 1641 № 42.

и 140-хъ годахъ встрѣчаемъ Чирикова участникомъ придворной жизни [1]). Въ мартѣ 149 г. ему дано было экстренное порученіе взять въ Устюжскую четь и вѣдать Казанское сыскное дѣло, которое было на рукахъ у дьяка Помѣстнаго приказа Андрея Строева [2]). Въ томъ же 149 г. Пантелей Чириковъ и умеръ [3]).

Карьера Емельяна Евсевьева сложнѣе. Въ 121 г., будучи подъячимъ, онъ дозиралъ съ П. Копнинымъ Арзамасскія мордовскія бортныя села [4]) и, вѣроятно, окончилъ свой дозоръ въ 122 г. Дозоръ его въ 128 г. былъ данъ дозорщикамъ для приправки [5]). Въ томъ же 122 году совмѣстно съ Семеномъ Языковымъ онъ дозиралъ по сосѣдству и Нижегородскія дворцовыя и бортныя села [6]). Въ 123 г. онъ описывалъ съ Гавр. Бобрищевымъ-Пушкинымъ и съ Ив. Шераповымъ Алатырскій уѣздъ [7]). Въ 127 г. Евсевьевъ состоялъ подъячимъ на Курмышѣ [8]). Съ конца 127 г. по іюнь 128 г. онъ былъ подъячимъ на Вологдѣ [9]). Съ конца 128 г. и до конца 129 г. онъ значился подъячимъ въ Каргополѣ [10]). Въ 131—133 г. Евсевьевъ былъ подъячимъ на Устюгѣ [11]). Въ октябрѣ 135 г. онъ получилъ московское назначеніе—дьякомъ Холопьяго приказа [12]), а въ концѣ 135 г. былъ посланъ дьякомъ въ Тобольскъ [13]) и получилъ туда особый наказъ [14]). Въ Тобольскѣ онъ пробылъ до 139 г. и по возвращеніи въ Москву за свою финансовую дѣятельность былъ награжденъ серебрянымъ ковшомъ [15]). Въ январѣ 140 г. Евсевьевъ былъ на-

---

[1]) Д Р. I, 958 и др., II, 211, 442 и др.

[2]) Р. И. Б. X 261, 289.

[3]) О шумныхъ похожденіяхъ его сына Алексѣя, представителя тогдашней золотой молодежи, на Постельномъ крыльцѣ см. у И. Е. Забѣлина—„Бытъ русскихъ царей", I, гл III.

[4]) По Новгороду кн. № 14, л. 474 об.

[5]) С. Б. Веселовскій „А. п. д", I, № 96.

[6]) С. Б. Веселовскій „А. п. д.", I, № 71.

[7]) А. М. Ю. Отказныя по Арзамасу, № 3, допросъ № 33.

[8]) По Новгороду кн. № 14, л. 207—об.

[9]) По Новгороду кн. № 14, л. 80 и 132.

[10]) По Новгороду кн. № 14, л. 377 об., 424 и № 13 Ь, л. 268 об.

[11]) По Устюгу кн. № 117, л. 397; 133 № 4. С. Б. Веселовскій „А. п. д." I, № 115. К. Р. I, 929, 1035, 1152.

[12]) Р. И. Б. IX, 420.

[13]) Р. И. Б. IX, 514.

[14]) Оглоблинъ „Обозрѣніе столбцовъ Сибирскаго приказа", IV, 34.

[15]) А. М. Д. опись I.

значенъ къ сбору корма съ сошныхъ людей съ живущей пашни со всѣхъ уѣздовъ нѣмцамъ и русскимъ солдатамъ сначала съ Гр. Загряжскимъ, потомъ съ кн. И. М. Барятинскимъ, Ив. Огаревымъ и дьякомъ Тих. Бормосовымъ [1]). Для руководства онъ получилъ особый наказъ и состоялъ при этомъ дѣлѣ до ноября 142 г. [2]). Съ апрѣля 143 г. ему былъ порученъ и другой экстренный сборъ: онъ былъ назначенъ дьякомъ Приказа сбора нѣмецкихъ кормовъ. Въ этой должности Емельянъ оставался болѣе 3-хъ лѣтъ [3]), пока 25 ноября 146 г. не былъ назначенъ дьякомъ Приказа с. р. л. Въ концѣ 147 г. онъ былъ назначенъ дьякомъ Каменнаго приказа [4]). Дальше слѣды его теряются.

Попавъ въ 146 г. въ Приказъ с. р. л., Евсевьевъ уже перешагнулъ, вѣроятно, за 50 лѣтъ и успѣлъ много поработать въ медвѣжьихъ углахъ тогдашней Руси. Это былъ одинъ изъ тѣхъ дьяковъ-чернорабочихъ, прошедшихъ огонь и воду, которыми двигалось запутанное дѣлопроизводство Московскаго государства. Судьба сильно помотала это приказное перекати-поле, прежде чѣмъ Евсевьевъ прочно осѣлъ въ Москвѣ и спеціализировался на экстренныхъ сборахъ. Сборами этими онъ занимался до учрежденія Приказа с. р. л. 146 г. въ теченіе цѣлыхъ 5 лѣтъ и долженъ былъ овладѣть техникой дѣла. Кромѣ должности дьяка Приказа с. р. л., онъ не состоялъ ни въ какой другой. Повидимому, Евсевьевъ и былъ главной пружиной приказнаго механизма Приказа с. р. л., такъ какъ у Чрикова на рукахъ и безъ того было обширное хозяйство Устюжской чети, да бѣлоручка сравнительно съ нимъ дьякъ Пантелей едва ли могъ соперничать съ товарищемъ въ опытѣ и трудоспособности. Большинство книгъ Приказа с. р. л., сохранившихся отъ 146-го года, скрѣплено именно Евсевьевымъ.

На смѣну кн. П. Репнину, П. Чрикову и Е. Евсевьеву въ мартѣ 147 г. въ Приказъ с. р. л. были назначены И. П. Шереметевъ, В. Прокофьевъ и М. Невѣровъ, прочно въ немъ осѣвшіе. Всѣ трое заслуживаютъ обстоятельныхъ біографическихъ справокъ.

---

[1]) Д. Р. II, 249.
[2]) А. М. Г. I, 377. А. А. Э. III, № 214.
[3]) Р. И. Б. X, 3; XII 199. А. Ю. Б. II, 688, 751.
[4]) Р. И. Б. X, 189.

Иванъ Петровичъ Шереметевъ [1]) былъ одной изъ характерныхъ фигуръ эпохи; своими темными продѣлками онъ успѣлъ обратить на себя вниманіе даже въ то нетребовательное и небрезгливое время.

Родъ Шереметевыхъ, одного корня съ Романовыми, раскинулся вѣтвистымъ деревомъ, переплетаясь съ массой боярскихъ фамилій XVI и XVII вв. Это цѣлый кланъ съ запутанными отношеніями и грызней внутри, но дружный и солидарный, если кто-либо задѣвалъ его извнѣ. Въ исторіи XVI вѣка Шереметевы встрѣчаются на каждомъ шагу, хотя нельзя сказать, чтобы ихъ государственныя заслуги были особенно замѣтны. Женитьба четвертымъ бракомъ несчастнаго царевича Ивана на одной изъ Шереметевыхъ связала ихъ родствомъ съ вымиравшей династіей. Вдова царевича, царица Леонида, какъ она называлась при московскомъ дворѣ послѣ принятія ею монашескаго сана, была въ почетѣ во времена царя Михаила и немало, вѣроятно, помогла успѣхамъ своего младшаго брата боярина Ѳедора Ивановича [2]), котораго сама и воспитала. Филаретъ недолюбливалъ Шереметевыхъ, быть можетъ, по какимъ-нибудь непріятнымъ воспоминаніямъ изъ временъ царя Бориса или Смуты и не давалъ имъ хода, но послѣ его смерти они неудержимо пробираются въ первые ряды и прочно устраиваются въ нихъ.

Дѣдъ Ивана Петровича—боринъ Никита Васильевичъ былъ участникомъ Казанскаго похода 1547 года. Отецъ Ивана Петровича, бояринъ Петръ Никитичъ, несъ въ 1585 году сторожевую службу въ Дѣдиловѣ, участвовалъ въ Шведскомъ походѣ 1590 года, а въ 1598 году былъ воеводой въ Астрахани. Въ 1596 году онъ мѣстничался съ самимъ Ѳедоромъ Никитичемъ Романовымъ. У своей родни, если довѣрять одному челобитью боярина Ѳедора Ивановича Шереметева отъ 1645 года, въ которомъ онъ припоминалъ давніе грѣхи своего родича, Петръ Никитичъ не пользовался завидной репутаціей [3]).

---

[1]) Для нижеслѣдующаго очерка объ П. П. Шереметевѣ [пользуемся преимущественно работой А. П. Барсукова „Родъ Шереметевыхъ“, тт. I, II. Заимствованное изъ этого изданія не отмѣчаемъ особыми ссылками.

[2]) Боярство ему, какъ „свояку“, было сказано первымъ Самозванцемъ.

[3]) Исторія, разсказанная Ѳедоромъ Ивановичемъ, относится еще ко временамъ Грознаго. При взятіи Сокола Баторіемъ въ 1579 г. дядя Петра Никитича, бояринъ

„Имѣя, по выраженію Барсукова, обыкновеніе держаться той стороны, которая брала верхъ", Петръ Никитичъ сумѣлъ отлично ужиться съ Годуновымъ и подслужиться къ нему; однако ему же принадлежитъ извѣстная фраза, сказанная имъ въ началѣ 1604 г. въ Ливнахъ, куда Годуновъ его отправилъ противъ перваго Самозванца: „трудно противъ природнаго государя воевать". Эти сомнѣнія въ законности нахожденія Бориса на престолѣ не помѣшали ему явиться отъ имени Годунова въ январѣ 1605 г. съ выговоромъ воеводамъ за неловкое дѣло при Добрыничахъ. Въ началѣ іюня 1605 г. онъ однимъ изъ первыхъ отправился поздравлять Самозванца съ окончательнымъ успѣхомъ и приглашать его пожаловать на прародительскій престолъ въ Москву. Самозванецъ сказалъ ему боярство, и на царской свадьбѣ въ маѣ 1605 г. Петръ Никитичъ занятъ былъ наряженіемъ вина. При Шуйскомъ за интриги противъ царя Василія онъ былъ сосланъ воеводой въ Псковъ вмѣстѣ съ другимъ оборотнемъ временъ Смуты—И. Т. Грамотинымъ. О воеводствѣ Петра Никитича во Псковѣ выразительно повѣствуетъ Псковская лѣтопись. Попавъ въ Псковѣ на острую рознь „лучшихъ и меншихъ людей" и предавъ въ 1607 году псковичей, отправленныхъ въ Новгородъ съ собранными деньгами, ознаменовавъ себя „мздами великими",

---

Ѳедоръ Васильевичъ, попалъ въ плѣнъ и не пожелалъ, имѣя къ тому возможность, вернуться въ свое отечество. Въ плѣну онъ пробылъ до самаго конца 1583 года, пока его не выкупили. Во время его отсутствія Петръ Никитичъ разграбилъ его имущество: „замки сбилъ и животы его пограбилъ и въ деревняхъ лошади поималъ и вотчинами владѣлъ", за что, при возвращеніи Ѳедора Васильевича, и былъ „выданъ ему головой за грабежъ". Мстя дядѣ за это униженіе, уже во времена владычества Годунова Петръ Никитичъ подалъ извѣтъ на Ѳедора Васильевича, уличая его въ томъ, что онъ схоронилъ животы опальнаго кн. И. П. Шуйскаго послѣ казни этого боярина. Подъ предлогомъ „добыванія животовъ измѣнника Шуйскаго", „назвавъ холопей своихъ" и даже написавъ имъ для этого соотвѣтствующій наказъ, Петръ Никитичъ посылалъ ихъ къ Николѣ Чудотворцу въ Антоніевъ монастырь „грабить дядю Ѳеодорита" (монашеское имя Ѳедора Васильевича), но игуменъ и старцы заступились и „грабить Ѳеодорита не дали". Мстительный племянникъ, однако, добился своего: животы Ѳедора Васильевича были взяты на государя. Исторію эту Ѳедоръ Ивановичъ вспомнилъ и живописалъ цѣлыхъ 62 года спустя, посвящая въ 1645 г. въ свои домашнія дрязги молодого царя Алексѣя.—Счеты Петра Никитича съ Антоніевымъ монастыремъ этимъ холопьимъ набѣгомъ на дядю не ограничились. Мать его сдѣлала въ монастырь вкладъ, пожертвовавъ туда женское жемчужное ожерелье,—сынъ отнялъ его.—А. П. Барсуковъ называетъ Петра Никитича „порожденіемъ страшной эпохи Ивановыхъ мучительствъ".

„неправдами, грабленіями и обидами". онъ угодилъ на колъ отъ руки возмутившагося противъ него населенія.

Иванъ Петровичъ, родившійся около 1580-го года, былъ старшимъ изъ трехъ сыновей Петра Никитича (два другихъ— Василій и Борисъ), дѣйствующихъ въ эпоху царей Михаила и Алексѣя. Это былъ настоящій „отецкій сынъ" и вмѣстѣ сынъ своего отца, одно изъ яблокъ, упавшихъ недалеко отъ яблони. Карьера его началась еще при тушинскомъ дворѣ Вора, которому онъ, впрочемъ, во-время измѣнилъ, явившись къ Жолкѣвскому присягать на имя Владислава. Въ 1611 году И. П. какимъ-то образомъ очутился въ первомъ ополченіи и даже подписалъ приговоръ 30 іюня, но именно ему молва приписывала темное и неразгаданное дѣло убійства Ляпунова. Присягнувъ королевичу Владиславу и очутившись воеводой въ Костромѣ, И. П. пытался помѣшать въ началѣ 1612 г. движенію Нижегородскаго ополченія подъ предлогомъ своей вѣрности Владиславу. Костромичи поднялись противъ него, и онъ едва уцѣлѣлъ, спасенный отъ гибели только заступничествомъ кн. Д. М. Пожарскаго. Послѣ этого непріятнаго эпизода И. П. присоединился къ ополченію и просидѣлъ зиму 1612—13 гг. воеводой въ Ярославлѣ. Въ апрѣлѣ 1613 г. онъ отправился извѣщать столицу о приближеніи къ ея стѣнамъ новаго государя, а затѣмъ и самъ выѣхалъ съ московской депутаціей въ Братовщину навстрѣчу къ Михаилу. Онъ бойко сновалъ туда и сюда, всюду поспѣвая и счастливо выходя сухимъ изъ воды въ самыхъ критическихъ случаяхъ. Конечно, И. П. принимаетъ участіе въ царскомъ вѣнчаніи, а вслѣдъ за тѣмъ стоитъ рындой при пріемѣ кизыльбашскаго посла. Со времени воцаренія Михаила онъ становится постояннымъ членомъ дворцоваго обихода. Въ 1614 г. И. П. получаетъ назначеніе въ передовой полкъ въ Мценскъ, а въ 1615 и 1616 гг. то и дѣло участвуетъ въ дворцовыхъ церемоніяхъ. По своемъ возвращеніи въ Москву въ 1619 г., Филаретъ позадержалъ успѣхи всѣхъ трехъ братьевъ Шереметевыхъ: и Иванъ, и Василій, и Борисъ Петровичи до самой его смерти остаются въ чинѣ дворянъ московскихъ; можетъ быть, Филаретъ припомналъ и грѣхи ихъ отца и двусмысленную роль въ Смуту самого И. П. Однако И. П.

изъ дворца долго не исчезаетъ и при Филаретѣ. Въ 1625 г. его съ братомъ Василіемъ даже пожаловали въ „комнату“. Въ 1629 г. И. П. провожаетъ царя на Угрѣшу, но въ слѣдующемъ же 1630 г. онъ почему-то „отпущенъ“ изъ дворца и не участвуетъ затѣмъ въ придворной жизни въ теченіе цѣлыхъ 4 лѣтъ до самой смерти Филарета. Зато тотчасъ по смерти патріарха онъ въ 1633 г. пожалованъ въ бояре съ окладомъ въ 400 рублей [1]) и отправленъ воеводой въ Казань, а братъ его Василій Петровичъ въ Нижній Новгородъ. Очевидно, во дворцѣ крѣпко помнили Ивана Петровича, и сильная рука поспѣшила извлечь его изъ временнаго забвенія. Въ Казани онъ пробылъ съ 1634 по 1636 годъ съ Мирономъ Вельяминовымъ въ качествѣ второго воеводы, съ дьяками Александромъ Дуровымъ и Василіемъ Ключаревымъ [2]). По возвращеніи въ Москву И. П. занимаетъ во дворцѣ уже одно изъ первыхъ мѣстъ: при проводахъ останковъ датскаго королевича Іоанна, жениха Ксеніи Борисовны, онъ руководилъ церемоніаломъ, а кн. Д. М. Пожарскій, С. М. Проѣстевъ и дьякъ Гр. Ларіоновъ были у него „въ товарищахъ“. Въ 1639 (147) г. онъ получаетъ два назначенія: въ мартѣ въ Приказъ с. р. л., а въ концѣ года во Владимірскій судный приказъ. Въ 1640 году онъ выполняетъ порученіе по дипломатической части, будучи „въ отвѣтѣ“ у польскихъ пословъ. „Въ товарищахъ“ у него—опять кн. Д. М. Пожарскій, кн. Ѳ. Ѳ. Волконскій и думные дьяки Ѳ. Ѳ. Лихачевъ и М. Даниловъ.

И. П. былъ женатъ первымъ бракомъ на дочери извѣстнаго по Углицкому дѣлу дьяка Елизарія Вылузгина, а вторымъ—на вдовѣ Богдана Нагого, урожденной кн. Волконской-Веригиной, за которой получилъ въ приданое дворъ въ Москвѣ въ Богоявленскомъ переулкѣ, сельцо въ Муромскомъ уѣздѣ да прожиточное помѣстье въ Романовскомъ уѣздѣ. Къ концу своей карьеры И. П. успѣлъ округлить свое не безъ грѣха составленное состояніе [3]).

---

[1]) Докладъ о его боярскомъ окладѣ—А. М. Г. I, № 682.

[2]) Ко времени пребыванія Шереметева въ Казани относится проѣздъ Олеарія, — Иванъ Петровичъ получилъ отъ путешественниковъ „прекрасный рубиновый перстень“. Въ Нижнемъ Новгородѣ Олеарія принималъ младшій братъ И. П.— Василій Петровичъ. Олеарій отзывается о В. П. съ большой похвалой.

[3]) По даннымъ Приказа с. р. л. онъ владѣлъ 262 дворами, по даннымъ переписи 154 года—313 дв., а по даннымъ, приводимымъ А. П. Барсуковымъ („Родъ

Выразительную черту для характеристики нашего боярина даетъ уже цитированное выше челобитье его дяди Ѳедора Ивановича. Въ 1645 году Ѳедоръ Ивановичъ, только что выпутавшій племянника изъ грязной исторіи съ хищеніями въ Приказѣ с. р. л. (см. ниже гл. VI), долженъ былъ обратиться съ жалобой на него же къ молодому царю Алексѣю. „Боярин Иванъ Петровичъ съ братьею своею и съ дѣтьми и съ племянники, жаловался Ѳедоръ Ивановичъ, умышляетъ на меня, х. т., съ совѣтники своими, и съ друзьями, и съ такими жъ, каковъ самъ обычаемъ, всякое зло и разоренье домишку моему и вотчинкамъ нынѣ и по смерти моей... А нынѣ, г., и живъ я, х. т., отъ нихъ терплю

Шереметевыхъ“, II, 368—371) даже 656 дворами въ уѣздахъ Московскомъ, Звенигородскомъ, Романово-Борисоглѣбскомъ, Кашинскомъ, Муромскомъ и Нижегородскомъ. Въ этомъ перечисленіи не упомянутъ Вологодскій уѣздъ: братья Шереметевы не побрезговали и вологодскими песками (В. И. Сторожевъ, Матеріалы для исторіи дѣлопроизводства Помѣстнаго приказа по Вологодскому уѣзду. I, с. 35 сл.). Въ Нижегородскомъ уѣздѣ П. П. поживился за счетъ опальныхъ животовъ сына несчастнаго Артемія Измайлова—Андрея, и обиженный Андрей Измайловъ тщетно жаловался въ Приказѣ с. р. л. на захваты Шереметева, обвиняя его въ „накальствѣ“ и подавая, вѣроятно, съ горя свои челобитья совсѣмъ не по принадлежности.

Съ подвигами П. П. намъ пришлось встрѣтиться тамъ, гдѣ мы этого совсѣмъ не ждали: въ книгѣ чудесъ преподобнаго Сергія, хотя по имени онъ тамъ и не названъ. Дѣло было въ слѣдующемъ. Первый мужъ жены П. П. Богданъ Нагой часть своего имущества завѣщалъ Троице-Сергіеву монастырю „на поминокъ души впрокъ безъ выкупу“, а часть имущества должна была быть продана, и на вырученныя деньги братъ и вдова должны были „подписать стѣннымъ письмомъ церковь св. Троицы, идѣже многочюдесныя его (чудотворцевы) мощи лѣжатъ, да церковь чудотворца Никона“. Ни братъ ни жена, несмотря на напоминанія властей, не исполнили воли почившаго: „возлюбиша вѣка сего житие, яко порадовашася смерти его і веселяшеся о вотчинахъ его, яко за себя исправиша мощию своею... Жена же Богданова позабывъ мужа своего приказъ, иде за инъ мужъ (т.-е. за Ивана Петровича), на строение же церковнаго стѣннаго письма мало отъ имѣния своего присла, яко и на единъ левкасъ, чѣмъ стѣны подбѣлить, нѣчего, и отчины и дворъ за собою удержавъ“. Власти сдѣлали (въ 143 г.) работы на свой счетъ, „многажды“, но тщетно напоминал о завѣщаніи забывчивымъ наслѣдникамъ. „Не единожды, но многажды“ напоминалъ имъ о волѣ завѣщателя и самъ патріархъ, однако наслѣдники „положиша то все въ небреженіи“. Братъ Богдана Нагого все-таки образумился послѣ того, какъ на пожарѣ „удари его въ чело“ бревно (въ этомъ и состояло чудо), и умирая отъ ушиба, отдалъ въ монастырь сельцо Клобуково. На чету Шереметевыхъ, однако, не подѣйствовало и такое знаменіе: „за церковную же подписку и доныне, пишетъ С. Азарьинъ (С. О. Платоновъ относитъ этотъ моментъ ко времени не ранѣе 150 года), Богданова жена не давывала въ монастырскую казну“. „... Да не поставитъ имъ Господь Богъ во грѣхъ и препроводятъ свой животъ міра сего безмятежно молитвами преподобныхъ отецъ ..“, незлобиво прибавляетъ сказатель чудесъ, не рѣшившійся назвать И. П. по имени (Памятники древней письменности, LXX, „Книга о чудесахъ пр. Сергія, твореніе С. Азарьина, чудо 15-ое, с. 48—51).

всякій поносъ и укоризну; а люди ихъ, по ихъ велѣнью, людей моихъ и крестьянъ бьютъ, и грабятъ, и сѣкутъ, и пожами рѣжутъ, и лаютъ“ [1]).

Было совершенно ясно, какія слѣдствія могло имѣть допущеніе къ столь сложному, трудному и щекотливому дѣлу, какъ сборъ, порученный Приказу с. р. л., такого дѣльца, какимъ былъ И. П. Шереметевъ. Къ этому сбору сначала издалека, черезъ посредство своихъ людей, П. И. Волынскаго и Бухарова, И. П. Шереметевъ подбирался, какъ мы видѣли, еще въ концѣ 1637 (началѣ 146) г. и, конечно, былъ на сторожѣ во все время сидѣнія въ Приказѣ Голицыныхъ и Репнина. Черезъ полтора года онъ дождался своей очереди. Быть можетъ, отстраненіе въ первомъ случаѣ, въ сентябрѣ 1637 (146) г., И. П. отъ сбора произошло не безъ вліянія кн. П. Б. Черкасскаго,—не отсюда ли тотъ капризно-раздраженный тонъ, который позволялъ себѣ въ перепискѣ съ Черкасскимъ лѣтомъ 146 г. И. П.? [2]). Во всякомъ случаѣ тонъ этотъ—хорошій показатель того вліянія, которымъ пользовался во дворцѣ И. П., и той увѣренности, съ которой онъ держался въ эти годы [3]).

Посадить такого опаснаго и хищнаго паразита въ Приказъ с. р. л. значило, какъ это, безъ сомнѣнія, понимали всѣ, кто былъ посвященъ въ интимную жизнь правящихъ круговъ,—пустить щуку въ прудъ съ рыбой. Результаты не замедлили сказаться.

---

[1]) Раздоры эти происходили на почвѣ дѣлежа будущаго наслѣдства Ѳедора Ивановича, изъ котораго ему хотѣлось вопреки претензіямъ своихъ трехъ племянниковъ, передать часть любимымъ внукамъ отъ дочери—князьямъ Одоевскимъ. Ѳ. И. просилъ государя велѣть подписать свое челобитье думному дьяку, кому государь укажетъ, „окромѣ свата ихъ Ивана Гавренева“, намекая на важную дѣловую пружину въ правительственномъ механизмѣ, находившуюся подъ руками Ивана Петровича. На дочери Гавренева былъ женатъ племянникъ П. П. Шереметева—Вас. Бор. Шереметевъ. Впрочемъ, подпись Гавренева стоитъ и подъ завѣщаніемъ самого Ѳедора Ивановича: свои люди—сочтемся!

[2]) См. гл. III въ нашей работѣ „Засѣчная черта Московскаго государства въ XVII в.“.

[3]) Любопытна характеристика, которой подарилъ П. П. одинъ новѣйшій изслѣдователь. „П. П. Шереметевъ былъ воеводой въ Костромѣ въ 1612 г. и во время прибытія московскихъ пословъ къ Михаилу встрѣтилъ и провожалъ ихъ въ Ипатьевскую обитель. По избраніи царя онъ переселился въ Москву и впослѣдствіи пользовался большимъ почетомъ при дворѣ. Эту почетность и уваженіе современниковъ пріобрѣлъ онъ не блистательными подвигами, но умомъ основательнымъ и тихими

Для дѣлопроизводства въ Приказъ с. р. л. съ И. П. Шереметевымъ были посажены дьяки В. Прокофьевъ и М. Невѣровъ.

Старшій дьякъ Приказа Василій Сергѣевичъ Прокофьевъ принадлежалъ, повидимому, къ цѣлой канцелярской династіи Прокофьевыхъ. Разряды XVII в. насчитываютъ нѣсколько замѣтныхъ дьяковъ съ этимъ именемъ. В. Прокофьевъ началъ карьеру подъ покровительствомъ своего дяди, видпаго дьяка эпохи Смуты, возведеннаго при Михаилѣ въ званіе думнаго дьяка и пожалованнаго потомъ въ дворяне московскіе—Николая Новокщенова. Новокщеновъ, доживпій до 141 г., вѣроятно, былъ руководителемъ и покровителемъ своего племянника, а тотъ выступалъ за него ходатаемъ по его судебнымъ дѣламъ [1]). Въ 126 г. въ качествѣ подъячаго В. Прокофьевъ дозираетъ съ С. Юреневымъ Бѣлозерскій уѣздъ [2]), а въ мартѣ 133 г. числится уже справнымъ подъячимъ Помѣстпаго приказа [3]). Въ 135—142 гг. онъ значится подъячимъ съ припиской къ государевой Мастерской палатѣ съ окладомъ въ 35 руб. и 35 четей ржи и овса [4]). Въ 142 г. съ января по іюнь вмѣстѣ съ Ѳ. И. Шереметевымъ, кн. А. М. Львовымъ, В. Г. Коробьинымъ, С. М. Проѣстевымъ и дьякомъ Гр. Нечаевымъ онъ заключаетъ докончанье на Поляновкѣ и получаетъ за это шубу—атласъ золотой да кубокъ, придачу къ денежному окладу и 200 четей вотчины [5]). Въ январѣ 143 г. онъ сидитъ

добродѣтелями гражданскими. Возведенный въ санъ боярина въ 1634 году, онъ назначенъ былъ намѣстникомъ и воеводою въ Казань, гдѣ оставилъ добрую по себѣ память. Въ 1639 году онъ призванъ былъ для управленія Приказомъ сбора ратныхъ людей. Онъ пережилъ своего царя благодѣтеля только двумя годами и скончался въ 1647 г." (К. П. Арсеньевъ, „Высшія правительственныя лица временъ царя Михаила Ѳедоровича"—Ученыя записки второго отдѣленія П. Академіи Наукъ, 1858 г., кн. IV. с. 29).

Въ мѣстническихъ дѣлахъ П. П. мѣрялся удачно съ Львомъ Плещеевымъ и съ кн. Андр. Хилковымъ и неудачно съ кн. Ю. Е. Сулешовымъ и кн. Н. П. Одоевскимъ (Д. Р. I, с. 109—113, 155, II, 179, 696—697, 750 и сл., III, 154, 303. Ср. Р. И. С. V, с. 320—321).

И. П. не прочь почитать божественное: въ спискѣ купленныхъ имъ книгъ значатся: Апостолъ, Псалтырь, Часовникъ, Каноникъ и даже Поученія Кирилла Александрійскаго (А. П. Барсуковъ, „Родъ Шереметевыхъ", V, стр. 235).

[1]) Д. Р. I, 1017 и др. и А. М. Д. № 39645.

[2]) Акты Ѳедотова—Чеховского, II, 17.

[3]) В. П. Сторожевъ „Матеріалы для исторіи дѣлопроизводства Помѣстнаго приказа" I, 146.

[4]) А. М. Д. 25 оп. 135 г. № 49.

[5]) Д. Р. II, 356, 382.

ными Приказа полоняничныхъ дѣлъ [1]), а въ августѣ 145 г. участвуетъ въ пріемѣ литовскаго посольства [2]). Съ октября 145 г. до апрѣля 150 г. В. Прокофьевъ значится дьякомъ Костромской четверти [3]), сохраняя въ то же время, повидимому, и завѣдываніе полоняничными дѣлами. Въ февралѣ 147 г. онъ дневалъ и ночевалъ при гробахъ царевичей Василія и Ивана Михайловичей [4]) и участвовалъ во встрѣчѣ кизыльбашскаго посольства [5]). Его окладъ въ 147 г. равнялся 120 р. [6]). Одно время въ 147—148 гг. В. Прокофьевъ состоялъ у полоняничныхъ дѣлъ съ бояриномъ Ѳ. И. Шереметевымъ [7]). Такимъ образомъ, когда въ мартѣ 147 г. В. Прокофьевъ былъ посаженъ въ Приказъ с. р. л., у него были и безъ того полны руки дѣлъ. Надо прибавить, что на немъ лежало еще одно отвѣтственное дѣло, конечно, бывшее для него въ это время на первомъ планѣ и сообщавшее ему особенное положеніе во дворцѣ: онъ былъ назначенъ преподавателемъ русской грамоты къ царевичу Алексѣю Михайловичу, что произошло, надо думать, около того же 147 г., когда царевичу исполнилось 10 лѣтъ [8]). Отношенія В. Прокофьева ко двору съ годами упрочились, и въ перепискѣ царя Алексѣя мы не разъ встрѣтимся съ упоминаніями его имени [9]).

---

[1]) А. Ю. Б. I, 606.

[2]) Д. Р. II, 877.

[3]) Р. И. Б. X, 39 и XXIV, 334.—Въ качествѣ дьяка Костромской четверти въ октябрѣ 147 г. В. Прокофьевъ столкнулся съ бояриномъ Ѳ. И. Шереметевымъ по слѣдующему поводу. Ѳ. И. Шереметевъ послалъ въ Костромскую четверть „память“ о томъ, чтобы В. Прокофьевъ выдалъ прогонныя деньги опочецкимъ, старорусскимъ и торопецкимъ стрѣльцамъ. В. Прокофьевъ, по словамъ боярина, „память о деньгахъ не взялъ и имъ отказалъ, что будто у нихъ денегъ въ четверти нѣтъ“. „Дьякъ, государь, Василій, жаловался Ѳ. И. Шереметевъ, тѣмъ меня, Ѳедьку, обезчестилъ, что память не принялъ, и дьяки, государь, въ приказы памятьми ссылаются, и у нихъ памяти пріимаютъ, а тѣмъ ихъ не безчестятъ“. Государь заступился за боярина и указалъ „за безчестье боярина Ѳ. И. Шереметева посадить (дьяка) въ тюрьму“. (А. М. Г. II, № 149).

[4]) Д. Р. II, 947, 967, 975.

[5]) Д. Р. II, 962.

[6]) По Устюгу кн. № 42, л. 25.

[7]) Счетное дѣло § 49.

[8]) Статья И. Е. Забѣлина въ Отеч. Запискахъ 1854 г. № 12.

[9]) Къ В. Прокофьеву относится извѣстная собственноручная приписка царя, изданная fac-simile въ собраніи его писемъ П. И. Бартеневымъ: „Да съезди къ Василью Сергѣеву, да отъ меня спроси о здоровья, да отпиши ко мнѣ обо всемъ“. „Василій“, нерѣдко упоминаемый въ перепискѣ царя, обозначаетъ, кажется, всегда именно В. Прокофьева, а не В. Я. Голохвастова, какъ думалъ издатель. Д. Р. иногда называютъ Прокофьева Василіемъ Сергѣевымъ.

Въ 152 г. В. Прокофьевъ еще участвуетъ въ придворныхъ церемоніяхъ [1]), но послѣ этого года исчезаетъ изъ Разрядовъ. Въ Приказѣ с. р. л. В. Прокофьевъ, какъ видно будетъ изъ Счетнаго дѣла, едва ли игралъ активную роль; такъ же, какъ и другой четвертной дьякъ Чириковъ въ 146 году, онъ былъ приданъ Приказу с. р. л. больше для балласта. Его характеръ явственно проступилъ въ Счетномъ дѣлѣ.

Второй дьякъ Приказа с. р. л. М. Невѣровъ становится замѣтенъ съ первыхъ лѣтъ послѣ Смуты. Въ 121—3 гг. застаемъ М. Невѣрова подъячимъ въ Галицкой чети [2]). Въ 123 г. онъ былъ отправленъ въ отвѣтственное посольство во Францію съ Иваномъ Кондыревымъ—незаурядное порученіе для безроднаго подъячаго [3]).

---

[1]) Д. Р. II, 719, 720.

[2]) С. Б. Веселовскій „Новые акты Смутнаго времени“ с. 171 — 178. А. М. Сухотинъ „Четвертчики Смутнаго времени“ с. 201, 295.

[3]) Этой поѣздкѣ мы обязаны весьма интереснымъ статейнымъ спискомъ посольства, сохранившимся въ М. А. М. И. Д. Изъ двухъ редакцій списка предпочитаемъ черновую, какъ болѣе полную по изложенію и болѣе сохранную. Текстъ ея, несомнѣнно, цѣликомъ написанъ рукою самого М. Невѣрова: къ 147-му году, черезъ четверть вѣка, почеркъ его измѣнился мало.

Статейный списокъ составленъ съ большой наблюдательностью, и сквозь разсказъ о путешествіи видѣется самъ авторъ. Московскіе послы попали въ сложный клубокъ западно-европейскихъ отношеній начала XVI в. Они ѣхали черезъ Голландію, еще не успокоившуюся послѣ борьбы съ Испаніей, а во Франціи очутились въ разгаръ смутъ, происходившихъ въ малолѣтство Людовика XIII. Все это сумѣли по своему разобрать, понять и передать московскіе наблюдатели. Еще до въѣзда во французскіе предѣлы Кондыревъ и Невѣровъ пытались разобраться въ томъ, „какимъ обычаемъ и за што во Французской землѣ у короля з землею ссора учинилась, и хто нынѣ противъ короля и за што стоитъ“. Раздобывъ себѣ въ Статахъ человѣка, „французскому языку достаточнаго“, они на голландскомъ кораблѣ поѣхали въ Бардіусъ (Бордо), чтобы встрѣтиться тамъ съ бѣжавшимъ изъ Парижа королемъ. И. Кондыревъ и М. Невѣровъ представились королю и поднесли подарки, „и король и королева велѣли подарки поднести къ себѣ Ивану самому, и приняли у Ивана сами жъ, а, принявъ, смотрѣли и почали быть веселы и сказали: помози Богъ!“ Мѣстами списокъ Невѣрова принимаетъ живой и изобразительный характеръ настоящаго діалога. По больному вопросу московской дипломатіи о титлахъ вышло обычное затрудненіе. Король заинтересовался споромъ о титлахъ и, склоняясь на уступки, замѣтилъ своему статсъ-секретарю: „да коли де у нихъ такъ ведетца, и посланники о томъ прислали!“ Пивіусъ, королевскій секретарь, возразилъ королю: „посланникъ де у тебя учнетъ государю своему вѣнца твоего просить, и тебѣ и вѣнецъ свой государю ихъ отдать же?“ Въ концѣ концовъ, однако, посольство уступки добилось. Разбираясь въ чуждой обстановкѣ Невѣровъ старался перевести незнакомыя понятія на русскія: „контъ“ (comte) онъ перевелъ „князь“, а принцъ—„удѣльный князь“. Во Франціи русскіе послы узнали много удивительныхъ вещей, въ родѣ, напр.,

По возвращеніи во-свояси Невѣровъ пошелъ, повидимому, по обычной дорогѣ, оставшись въ званіи подъячаго. Въ 128 г. видимъ его съ Юр. Редриковымъ подъячимъ на дозорѣ Ярославскаго уѣзда [1]). Въ 132 г. все еще въ званіи подъячаго онъ описываетъ съ Алексѣемъ Зубовымъ Чаронду [2]). О его наблюдательности и умѣ въ московскихъ дѣловыхъ кругахъ, однако, вспомнили: въ сентябрѣ 141 г. въ званіи дьяка онъ былъ посланъ съ Б. И. Пушкинымъ и Григ. Ив. Горихвостовымъ въ посольствѣ въ Швецію [3]). Черезъ годъ въ декабрѣ 142 г. М. Невѣрову было поручено вмѣстѣ съ кн. Ю. Е. Сулешовымъ раздавать денежное жалованье служилымъ людямъ [4]), а въ февралѣ того же 142 года—съ кн. Б. М. Лыковымъ съ товарищи сбирать пятину и запросъ [5]); на Пасху 142 года онъ былъ даже допущенъ въ комнату [6]). У сбора пятины М. Невѣровъ находится еще

того, что французскій король Генрикусъ „съ тою королевою своею, по которой учинился французскимъ королемъ, живъ немного лѣтъ, роспустился,—бутто де отъ него та королева воровала“. До подобныхъ же свѣдѣній любознательные послы докопались и относительно жены Франциска I. Про „свицорскихъ людей“ они узнали, что люди эти—„бойцы великіе, и измѣны въ нихъ никако не бываетъ, изъ бою николи побѣгу не живетъ, толко имъ надобетъ платить всегда, а безъ денегъ не служатъ ни одного дни: какъ срокъ дошелъ, тотчасъ и денги дай, а въ долгъ ни одного дни не служатъ!“ Разспрашивая объ обстоятельствахъ убійства Генриха IV, московскіе послы встрѣтились съ незнакомымъ имъ по московскому обиходу понятіемъ милліона: „а казны де послѣ короля осталося 28 мильюнъ, а мильюнъ—десять сотъ тысячъ кроновъ, а кронъ по 23 алтына по 2 деньги, итого 700,000 рублевъ—мильюнъ“.

Во время аудіенціи Невѣровъ успѣлъ подмѣтить даже черты королевы и короля. „А имя королевы Марья Демедисъ, лѣтъ побольши 30, ростомъ велика, долголика, бѣла, носъ прямъ, очи исчерна карп. А дочь де гертоха Өлареньця, а нынѣшняго де папы племянница, а бывали де они дохторскаго родства, и нынѣ де королева ербъ носитъ дохторской. А дѣтей послѣ короля осталось, что прижилъ съ нею, 2 сына да 2 дочери. Сынъ король Лодовикусъ нынѣ 16 лѣтъ, круглоликъ, ягодицы выдалися къ носу, чело кругло, взлизовато, носъ прямъ, маленько привскорючь, исподняя губка поотвисла, ростомъ невеликъ, волосомъ исчерна русъ, въ языкѣ тихъ, пришевелъ, стыдливъ“, увѣренно живописуетъ М. Невѣровъ, набивъ себѣ руку, вѣроятно, на портретныхъ характеристикахъ московскихъ кабальныхъ книгъ. (1615—1616 № 1).

[1]) Акты Ярославскаго Спасскаго монастыря, III, 90. Ср. С. В. Рождественскій „Служилое землевладѣніе“, с. 164.

[2]) 1624 № 13. См. С. Б. Веселовскій „Сошное письмо“, I, с. 53.

[3]) Д. Р. II, 294. Статейнаго списка этого посольства намъ, къ сожалѣнію, разыскать не удалось.

[4]) К. Р. II, 605.

[5]) К. Р. II, 622 и А. А. Э. III № 245, с. 370.

[6]) Д. Р. II, 868.

и въ январѣ 143 года [1]). Въ февралѣ 143 года онъ участвуетъ во встрѣчахъ литовскихъ и кизыльбашскихъ пословъ и состоитъ при литовскихъ послахъ въ приставахъ [2]). 1-го апрѣля того же года онъ состоялъ приставомъ при новомъ гонцѣ польскаго короля Леговичѣ [3]). Въ 143-мъ году онъ посланъ въ Астрахань съ Ѳ. В. Волынскимъ [4]), гдѣ и пробылъ до 146 г. [5]). Порученіе дипломатическаго характера М. Невѣровъ исполнялъ еще въ маѣ 148 г., когда онъ, уже въ бытность дьякомъ Приказа с. р. л., состоялъ приставомъ при литовскихъ послахъ, а въ отвѣтѣ были бояре И. П. Шереметевъ, кн. Д. М. Пожарскій, окольничій кн. Ѳ. Ѳ. Волконскій и думные дьяки Ѳ. Ѳ. Лихачевъ да М. Даниловъ [6]). Позднѣе въ 155 г. видимъ М. Невѣрова дьякомъ Земскаго приказа [7]). Когда онъ покинулъ его, не знаемъ: въ 163 г. М. Невѣрова въ Земскомъ приказѣ уже нѣтъ [8]). Въ Приказѣ с. р. л. находимъ М. Невѣрова еще и въ 161 году.

Въ Приказъ с. р. л. М. Невѣровъ сѣлъ въ возрастѣ, конечно, за 50 лѣтъ, умудренный широкимъ и разносторонним опытомъ, успѣвъ даже дважды побывать за границей. Годами онъ былъ вѣроятно, старше В. Прокофьева—этимъ отчасти объясняется его неохота итти въ товарищи къ В. Прокофьеву, о которой впослѣдствіи при счетѣ (см. гл. VI) вспоминалъ Прокофьевъ [9]).

Таковы были люди, встрѣтившіеся въ казенкѣ Приказа с. р. л. въ мартѣ 147 г.

Между 154—161 гг. въ Приказѣ с. р. л. засѣдали Василій Ивановичъ Стрѣшневъ и кн. Дмитрій Петровичъ Львовъ. В. И. Стрѣшневъ—едва ли не единственный изъ Стрѣшневыхъ, занимавшій замѣтное положеніе до брака царя Михаила съ Евдокіей Лукьяновной. Въ 127 г. встрѣчаемъ его въ Разрядахъ въ чинѣ стряпчаго, исполняющимъ особое порученіе государя [10]). Послѣ

---

[1]) А. Ю. № 230.
[2]) Д. Р. II, 414, 423, 426, 436.
[3]) Д. Р. II, 447.
[4]) К. Р. II, 818.
[5]) А. П. Барсуковъ „Списки воеводъ", 8. Д. Р. II, 477, 517, 548.
[6]) Д. Р. II, 634, 635.
[7]) Уставная книга Земскаго приказа.
[8]) Д. А. И. III, с. 509.
[9]) Счетное дѣло § 49.
[10]) Д. Р. I, 380.

брака царя онъ прошелъ черезъ чины стольника, окольничаго, участвовалъ въ устройствѣ засѣчной черты въ 146 г., былъ посломъ въ Польшѣ, носилъ званіе намѣстника, сначала Новоторжскаго, потомъ Вологодскаго. Въ бояре В. И. былъ пожалованъ при вѣнчаніи на царство царя Алексѣя въ сентябрѣ 154 г. Изъ Разрядовъ онъ исчезаетъ послѣ 163 г. [1]). В. И. Стрѣшневъ замѣтенъ обиліемъ своихъ кляузныхъ дѣлъ съ посадскими людьми изъ-за слободъ. Въ частности на него много жаловались гороховляне. Въ концѣ концовъ при вѣнчаніи царя Алексѣя на царство онъ получилъ таки Гороховецъ въ свое владѣніе [2]). Кн. Львовъ появляется въ Разрядахъ въ чинѣ стряпчаго еще въ 127 г. Впослѣдствіи онъ бывалъ полковымъ воеводой въ Рыльскѣ, на Яблоновѣ, въ Бѣлгородѣ, воеводой въ Астрахани, носилъ чины стольника, окольничаго, званіе намѣстника, сначала Муромскаго, потомъ Брянскаго. Только въ 163 г. дождался онъ пожалованія въ бояре [3]), продѣлавъ долгую дѣловую карьеру настоящаго боевого воеводы и администратора. Онъ исчезаетъ изъ Разрядовъ послѣ 166 г. [4]).

3. Подъячіе и сторожа Приказа с. р. л.

Переходя къ подъячимъ Приказа с. р. л., мы встрѣчаемся съ нѣкоторымъ затрудненіемъ: не видно, откуда былъ взятъ составъ приказа въ 146 г. Можно предполагать, что подъячіе были захвачены П. Чириковымъ изъ управляемой имъ Устюжской четверти и остались въ Приказѣ с. р. л. послѣ его ухода изъ Приказа. Вотъ списокъ старшихъ подъячихъ 146 г., между которыми распредѣлялся ассигнованный на содержаніе личнаго состава Приказа окладъ въ 120 р.

---

[1]) По даннымъ Приказа с. р. л. В. И. Стрѣшневъ имѣлъ въ 20-хъ годахъ 171 дворъ (по Москвѣ кн. № 2 л. 26), а по переписнымъ книгамъ 154 г. за нимъ числится цѣлыхъ 1356 дворовъ (С. В. Рождественскій „Роспись земельныхъ владѣній“).

[2]) См. ниже гл. IV. А. М. Д. № 41383. Д. Р. passim. А. П. Барсуковъ „Родъ Шереметевыхъ“, III, с. 315.

[3]) Д. Р. III, 457.

[4]) По даннымъ Приказа с. р. л. у кн. Д. И. Львова былъ 121 дворъ, а по даннымъ 154 г.—446 (С. В. Рождественскій „Роспись“).

Юрій Тютчевъ.	30 р.	Иванъ Гавриловъ . . .	10 р.
Харитонъ Гордѣевъ . .	20 „	Иванъ Литвиновъ . . .	8 „
Семенъ Гавриловъ. . .	18 „	Андрей Столѣтовъ. . .	7 „
Миронъ Дубининъ . .	17 „	Василій Полуектовъ . .	5 „
		Итого . .	115 р.

Кромѣ названныхъ, верстанныхъ, въ Приказѣ было еще много неверстанныхъ подъячихъ, — въ 146 году ихъ было не менѣе 12 человѣкъ, какъ узнаемъ изъ одного челобитья подъячаго, утверждавшаго, что всего въ 146 г. сидѣло въ Приказѣ с. р. л. „болши 20 человѣкъ“. Вотъ имена нѣкоторыхъ изъ нихъ: Данила Барашовъ, Андрей Русановъ, Вас. Толмачевъ, Ив. Лихвинцевъ, Михей Фадѣевъ, Яковъ Андреевъ, Филиппъ Прокофьевъ [1]).

Въ мартѣ 147 г. при общемъ обновленіи состава Приказа вмѣстѣ съ дьякомъ В. Прокофьевымъ были взяты въ Приказъ изъ Костромской четверти подъячіе Вас. Прокофьевъ, Никифоръ Ивановъ, Влад. Толстой и Андрей Кондратьевъ.

Въ январѣ 149 г. составъ старшихъ подъячихъ Приказа представляется въ такомъ видѣ:

Василій Михайловъ . .	21 р.	Никифоръ Ивановъ . .	15 р.
Григорій Кушниковъ . .	20 „	Владиміръ Толстой . .	14 „
Харитонъ Гордѣевъ . .	20 „	Иванъ Волковъ	8 „
Семенъ Гавриловъ . .	18 „	Андрей Кондратьевъ . .	5 „
		Итого . . .	121 р.

Здѣсь денежный окладъ, отпущенный на содержаніе канцеляріи Приказа с. р. л., даже перейденъ однимъ рублемъ. Въ 148 г. зато между подъячими было распредѣлено только 44 р. Изъ этого списка видно, что за два года (147—149 гг.) Приказъ с. р. л. испыталъ очень большую перемѣну въ своемъ составѣ: въ спискѣ подъячихъ, сидѣвшихъ на денежномъ окладѣ, уцѣлѣли изъ прежняго состава только двое—Харитонъ Гордѣевъ и Семенъ Гавриловъ; послѣдній, впрочемъ, въ томъ же 149 г. былъ взятъ за приставъ и отстраненъ отъ должности. Такая же большая перемѣна произошла и за два слѣдующіе года, 149—151 гг.: изъ 8 подъячихъ

[1]) Р. И. Б. X, 393 -394.

Приказа с. р. л., сидѣвшихъ въ немъ на денежныхъ окладахъ въ 149 г., уцѣлѣло къ 151 г. только четверо. Составъ 151 г.:

Никифоръ Ивановъ . .	22 р.	Владиміръ Толстой . . .	20 р.
Гаврила Колодничъ . .	20 „	Андрей Кондратьевъ . .	10 „
		Иванъ Волковъ	8 „
		Итого . . .	80 р.

Въ 155 г. на первыхъ мѣстахъ видимъ Никифора Иванова [1]) и Гаврилу Колодничча съ окладами въ 25 р. [2]).

Наибольшая перестановка 147—149 гг. объясняется тѣмъ, что Ю. Тютчевъ, Х. Гордѣевъ и В. Прокофьевъ умерли, а М. Дубининъ и С. Гавриловъ были отданы за пристава по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Приказѣ с. р. л. По мѣрѣ того какъ выбывали „старые“ подъячіе, на ихъ мѣсто продвигались „молодые“. Изучая составъ подъячихъ Приказа, иногда можно установить ихъ прошлую и послѣдующую карьеру [3]).

---

[1]) Въ мартѣ 154 г. у Никифора сбѣжала кабальная дѣвка Марѳушка, снесшая „два ожерелья жемчужны, муское да женское, цѣна 42 рубли, да на себѣ платья тѣлогрѣю крашенинную, да двѣ рубашки полотняные, цѣна 2 рубли, а всего на 44 рубли“. (М. А. М. Д. № 41948 л. 67).

[2]) Р. И. Б. X, 393. По Владиміру кн. № 4 л. 56 об. и 189 об.

[3]) Приводимъ тѣ немногія данныя, которыя намъ удалось установить; располагаемъ имена подъячихъ въ алфавитномъ порядкѣ.—Яковъ Андреевъ въ мартѣ 148 г. значился справнымъ подъячимъ Костромской чети (А. Э., Ш, с. 439), а въ декабрѣ 155 г.—подъячимъ Казанскаго дворца съ окладомъ въ 25 руб. (Р. И. Б. X, 397); въ 159 и 160 гг. встрѣчаемъ его подъячимъ на Устюгѣ (А. М. И. Д. по Владиміру кн. № 4 л. 38 об.).—Даніила Барашовъ въ декабрѣ 146 г. значился подъячимъ Разряднаго стола Казанскаго дворца (Р. И. Б. XVШ, 585).—Иванъ Волковъ въ іюнѣ 131 г. значится подъячимъ Помѣстнаго приказа и вмѣстѣ съ Пв. Погожимъ дѣйствуетъ какъ помѣстный отдѣльщикъ въ Вологодскомъ уѣздѣ (В. И. Сторожевъ „Матеріалы для исторіи дѣлопроизводства Помѣстнаго приказа“, I, 407, 461). Въ 132—3 гг. съ кн. И. Л. Шаховскимъ онъ описываетъ Звенигородскій уѣздъ (Лихачевъ „Разрядные дьяки“, с. 184). Въ декабрѣ 155 г. онъ значится подъячимъ Костромской чети съ окладомъ въ 15 р. (Р. И. Б. X, 394).—Иванъ Гавриловъ въ августѣ 127 г. значится справнымъ подъячимъ Ямского приказа (И. Я. Гурляндъ „Акты Романовской ямской слободы“, 32). Въ 136—141 гг. онъ описываетъ съ Б. И. Волошенниновымъ Новосильскій уѣздъ (Оп. А. М. Ю. I, 1855—7). Въ 154—5 гг. онъ переписываетъ съ Ав. Ѳ. Боборыкинымъ Бѣлгородъ, Осколъ, Яблоновъ и Корочу (Оп. А. М. Ю., I, 106, 1070, 1942, 2550, 2933).—Семенъ Гавриловъ (тожественъ ли онъ съ Сенькой, извѣстнымъ по Счетному дѣлу Приказа с. р. л.?) въ 158—9 гг. вмѣстѣ съ Г. М. Волковымъ участвовалъ въ межеваніи помѣстныхъ и вотчинныхъ земель Романовскаго уѣзда (Оп. А. М. Ю. I, 2092—3).—Харитонъ Гордѣевъ въ 1626—9 гг. былъ подъячимъ въ Астрахани (А. И. Ш, № 289).—Оставившій такой яркій слѣдъ въ исторіи Приказа Мирон Дубининъ былъ сыномъ замѣтнаго подъячаго Исака Дубинина. Въ 129, 131, 132, 133,

135 гг. Исакъ сидѣлъ въ Московскомъ судномъ приказѣ и участвовалъ на Москвѣ въ объѣздахъ. Происходя изъ приказнаго гнѣзда, Миронъ имѣлъ случай рано усвоить вкусы тогдашней веселящейся Москвы, чѣмъ его при счетѣ (см. ниже гл. VI) корилъ М. Невѣровъ (К. Р. I, 766, 930, 1039, 1154, 1259, 1368, II, 100, 521; Р. И. Б. IX, 483).—Василій Зайцевъ въ 135 г. значился подъячимъ Разряда (Р. И. Б. IX, 436). Въ 154 г. онъ былъ справнымъ подъячимъ Галицкой чети (Р. И. Б. XXIV, 777).—Гаврила Колодничъ въ 133—134 гг. значился подъячимъ Новой чети съ окладомъ въ 4 р.; въ 134 г. онъ посланъ въ Сибирь съ Богданомъ Кондратьевымъ (А. М. Д. 25 оп. 134 г. № 134). Въ апрѣлѣ 149 г. онъ числился подъячимъ въ объѣздѣ на Москвѣ (Р. И. Б. X, 299).—Не назывался ли подъячій Приказа с. р. л. Андрей Кондратьевъ въ общежитіи Богданомъ? Тогда его карьера такова. Въ 116 г. Богданъ Кондратьевъ значится подъячимъ Галицкой чети (Акты Ѳ.—Ч. I, 254), а въ 120 г. подъячимъ въ Чухломѣ (С. Б. Веселовскій „Новые акты Смутнаго времени“, 165—169 и Оп. А. М. Ю. I, 2869). Въ 121 г. онъ собиралъ доходы въ Галичѣ и на Унжѣ (С. Б. Веселовскій „Новые акты Смутнаго времени“, 104, 172). Въ іюнѣ 124 г., будучи подъячимъ Галицкой чети, онъ участвовалъ въ сборѣ пятины (А. Ю., 230). Подъячимъ Галицкой чети онъ состоялъ и въ іюнѣ 127 г. (А. М. Д. по Разряду книга № I, л. 288). Въ іюлѣ 128 г. онъ посланъ въ Путивль (А. М. Г., I, 163). Въ 132 г. онъ сидѣлъ въ Новой чети съ окладомъ въ 35 р., участвовалъ въ объѣздахъ на Москвѣ (К. Р. I, 1039). Въ 133—4 гг. онъ посланъ въ Сибирь (А. М. Д. 25 оп. 134 г. № 134). — Не назывался ли въ общежитіи Богданомъ и Иванъ Лихвинцевъ? Карьера Богдана Лихвинцева такова. Въ 128 г. онъ дозиралъ Черискій и Одоевскій у. (Оп. А. М. Ю. I, 1901; А. М. Г. II, 32). Въ 139 г. онъ сидѣлъ въ Галицкой чети (А. Ю. Б. II, 749). Въ томъ же 139 г. онъ участвовалъ въ Приказѣ сбора даточныхъ людей съ дьякомъ Григ. Волковымъ (А. Э. Ш, № 279).—Петръ Лукошковъ въ 140 г. былъ подъячимъ въ Темниковѣ (К. Р. II, 688).—Василій Михайловъ въ 159 г. былъ приставомъ у польскаго посла (Д. Р. Ш, 195, 196), въ 162—6 г.—дьякомъ Большого дворца (Д. Р. Ш, 414, 457, 497 и др.).—Андрей Столѣтовъ началъ свою приказную карьеру въ Приказѣ с. р. л. и продолжалъ ее въ 157—8 гг. подъячимъ въ Разрядѣ (Р. И. Б. X, 458; П. С. З. № 37). Въ 167 г. онъ пожалованъ въ дьяки Холопьяго приказа съ окладомъ въ 600 четей и 60 р. (А. М. Г. Ш, 48; Д. Р. доп. 182).—Василій Толмачевъ въ 135—6 гг. былъ подъячимъ съ кн. М. Волконскимъ на письмѣ въ Переяславлѣ Залѣсскомъ (А. Ю. Б, II, 425). Замѣнившій въ 137 г. умершаго М. Волконскаго Анд. Загряжскій писалъ, что В. Толмачевъ „государевымъ дѣломъ не радѣетъ, пьетъ, воруетъ, держитъ блядню и его не слушаетъ“. Помѣстный приказъ приговорилъ отставить его отъ государева дѣла съ такой аттестаціей: „да и напредъ того прежній писецъ кн. М. Волконскій на того подъячаго Василія о томъ писалъ неодинова, да и на Москвѣ тотъ подъячій въ Помѣстномъ приказѣ за свое воровство и за брагу сидѣлъ скованъ многое время“ (А. М. Ю. поБѣлгороду оклейной столбецъ № 20 докум. № 38). Послѣ службы въ Приказѣ с. р. л. онъ же, кажется, составлялъ переписную книгу по Зубцову (П. д. с. л. 1649 г. № 62).—Владиміръ Толстой въ 128 г. значился подъячимъ Новгородской чети (по Новгороду кн. № 14 л. 500 об.). Въ 143—5 гг. онъ былъ подъячимъ въ Муромѣ (А. М. Г. II, 5; А. П. Барсуковъ „Списки воеводъ“, 143), въ 146 г. участвовалъ въ объѣздѣ на Москвѣ (Д. Р. II, 566).—Юрій Тютчевъ значился въ 131 г. молодымъ неверстаннымъ подъячимъ въ письмѣ при арзамасскихъ писцахъ (С. Б. Веселовскій „Акты п. д.“ I, № 117). Въ сентябрѣ 142 г. онъ посланъ къ Шеину подъ Смоленскъ вмѣстѣ съ Гр. Кушелевымъ съ денежнымъ жалованіемъ. (А. М. Г. I, 526). Въ 143—144 гг. онъ значился въ Холопьемъ приказѣ (Оп. А. М. Ю. XV, 95).

По даннымъ Приказа с. р. л. изъ всего списка подъячихъ Приказа былъ 1 дворъ только у Богдана (Ивана?) Литвинова (по Разряду кн. № 2, л. 38).

Въ первой очереди подъячихъ засѣдавшихъ въ Приказѣ с. р. л. въ 146 г., карьеру которыхъ мы можемъ обозначить, были на первыхъ мѣстахъ сравнительно молодой, но, повидимому, успѣвшій обратить на себя вниманіе, Юрій Тютчевъ (вѣроятно, изъ служилыхъ людей), порядочно уже послужившіе Х. Гордѣевъ, Ив. Гавриловъ и начинающій подъячій Андрей Столѣтовъ.

Въ позднѣйшихъ составахъ намѣчаются двѣ группы подъячихъ: одни, какъ Вас. Прокофьевъ, Никифоръ Ивановъ, Владиміръ Толстой, Андрей Кондратьевъ, Яковъ Андреевъ являются изъ Костромской четп, а другіе были набраны случайно изъ разныхъ мѣстъ; одни изъ нихъ въ Приказѣ с. р. л. начинали, а другіе завершали свою канцелярскую карьеру.

Составъ Приказа с. р. л. сильно таялъ, повидимому, вслѣдствіе необычайнаго положенія Приказа, съ одной стороны открывавшаго искусительный просторъ при обращеніи съ денежными суммами, а съ другой поставленнаго подъ порывистый и непостоянный контроль. Въ концѣ 4-го года (149 г.) функціонированія Приказа четверо подъячихъ, взятыхъ въ Приказъ изъ Костромской четверти, били челомъ на то, что имъ приходится однимъ вести все дѣлопроизводство Приказа, ранѣе раздѣлявшееся между многочисленнымъ персоналомъ. „И тѣ, государь, подъячіе, писалъ въ своемъ челобитьѣ Никифоръ Ивановъ съ товарищи, многіе померли, а иные сидятъ за приставы, а иные многіе разбѣжались, а мы, х. т., будучи у твоего государева дѣла въ Приказѣ с. р. л. работаемъ тебѣ, государю, тѣ жъ дѣла, что и прежніе подъячіе работали“ [1]). О томъ же говорилъ въ своемъ челобитьѣ, поданномъ въ январѣ 150 г., В. Толстой. „А я, х. т., писалъ онъ, работаю тебѣ, государю, всякія твои государевы дѣла, которыя вѣдали тѣ подъячіе (Харитонъ Гордѣевъ и Семенъ Гавриловъ), и тѣхъ подъячихъ, которые у твоего государева дѣла были и отъ того твоего государева дѣла розбѣжались, а иные померли, а иные отставлены“ [2]).

Ассигнованный на содержаніе состава подъячихъ Приказа с. р. л. окладъ, всего въ 120 р., (вначалѣ изъ средствъ Помѣстнаго

[1]) 1640 № 29 л. 12.

[2]) 1640 № 29 л. 74.

приказа), обычно разверстывался между подъячими Приказа цѣликомъ и, по мѣрѣ исчезновенія изъ Приказа старшихъ подъячихъ, перераспредѣлялся между ихъ преемниками. Но назначеніе подъячему оклада въ счетъ этихъ 120 руб., конечно, еще не влекло за собой автоматически и выдачи денегъ подъячему. Выдача производилась по обычаю послѣ уваженія соотвѣтствующаго челобитья, поданнаго ищущимъ денежнаго жалованья подъячимъ. Въ челобитьѣ, помѣченномъ ¼ 149 г., подъячій В. Прокофьевъ съ товарищи билъ челомъ о выдачѣ имъ жалованья на прошлый 148 годъ. Въ августѣ того же 149 г. Никифоръ Ивановъ и Владиміръ Толстой подали челобитье о выдачѣ имъ жалованья на оканчивающійся 149 годъ.

Подъячіе сами возбуждаютъ въ своихъ челобитьяхъ и вопросъ о повышеніи окладовъ. Въ челобитьѣ Влад. Толстого въ 149 г. содержится ходатайство о повышеніи его 14-рублеваго оклада до 20 р.—размѣра оклада Х. Гордѣева, умершаго въ томъ же 149 году. Мотивировка этихъ ходатайствъ разнообразна. Въ челобитьѣ Никифора Иванова съ товарищи, поданномъ въ августѣ 149 г., содержится пересказъ внутренней исторіи Приказа с. р. л. Указывая на то, что они вчетверомъ дѣлаютъ теперь то, что раньше исполняли болѣе 20 подъячихъ, и подкрѣпляя ходатайство обычной формулой—„помираемъ голодной смертью и одолжали великими долги“, челобитчики многозначительно прибавляли: „а опричь твоево государева жалованья, прокормитца намъ, х. т., нечѣмъ: опричь твоево государева дѣла, челобитчиковыхъ никакихъ дѣлъ нѣтъ, а въ иныхъ, г., приказѣхъ нашей братьѣ подъячимъ твое царское жалованье на нынѣшній на 149 годъ по окладомъ ихъ дано сполна“. Свои ходатайства подъячіе обычно приправляютъ принятыми формулами обращенья къ государю:—„для своево государсково многолѣтнево здоровья и для нашіе работы и бѣдности“ и т. п. [1]).

Иногда челобитчики ссылаются и на личныя обстоятельства. Въ іюнѣ 152 г. выразительное челобитье подалъ И. Волковъ. „Бѣдный и безпомощный“ онъ указывалъ на свою 12-лѣтнюю

[1]) 1640 № 29 л. 56. — Такое же челобитье въ январѣ 151 г. подано Н. Ивановымъ, Г. Колодничемъ, В. Толстымъ, А. Кондратьевымъ и И. Волковымъ — 1640 № 29 л. 107.

службу въ разныхъ приказахъ и на то, что онъ „передъ своею братьею оскорбленъ“ и „помираетъ голодною смертью“, тогда какъ его товарищу Андрею Кондратьеву окладъ увеличенъ съ 10 до 15 р. Волковъ скромно просилъ прибавить „изъ убылыхъ окладовъ“,—„какъ тебѣ, государю, обо мнѣ Богъ извѣститъ“. Въ октябрѣ 153 г. умеръ подъячій Андрей Кондратьевъ. Вдова его Алена била челомъ о вспомоществованіи, ссылаясь на то, что „инымъ подъячимъ г. заслуженое жалованье давано на погребеніе и на поминки“. Дѣло было доложено государю 29 октября, и государь указалъ выписать прецеденты. По справкѣ оказалось, что въ аналогичныхъ случаяхъ - по смерти въ 148 г. Юрья Тютчева и въ 149 г. Василія Прокофьева—вспомоществованіе было выдано. На докладѣ помѣта Гавренева: „Дать половина, какъ (окладъ?) мужа ея“. О передачѣ себѣ оклада Кондратьева тотчасъ забилъ челомъ неугомонный Волковъ. Окладъ былъ отданъ ему [1]). Мотивами челобитій о выдачѣ жалованья иногда служатъ и болѣе счастливыя жизненныя обстоятельства, напримѣръ, женитьба. Таково ходатайство Андрея Кондратьева, просившаго въ маѣ 149 г. половину 5-рублеваго оклада по случаю своей свадьбы: „сговорилъ я, х. т., писалъ Кондратьевъ, жениться, а срокъ, г., той свадьбѣ близко, подняться мнѣ, х. т., нечѣмъ, человѣкъ бѣдный, взять негдѣ“ [2]).

Обстоятельной справкой для доклада, какъ правило, сопровождалось каждое обращеніе къ Приказу о выдачѣ жалованья. Такъ, когда въ апрѣлѣ 149 г. о выдачѣ половиннаго оклада били челомъ Никифорко Ивановъ съ товарищи, былъ составленъ обстоятельный докладъ о распредѣленіи средствъ, отпускаемыхъ Приказомъ с. р. л. на содержаніе личнаго состава. По докладу Ивана Гавренева челобитье было удовлетворено. Когда тѣ же подъячіе въ августѣ 149 г. били челомъ о выдачѣ имъ второй половины содержанія на тотъ же 149-й г., указывая—„въ иныхъ приказѣхъ нашей братьѣ подъячимъ царское жалованье на нынѣшній на 149 годъ по окладомъ ихъ дано сполна“, на челобитьѣ ихъ была положена такая резолюція: „Августа въ 9 де. Выписать оклады и дача, и сослаться, въ которыхъ приказѣхъ

[1]) 1640 № 29 л. 123 - 128.

[2]) 1640 № 29 л. 47.

деньги даны сполна“ [1]). На основаніи этой помѣты изъ Приказа с. р. л. послѣдовалъ запросъ въ Галицкую и Володимірскую чети. Отвѣтъ оттуда гласилъ: „Володимерскіе и Галицкіе чети подъячимъ государево денежное жалованье на нынѣшній на 149 годъ дано противъ памяти и росписи 148 году за приписью думнаго дьяка Михаила Данилова. По нынѣшнему окладу по розмѣтѣ дано сполна, передъ прежними годы дано имъ государево жалованье съ убавкою“ [2]). Резолюція самого Приказа с. р. л. въ этомъ случаѣ неизвѣстна. По аналогичному челобитью отъ 21/XII 150 г. послѣдовало рѣшеніе: „Для праздника Р. Х. выдать имъ вполы окладовъ на нынѣшній 150 годъ для ихъ бѣдности“ [3]).

При переводѣ подъячихъ въ Приказъ с. р. л. изъ другихъ приказовъ окладъ иногда бывалъ даже понижаемъ. Такъ В. Толстой по мѣсту своей прежней службы въ Новгородской чети имѣлъ окладъ въ 18 р., между тѣмъ въ Приказѣ с. р. л. ему положили только 14 р. [4]). Но въ Приказѣ с. р. л. можно было сдѣлать и нѣкоторую служебную карьеру. Такъ, Ивану Гаврилову 10-рублевой окладъ былъ увеличенъ до 15 р., Ивану Литвинову съ 8 до 15 р., Андрею Столѣтову съ 7 до 10 р., Василью Полуектову съ 5 до 10 р., Никифору Иванову съ 15 до 25 р., В. Толстому съ 14 до 20 руб., А. Кондратьеву съ 5 до 10 р. и т. д.

Въ особенно невыгодное положеніе почему-то попали подъячіе, взятые въ Приказъ с. р. л. изъ Костромской чети. Въ октябрѣ 149 г. они жаловались на то, что старый контингентъ Приказа с. р. л. получаетъ свое содержаніе исправно, а имъ его не выдаютъ. „А товарищамъ, г., нашимъ, били они челомъ, которые у твоево г. дѣла съ нами сидятъ вмѣстѣ, и тѣмъ твое г. жалованье всѣмъ дано сполна, а твое г. жалованье окладъ Приказу збору ратныхъ людей всѣмъ подъячимъ учиненъ въ Помѣстномъ приказѣ и присланъ съ нами, х. т., вмѣстѣ“. Боярину И. П. Шереметеву они „подносили многія челобитья“, „и боринъ Иванъ Петровичъ велитъ бить челомъ и челобитья подавать въ Костромской чети дьяку Василью Прокофьеву: откуду де

[1]) 1640 № 29 л. 55.
[2]) 1640 № 29 л. 58.
[3]) 1640 № 29 л. 68.
[4]) 1640 № 29 л. 74.

вы взяты, въ томъ приказѣ и бейте челомъ". Но въ Костромской четверти челобитчики не оказались счастливѣе: дьякъ Прокофьевъ имъ тоже отказалъ: „Взяты де изъ чети вы давно, и въ которомъ де приказѣ сидите, тамъ и бейти челомъ". Описывая свою нужду, злополучные подъячіе просили выдать имъ жалованье изъ того приказа, изъ котораго государь укажетъ. Челобитье ихъ, доложенное Гавреневымъ государю 4/x 149 г., какъ разъ въ тотъ моментъ, когда началось слѣдствіе о хищеніяхъ въ Приказѣ (см. ниже гл. VI), вызвало сомнѣніе. Подозрѣніе и неудовольствіе распространились и на этихъ подъячихъ. Государь указалъ выписать, „для чево ихъ братьѣ дано, а имъ за какую вину не дано, да о томъ велѣлъ доложить себя государя". По новому челобитью, доложенному 2-/i 149 г., ходатайство ихъ было удовлетворено: „Государь пожаловалъ: будетъ ихъ братьѣ дано, имъ дать" [1]).

При Приказѣ с. р. л. состояли особые пристава, посылавшіеся для взысканія даточныхъ и денегъ въ Москвѣ по мѣстожительству служилыхъ людей и командировавшіеся для развозки грамотъ въ отъѣздъ. Такъ, въ 148 г. весь сѣверъ объѣхалъ Никифоръ Ворсинъ. Въ распоряженіи Приказа с. р. л. находились 6 его собственныхъ сторожей, изъ которыхъ 3 были взяты въ Приказъ с. р. л. изъ Владимірскаго суднаго приказа, находившагося также подъ вѣдѣніемъ боярина И. П. Шереметева, а 3 изъ Костромской чети. Поручныя записи по нихъ были оставлены по ихъ прежнимъ мѣстамъ службы [2]).

Жалованье сторожамъ было положено, кажется, всѣмъ одинаковое—по 7 р. въ годъ; выдавалось оно, какъ и подъячимъ, только по особымъ челобитьямъ. „Живемъ мы, х. т., писали сторожа въ 149 г. въ своемъ челобитьѣ, въ Приказѣ у твоихъ государевыхъ дѣлъ и у казны день и ночь безотступно", и жаловались на задержку жалованья: „окромѣ твоево государева годовово жалованья, прокормиться намъ, х. т., нечѣмъ, будучи у твоево г. дѣла, помираемъ голодною смертью". Но и сторожамъ жалованье не было выдано сразу. Велѣно было: „выписать окладъ,

---

[1]) 1640 № 29 л. 19—23.

[2]) Счетное дѣло §§ 30 и 33.

и въ которыхъ приказѣхъ сторожамъ дано, и сполна ли или вполы“ [1]). Въ декабрѣ 150 г. сторожамъ пришлось повторить челобитье о выдачѣ жалованья на 150 г. [2]), а въ ноябрѣ 151 г.—о выдачѣ жалованья на 151 г., и опять послѣдовалъ запросъ о выдачѣ жалованья сторожамъ другихъ приказовъ. По докладу государю жалованье имъ было выдано „для ихъ бѣдности“ [3]). Такое же челобитье было подано и въ декабрѣ 152 г., когда въ Приказѣ с. р. л. оказалось только 2 сторожа Вас. Ѳедоровъ и Лука Давыдовъ, писавшіе въ своемъ челобитьѣ: „стоимъ мы, х. т., въ Приказѣ безсходно, помираемъ голодною смертью“ [4]). На челобитьѣ ихъ помѣта: „Декабря въ 30 де. Дать имъ государево жалованье изъ тѣхъ 21 рубля, что взяты на Иванѣ Матвѣевѣ сынѣ Годуновѣ“ [5]).

4. Порядокъ дѣлопроизводства въ Приказѣ с. р. л.

Дѣлопроизводство [6]) Приказа находилось въ 146 г. въ вѣдѣніи двухъ дьяковъ, Пантелея Михайловича Чирикова и Емельяна Евсевьева. Трудно сказать, какъ были распредѣлены дѣла между ними. Изучая скрѣпы—„приписи“, видимъ, что огромное большинство скрѣпъ на столпцахъ и на книгахъ, положенныхъ въ Приказѣ с. р. л., клалось однимъ Емельяномъ. Совмѣстно съ Пантелеемъ онъ скрѣпилъ только слѣдующіе документы: „столпикъ росходной, а въ немъ памяти изъ розныхъ приказовъ о денгахъ“, столпикъ о замѣнѣ денежныхъ платежей со стольниковъ даточными, „столпъ отписачной—изъ городовъ присылки денгамъ“, „столпъ, а въ немъ выписки, съ которыхъ городовъ по г. указу велѣно съ посадовъ и съ уѣздовъ имати съ торговыхъ людей съ двора по 2 рубли, а съ пашенныхъ крестьянъ съ двора по рублю, а подъ тѣми выписки и отпуски г. грамотамъ“,

---

[1]) 1640 № 29 л. 36.

[2]) 1640 № 29 л. 67—68.

[3]) 1640 № 29 л. 91—92.

[4]) Сторожа Микитка и Михейка были откомандированы въ 151 г. обратно во Владимірскій судный приказъ, а на Микиткино мѣсто по челобитью за помѣтою дьяка Василія Прокофьева велѣно быть сторожу Васькѣ Свѣшнику.

[5]) 1640 № 29 л. 112—114.

[6]) При изученіи дѣлопроизводства Приказа росписнымъ спискомъ 146 г. (1638 № 53) пользуемся, не цитируя его въ отдѣльныхъ случаяхъ.

„книги дворовыхъ людей по первой и по другой присылкѣ“, столпикъ съ выписками по челобитьямъ ржевичъ, лучанъ, устюжанъ, тотмичъ и чарондцевъ. За приписью одного только Чирикова были слѣдующія дѣла: столпъ отписокъ о присылкѣ денегъ изъ городовъ, столпъ о справкахъ въ Помѣстномъ приказѣ относительно владѣній бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, столпикъ о сложеніи платежей съ Новосильскихъ помѣстей и вотчинъ, столпъ со списками дворянъ московскихъ, „столпикъ, а въ немъ памяти и росписи вдовъ и недорослей московскихъ, которые изъ Помѣсного приказу въ спискѣ были не присланы“, „столпикъ, а въ немъ наказные памяти и росписи и отписки изъ городовъ и выписка о прогонныхъ денгахъ“, „столпикъ о сложеніи платежей съ жильцовъ, сотниковъ стрѣлецкихъ и царицыныхъ дѣтей боярскихъ“, „столпикъ о присылкѣ сбора съ уѣздныхъ вдовъ и недорослей“, „столпикъ памятемъ изъ приказовъ, что которому подъячему было государева жалованья, гдѣ кто въ которомъ приказѣ сидѣлъ“. Книги Приказа скрѣплены, какъ правило, приписями одного Емельяна, имъ же однимъ скрѣплено и огромное большинство столпцовъ различнаго содержанія, относящихся къ сбору со всѣхъ чиновъ—думныхъ, московскихъ и городовыхъ, съ посадовъ и черныхъ уѣздовъ и т. д. Скрѣпы Чирикова производятъ впечатлѣніе чего-то случайнаго и добавочнаго: точно онѣ клались нечаянно, когда Пантелей удосуживался завернуть въ Приказъ с. р. л. изъ своей Устюжской чети. Есть указаніе на то, что онъ мало слѣдилъ за теченіемъ дѣлъ въ Приказѣ с. р. л. $^{20}/_{VIII}$ 146 г. имъ былъ адресованъ изъ Устюжской чети въ Приказъ с. р. л. слѣдующій официальный запросъ: „...что съ Устюга Великаго съ посаду и со всего Устюжского уѣзда указано взять съ дворовъ подымныхъ денегъ ратнымъ людемъ на жалованье съ двора по 2 рубли, и что въ то число съ Устюга съ посаду и съ Устюжского уѣзду тѣхъ денегъ взято, и что къ тому донять, да та выпись прислать въ Устюжскую четь къ діаку къ Пантелею Чирикову“ [1]). Съ марта 147 г., когда въ Приказъ с. р. л. были назначены дьяки В. Прокофьевъ и М. Невѣровъ, фактически все дѣлопроизводство сосредоточи-

[1]) 1638 № 8 л. 101.

вается, какъ увидимъ ниже (гл. VI), въ рукахъ одного М. Невѣрова.

Между 6 старшими подъячими Приказа с. р. л. (Григоріемъ Кушниковымъ, Харитономъ Гордѣевымъ, Иваномъ Гавриловымъ, Мирономъ Дубининымъ, Семеномъ Гавриловымъ и Василіемъ Михайловымъ) дѣла распредѣлялись въ 146 г. слѣдующимъ образомъ [1]).

У Григорія Кушникова были списки указовъ 25/XI 146 г. и 7/XII 146 г., списокъ сибирскаго царя, касимовскаго царевича, мурзъ и стольниковъ, дополнительная роспись стольникамъ, „которые сысканы послѣ земляного списка", приходная книга бояръ, окольничихъ, думныхъ людей, сибирскаго царя, касимовскаго царевича, мурзъ, стольниковъ, стряпчихъ съ платьемъ, вдовъ большихъ и недорослей московскихъ и дьяковъ, 2 столпа съ челобитьями стольниковъ, 2 столпика о присылкѣ денегъ изъ городовъ, между прочимъ данныя о сборѣ съ Сумерской волости, столпикъ со справками относительно владѣній высшихъ чиновъ, смѣшанный столпикъ (отсрочка взысканія съ новосильскихъ помѣщиковъ, сложеніе съ галицкихъ вдовъ и недорослей, челобитная стряпчаго Аничкова, „докладные выписки о разныхъ дѣлахъ" и др.).

У двухъ подъячихъ, Харитона Гордѣева и Ивана Гаврилова, находимъ: книгу приходную сбору съ дворовъ московскихъ, списки дворянъ московскихъ, сообщенные Помѣстнымъ приказомъ, 2 столпа со справками въ Помѣстномъ приказѣ о владѣніяхъ московскихъ дворянъ и о сложеніи съ нихъ денегъ, столпъ о сборѣ съ посадовъ.

У Мирона Дубинина были 4 приходныя книги сбору со вдовъ, недорослей и подъячихъ [2]), сборъ съ посадовъ, вѣдомость пріемкѣ даточныхъ съ московскихъ чиновъ и вѣдомость о сложеніи платежей съ уѣздныхъ вдовъ и недорослей, списки даточ-

---

[1]) Въ „спискѣ" упоминаются еще подъячіе Василій Зайцевъ, Петръ Лукошковъ и Василій Толмачевъ, но къ марту 147 г. они либо вышли изъ состава Приказа с. р. л., либо не имѣли самостоятельныхъ отдѣловъ дѣлопроизводства.

[2]) 1) Книга, въ которой были В. Новгородъ, Луки В., Ржева Пустая, Угличъ, Суздаль да Шуя, Курскъ, Мценскъ, Мещора, Володимеръ, Ярославль, Галичъ, Кострома, Свіяжскъ, Чебоксары, Цивильскъ, Алексинъ и Курмышъ, теперь въ А. М. И. Д.—по Новгороду книга № 26; 2)—П. Новгородъ, Арзамасъ, Торжокъ, Руза, Бѣ-

ныхъ, посланныхъ въ Разбойный приказъ, списокъ подъяческій, списокъ вдовъ и недорослей понизовыхъ городовъ, данныя къ составленію списковъ вдовъ и недорослей по Новгороду, данныя изъ Большого прихода о явкѣ туда даточныхъ и о ихъ разбѣгѣ, память изъ Разбойнаго приказа о даточныхъ людяхъ, посланныхъ къ башенному дѣлу, и счетный списокъ подъячаго Петра Лукошкова. Ревизія Лукошкова была произведена М. Дубининымъ и В. Михайловымъ.

У Семена Гаврилова были списки стряпчихъ, вдовъ большихъ и недорослей московскихъ, дьяковъ, приходная книга даточнымъ людямъ и деньгамъ со вдовъ большихъ и недорослей и дьяковъ, расходная книга Приказа с. р. л. 146—147 гг., переписка о пріемѣ денегъ съ посадовъ (между прочимъ съ Арзамаса), столпъ съ „выписками“ о томъ, гдѣ съ пашенныхъ крестьянъ взять по 1 р., столпъ о сложеніи даточныхъ и денегъ, счетный списокъ подъячихъ Андрея Русанова и Василія Зайцева, переписка съ Владимірской четвертью, Иноземскимъ приказомъ и Костромской четью о личномъ составѣ Приказа с. р. л.

У Василія Михайлова были списки и книги жильцовъ, дворовыхъ людей, списокъ и книга городовыхъ вдовъ и недорослей („въ началѣ Псковъ“), документы по исправленію этихъ списковъ и сложенію, документы о сборѣ съ посадовъ, между прочимъ, о сборѣ съ Ржевы В., Лукъ В., Устюга В., Тотьмы, Чаронды, данныя о личномъ составѣ и расходахъ Приказа с. р. л. и документы, отобранные у Харитона Гордѣева.

Повидимому, внѣ этого распредѣленія находились (начало и конецъ росписного списка) списки государевыхъ указовъ, списки дворовъ московскихъ и общая вѣдомость о доимкѣ съ нихъ, книги приходу со всѣхъ посадовъ, выдача денегъ въ разные приказы, столпъ отписокъ о полученіи денегъ съ посадовъ, столпъ съ грамотами образцовыми и смѣтный списокъ Приказа с. р. л. 146 г.

жецкій Верхъ, Муромъ, Кашинъ, Лухъ, Звенигородъ, Рязань, Серпуховъ, Оболенскъ, Боровскъ, Ярославецъ Малый, Алексинъ, Таруса, Ливны, Ряжскъ, Лебедянь, Калуга, Мещовскъ, Одоевъ, Чернь, теперь въ А. М. И. Д.—по П. Новгороду кн. № 10; 3)—В. Новгородъ (волость Устрецкая), Романовъ, Брянскъ, Карачевъ, Путивль, Рыльскъ, Бѣлгородъ, Коломна, Тула, Солова, Кашира, Елецъ, Воронежъ, Осколъ, теперь въ А. М. И. Д.—по Новгороду кн. № 25; 4) книга подъяческая, теперь въ А. М. И. Д.—по Разряду № 2.

Считаясь съ нѣкоторой неясностью, проистекающей изъ того, что изъ Приказа с. р. л. выбыли подъячіе Зайцевъ, Лукошковъ, Толмачевъ, и было отобрано дѣлопроизводство у Харитона Гордѣева, можно сдѣлать нѣкоторыя общія заключенія. Повидимому, дѣла распредѣлялись такъ: высшіе чины до стольниковъ и часть вдовъ и недорослей городовыхъ вѣдались Кушниковымъ, московскіе дворяне—Х. Гордѣевымъ и Ив. Гавриловымъ, провинціальные вдовы и недоросли—М. Дубининымъ, стряпчіе—Семеномъ Гавриловымъ, жильцы, дворовые люди и часть вдовъ и недорослей городовыхъ—Василіемъ Михайловымъ, посады и остальное дѣлопроизводство Приказа были разбиты между всѣми подъячими, въ частности Мирономъ Дубининымъ вѣдалъ распредѣленіе даточныхъ. Въ этой системѣ временами какъ будто мелькаетъ мысль о раздѣленіи дѣлъ въ Приказѣ с. р. л. по категоріямъ служилыхъ людей, но мысль эта, если и проведена, то очень неувѣренно и остановилась въ своемъ развитіи на полдорогѣ. Во всякомъ случаѣ трудно понять логику такого раздѣленія дѣлъ между подъячими,—не было ли оно отчасти вызвано стремленіемъ развертать дѣлопроизводство такъ, чтобы подъячіе были хитро сцѣплены между собой и невольно контролировали другъ друга? [1]).

Въ Приказѣ с. р. л. не было долгое время проведено правило единства кассы: всѣ старшіе подъячіе принимали платежи и держали у себя на рукахъ къ своему соблазну иногда очень значительныя суммы. Знакомясь ниже со Счетнымъ дѣломъ, увидимъ, какія злоупотребленія развились на этой почвѣ. Не былъ опредѣленъ и порядокъ выдачи изъ Приказа платежныхъ квитанцій—тоже источникъ большихъ непорядковъ [2]).

---

[1]) Кромѣ главнаго дѣла, пріема денегъ и даточныхъ (послѣдніе пересылались Приказомъ въ Большой приходъ для дальнѣйшей отправки), Приказъ с. р. л. вѣдалъ нѣкоторыя дополнительныя дѣла. Такъ, въ апрѣлѣ Приказъ получилъ порученіе писать въ драгуны и солдаты пустопомѣстныхъ дѣтей боярскихъ (Р. И. Б. X, с. 176, 178, 180—181). Приказу пришлось также разбираться и въ нѣсколькихъ юридическихъ вопросахъ, связанныхъ съ выставленіемъ даточныхъ.

[2]) Любопытнымъ примѣромъ путаницы, возникавшей на этой почвѣ, можетъ служить дѣло стряпчаго Хлѣбеннаго дворца Ѳедора Матусова. Въ 147 г. Матусовъ заплатилъ въ Приказъ с. р. л. причитавшіеся съ него 6 р., сдавъ деньги подъячему Никифору Иванову. Матусовъ, какъ надо понять изъ его жалобы, уплачивая деньги, отписи не получилъ, и Никифоръ, воспользовавшись этимъ, взыскалъ съ него 6 р. „вдругорядь“. На этотъ разъ „отпись“ Матусову уже была вручена, но черезъ книги

Въ своей дѣятельности Приказъ с. р. л. зависѣлъ отъ своихъ старшихъ собратій, дававшихъ ему матеріалъ для работы,— Разряда и Помѣстнаго приказа, сообщавшихъ ему, первый— списки служилыхъ людей, а второй—вѣдомости о землевладѣніи. Въ архивѣ Приказа с. р. л. много документовъ, скрѣпленныхъ подписями Мих. Данилова и Ив. Переносова. Первоначально предполагалось, повидимому, что служилые люди по дѣламъ объ уплатѣ налога должны непремѣнно обращаться въ Приказъ с. р. л. По крайней мѣрѣ понадобился особый указъ, разрѣшавшій непосредственное обращеніе заинтересованныхъ лицъ въ Помѣстный приказъ. „И генваря жъ въ 10 де (146 г.), читаемъ мы замѣтку въ одномъ столпцѣ Приказа с. р. л., государя (*п. т.*) бояринъ князь Иванъ Андреевичъ Голицынъ да дьякъ Пантелей Чириковъ докладывали въ соборной церкви Пречистыя Богородицы у его г. мѣста, какъ было поставленья Резанскому архіепископу: которые люди учнутъ приносить изъ Помѣстного приказу памяти изъ Помѣстного приказу о справкѣ въ даточныхъ людехъ, и по тѣмъ памятемъ за тѣми людьми крестьянскіе и бобыльскіе дворы для сбору даточныхъ людей справливать ли. И г. (*п. т.*) указалъ: которые люди учнутъ приносить памяти, и по тѣмъ памятемъ въ Приказѣ збору ратныхъ людей тѣ крестьянскіе дворы для збору даточныхъ людей справливать. И боярин князь И. А. Голицынъ г. указъ въ Приказѣ збору рат-

---

платежъ все-таки не былъ проведенъ. Въ 160-мъ году злополучные 6 рублей съ Матусова потребовали опять („третьи деньги“). Матусовъ добился подписной челобитной: 31/VIII 161 г. „третьихъ денегъ“ править не было велѣно, а Никифору Иванову указано было „учинить дать наказанье“, но подъячій умеръ до возмездія. Жена его, оставшаяся „з большимъ прожиткомъ“, поспѣшила выйти замужъ за дворового человѣка сытника Данила Батюшкова. Въ апрѣлѣ 161 г. Матусовъ билъ челомъ доправить неправильно „вдругоредь“ взысканный съ него платежъ „по той ево Микифорове рукописи“ на Батюшковѣ. Поставленный въ Приказѣ с. р. л. Батюшковъ показалъ, что вдова Никифора Иванова „прежнего своево мужа Микифорова живота съ собою никакова за него (Батюшкова) не принесла, а понялъ ее потому, что братъ жены ево Новые чети подъячей Ѳедоръ Галкинъ далъ ему Данилу на себя письмо: хто учнетъ бить челомъ на него, Данила, по той его сестрѣ мужа ее прежнего по Микифоровѣ рукѣ Иванова въ какихъ ни есть деньгахъ, и ему де Ѳедору ево, Данила, отъ тѣхъ Микифоровыхъ ото всякихъ письменныхъ крѣпостей очищать. А что де стряпчій Хлѣбеннаго дворца Ѳедоръ Матусовъ бьетъ челомъ государю на него, Данила, за даточныхъ людей въ платежныхъ деньгахъ въ шти рубляхъ по памяти подъячего по Микифоровѣ рукѣ Иванова, и онъ де Данила Микифоровы руки не знаетъ, а шуринъ его Ѳедоръ руку знаетъ, и тѣ деньги хочетъ платить шуринъ его“. (1653 № 21 л. 105—108).

ныхъ людей велѣлъ записати и даточныхъ людей по памятемъ велѣлъ справливать“ [1]). Такъ нерѣшительно въ Приказѣ с. р. л. относились на первыхъ порахъ ко всякому отступленію отъ первоначально предположеннаго плана веденія дѣла.

Огромную роль въ дѣятельности Приказа играли думные дьяки, особенно Ив. Гавреневъ: вся труднообозримая масса челобитій, связанныхъ съ распредѣленіемъ и сложеніемъ сборовъ, проходила непремѣнно черезъ руки думныхъ дьяковъ. Дьяки самого Приказа с. р. л., повидимому, имѣли доклады у государя лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

5. Обстановка приказа.

Заглянемъ и во внутренность Приказа с. р. л.

Въ своемъ собственномъ помѣщеніи устроенъ и меблированъ Приказъ былъ только въ мартѣ 147 г. На первоначальное обзаведеніе обстановкой ему было отпущено изъ Владимірскаго суднаго приказа только 20 р. Приказъ расположился въ помѣстительной избѣ, раздѣленной на двѣ части—„переднюю“ и „казенку“ или „комнату“. „Передняя изба“ въ свою очередь раздѣлялась на двѣ части рѣшеткой. За рѣшеткой стоялъ „даточный столъ“—для полученія платежей. У рѣшетки снизу были прибиты лубья и доски. Въ приказной избѣ было 3 окна „большихъ“ и 4 окна „меньшихъ“. Выходныхъ дверей было двѣ, онѣ были обиты къ зимѣ войлокомъ и ремнемъ; обиты были также ставни и слюдяныя окончины трехъ „большихъ“ оконъ, и за эту работу заплачено было плотнику Ѳедкѣ Андрееву 5 алтынъ „отъ дѣла“, не считая матеріала. Въ концѣ сентября 148 г. собрались поставить печи, за что заплачено было Баженку Иванову изъ Гончарной слободы 3 р. 25 алтынъ. Дрова въ Приказъ обычно возилъ кадашевецъ Матюшка Васильевъ по 1 р. 20 алт. за сажень „съ провозомъ“. Покупали дрова и возами у крестьянъ „розныхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ“ по 2 алт. 3 д. за возъ. Въ поиски за дровами откомандировывался сторожъ Михейка.

Внутреннее убранство не было мудренымъ. Въ „передней

[1]) 1638 № 65 л. 40.

избѣ“ и въ „комнатѣ“ стояло по столу, обитому сукномъ багрецомъ, взятымъ по 1 рублю 2 гривны за аршинъ въ суконномъ ряду у торговаго человѣка Василья Кляпышникова. Сукно было прикрѣплено къ столу ремнями, прибитыми гвоздями. Одинъ столъ былъ купленъ на Москвѣ рѣкѣ у Исачка Панкратова. Скамьи, на которыхъ сидѣли подьячіе, были покрыты кожей, которая, выбиралась, вѣроятно, по іерархическому положенію возсѣдавшихъ на нихъ лицъ: для Приказа купленъ былъ „тюшакъ барановой“, „тюшакъ телятинной“ да „два тюшака ветчаныхъ“, т.-е. старыхъ. Для освѣщенія были куплены „мѣдяной шандань тройной“, да „мѣдяной же шандань одинокой“, да „щипецъ мѣдяной“, да 6 шандановъ деревянныхъ, да двѣ „снималки мѣдныхъ“. „Тройной шандань“ предназначался, повидимому, для боярина, „какъ ѣздилъ по вечеромъ въ Приказъ“. Кромѣ того, на весь Приказъ были заведены 3 песочницы и 1 каракса для линеванія. Для приведенія къ присягѣ „промѣненъ“ былъ крестъ въ икопномъ ряду, „какъ почали приводить к крестному цѣлованью повоприборныхъ драгуновъ и солдатъ“. У сѣнныхъ дверей была „скобка“, а „задняя казенка“ запиралась пробоемъ и „замкомъ вислымъ“. Въ желѣзномъ ряду были взяты „пятеры желѣзы ножные“ для будущихъ арестантовъ.

Приказъ открылъ свои дѣйствія послѣ молебна, за который „марта въ 10 де христофоровскому попу Омельяну да дьячку отъ молебна и за свѣчи восковые“ дано было 2 алт. 2 д. [1]).

Дальнѣйшій текущій расходъ былъ очень скроменъ — на бумагу, чернила, коробья, веревки, ящики, свѣчи, воскъ. Бумаги исписывали много—почти каждую недѣлю посылали за ней въ овощной рядъ къ торговымъ людямъ: то къ Василью Исаеву, то къ Максиму и Ромашку Савиновымъ, то къ Ларкѣ Ефремову. По расходу на свѣчи и бумагу мы можемъ судить и о самомъ темпѣ рабочей жизни Приказа. Въ мартѣ 147 г. исписали 7 стопъ, въ апрѣлѣ—3, въ іюнѣ—18 (мѣсяцъ особенно горячей работы въ 147 г.), въ іюлѣ—6, а въ слѣдующіе мѣсяцы—отъ 2 до 5, кромѣ ноября 148 г., когда исписали опять 6 стопъ. Соотвѣтственно съ количествомъ исписанной бумаги сжигали и свѣчъ. Въ

[1]) Церковь св. Христофора съ песьей головой была въ двухъ шагахъ отъ Ивана Великаго, по направленію къ Никольскимъ воротамъ.

мартѣ сожгли 300 штукъ (денежныхъ и полуденежныхъ), въ апрѣлѣ — 200, въ маѣ — 300, въ іюнѣ — 300: показатели напряженной работы въ эти мѣсяцы съ короткими ночами, которыя просиживали, должно быть, напролетъ. Въ іюлѣ сожгли 200, въ августѣ—200, въ октябрѣ 148 г.—500 (100 денежныхъ и 200 полуденежныхъ, 100 съ одной свѣтильней и 100 съ двумя свѣтильнями), въ ноябрѣ—600, въ декабрѣ—600, въ январѣ—600, въ февралѣ—600, въ мартѣ—400, въ апрѣлѣ—300, въ маѣ—100, въ іюнѣ—100, въ іюлѣ—100, въ августѣ—100, въ сентябрѣ 149 г.—200 штукъ. 8 октября 148 г. „3 свѣчи восковыя витыя взяты передъ боярина передъ Ивана Петровича Шереметева, какъ ѣздилъ по вечеромъ въ Приказъ“. Свѣчъ этихъ хватило, повидимому, надолго. Только 20 ноября въ свѣчномъ ряду у Ивашки Ѳедорова взяты 2 гривенки свѣчъ восковыхъ „въ Приказъ передъ образы и для боярскова пріѣзду въ Приказъ по вечеромъ“.

Топить начали съ сентября 147 г. Въ сентябрѣ и октябрѣ вытапливали по $^1/_2$ сажени, а въ зимніе мѣсяцы въ ноябрѣ, декабрѣ по 1 сажени въ мѣсяцъ.

Чернилъ исписывали по кувшину въ мѣсяцъ. Впрочемъ, въ маѣ, январѣ и февралѣ 148 г. кувшина хватало едва на двѣ недѣли. Чернила доставляла небезызвѣстная въ приказномъ мірѣ вдова „чернильница“ Варварка. Въ августѣ 147 г. перешли было къ хозяйственному способу заготовки чернилъ: купили на 6 денежекъ чернильныхъ орѣшковъ и поручили сдѣлать чернила сторожу Михейкѣ, лишивъ „чернильницу“ ея обычнаго двугривеннаго, но въ октябрѣ передумали и снова вернулись къ ея услугамъ.

Для храненія бумаги и денегъ Приказъ былъ снабженъ поставщиками изъ лапотнаго ряда „ящикомъ краснымъ“ для дьяка, 4 ящиками дубовыми, вѣроятно, для „старыхъ“ подъячихъ, „осиновой бѣлой коробьей съ пробоемъ“, 66 коробьями лубяными для бумаги и отправки денегъ изъ Приказа. При отправленіи денегъ коробьи эти обвертывались рогожами и обвязывались „ужищами“. Для серебряныхъ рублей были заведены „50 мѣшковъ холщевыхъ сотенныхъ“. Деньги въ Приказѣ охранялись особыми нарядами стрѣльцовъ [1]).

[1]) Счетное дѣло § 10.

Изъ другихъ расходовъ отмѣтимъ 2 гривны переплетчику Петрушѣ Ермолаеву „отъ доимочные книги 146 году отъ переплетки и за кожу“ да 16 алт. 4 д. „отъ переплетки и за кожу книга з городовъ о денежномъ збору нынѣшняго 147 году, другая книга записная государевымъ грамотамъ, каковы посланы въ городы о денежномъ зборѣ“, да 30 алт. за переплетъ 5 книгъ Петрушкѣ Петрову, „по шти алтынъ отъ книги“. $^{9}/_{V}$ 147 г. избнымъ сторожамъ на воскъ „по приказу боярина И. П. Шереметева да дьяковъ Василія Прокофьева [и] Мих. Невѣрова... на государевы грамоты на печати“ дано 4 алт. Этого воска хватило, повидимому, до конца 148 года.

Для докладовъ государю былъ заведенъ особый портфель: 1 февраля 148 г. въ суконномъ ряду у Александра Андреева былъ купленъ вершокъ сукна настраѳиля за 8 алтынъ, да въ завязошномъ ряду у Трифона Ѳедорова—2 мутовоза [1]) (шнурка) шелковыхъ за 6 денегъ:—„взято сукно и мутовозы въ Приказъ сбору ратныхъ людей на мѣшокъ, въ чемъ докладныя дѣла ко государю въ Верхъ носить“.

Вотъ и вся несложная утварь Приказа и нехитрый обиходъ его жизни [2]).

Какъ было показано на I-ой главѣ, Приказъ с. р. л. былъ учрежденіемъ, развивавшимъ одинъ изъ варіантовъ той программы, которую на разные лады осуществляло въ XVI—XVII вв. Московское государство. Боевой, то оборонительный то наступательный, характеръ этой программы сообщилъ довольно безпокойный характеръ и Приказу с. р. л.

Любопытна личная связь Приказа съ его непосредственными предшественниками, характеризующая преемственность заданій, ими развиваемыхъ. Сборы первыхъ лѣтъ послѣ Смуты связываются со сборами 141—142 гг. личностями кн. Б. М. Лыкова и

---

[1]) П. Е. Забѣлинъ усомнился въ существованіи термина „мутовозъ“ („Бытъ русскихъ царицъ“, изд. 1872 г, с. 81), но слово это живетъ въ быту до нашего времени.

[2]) Данныя о бытѣ Приказа взяты изъ его расходной книги (мартъ 147 г.—сентябрь 149 г.). Весь расходъ за это время не превысилъ 100 р. (Книга по Москвѣ № 3).

Б. М. Салтыкова, а сборы 141—142 гг. со сборами 146—147 гг. личностями Ем. Евсевьева и М. Невѣрова. Въ этомъ можно видѣть выраженіе близкаго родства основныхъ идей, обслуживавшихся длинною цѣпью всѣхъ этихъ учрежденій.

Приказъ с. р. л. былъ осуществленіемъ энергичнаго усилія сцѣпить въ одинъ общій узелъ нити, шедшія изъ Разряда, Помѣстнаго приказа, 5 четвертей, Казанскаго и Большого дворцовъ. Онъ долженъ былъ провѣрить, процѣдить, слить въ общую систему полученныя имъ съ разныхъ сторонъ счетоводныя данныя, образовать какъ бы особое вѣдомство дворовладѣнія. Но, по мысли учредителей его, онъ долженъ былъ быть не только статистическимъ комитетомъ, но и органомъ управленія, облеченнымъ широкой административно-финансовой властью, которая должна была сообщать извѣстное единство развитію этого момента ихъ финансовой программы.

Вглядываясь въ составъ Приказа с. р. л., можно угадать тѣ руководящія соображенія, которыя были положены въ основу его технической организаціи. Изъ наблюденій надъ составомъ сидѣвшихъ въ немъ бояръ открывается отправная и самая осязательная его идея: смѣняющіяся въ немъ въ первые годы его существованія лица (два Голицына, Репнинъ и Шереметевъ)—все люди изъ самой близкой къ особѣ государя въ это время среды. Очевидно, дѣлу сбора придавали исключительное значеніе въ смыслѣ его отвѣтственности и щекотливости и старались притянуть его какъ можно ближе къ особѣ самого царя. Этимъ подборомъ людей хотѣли осуществить заботу о сосредоточенномъ и настойчивомъ контролѣ надъ сборомъ, придавая ей тѣ формы, въ которыхъ умѣли выражать ее: поручая дѣло своимъ людямъ и подновляя высшій составъ Приказа въ первое время его дѣйствія [1]).

Въ то время какъ высшіе элементы идутъ въ Приказъ охотно и, повидимому, даже готовы повоевать за возможность усѣсться въ немъ, канцелярія набирается для Приказа по наряду, подобно тому какъ правительство принудительно пересажывало своихъ служилыхъ или черныхъ людей. Подъячихъ сажали въ

[1]) Эту черту отмѣтилъ въ Приказѣ с. р. л. Д. И. Иловайскій въ III томѣ своей „Исторіи Россіи“.

Приказъ первоначально какъ попало, смастеривъ канцелярскій „ходъ“ учрежденія изъ элементовъ пестрыхъ и случайно подвернувшихся — отсюда текучесть и непрочность всего этого канцелярскаго сооруженія.

Въ подборѣ канцелярскаго состава Приказа сквозитъ глухая связь его съ четвертями: не даромъ самое дѣло Приказа с. р. л. выросло на томъ самомъ корнѣ, на которомъ когда-то сложились и четверти. На связь съ идеей „четверти“ символически указываетъ обязательное присутствіе въ Приказѣ с. р. л. четвертного дьяка и четвертныхъ подъячихъ. Осуществляя энергичный финансовый нажимъ на тѣ элементы населенія, которые не несли активной боевой службы, Приказъ с. р. л. продолжалъ дѣло, развивавшееся задолго до него четвертными приказами,—вотъ почему по своему личному составу этотъ Приказъ и вышелъ какъ бы отводкомъ отъ идеи четверти. Но техническая идея четверти является въ Приказѣ с. р. л. въ болѣе заостренной формѣ. Присутствіе въ немъ дьяковъ спеціалистовъ по экстреннымъ сборамъ, Евсевьева и Невѣрова, придавало развитію этой идеи болѣе размашистый и энергичный характеръ.

Съ точки зрѣнія административно-правовыхъ понятій той эпохи Приказъ с. р. л. былъ огромныхъ размѣровъ переноснымъ дѣломъ, изъятіемъ сложной, отвѣтственной и щекотливой задачи изъ вѣдѣнія тѣхъ органовъ, которые вѣдали это дѣло по частямъ, но въ вѣдѣніи которыхъ не хотѣли его оставлять въ сосредоточенномъ видѣ.

Итакъ, придавая первому практическому приложенію идеи „двороваго числа“ весьма большое значеніе, московское правительство пустило въ ходъ всѣ ему доступныя понятія и средства для болѣе надежной и болѣе осторожной ея постановки. Первымъ очереднымъ дѣломъ, съ котораго Приказу с. р. л. пришлось начать свою работу, была разработка тѣхъ статистическихъ свѣдѣній о служиломъ дворовладѣніи, которыя притекали къ нему съ разныхъ сторонъ,—изъ Разряда, Помѣстнаго приказа и другихъ учрежденій.

ГЛАВА III.

Сборъ со служилыхъ людей.

1. „Земляной списокъ".

Для исполненія приговоровъ Боярской думы и указовъ отъ 25 ноября и 7 декабря 146 года слѣдовало, прежде всего, собрать статистическія свѣдѣнія, относящіяся къ дворовладѣнію думныхъ и московскихъ чиновъ за предѣлами Московскаго уѣзда и городовыхъ вдовъ и недорослей. Свѣдѣнія эти приходилось черпать изъ писцовыхъ книгъ, въ которыхъ они были разсѣяны, и Приказъ с. р. л. немедленно по своемъ образованіи приступилъ къ составленію такъ называемаго „земляного списка". Идея земляного списка, составляемаго въ противоположность территоріальной писцовой книгѣ по чинамъ, выборочно, не была только технической идеей московскаго приказнаго дѣлопроизводства. Возникновеніе этой идеи было характернымъ симптомомъ, какъ выше, въ главѣ I-ой, было отмѣчено, нѣкоторыхъ особенностей экономическаго и бытового положенія служилаго класса во вторую половину XVI и первую половину XVII вв. Отчасти именно поэтому она развивалась очень вяло и оказалась недолговѣчной[1]).

Острое значеніе вопросъ о земляномъ спискѣ пріобрѣлъ со

---

[1]) Терминъ „земляной списокъ" былъ въ ходу, кажется, еще въ XV вѣкѣ—Самоквасовъ „Архивный матеріалъ", I, с. 221—224. На соборѣ 1551 г. шла рѣчь о заведеніи особыхъ книгъ для контроля надъ земельнымъ оборотомъ—И.Ждановъ „Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора", Ж. М. Н. П., 1876 г., № 7 и 8. Замѣчанія о вотчинныхъ книгахъ см. № 7, с. 61—62. Ср. С. В. Рождественскій „Служилое землевладѣніе", с. 145.

времени Смуты. Заботу о составленіи статистическаго свода встрѣчаемъ уже въ іюньскомъ приговорѣ ополченія 1611 года. Въ 122 году власти и бояре „сидятъ“ о земляномъ спискѣ, а въ 129 году государи уже „слушали большихъ статей земляного списка“ [1]), но опыты составленія его имѣли, повидимому, разрозненный, непланомѣрный характеръ и не дали никакого цѣлостнаго результата. Кромѣ техническихъ трудностей дѣла, особенно значительныхъ до окончательнаго составленія новыхъ писцовыхъ книгъ, была одна скрытая причина, тормозившая развитіе этой первостепенной практической идеи: идеѣ земляного списка въ Москвѣ придаютъ острое значеніе ревизіи землевладѣльческихъ правъ послѣ ряда лѣтъ, когда центральное дѣлопроизводство государства было разстроено. Вопросъ о земляномъ спискѣ становится какъ бы вопросомъ о провѣркѣ земельныхъ захватовъ, произведенныхъ сильными людьми въ годы Смуты, — мотивы эти отчетливо слышны уже въ іюньскомъ приговорѣ 1611 года. Такая идея, конечно, не могла быть популярной среди правящей группы служилаго люда, ибо требовала вскрытія того, что удобнѣе было замалчивать, и только обостреніе финансоваго положенія Московскаго государства въ связи съ близостью Смоленской войны заставило, наконецъ, дать ей ходъ.

До насъ дошло небольшое, но выразительное дѣло, связанное съ проектомъ, поданнымъ патріарху въ 138 году дворяниномъ московскимъ Ѳедоромъ Уваровымъ [2]). Черезъ третье лицо, остающееся неизвѣстнымъ, Ѳ. Уваровъ подалъ патріарху „челобитенку скрыта многагрѣшною своею рукою“. „Слыша, г., многую непрестанную въ народѣхъ молву, не могохъ истерпѣти, пишетъ Уваровъ, се надежася на твою государскую щедрую милость, дерзнулъ сее челобитенку, написавъ, тебѣ, великому государю, поднести: молва, г., не-

---

[1]) В. И. Сторожевъ „Указная книга Помѣстнаго приказа“, с. 85 Составленная въ Смуту вѣдомость землевладѣнія высшихъ чиновъ напечатана г. Барсуковымъ въ Ч. О. И. Д. Р, 1895 г., I. Ср. Л. М. Сухотинъ „Земельныя пожалованія въ Московскомъ государствѣ при царѣ Владиславѣ“.

[2]) По даннымъ Пр. с. р. л. въ 146 г. былъ только одинъ Ѳ. Уваровъ. Онъ не принадлежалъ къ числу лицъ, поживившихся землей: за нимъ въ 146 г. числилось 7 дв.— Боярская № 14 л. 142 об. Д. Р. знаютъ трехъ лицъ, носившихъ это имя. Вѣроятно, это Ѳедоръ Оедоровичъ Уваровъ, упоминаемый въ Разрядахъ подъ 143, 147, 149 и 150 гг.

престашая во всѣхъ людѣхъ многая, што все бутта не пожалованы, а ваша государское жалованье, помѣстья и вотчины, за собою скрываютъ, а иные туда же такаютъ". Уваровъ предлагалъ свой планъ: „чаю, г., годна будетъ тебѣ, великому государю, велѣть учинить всей земляной землѣ списакъ, сколко за кѣмъ помѣстей и вотчинъ и сколко за кѣмъ крестьянъ. А толко будетъ предъ тобою, г., земленой списакъ, и толды, г., отъ такія молвы перестанутъ и служить неоплошно и безсловно станутъ. Доведетца, г., будетъ на иныхъ и на самихъ взять, не токмо дать, и все передъ тобою, государемъ, будетъ явно и спора. А нынѣ, г., во всѣхъ одна безпрестанная многая молва, што всѣ бутто не пожалованы..."

Уваровъ самонадѣянно изъявлялъ готовность выполнить это дѣло: „готовъ вамъ, государемъ, работать всею душою, сдѣлаю вамъ, государемъ, всей землѣ земляной списакъ въ полгода, а толко, г., и продлится, — што мало больше. Да иная, г., и впередъ и что и будетъ въ народѣхъ молва, а вамъ, государемъ, будетъ годна, все передъ тобою, г., изочтенно будетъ..."

Вопросъ повернули въ другую сторону. 25 августа 138 года по указу государей кн. И. Б. Черкасскій и думный дьякъ Ѳедоръ Лихачевъ разспрашивали Ѳедора Уварова: „...и онъ бы сказалъ подлинно, какая молва и отъ ково именемъ, и какими обычеи и съ чево сдѣлать земляной списакъ, и иное за нимъ какое дѣло есть ли, и то бъ все сказалъ именно, про што въ челобитной твоей написано скрыто". Ѳедоръ Уваровъ пояснилъ, что „за многими помѣстья и вотчины есть жилыя, а съ бѣдными, съ пустопомѣстными и съ безпомѣстными, такъ же говорятъ, что не пожалованы и молва во всѣхъ людѣхъ великая".

Уваровъ предлагалъ „у всякихъ людей имати сказки за ихъ руками, сколко за кѣмъ помѣстья и вотчины въ дачахъ, и сколко за кѣмъ крестьянъ и бобылей, и то все объявится вскорѣ, и молва отъ такихъ, за кѣмъ жилыя помѣстья и вотчины, перестанетъ, а кто за собою утаитъ, и у тѣхъ бы отымать утаенныя помѣстья и вотчины и крестьянъ, кто сколко за собою утаитъ, а иныхъ рѣчей у него, опричь того, нѣтъ". Ничего радикальнаго въ его планахъ не оказалось. Роспросныя рѣчи Уварова были доложены государямъ, но проектъ его въ этотъ моментъ былъ сочтенъ

непріемлемымъ. 30 августа патріархъ приказалъ объявить Уварову слѣдующую многозначительную резолюцію: „опъ то извѣщалъ не дѣломъ: не по писцовымъ книгамъ и не по дачамъ земляного списка напередъ сего не дѣлывали, а толко по его сказкѣ земляной списокъ велѣть дѣлать, и въ томъ будетъ смута, и имъ, государямъ, въ челобитьѣ большая докука". „И Ѳедору Уварову ихъ государскій указъ сказанъ" [1]).

Проектъ Уварова въ 138 г. былъ отвергнутъ, какъ опасное новшество, но не истекло и года, какъ пришлось приступить къ изготовленію именно такого земляного списка правительственными средствами. Однако затѣя эта осуществлялась очень медленно, и въ одномъ патріархъ былъ несомнѣнно правъ: челобитье и докука были связаны съ этимъ дѣломъ большія.

По составленнымъ въ Помѣстномъ приказѣ на скорую руку земляпымъ спискамъ собирали въ 139-140 гг. упомянутые выше, во II-ой главѣ, экстренные сборы на Смоленскій походъ съ монастырскихъ и церковныхъ земель, а въ 141-2 гг. и съ земель служилыхъ людей. Сборы эти окончательно оформили идею земляного списка, и она не перестаетъ разрабатываться до самаго 146 года. Такъ изъ дѣлопроизводства Приказа с. р. л. мы узнаемъ, что въ 144—6 гг. шла работа надъ составленіемъ вѣдомости землевладѣнія высшихъ чиновъ. На запросъ Приказа с. р. л. о землевладѣніи боярина И. П. Шереметева, Помѣстный приказъ памятью отъ $^{12}/_{III}$ 146 г. сообщаетъ требуемыя данныя съ присовокупленіемъ слѣдующаго замѣчанія: „и въ Помѣстномъ приказѣ въ боярскомъ въ земленомъ въ подлиппомъ списку, каковъ дѣланъ во 144 и во 145 году, за боярпномъ И. П. Шереметевымъ 177 дворовъ, людей 316 человѣкъ, 1851 четверть". Въ отличіе отъ этого земляного списка Помѣстный приказъ называетъ списокъ, сообщенный Приказу с. р. л., перечневымъ, т.-е. сокращеннымъ, — „и въ томъ перечневомъ списку, пишутъ изъ Помѣстнаго приказа, противъ подлиннаго боярскаго земленого списка и писцовыхъ книгъ въ дворѣхъ описанось". Такая же ошибка въ „перечневомъ спискѣ" сравнительно съ „подлиннымъ земленымъ списком, каковъ дѣланъ во 144 и во 145 и во 146 году", оказалась въ данныхъ относительно

[1]) 1630 № 27.

дворовъ окольничаго кн. Ахамашукова-Черкасскаго и Томилы Юдича Луговского [1]).

Идея составленія свода данныхъ о землевладѣніи не была, слѣдовательно, въ 146 г. новой выдумкой: она давно подготовлялась и назрѣвала въ поискахъ формъ для своего выраженія, покуда новыя обстоятельства не заставили придать ей болѣе опредѣленный характеръ.

По дѣлопроизводству Приказа с. р. л. мы можемъ довольно отчетливо возстановить процессъ статистической работы, въ немъ совершавшейся надъ изготовленіемъ земляного списка. Разрядъ составилъ списки лицъ, подлежащихъ обложенію, и сообщилъ ихъ Помѣстному приказу. Подъячіе Помѣстнаго приказа просмотрѣли наличныя писцовыя книги (по всѣмъ уѣздамъ за немногими исключеніями) и выбрали данныя, относившіяся къ названнымъ въ спискѣ Разряда лицамъ, собравъ ихъ соотвѣтственно подъ каждымъ отдѣльнымъ именемъ. Списки эти, составленные по чинамъ для столичныхъ чиновъ и по уѣздамъ для городовыхъ вдовъ и недорослей, были затѣмъ доставлены Приказу с. р. л. Въ Приказѣ эти данныя были упрощены до цифровыхъ итоговъ четей и дворовъ, числившихся за каждымъ отдѣльнымъ лицомъ, и переписаны въ книги, которыя и дошли до насъ почти въ полномъ составѣ. Въ книгахъ Приказа с. р. л., такимъ образомъ, мы находимъ „перечень“, или цифровую схему „земляного списка“. Списки эти сообщались Помѣстнымъ приказомъ Приказу с. р. л. до самаго конца 146 года и даже въ 147 г. [2]) Нетрудно себѣ представить, сколько хлопотъ должно было доставить составленіе этихъ книгъ при такихъ несовершенныхъ пріемахъ, какими ошибками и недоразумѣніями должна была сопровождаться эта работа нѣсколькихъ десятковъ приказныхъ Разряда, Помѣстнаго приказа и Приказа с. р. л. Несовершенство этихъ данныхъ вызвало рядъ дѣль, возбу-

---

[1]) Всѣ упоминаемыя въ главѣ III-ей дѣла, производившіяся въ Приказѣ с. р. л. по челобитьямъ служилыхъ людей, во избѣжаніе повторенія ссылокъ приведены въ концѣ главы въ алфавитномъ порядкѣ лицъ, по челобитьямъ которыхъ они были возбуждены, съ указаніемъ №№ архивныхъ столбцовъ и листовъ.

[2]) До насъ дошли частью и эти первоначальныя вѣдомости, см., напр., 1638 № 6, № 34а, № 66; запоздавшій списокъ по Пошехонскому уѣзду былъ сообщенъ только 14/XI 147 г.—1638 № 7 лл. 202—215. Свѣдѣнія изъ Казанскаго дворца были сообщены Приказу с. р. л. въ декабрѣ и февралѣ 146 г. ib. лл. 431—449.

жденныхъ челобитьями служилыхъ людей. Эти дѣла даютъ намъ возможность увидать канцелярскій механизмъ Приказа въ движеніи и работѣ.

Дѣлопроизводство Приказа с. р. л. по сбору налога со служилыхъ людей бросаетъ свѣтъ на счетную технику дѣла, на отношеніе этой техники къ движенію землевладѣнія, на процессъ взиманія налога, на реакцію въ служилой средѣ, вызвавшую налогомъ, и отчасти на бытъ и настроеніе служилыхъ людей. Дѣла этого рода занимаютъ главное мѣсто въ составѣ архивнаго наслѣдія Приказа, ихъ сохранилось около 1200. Возбуждены они подписными челобитьями приблизительно такого же количества лицъ. Такъ какъ общее число обложенныхъ служилыхъ людей не превышало 4500, то можно сказать, что одинъ изъ четырехъ по тому или другому связанному съ обложеніемъ поводу билъ въ Приказѣ челомъ, если даже считать *только сохранившіяся* дѣла. По предъявленіи въ Приказѣ подписного челобитья, Приказъ давалъ ему движеніе, говоря нашимъ языкомъ, заводилъ „дѣло“, вступая по поводу челобитья въ переписку съ Разрядомъ, Помѣстнымъ приказомъ и другими учрежденіями или наводя справки въ своемъ собственномъ дѣлопроизводствѣ. Возбужденныя по челобитьямъ служилыхъ людей дѣла въ тѣхъ случаяхъ, когда служебное положеніе челобитчика можетъ быть установлено, распредѣляются слѣдующимъ образомъ: на 35 членовъ Боярской думы приходится 29 дѣлъ, на 268 стольниковъ—33 дѣла, на 112 стряпчихъ—33 дѣла, на 997 дворянъ московскихъ—444 дѣла, на 300 жильцовъ—51 дѣло, на 2169 городовыхъ вдовъ и недорослей — 390 дѣлъ [1]). Бояре и окольничіе били челомъ по тому или другому поводу почти поголовно, пятеро изъ шести, изъ десяти стряпчихъ—трое, изъ десяти дворянъ московскихъ — четверо, изъ десяти жильцовъ и изъ десяти уѣздныхъ дворянъ — одинъ-два. Стольники (только 33 дѣла на 268 человѣкъ) въ счетъ итти не могутъ: здѣсь мы имѣемъ дѣло, повидимому, просто съ неполнотой архивнаго наслѣдія Приказа. Можно, кажется, сказать, что степень вниманія служилыхъ людей къ дѣлопроизводству Приказа с. р. л. по сбору

[1]) Вдовы высшихъ и московскихъ чиновъ, дьяки, стрѣлецкіе головы и лица съ неизвѣстными служебными положеніями исключены изъ расчетовъ.

налога падаетъ вмѣстѣ съ переходомъ изъ высшихъ разрядовъ служилаго люда къ низшимъ и особенно круто понижается, какъ только мы переходимъ за границу дворянства московскаго къ промежуточному между столицей и уѣздомъ слою—къ жильцамъ. Впрочемъ, вѣрнѣе сказать, что понижается не вниманіе служилыхъ людей къ налогу (его раздражающее вліяніе не ослабѣваетъ, а усиливается въ низшихъ слояхъ служилаго люда), а падаетъ степень вліянія служилаго человѣка въ Москвѣ,—вліянія, дававшаго возможность добиться подписного челобитья, которое одно могло сообщить движеніе приказному дѣлопроизводству въ желательномъ направленіи. Любопытно, что и хронологически дѣлопроизводство, возбужденное по челобитьямъ уѣздныхъ служилыхъ людей, развивается позднѣе дѣлопроизводства по челобитьямъ московскихъ чиновъ. Изъ 444 сохранившихся дѣлъ, возбужденныхъ дворянами московскими, къ 146 г. относятся 326 дѣлъ, къ 147 г.—90, къ 148 г.—16, къ 149 г.—3, къ 150 г.—4, къ 151 г.—5, а изъ дѣлъ, возбужденныхъ уѣздными челобитчиками, къ 146 г. относится 1, къ 147 г.—55, къ 148 г.—37, къ 149 г.—62, къ 150 г.—24, къ 151 г.—13, къ 152 г.—9, къ 153 г.—41, къ 154 г.—37, къ 155 г.—6, къ 161 г.—54, къ 162 г.—2. Цифры, относящіяся къ составу Боярской думы и къ стряпчимъ, имѣютъ такой же характеръ: къ 146 г. относится 15 дѣлъ, возникшихъ по челобитьямъ бояръ и окольничихъ, къ 147 г.—8, къ 148, 150 и 161 годамъ—по одному; дѣлъ по челобитьямъ стряпчихъ, относящихся къ 146 г.,—29, къ 147 г.—3, къ 148 г.—1. До уѣзда налогъ добрался какъ будто позднѣе и вызвалъ болѣе медленную реакцію.

Первой задачей служилыхъ людей было корректированіе тѣхъ статистическихъ данныхъ, на основаніи которыхъ былъ между ними распредѣленъ налогъ. Имъ пришлось бороться съ прописной, т. е. съ пропусками въ этихъ вѣдомостяхъ и книгахъ, и съ приписной, т. е. съ написаніемъ въ нихъ лишковъ.

А) Прописка. Дѣлъ о полной и частичной прописке можно насчитать до 260; изъ нихъ на полную прописку, т. е. пропускъ самаго имени, приходится до 70. Для опредѣленія размѣровъ прописки въ виду неполноты архивнаго наслѣдія Приказа можно взять дѣлопроизводство, относящееся къ группѣ дворянъ московскихъ, представленныхъ въ документахъ Приказа лучше, чѣмъ

другія группы. Прописаны были имена 45 лицъ этой группы, т.-е. болѣе 4,5% всего количества дворянъ московскихъ (997 чел.) [1]). Эти 45 лицъ били челомъ о томъ, что „служатъ они по московскому списку, и именишки ихъ не отосланы", какъ жаловались, напр., кн. Дм. Сентовъ и Мих. Ушаковъ. Имени Вас. Поливанова не было сообщено Приказу с. р. л. до 13/VI 146 г., такъ какъ самъ онъ находился у какого-то государева дѣла въ отъѣздѣ, а безъ него побить челомъ было некому. Сем. Молвяниновъ, прописанный, какъ и сынъ его Прохоръ, служившій въ стряпчихъ, билъ челомъ 3/IV 146 г. о сообщеніи относящихся къ нему и сыну данныхъ,— „чтобы намъ, х. т., было вѣдомо, почему намъ даточныхъ людей давать и за перехожіе дворы денегъ",—извѣщая при этомъ Приказъ, что даточные люди у него готовы.

Въ другихъ группахъ служилыхъ людей прописаны были: стольники Ив. Плещеевъ, Андрей Вл. Пушкинъ, Ѳед. Ив. Пушкинъ, стряпчіе Максимъ Загряжскій, Денисъ Тургеневъ, Иванъ Нармацкой, кн. Яковъ Шелешпальскій, жильцы Яковъ Родіоновъ, Гавр. Протасьевъ, Петръ Сомовъ, Ив. Желябужской, Александръ Калишинъ, Ив. Хопеневъ, Петръ Кашкаровъ, вдовы лицъ, служившихъ по московскому списку, Соломонида Кондырева съ сыномъ Борисомъ, кн. Ульяна Щербатова, Ульяна Кологривова, княжна Анна Урусова, Варвара Воейкова съ дочерью Ѳедорой, Марья Телепнева съ дочерью Анной, Татьяна Толстова съ сыномъ Ильей, Домна Кузьмина „з двѣмя Ивашками", Марья Кузьмина, Марья Кологривова, стряпчій Хлѣбеннаго дворца Василій Кожинъ.

Прорѣхи эти зависѣли отъ неисправности списковъ служилыхъ людей, сообщенныхъ Помѣстному приказу Разрядомъ. Приказъ с. р. л. относился къ встрѣчавшимся случаямъ полной

---

[1]) Ив. Выповскаго, кн. Ѳед. Борятинскаго, Мат. Кафтырева, Ст. Чирикова, Ив. Левашева, Сем. Дурного, Анд. Жедринскаго, Дм. Обрѣзкова, кн. Вас. Львова, Дан. и Степ. Глѣбовыхъ, Вас. Засѣцкаго, Ив. Ярлыкова, Оед. Аладьина, Прова и Ив. Ширяныхъ, Ст. Рчинова, Романа Ермолова, Никиф. Репнова, Алексѣя Воронцова-Вельяминова, Григ. Совина, Евд. Баскакова, Мих. Клокачева, Гавр. Протасова, Леонтія Акинфова, Дм. Воейкова, Ермолая Челюскина, Вас. Высуцкаго, Григорія, Петра, Ивана Вердеревскихъ, Вас. Жукова, Мих. Аладьина, Дем. Лазарева, Дан. Строева, Александра Маслова, Вас. Поливанова, Ст. Панова, Ермолая Милюкова, Бориса Нащокина, кн. Дм. Сентова, Мих. Ушакова, Семена Молвяпинова, Ѳед. Еропкина, Василія Вл. Поливанова.

прописки съ философскимъ равнодушіемъ. Въ іюлѣ 147 г. о прописке былъ челомъ дв. м. кн. Ст. Шаховской. На челобитьѣ его положена флегматичная резолюція: „147 г. іюля въ 25 д. Досмотрѣть въ памяти изъ Помѣстнаго приказа: будетъ имя его есть, и та новая дача выписать къ прежней дачѣ, а будетъ имени и дачи его не написано, и ему дать память въ Помѣстный приказъ".

Неполнота данныхъ мѣшаетъ сказать увѣренно, что прописка столь же часто встрѣчалась и по отношенію къ другимъ разрядамъ служилыхъ людей, но нѣтъ основаній предполагать, что дворяне московскіе были неблагопріятнымъ исключеніемъ, и подозрѣвать, что мы встрѣчаемся здѣсь съ умысломъ — съ соглашеніемъ московскаго дворянства съ приказными людьми ради обхода налога. Совершенное отсутствіе дѣлъ о прописке городовыхъ вдовъ и недорослей было, повидимому, слѣдствіемъ того, что вдовы и недоросли слабо слѣдили за дѣлопроизводствомъ Приказа с. р. л. и очень туго отзывались на него. Можетъ быть, на практикѣ прописка имъ вовсе и не была страшна.

Дѣлъ о частичной прописке въ сохранившемся архивѣ Приказа около 200. Мы встрѣчаемся съ пропусками въ перечисленіи состава землевладѣнія въ данныхъ, относящихся ко всѣмъ разрядамъ служилаго люда. Такъ, прописаны были дворы даже у бояръ кн. Андрея Андреевича Голицына, И. П. Шереметева, касимовскаго царевича Сеитъ-Бурхана и др. [1]).

---

[1]) Прописаны были части владѣній: Григ. Олябьева, Кузьмы Трусова, Вл. Молчанова, Осипа Хлопова, Тим. Хатунскаго, Фед. Рагозина, Дем. Кафтырева, Станислава Граевскаго, Ив. Траханіотова, Гав. Иванова, кн. Ив. Ив. Лобанова-Ростовскаго, кн. Мих Мещерскаго, Луки Микулина, Сем. Волынскаго, Ильи Безобразова, Петра Корсакова, Петра Юшкова, Ивана Сомова, Вас. Жидовинова, Алексѣя Самарина, кн. Ив. Сем. Лобанова-Ростовскаго, Алексѣя Полева, Ивана Коробьина, Богдана Воейкова, Бориса Бартенева, Богдана Приклонскаго, Богдана Дубровскаго, Ав. Вѣкова, кн. Ѳад Барятинскаго, Анд. Ошанина, Никиф. Впревскаго, Ѳед. Битяговскаго, кн. Сем. Шелешпанскаго, Прох. Данилова, Ив. Рагозина, Ждана Кондырева, Вл. Зюзина, Богд. Вышеславцева, Ларіона Лопухина, Банма Болтина, кн. Вас. Богд. Пріимкова-Ростовскаго, кн. Вас. Борисова Пріимкова-Ростовскаго, Федора Измайлова, Еф. Самарина, Лавр. Раевскаго, Ив. Чеадаева, Протаса Лачинова, Ѳед. Дурного, Андреяна Рязанова, Льва Ляпунова, Ив. Писемскаго, Ив. Нелединскаго, Григ. Шестакова, кн. Мих. Гагарина, Ост. Желябужскаго, Елиз. Кузенева, Вас. Чевкина, Алексѣя Шипова, Льва Зюзина, Григ. Измайлова, Ив. и Вас. Чихачевыхъ, Мавры Посниковой, Якова Кологривова, Фавста Племянникова, Ив. Опухтина, Степана Тарбѣева, кн. Никиф. Бѣлосельскаго, Макс. Стрѣшнева, Дм. и Пв. Ларіоновыхъ, Сем. Колтов-

Размѣры частичная прописка имѣетъ всевозможные: встрѣчаемъ прописку одного бобыля и клочка земли и прописку десятковъ и сотенъ дворовъ. У дв. м. Ѳедора Битяговскаго прописали одного бобыля и одну вологодскую пустошь, у дв. м. Владиміра Зюзина прописали 2 двора. У дв. м. Ивана Коробьина прописали вотчины и помѣстья въ Суздалѣ, Галичѣ, Владимірѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Козельскѣ, Коломнѣ (за нимъ числилось $178^1/_2$ дворовъ); у дв. м. Ждана Кондырева прописали почти половину его 47 дворовъ; у дв. м. Ефима Самарина прописали помѣстье въ Ярославлѣ, Кинешмѣ, Вологдѣ и вмѣсто 49 дворовъ написали 8; у дв. м. Василія Воронцова-Вельяминова — родовымъ и выслуженнымъ „вотчинишкамъ имянъ не прислано“; дв. м. Ѳедору Дурному написали несуществующую вотчину въ Алексинскомъ у. и прописали помѣстья и вотчину въ Калугѣ, Угличѣ и Галичѣ; у дв. м. Григорія Кирѣевскаго прописали помѣстья въ уѣздахъ Бѣлевскомъ, Пошехонскомъ и Орловскомъ; у дв. м. Степана Тар-

---

скаго, кн. Никиты Мезецкаго, Григ. Хрущова, Мих. Языкова, Никиф. Нармацкого, Мих. Засѣцкаго, кн. Анд. Мезецкаго, Саввы Языкова, Ив. Яхонтова, Якова Кондырева, Никиты Наумова, Осд. Ѳед. Пушкина, Сергѣя Людашова, Якова Дубровскаго, Андрея Совина, Ивана Наумова, кн. Вас. и Ѳед. Морткиныхъ, Григ. Шестакова, Макс. Языкова, Ив. Годунова, кн. Юр. Морткина, Богд. Оладина, Як. Волынскаго, кн. Алены Шаховской, Арины вд. цар. Андрея Кучумовича, Вас. Наумова, Тим. Колтовскаго, Марьи Вельяминовой, Дан. Телепнева, Анны Волынской, кн. Ульяны Щербатовой, Ивана Блохина, Герас. Мартемьянова, Паст. Чемодановой, Ивана Бѣльскаго, Пантелея, Степана, Константина Чириковыхъ, кн. Марьи Ромодановской съ дѣтьми, Анны Бутурлиной, кн. Ивана Мещерскаго, Фетиньи Новосильцовой, Анны Плещеевой, кн. Анны Масальской, Гавр. Самарина, Сергѣя Обрютина, Прасковьи Третьяковой, Алексѣя и Мих. Вельяминовыхъ, Настасьи Селунской, Вас. Собакина, Ив. Собакина, Анны Колоткиной-Плещеевой, Якова Витовтова, Ив. Пармацкого, Антон. Олтуфьевой, Ив. Семіонова, кн. Ульяны Голицыной, кн. Ив. Вяземскаго, Осд. Вельяминова, Мих. Кудряваго, Вас. Бесклемишева, Д. Милославскаго, Мих. Милославскаго, Паз. Алексѣева, кн. Романа Ухтомскаго, Ив. Сурвоцкого, Григ. Бѣлкина, Олф. Хитрого, Ив. Киселева, Вонна Шепелева, кн. Гавр. Хотѣтовскаго Авер. Болтина, Савина Дурного, Никиты Апсимова, Никиты Воейкова, кн. Ив. Долгорукого, Ларіона Комынина, Вас. Симанова, кн. Е. Мышецкаго, Андрея Волохова. Ив. Нелединскаго, Никиф. Нащокина, Ос. Елизарова, Гавр. Пушкина, Ив. Бѣгичева, Дем. Лодыженскаго, Григ. и Як. Башмаковыхъ, Ив. Телепнева, Ник. Пастухова, Вас. Отяева, Вас. Тимирязева, Як Татищева, кн. Ѳед. Хворостинина, Осд. Голенищева-Кутузова, Дан. Елагина, Ѳед. Горихвостова, Ив. Чирикова, кн. Анд. Мещерскаго, Анд. Зезевитова, Лавр. Раевскаго, Никиты Григорьева, Ром. Бѣгичева, Никиты Ильина, Сем. Гоцкого, кн. Анд. Мезецкаго, кн Анд. Голицына, Ив. П. Шереметева, цар. Сентъ Бурхана, Ѳед. Игнатьева, Осд. Лихачева, Анны Ивановой, Сем Толочанова, Степ. Вельяминова, кн. Степ. Шаховского, кн. Ив. Дашкова, Троф Хрущова, Ив. Ипротморцова, кн. Алексѣя Козловскаго, Моисея Волынскаго, Ег. Жадовскаго

бѣева прописали помѣстья въ Пошехоньѣ, Вологдѣ и вотчину въ Кадомѣ, — изъ 93 дворовъ отмѣтили только 3; у дв. м. Никифора Нармацкаго прописана „помѣстная земля“ на Балахнѣ, въ Арзамасѣ и въ Нижнемъ Новгородѣ; у дв. м. Саввы Языкова „прописано въ помѣстьяхъ и въ вотчинахъ въ Ярославлѣ, въ Переславлѣ, да на Кинешмѣ да на Бѣлоозерѣ написано въ росписи несполна противъ дачъ“; у дв. м. Якова Кондырева прописано калужское помѣстье, вологодская и воротынская вотчины; у дв. м. Ѳедора Пушкина „прописаны помѣстья и вотчины не одпѣ“; у дв. м. Григорія Шестакова прописаны помѣстья въ Переяславскомъ, Ярославскомъ, Вологодскомъ у. — 555, четей да вотчина въ Ярославскомъ у. — 170 четей, да въ Переяславскомъ у. купленная изъ Помѣстнаго приказа изъ порожнихъ земель вотчина — 164 чети, итого 47 дворовъ: за дв. м. княземъ Романомъ Мезецкимъ насчитано 160 дворовъ вмѣсто $270^1/_2$ да вологодскаго помѣстья сверхъ того; за дв. м. Григорьемъ Измайловымъ насчитано 67 дворовъ вм. $142^1/_2$ дв. и т. д.

Географическое распредѣленіе прописки является весьма пестрымъ. Прописка встрѣчается, можно сказать, повсемѣстно. Въ дополненіе къ приведеннымъ выше случаямъ укажемъ прописку по Новгороду (Кузьма Трусовъ), Мценску (Ѳед. Рагозинъ), Нижнему Новгороду (Бор. Приклонской), Рязани (Сем. Волынскій), Кинешмѣ, Ярославлю (Петръ Корсаковъ), Лихвину, Мурому (Ив. Сомовъ), Рузѣ, (кн. Богд. Долгорукій), Суздалю (Никиф. Виревскій), Ряжску (Ив. Рагозинъ), Вологдѣ (Ѳед. Битяговскій), Пошехонью (кн. Сем. Щелешпанскій), Мещовску (Баимъ Болтинъ), Ростову (кн. В. Пріимковъ-Ростовскій), Бѣлоозеру (Никита Воейковъ), Алатырю (Гавр. Пушкинъ), Лебедяни (Ст. Вельяминовъ), Веневѣ (Троф. Хрущовъ), Угличу (В. Симановъ) и т. д. и т. д. Сравнительно чаще встрѣчается прописка по Владиміру. По этому уѣзду можно насчитать до 16 случаевъ прописки: дѣла Ос. Хлопова, Гавр. Иванова, Ив. Коробына, Богд. Дубровскаго, Андр. Рязанова, Ив. и Вас. Чихачевыхъ, касимовскаго царевича Сеитъ-Бурхана, Никиты Наумова, Як. Дубровскаго, кн. Алены Шаховской, кн. Ив. Мещерскаго, Вас. Симанова, кн. Евфимія Мышецкаго, Вас. Отяева, кн. Анд. Мещерскаго. Прописка въ этихъ случаяхъ встрѣчается по Владиміру отдѣльно или,

большею частью, въ связи съ прописью по другимъ уѣздамъ. Нельзя утверждать хотя бы относительно одного случая, что мы имѣемъ въ немъ дѣло съ соглашеніемъ между Приказомъ и служилымъ человѣкомъ и съ умышленнымъ пропускомъ дворовъ, на что, какъ извѣстно, нерѣдко приходилось наталкиваться при провѣркѣ результатовъ первой ревизіи. Прописки Приказа с. р. л. имѣютъ характеръ промаховъ и погрѣшностей, но не утаекъ.

Несмотря на всю сухость и дѣловитость, челобитья о прописке различаются между собою по своей композиціи. Въ однихъ челобитьяхъ глухо говорится о фактѣ прописки, и челобитчикъ бьетъ челомъ о справкѣ, ограничиваясь короткимъ указаніемъ на неточность списка. Таковы, напр., челобитья кн. Ив. Ив. Лобанова-Ростовскаго, кн. Ив. Сем. Лобанова-Ростовскаго, кн. Ѳад. Барятинскаго, Егупа Жадовскаго и др., довольствующихся простымъ указаніемъ на то, что „въ той росписи вотчинишка не всѣ прислапы". — Вдова Аксинья Волынская повѣствуетъ: „по твоему г. указу послана земляная роспись изъ Помѣстнаго приказу для даточныхъ людей... и въ той, г., земляной росписи у меня, рабы твоей, съ сыномъ моимъ Ивашкомъ помѣстишка наше и вотчинишка прописаны". Пантелей, Степанъ и Константинъ Чирковы били челомъ о справкѣ съ Помѣстнымъ приказомъ, такъ какъ присланы „не справяся, помѣстейца... и вотчинки въ четвертной пашнѣ, и въ дачѣхъ не дописано и не противъ писцовыхъ книгъ".—Вд. Марья Телепнева жалуется на то, что имена ея самой и дочери ея Анны прописаны,—„и съ помѣстейца моего и съ вотчинки и съ помѣстейца дочеришка моего дѣвки Анницы даточныхъ людей не спрашиваютъ",—но въ своемъ многословномъ челобитьѣ не приводитъ никакихъ указаній Приказу. Наоборотъ, въ челобитьѣ дѣвокъ Третьяковыхъ содержится объясненіе, почему произошла ошибка въ книгахъ Приказа подъ ихъ именами: вотчину свою „для своей скудости" онѣ продали дьяку Гаврилу Леонтьеву. Яковъ Татищевъ жалуется на то, что въ росписи „не прислано" его ростовское помѣстье, и бьетъ челомъ: „помѣстные крестьянишка написать съ вотчинными крестьянишками вмѣстѣ".

Но на ряду съ такими лаконическими челобитьями мы встрѣчаемъ и челобитья, содержащія обстоятельныя данныя, которыми

служилый человѣкъ пополнялъ пробѣлы подъ своимъ именемъ. Такъ дворяне московскіе Григорій и Яковъ Башмаковы представили слѣдующее челобитье: „... велѣно съ насъ, х. т., взять даточныхъ людей и за даточныхъ людей деньги, и за нами, х. т., объявилися въ росписи изъ Помѣстнаго приказа присланы помѣстьишка наши не всѣ выписаны за нами, х. т.: за мною Гришкой прописано въ Вологодскомъ уѣздѣ придатошное мое помѣстейце, что мнѣ дано жены моей Дарьи пожиточное помѣстейце сельцо Сулинское, деревня Микифоровская безъ жеребья, да въ Ярославскомъ уѣздѣ село Болопшо да половина деревни Поповская съ жеребьемъ, а за мною Якушкомъ прописано бѣлозерское мое помѣстьеце, что я вымѣнялъ у смолнянина у Ивана Андреева сына Баташева на свое переяславское помѣстьеце въ Бѣлозерскомъ у. Бадожской волости деревня Борисовская да деревня Жилочевская...“ Иное обстоятельное челобитье содержитъ цѣлую лѣтопись земельныхъ владѣній челобитчика. Укажу для примѣра на челобитья дв. м. Богдана Дубровскаго, Андрея Ошанина, Ефима Самарина, Ѳедора Дурного. Но обычно, при частичной прописке, челобитчикъ отмѣчаетъ только самую погрѣшность, предоставляя уже Приказу с. р. л. возбудить дѣло о полной справкѣ, обратившись за этимъ съ памятью въ Помѣстный приказъ. Такихъ челобитій на тему о прописке огромное большинство.

Въ своихъ челобитьяхъ челобитчики нерѣдко вразумительно объясняютъ и причину погрѣшностей. Напр., Осипъ Хлоповъ объясняетъ прописку всѣхъ своихъ владимірскихъ деревень отсутствіемъ писцовыхъ книгъ по Владиміру. Чаще о причинѣ прописки можно заключить косвенно, когда челобитчикъ говоритъ о какой-нибудь перемѣнѣ въ своемъ земельномъ положеніи послѣ писцовыхъ книгъ (мѣнѣ, продажѣ, дачѣ или полученіи въ приданое и т. д.). Иногда служилые люди объясняютъ прописку какими-либо случайными обстоятельствами. Такъ въ апрѣлѣ 146 г. Ст. Тарбѣевъ объяснялъ большую прописку въ перечнѣ своихъ владѣній тѣмъ, что списокъ составлялся во время его служебной посылки въ Н. Новгородъ. Ив. Плещеевъ объясняетъ прописку тѣмъ, что шацкое помѣстье онъ получилъ послѣ писцовыхъ книгъ. Иногда служилый человѣкъ бралъ на себя даже исправленіе пропуска. Жилецъ Вас. Беклемишевъ для восполненія

пропуска на помѣстье свое положилъ книги письма и мѣры Андрея Загряжскаго да подъячаго Гаврилы Володимерова 137 и 138 году и другіе документы. Ив. Нелединскій, не добившись исправленія прописки своей юрьево-польской вотчины, такъ какъ, по объясненію подъячихъ, книги Юрьево-Польскаго уѣзда были отосланы въ моментъ составленія земляного списка въ Челобитный приказъ, билъ челомъ вторично, разъясняя недоразумѣніе.

Помѣстный приказъ въ своихъ отвѣтныхъ памятяхъ иногда и самъ объясняетъ причину прописки. Такъ, по дѣлу о прописке имени Як. Родіонова Помѣстный приказъ поясняетъ: „а въ прежнемъ списку онъ не отпущенъ, потому что за нимъ въ тѣ годы помѣстья было не сыскано". Сообщая [19]/VIII 146 г. списокъ владѣній Мих. Милославскаго, Помѣстный приказъ констатировалъ, что за Милославскимъ оказалось 3 двора, „а опричь того... помѣстья и вотчины нигдѣ не сыскано, да и самъ онъ, Михайло, за собой опричь того помѣстья и вотчины нигдѣ не сказалъ же, да къ той своей сказкѣ онъ, Михайло, и руку приложилъ... А въ прежнемъ списку описалось потому, что тотъ списокъ дѣланъ вскорѣ для поспѣшенья, и не справясь подлинно съ дачами и съ писцовыми книгами". За жильцомъ Наз. Алексѣевымъ прописали луховское помѣстье,— „а луховского помѣстья за нимъ не было выписано потому, что жилецкій земляной списокъ дѣлали подъячіе во Псковскомъ столѣ, а городъ Лухъ по государеву указу вѣдаютъ въ Ярославскомъ столѣ". Восполняя одинъ случай прописки, Помѣстный приказъ такъ объясняетъ этотъ промахъ: „подъячіе сказали, что за Романомъ и за Никитой Бѣгичевыми и за Семеномъ Готскимъ помѣстей и вотчинъ въ земляномъ списку не отпустили потому, что Романова имени Бѣгичева изъ Розряду для земляного списка въ Помѣстный приказъ было не прислано, а за Никитою Бѣгичевымъ и за Семеномъ Готскимъ не отпущено было потому, что тотъ земляной списокъ для поспѣшенья дѣланъ по писцовымъ книгамъ, а изъ дачъ не выписывано". Путаница съ двумя Бибиковыми, Гавріиломъ Яковлевичемъ и Гавріиломъ Александровичемъ, произошла, какъ объяснили подъячіе Помѣстнаго приказа, отъ „поспѣшенья",—„потому что тотъ земляной списокъ дѣланъ для поспѣшенья въ розныхъ столѣхъ, а въ

списку сотниковъ стрѣлецкихъ Псковъ присланъ изъ Стрѣлецкаго приказа въ Помѣстный приказъ для земляного списка, и въ томъ списку написано Гаврила Бибиковъ, а чей сынъ, и того въ томъ списку не написано, по тому они то Гаврилово помѣстье Александрова сына Бибикова и отпустили вдвое запевѣды, чая то, что онъ Гаврила Александровъ сынъ, потому что они сами (т.-е. Бибиковы) для справки къ земляному списку не хаживали, и справиться подлинно было не съ кѣмъ". Прописку за кн. Романомъ Мезецкимъ подъячіе объясняли „не хитростью", а тѣмъ, что земли кн. Романа были написаны „вопчѣ" съ его братомъ, „а князь Романъ въ тѣ поры къ земляному списку къ справкѣ не ходилъ и людей не присылывалъ, и про тѣ его вотчины подлинно допросить было некого".

Такъ, и по взгляду самихъ служилыхъ людей и по взгляду Помѣстнаго приказа составленіе земельныхъ вѣдомостей было общимъ дѣломъ для обѣихъ сторонъ.

Пріученные угрозами правительства бояться пропусковъ, за которыми могла послѣдовать конфискація прописанныхъ владѣній, челобитчики сообщаютъ и мотивы, почему они хлопочутъ объ исправленіи прописки. Дв. м. Гр. Олябьевъ объясняетъ свое безпокойство о прописке опасеніемъ, „чтобы впередъ въ утайкѣ не объявилось", Ив. Выповскій—чтобы „въ опалѣ не быть" [1]). Ст. Вельяминовъ хлопочетъ объ исправленіи прописки, „блюдясь государевой опалы"; Алексѣй Самаринъ, „чтобы помѣстейцевъ не отбыть". Борисъ Бартеневъ проситъ о восполненіи того, что „глуха изъ Помѣстнова приказу написана": „чтобы мнѣ, х. т., впредь въ томъ отъ тебя въ опалѣ не быть". „А я, х. т., прибавлялъ Бартеневъ, за собою дачъ и крестьянъ не тою и въ Помѣстномъ приказѣ о томъ не промышляю жъ". Яковъ Татищевъ— „вѣдаючи уложенье, что велѣно съ 20 дворовъ имать человѣкъ, бояся г. опалы, не хотя за собою утаить крестьянскихъ дворовъ", несмотря на прописку своихъ ростовскихъ дворовъ, даточнаго въ 146 г. своевременно поставилъ, но тѣмъ не менѣе въ январѣ 147 г. подалъ челобитье въ Приказъ о справкѣ, побуждаемый къ этому и дальнѣйшей путаницей около своего

---

[1]) Также Ив. Пелединскій, Анна Колоткина-Плещеева, Ив. Рахманиновъ и др.

имени въ приказныхъ вѣдомостяхъ. Не всегда удавалось исправить ошибку Приказа сразу. За дв. м. Лавр. Раевскимъ были прописаны калужская вотчина и козельское помѣстье. Онъ исправно заплатилъ „солдатскія деньги“ и хлопоталъ объ исправленіи ошибки. Въ дополнительной памяти Помѣстнаго приказа калужская вотчина была переименована въ помѣстье, и Раевскому пришлось снова хлопотать объ исправленіи ошибки—на этотъ разъ, „чтобы съ вотчины другихъ денегъ не платить“.

Б) Приписка. Случаевъ приписки меньше, чѣмъ случаевъ прописки, почти въ три раза,—ихъ насчитывается менѣе сотни. Такъ же, какъ и прописка, приписка очень разнообразна по размѣрамъ. На ряду съ ничтожной припиской встрѣчаются случаи приписки огромной. Дв. моск. Василью Коробышу и Петру Бабичеву приписали 2 двора; за стряпчимъ Васильемъ Философовымъ написали вмѣсто 2 дворовъ 4 двора; за стряпчимъ Сытнаго двора Ильей Лошаковымъ написали одинъ лишній дворъ; за царицынымъ сыномъ боярскимъ Матвѣемъ Барановымъ написали 4 двора, тогда какъ за нимъ было только 3 двора (сельцо да 2 деревни да пустошь)—7 чел., и „передъ земляным списком“ убылъ одинъ дворъ бобыльскій; дв. м. Степану Мертвому написали 35 дворовъ вмѣсто 34; стремянному конюху Лукѣ Обалдуеву въ луховской его вотчинѣ насчитали вмѣсто 1 двора—4. Встрѣчаемъ приписку и въ десятки дворовъ. Такъ дв. м. Андрею Чичерину приписано 20 дв., дв. м. князю Ивану Буйносову-Ростовскому приписано 29 дв., дв. м. Алексѣю Собакину — 24 двора, за окол. княземъ Сем. Вас. Прозоровскимъ написанъ одинъ лишній даточный (т.-е. не менѣе 20 дв.). Исключительный размѣръ приписки встрѣчается въ данныхъ относительно владѣній Томилы Юдича Луговского: за нимъ написали 438 дв. вмѣсто 366. За вдовою Неалтатай Шейдяковой написали 83 дв. вмѣсто 28. Но большинство случаевъ приписки выражено въ единицахъ и не поднимается за цифру 10. Въ тѣхъ челобитьяхъ, которыми вчинались дѣла о припискѣ, служилые люди, какъ и въ челобитьяхъ о прописке, иногда указывали размѣръ приписки и количество своихъ владѣній точно, но часто ограничивались однимъ глухимъ заявленіемъ, предоставляя Приказу самому распутывать погрѣшности или, быть можетъ, помогая ему своими устными показаніями.

Такъ, Бог. Хитрово билъ челомъ о томъ, что на немъ правятъ 12 р. „И на мнѣ, х. т., пишетъ Хитрово, не доведетца взять по книгамъ двунадцати рублевъ“. Яковъ Салмановъ просто заявляетъ: „приписано за мною, х. т., земля и крестьяне“. Вдова Аграфена Бутурлина била челомъ о томъ, что въ ея рязанской вотчинѣ „написаны крестьяне, не справясь, не противъ... государева указу писцовыхъ книгъ“; она просила: „въ той нашей вотчинкѣ во крестьянѣхъ справитца съ писцовыми книгами, штобъ намъ бѣднымъ напрасна съ приписныхъ кресянъ лишнихъ денегъ не платить“. Такъ же редактированы челобитья Анд. Измайлова, Анд. Чулкова, Грпг. Кокорева, Мих. Мансурова, Ст. Исленьева. На ряду съ этимъ во многихъ челобитьяхъ содержатся точныя данныя о владѣніяхъ челобитчика, и на Приказѣ лежитъ обязанность только провѣрить то, что сообщается служилыми людьми. Таковы челобитья Тимоѳея, Василія, Михаила Мансуровыхъ, Петра Сабурова, Григорья и Якова Башмаковыхъ и др. Насколько существенно было служилому человѣку самому участвовать въ провѣркѣ вѣдомостей, видно изъ дѣла кн. Вас. Ромодановскаго: вслѣдствіе его отсутствія съ 143 г. по 148 г. (онъ былъ на службѣ на Терекѣ) и на 146 и на 147 гг. съ его дворовъ взяли по лишнему даточному. Объ исправленіи списка уже на будущее время ему пришлось хлопотать въ іюлѣ 149 г.

Ошибка Приказа состояла или въ приписке лишнихъ дворовъ къ существующему владѣнію или въ счетѣ за челобитчикомъ мнимаго владѣнія. Выше приведены были случаи перваго типа, отмѣтимъ вторые. Такъ, дв. м. Ивану Скорнякову-Писареву ошибочно было приписано помѣстье въ Твери, дв. м. Михаилу Бутурлину — чужая вотчина въ Арзамасѣ, дв. м. Гавріилу Иванову — дворы на Рязани, дм. м. кп. Никитѣ Мезецкому — дворы въ Ярославѣ, дв. м. Ждану Кондыреву—7 несуществующихъ дворовъ въ Галичѣ. Со Степана Исленьева уже взяли 6 дат. и 9 р., а въ апрѣлѣ 146 г. вновь потребовали по другой росписи еще 3 человѣка, написавъ за нимъ „многую лишнюю землю“: „написалъ подъячій за мною въ Костромскомъ уѣздѣ въ земляномъ спискѣ Тырновскую слободу, жаловался Исленьевъ, а Тырновская, г., слобода полтретьяцать лѣтъ за бояриномъ княземъ Юріемъ Яншеевичемъ Сулешовымъ; да за мною, г., написалъ въ земля-

номъ спискѣ родственную мою вотчину въ Московскомъ уѣздѣ..." и т. д.

Причинами приписки являются механическіе промахи приказныхъ, составлявшихъ списки, и движеніе землевладѣнія, недостаточно быстро регистрировавшееся и усваивавшееся Помѣстнымъ приказомъ. Механическими промахами объясняются слѣдующіе, напр., случаи: съ дв. м. Кузьмы Кузьмина требуютъ налогъ съ общаго владѣнія, присоединяя къ его имени ему не принадлежащую половину дворовъ; одного дв. м. Ивана Семеновича Колтовскаго, владѣвшаго 5 дворами, смѣшали съ другимъ Иваномъ Семеновичемъ Колтовскимъ, владѣвшимъ 32 дворами. Такой же случай произошелъ съ сотникомъ московскихъ стрѣльцовъ Гавр. Бибиковымъ, у котораго не было ни одного двора, и котораго смѣшали съ другимъ Гавр. Бибиковымъ, владѣвшимъ тремя дворами въ Алексинскомъ уѣздѣ. Смѣшали дядю Ивана Ивановича Чичерина съ племянникомъ тоже Иваномъ Ивановичемъ Чичеринымъ. Любопытно объясненіе Помѣстнымъ приказомъ въ грамотѣ отъ $^{11}/_{IV}$ 146 г. приписки 5 дв. (31 вм. 26) за Мирономъ Вельяминовымъ: „и тѣ Мироновы вотчины и помѣстья выписываны изъ писцовыхъ книгъ изъ большихъ перечней, и тѣ пять дворовъ за Мирономъ приписаны были въ писцовыхъ книгахъ въ болшихъ перечняхъ, а не по подлиннику". Для механическихъ погрѣшностей характеренъ „отпускъ вдвое". Такъ, „вдвое присланы" дворы за дв. м. Дмитріемъ Зубовымъ, Ст. Мертвымъ, за жильцомъ Ив. Шиповымъ, за Вас. Пушкинымъ, за жильцомъ Семеномъ Ларіоновымъ, за жильцомъ кн. Ив. Аѳ. Вяземскимъ, за дв. м. Иваномъ Перелешинымъ (въ челобитьѣ онъ называетъ себя Перелешевымъ); изъ дѣла о приписке дворовъ дв. м. кн. Никитѣ Гагарину мы узнаемъ, что за нимъ отпустили вдвое „по дачѣ и по отдѣльнымъ книгамъ". Своеобразная ошибка была сдѣлана относительно кн. Вас. Пріимкова-Ростовскаго: имя его было прислано вдвое — въ спискѣ стряпчихъ и въ спискѣ дворянъ московскихъ. Какъ дворянинъ московскій, онъ исправно посылалъ со своихъ 37 дв. въ 146 и 147 гг. двухъ даточныхъ. Между тѣмъ въ началѣ 148 г. его хотѣли оштрафовать за уклоненіе отъ налога. Кн. Пріимковъ билъ челомъ: „вели, г., именишко мое приправить по одному дворянскому списку, а не вдвое,

и не вели, г., съ меня вдвое за перехожіе дворы имать денегъ, потому что съ меня, х. т., и за перехожіе дворы за 17 рублевъ по два года былъ взятъ же другой человѣкъ". Въ Приказѣ с. р. л. рѣшили: „дать память въ Помѣстный приказъ: одинъ ли князь Василій княжъ Богдановъ сынъ Пріимковъ въ стряпчихъ и дворовыхъ написанъ". Двойная цифра получилась вслѣдствіе сообщенія данныхъ о дворахъ по двумъ разнымъ источникамъ и складыванія дворовъ въ Приказѣ по небрежности. Въ другомъ случаѣ княжна Евдокія Барятинская отдала свою ярославскую вотчину племянникамъ князьямъ Ѳедору и Юрью Барятинскимъ. Барятинскіе отдали вотчину въ приданое за сестрою Марьей Вас. Головину. Вотчина оказалась „отпущенной вдвое"—и за Головинымъ и за кн. Евдокіей. Путаница бывала иногда очень сложной. За печатникомъ И. Т. Грамотинымъ было прислано ветлужское помѣстье с. Никольское съ деревнями по отдѣльнымъ, а не по писцовымъ книгамъ. „А какъ та Ветлуская волость, повѣствуетъ Грамотинъ, была за прежнимъ помѣщикомъ за Василіемъ Горжбокомъ, и за него де Василія приходили крестьяня изъ разныхъ городовъ изъ-за дворянъ и изъ-за дѣтей боярскихъ, и на него де Василія били челомъ государю о тѣхъ крестьянѣхъ многіе челобитчики. И какъ де по государеву указу та Ветлуская волость роздана въ роздачу рознымъ помѣщикамъ, и ему и на него де били челомъ государю о крестьянѣхъ многіе челобитчики, и онъ де съ того своего помѣстья отдавалъ многихъ крестьянъ. Одному Михаилу Пушкину отдалъ семь семей крестьянъ съ женами и съ дѣтьми и иным многимъ. А иные де прихожіе крестьяня, видя его отдачу, по того его помѣстья выбѣжали на сторону за прежнихъ помѣщиковъ. И съ того де своего ветлускаго помѣстья по отдѣльнымъ книгамъ даточныхъ людей дать неково, а которые де помѣщики испомѣщаны въ той Ветлуской волости съ нимъ вмѣстѣ — князь Дмитрей, да князь Семенъ, да князь Алексѣй, да князь Андрей Львовы съ товарищи, и ихъ де всѣхъ помѣстья посланы въ земляномъ списку...., а крестьяне у всѣхъ написаны по писцовымъ, а не по отдѣльнымъ книгамъ". При переводѣ съ отдѣльныхъ на писцовыя книги, за Грамотинымъ оказалось вмѣсто 821 двора только 684 двора. Такой же случай имѣлъ мѣсто по отношенію къ Бор. Приклонскому по Курмышскому уѣзду.

Большинство случаевъ приписки объясняется перемѣнами сравнительно съ писцовыми книгами въ количествахъ дворовъ, числящихся за тѣмъ или другимъ лицомъ, вслѣдствіе движенія землевладѣнія. Таковы случаи Тимоѳея Колемина, кн. Ивана Буйносова-Ростовскаго, Ивана Колтовскаго, Александра и Семена Немировыхъ, Михаила Мансурова, княгини Анны Мосальской, Соломониды Ловчиковой, кн. Ѳедула и Юрія Барятинскихъ, кн. Михаила Шаховского, Алексѣя Облязова и Ларіона Карцева, Степана Татищева, Михаила Салтыкова, кн. Василія Ахамашукова-Черкасскаго, Анны Букоптовой, П. Баландина, Кайсаровыхъ, кн. Юрія Сулешова и др.

Приписка иногда сочетается съ пропиской. За дв. моск. Станиславомъ (въ крещеніи Петромъ) Граевскимъ были написаны дворы по Вологдѣ и по Бѣлоозеру. Между тѣмъ на Бѣлоозерѣ дворовъ у него „нѣтъ и не бывало“; „а въ иныхъ городѣхъ за мною, х. т., писалъ Граевскій, прописано въ Галицкомъ уѣздѣ и въ Дмитровскомъ и въ Курмышскомъ“.—Дв. моск. Гавріилъ Ивановъ жалуется: „твое царское жалованье, помѣстейца мои и вотчинки, въ Арзамаскомъ да Володимірскомъ да Костромскомъ уѣздѣхъ прописаны, а написаны за мною, х. т., на Рязани, а за мною, г., на Рязани не бывало и нѣтъ ни единой чети“.— За дв. м. Ѳедоромъ Дурнымъ написана вотчина въ Алексинскомъ уѣздѣ, а въ Алексинскомъ уѣздѣ у него нѣтъ ничего, зато прописаны помѣстья и вотчины въ Калугѣ, Угличѣ, Галичѣ.— Изъ выслуженной вотчины отца дв. моск. Алексѣя Шипова часть выдѣлена племяннику Алексѣя, но числится за Алексѣемъ, а рязанское и владимірское помѣстья его за нимъ не значатся. Онъ ходатайствуетъ: „ту отхожую отца моего вотчину деревни Курашку съ меня снять и справить ее за племянникомъ моимъ за Иваномъ Шиповымъ“. Такіе же случаи приписки, связанной съ пропиской,— дв. м. Елизара Кузепева, кн. Анны Мосальской, Соломониды Ловчиковой.

Приписка, какъ и прописка, распространяется одинаково на вотчины и помѣстья: никакого различія между обѣими категоріями владѣній въ этомъ отношеніи незамѣтно.

Челобитчики объясняютъ мотивы, почему они хлопочутъ объ исправленіи погрѣшностей. Кромѣ невыгоды заплатить налогъ въ данномъ случаѣ въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ слѣдуетъ, они

опасаются того, что настоящій случай послужитъ прецедентомъ и въ будущемъ. Такъ, дв. м. Кириллъ Супоневъ, жалуясь въ своемъ челобитьѣ на то, что въ его костромскихъ вотчинѣ и помѣстьѣ приписано 3 двора, пишетъ: „по писцовымъ книгамъ Павла Вельяминова въ томъ моемъ помѣстьѣ и въ вотчинѣ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ написано 76 дв., а изъ Помѣстнаго приказа въ спискѣ къ сбору ратныхъ людей отослано 79 дворовъ, и въ томъ спискѣ прислано не справяся, написано лишнихъ 3 двора“. Супоневъ ходатайствуетъ о посылкѣ въ Помѣстный приказъ памяти, — „чтобъ мнѣ, х. т., съ тѣхъ лишнихъ дворовъ впредь денегъ не платить“. Челобитье помѣчено $^{28}/_{VI}$ 147 г., когда шелъ уже второй сборъ.

Служилые люди относятся къ фактамъ приписки подозрительно, выражая свое недовѣріе болѣе или менѣе откровенно. Такъ, стольники Аѳанасій и Григорій Образцовы глухо жалуются на то, что за ними написаны лишніе дворы, „невѣдома почему“.— Дв. м. Ал. Собакинъ, жалуясь на то, что за нимъ написаны вмѣсто 12 дворовъ — 36, подозрительно проситъ поставить въ Помѣстномъ приказѣ испытующій вопросъ: „вели мнѣ память дати въ Помѣстный приказъ, пишетъ онъ въ своемъ челобитьѣ, съ которыхъ книгъ онѣ на мнѣ написали, што 36 дворовъ крестьянскихъ, которова дозору и которыхъ писцовъ и съ какихъ книгъ написаны на которыхъ городѣхъ“. — Аѳанасій Ощеринъ, указывая на то, что за нимъ написано непринадлежащее ему помѣстье, заподазриваетъ злой умыселъ и бьетъ челомъ: „не вели, государь, на мнѣ даточного человѣка съ ложной написки править...“ — Дв. м. Иванъ Горяиновъ обвиняетъ подъячихъ Помѣстнаго приказа въ небрежности, жалуясь на то, что они, „отпустили его именишко, не справясь съ писцовыми книгами“, и проситъ исправить ошибку,— „чтобы мнѣ, х. т., оскорблену не быть передъ своею братьею въ тѣхъ лишнихъ денгахъ и твоей г. службы не отбыть“. — Подозрѣнія эти бывали выражаемы и совсѣмъ недвусмысленно. Малоярославецъ Лука Унковской прямо обвиняетъ подъячаго въ удвоеніи приписной своихъ вологодскихъ дворовъ: „а подъячій въ земляномъ спискѣ, не справясь съ писцовыми книгами, приписалъ другую 8 дворовъ крестьянскихъ...“ Любопытно, что Унковской не могъ избавиться отъ этого неправильнаго начисленія

даже въ сборъ 149 г., хотя нужныя справки были, повидимому, сдѣланы еще въ 146 году. — Дв. м. Алексѣй Облязовъ помѣнялся въ 145 г. помѣстьями со своимъ пасынкомъ Ларіономъ Карцовымъ. Алексѣй Облязовъ заплатилъ съ вымѣненнаго помѣстья 3 рубля. „А изъ Помѣстнаго приказа прислана память, пишутъ Облязовъ и Карцовъ въ совмѣстномъ челобитьѣ, не справясь съ дачами и съ черною росписью, молодые подъячіе приписали для своей бездѣльной корысти... 3 рубля лишніе...“

Вѣроятно, чувствуя на себѣ подозрительные и завистливые взгляды служилаго человѣка, подъячій стремится поскорѣе оправдаться, завѣрить Приказъ въ своей добропорядочности. Такъ, уже въ отношеніи отъ $^{4}/_{I}$ 146 г. по поводу приписки за думнымъ дворяниномъ Томилой Юдичемъ Луговскимъ, которому приписали ростовскую вотчину, канцелярія Помѣстнаго приказа спѣшитъ исправить свою ошибку по отношенію къ столь важному лицу и торопится завѣрить, что „въ томъ перечневомъ списку противъ подлиннаго земляного списка, каковъ дѣланъ съ писцовыхъ книгъ, дворами обложеносъ, положено не противъ писцовыхъ книгъ, и приписано сверхъ писцовыхъ книгъ лишку 72 двора“.—Въ памяти изъ Помѣстнаго приказа отъ $^{23}/_{IV}$ 146 года по дѣлу дв. м. Степана Исленьева, за которымъ была написана „многая лишняя земля“ (надо было выкинуть 38 дворовъ), приказъ спѣшитъ завѣрить, что ошибка случайна: „описанось, не хитростью“.—Въ памяти изъ Помѣстнаго приказа отъ $^{17}/_{III}$ 146 года о землевладѣніи жильца Девятаго Кривскаго (съ котораго требовали 6 руб. за 6 дворовъ, между тѣмъ какъ у него было только 2 двора) сообщается: „приписано въ жилецкомъ земляномъ списку, каковъ посланъ изъ Помѣстнаго приказа въ Приказъ с. р. л., за жильцомъ за Девятымъ Кривскимъ въ помѣстьѣ четыре двора крестьянскихъ и бобыльскихъ, и про то Помѣстнаго приказу подъячіе допрашиваны, и подъячіе сказали, что они въ томъ спискѣ описались безъ хитрости“. Приказное отношеніе подписано дьякомъ Переносовымъ: скрѣпляя отношеніе, онъ свидѣтельствовалъ о добрыхъ намѣреніяхъ своихъ подчиненныхъ. Это выраженіе „безъ хитрости“ варіируется въ памятяхъ Помѣстнаго приказа на разные лады.—Въ памяти отъ $^{16}/_{VI}$ 146 года по дѣлу о припискѣ за жильцомъ Иваномъ Шиповымъ и за его матерью Анной и сестрами

вдвое Помѣстный приказъ объясняетъ, что ошибка произошла, по словамъ отвѣтственнаго за нее дѣлавшаго списокъ подъячаго, „не хитростью“, а „потому, что тотъ земляной списокъ дѣланъ въ розныхъ столѣхъ спѣшно“.—Въ памяти отъ 15/IV 146 года по дѣлу о приписке за вѣкошникомъ Михаиломъ Носовымъ 3 дворовъ (13 вмѣсто 10) Помѣстный приказъ сообщаетъ, что подъячихъ допрашивали объ ошибкѣ, „и подъячіе сказали, что въ томъ списку они въ крестьянскихъ и въ бобыльскихъ дворѣхъ и въ людѣхъ въ перечню обложились“.—„Отъ поспѣшенья“ приписали лишній дворъ царицыну сыну боярскому Матвѣю Баранову.—Въ памяти изъ Помѣстнаго приказа отъ 15/VI 146 г., объясняющей, почему дворы за жильцомъ Семеномъ Ларіоновымъ написаны вдвое, указывается, что свѣдѣнія эти были сообщены „не справясь, потому что тотъ земляной списокъ дѣланъ вскорѣ для поспѣшенья“.—То же самое „поспѣшенье“ фигурируетъ и въ дѣлахъ о приписке Петру Кривскому, Гавр. Бибикову, Ив. Чичершу, Степану Исленьеву, Мих. Салтыкову.

Какъ ухитрялись иногда подъячіе напутать въ вѣдомостяхъ Приказа с. р. л., и какъ легко было исправить ошибку, можно судить по слѣдующимъ случаямъ. „Въ прошломъ во 146 г., повѣствуетъ дв. м. Лавр. Раевскій, до тульской службы я, х. т., съ галицкаго помѣстья солдатскія деньги заплатилъ, а твоего г. жалованья въ Калугѣ вотчина да въ Козелску помѣстья прописано“. Онъ хлопоталъ передъ „солдатскимъ приказомъ“ объ исправленіи прописки, и въ „нынѣшнемъ“ 147 г. вотчина его превратилась въ списке въ помѣстье: „въ памяти написано помѣстье въ Калугѣ, а не вотчина, а у меня въ Калугѣ вотчина, а не помѣстье“. Вслѣдствіе начисленія на него несуществующаго помѣстья получилась приписка, и съ него требовали лишнія деньги.—Дворы дв. м. Ел. Кузенева сначала оказались въ прописке, а когда по его челобитью была сдѣлана справка, то получилась приписка.—Вдовѣ Ульянѣ Воейковой пришлось выяснять, что за ней не 7, а только 4 двора. Приказъ с. р. л. взялъ съ нея на Москвѣ 4 руб. и послалъ соотвѣтствующую грамоту бѣлевскому воеводѣ Ю. Колединскому. Но воевода, жаловалась вдова, „отписи за дьячею приписью не слушаетъ, для своей бездѣльной корысти на крестьянишкахъ ея правитъ на прошлый 147 г. 7 руб.

денегъ, а съ правежа, спявъ, сажаетъ въ тюрьму". — Жилецъ Степанъ Сологубовъ въ 146 и 147 гг. исправилъ приписку въ 2 двора (15 вм. 13) и заплатилъ положенное. Въ концѣ 153 года, когда случился одинъ изъ приступовъ оживленія Приказа с. р. л., и въ Галичѣ провѣряли, кто въ 146—147 гг. платилъ и кто нѣтъ, призвали къ отвѣту и Сологубова. Платежныя отписи онъ предъявилъ, но воевода кн. Елецкій этимъ не удовольствовался, „съ тѣхъ платежницъ списковъ не взялъ" и потребовалъ по прежней приписке 15 руб. вмѣсто 13 руб., а за отказъ платить „людишекъ его поставилъ на правежъ". — За стольникомъ Тимоѳеемъ Стрѣшневымъ, имѣвшимъ 16 дворовъ, разбросанныхъ въ четырехъ уѣздахъ (Ярославскомъ, Пошехонскомъ, Бѣжецкомъ, Лихвинскомъ), въ 146 г. были прописаны лихвинское помѣстье и ярославская вотчина. Онъ своевременно билъ челомъ и „вынесъ въ памяти всѣ свои помѣстейца и пошехонское и ярославскую вотчинку..." Въ 146 году онъ расплатился правильно. Въ 147 году то же пошехонское помѣстье оказалось въ приписке, — „прислано вдругорядь, не справяся съ прежнимъ отпускомъ и памятью,... и нынѣ правятъ на мнѣ съ того же моего пошехонскаго помѣстейца другихъ денегъ", жалуется Стрѣшневъ [1]).

Такъ, криво и косо, безпрестанно оступаясь, дѣйствовала неуклюжая и тяжеловѣсная приказная бухгалтерія, вызывая недоумѣніе, раздраженіе и подозрѣніе служилыхъ людей, заплетаясь и путаясь въ своемъ собственномъ дѣлопроизводствѣ, съ прописки сбиваясь на приписку и съ приписки на прописку, торопясь оправдаться и отклонить отъ себя подозрѣнія со стороны задѣтыхъ ея ошибками лицъ. Относительно однихъ только 997 человѣкъ дворянъ московскихъ было допущено, судя по *сохранившимся* дѣламъ, 188 случаевъ прописки (изъ нихъ 45 случаевъ полной) и 74 случая приписки: Приказъ спотыкался на каждомъ четвертомъ шагѣ своей работы.

2. Статистика Приказа сбора ратныхъ людей и движеніе землевладѣнія.

Но главная причина прописки и приписки не механическія погрѣшности вѣдомостей, не эти „обложенось" и „описапось" и

[1]) См. также случай Кайсаровыхъ.

не злой умыселъ, но „хитрость“ или „бездѣльная корысть молодыхъ подъячихъ“, на которую жалуются челобитчики, а болѣе глубокая причина: непоспѣваніе Помѣстнаго приказа за ходомъ земельнаго оборота. Данныя приказа очевидно запаздываютъ, и онъ не въ силахъ своевременно услѣдить за движеніемъ землевладѣнія въ служилой средѣ. По архивному наслѣдію Приказа с. р. л., до насъ дошедшему, нельзя составить картину земельнаго оборота въ средѣ служилаго сословія 30-хъ годовъ XVII вѣка, могущую сколько-нибудь претендовать на полноту, но отношеніе дѣлопроизводства Помѣстнаго приказа къ этому обороту вскрывается передъ наблюдателемъ довольно явственно. Рядъ дѣлъ Приказа с. р. л., возбужденныхъ служилыми людьми по поводу неточности списковъ, раскрываетъ передъ нами картину отношенія этой статистики къ земельной мобилизаціи. Случаи эти можно раздѣлить на двѣ неравныя категоріи: къ первой (А) можно отнести переходъ земли по распоряженіямъ самого Помѣстнаго приказа и во всякомъ случаѣ съ вѣдома и согласія его, ко второй (Б) — случаи перехода по частнымъ сдѣлкамъ, о которыхъ Помѣстному приказу, быть можетъ, становилось извѣстно только изъ челобитья заинтересованнаго въ точности сообщенныхъ данныхъ лица.

А) *Переходъ по правительственнымъ распоряженіямъ.* У дв. м. Ѳедора Бояшева „неповинно взято помѣстьице“, которое онъ „выслужилъ въ Угличкомъ уѣздѣ дер. Зобова за многоя лѣта“; помѣстье отдано угличанину Новикову, а деньги за него правять все таки съ Бояшева. — Вдова Авдотья Аксакова потеряла сына недоросля Ивашку въ 146 году; съ дворовъ, за нимъ числившихся, въ томъ же году былъ взятъ даточный и 12 р. Помѣстье Ивашки пущено въ раздачу, — дядьямъ и вдовѣ Ивашки дано 250 четей, а матери 80 четей. Въ 147 году съ нея правять по примѣру 146 года даточнаго и 12 р. денегъ. „И крестьянишка мои нонѣ въ Ярославлѣ стоятъ на правежѣ одни, а съ тѣхъ дачъ свекрови моей и съ дядей сына моего Степановыхъ и Яковлевыхъ крестьянъ въ того даточнаго и денегъ не правятъ“, била челомъ Авдотья. Раздѣльная грамота по этому дѣлу между тѣмъ была уже послана ярославскому воеводѣ Сѣкерину, но онъ, очевидно, не считался съ ней. — Со вдовы княгини Анны

Клубковой-Масальской велѣно было взять даточнаго и 11 р., между тѣмъ вотчины у нея были взяты и отданы князю Ивану да сыну его князю Ѳедору да князю Семену Масальскимъ „третей годъ, а помѣстья сдала, было, племяшшку своему Михаилѣ Семенову сыну Ладыженскому во сто четыредесятъ первомъ году". Княгиня била челомъ о поворотѣ, и государь ее пожаловалъ помѣстьемъ „попрежнему". Она выражала желаніе на этомъ основаніи заплатить и налогъ.—Остафью Плещееву и Ивану Айгустову въ „прошломъ" 146 году дано помѣстье—прожиточный жеребей кн. Ѳедосьи Ковровой и дочери ея, а въ 154 году правили съ Плещеева и Айгустова „вдовьи деньги". „И нынѣ мы, пишутъ челобитчики, на твоей государевѣ службѣ, а людишка наши и крестьяшшка наши животъ свой мучатъ, въ тѣхъ твоихъ государевыхъ деньгахъ стоятъ на правежѣ". Взиманіе налога грамотой отъ $^{3}/_{IX}$ 154 г. владимірскому воеводѣ было отсрочено.—Максимъ Чирковъ получилъ въ „прошломъ 147 году" выморочное помѣстье сытника Тита Борнякова въ Ростовскомъ уѣздѣ, а въ 153 году изъ Помѣстнаго приказа помѣстье это прислано не за нимъ, а за Борняковымъ. „И съ того моего помѣстейца, заключаетъ Чирковъ, нынѣ правятъ въ Ростовѣ на крестьяшшкахъ моихъ въ даточные люди съ перехожихъ съ девяти дворовъ". Чирковъ просилъ справить помѣстье за нимъ и съ него, какъ дьяка, взять налогъ. Такъ какъ вслѣдствіе происшедшей путаницы на владѣльца помѣстья сдѣланъ былъ начетъ, то теперь его пришлось сложить. Помѣта гласила: „153 августа въ 23 де. Взять деньги и дать отпись, а взять водпорядъ, а что указано взять вдвое, и тѣхъ денегъ до государева указа въ Ростовѣ не править".—Къ царевичу сибирскому Калиннику въ іюнѣ 150 года „приходятъ изъ Приказа с. р. л. приставы", требуютъ деньги. „А что было помѣстейца за мною дѣда моего царя Алея Кучумовича, повѣствуетъ царевичъ, и то помѣстейце отдано тому же дѣду моему, и тѣмъ помѣстейцемъ владѣлъ онъ, дѣдъ мой, царь Алей Кучумовичъ, а за мною, х. т., твоего жалованья помѣстейца и вотчинишки нѣтъ нигдѣ ни единыя четверти..., а идетъ мнѣ, х. т., жалованье—поденный кормъ".—Матвѣю Буконтову иноземцу дано въ Угличѣ помѣстье 193 чети съ осьминою. Матвѣя въ 136 г. „не стало", и помѣстье было дано матери Матвѣя вдовѣ Аннѣ, его вдовѣ Дарьѣ

и его дочери Аннѣ. Въ 137 г. писцы изъ этого помѣстья оставили вдовамъ 142 чети съ осьминою, отписавъ лишекъ на государя. Въ 139 году этотъ лишекъ отданъ былъ иноземцу же Якову Подлѣсскому, а въ 140 г. за Подлѣсскаго вышла замужъ и Матвѣева вдова Дарья. По случаю ея второго замужества ея вдовій жеребей (одинъ дворъ крестьянскій) былъ отдѣленъ и отданъ другому иноземцу Семену Ямпискому. За вдовой Анной, Матвѣевой матерью, и ея внукой Анной „осталось только два двора крестьянскихъ да дворъ бобыльской самой другой со внукою“. Въ 146 и 147 гг. съ нея взыскали сборъ за пять дворовъ. Въ 151 г. она бьетъ челомъ о томъ, чтобы не взыскивали этого налога снова. $^{30}/_{I}$ 151 г. Приказъ с. р. л. запросилъ по этому поводу Помѣстный приказъ. Память изъ Помѣстнаго приказа отъ $^{22}/_{III}$ 151 г. подтвердила сообщенныя челобитьемъ обстоятельства. Приказомъ с. р. л. была положена резолюція: „Взять къ отпуску и поднесть и выписать на перечень, что было, и что нынѣ стало“ [1]).

Такъ опаздывало дѣлопроизводство Помѣстнаго приказа, судя по умышленнымъ и неумышленнымъ погрѣшностямъ этой статистики, за дѣйствительнымъ теченіемъ жизни, поскольку даже земельныя отношенія опредѣлялись нормами и распоряженіями самого Помѣстнаго приказа,—по этому матеріалу можно судить о томъ, какъ неувѣренно Помѣстный приказъ владѣлъ своимъ собственнымъ дѣлопроизводствомъ. Еще большее вліяніе на статистическіе промахи Помѣстнаго приказа имѣлъ земельный оборотъ, развивавшійся на основаніи частныхъ сдѣлокъ.

Б) Переходъ земли по частнымъ сдѣлкамъ. а) Наслѣдованіе и сдача. Кн. Петръ Хилковъ, дв. м., по случаю новаго налога проситъ справить за нимъ половину суздальской родовой вотчины, уступленной ему братомъ его тому „лѣтъ десять“.—Въ 142 г. по челобитью дв. м. Данилы Милославскаго были написаны за его сыномъ Ильей помѣстья и вотчины, выслуженныя и купленныя; за Даниловой осталось въ Болховскомъ уѣздѣ 163 чет., „а крестьянишекъ и бобылей на той землѣ нѣтъ ни однова человѣка“. „И понѣ, бьетъ челомъ Д. Милославскій, по твоему государеву указу въ Приказъ

[1]) А на оборотѣ запроса изъ Приказа с. р. л. въ Помѣстный многозначительно приписано: „Помилуй мя, Боже, по великѣй милости твоей и по множеству щедротъ твоихъ“.

с. р л. прислано въ росписи именишко мое, а тѣ всѣ земли, которые написаны за сынишкомъ моимъ за Илейкою тому уже пятой годъ, и въ той росписи тѣ же помѣстья и вотчины сынишка моего написаны за мною..., а сынишка мой Илейка въ той росписи прописанъ невѣдомо почему".—Совершенно перепутаны были данныя, относящіяся къ дв. м. Матвѣю Ходыреву. Онъ служитъ 19 лѣтъ и „за отца многую кровь и за свои службишка написанъ по московскому списку", а въ спискахъ Приказа с. р. л. оказался въ недорослях: „а именишко сослано въ росписи съ недоросломи, противъ писцовыхъ книгъ не справясь". Его земля написана за его братомъ Микулой, который уже 6-ой годъ какъ постригся, и за его матерью, которая на самомъ дѣлѣ ничѣмъ не владѣетъ. Самъ Ходыревъ находится на службѣ на Крапивнѣ, а воевода Заболоцкій правитъ на его „людишкахъ и пяти бобылишкахъ".— Въ 142 году Степану Самарину сдала помѣстье тетка его Фетинья Заболодкова въ Вологодскомъ уѣздѣ въ Кубенской волости. Степанъ съ этого помѣстья служилъ и прислалъ съ него даточнаго человѣка и перехожія деньги, между тѣмъ за это помѣстье деньги вторично правятъ съ его тетки.—Иванъ Орловъ уже „четвертый годъ", какъ отдалъ 2 коломенскихъ двора въ приданое Василію Голохвастову, а ²/ıı 147 года съ него доправили деньги, хотя эти два двора уже написаны за Голохвастовымъ и въ писцовыхъ книгахъ. Того же числа Орловъ поспѣшилъ бить челомъ о справкѣ. — Сотникъ московскихъ стрѣльцовъ Л. Баландинъ женился въ 144 году на вдовѣ Марьѣ Черневой и взялъ за ней „3 дворишка бобыльскихъ, четвертое дворишко вдовиное" на Вологдѣ. Въ 147 г. съ него правятъ за эти 4 двора 16 р., ошибкой удвоивъ ихъ число (половина помѣстья была отдана стольнику Макшееву), между тѣмъ какъ онъ, Баландинъ, съ этого помѣстья служитъ уже четвертый годъ.—Со вдовы Ульяны Чевкиной, владѣвшей съ дѣтьми Васькой и Гришкой помѣстьемъ на Рязани, требуютъ 3 рубля, между тѣмъ какъ „большой ея сынъ Ивашко" служитъ тому пятый годъ, а крестьяне ея „съ дымовъ стоятъ у засѣки безпрестани и засѣку вдругорядь подѣлываютъ". За службу сына 3 рубля со вдовы сложены.—Муромецъ Кровковъ умеръ, и помѣстье его дано „тому лѣтъ съ десять" сыну его Алексѣю Кровкову, который верстанъ и служитъ по Свіяжску, между тѣмъ съ

Алексѣя требуютъ налогъ, какъ съ недоросля.—Бѣлозерскій помѣщикъ Аѳанасій Дѣвкинъ за Смоленскую службу послѣ вдовы Татьяны Ивановской жены Осколянина получилъ $^{20}/_{V}$ 143 года 35 четей, а въ 147 г. прислана грамота къ воеводѣ, „что велѣно съ того вдовина помѣстейца взять поворотныя вдатошныя денги по старымъ вдовымъ дачамъ“. Помѣта гласила: „Государь пожаловалъ, будетъ ему то помѣстье дано, денегъ не править.“— Жилецъ Михаило Шокуровъ получилъ помѣстье послѣ брата, погибшаго подъ Смоленскомъ, съ обязательствомъ кормить мать. Самъ онъ служитъ „съ своею братьею врядъ болши 15 лѣтъ“. Въ 146 году онъ деньги заплатилъ и самъ былъ на службѣ на Тулѣ. Между тѣмъ Приказъ с. р л. вторично требуетъ за 146 г. налогъ, числя и его умершаго брата и его самого въ недорослѣхъ и совершая тѣмъ самымъ двойную ошибку—вторичнаго взысканія и зачисленія Шокурова въ категорію недорослей.—Ѳедоръ Ушковскій получилъ на Вологдѣ помѣстье умершаго недоросля Тимоѳея Унковскаго; „помѣстье давно за мной, писалъ Ушковскій, а съ него служу тебѣ, г., шестой годъ“; между тѣмъ въ январѣ 147 года съ него требуютъ налогъ за 146 годъ, считая помѣстье за Тимоѳеемъ Унковскимъ.—Окольн. кн. Андрей Литвиновъ-Мосальскій получилъ отъ сестры своей Марьи Волынской въ 143 г. ярославское помѣстье село Медягино. Въ 146 и 147 гг. онъ посылалъ даточныхъ людей со своихъ владѣній, включая въ общій итогъ (161 дворъ) и Медягино. Въ 148 г. село очевидно оказывается за Волынской, такъ какъ за него требуютъ налогъ особо. Кн. Литвиновъ-Мосальскій просилъ о справкѣ „по росписемъ и по смотрѣннымъ спискамъ и по отпускомъ.“ Въ Приказѣ с. р. л. не сразу сообразили какъ поступить: рѣшено было „выписать или сыскать послѣдняя память, какова прислана изъ Помѣстнаго приказа“.— У Артемья Шипилова отца не стало въ 143 г., „а что было за отцомъ... государева жалованья ино выслуги помѣстей и вотчинъ“, по челобитью отца перешло къ Артемью; въ 146—7 гг. онъ заплатилъ сборъ исправно, а въ 148 г., считая эти помѣстья и вотчины за его отцомъ, деньги „правятъ вдругорядь“. Между тѣмъ въ 146 г. Приказъ с. р. л. уже запрашивалъ Помѣстный приказъ, соотвѣтствующая справка была сдѣлана, и Помѣстный приказъ признавался, что ошибка произошла потому, что „земленой спи-

сокъ отпущенъ для поспѣшенья вскорѣ". Шипиловъ просилъ „тое память въ столпѣхъ пріискать и свой г. указъ учинить, чтобы ему напрасно съ своихъ деревишекъ вдругорядь за даточные люди денегъ не платить". Въ Приказѣ заторопились, [16]/VI 148 года велѣно было „пріискать память тотчасъ". Противъ самаго факта своего обложенія Шипиловъ не протестовалъ и въ 146 г. исправно поставилъ 3 даточныхъ, замѣнивъ третьимъ даточнымъ 12 р. перехожихъ денегъ, такъ какъ въ его отсутствіе денегъ „промыслить некому". — Василій Тюменевъ получилъ отъ своей сестры Олены ея прожиточное помѣстье (2 дв.) еще въ 140 году. Съ этого помѣстья онъ „сестру свою поилъ, кормилъ и замужъ выдалъ", а въ 148 г. спохватились и стали править съ него налогъ за два года. — Сурначей Климъ Воронинъ служитъ 25-й годъ и при окладѣ 250 четей въ дачѣ имѣетъ только 10 четей, — „и то взялъ я съ бѣдности за женишкою своей прожитошный ея жеребей за дѣвкой Ѳедоркой задворнаго конюха за Яковлевскою дочерью Ѳаддеева сына Кузьмина прошломъ во 141 г. въ Вологодскомъ уѣздѣ въ Богословской волости за Кубенскимъ озеромъ"; живущаго тамъ написано въ писцовыхъ книгахъ „2 бобыленка". Воронинъ „ожидалъ царскаго жалованья, чтобъ къ той малыя дачи, гдѣ бъ испомѣститься, и челобитье его многое государю . . . было". Съ этого „дѣвкина" помѣстья доправлено по 4 рубля на 146—147 гг., да въ Большой приходъ 4 р. въ 149 г. Между тѣмъ дѣвка за нимъ замужемъ десятый годъ [1]), и ввозная грамота на то помѣстье Воронину дана „въ томъ же году, какъ тое дѣвку взялъ за себя." „И съ того помѣстьица, писалъ Воронинъ, служу я всякія твои г. службы, какія, г., ни укажешь". Воронинъ просилъ вернуть взысканныя „запапрасно" деньги и хлопоталъ о грамотѣ къ воеводѣ: „чтобъ съ того дѣвкина прожиточнаго помѣстьица впередъ не правили запапрасно никакихъ твоихъ г. податей, что стоитъ то помѣстьице въ дачахъ за мною, а не за дѣвкою". Воронинъ заботливо ходатайствовалъ, чтобы оригиналъ сооотвѣтственной грамоты на Вологду былъ данъ ему „впередъ для спору и продажи", а списокъ—посланъ воеводѣ. [3]/III 151 г. была положена довольно загадочная резолюція: „Государь пожаловалъ, велѣлъ въ томъ учинить противъ иныхъ та-

[1]) Дѣло относится къ 151 году.

кихъ"—указаніе на то, что въ Приказѣ даже къ 151 г. какъ будто еще не опредѣлилась твердо точка зрѣнія на тотъ разрядъ мелкопомѣстныхъ служилыхъ людей, къ которому принадлежитъ Воронинъ.—Вологжанину Елмаметеву дано въ 144 г. прожиточное помѣстье вдовы Мавры Елмаметевой же. Съ этого помѣстья онъ служитъ 6-ой годъ, а между тѣмъ только въ 148 г. на „его людишкахъ и крестьянишкахъ" и даже на „женишкѣ" правятъ налогъ, несмотря на то, что ему была уже выдана въ свое время грамота о неправежѣ съ него за его службу. ³/xi 148 г. распорядились справиться о его дѣлѣ въ Помѣстномъ приказѣ. Въ отвѣтъ на этотъ запросъ изъ Помѣстнаго приказа ¹⁴/xi 148 г. писали, что „подъячіе сказали: потому-де въ тѣ поры той дачи не выписано, что тотъ списокъ дѣланъ въ разныхъ столѣхъ и отпущенъ вскорѣ, съ дачами справиться для поспѣшенья не успѣли". Въ Приказѣ с. р. л. положили резолюцію: „тѣхъ денегъ правити не велѣти и въ книгахъ подписати". — Въ 140 г. вдова Анна Жукова сдала торопчанину Посшку Абашову свой прожиточный жеребей; между тѣмъ изъ двухъ дворовъ этого жеребья „мужиченки сбрели за рубежъ въ Бѣльской уѣздъ". Приказъ с. р. л. ¹⁹/vi 149 г. запросилъ о юридическомъ положеніи жеребья Жуковой, и ¹¹/vii того же года сообщилъ Большому приходу о невзиманіи налога съ Абашова. — Костромичъ Иванъ Замыцкой, женившись въ 144 г. на вдовѣ Ратковой, справилъ за собой и ея помѣстье и помѣстье ея дочери дѣвки Афросиньи. Несмотря на то, что онъ служилъ въ 146 г., Замыцкой заплатилъ деньги, а въ 148 г. съ него потребовали и другія деньги на оба года, на 146 и 147 гг. Замыцкой билъ челомъ о томъ, чтобы съ него не взыскивали вторыхъ денегъ, и о томъ, чтобы вообще не правили сбора, такъ какъ онъ „службу служитъ". — Дв. м. Андрей Усовъ получилъ прожиточное помѣстье сестры своей Анны, по мужу Измайловой, 12 дворовъ. Въ 146 г. онъ заплатилъ положенные 12 р., а въ 154 г. воевода правитъ съ этого помѣстья на 146 г. — „по росписи, какъ было за сестрою моею за Анною", пишетъ Усовъ, между тѣмъ какъ онъ владѣетъ этимъ помѣстьемъ со 143 года по отказнымъ книгамъ Переяславля Рязанскаго губного старосты Ѳедора Чебышева „и по ся мѣста". — Галичанамъ Ивану Березникову и Ивану Березину вдова княг. Екатерина Долгорукая сдала пополамъ (по 100 четей) свое галиц-

кое прожиточное помѣстье. Съ этого помѣстья они служатъ. „И нынѣ (въ 154 г.), били челомъ Березниковъ и Березинъ, правятъ на насъ и на крестьянишкахъ нашихъ твои г. даточныя деньги на прошлые годы и на нынѣшній годъ: въ Помѣстномъ приказѣ по твоему указу вдовы и недоросли выписываютъ и отсылаютъ имена ихъ къ сбору ратныхъ людей“,—между тѣмъ они въ тѣ годы, за которые велѣно править, служили. Кромѣ того, Березниковъ смѣнялся съ галичанишомъ Френевымъ на помѣстье, которое Френевъ взялъ за дѣвкой Шпряевой. Въ 146—7 гг. съ этого помѣстья служилъ Френевъ, а теперь служитъ Березниковъ. Дѣлопроизводства по этому дѣлу не сохранилось, но, судя по помѣтѣ, дѣло было, вѣроятно, разрѣшено въ благопріятную для челобитчиковъ сторону [1]).

б) Мѣна. Другой типъ частно-правовыхъ операцій, отражавшійся на приказномъ дѣлопроизводствѣ,—мѣна землей. Дв. м. Мих. Засѣцкій, владѣвшій 35 дворами въ Угличѣ, Арзамасѣ и Гороховцѣ, гороховецкое помѣстье вымѣнилъ еще въ 143 году у кн. Михаила Шаховского,—помѣстье это оказалось за нимъ прописаннымъ.—Аксинья Зубатова 11 крестьянскихъ и бобыльскихъ дворишковъ своего костромского прожиточнаго помѣстья „после писцовъ для обидъ и сосѣдства промѣнила со крестьяны“ костромитину Ивану Воронову „на пустую землю“. Вдова просила взять съ нея налогъ не съ 11 дворовъ, а съ 5, съ вычетомъ отданныхъ въ обмѣнъ 6 дворовъ.—Ларіонъ Комынинъ промѣнялъ свои алексинскія и перемышльскія помѣстья на тарусское,—вымѣненныя помѣстья были прописаны.—Угличанинъ Иванъ Хомяковъ вымѣнилъ у соловлянки Мясоѣдовой ея тульское прожиточное помѣстье съ 1 дворомъ, между тѣмъ помѣстье, „не справяся“, „отпущено въ земляномъ списку къ сбору ратныхъ людей за вдовою“, и еще въ 149 г., когда вдова уже успѣла умереть, помѣстье ея все еще числилось за ней, и деньги съ него за 147 г. продолжали требовать. [19]/III 149 г. въ Приказѣ с. р. л. распорядились разслѣдовать, когда произошла мѣна.

в) Продажа. Съ дв. м. Мих. Трусова требовали налогъ за его выслуженную козельскую вотчину, которую онъ еще въ 144 г.

---

[1]) Это было вторичное челобитье. Первое ихъ челобитье было доложено [14]/III 153 г.

продалъ Дмитрію Толочанову.—Съ дв. м. Алексѣя Полева требуютъ налогъ за рузскую вотчину, которую онъ еще въ 142 г. продалъ окольничему Мих. Салтыкову. Приказъ с. р. л. потребовалъ налогъ съ нихъ обоихъ.—Этотъ же Алексѣй Полевъ успѣлъ продать другую вотчину думному дьяку Гавреневу—„седьмой годъ“, Гавреневъ передалъ ее дальше въ приданое за дочерью, между тѣмъ человѣкъ Алексѣя Полева попалъ на правежъ за неплатежъ по ней Полева.—За дѣвками Парашкой, Аксюткой и Дунькой Третьяковыми прописана „родственная“ вотчина въ Ростовѣ село Лазарцово изъ 44 дворовъ, зато приписаны село Судино и дер. Сидоркова, всего 18 дворовъ, проданныхъ ими въ 143 г. дьяку Гаврилѣ Леонтьеву,—хотя по Гавриловѣ сказкѣ эти 18 дворовъ и были написаны за нимъ въ спискѣ, присланномъ изъ Помѣстнаго приказа въ Приказъ с. р. л. Челобитчицы почему-то просили, кромѣ справки, еще и о допросѣ жены Леонтьева. Приказъ с. р. л. запросилъ о сути дѣла Помѣстный приказъ.—Кн. Ефимъ Мышецкій жаловался на прописку своего владимірскаго помѣстья и на приписку новгородской вотчины, которою „многія лѣта владѣетъ“ купившій ее кн. Дм. Мих. Пожарскій. Приказъ с. р. л. взыскалъ сборъ и съ него и съ князя Пожарскаго,—„и такъ взято съ тое вотчины вдвое“. Челобитчикъ просилъ „тѣ его денжонки выдать изъ казны“.—Кн. Никита Мезецкій продалъ рязанскую вотчину, половину с. Константиновскаго 10 дворовъ, князю Семену Волконскому и Поснику Юшкову въ 142 году. Покупщики владѣли этой вотчиной, но не справлялися въ записныя книги. По челобитью Мезецкаго велѣно было кн. Волконскаго и Юшкова „поставить въ Помѣстномъ приказѣ передъ думнымъ дьякомъ Михаиломъ Даниловымъ съ товарищи и допросить: та вотчина имъ продана, и купчая у нихъ на ту вотчину есть ли, и въ томъ учинить указъ по уложенью“. Юшковъ заплатилъ налогъ со своей половины, а кн. Волконскій нѣтъ, и Мезецкому въ 146 году пришлось заплатить сборъ за дворы, принадлежавшіе князю Волконскому; въ 147 году налогъ потребовали съ него опять.—Ларіонъ Салтыковъ продалъ въ 143 г. можайтину Второму Абрамову кашинскую вотчину. Въ 146 г. съ Салтыкова, повидимому, взыскали налогъ, но въ 147 г. онъ просилъ „въ прошлыхъ денгахъ, что онъ съ той кашинской

вотчины въ Приказъ с. р. л. платилъ, свой государскій указъ учинить", и впредь не брать.

г) Залогъ земли. Въ дѣлопроизводствѣ Приказа с. р. л. встрѣчается случаевъ десять, когда налогъ падалъ на заложенную землю. Приказъ во всѣхъ этихъ случаяхъ послѣдовательно уважалъ точку зрѣнія, проводимую челобитчиками: налогъ падалъ на залогодержателя. Такъ, дв. м. Ив. Ст. Колтовскій 17 дворовъ своей вологодской вотчины частью продалъ нѣмчину Редесдорпу, а частью заложилъ Зубову и просилъ взыскивать сборъ съ залогодержателя и покупщика.—Дв. м. кн. Никита Леонтьевъ Шаховской, наоборотъ, билъ челомъ записать за нимъ при взысканіи налога вотчину, заложенную ему мурзами въ Арзамасѣ, и арендованную у нихъ же на 30 лѣтъ помѣстную пустошь.—Кн. Борисъ Щепинъ-Ростовскій выкупилъ ярославскую вотчину, заложенную у кн. Ив. Шаховского сохою Щепина, и на этомъ основаніи билъ челомъ расчетъ по налогу произвести съ нимъ.—У сытника Хлѣбеннаго дворца Никиты Телѣгина подключникъ Иванъ Пустобояровъ заложилъ и просрочилъ костромскую вотчину. Телѣгинъ просилъ перечислить ее за себя Вдова Ѳедора Бутурлина и Аѳанасій Кокошиловъ заложили каждый по половинѣ суздальскаго с. Тарбаева Ивану Матюшкину и просили даточныхъ взять съ Матюшкина. Приказъ уважилъ просьбу.—У Никифора Талызина была въ залогѣ рязанская вотчина Аѳанасія и Леонтія Кобяковыхъ. Вотчину эту выкупилъ почему-то Иванъ Кубасовъ. Талызинъ хлопоталъ о томъ, чтобы налогъ брали не съ него, а съ Кубасова.—Кн. В. П. Ахамашуковъ-Черкасскій заложилъ алатырскую вотчину, жеребей села Кучкаева, Ивану Матюшкину. Матюшкинъ билъ челомъ, [1]) чтобы ее числили за нимъ и налогъ взяли съ него. Въ Казанскомъ дворцѣ была наведена справка о количествѣ дворовъ въ Кучкаевѣ,—ихъ оказалось 14 (8 крестьянскихъ и 6 бобыльскихъ на 100 четяхъ), но любопытно, что Казанскій дворецъ показалъ себя совершенно неосвѣдомленнымъ въ вопросѣ о налогѣ. Память Казанскаго дворца гласила: „а что съ той вотчины жеребія с. Кучкаева, что за Иваномъ Матюшкинымъ, даточныхъ лю-

[1]) Челобитье это было подкрѣплено 7/III 147 г. новымъ его челобитьемъ, поданнымъ совмѣстно съ кн. Ахамшуковымъ-Черкасскимъ.

дей и за перехожіе дворы взять денегъ, и тово г. указу въ приказѣ Казанскаго дворца невѣдомо". — Вдова боярина Петра Головина Настасья заложила „для великіе бѣдности отъ долгу" свою отцовскую вотчину въ Козельскѣ стольнику Ивану Никитину Панину; вотчиной владѣлъ Панинъ, и налогъ она просила взять съ него. Помѣта гласила: „147 іюня въ 5 де. Государь пожаловалъ, тѣхъ денегъ на ней имать не велѣлъ, а велѣлъ тѣ деньги взять на томъ, кому она вотчину заложила".—Петръ Волынскій заложилъ рязанскую вотчину Осипу Юшкову и Ивану Панину. „Тое вотчину (я) просрочилъ, писалъ Волынскій, что выкупить нечѣмъ, и по закладной тое вотчину я за ними записалъ въ вотчинныя книги въ Помѣстномъ приказѣ, и тою вотчиною владѣютъ они Осипъ да Иванъ". Въ 146 г. съ вотчины были на засѣкѣ 2 человѣка. Волынскій просилъ о справкѣ, что та вотчина не за нимъ, а за его кредиторами. Челобитья Головиной и Волынскаго, задолжавшихъ Панину, были подкрѣплены ходатайствами самого Панина, доложенными $^{28}/_{VI}$ 147 года, нѣсколько позднѣе упомянутыхъ челобитій.—Иванъ Матюшкинъ, развившій повидимому довольно значительныя земельныя операціи, билъ челомъ $^{21}/_{XI}$ 147 г. о томъ, что за нимъ прописана муромская вотчина Языково, мещерская вотчина Горемыкина Баврина, — „да съ Михаила Еропкина довелось взять съ помѣстей и вотчинъ 2 человѣка даточныхъ да 6 рублей денегъ. И я, х. т., отпущалъ на твою, г., службу за себя и за Михаила Еропкина даточныхъ 7 человѣкъ..., а нынѣ спрашиваютъ на мнѣ, х. т., рубля, а съ Михаила Еропкина шти рублевъ, а того, г., не спрашиваютъ, укоризненно прибавлялъ Матюшкинъ, что я, х. т., послалъ даточныхъ лишнего человѣка". Помѣта гласила: „Г. пожаловалъ: будетъ взятъ человѣкъ лишней, зачести и денги не имать".

Итакъ, въ случаяхъ нахожденія земли въ залогѣ и сами заинтересованныя лица и по ихъ иниціативѣ правительство держатся послѣдовательно той точки зрѣнія, что за заложенную землю вноситъ налогъ залогодержатель, стало быть у него она находится и во владѣніи.

д) Раздѣлы. Столь же неполно, какъ и перечисленные виды земельныхъ операцій, отражались въ дѣлопроизводствѣ Помѣст-

наго приказа, а черезъ него въ дѣлопроизводствѣ Приказа с. р. л., и раздѣлы. Такъ, вологжане братья Рамейковы по смерти своего отца Ивана били челомъ о раздѣлѣ въ 144 году. Помѣстье было раздѣлено между ними пополамъ; между тѣмъ въ 147 г. вологодскій воевода кн. Ив. Ѳед. Волконскій правилъ на крестьянахъ, доставшихся на долю Андрея Рамейкова, деньги за все помѣстье и на 146 и на 147 гг., а въ росписи, къ нему присланной, помѣстье значится цѣликомъ за братомъ его недорослемъ Осипомъ. При докладѣ поняли челобитье А. Рамейкова въ двухъ смыслахъ— какъ просьбу о справкѣ и какъ просьбу о сложеніи налога за его службу, и въ этомъ смыслѣ была положена благопріятная резолюція. — Другой примѣръ: вдова Авдотья Языкова получила въ ярославскомъ помѣстьѣ своего мужа прожиточную долю, — „и достальное помѣстье мужа моего дано на Вологдѣ и въ Ярославлѣ Ивану Семенову сыну Языкову да Семену Ѳедорову сыну", пишетъ вдова,—а между тѣмъ въ 150 г. съ нея„ у сбора ратныхъ людей" правятъ деньги за все помѣстье.—Съ Пятого Спиридонова правятъ въ 152 г. на прошлый 147 г. ратнымъ людямъ на жалованье деньги съ галицкаго помѣстья и вотчины его отца, между тѣмъ какъ при раздѣлѣ владѣній его отца галицкіе дворы достались его брату Матвѣю, а Пятой получилъ только 6 дворовъ въ Бѣжецкомъ верху.

Сквозь дѣлопроизводство Приказа р. с. л. виднѣется Помѣстный приказъ—бюрократическій левіаѳанъ, вѣдавшій земельныя дѣла. Мы встрѣчаемся съ нѣкоторой оцѣнкой и характеристикой его работы въ челобитьяхъ служилаго люда. Источникомъ чисто формальныхъ ошибокъ Помѣстнаго приказа является часто то обстоятельство, что при составленіи своихъ вѣдомостей о землевладѣніи, руководясь писцовой книгой, онъ перебивалъ ея данныя справкой съ другими документами. Такъ, дв. м. Тимоѳей Хатунскій билъ челомъ о томъ, что купленная имъ на Рязани вотчина написана за нимъ по вотчиннымъ записнымъ книгамъ, а не съ писцоваго перечня.—Дв. м. Василій Кречетниковъ жаловался на то, что съ него требуютъ сборъ по отдѣльнымъ, а не по писцовымъ книгамъ. — За Ириной Нагой „въ Романовскомъ уѣздѣ треть сельца Мошакова съ деревнями отпущена изъ Помѣстнаго приказа... по старымъ дозорнымъ книгамъ, не справясь съ писцо-

выми книгами".—Въ одномъ изъ своихъ челобитій Иванъ Матюшкинъ просилъ взять съ его арзамасскаго и кадомскаго помѣстій по писцовымъ, а не по отдѣльнымъ книгамъ, такъ какъ у него „въ отдѣльныхъ книгахъ и малые робята переписаны". Отказныя и отдѣльныя книги противополагаютъ писцовымъ Б. Колтовскій, Аѳина Ивашкина, Ив. и Ник. Тироновы, Фил. Поливановъ, Л. Плещеевъ, Ник. Телепневъ, кн. Сем. Барятинскій, Андрей Волынскій. Возраженія, обычно глухія, противъ обращенія къ отказнымъ и отдѣльнымъ книгамъ основаны большею частью на томъ, что количество дворовъ, въ нихъ значащееся, превосходитъ количество дворовъ, показанное въ писцовыхъ книгахъ, и платить налогъ по этимъ даннымъ челобитчику было труднѣе, чѣмъ по писцовымъ книгамъ. Немногіе случаи возраженія противъ писцовыхъ книгъ требуютъ ихъ провѣрки. Такъ, Никифоръ Талызинъ билъ челомъ о томъ, что его „романовское помѣстье написано изъ Помѣстнаго приказа по писцовымъ книгамъ, не справясь съ дачами".

Въ челобитьяхъ своихъ служилые люди раскрываютъ и тѣ прорѣхи, которыя оказались въ системѣ писцовыхъ книгъ къ моменту открытія дѣйствій Приказа с. р. л. Такъ, дв. м. Осипъ Хлоповъ, жалуясь на ошибки въ спискѣ, указывалъ на то, что „писцы въ Гусской волости (Владимірскаго у.) не бывали, а старыя дачи въ Помѣстномъ приказѣ пропали".—Дв. м. Ѳедоръ и Иванъ Рагозины указывали на то, что писецъ Романъ Чебышевъ, описывавшій Мценскій уѣздъ, „письма своего и книгъ въ Помѣстный приказъ не отдалъ".—Ив. Чирпковъ жаловался на какую-то общую неисправность ярославскихъ книгъ, вслѣдствіе которой оказалась ошибка и противъ его имени.—Лукерья Шушерина била челомъ, указывая на то, что при сообщеніи свѣдѣній о ея дворахъ не принята въ расчетъ приправочная книга по Ярославлю, и потому ея доля мужнина помѣстья спутана съ долей, доставшейся другому лицу.—Григорій Посниковъ Огаревъ указывалъ въ своемъ челобитьѣ: „съ юрьевскихъ писцовыхъ книгъ списки къ твоимъ государевымъ боярамъ не отосланы".—О томъ же пишетъ Иванъ Нелединскій, юрьевская вотчина котораго прописана: „въ Помѣстномъ приказѣ сказываютъ подъячіе, что Юрьева Польского всего съ уѣзда взяты книги въ Че-

лобитный приказъ до земляного списка, и по ся мѣста... память... не отпустятъ".[1]) — Помѣстный приказъ самъ объяснилъ прописку въ вѣдомости относительно окольничаго Михаила Салтыкова слѣдующимъ образомъ: списокъ не содержалъ дворовъ его дмитровской вотчины потому, „что выписать тое вотчины крестьянъ не изъ чего: писцы тѣхъ вотчинъ не писали, что отписаны были тѣ вотчины во дворецъ, а з дворца по росписи, какъ тѣ отписные вотчины велѣно отдать окольничему Михаилу Михайловичу, дворы не писаны же".

Служилымъ людямъ приходилось для исправленія данныхъ и ускоренія дѣлопроизводства самимъ хлопотать о сношеніи учрежденій между собою, слѣдуя примѣру Тимоѳея Стрѣшнева, который лично „вынесъ въ памяти всѣ свои помѣстья и пошехонскую и ярославскую вотчину", когда ему вторично пришлось исправлять ошибки Приказа подъ своимъ именемъ.

Въ своихъ челобитьяхъ служилые люди иногда не ограничиваются указаніемъ ошибки и исправленіемъ, а съ большею или меньшею сдержанностью высказываютъ и свое оцѣнивающее сужденіе о дѣлопроизводствѣ Помѣстнаго приказа. Дв. м. Борисъ Бартеневъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ писалъ въ своемъ цитированномъ выше челобитьѣ: „написано за мною въ городѣхъ, а невѣдомо въ которыхъ..., глуха изъ Помѣстнаго приказа написано..., а я, х. т., дачи и крестьянъ не тою и въ Помѣстномъ приказѣ о томъ не промышляю якъ". На ряду съ неоднократно встрѣчающимся обходительнымъ „невѣдомо почему", сквозь которое едва чувствуется неудовольствіе, мы встрѣчаемъ и прямые упреки Помѣстному приказу. Такъ, Яковъ Быковъ, жалуясь на путаницу, указываетъ на то, что „отпущены дачи изъ Помѣстнаго приказа, не справясь". На то же самое жалуется и Даніилъ Елагинъ: помѣстья и вотчины его присланы изъ Помѣстнаго приказа въ земляномъ спискѣ въ Приказъ с. р. л., „не справясь, вскорѣ для поспѣшенья".

3. Реакція служилыхъ людей на сборы.

Своими размѣрами, порывистой стремительностью и безпорядочностью взиманія сборы Приказа с. р. л. вызвали сильную реак-

[1]) Ср. Ю. В. Готье „Замоскóвный край", стр. 45 и 69.

цію среди служилыхъ людей, развившуюся въ разныхъ направленіяхъ. Служилые люди или хлопотали объ облегченіи налога или выражали протестъ противъ него. Протестъ незамѣтно развивается изъ ходатайствъ объ облегченіи, но случаи протеста гораздо малочисленнѣе, чѣмъ челобитья относительно облегченій и льготъ. Обратимся сначала къ ходатайствамъ о льготахъ и посмотримъ, о чемъ били челомъ служилые люди, когда требованія Приказа с. р. л. считали несправедливыми или не могли или не хотѣли исполнять ихъ. Ходатайства о льготахъ можно раздѣлить на три группы. Челобитчики просили: А) о замѣнѣ денежнаго сбора поставкою даточнаго и рѣдко обратно, Б) объ отсрочкѣ или разсрочкѣ сбора, В) наконецъ, о совершенномъ сложеніи его.

А) Замѣна денежнаго сбора даточными и обратно. Служилые люди ходатайствовали о замѣнѣ денежнаго взноса даточнымъ довольно часто: дѣлъ, возбужденныхъ такими челобитьями около 100 [1]). О замѣнѣ даточнымъ уплаты 20 р. можно насчитать 19 дѣлъ, о замѣнѣ 19 р.—28 дѣлъ, 18 р.—19 дѣлъ, 17 р.—8 дѣлъ, 16 р.—8 дѣлъ, 15 р.—7 дѣлъ, 14 р.—5 дѣлъ, 13 р.—3 дѣла, 12 р.—4 дѣла, 11 р.—3 дѣла, 10 р.—1 дѣло [2]).

---

[1]) Имена лицъ, которыми были возбуждены дѣла о замѣнѣ денежнаго сбора даточными: О. И. Битяговскій, Вл. Зюзинъ, П. Сытинъ, О. Овцынъ, М. Кудрявый, А. Шишиловъ, М. А. Наумовъ, В. Кожинъ, дѣвки Третьяковы, Дм. и Ст. Аксѣмовы, кн. И. Дашковъ, кн. Дм. Пожарскій, М. Пушкинъ, Б. Пушкинъ, Д. Замыцкой, И. Головинъ, кн. М. Лобанова-Ростовская, кн. Ив. Лобановъ-Ростовскій, И. Львовъ, кн. М. Козловскій, М. Стрѣшневъ, А. Плещеева, Ст. Хрущовъ, А. Мѣшковъ-Плещеевъ, кн. П. Шаховской, Неум. Кокошкинъ, Анд. Вельяминовъ, Гр. Бѣльскій, Б. Морозовъ, кн. Вас. Ромодановскій А. Годуновъ, кн. Ю. Звенигородскій, Д. Плещеевъ, кн. Д. и О. Щербатые, Анд. Львовъ, кн. М. Кольцовъ-Мосальскій, Ив. Селунскій, Т. Барай-Мурзинъ Кутюмовъ, кн. Ѳ. Хворостининъ, И. Боборыкинъ, Я. Толочановъ, Юшковъ, Ю. Бутурлинъ, И. Полевъ, И. Лодыгинъ, Гр. и М. Зюзины, К. и А. Леонтьевы, В. Безобразовъ, Т. Хрущовъ, М. Милюковъ, И. Кваштинъ, Я. и Г. Безобразовы, М. Измайловъ, Ив. Бѣгичевъ, Ѳ. Годуновъ, П. Протасьевъ, О. Племянниковъ, кн. Д. Горчаковъ, кн. Ю. Буйносовъ-Ростовскій, М. Клешнинъ, И. Матюшкинъ, кн. Г. и С. Барятинскіе, кн. И. Урусовъ, Ѳ. Голенищевъ-Кутузовъ, М. Плещеевъ, Ѳ. и Г. Шишкины, И. Бѣглецовъ, И. и В. Чихачовы, Б. Плещеевъ, М. и И. Головачовы, И. Философовъ, И. Сомовъ, В. Языковъ, Ст. Мертвой, Ѳ. и А. Пашковы, Гр. Башмаковъ, Я. Вестужевъ, кн. И. и В. Пріимковы-Ростовскіе, О. Нестеровъ, П. Салмановъ, кн. И. Львовъ, кн. Д. Гагаринъ, кн. И. и Д. Барятинскіе, П. Даниловъ, А. Чубаровъ, В. Ляпуновъ, И. Доможировъ, И. Чаплинъ, И. Чулковъ, И. Лодыженскій, И. Панинъ, М. Петровъ, А. Безобразовъ, В. Племянниковъ, Я. Кологривовъ, М. Дурный, П. Спазинъ, Т. Карауловъ, С. Павловъ, кн. Г. Волконскій, И. Бутурлинъ, Гр. Олябьевъ.

[2]) Случаи замѣны рублей съ дробями (напр., 18 р. 24 ал. 2 д.) присчитаны мною къ ближайшей категоріи полныхъ рублей безъ алтынъ и денегъ.

Замѣнено было даточными по этимъ даннымъ въ 146—7 гг. 1825 р. 7 ал. 4 д.

Очевидно выгоднымъ выставить взамѣнъ налога даточнаго считали лишь въ томъ случаѣ, если платить приходилось 19-18-17 р. Меньшія суммы денежныхъ взносовъ замѣняли лишь вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, раскрыть которыя по дѣлопроизводству Приказа с. р. л., однако, невозможно. Изъ этого наблюденія вытекаетъ тотъ выводъ, что населеніе и само, подобно правительству, цѣнило выставленіе даточнаго, отнимавшее рабочую силу въ хозяйствѣ, рублей въ 18—20.

Мотивировкой замѣны денежнаго платежа даточнымъ обычно служитъ ничего не говорящій гиперболическій плеоназмъ: „чтобы съ голоду не умереть и службы твоей не отбыть“.—Стряпчій Хлѣбеннаго дворца Василій Кожинъ, владѣвшій 18 дворами на Бѣлозерѣ, мотивировалъ свое ходатайство о замѣнѣ денегъ даточнымъ такъ: „помѣстье нынѣ стало пусто, крестьянишки разорились, и г. денегъ за даточнаго человѣка платити нечѣмъ...“—Алексѣй Мѣшковъ-Плещеевъ, бившій челомъ тоже о замѣнѣ 18 р. даточнымъ, ссылался на то, что „платить тѣхъ перехожихъ денегъ нечѣмъ — деревнишки пусты, взять тѣхъ денегъ не па комъ“. Кн. Никита Шаховской билъ челомъ о замѣнѣ 17 р. даточнымъ „для бѣдности“. Тотъ же мотивъ приводится въ челобитьяхъ Никиты Боборыкина, Ѳедора Годунова, Вас. Языкова, Як. Бестужева, Ивана Лодыгина, жалующагося на то, что ему „денегъ взять негдѣ“, Несмѣяна Чаплина, утверждающаго, что 16 р. ему платить „не къ силѣ и нечѣмъ“, Степана Мертвого, заявляющаго что 18 р. онъ заплатить не можетъ—„денжонокъ у меня нѣтъ, взяла скудость“. Иногда челобитчикъ ссылается не на свою бѣдность, а на бѣдность своихъ крестьянъ. Ѳедоръ Костінъ, которому приходилось внести 19 р., указывалъ на то, что ему „крестьянишка... денегъ съ прошлаго году не присылавали и хотятъ брести розно“. Онъ просилъ взять даточнаго: „чтобъ у меня, х. т., твое царское жалованье отъ тѣхъ податей помѣстейце не запустѣло“. Павелъ Салмановъ объясняетъ свою просьбу замѣнить 18 р. даточнымъ тѣмъ, что „крестьянишки разбрелись врозь, и денегъ дать... нечего“. Въ немногихъ случаяхъ челобитье о замѣнѣ мотивировано ссылкой на служебныя тягости. Такъ, Андрей Вельяминовъ бьетъ

челомъ замѣнить 19 р. даточнымъ „для сибирской службы“, Ѳедоръ Нестеровъ для службы на Тулѣ, прибавляя: „да и денегъ теперя взять негдѣ“. Тотъ же самый мотивъ приводитъ Артемій Шапиловъ: безъ него, находящагося на Тулѣ, денегъ „промыслить некому“.

Точка зрѣнія Приказа с. р. л. въ случаяхъ ходатайствъ о такой замѣнѣ выражается, напр., въ помѣтѣ на упомянутомъ уже челобитьѣ Василья Языкова, просившаго замѣнить даточнымъ 18 р.: „146 года августа въ 8 де. Взять за 18 рублевъ человѣка потому, чтобы государевой казнѣ прибыльнѣй“. „Велѣть взять добра солдата“ — едва ли не единственная квалификація Приказомъ даточнаго, посылаемаго вмѣсто платежа, время отъ времени попадающаяся въ помѣтахъ на челобитьяхъ о такой замѣнѣ. Несмотря на ясность основного принципа, для разрѣшенія каждаго отдѣльнаго случая такой замѣны требовался особый докладъ. Такъ, Василій Безобразовъ, хлопотавшій о замѣнѣ 18 р. даточнымъ, жаловался, что „безъ указа и подписной челобитной“ съ него даточнаго не емлютъ. Кн. Вас. Ромодановскій послалъ при кн. А. А. Голицынѣ въ 146 г. 8 даточныхъ (восьмого взамѣнъ 18 р.). Въ 147 г. „въ Приказѣ сидитъ бояринъ И. П. Шереметевъ, и въ тѣ г. перехожія денги въ 18 р. осьмого человѣка безъ г. указу и безъ подписной челобитной не емлетъ“. Челобитье по докладу удовлетворено. На то же жаловались Яковъ и Григорій Безобразовы и Петръ Протасьевъ. Такая замѣна обычно предлагалась въ тѣхъ случаяхъ, когда Приказъ упускалъ изъ виду необходимость сложить дворы въ разныхъ уѣздахъ, принадлежавшіе одному лицу (случай Григорія Бѣльскаго), или когда за даннымъ лицомъ числились такъ называемые „перехожіе дворы“ или „перехожая земля“, т.-е. неполные 20 дворовъ. Обычно о замѣнѣ хлопотали и ея добивались два-три лица, складывавшія свои дворы. Такъ, сложились мать-вдова и дочери дѣвки Третьяковы, братья Дмитрій и Степанъ Ансимовы, Алексѣй Годуновъ и кн. Юрій Звенигородскій, Давыдъ и Осипъ Щербатые, Григорій и Михаилъ Зюзины, Кузьма и Алексѣй Леонтьевы, Яковъ и Григорій Безобразовы, Иванъ Матюшкинъ и Михаилъ Еропкинъ, Ѳедоръ и Аѳанасій Истомины Пашковы, кн. Иванъ и Василій Пріимковы-Ростовскіе, кн. Ив. и Дм. Баря-

тинскіе и др. Очевидно Приказъ вообще не стѣснялъ этихъ сложеній, руководясь принципомъ выгодности. Въ дѣлопроизводствѣ Приказа с. р. л. намъ встрѣтился только одинъ случай отклоненія ходатайства о замѣнѣ денегъ даточнымъ. Данила Замыцкой и Алексѣй Загряжскій хотѣли сложить свои дворы (17+3) и замѣнить свои платежи общимъ даточнымъ. Приказъ разрѣшилъ взять „добра солдата“ за 17 р., но отъ платежа 3 р. ихъ не избавилъ. Въ дѣлопроизводствѣ Приказа с. р. л. изрѣдка встрѣчаются случаи обратной замѣны — даточнаго 20-ю рублями. Кн. Данила Гагаринъ, напримѣръ, заплатилъ въ 149 г. за даточнаго 20 р. Мотивы, почему кн. Гагаринъ прибѣгнулъ къ такой необычной для Приказа с. р. л. замѣнѣ, въ дѣлѣ не приведены.

Несмотря на то, что вопросъ объ общей нормѣ для разрѣшенія этихъ однородныхъ ходатайствъ напрашивался самъ собою, всѣ подобныя дѣла разрѣшались особыми докладами, и соотвѣтствующей нормы Приказъ с. р. л. не выработалъ.

Б) Отсрочка. Переходимъ къ дѣламъ, возникавшимъ по челобитьямъ служилыхъ людей объ отсрочкѣ или разсрочкѣ причитавшагося съ нихъ платежа. Дѣлъ объ отсрочкѣ платежей довольно мало, не болѣе 20. Разбираясь въ нихъ, отмѣтимъ мотивы, по которымъ хлопотали объ отсрочкѣ служилые люди, и размѣры этой отсрочки. Новоторжцы недоросли Цыплетевы приводятъ въ подкрѣпленіе своего ходатайства объ отсрочкѣ — плѣнъ и смерть своего отца, пятилѣтній неурожай, свое малолѣтство — „послѣ отца остались малы и поберечь насъ было некому“, пишутъ они. — Ларіонъ Сумпнъ ставитъ на видъ свою службу по сыску посадскихъ съ кн. Б. А. Репнинымъ—„будучи у твоего г. дѣла, запасишко покупаю, деньги займуючи“.—Костромичи Ягнетевы били челомъ объ отсрочкѣ, указывая на то, что они — „людишки бѣдные, взяти негдѣ, а платити нечѣмъ“. — Владимірцы недоросли Бѣлпковы просятъ объ отсрочкѣ: „чтобы . . . вконецъ не погинуть, и крестьянишкамъ . . . розно не розбрестись“. — Кн. Вас. Болховской бьетъ челомъ отсрочить платежъ для тульской засѣчной службы [1]). — Ив. Долговъ-Сабуровъ писалъ въ своемъ челобитьѣ объ отсрочкѣ: „былъ я на твоей

[1]) Онъ вѣдалъ въ 146 г. одно изъ засѣчныхъ звеньевъ.

г. службѣ съ бояриномъ В. П. Шереметевымъ въ Вязьмѣ за королевичемъ, а отъ королевичева, г., скорого походу повалялись у меня, х. т., многія лошади“ [1]).—Кн. Петръ Шаховской бьетъ челомъ объ отсрочкѣ на томъ основаніи, что подлежавшіе обложенію крестьяне Салмановыхъ перешли къ нему, и сборъ очищается этимъ переходомъ. Иногда бьютъ челомъ объ отсрочкѣ съ тѣмъ только, чтобы выиграть время для разбора вопроса объ обязанности платить налогъ по существу. Такъ, платежъ отсроченъ Остафью Плещееву и Ивану Айгустову съ перешедшаго къ нимъ помѣстья княгини Ѳедосьи Ковровой съ дочерьми, хотя Плещеевъ и Айгустовъ вообще возражали противъ законности наложенныхъ на нихъ „вдовыхъ денегъ“, ибо они „служатъ всякія службы“. Для датской посольской службы отсрочено Ѳедору Степанову. Аѳан. Дашковъ въ челобитьѣ объ отсрочкѣ указывалъ на свою тульскую службу, на то, что его коломенское помѣстье „нехлѣбородно“, а въ 151 г. гнѣвомъ Божіимъ лошади и всякая мелкая скотина попадали. Таковы тѣ пестрые мотивы, которые приводятъ служилые люди въ своихъ челобитьяхъ объ отсрочкѣ. За разрѣшеніемъ вопроса объ отсрочкѣ, формулированнаго или челобитчикомъ или Приказомъ, не пожелавшимъ вовсе сложить платежъ (напр. случай Цыплетевыхъ), слѣдовало нерѣдко второе челобитье о сложеніи. Отсрочка была какъ бы первой ступенью въ области льготъ, на которую взбирался челобитчикъ, чтобы потомъ карабкаться выше.

Отсрочка давалась на короткое время, мѣсяца на два, на три и рѣдко больше. Такъ, новоторжцамъ Цыплетевымъ $^{30}/_{VII}$ отсрочено одну половину взноса сдѣлать къ Покрову, другую къ Рождеству Христову. Ягнетевымъ, бившимъ челомъ объ отсрочкѣ $^{17}/_{IX}$, было отсрочено также до Рождества Христова и т. д. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мотивомъ къ отсрочкѣ бывала служба, Приказъ отсрачивалъ, какъ напр. Ларіону Сумину, до возвращенія со службы: „Іюня въ 3 де. Дать сроку, приставамъ ходить не велѣть и людей имать не велѣть же, покамѣста какъ Ларіонъ будетъ къ Москвѣ“. Часто отсрочка сопровождалась требованіемъ Приказа собрать по челобитчикѣ поруку. Такъ напр., недорослямъ

[1]) Случай относится къ 1645 г. Рѣчь идетъ очевидно о королевичѣ Вальдемарѣ, торопившемся восвояси.

Бѣликовымъ $^{19}/_{X}$ 154 г. платежъ былъ отсроченъ съ тѣмъ, чтобы одна половина была внесена къ Филиппьеву заговѣнью, а другая къ Рождеству Христову того же года, повелѣно было: „взять добрая порука“. Иногда одного челобитья, хотя бы и удовлетворенаго, было мало для отсрочки платежа. Такъ, ярославцу Андреяну Ансимову пришлось, дабы пріостановить правежъ ретиваго ярославскаго воеводы, бить челомъ въ Приказъ с. р. л. вторично.— Астафій и Яковъ Милюковы получили послѣ Андрея Милюкова вотчину въ 16 дворовъ. Въ 152 г. на нихъ стали править платежи 146 — 7 гг.,—„а сказываютъ, будто не платилъ Андрей Милюковъ за прошлые 146 и 147 гг.“ Милюковы просятъ отсрочить до тѣхъ поръ, покуда они, вернувшись со службы, раскинутъ вотчину между собой. „И намъ, г., нынѣ съ братомъ росписать неколи, твоя г. служба спѣетъ“, били челомъ Милюковы $^{9}/_{V}$ 152 г. Большинство дѣлъ объ отсрочкѣ относится къ 152 и особенно къ 154 гг.

В) Сложеніе сбора. Наиболѣе энергично выражалась реакція служилыхъ людей на новый налогъ въ челобитьяхъ о сложеніи Всѣхъ дѣлъ о сложеніи можно насчитать въ сохранившихся документахъ Приказа с. р. л. болѣе 300 [1]). Изучая мотивы, опираясь

---

[1]) Имена лицъ, возбудившихъ дѣла о сложеніи съ нихъ сбора: Ив. Чичеринъ, Л. Хрущова, Обронка Бестужевъ, Ник. Маховъ, Кириллъ Мишковъ, Бог. Софоновъ, Мат. Барановъ, Ив. Барыковъ, Ерм. Ржевскій, Арт. Огибаловъ, Сил. Якушкинъ, Ост. Ситинъ, Сем. Измайловъ, кн. Өед. Волконскій, Тим. и Макс. Собакины, И. Грамотинъ, Баландинъ, Ив. Черный, Пел. Корсакова, Ст. Лукинъ, Ал. Кровковъ, Д. Борисова, Гер. Локартовъ, И. Невзоровъ, Д. Гагинъ, И. Моклоковъ, Ал. Вешняковъ, Мак. Васковъ, С. Голынскій, Оксаковъ, В. Омлешовъ, Ю. Львовъ, Л. Векентьевъ, Тер. Селиверстовъ, В. Пѣловъ, С. Пьянцевъ, Крашова, П. Трубниковъ, С. Левашовъ, Лукины, М. Бѣдовъ, кн. Т. Хованская, кн. П. Хилковъ, Ак. Золотилова, С. Роболтовскій, Аѳ. Дѣвкинъ, М. Шокуровъ, Ив. Балакиревъ, П. Жихоревъ, Б. Озеренской, кн. В. Сулешовъ, кн. П. Голицынъ, П. Кайсаровъ, Пр. Неплюевъ, А. Просовецкій, кн. И. Хованскій, кн. Г. Хованскій, кн. А. Лыковъ, П. Головинъ, кн. А. Діевъ, кн. И. Волконскій, М. Глѣбовъ, А. Борецкій, Ив. Бутаковъ, В. Бибиковъ, П. Щепинъ, І. Бошинъ, И. Милявъ, И. Конинъ, И. Кременевъ, Б. Любощенскій, Л. Бабкинъ, П. Гробовскій, кн. Г. Мещерскій, Иг. Борзенковъ, М. Голиковъ, М. Петинъ, И. Челищевъ, В. Тюменевъ, Ф. и А. Синдеевы, И. Гронской, Кудаева, М. Кобяковъ, Г. Ушаковъ, Д. Ащеринъ, Денисовъ, Хадулинъ, Боевъ, Еремѣевъ, Калугинъ, Паршинъ, Валуевъ, С. Шаталовъ, Ползиковы, Савенокъ, Черемисиновы, Палчиковъ, Путиловъ, Якимовъ, Попцовъ, Григоровъ, Я. Мишуковъ, Шараповы, Писемскій, Лаптевъ, Сонинъ, Оденинъ, Нечаевы, Непоставовъ, Бестужевы, Соймоновъ, Миленинъ, Марковъ, Деглинъ, Пуминовъ, Сназинъ, Купреяновъ, Лутковскій, Ананьинъ, Кровковъ, Дѣвкинъ, Подгорскій, Сигорскій, Поволяевъ, Свиньинъ, Скорбѣевъ, Скворцовъ, Саврасовъ, Улыбышевъ, Гафидовъ, кн. М. Шаховской, М. Турская, Бородатой, П. Кисленская, Бога-

на которые служилые люди ходатайствовали о сложеніи съ нихъ платежей и даточныхъ, замѣчаемъ, что дѣла эти можно раздѣлить на двѣ группы. Около двухъ третей дѣлъ возбуждены во имя формальныхъ соображеній и около одной трети во имя соображеній, обусловленныхъ разными ссылками на жизненное или хозяйственное положеніе служилаго человѣка. Обратимся къ болѣе многочисленной первой категоріи дѣлъ о сложеніи сбора.

а) Сложеніе сбора вслѣдствіе погрѣшностей, оказавшихся въ спискахъ. Дѣлъ, возбужденныхъ по челобитьямъ о сложеніи платежей вслѣдствіе ошибокъ въ спискахъ и неправильнаго включенія въ списки, можно насчитать около двухъ съ половиною десятковъ. Такъ, Образца Бестужева написали въ стряпчихъ, а онъ слу-

---

тищевы, Л. Изъѣдиновъ, Л. и А. Денисьевы, Мосоловы, Нелидова, Бѣленцова, Б. Кучина, Ѳ. Вельяшевъ, И. Голенищевъ, Спячовъ, кн. П. Елецкій, Грековъ, Т. Дурной, А. Карцовъ, А. Солнцова, Исакова, Грязновы, Л. Ододуровъ, С. Самсоновъ, Рокачевы, Лукинъ, М. Лодыгина, Г. Малыгинъ, Цыплятевы, К. Кондратьева, Елмаметевъ, А. Меркулова, Д. Глядковъ, А. Ѳедоровъ, Извѣкова, М. Созонова, П. Казариновъ, Залупинъ, Л. Толмачевъ, Патрикѣевъ, Рагозинъ, Темешовы, Ушаковъ, А. Тютчевъ, П. Ботвиньевъ, П. Ододуровъ, П. Елизаровъ, Рогульскіе, Вороновъ, кн. П. Ухтомскій, Л. Толмачевъ, Темешовъ, Ботвиньевъ, А. Глѣбовъ, Х. Шейдякова, В. Бухарова, П. Долгой, Л. Суминъ, Трусовы, С. Карамышевъ, Ягнетевы, Бѣликовы, А. Мѣшковъ-Плещеевъ, кн. Ѳ. Волконскій, кн. В. Болховской, кн. Ст. Шаховской, С. Вельяминовъ, С. Глѣбовъ, И. Малечкинъ, Головленковъ, Баскаковъ, Ѳ. и Г. Шишкины, Полтевъ, Жуковъ, Философовъ, П. Сомовъ, И. Бѣгичевъ, Бестужевъ, Лавровъ, Левашовъ, Л. Лопухинъ, Г. Усовъ, П. Потемкинъ, Извольскій, Остафьевъ, Фустовъ, П. Молвениновъ, П. Тарбѣевъ, В. Безобразовъ, Д. и Ѳ. Плещеевы, кн. П. Пріимковъ-Ростовскій, А. Зезевитовъ, Г. Дурной, М. Засѣцкій, Ю. Быковъ, З. Ратиловскій, А. Языковъ, К. Бѣшенцовъ, Г. Островскій, Сандецкая, П. Арбузовъ, К. Загряжскій, В. Суколѣновъ, П. Скобельцынъ, А. Скобельцына, Е. Милюковъ, И. Биркинъ, Л. Усовъ, П. Ушаковъ, Г. Комынинъ, Г. Ушаковъ, М. Моклоковъ, С. Лавровъ, М. Кисловской, А. Сумороковъ, кн. А. Вяземская, М. Нащокина, Баранова, П. Долгово-Сабуровъ, Березниковъ и Березинъ, И. Леонтьевъ, Е. Кафтырева, кн. П. Шаховской, Волошенниновъ, Корѣпановъ, Д. Ушаковъ, П. и Ѳ. Змѣевы, А. Усовъ, К. Поливановъ, Ю. и И. Баклановскіе, С. Рагозинъ, Г. Чулковъ, О. Плещеевъ и П. Айгустовъ, В. Зюзинъ, Л. Извольскій, Ст. Бутурлинъ, О. Степановъ, А. Толбугина, А. Аксимовъ, М. Губинъ, П. Коробовъ, Ек. Кафтырева, Т. Шетневъ, Д. Насоновъ, А. Коверина, П. Арбузовъ, Ѳ. Хлоповъ, П. Большой Колычевъ, кн. Б. Вяземскій, Ѳ. Бекленишевъ, О. и Я. Мюлюковы, А. Дашковъ, В. Готовцевъ, Гр. Шехиревъ, С. Филатовъ, Ѳ. Обуховъ, Л. Телешовъ, Солнцевы, Ст. Гоцкой, А. Зыбина, М. Ходыревъ, Ѳ. и О. Бекленишевы, Мосоловы, С. Юшкова, С. Кашинъ, М. Сухотинъ, П. Лыковъ, П. Захаровъ, И. Кокошкинъ, Ахматова, П. Пивовъ, Е. Коротневъ, Роздеришинъ, П. Жоховъ, К. Шишкинъ, Лыковы, П. Непоставовъ, П. Никитина, Ѳ. Соколовъ, Лаптевъ, Б. Изъѣдиновъ, Бердяевъ, Городчиковъ, Мунинъ, Чепкиринъ, Болотенинъ, И. Румянцовъ, П. Тельцовъ, А. Замятнинъ, Е. Ознобишинъ, Ендогуровъ, Хопеневъ, П. Кокошкинъ, Бунаковы, П. Окуловъ, П. Глѣбовъ, Ѳ. Мистровъ, Бетюкова, Сумарокова, П. Завалишинъ, Моложенинновъ, П. Волоцкій.

житъ съ городомъ и бьетъ челомъ о справкѣ въ Разрядѣ; Никифора Махова написали въ жильцахъ, а онъ служитъ по Звенигороду; Кирилла Мишкова тоже написали въ жильцахъ, и онъ служитъ по Мценску и т. д.—Съ сотника Богдана Софонова требуютъ платежъ за Старую Слободу Верейскаго уѣзда, между тѣмъ какъ она отобрана у него въ Большой дворецъ. — Съ Богдашицы Кучиной съ клинскаго помѣстья ея мужа правятъ въ 153 г. за ея вдовство, хотя она овдовѣла только въ 152 году, и въ моментъ назначенія сбора мужъ ея съ этого помѣстья служилъ. — Съ тверитина Спячова взыскиваютъ въ 153 г. по „умершему списку“ за помѣстье его бабки, „будто за ослушанье вдвое“, хотя бабка его своевременно заплатила налогъ сама. Единственный бобыль этого помѣстья попалъ на правежъ и отъ правежа „сбрелъ безвѣстно“. — Съ кн. Никиты Елецкаго, у котораго въ Галицкомъ у. было „поголовно 25 крестьянишковъ“, сборъ на 146—7 гг. въ 150 году былъ сложенъ, а въ 153 г. его однофамилецъ галицкій воевода князь Иванъ Елецкій правитъ на немъ вдвое — 100 рублей. На дѣлѣ положена такая резолюція: „153 г. августа въ 16 де. Выписать тотчасъ, а грамота есть, даточныхъ править не велѣно“.— Со вдовы подъячаго Исакова Настасьи клинскій губной староста Яковъ Бибиковъ сталъ править въ 153 г. 8 р., хотя ни имени мужа ни имени дѣтей ея въ спискахъ и въ росписи не было прислано. Приказъ остановилъ этотъ правежъ. — Съ вологжанина Елмаметева въ свое время не взяли сбора за помѣстье, сданное ему еще въ 144 г. его матерью, а въ 148 г. вдругъ спохватились и потребовали.—Иногда мотивомъ сложенія начатаго взысканія было официальное засвидѣтельствованіе наличности уже оформленнаго ранѣе сложенія по какому-либо поводу. Съ одоевца Михаила Ботвиньева и его „матушки“ въ 147 году платежъ былъ сложенъ за его службу, такъ какъ онъ „съ этого помѣстья служилъ и матерь и брата своего кормилъ“, а при сборѣ 149 г. съ него неожиданно стали требовать налогъ на 147 г. Приказъ рѣшилъ сложить сборъ, если сложеніе было сдѣлано раньше. Иногда совершенно достаточный самъ по себѣ формальный мотивъ подкрѣпляется со стороны челобитчика для вящшей убѣдительности еще какимъ-либо реальнымъ мотивомъ. Такъ, ключникъ Хлѣбеннаго дворца Макарь Кисловскій въ 146 г. свою долю налога

исправно заплатилъ, а въ 154 г. на немъ потребовали тотъ же налогъ съ присоединеніемъ штрафа. „Въ Кашинскомъ уѣздѣ одинъ у меня бобылишка и есть, и тотъ сидитъ въ тюрьмѣ, въ день стоитъ на правежѣ", жаловался Кисловскій, упирая на свою бѣдность. Въ Приказѣ кладутъ такую резолюцію: „будетъ денги вознорядь плачены, дать грамота, другихъ денегъ править не велѣть". Эта неряшливость приказной бухгалтеріи и побуждала плательщиковъ при взносѣ налога предусмотрительно и плеонастически бить челомъ о томъ, чтобы Приказъ впредь не вздумалъ взыскивать вторично. Такъ, кн. Антонида Вяземская съ сыномъ, уплачивая 36 р., била челомъ: „не вели, государь, на мнѣ за даточныхъ людей другихъ денегъ править и вели въ томъ въ Ярославль къ воеводѣ дать свою государеву грамоту". Подобное на нашъ взглядъ прошеческое челобитье не смущаетъ дьяковъ Приказа с. р. л. По склейкамъ этого дѣла проведена помѣта: „159 г. марта въ 18 де. По г. указу, что тѣ деньги плачены, другихъ имать не велѣть и въ книгахъ подъ статьею ихъ очистить".

Василій Готовцевъ, галицкій недоросль, заплатилъ сборъ на 146—7 гг. за свои 27 дворовъ. Въ 152 г. въ Приказѣ вдругъ спохватились и потребовали съ него на 147 г. налогъ еще съ 5 лишнихъ дворовъ. На дѣлѣ положена такая резолюція: „152 г. февраля въ 27 де. Государь пожаловалъ, велѣлъ о томъ памятью сослаться и до сыску тѣхъ денегъ имать (зачеркнуто: не велѣть) и въ Галичъ своей государевы грамоты посылать не велѣлъ". Подъ грамотой, которую не велѣно было посылать, разумѣлась, конечно, грамота о взысканіи 5 р. Принимая эти челобитья къ производству и признавая ихъ значеніе, Приказъ с. р. л., главнымъ образомъ, исправлялъ свои собственные промахи и ошибки. Нѣсколько иное значеніе имѣли недоразумѣнія вытекавшія изъ перемѣнъ въ служебномъ положеніи лицъ подлежавшихъ обложенію.

б) Сложеніе вслѣдствіе нахожденія на службѣ обложенныхъ сборомъ лицъ. Чаще, чѣмъ чисто формальные поводы выше перечисленные, мотивомъ сложенія было своевременное для отклоненія налога поступленіе на службу. Всѣ эти случаи относятся къ городовымъ служилымъ людямъ. Такихъ дѣлъ

можно насчитать болѣе 120. Напр., Алексѣй Кровковъ получилъ отцовское помѣстье тому „лѣтъ съ десять“, поверстанъ и служитъ по Свіяжску, а съ него требуютъ налогъ на 147 г. Таковы же случаи ярославца Ивана Чернаго, бѣлозерца-смольнянина Вахромея Омлешова. — Лебедянцы дѣти боярскіе Иванъ Миляевъ, Иванъ Конинъ, Иванъ Кременевъ и Богданъ Любощинскій писцомъ Григоріемъ Кирѣевскимъ, описывавшимъ Лебедянь въ 146 г., неправильно написаны въ недорослѣхъ, хотя еще въ 142 году съ нихъ не велѣно было имать денегъ за даточныхъ людей и за перехожую землю, потому что они служатъ всякія службы врядъ со своею братьею, и „жалованьемъ, помѣстными оклады и денежными, верстаны“. Между тѣмъ въ 149 г. съ нихъ требуютъ налогъ на 147 и 148 (такъ!) годы, и воевода кн. Дм. Волконскій уже доправилъ на нихъ эти деньги „для своей бездѣльной корысти“. Они просили дать грамоту на Лебедянь: „вели, государь, своей государевой грамотѣ, какова намъ, х. т., дана (еще въ 142 г.), воеводамъ вѣрить“.—Таково же челобитье лебедянцевъ Дешисова, Ходулина, Босва, Еремѣева, Калугина, Паршина, Валуева, Миляевыхъ, Ѳедорова, жаловавшихся, какъ и предыдущіе, на неправильное взысканіе кн. Дм. Волконскаго.— Съ мещанъ Тараса и Кирилла Черемисиновыхъ правятъ налогъ на 146 и 147 гг., хотя Тарасъ служитъ со 143, а Кириллъ со 146-го года. На дѣлѣ ихъ думнымъ дьякомъ Гавреневымъ положена помѣта, изъ которой видно, какой общій взглядъ по отношенію къ подобнымъ случаямъ устанавливается Приказомъ: „не велѣть на нихъ за даточные люди денги правити, потому что служба съ того помѣстья на оба года 146 и 147 гг. была, а по г. указу, хотя-бъ три брата были, а одинъ служитъ, и съ тѣхъ помѣстей даточныхъ людей и съ перехожихъ дворовъ денегъ имать не велѣно“. Грамотой мценскому воеводѣ велѣно денегъ съ нихъ не править, а если доправлены, вернуть обратно.— Отецъ рязанца Ивана Григорова „отъ государевой службы отставленъ давно“, въ 142 г. его въ служебной посылкѣ взяли въ плѣнъ татары. Съ отцова помѣстья Иванъ служитъ 7-й годъ, а братъ его Андрей 15-й. Между тѣмъ рязанскій воевода доправилъ на немъ Иванѣ и на крестьянахъ его за даточныхъ людей денегъ 6 рублей 6 алтынъ. $^{30}/_{X}$ 149 г. Приказъ распорядился

деньги эти ему отдать. — Костромитинъ Писемскій служитъ съ городомъ съ костромичи лѣтъ съ 20. Въ 146 г. онъ былъ на службѣ на Тулѣ. Приказъ с. р. л. снесся съ Помѣстнымъ приказомъ и, удостовѣрившись, что Писемскій формально получилъ помѣстье отъ матери только въ 147 г., положилъ такую резолюцію: „На 146 и на 147 гг. деньги взять по г. указу вдвое, а впередъ отмѣтить въ книгѣ въ окладъ не писать“.—Между тѣмъ въ другихъ случаяхъ, съ формальной стороны совершенно подобныхъ, мы встрѣчаемъ, какъ и слѣдовало ожидать, сложеніе. Рязанецъ Богданъ Оденинъ служитъ (въ 148 г.) съ одного двора материнскаго помѣстья „лѣтъ съ 17“. Въ 148 г. все таки написали его въ недорослѣхъ и потребовали 2 р. на 146—7 гг. По его челобитью и справкѣ въ Разрядѣ велѣно было „подъ статью очистити и въ окладъ не писати“, а въ грамотѣ, посланной рязанскому воеводѣ, приводится и мотивировка: „и ты-бъ на вдовѣ Нелюбѣ Ивановѣ женѣ Одешина съ сыномъ съ Богдашкой съ помѣстья ихъ за даточные люди денегъ впередъ имать не велѣлъ для того, что онъ нашу службу служитъ, а рубль денегъ, будетъ съ нихъ взятъ, отдалъ имъ назадъ. 148 іюня въ 16 де“.—Путивлецъ Василій Марковъ получилъ помѣстье отца до 142 г. и служилъ съ этого помѣстья. Въ 149 г. съ него стали взыскивать налогъ, онъ билъ челомъ, но Приказъ отказалъ: „взять на 147 г., потому что въ томъ году не служилъ,дать грамота—тѣ всѣ денги взять въ Путивлѣ“.—Наоборотъ, съ костромитина Ермолая Деглина,—отецъ его убитъ подъ Смоленскомъ, а отцово помѣстье перешло къ Ермолаю,—взято на 146 г., но сложено на 147, „потому что служилъ“.

На челобитьѣ лучанина Петра Лутковскаго, по случаю взысканія 148 г. ссылавшагося для избавленія отъ налога на свою службу, была положена резолюція о сложеніи не только въ этомъ случаѣ, но и „впередъ“: „по памяти изъ Разряду на 147 г. и впередъ денегъ имати на велѣти и въ книгахъ очистити“.—Со свіяженина Алексѣя Кровкова сложено, и братья его съ правежа спущены, потому что онъ, какъ выразились въ Приказѣ, служитъ „давно“. На дѣлѣ была положена въ октябрѣ 149 г. такая резолюція: „а по нашему указу съ городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ даточныхъ людей и съ перехожихъ дворовъ денегъ и съ братьи ихъ, которые нынѣ служатъ, имать не велѣно, хотя онъ

день служитъ. А тѣмъ впередъ служить съ того жъ помѣстья".— Рядомъ съ этимъ такой случай. Бѣлозерецъ Аѳанасій Дѣвкинъ получилъ за службу и за Смоленское осадное сидѣнье 35 чет. въ 143 г. Между тѣмъ налогъ на 146 и 147 гг. съ него доправили въ размѣрѣ 2 р. Дѣвкинъ, несшій активную службу, въ февралѣ 148 г. билъ челомъ деньги вернуть и впредь не править. Въ Приказѣ положена резолюція: „тѣхъ (?!) денегъ впередъ имать не велѣно", а воеводѣ послана грамота, „чтобъ тѣ денги, которыя есть въ сборѣ, и достальныя, противъ росписи собравъ, прислалъ тотчасъ, а не пришлетъ, и для тѣхъ денегъ пошлютъ пристава, а велятъ на немъ взяти прогоны".—У вологжанина Андрея Скорбѣева прожиточное помѣстье въ Вологодскомъ у. 28 четей,—"и то пусто, только одинъ бобылишко",—между тѣмъ въ 148 г. съ него требуютъ деньги за 3 года. За службу (по помѣтѣ Гаврѣева) сборъ сложенъ съ такимъ поясненіемъ: „по нашему указу съ городовыхъ и дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые служатъ, даточныхъ людей и съ перехожихъ дворовъ денегъ имать не велѣно".—Богданица Кучина получила послѣ мужа прожиточное клинское помѣстье съ двумя бобылями. Мужъ ея Юрій умеръ въ 152 г., а клинскій губной староста, „невѣдомо почему", сталъ на ней править налогъ за 146—7 гг. Приказъ сложилъ налогъ за нахожденіе Юрія на службѣ въ годы сбора. — Нижегородецъ Давыдъ Глядковъ написанъ въ службу въ 150 г., но неуплоченный сборъ, повидимому, 147 года сложенъ съ него „за службу".— Костромитинъ Дмитрій Насоновъ служитъ съ отцова помѣстья со 142 года, между тѣмъ „въ 146 году имянишко его пришло на Кострому въ недорослѣхъ". Онъ билъ челомъ и исправилъ ошибку. „И въ нынѣшнемъ, государь, во 156 г., жаловался Насоновъ, имянишко мое объявилось на Костромѣ въ недорослѣхъ"; съ него потребовали налогъ, а крестьянъ его поставили въ его отсутствіе на правежъ; „а я, х. т., писалъ Насоновъ, теперече на твоей г. службѣ на Москвѣ". Приказъ с. р. л. нашелъ нужнымъ $^{14}/_{VI}$ 156 г. послать память въ Разрядъ, чтобы освѣдомиться: „во 146 г. и во 147 г. онъ на г. службѣ былъ ли и до отпуску ли былъ", перенося этимъ вопросъ уже на другую почву, такъ какъ налогъ вообще не падалъ на поверстанныхъ въ службу къ 146 г. уѣздныхъ людей, независимо отъ того, были они на дѣйствительной службѣ въ 147 г. или нѣтъ.

Какъ трудно было уѣздному служилому человѣку добиться толку въ Приказѣ, можно судить по дѣлу смолянина Гр. Ушакова. Ушаковъ служилъ съ помѣстья своего отца со 144 года, а въ 148 г. съ него потребовали налогъ. Онъ хлопоталъ въ Помѣстномъ приказѣ о памяти въ Приказъ с. р. л. относительно своего дѣла, но памяти оттуда, жаловался Ушакову, „не отпустятъ". „И я, х. т., повѣствовалъ онъ,билъ челомъ тебѣ у росбору ратныхъ людей твоему г. боярину И. П. Шереметеву да дьякамъ М. Невѣрову да В. Прокофьеву, и онѣ мнѣ, х. т., сказали, велѣли принести челобитную за рукой думного дьяка". Только выхлопотавъ подписную челобитную [19]/III 148 г., Ушаковъ привелъ приказную машину въ дѣйствіе.

Челобитья служилыхъ людей о сложеніи налога вслѣдствіе нахожденія на службѣ въ моментъ сбора отличаются обычно дѣловитой краткостью, такъ какъ челобитчики ограничиваются простымъ констатированіемъ самаго факта своего нахожденія на службѣ; но есть случаи, когда въ этотъ мотивъ вплетается еще рядъ другихъаргументовъ, и челобитье пріобрѣтаетъ красочность и выразительность. Таково, напр., челобитье „пустопомѣстнаго Ржевы-Володимеровы Митрошки Моклокова", содержащее въ себѣ цѣлое повѣствованіе. „Въ прошломъ, г., во 148 г. дано мнѣ, х. т., писалъ Моклоковъ, твое жалованье помѣстейцо въ Галицкомъ у. въ Шейбальской волости, и то мое помѣстейцо за грѣхъ за мой опустѣло, 8 человѣкъ крестьянъ сбрели безвѣстно, и о томъ моемъ конешномъ раззореніи вѣдомо Галицкому и Костромскому уѣздамъ, а достальныя мои крестьянишка всякія твои подати платятъ ямскія и стрѣлецкія. И нынѣ доправлено въ Галичѣ 32 р. за даточные люди за прошлые 146 и 147 г..." Между тѣмъ Моклоковъ написанъ въ росписи съ костромскими дворянами. „И въ томъ я, х. т., пишетъ онъ, шлюсь на Розрядъ, что по московскому списку не служилъ, и о томъ тебѣ, государю праведному, не бивалъ челомъ. И отъ того, г., напраснаго правежу и конешного раззоренья, отъ розсыльщиковъ и отъ приставовъ и достальные мои бобылишка розбрелись межъ дворъ и одоложали великимъ долгомъ. И нынѣ въ недоборныхъ деньгахъ бобылишка сидятъ въ Галичѣ въ тюрьмѣ, а я, х. т., написанъ на твою государеву на дальнюю службу, на Ливны, въ первую половину".

Моклоковъ билъ челомъ: „за службишки и за осадное сидѣнье вели, г., тѣ деньонка, что на моихъ бобыляхъ доправлены напрасно, здѣся мнѣ отдать, а бобылишекъ моихъ въ Галичѣ изъ тюрьмы свободить въ недоборныхъ денгахъ для своей дальней ливенской службы". „154 г. мая въ 13 день. Государь пожаловалъ: которыя денги присланы, и тѣ денги отдать, а мужиковъ изъ тюрьмы выдати и о томъ дать въ Галичъ грамоту дьякомъ В. Прокофьеву да М. Невѣрову". Не всегда, однако, мы встрѣчаемъ благопріятные результаты челобитій о сложеніяхъ за службу; при этомъ огромное большинство отказовъ, конечно, не оставило слѣдовъ въ дѣлопроизводствѣ. Неподтвержденіе справкой заявленій челобитья вело къ отказу. Такъ, костромитинъ Иванъ Бутаковъ утверждалъ въ челобитьѣ, что онъ въ 147 г. былъ на службѣ на Тулѣ со стольникомъ кн. Ал. Н. Трубецкимъ, и билъ челомъ не править „для скудости". Приказъ навелъ справку и, когда она не подтвердила заявленія Бутакова, что онъ въ 147 г. былъ на дѣйствительной службѣ, на дѣлѣ была положена отрицательная резолюція. Получивъ отказъ или неполное удовлетвореніе своего челобитья, служилый человѣкъ возбуждалъ новое ходатайство. Такъ, бѣлозерецъ вологодскій помѣщикъ Иванъ Долгой билъ челомъ въ 150 году о томъ, чтобы за его службы въ 146 и 147 гг. на немъ не правили за 2 года 18 р., — „для моей службишки", просилъ Долгой, ссылаясь: „а которыя моя братья служатъ со мною вмѣстѣ, и на тѣхъ даточныхъ денегъ не правятъ". По докладѣ $^{16}/_{XII}$ 150 г. наведена была обстоятельная справка, и $^{29}/_{I}$ рѣшено было на 147 г. за службу не брать налога, а на 146 г. взять, „потому что въ томъ году на службѣ не былъ". Долгой черезъ недѣлю добился новаго доклада своего челобитья и окончательнаго сложенія.

Большинство дѣлъ о сложеніи, возбужденныхъ по изучаемому сейчасъ мотиву, обставлены справками въ Разрядѣ и въ Помѣстномъ приказѣ. Исходя изъ челобитій и опираясь на справки, даваемыя Разрядомъ и Помѣстнымъ приказомъ, Приказъ с. р. л. исправлялъ свои росписи частными распоряженіями относительно невзиманія налога съ тѣхъ провинціальныхъ людей, которые въ годы назначенія сборовъ находились на дѣйствительной службѣ. Намъ понятенъ общій принципъ, но невсегда уловимы частныя сообра-

женія, руководившія въ томъ или другомъ случаѣ. Конечно, никакъ нельзя поручиться за то, что здѣсь мы не встрѣтимся иной разъ съ произволомъ приказной руки, особенно думнаго дьяка-докладчика или дьяковъ Приказъ с. р. л.: противорѣчія въ рѣшеніи по внѣшнему виду совершенно однородныхъ дѣлъ и безпорядочность отчетности нерѣдко наводятъ на мысль о вліяніи на рѣшеніе вопроса соображеній, недоступныхъ нашему наблюденію сквозь официальный матеріалъ архива Приказа с. р. л.

в) Сложеніе сбора вслѣдствіе верстанія службой. Другой значительной группой случаевъ сложенія было сложеніе вслѣдствіе поступленія недорослей на службу. Освобожденіе отъ налога мотивируется тѣмъ, что челобитчикъ въ моментъ сбора изъ недорослей перешелъ въ разрядъ лицъ, несущихъ дѣйствительную службу. Такъ, вязьмитинъ Силантій Якушкинъ въ мартѣ 147 г. билъ челомъ въ Разрядъ, и Разрядъ распорядился остановить взиманіе съ него на томъ основаніи, что онъ „въ службу поспѣлъ“. Точно такъ же въ апрѣлѣ 147 г. сложенъ послѣ сношеній съ Помѣстнымъ и Иноземскимъ приказами налогъ съ углицкаго помѣщика иноземца Герасима Локартова: „съ помѣстья денегъ править не велѣть, потому что по памяти изъ Иноземскаго приказа за приписью дьяка Василія Ртищева написано, что Герасимъ Локартовъ государевымъ жалованьемъ поверстанъ и написанъ въ службу, а съ служилыхъ иноземцевъ даточныхъ не указано“. Встрѣчаемъ нѣсколько случаевъ, когда поверстанный недоросль заботливо бьетъ челомъ въ предвидѣніи возможности наложенія сбора вновь, хотя налога съ него пока еще не потребовали. Торопчанинъ Василій Скворцовъ платилъ, пока былъ недорослемъ, налогъ съ помѣстья своего покойнаго отца, владѣя помѣстьемъ „вопче“ съ матерью и сестрами. Теперь, въ 148 г., онъ написанъ въ службу и проситъ впередъ налога не брать. Положена резолюція: „торопчанина съ Васькина помѣстья Скворцова за даточныхъ людей денегъ впередъ правити не велѣти, потому что онъ, Васька, написанъ въ службу, и велѣно ему государева служба служить съ городомъ“. Точно такъ же „впередъ“ сложено съ арзамасца Давыда Саврасова и смольнянина Ѳедора Патрикѣева, владѣвшаго съ братомъ бѣлозерскимъ помѣстьемъ, исправно уплатившаго налоги на 146—7 гг. и предусмотрительно хлопотавшаго

въ февралѣ 149 г. о томъ, чтобы впредь съ него денегъ не брали. „Впередъ“ сложено съ угличанина Ларіона Улыбышева, съ лушанъ Ѳедора и Ивана Трусовыхъ и др. На дѣлѣ Трусовыхъ положена слѣдующая мотивированная резолюція: „а по государеву указу и на докладной росписи помѣта думнаго дьяка Михаила Данилова: которыхъ недорослей два или три, а хотя одинъ служитъ, и съ того помѣстья денегъ имать не велѣно, потому что тѣмъ братьямъ впередъ служить съ того же помѣстья“.

Обычно аргументы въ челобитьяхъ о сложеніи вслѣдствіе перехода на службу формулируются опредѣленно и изолированно, какъ и въ челобитьяхъ предыдущей группы, но есть случаи, когда авторы челобитій опутываютъ ихъ цѣлымъ рядомъ всякихъ другихъ прямыхъ и косвенныхъ соображеній. Такъ мещеряне „верстаной Пронка, да недоросль Сенька Васильевы дѣти, да недоросли Богдашко да Ивашко Ондреевы дѣти Мосоловы“ повѣствуютъ въ своемъ длинномъ челобитьѣ о многихъ своихъ горестяхъ. Послѣ смерти ихъ дѣда и отцовъ, погибшихъ подъ Смоленскомъ, они получили помѣстья въ Мещерскомъ и Шацкомъ уѣздахъ. „А я, Пронка, гласитъ челобитье, верстанъ въ 146 г. и служу съ того своего и матери своей Пелагеина и братня жеребья твою г. службу семой годъ, а крестьянинца и бобылка за мною и за матерью и за братомъ моимъ нѣтъ ни единого человѣка, ни людей, ни крестьянъ, г., а выбѣжали изъ отца нашего [помѣстья] при отцѣ нашемъ, а братъ мой Сенька малъ, въ твою государеву службу не поспѣлъ, а у насъ, х. т., недорослей у Богдашка да у Ивашка нѣтъ ни одного человѣка ни людей, ни крестьянъ, ни бобыля, волочимся межъ дворъ, помираемъ голодной смертью, питаемся Христовымъ именемъ, и сами мы, х. т., малы, въ твою государеву службу не поспѣли“. Разсказавъ о своихъ мытарствахъ въ Шацкѣ, — „правятъ на насъ и на матерехъ нашихъ тѣхъ денегъ въ день, а на ночь насъ, х. т., въ тюрму мечутъ, а мы, х. т., малы и бѣдны“, — Мосоловы просятъ „для службы отцовъ и для бѣдности денегъ не править“. 28/IX 150 г. челобитье было доложено и уважено.

г) Сложеніе сбора вслѣдствіе сдачи земли. Дѣлъ о сложеніи сбора на основаніи сдачи можно насчитать около 40. Они отно-

сятся къ разнымъ годамъ, начинаются въ 146 г. и продолжаются еще въ 155 г. Въ дѣлахъ этого рода челобитчикъ, признавая правильность требованія податного списка, указываетъ на то, что для даннаго количества дворовъ имѣетъ мѣсто служебное представительство. Челобитье исходитъ или отъ лица сдающаго или отъ принимающаго сдаваемое помѣстье. Вдова смольнянина Акулина Золотилова, владѣвшая помѣстьемъ въ Бѣлозерьѣ, била челомъ въ 146 г. о томъ, чтобы съ нея не правили сбора за службу сына, которому она, очевидно, поспѣшила сдать помѣстье. Помѣта гласитъ: „Государь пожаловалъ, будетъ сынъ служитъ нынѣ съ того помѣстья на службѣ въ естехъ, не править денегъ".—Въ іюлѣ 147 г. по челобитью вдовы нижегородца Александра Крашова Лукерьи Разрядъ сложилъ платежъ съ ея сына Богдана, которому она сдала свое помѣстье Въ Разрядѣ установили, что сынъ ея несетъ дѣйствительную службу, хотя онъ окладомъ и не верстанъ. Обычно сдаетъ старшее поколѣніе младшему. Пелагея Корсакова сдала свои 5 дворовъ внуку. Володимерцу Ивану Балакиреву помѣстье сдано матерью, точно такъ же мать сдала помѣстье ружанину Михаилу Голикову. Съ отставного ярославца Григорія Малыгина налогъ сложенъ за службу сына. „Горькая вдова" галичанка Арина Нелидова била челомъ о томъ, что мужъ ея Игнатій „былъ подъ Смолепскимъ съ приходу и до отходу и за государя многую кровь пролилъ, былъ раненъ въ грудь изъ пищали, и отъ той раны во 147 году мужа ея не стало", а съ нея въ 154 году велѣно было доправить на 146—7 гг. 30 рублей. Нелидова попала на правежъ и била челомъ о томъ, чтобы зачли за налогъ службу ея племянника Марка, замѣнявшаго ея мужа на службѣ, хотя формально помѣстье и не было сдано ему. Довольно частый случай—сдача помѣстья сестрой или сестрами брату или представительство на службѣ одного брата за другихъ братьевъ. Такъ, разрѣшено было выступить за брата костромитину Осипу Лаптеву. Отецъ его былъ убитъ подъ Смоленскомъ, помѣстье отца было дано младшему брату Осипа Ивашку, „а братъ его Ивашко въ службу не поспѣлъ, и съ того помѣстья правятъ на братѣ его меньшомъ за даточныхъ людей денегъ шти рублевъ, а онъ, Осипко, въ государеву службу пос-

пѣлъ". 8/VI 148 г. разрѣшено „впередъ съ Ивашкова помѣстья Лаптева въ даточныхъ людей денегъ не имать, а на прошлый 147 г. взять". Аналогиченъ случай ярославца Никиты Непоставова. По смерти его отца матери его и меньшому брату Петру дано 58 четей съ осминою. Въ 149 г. на нихъ правятъ 12 р. Никита билъ челомъ о томъ, чтобы г. не бралъ съ него сбора, а „пожаловалъ бы его, Микитку, вмѣсто даточныхъ людей велѣлъ ему съ того матери ибр ата его меньшого помѣстья быть на своей г. службѣ ему, Микиткѣ, а онъ де, Микитка, въ службу поспѣлъ, а по ся мѣсто въ службу не написанъ и г. жалованьемъ помѣстнымъ окладомъ и денгами не верстанъ, живетъ у матери и у брата своего меньшого". Челобитье Непоставова было удовлетворено.

Часто встрѣчаемъ сдачу помѣстья женой мужу. Такъ, смольняшинъ Измаилъ Жихаревъ откровенно излагаетъ въ своемъ челобитьѣ свои расчеты и проситъ о переводѣ женина помѣстья на себя. Въ 144 г. дано ему „прожиточное вдовино помѣстье Григоревской жены Ленина вдовы Домны." „И я, х. т., для того твоего царскаго жалованья на той вдовѣ женился", признавался Жихаревъ въ своей матримоніальной корысти. Между тѣмъ въ 146 г. со вдовы потребовали 6 рублей за это помѣстье. Приказъ с. р. л. запросилъ 11/II 147 г. объ обстоятельствахъ дѣла Помѣстный приказъ. Служебное представительство развивалось и въ обратномъ направленіи: младшее поколѣніе сдавало старшему. Такъ, съ зубчанина Андрея Карцева сложенъ платежъ за дворы его падчерицы „Ивашевской дочери Боборыкина", который потребовали было въ 153 г. въ двойномъ размѣрѣ. Иногда челобитчикамъ приходилось хлопотать не объ офиціальномъ констатированіи факта сдачи помѣстья вновь, а доказывать наличность служебнаго представительства въ прошломъ. Такъ, постельница царицы Евдокіи Лукьяновны Авдотья Баранова въ концѣ 153 года должна была доказывать, что въ 147 г. мужъ ея, Мартынъ, былъ еще живъ (онъ умеръ въ 152 году),—„а блаженной памяти отецъ твой государевъ (*н. т.*) Михаплъ Ѳедоровичъ... царицына чину дѣтей боярскихъ (въ каковомъ званіи состоялъ Мартынъ) пожаловалъ: за даточные люди и съ 10 дворовъ денегъ править не велѣлъ..." Ходатайство ея было уважено.

Всмотримся въ тѣ случаи, которые иллюстрируютъ технику приказнаго дѣлопроизводства. Володимерецъ Иванъ Балакиревъ получилъ кинешемское и владимірское помѣстья своей матери въ 146 г., всего 95 четей. Онъ получилъ „ввозную грамоту“ и этимъ оформилъ дѣло офиціально. Съ этого же помѣстья онъ былъ на службѣ на Тулѣ въ 144 г., а въ 147 г. съ матери его все-таки потребовали налогъ.—Въ 149 г. съ козельскаго помѣстья калужанина Ивана Челищева потребовали 15 р., а онъ служилъ съ этого помѣстья „шестой годъ“, и въ 146 г. платежъ этотъ съ него не взимался. Деньги велѣно не править, „потому что служитъ съ городомъ“.—Костромитинъ Василій Тюменевъ получилъ въ 140 г. 26 чет. помѣстья своей сестры Олены съ тѣмъ, чтобы ее „поить и кормить и замужъ выдать“. Онъ ее „поилъ и кормилъ и замужъ выдалъ“, а въ 148 г. вдругъ потребовали съ этого помѣстья налогъ на 146—7 гг.—Со вдовы Катерины Кафтыревой въ 153 г. стали править сборъ на 146—7 гг.—62 р., тогда какъ мужа ея, Курдюка, не стало въ 150 г. „А помѣстье, писала Катерина, было за мужемъ моимъ въ Ярославскомъ уѣздѣ, село Маншино да село Петровское съ деревнями, и то, г., с. Маншино да с. Петровское съ деревнями взято у мужа моего у Курдюка Кафтырева въ 145 г. и отдано Григорью Кафтыреву, а послѣ, г., мужа моего помѣстейца ничего не осталось, и я, р. т., послѣ мужа своего Курдюка брожу межъ дворъ“. Въ Приказѣ спокойно кладутъ резолюцію: „Взять къ отпуску и дать грамота: тѣ деньги взять на тѣхъ, за кѣмъ помѣстья и вотчины, и сколько за кѣмъ дворовъ, съ того столко и взять“.—Костромитинъ Тихонъ Шетневъ служилъ „лѣтъ съ 30 и больше всякія... государевы службы съ городомъ“; еще въ 137 г. онъ получилъ костромское помѣстье своей мачехи и своей сестры, а въ 154 г., жаловался Шетневъ, „велѣно доправить со крестьянишекъ его съ тѣхъ 4 дворовъ на 2 года на 146 и 147—8 р.“. Очевидно, со сдачей Приказъ справлялся такъ же плохо, какъ и съ другими видами земельныхъ операцій.

Приказъ с. р. л. употребляетъ часто энергичныя усилія для того, чтобы выяснить положеніе дѣла и опредѣлить свою собственную точку зрѣнія. Такъ Приказъ усердно разбирается въ январѣ 149 г. въ служебномъ положеніи курченина Левки Толмачева, у котораго отецъ умеръ въ 140 г., а старшій братъ Наумъ слѣ-

домъ за отцомъ. Толмачевъ билъ челомъ не брать сбора за службу, на которой онъ „будетъ на мерникѣ съ пищалью“, ссылаясь на то, что онъ жалованъ помѣстьемъ и окладомъ. Приказъ сложеніе обусловилъ сначала вопросомъ о томъ, былъ ли въ 146—7 гг. на дѣйствительной службѣ отецъ Левки Никонъ Толмачевъ. Левка въ своемъ челобитьѣ разъяснялъ: „въ 146 — 7 гг. служили твою г. службу братъ мой большой Наумъ, а послѣ, г., брата мово служилъ я, Левка, х. т., а не отецъ мой“. На новой приказной справкѣ о немъ рукою дьяка приписано: „Съ помѣстья, что нынѣ за Левкою, въ 146 и во 147 годѣхъ службы не было, и съ того помѣстья взяти съ крестьянскаго и съ бобыльскаго двора по рублю на годъ, а будетъ Левкинъ братъ Наумъ тѣ годы служилъ, и съ того помѣстья денегъ не имать, да о томъ подлинно ко государю отписать (дьякъ имѣетъ въ виду курскаго воеводу, которому и была послана соотвѣтствующая грамота), а впередъ на немъ денегъ за даточныхъ людей не имать съ служилыми дворяны и дѣтьми боярскими вмѣстѣ, потому что онъ г. службу служитъ“ — такой сентенціей уясняетъ воеводѣ, да, вѣроятно, и себѣ самому, дьякъ Приказа с. р. л.. положеніе дѣла. Курскому воеводѣ грамотой отъ $^{23}/_{I}$ 149 г. предложено было выяснить, служилъ Левка въ указанные годы или нѣтъ.

Какъ далеко Приказу с. р. л. приходилось заходить, разбираясь въ обстоятельствахъ сдачи, можно судить по слѣдующему случаю. Вдова вязмитина Прокофья Извѣкова сдала свое прожиточное помѣстье Алексѣю Философову и вышла за него замужъ. Философовъ въ 150 г. возбудилъ ходатайство о сложеніи невзысканнаго до тѣхъ поръ налога за 146—7 гг. для своей Смоленской службы и осаднаго сидѣнья. Приказъ с. р. л. запросилъ о его службѣ Разрядъ. Разрядъ подтвердилъ обстоятельства, упомянутыя въ челобитьѣ Философова: имя Философова оказалось „въ списку, каковъ прислали въ Розрядъ изъ Приказу сыскныхъ дѣлъ бояре князь Иванъ Ивановичъ Шуйскій съ товарищи въ прошломъ во 142 году апрѣля въ 2 де, которые дворяне и дѣти боярскіе были на г. службѣ подъ Смоленскомъ до отходу февраля по 19 число 142 году“. Но иногда Приказъ с. р. л. или запутывался въ сложной сѣти этихъ соображеній или игнорировалъ тотъ выводъ, который, казалось бы, складывался. Тулянка Марья Созонова била челомъ о

сложеніи, такъ какъ мужъ ея умеръ подъ Смоленскомъ, а сынъ находился на дѣйствительной службѣ. По памяти изъ Разряда отъ $^{5}/_{XII}$ 150 г. платежъ съ нея слѣдовало сложить. Вмѣсто этого, изъ Приказа с. р. л. $^{12}/_{XII}$ 150 г. послана тульскому воеводѣ грамота такого содержанія: „а будетъ (вдова Марья) отписи не положитъ, и на ней деньги взявъ, прислать тотчасъ, да и со всѣхъ вдовъ и недорослей денги, собравъ, прислать тотчасъ...“—дальше обычныя угрозы воеводѣ за неисполненіе. Впрочемъ, Приказъ с. р. л. ограничилъ, повидимому, въ этомъ случаѣ свое требованіе сборомъ 147 г., потому что на черновикѣ отпуска приписано: „на 146 годъ взяты ль или нѣтъ, и того въ Приказѣ с. р. л. невѣдомо, потому что приходныя доимочныя книги 146 году взяты къ счету къ боярину къ князю Борису Александровичу Репнину да къ дьякомъ нашимъ думному Михаилу Данилову да Ивану Переносову“.

Ссылка на служебное представительство данной земли для сложенія сбора является въ челобитьяхъ также обычно изолированной, но есть случаи, когда и она подкрѣпляется другими мотивами и аргументами. Такъ, мещанинъ Власъ Бородатой служившій подъ Смоленскомъ въ рейтарахъ съ приходу и до отходу, сидѣвшій въ осадѣ и терпѣвшій тамъ всякую осадную нужу, голодъ и холодъ, женился въ 145 году на дѣвкѣ Аграфенѣ и получилъ съ ея рукой 2 ея прожиточныхъ бобылей и пасынка 7 лѣтъ. Съ этого помѣстья онъ и служитъ,—его собственное отъ отца перешедшее помѣстье въ Мещовскомъ уѣздѣ „пусто и лѣсомъ поросло, нѣтъ ни единаго бобыля“. „А служилъ я, х. т., говоритъ Власъ Бородатой, и нынѣ служу всякія твои государевы службы съ пожалованными и съ помѣстными съ городомъ вмѣстѣ съ тѣхъ дву бобылей“. Въ 153 году съ этихъ двухъ бобылей вдругъ потребовали налогъ на 146—7 гг. вдвое. „И нынѣ тѣ бобылишка стоятъ въ Калугѣ на правежѣ, а на ночь мечутъ въ тюрму, а я, х. т., жаловался Власъ, за твое Смоленское службишка противъ своей братьи твоимъ царскимъ жалованьемъ нигдѣ помѣстейцомъ не пожалованъ, ни въ которомъ городѣ, толко служу съ той пустоши отца своего и з дву бобылей“. Такъ, ходатайство о сложеніи за службу вслѣдствіе сдачи переходитъ незамѣтно въ жалобу на трудное положеніе и на упрекъ въ не-

справедливости, адресованный московскому правительству.—Выразительно и челобитье „бѣднаго и раззореннаго“ Ѳедора Вельяшева. Съ новоторжскаго помѣстья брата его Дружины со 130 года служилъ сынъ Дружины Петръ. По смерти Петра часть помѣстья—„одинъ бобыль Лучка да два крестьянища Гришка да Фролка... да недѣленой крестьянинецъ съ нею Парасковьею (матерью Петра, вдовой Дружины) Первушка“ перешли къ нему Ѳедору, и съ нихъ потребовали сборъ. Крестьяне стоятъ на правежѣ, окупиться нечѣмъ; „а въ иныхъ городѣхъ за мною нѣтъ ни одного крестьянища“, жалуется Ѳедоръ. Между тѣмъ Прасковья промѣняла свою долю помѣстья ржевитину Ѳедору Оксакову,—„а вымѣняла у него Ѳедора въ Торжку, писалъ Вельяшевъ, пять крестьяниновъ, хотя меня, х. т., изъ этого помѣстейца изогнать“.—Жалобы на невнимательное отношеніе къ сдачѣ переходятъ и въ изложеніе матеріальныхъ невзгодъ и особенностей личнаго положенія челобитчика. Вотъ какую сложную аргументацію, добиваясь сложенія, присовокупляетъ къ формальной ссылкѣ на сдачу „безмѣстная старица Киликеица ростовца сына боярскаго Борисовская посестрея Кондратьева съ недорослемъ съ сынишкомъ съ Демидкомъ да съ 3 дочеришками съ дѣвками“. Братъ ея Борисъ убитъ подъ Смоленскомъ, а въ февралѣ 147 г. на ея 6 бобыляхъ доправили 8 р., и въ іюнѣ 147 года правятъ „вдругорядь“ 7 р. „И бобылишки, повѣствуетъ старица Киликеица, всѣ розбрелись розно отъ того правежа и отъ хлѣбнаго недороду“. Между тѣмъ съ недорослей ростовцевъ, у которыхъ отцы погибли подъ Смоленскомъ, править не велѣно. „Пожалуй меня, заключаетъ свое челобитье старица, нищую старицу съ дѣтишками для своего г. многолѣтняго здоровья и за кровь и за службу побратима моего, не вели, г., на бобыляхъ моихъ тѣхъ денегъ за даточныхъ людей править“. По докладѣ государю велѣно было разобрать, почему на ней правятъ „вдругорядь“, и до указа не править.

Отъ формальныхъ челобитій о сложеніи на основаніи сдачи служилые люди незамѣтно переходятъ къ изложенію своихъ нуждъ и горестей, а, излагая ихъ, иной разъ не обойдутся и безъ выраженія своего настроенія.

д) Сложеніе сбора вслѣдствіе перечисленія изъ московскаго списка на службу съ городомъ. Дорогобужениниъ Семенъ Рагозинъ

служилъ по московскому списку, а въ 147 г., устрашенный, повидимому, повтореніемъ экстреннаго сбора Приказа с. р. л., просилъ написать себя по Дорогобужу; между тѣмъ въ 154 г. послана грамота во Владиміръ о правежѣ съ его крестьянъ 8 руб. Соединяя два мотива, Рагозинъ билъ челомъ не брать „для . . бѣдности и для нынѣшней своей государевы службы". — Жилецъ Иванъ Барыковъ, служившій 20 лѣтъ, не заплатилъ денегъ въ 146 г. по бѣдности; хотя онъ и владѣлъ помѣстьями въ Кинешемскомъ, Шуйскомъ и Каширскомъ уѣздахъ, но всѣ помѣстья его были пусты. „И г. бы его пожаловалъ, просилъ Барыковъ, велѣлъ ему свою г. службу служить съ городомъ кошпряны и съ пустого его помѣстья за даточныхъ людей на 146 и на 147 гг. пожаловалъ бы г., денегъ имать не велѣлъ". Во вниманіе къ его службамъ на Тулѣ, по докладу Гаврепева, ему разрѣшено служить съ городомъ и денегъ не платить. Таковое же ходатайство представили стряпчіе Ермолай Ржевскій, ссылавшійся на свои прежнія тульскія службы и просившійся опять служить на Тулѣ, и А. Бестужевъ. $^{3}/_{I}$ 148 г. изъ жильцовъ былъ перечисленъ по Алатырю Артемій Огибаловъ. $^{18}/_{VI}$ 147 г. перечисленъ по Галичу прослуживший 26 лѣтъ жилецъ Остафій Ситинъ [1]).

Уже разсмотрѣнныя выше дѣла о сложеніи сбора по формальнымъ основаніямъ часто подкрѣплены указаніями на трудности службы, бѣдность, разореніе и т. д. Перейдемъ теперь къ тѣмъ дѣламъ, въ которыхъ ходатайства челобитчиковъ поддерживаются или преимущественно или исключительно мотивами этого послѣдняго рода. Дѣла первой категоріи развивались, опираясь на тѣ самые принципы, которые были положены въ основу сбора, и лишь дополняли и распространительно толковали ихъ. Дѣла второй категоріи не считаются съ принципіальными положеніями сбора—или ихъ игнорируютъ или открыто съ ними расходятся. Эти случаи коллизіи съ направленіемъ основныхъ указовъ о сборѣ естественно требуютъ большаго напряженія въ аргументаціи и заставляютъ служилаго человѣка сказать многое, чего онъ не говорилъ, оставаясь на почвѣ формальныхъ возраженій противъ налога. Вопросъ о сложеніи въ качествѣ льготы, а не права, былъ тѣмъ

[1]) Такихъ случаевъ встрѣчается довольно много въ книгѣ жильцовъ—по Ржевѣ Володимеровѣ № 2. Встрѣчаются они и въ Боярской № 14, напр., л. 144.

осѣлкомъ, о который шлифовалась схема обложенія служилыхъ людей. Въ однихъ случаяхъ реальнымъ основаніемъ сложенія бываетъ, повидимому, не столько дѣйствительное положеніе челобитчика, сколько та степень вліянія, которой челобитчикъ располагаетъ, въ другихъ—тѣ особенныя обстоятельства, въ которыя онъ поставленъ своимъ служебнымъ назначеніямъ, въ третьихъ случаяхъ, —и эта группа сравнительно самая многочисленная и интересная,—основаніемъ служатъ личныя обстоятельства,—обыкновенно тяжелое матеріальное положеніе,—раскрываемыя въ челобитьяхъ.

е) Сложеніе сбора въ качествѣ особой льготы. Въ этихъ случаяхъ о сложеніи просятъ, такъ сказать, свои люди, опирающіеся или на связи или на топографическую и соціальную близость къ власти. Такихъ случаевъ сравнительно немного, какой-нибудь десятокъ,—все крупное боярство заплатило довольно исправно и во-время. Вотъ эти случаи. Кравчій кн. Вас. Сулешовъ, у котораго „грѣхомъ“ его сгорѣла подмосковная деревнишка, „и людишки многіе пригорѣли, а что было хлѣбешка сѣменнаго и ячменнаго и всякаго запасенку домашняго и лошади и коровы и всякая мелкая животишишка, и то все безъ остатку пригорѣло“ — на основаніи пожара этой даже не подлежавшей обложенью подмосковной вотчины просилъ о полномъ сложеніи даточныхъ со своихъ 346 дворовъ и получилъ удовлетвореніе своего челобитья.—Стольникъ кн. Ив. Хилковъ билъ челомъ о сложеніи на такомъ основаніи: „велѣно мнѣ быть въ Кремлѣ-городѣ въ объѣздѣ для обереганья отъ огня, а сынишку, г., моему велѣно быть на твоей г. службѣ на Тулѣ, да съ меня же, х. т., правять 3 человѣкъ даточныхъ людей“. Конечно „бѣдность“ его, на которую онъ ссылался для подкрѣпленія своего ходатайства, надо понимать условно—у него было 82 двора. Челобитье его было удовлетворено.—Стольникъ кн. Алексѣй Лыковъ, владѣвшій 93 дворами и поставившій 4 даточныхъ, категорически заявлялъ въ своемъ челобитьѣ, что „перехожихъ денегъ 13 рублевъ взять ему негдѣ“, и просилъ сложить эти 13 р. „для бѣдности“. Помѣта гласитъ: „148 г. сентября въ 7 де. Г. пожаловалъ за перехожіе дворы денегъ имать не велѣлъ, приказалъ г. имянно“.[1])—Успѣшно хлопо-

[1]) Ср. А. С. Лаппо-Данилевскій, „Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ“, с. 390.

тала о сложеніи московская полиція, если такъ можно назвать московскихъ стрѣльцовъ, первоначально приравненныхъ при сборѣ къ московскимъ чинамъ. Походъ ихъ былъ открытъ еще въ іюнѣ 146 г. головами Головлѣнковымъ и Баскаковымъ. Въ совмѣстномъ челобитьи они глухо просили не брать съ нихъ сбора „для скудости". Слѣдомъ за ними въ іюлѣ билъ челомъ стрѣлецкій голова Ларіонъ Лопухинъ, владѣвшій 19 дворами и категорически заявлявшій, что на немъ „человѣка взять не довелось, потому что за нимъ деревнишко бѣдное и худое". Хотя въ январѣ 147 г. за нимъ было насчитано еще 4 прошисашныхъ кишешемскихъ двора, по докладу $^{23}/_{I}$ 147 г. государь брать съ нихъ сборъ не велѣлъ,—„приказалъ государь имянно".—Въ іюлѣ же 146 г. по докладу думнаго дьяка Мих. Данилова получилъ сложеніе стрѣлецкій голова Иванъ Бѣгичевъ, мотивировавшій свое ходатайство такъ: „служу я, х. т., тебѣ, г., съ пожалованными врядъ, а помѣстейце и вотчинка за мною, х. т., твое царское жалованье невеликое, и съ тово моего помѣстейца и вотчинки за даточные люди указано взять 18 р. денегъ, а мнѣ, х. т., съ тово малаго помѣстейца и вотчинки и самому прокормитца нечѣмъ".—Опираясь уже на эти разрѣшенные случаи, въ іюлѣ 147 г. сотникъ московскихъ стрѣльцовъ Левка Баландинъ могъ бить челомъ о невзиманіи за полученные имъ въ 144 г. за вдовою Черневою 3 вологодскихъ двора, „а четвертое дворишко вдовиное", 4 рублей. Баландинъ билъ челомъ не брать сбора: „ты, г., писалъ онъ, пожаловалъ, съ насъ, х. с., въ даточныхъ людей денегъ имать не велѣлъ". Баландинъ, повидимому, просто обобщалъ предыдущіе случаи, такъ какъ никакихъ слѣдовъ общаго распоряженія относительно головъ московскихъ стрѣльцовъ не сохранилось. Очевидно удовлетвореніе нѣсколькихъ частныхъ челобитій, мотивированныхъ случайными и недоговоренными соображеніями, въ представленіи послѣдующихъ челобитчиковъ превращалось уже въ законную норму сложенія.

Въ приведенныхъ случаяхъ мотивъ, въ силу котораго обращаются съ челобитьемъ, не имѣя формальнаго характера, какъ бы прикрытъ слегка флеромъ условныхъ выраженій (ссылками на бѣдность и т. д.): челобитчики или не считаютъ нужнымъ распространяться или въ существѣ дѣла вовсе не на высказан-

ный мотивъ упираютъ. Перейдемъ теперь къ тѣмъ случаямъ когда челобитчики развиваютъ тотъ или другой мотивъ въ защиту сложенія, какъ льготы, болѣе опредѣленно. Мотивы эти—двухъ преобладающихъ типовъ,—иногда, впрочемъ, они сливаются: одни просятъ о сложеніи за службу, другіе о сложеніи. вслѣдствіе бѣдности.

ж) Сложеніе сбора за особыя службы. Случаевъ сложенія за службу для лицъ, которыя на общемъ основаніи такому сложенію не подлежали, можно насчитать около 15. Дв. м. кн. Левъ Ѳед. Волконскій билъ челомъ сложить съ него налогъ для астраханской службы, такъ какъ по тому же поводу сложенъ налогъ съ кн. Юрія Андреевича Сицкаго. Съ Петра Головина сборъ сложенъ въ мартѣ 147 г. для ленской службы, съ кн. И. Ѳ. Волконскаго въ 147 г., — для украинной службы на Усердѣ и на Калміусской сакмѣ. Волконскій ссылался на прецеденты: на сложеніе сбора въ 146 г. съ Дмитрія Толоченова, служившаго на Усердѣ же, и съ кн. Дм. Львова, служившаго на Яблоповѣ. Съ Матвѣя Глѣбова налогъ сложенъ въ 147 г. и въ 149 г. для службы на Ленѣ; съ кн. Ѳедора Волконскаго—за его грузинскую службу на Теркѣ,—„живучи на Теркѣ, проѣдаюсь, да мнѣ жъ, г., съ Терки подводъ дать не указано, и лошеди покупалъ дорогою цѣной“. Ясельничему Ив. Биркину въ апрѣлѣ 146 г. за его службу въ теченіе полтретья года при постановкѣ новаго Козлова города, устроеніе служилыхъ людей въ городѣ и уѣздѣ и сооруженіе чрезъ Ногайскую степь отъ Полнаго Воронежа до рѣки Челновой крѣпостей сдѣлано такое облегченіе: сложены деньги за перехожіе дворы, и зачтены за даточныхъ тѣ его люди, которые остались со смѣнившимъ его въ Козловѣ сыномъ его Самойлой. На ряду съ этими ссылками на трудную службу вообще надо поставить ссылки на разныя трудности и особыя обстоятельства службы. Такъ, съ царицына сына боярскаго Матвѣя Баранова налогъ сложенъ вслѣдствіе того, что онъ былъ дважды раненъ подъ Смоленскомъ. У карачевца Іева Бошина крымскіе люди взяли въ 146 г. въ плѣнъ его племянника Якова Бошина, вмѣстѣ съ его людьми и крестьяниномъ („а только, г., за нимъ и было 1 крестьянинецъ“), а въ 147 г. велѣно карачевскому воеводѣ доправить на Яковѣ рубль, между тѣмъ какъ помѣстье отдано Іеву. Іевъ просилъ прирав-

нять этотъ случай сдачѣ и не брать съ помѣстья за его Іева службу и плѣнъ Якова („а тотъ, г., мой племянникъ и нынѣ животъ свой мучитъ въ Крымѣ"). Челобитье было удовлетворено въ 147 г., но его пришлось возобновить въ 149 г.—Кн. Вас. Мих. Болховской просить о сложеніи, жалуясь на то, что думный дьякъ Ѳед. Лихачевъ неправильно оттягалъ у него шяжегородскую пустошку Поповку при помощи ложнаго обыска, въ которомъ участвовали 3 попа да 36 чел. крестьянъ—„моихъ недруговъ", пишетъ кн. Болховской. „И нынѣ я, заканчиваетъ челобитчикъ, съ того Ѳедора Лихачева разоренья и съ людишками помираю голодною смертью тому четвертый годъ. Да я жъ, х. т., былъ на твоей, г., службѣ на тульской Щегловской засѣкѣ безъ твоего государева жалованья, заложивъ вотчинишка, чѣмъ было поднятца". По совокупности приведенныхъ мотивовъ, „для бѣдности и разоренья", кн. Болховской, умиравшій четвертый годъ голодною смертью, $^{31}/_{X}$ 147 г. отъ поставки даточнаго и 18 р. налога былъ освобожденъ.—Дорогобужанинъ Василій Бибиковъ, служившій въ 147 г. воеводою, въ то время какъ на его крестьянахъ безъ него было доправлено 5 р., билъ челомъ, прося сложенія на общемъ основаніи: „а которая наша братья служатъ твою г. службу, и съ нихъ такихъ денегъ не емлютъ". Ходатайство уважено.—Иноземецъ Гаврилъ Островской сначала получалъ корму съ питьемъ 175 р., а потомъ вмѣсто корма ему дано галицкое помѣстье,—„и то, г., жаловался Островской, мѣсто скуднос, и пашишки дворовыя нѣтъ, и крестьянишка отъ бѣдности розбрелись врозь". Онъ былъ на службѣ на Тулѣ, — „испроѣлся, одолжалъ великимъ долгомъ, и людишки разбѣжались, покрадчи его добра". Въ качествѣ аргументовъ за сложеніе сбора онъ приводитъ „иноземство и бѣдность". $^{9}/_{I}$ 147 г. налогъ сложенъ, „приказалъ государь имяшно". Дв. м. Леонтій Извольскій въ 154 г. для поддержанія своего челобитья о сложеніи или отсрочкѣ приводитъ цѣлый наборъ разныхъ основаній: двухъ его бобылей для правежа вкинули въ тюрьму, а „достальные разбѣжались", въ 146 г. онъ былъ на службѣ на Тулѣ, потомъ дважды былъ на крымской розмѣтѣ на Валуйкѣ, былъ на службѣ во Мценску, и теперь сказана служба на Ливны,—„а человѣкъ бѣдной и непожалованной, а служилъ блаженной памяти отцу твоему г. и тебѣ, г.,

съ пожалованными врядъ, да мое же имяшшко написано въ докладной выпискѣ, велѣлъ ты, г., доложить себя, государя...“ Извольскому платежъ былъ отсроченъ на 10 мѣсяцевъ. Такъ, тотъ же общій принципъ, въ силу котораго былъ вообще распредѣленъ между служилыми людьми налогъ, падавшій на группы, избавленныя отъ активной боевой службы, и обходившій группы, ее отправлявшія, находилъ свое дополнительное развитіе и выраженіе и въ этихъ случаяхъ отвода налога, во имя специфическихъ тягостей служебнаго положенія именно даннаго лица, на общемъ основаніи подлежавшаго обложенію.

Иногда этотъ „служебный“ аргументъ мы встрѣчаемъ не въ чистомъ видѣ, а запутаннымъ въ длинный рядъ другихъ соображеній. Въ 154 г. охотникъ ловчаго пути Алексѣй Усовъ жаловался на то, что съ перешедшей къ нему вотчины его отца Василія правятъ на 147 г. „старыхъ денегъ здѣсь на Москвѣ въ Приказѣ 7 р.“, а ростовскій воевода правитъ по мѣсту нахожденія вотчины, такъ что сборъ взыскивался вдвое, „и отъ того правежу, писалъ Усовъ, бѣдные бобылишки побрели по міру кормитца“. Усовъ довольно фамильярно билъ челомъ не брать съ него налога: „поминаючи отца своего..., чтобъ, г., вотчинка, отца моего выслуга, вѣковѣчною пустошью не опустѣла, а я бъ, х. т., впередъ твоей царской службы не отбылъ“. Деньги были сложены, по сначала условно, если его заявленіе подтвердится: „будетъ такъ, какъ билъ челомъ“.—Сотникъ Григорій Чулковъ въ февралѣ 154 г. билъ челомъ о сложеніи съ него 2 р. на 147 г., которые велѣно было править вдвое за опозданіе взноса съ его переяславскихъ крестьянъ. Ссылаясь на бѣдность, Чулковъ просилъ о сложеніи еще и „для блаженной памяти отца своего“. Деньги сложены не были, но править ихъ велѣно было въ Москвѣ. — Встрѣчаемъ и болѣе сложныя сплетенія мотивовъ. „Горькая“ вдова Анна Скобельцына съ сынишкомъ своимъ съ Никиткою, прося о сложеніи на 147 г., ссылалась на тульскую службу своего сына въ 146 г. Жалуясь на разореніе отъ своего деверя Ивана Скобельцына, она просила государя о сложеніи „для своего государева многолѣтняго здравія и для своихъ государевыхъ благородныхъ чадъ, благовѣрнаго царевича князя Алексѣя Михайловича и благовѣрнаго царевича князя

Василія Михайловича". [15]/III 147 г. сложена половина денегъ. [1])

з) Сложеніе сбора вслѣдствіе бѣдности. Формой обращенія служилаго человѣка въ Приказъ с. р. л. въ случаяхъ ходатайства о сложеніи съ него налога вопреки общей нормѣ, подъ которую онъ подходилъ, и противъ приложенья которой къ себѣ онъ принципіально не возражалъ, было обычно челобитье о пустотѣ, разореніи, бѣдности, сдобренное повѣствованіемъ о служебныхъ лишеніяхъ, болѣзняхъ, житейскихъ невзгодахъ и т. д. Дѣлъ, развивающихся изъ такихъ мотивовъ можно насчитать до 100.

Среди дѣлъ о сложеніи платежа въ качествѣ льготы мы встрѣчаемъ 6 дѣлъ, возбужденныхъ челобитьями стольниковъ: Тимоѳ. Собакина, кн. Гр. Хованскаго, кн. Ал. Лыкова, Андрея Борецкаго, Ив. Леонтьева, кн. Андрея Дѣева (пишетъ себя Діевъ); 2 дѣла стряпчихъ: Ермолая Ржевскаго, Мих. Шахова; 43 дѣла дворянъ московскихъ и ихъ вдовъ: Макс. Собакина, кн. Сем. Барятинскаго, кн. Петра Хилкова, кн. Тат. Хованской, Андрея и Сем. Измайловыхъ, Ив. Ододурова, Анд. Глѣбова, Ал. Мѣшкова-Плещеева, кн. Ст. Шаховского, Семена Вельяминова, Семена Глѣбова, Ивана Малечкина, Григорія Усова, Ивана Потемкина, Семена Извольскаго, Ивана Фустова, Ив. Молвенинова, Ивана Тарбѣева, Вас. Безобразова, кн. Ив. Пріимкова-Ростовскаго, Андрея Зезевитова, Герасима Дурного, Мих. Засѣцкаго, Юрія Быкова, Захара Ратиловского, Кирилла Бѣшенцева, Гавріила Островскаго, вдовы Сандецкой, Ивана Арбузова, Кирилла Загряжскаго, Василія Суколѣнова, Ивана Скобельцына, Ермолая Милюкова, Ларіона Усова, Григорія Комынина, Леонтія Извольскаго, Ѳедора Змѣева, Кочевы Поливанова, вдовы Екатерины Кафтыревой, Ивана и Иваниса Кайсаровыхъ, Ѳед. и Ос. Беклемишевыхъ. Сверхъ того къ составу дворянъ московскихъ предположительно можно отнести слѣдующихъ челобитчиковъ о сложеніи, выставлявшихъ причиной ходатайства бѣдность: Андрея Просовецкаго, Исака Голенищева, вд. Авдотью Солнцеву съ дѣтьми, Дороѳея Остафьева, Алексѣя Языкова, вдову Ашу Скобельцыну, Юрія и Игнатія Баклановскихъ, — всего 8 лицъ, — хотя именъ ихъ и пѣтъ въ

[1]) Пожеланіе Скобельцыной не исполнилось: царевичъ Василій Михайловичъ скончался на Благовѣщенье того же года. Д. Р. II, 967.

спискахъ дворянъ московскихъ за 146 г. Далѣе — 4 дѣла по однороднымъ ходатайствамъ жильцовъ: Назара Алексѣева, Ивана Барыкова, Артамона Огибалова, Ивана Змѣева, да 6 дѣлъ, возникшихъ по челобитьямъ головъ московскихъ стрѣльцовъ Головленкова и Баскакова, подъячихъ Волошенинова и Фокина, сотниковъ Григорія Чулкова и Ивана Коробова. Итого, изъ 88 дѣлъ о сложеніи въ качествѣ льготы 69 дѣлъ возбуждены услышанными и удовлетворенными челобитьями лицъ, числившихся по московскому списку и чувствовавшихъ себя въ Москвѣ дома. На долю уѣздныхъ служилыхъ людей остается только 19 такихъ дѣлъ, и, круглымъ счетомъ, удовлетворенныхъ челобитій уѣзднаго служилаго люда о сложеніи въ качествѣ льготы можно насчитать около $^1/_5$ всѣхъ дѣлъ этой категоріи. Вотъ имена этихъ счастливцевъ: Пелагея Корсакова, Домна Борисова (съ Домны и ея сына сложено „по сыску для пустоты"), Матвѣй Бѣдовъ по Кашину, вдова Анна Кудаева по Звенигороду, княгиня Анна Друцкая по Суздалю, Андрей Скорбѣевъ по Вологдѣ, Евтихій и Артемій Богатищевы по Орлу, новоторжскій губной староста Ѳедоръ Вельяшевъ, Атекейко Елмаметевъ по Вологдѣ, Аграфена Меркулова по Ростову, Иванъ и Ѳедоръ Рогульскіе по Вологдѣ, кн. Петръ Ухтомскій по Пошехонью, Никита Ушаковъ по Переяславлю Залѣсскому, Митрофанъ Маклаковъ по Галичу, Авдотья Толбугина по Пошехонью, Иванъ Большой, Артемій, Ив. Меньшой и Ѳедоръ Солнцевы по Каширѣ, Арт. Колюбакинъ по Алексину, Авдотья Коверина по Каширѣ, итого 19 дѣлъ о 23 лицахъ. Челобитье костромитина Ивана Бутакова, просившаго о сложеніи за службу въ 147 г. и ссылавшагося на свою „скудость", было встрѣчено отказомъ, такъ какъ по справкѣ оказалось, что въ 147 г. онъ не служилъ.

Наблюденія эти указываютъ, какъ неравномѣрно распредѣлялось вліяніе въ вопросѣ о льготномъ сложеніи между группами столичныхъ и уѣздныхъ чиновъ. Уѣздныхъ вдовъ и недорослей приходилось немного менѣе половины общаго количества обложенныхъ лицъ (2169 изъ 4472), между тѣмъ индивидуальныхъ случаевъ сложенія, къ нимъ относящихся, можно насчитать почти вчетверо меньше, чѣмъ случаевъ сложеніясъ московскихъ чиновъ, и самые случаи гораздо мельче. Этой неравномѣрности нельзя

объяснить дефектами въ сохранившемся архивномъ матеріалѣ: дѣлъ о сложеніи съ уѣздныхъ чиновъ за службу сохранилось значительное количество. Слѣдовательно, для уѣзднаго служилаго человѣка путь полученія льготъ черезъ челобитье съ изложеніемъ своего бѣдственнаго положенія былъ почти закрытъ, а разъ закрытъ былъ этотъ путь, приходилось выражать свое отношеніе къ сбору иными способами. Въ этомъ обстоятельствѣ мы найдемъ объясненіе тому, почему уѣздное дворянство отнеслось къ этому налогу первнѣе и раздражительнѣе, чѣмъ столичное, хотя принципіально нигдѣ какъ будто и не возражало противъ сбора.

Исходя изъ численности уѣздныхъ вдовъ и недорослей, дѣлъ о сложеніи съ нихъ налога вслѣдствіе бѣдности мы должны были бы встрѣтить никакъ не меньше количества соотвѣтствующихъ дѣлъ, возбужденныхъ челобитьями столичныхъ чиновъ (т. е. 69), а, принимая во вниманіе то, что уѣздные служилые люди были гораздо бѣднѣе дворами и находились несомнѣнно въ болѣе трудныхъ экономическихъ условіяхъ, чѣмъ столичные, можно было бы ждать и гораздо большаго количества удовлетворенныхъ челобитій о льготномъ сложеніи. Если позволительно строить здѣсь какія-либо статистическія заключенія, можно сказать, что изъ челобитій о сложеніи съ уѣздныхъ вдовъ и недорослей была удовлетворена какая-нибудь $^1/_4$ того количества, которое мы *ожидали* бы встрѣтить. Вѣроятно, десятки уѣздныхъ служилыхъ людей пошли изъ Приказа съ отказами. Этотъ расчетъ надо, впрочемъ, смягчить одной оговоркой: уѣздный служилый человѣкъ могъ прибѣгать къ сдачѣ помѣстья своей же служилой роднѣ, что было менѣе доступно московскому служилому человѣку; но едва ли это обстоятельство возмѣщаетъ трудность полученія льготъ въ Приказѣ с. р. л. уѣздной мелкотой. Правительство какъ бы говорило мелкому служилому люду: женись, выходи замужъ, иди служить, изворачивайся, пускай землю въ оборотъ, а на льготы не разсчитывай. Свѣтъ и тепло, исходившіе отъ земного солнца верховной власти распредѣлялись неравномѣрно: освѣщая и согрѣвая близъ стоящихъ, оно тусклыми и холодными лучами скользило по головамъ и спинамъ поставленныхъ за неплатежъ подъ батоги уѣздныхъ вдовъ и недорослей. Во всякомъ случаѣ податной нажимъ на

уѣздное дворянство былъ энергичнѣе, чѣмъ на столичные чины— это видно изъ исторіи взиманія. Отсюда можно заключить, что податное давленіе, осуществленное Приказомъ с. р. л., должно было несомнѣнно ускорить мобилизацію земли между уѣздными служилыми людьми, однихъ выгоняя на службу, другихъ заставляя искать за себя замѣстителей. Но сдача, конечно, гораздо меньшая льгота сравнительно со сложеніемъ.

и) Сложеніе сбора для группъ служилыхъ людей. Правительство рано, повидимому еще на исходѣ зимы 146 г., пришло къ мысли о необходимости сложенія налога со служилыхъ людей тѣхъ мѣстностей, которыя пострадали отъ набѣговъ послѣднихъ лѣтъ. Такъ, дв. м. Иванъ Чюринъ въ своемъ челобитьѣ въ Приказъ с. р. л., доложенномъ $^{8}/_{III}$ 146 г., жалуется, что съ 3 его новосильскихъ дворовъ взыскивается 3 р., между тѣмъ какъ съ Новосильскаго уѣзда для „татарской войны имать не велѣно“. Въ челобитьѣ „безмѣстной старицы Киликеицы ростовца сына боярскаго Борисовской иосестріи Кондратьевой“ въ приведенныхъ ею мотивахъ сложенія есть указаніе на то, что въ іюнѣ 147 г. была рѣчь о другой общей льготѣ: „а которые, государь, ростовцы недоросли жъ (старица била челомъ и за сына и дочерей), а отцы у нихъ побиты подъ Смоленскомъ же, и на нихъ твоихъ г. денегъ за даточныхъ людей по твоимъ г. грамотамъ въ Ростовѣ воеводѣ править не велѣно“. Деньги съ нея были сложены, а государю по этому дѣлу былъ представленъ особый докладъ. Норма касалась, повидимому, только вдовъ и дѣтей тѣхъ ростовцевъ, которые погибли подъ Смоленскомъ. Вдовѣ Аграфенѣ Меркуловой, тоже вдовѣ ростовца, — мужа ея „не стало“ на государевой службѣ подъ Волоколамскомъ,—стоило большихъ усилій добиться сложенія ради бѣдности въ началѣ 148 года, т. е. уже мѣсяцъ-другой послѣ разрѣшенія цитированнаго дѣла старицы Киликеицы. Аграфена должна была подать 5 челобитій (между $^{3}/_{IX}$ и $^{18}/_{XII}$ 148 г.). Деньги были сложены только послѣ обыска всѣмъ Ростовскимъ уѣздомъ о ея разореніи. Это едва ли не единственный случай примѣненія обыска для сложенія налога.—Наконецъ, Андрей Просовецкій, получившій въ 147 г. галицкое помѣстье кн. Алексѣя Мих. Львова, въ своемъ челобитьи о сложеніи съ него платежа на 147 г. по бѣдности, въ

числѣ другихъ мотивовъ указываетъ: „въ прошломъ, г., во 146 г. пожаловалъ ты, г., въ Галицкомъ у. дворянъ и жильцовъ своимъ г. жалованьемъ, помѣстьями, и на тѣхъ помѣщикахъ за даточныхъ людей денегъ имать не велѣно". Платежъ былъ сложенъ. Очевидно, для вновь испомѣщаемыхъ галицкихъ помѣщиковъ проведена была нѣкоторая общая льгота.

Отчетливѣе и опредѣленнѣе оформлена льгота, имѣвшая не территоріальный, а соціально-экономическій принципъ—сложеніе сбора на 147 г. со всѣхъ малопомѣстныхъ (владѣвшихъ 10-ю и менѣе, чѣмъ 10 дворами) и проведеніе того же принципа при сборѣ 149 года. Первая ссылка на такое сложеніе намъ встрѣтилась въ дѣлѣ Протаса Неплюева ¹/ш 148 г. Въ декабрѣ того же 148 года на этотъ указъ еще не ссылались—дѣло кн. Михаила Шаховского, бившаго челомъ о сложеніи, такъ какъ у него на Вологдѣ только „5 дворовъ съ четвертью". Изъ 16 сохранившихся дѣлъ о сложеніи, построенныхъ на этомъ основаніи, хотя бы и въ сочетаніи съ другими мотивами, 4 дѣла относятся къ 148 г., 3 дѣла къ 150 г., 2—къ 152 г., 3—къ 153 г., датировать остальныя 4—трудно.

Сложеніе съ малопомѣстныхъ, имѣвшее въ декабрѣ 148 года еще казусный характеръ, превращается во фразеологіи челобитій къ марту того же года въ общую норму („за кѣмъ меньше 10 дворовъ, и денегъ имѣть не велѣно") и обозначается уже какъ „уложеніе" [1]). „А твой г. указъ въ Приказѣ с. р. л., что на 147 г. за кѣмъ менше 10 дворовъ, и денегъ имать не велѣно", пишетъ въ своемъ челобитьѣ кн. Григ. Мещерскій. „Бѣдный и безпомощный" Останка Милюковъ въ 152 г. билъ челомъ: „правять на мнѣ, х. т., не противъ твоего г. уложенія за даточныхъ людей денегъ съ полувосьма дворишка крестьянскихъ и бобыльскихъ 7 рублей съ полтиною за прошлый за 147 годъ, а по твоему г. уложенію не велѣно съ нашей братіи имать за прошлый за 147 г. и съ 10 дворовъ, и то твое г. уложеніе и нынѣ въ Приказѣ с. р. л.; да и съ брата, г., моего роднаго Якова Милюкова не взяли за тотъ прошлый за 147 годъ съ полувосьма двора. Не вели, г., на мнѣ тѣхъ напрасныхъ денегъ править и не вели, г., мною своего г. указу нарушить мимо своего г. уложенія". Такъ крѣпла идея обяза-

[1]) Дѣло Протаса Неплюева. Есть указаніе на то, что какое-то общее распоряженіе было сдѣлано еще въ апрѣлѣ 147 г.—Р. И. Б., X, с. 275 и 1641 № 21 л. 5—8.

тельности этой льготы въ служиломъ классѣ: сначала служилые люди выпрашиваютъ сложеніе, какъ казусную уступку, затѣмъ обозначаютъ ее тѣмъ высшимъ юридическимъ терминомъ („уложеніе"), который былъ у нихъ въ распоряженіи, и которымъ въ Москвѣ такъ любили пользоваться въ эти годы. Мѣра эта была принята, надо думать, какъ слѣдствіе неудовольствія, которымъ было встрѣчено взиманіе налога въ 146—7 гг. Къ веснѣ 148 года правительство, повидимому, хотѣло успокоить мелкопомѣстное дворянство этой общей льготой, сразу захватывавшей очень значительный контингентъ лицъ. [29]/IV 148 г. было доложено челобитье Бориса Нащокина, въ которомъ онъ писалъ: „мы, х. т., пустопомѣстные были челомъ тебѣ, г., и твоя г. милость къ намъ возсіяла: съ 10 дворовъ, или за кѣмъ меньше 10 дворовъ, имать на насъ не велѣно, и о томъ послана память изъ Помѣстнаго приказа къ боярину къ Ив. П. Шереметеву, а въ росписи, г., имя мое прописано". Налогъ съ Нащокина былъ сложенъ по особому докладу. А въ концѣ 153 г. дьякъ Савва Самсоновъ писалъ въ своемъ челобитьѣ: „по твоему, г., указу со стольниковъ и съ стряпчихъ и съ дворянъ московскихъ и съ жильцовъ съ помѣстей ихъ и съ вотчинъ съ 10 крестьянскихъ дворовъ 10 р., твоихъ г. денегъ за даточныхъ людей на прошлый на 147 г. имать не велѣно". Льгота, слѣдовательно, получила дальнѣйшее распространительное толкованіе: по 10 р. стали сбрасывать съ платежей *всѣхъ* плательщиковъ независимо отъ количества дворовъ, которыми они владѣли [1]). Въ 154 г. владимірскій воевода „не смѣлъ" добирать доимки на московскихъ чинахъ потому, что взысканіе было пріостановлено съ нихъ „для г. службы". О томъ же распоряженіи, относящемся къ 154 г., пишутъ воеводы галицкій и рязанскій [2]). Льгота какъ бы съ нѣкоторой нерѣшительностью поднимается изъ низшихъ слоевъ служилаго люда кверху.

Какъ эта мѣра была подготовлена, мы попытаемся уяснить ниже, изображая то настроеніе, которое обнаружилось въ средѣ служилыхъ людей, когда правительство начинало съ нихъ взыскивать налогъ. Сколь безпорядочно эта мѣра смягченія проводилась, и какъ склоненъ былъ bona или mala fide забывать о ней самъ

---

[1]) Ср. Боярская № 14 лл. 25, 54, 78, 83, 98, 111, 113 и др.

[2]) См. ниже обзоръ сборовъ по уѣздамъ.

Приказъ с. р. л., видно изъ того, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ служилымъ людямъ приходилось бить челомъ о приложеніи къ нимъ данной нормы. Галичанинъ Петръ Елизаровъ, которому велѣно было въ мартѣ 149 г. служить „изъ житья съ городомъ", претерпѣлъ рядъ бѣдствій: вотчину его „выжгли ночью, и животишки всѣ сгорѣли безъ остатку, женишко и дѣтишки вытащили изъ пожару наги и босы, душею да тѣломъ, не такъ что вынесъ— и люди пригорѣли, которые и выбрели и не побрели розно, что наги и босы..." Между тѣмъ съ него требовали съ 9 его дворовъ налогъ въ „Кормовой приказъ", какъ онъ называлъ Приказъ с. р. л. Елизаровъ въ январѣ 150 г. билъ челомъ о сложеніи на томъ основаніи, что у него менѣе 10 дворовъ. Налогъ съ него по челобитью сложенъ. Дьяку Саввѣ Самсонову, чтобы добиться распространенія на него той же льготы, пришлось въ 153 году подавать особое челобитье съ выразительнымъ изображеніемъ своего бѣдственнаго положенія. Повидимому, служилые люди, подлежавшіе дѣйствію этой нормы, иногда какъ будто и сами не увѣрены въ ней. Такъ, Ѳедоръ Хлоповъ, съ котораго въ 152 году потребовали налогъ за 5 дворовъ, билъ челомъ о сложеніи. Изобразивъ исторію сложенія: „ты, г., насъ пожаловалъ, за кѣмъ больше 10 дворовъ нѣтъ, и съ тѣхъ имать не велѣно, и память, г., изъ Помѣстнаго приказа въ Разрядъ и изъ Разряду, г., послана въ Приказъ с. р. л., а мое именишко прописано, потому что я, х. т., былъ въ тѣ поры на твоей г. службѣ на Тулѣ", Ѳ. Хлоповъ проситъ о распространеніи сложенія на себя, находя нужнымъ привести въ качествѣ аргумента прецеденты: „ко многимъ, г., нашей братьи твоя г. милость есть: такихъ денегъ править не велѣно", — какъ будто рѣчь шла о частныхъ изъятіяхъ, а не объ общей нормѣ. Челобитчику всякій разъ приходится самому напоминать о силѣ указа. Можно, однако,отмѣтить нѣкоторую тенденцію со стороны Приказа,— если челобитчикъ развертываетъ передъ нимъ цѣлый наборъ аргументовъ за сложеніе и въ томъ числѣ ссылку на указъ,— выбирать для сложенія именно этотъ послѣдній аргументъ. Князю Григорію Мещерскому, служившему съ городомъ по Брянску, его тещи Настасья Коломнина сдала 2 свои прожиточные двора; съ этого помѣстья онъ служитъ и „на службѣ не въ одномъ мѣстѣ былъ", между

тѣмъ помѣстье „прислано“ въ 149 г. не за нимъ, а за его тещей, и деньги на 147 г. правятъ на ней. Приказъ выбираетъ для сложенія не общій принципъ сдачи, а принципъ сложенія съ малопомѣстныхъ: „государь пожаловалъ, будетъ за нимъ менши крестьянскихъ и бобыльскихъ десяти дворовъ, не править на 147 годъ“. Впрочемъ, Приказъ не былъ послѣдователенъ и иногда въ аналогичныхъ случаяхъ, какъ, напр., въ дѣлѣ А. Солнцовой, руководился при сложеніи и другими мотивами Встрѣчаемся нерѣдко въ такихъ же случаяхъ и съ отказами Приказа въ сложеніи, какъ въ дѣлѣ А. Хлопова. Вмѣсто сложенія, въ отвѣтъ на ссылку Хлопова на указъ о малопомѣстныхъ, ²/vi 150 г. ему дана была только отсрочка. Понадобилось новое челобитье (доложенное въ декабрѣ 152 г.), въ которомъ онъ доказывалъ свою бѣдность и усиленно ссылался на существованіе указа о малопомѣстныхъ. Налогъ былъ сложенъ: „152 г. декабря въ 27 день. Г. пожаловалъ, будетъ только есть (!!) указъ, досмотрясь, на 146 г. не имати“. Эта безпорядочность въ льготахъ и послабленіяхъ даже въ тѣхъ случаяхъ, которые легко и просто подводились подъ норму закона, является одной изъ самыхъ характерныхъ чертъ дѣятельности Приказа с. р. л.

Одно челобитье 152 г. говоритъ объ общей льготѣ для стрѣлецкихъ головъ. Съ дьяка Пятого Филатова въ 146 г. сложены были 14 р. „для пожару“. А въ 152 г. сынъ Пятого сотникъ московскихъ стрѣльцовъ Селиверстъ Филатовъ разсказывалъ въ своемъ челобитьѣ, что помѣстье Пятого было раздѣлено пополамъ между нимъ, Селиверстомъ, и его братомъ Петромъ, и налогъ на 147 г. требовали съ нихъ обоихъ. Селиверстъ, имени котораго, однако, Стрѣлецкій приказъ въ Приказъ с. р. л. не сообщилъ, просилъ о сложеніи сбора съ него и съ его брата на томъ основаніи, что „по г. указу на московскихъ стрѣлецкихъ головахъ и на сотникахъ за даточныхъ людей править не велѣно“. Съ Селиверста, повидимому, сборъ былъ сложенъ, хотя онъ требовалъ обратнаго примѣненія закона, ибо въ 147 г. помѣстье было еще за его отцомъ дьякомъ. Не есть ли его челобитье своеобразное претвореніе въ головѣ челобитчика впечатлѣнія той легкости, съ которой выхлопотали себѣ льготы нѣсколько сотниковъ московскихъ стрѣльцовъ въ 146 году? Во всякомъ случаѣ, никакой общей нормы, къ стрѣлецкимъ сотни-

камъ относящейся, въ дѣлопроизводствѣ Приказа с. р. л. указать нельзя.

Въ вопросѣ о сложеніи Приказъ очень медленно и неувѣренно отъ казусныхъ рѣшеній восходилъ къ общей нормѣ и, даже установивъ ее, руководился ею нетвердо и непослѣдовательно, обращаясь къ ней только послѣ соотвѣтствующихъ напоминаній челобитчиковъ. Эти льготы не столько корректировали основную норму сбора общими принципіальными изъятіями, сколько разрыхляли ее частичными и безхарактерными отъ нея отступленіями. Такая неоформленность есть характерная черта нормъ московскаго права, кристаллизующихся вообще туго и вяло. Съ другой стороны и служилые люди не противопоставили налогу какого-либо твердаго и единообразнаго отношенія, и реагировали на него каждый за свой страхъ и счетъ, каждый на свой ладъ. Корпоративный моментъ въ этой реакціи играетъ очень слабую роль.

4. Жалобы служилыхъ людей на бѣдность и разореніе.

Обратимся теперь къ изученію челобитій о сложеніи сбора со стороны вложеннаго въ нихъ бытового матеріала. Здѣсь мы встрѣтимся съ характерными различіями. Большинство челобитій высшихъ чиновъ носитъ сухой и лаконическій характеръ. Жалобы ихъ на бѣдность, напр, похожи на готовыя формулы, которыя челобитчикъ роняетъ небрежно, не давая даже себѣ труда развернуть ихъ. Такъ, стольникъ Тимоѳей Собакинъ съ братомъ Максимомъ, получившіе отъ отца дв. м. Алексѣя 36 дворовъ, жалуются на то, что имъ „денегъ взять негдѣ, а людишка пошли на волю“... „Пожалуй насъ, такъ кончаютъ свое челобитье Собакины, для отца нашего смерти и для нашіе великіе бѣдности не вели на насъ тѣхъ даточныхъ людей править....“— Стольникъ князь Иванъ Никитичъ Хованскій, владѣвшій 273 дворами, бьетъ челомъ—„а взяти мнѣ, х. т., вскорѣ стало негдѣ, а на крестьянишкахъ, г., доправить не на комъ“. Хованскій просилъ на этомъ основаніи отсрочки.—Стольникъ кн. Григорій Андреевичъ Хованскій, владѣвшій 28 дворами, билъ челомъ: „не вели, г., на мнѣ даточнаго человѣка и перехожихъ денегъ имать для моей бѣдности“.—Стольникъ кн. Алексѣй Лыковъ, владѣвшій 93 дворами, поставивъ 4 даточныхъ, утверждалъ въ цитирован-

номъ уже челобитьѣ: „тѣхъ, г., перехожихъ денегъ 13 рублевъ взять мнѣ, х. т., негдѣ“, и просилъ: „для моей бѣдности не вели, г., на мнѣ, х. с., тѣхъ перехожихъ денегъ имать“. Деньги были сложены: „приказалъ государь имянно“. Таковы тѣ формулы, которыя мы встрѣчаемъ въ челобитьяхъ многихъ просителей, хлопотавшихъ о сложеніи по бѣдности. Самое большее, до чего они снисходятъ, — это легкое измѣненіе формулы. Формула „для бѣдности“ смѣняется словами „для моей Смоленскія службишка и терпѣнья и для разоренья“ и т. п. „Помѣстье запустѣло отъ литовскаго разоренья“, стоитъ въ челобитьѣ Семена Глѣбова; „помираю голодною смертью и одолжалъ долги великими, платить мнѣ, х. т., тѣхъ денегъ нечѣмъ за даточ, наго человѣка“, читаемъ въ челобитьѣ Ивана Потемкина; „а у меня, х. т., помѣстейце мало, и то запустѣло отъ хлѣбного недороду, и мнѣ, х. т., бѣдному взять негдѣ“, „а мнѣ, х. т., служить не съ чего и ѣсть нечего“, пишетъ Иванъ Скобельцынъ; „для моей бѣдности и конскаго падежу“, пишетъ Ермолай Милюковъ; „за даточныхъ людей денегъ взять негдѣ, человѣкъ я бѣдный и живу на Москвѣ безъ съѣзду, и дворишко, г., мой московскій сгорѣлъ безъ остатку со всякою служивою рухлядью“, жалуется Ларіонъ Усовъ, хлопочущій о сложеніи — „чтобы, на правежѣ стоя, замучену не быть и впередъ царской службы не отбыть“. Но рядомъ съ этой группой встрѣчаемъ немногочисленныя сравнительно челобитья, рисующія передъ нами цѣлую картину и имѣющія реальный и выразительный характеръ. По нимъ обрисовывается настроеніе группы московскаго дворянства, близкой къ черноработному уѣздному люду, вводящее насъ съ нѣкоторой вѣроятностью въ настроеніе и уѣздныхъ служилыхъ людей.

Челобитья служилыхъ людей, впрочемъ, сдержанны и сухи даже и тамъ, гдѣ за нимъ чувствуется настоящая нужда. „Твое царское жалованье въ Дмитровскомъ уѣздѣ три бобылишка, и по твоему г. указу велѣно съ тѣхъ моихъ бобылишковъ править даточные деньги. Не вели, г., съ тѣхъ моихъ бобылишковъ править даточные деньги,“ бьетъ челомъ Семенъ Измайловъ. И только! Авторъ челобитья не считаетъ нужнымъ или удобнымъ вводить приказныхъ слушателей въ подробности своего, повидимому, невеселаго житья. Лишь изъ другого его челобитья узнаемъ, что три его бобы-

лишка „бродятъ межъ дворъ“... „и тѣхъ своихъ трехъ бобылишковъ кормилъ я, х. т,, плачется Измайловъ, изъ твоего царскаго жалованья съ подѣльнаго своего корму для ихъ бѣдности“. Челобитчики упорно молчатъ о томъ, что имъ приходится переживать, хотя взиманіе сбора Приказа с. р. л. часто имѣло для нихъ значеніе настоящей житейской катастрофы. Жилецъ Ив. Барыковъ, напримѣръ, прослужившій уже 20 лѣтъ по московскому списку, настигнутый налогомъ, долженъ былъ перепроситься на службу съ городомъ, съ кошпряны, только чтобы не платить 6 р. со своихъ 6 дворовъ, разбросанныхъ въ Кинешемскомъ, Шуйскомъ и Каширскомъ уѣздахъ, такъ какъ всѣ его помѣстья пусты. А такихъ случаевъ встрѣчаемъ немало. Но иногда челобитчикъ точно не выдерживаетъ и передъ неблагодарнымъ приказнымъ слушателемъ начинаетъ, быть можетъ, совсѣмъ некстати и неумѣстно развертывать картину своихъ заботъ и горестей. Курчанка вдова Матрена Каменева платила со своего прожиточнаго помѣстья „вдовьи деньги 15 лѣтъ по ся мѣста“. „А я бѣдная, писала Каменева, и нынѣ въ тѣхъ вдовьихъ деньгахъ стою на правежѣ, животъ свой мучу, помираю голодною смертью, а правятъ, г., на мнѣ тѣхъ вдовьихъ денегъ 4 р., а мнѣ бѣдной взять негдѣ, оплатитца нечѣмъ, кормлюсь Христовымъ именемъ и нынѣ при старости древней, а то помѣстьице было пусто, и которые, г., были бобылишка, и тѣ, г., отъ твоихъ г. тяжелыхъ податей разбрелись розно по новымъ городомъ“. Вдова проситъ сложить съ нея налогъ: „чтобъ мнѣ бѣдной вдовицѣ при старости древней, на правежѣ стоя, животъ свой муча, напрасно замученой не быть и досталь, вконецъ, не погинуть“. Сквозь это челобитье отъ $^{29}/_{I}$ 149 г. чувствуются настоящія слезы, но Каменевой пришлось слѣдомъ, $^{2}/_{II}$ 149 г., чтобы обезпечить себя отъ правежа и на будущее время, подать еще челобитье. Въ этомъ новомъ челобитьи Каменева, повторивъ по обычаю дословно свое первое ходатайство, прибавляетъ, что она „бѣдная спрота и стара, и слѣпа, и глуха, и увѣчна“. Каменева просила о сложеніи сборовъ и на будущее время своей земной жизни: „не вели, г., на мнѣ тѣхъ денегъ впередъ править, донеже душа моя грѣшная отъ тѣла разлучится“. Челобитье ея было уважено. — Тверитянка Мавра Турская проситъ въ 153 г. черезъ

Челобитный приказъ отдать ей взысканные съ нея 2 р. „въ милостыни мѣсто“. — Тулянка Прасковья Кисленская съ сыномъ Ѳонькою жаловалась на то, что ея тульское помѣстье запустѣло отъ крымскаго набѣга. „А опрочь того пустого помѣстейца, писала она, нѣтъ за мною ни за сынишкомъ моимъ нигдѣ ни одной четверти, брожу межъ дворъ на Тулѣ, и нынѣ на мнѣ горькой на Тулѣ правять твоихъ г. даточныхъ 2 р. денегъ, а мнѣ горькой взять негдѣ“. Прасковья просила не замучить ея на правежѣ. — Орляне Евтифейко и Артюшка Богатищевы попали въ 150 г. на правежъ за „недорослевыя деньги“. Воевода „тѣ недорослевыя денги правитъ, въ день на правежѣ бьетъ, а на ночь въ тюрьму сажаетъ“,—„а правитъ на насъ, х. т., съ недоросля по рублю“ плакались Богатищевы. Жалуясь на тяжесть повинностей, они просили о сложеніи этого рубля. „А мы, х. т., писали Богатищевы, хлѣбъ—соль пьемъ и ѣдимъ одну..., а намъ тѣхъ недорослевыхъ денегъ взять негдѣ,—бѣднои, разореноп, вызженои отъ крымскихъ людей“.—Новоторжцы Савва и Григорій Цыплетевы, получившіе помѣстье отъ отца, прослужившаго лѣтъ съ 25 и побывавшаго въ плѣну въ Литвѣ, повѣствуютъ въ своемъ челобитьѣ:„ отецъ нашъ животъ свой мучилъ за тебя праведнаго государя, въ тюрьмѣ сидѣлъ 3 года, пытанъ разными пытками и огнемъ жженъ, всякую полонскую нужу и бѣдность терпѣлъ“. По выходѣ изъ плѣна онъ получилъ галицкое помѣстье въ 120 четей. На Цыплетевыхъ требуютъ на 2 года даточныя деньги 26 р. „И мы, бѣдные, жалуются недоросли, стоимъ на правежѣ, а окупиться нечѣмъ, скитаемся межъ дворъ и помираемъ голодною смертью. Грѣхъ ради, г., нашихъ пятой годъ хлѣбного недороду, а иное морозомъ побило, и бобылишки, г., отъ хлѣбного недороду розбрелись розно, а намъ бѣднымъ взять негдѣ, родители наши всѣ побиты подъ Смоленскомъ...“—Ростовская вдова Аграфена Меркулова жаловалась: „брожу промежъ дворъ, прошу милостыню и, бродя межъ дворъ, помираю голодною смертью“. Прожиточное ростовское помѣстье ея „все пусто“, „нѣтъ ни одного бобыльскаго двора, не токмо крестьянскаго“. Данныя ея челобитья были подтверждены обыскомъ. — Курчане недоросли Сидоровы жаловались: „помѣстьишко пусто и разорено отъ татаръ, крестьянъ и бобылей въ томъ помѣстьишкѣ нѣтъ ни одного человѣка, а мы

послѣ отца своего остались малы и бѣдны...“ Налогъ съ нихъ сложенъ „для пустоты“. — Курчанка вдова Аксинья Виденьева съ сыномъ недорослемъ Аѳонькой разсказываетъ о несправедливомъ наложеніи на нее сбора и о правежѣ, на который она попала вмѣстѣ съ сыномъ: „и мы бѣдные, не перетерпя правежу, заложили въ тѣхъ деньгахъ отца своего всею сбрую ратную, и впредь мнѣ, бѣдному, Аѳонькѣ съ того твоего г. жалованья съ отцовскаго помѣстья служить не съ чѣмъ“. Виденьевъ проситъ вернуть взысканныя деньги,—„чѣмъ бы мнѣ, бѣдному, отца своего сбрую ратную выкупить, съ чѣмъ отецъ мой тебѣ, г., служилъ, чтобы мнѣ бѣдному твоей царской службы не отбыть“. — У Данила и Ѳедора Плещеевыхъ было на Вологдѣ по 7 дворовъ. „И съ той бѣдной кучи служимъ мы, х. т., писали Плещеевы, всякіе твои г. службы съ своею братьею съ пожалованными съ помѣстными и вотчинными врядъ, да съ нами жъ, г., служитъ тебѣ, г., съ той же бѣдной кучи третій братъ безмѣсной и безвотчинной, а живетъ у тебя, г., въ стольникахъ“. Всѣ трое они были на службѣ на Тулѣ, — „по грѣху, г., по своему клячами опали и одолжали великимъ долгомъ и нынѣ, г., приволокшися съ твоей г. службы, стоимъ на правежѣ въ даточныхъ деньгахъ въ 14 рубляхъ, а заплатить, г., нечѣмъ: не токмо что тебѣ, г., съ той бѣдной кучи служить, и сытымъ быть не съ чего и самимъ, скитаемся межъ дворъ“, сбиваются Плещеевы на шаблонъ для вящшей убѣдительности. Изъ платежа 146 г. имъ сложена половина. — Отецъ Григорія Комынина перенесъ тягости Смоленской осады, „раненъ не однюво и отъ осадныя нужы и отъ ранъ заболѣлъ“,—„вышедъ изъ-подъ Смоленска, пожилъ немного, да и умеръ, а людишки, г., и крестьянишки, которые были съ нимъ въ осадѣ, и тѣ померли жъ, а которые и живы, и тѣ всѣ въ кабальныхъ долгѣхъ замучены на правежѣ, потому что отецъ мой, будучи подъ Смоленскомъ, тѣхъ крестьянишекъ писалъ съ собою въ заемныя кабалы“, разсказываетъ Комынинъ. Изъ 8 бобылей, которыми владѣлъ отецъ Григорія, ему осталось только 2, — „и тѣ нынѣ въ Переславлѣ Рязанскомъ сидятъ въ тюрмѣ 3 годы, а правятъ на нихъ по твоему г. указу за недоросли денги на 3 годы по 8 р., а искупится имъ бѣднымъ нечѣмъ. А я бѣдной послѣ отца своего и матери остался 3 лѣтъ, одол-

жалъ великими долги, оплачивая долги отца своего, что онъ займовалъ, будучи на вашей г. службѣ подъ Смоленскимъ, и скитаюся нынѣ межъ дворъ и впередъ мнѣ твои г. службы служить будетъ не съ чего". Комынинъ просилъ о сложеніи, чтобы ему „вконецъ не погинуть", „впередъ бы отъ царской службы не отстать, а бобылишка бы его въ тюрьмѣ не померли". Челобитье относится къ 154 г., стало быть правежъ на крестьянахъ Комынина шелъ съ 151 года. Налогъ сложенъ. Относительно вдовы Настасьи Назимовой съ сыновьями Максимкомъ и Мишкой Приказъ напуталъ. Послѣ брата, сотника Алексѣя Тургенева, Настасья получила (изъ его 7 дворовъ въ 3 городахъ: на Бѣлоозерѣ, въ Переяславлѣ Залѣсскомъ и въ Клину) только клинское помѣстье, а съ нея правятъ за всѣ 7 дворовъ. Отъ недорода и животишаго падежа крестьянишка ея оскудѣли и питаются „хлѣбъ займучи". Не отдѣляя себя отъ бобылей, вдова била челомъ о неправежѣ,—„... для нашей бѣдности и скудости, чтобъ мнѣ бѣдной съ дѣтишками и съ бобылишками, стоя на правежѣ, замученнымъ не быть".—Вязмитину Ивану Карабанову дано было въ Вяземскомъ уѣздѣ въ Пригородномъ стану помѣстье, „деревня Поповская, дворъ крестьянинъ Ивашко Микитинъ, да дворъ пустъ Гаврилки Микитина, да деревня Писарева, а въ ней два двора пустыхъ". На спинѣ одного крестьянина оказались двѣ помѣщичьихъ семьи: „а тотъ нашъ крестьянишъ, писалъ Карабановъ, данъ съ братомъ вопче, и нынѣ я, х. т., съ племянники своими владѣю тѣмъ крестьяшномъ вмѣстѣ жъ".—У тверитина Якова Спячова, съ котораго по ошибкѣ правили „будто за ослушанье вдвое", былъ только одинъ бобыль. „И отъ того, г., правежу, жаловался Спячовъ, бобыль сбрелъ безвѣстно, а людишка стоять на правежѣ въ день, а на ночь въ тюрьму мечутъ". — То же самое произошло съ торопецкой вдовой Марьей Языковой. На Бѣльскомъ рубежѣ у нея съ двумя дочерьми дѣвками было 60 четей, „а живущого одинъ бобыльской дворъ." „И тотъ бобыль нашъ тебѣ, г., жаловалась Марья, измѣнилъ, сбѣжалъ за рубежъ въ Литву въ Бѣльской уѣздъ, а я бѣдная съ дочеришками волочусь межъ дворъ, помираю голодною смертью".

Такими красками служилые люди изображаютъ свое бѣдственное положеніе, дающее имъ основаніе хлопотать о льготахъ—при-

водимъ эти отдѣльныя черточки, какъ образчики скуднаго бытового матеріала, вкраплепнаго въ ихъ челобитья, направленныя въ Приказѣ с. р. л. Яспо одно: уѣздный служилый людъ, съ голоса котораго взяты эти данныя, былъ часто поражаемъ налогомъ болѣзненно и пытался выражать свои ощущенія, какъ умѣлъ, въ неблагодарной формѣ челобитій, направленныхъ въ Прпказъ сбора ратныхъ людей.

Въ качествѣ причинъ разоренія служилые люди указываютъ разныя обстоятельства. Обычно разнородныя жалобы сплетаются въ челобитьяхъ въ одинъ общій узелъ, но все же можно въ нихъ различить нѣсколько особыхъ мотивовъ. Это: А) внѣшнія нападенія, Б) насилія со стороны своего же брата—служилыхъ людей, В) неустройство хозяйства служилаго человѣка и бѣгство крестьянъ и Г) тяжесть тѣхъ повинностей, которыя несъ служилый человѣкъ.

А) Внѣшнія нападенія. Изъ уѣздовъ Рязанскаго, Каширскаго, Тульскаго, Карачевскаго и особенно Новосильскаго идутъ жалобы на разореніе вотчинъ и помѣстій крымскими набѣгами [1]). Меньше жалобъ на литовское разореніе съ западной окраины изъ уѣздовъ Вяземскаго и Серпейскаго[2]). Нѣкоторые случаи выразительны. У Андрея Измайлова крымскіе люди, въ 141 г. воевавшіе Новосильскій уѣздъ, взяли въ его вотчинѣ въ Вежахъ въ полонъ 425 душъ крестьянъ съ женами и дѣтьми. Въ 145 г. крымскіе люди, по словамъ Измайлова, „и достальныхъ крестьяншекъ, посѣкли и въ полонъ поимали и дворишки ихъ выжгли, а достальные крестьяншика, которые остались послѣ татарскія войны, розбрелися въ розные города“. Разореніе это подтверждено дозоромъ Андрея Наумова, и памятп о сложеніи посланы въ приказы Стрѣлецкій, Ямской и Разбойный.—Карачевцы недоросли Юрасовы въ 146 г. писали: „какъ приходилъ царевичъ подъ Новосиль, и отъ него приходили подъ Карачевъ крымскіе и ногайскіе люди, въ тѣ годы у насъ, х. т., людишекъ и крестьяншекъ нашихъ всѣхъ въ

---

[1]) Дѣла Ѳ. Нащокина, Макс. Стрѣшнева, Вар. Воейковой, Григ. Ларіонова, П. Колтовского, Ан. Измайлова, Іева Бошина, Юрасовыхъ, Ив. Григорова, Пр. Кисляковой, Денисьевыхъ, Ав. Солнцовой, Сем. Унковского, Дор. Остафьева, Ив. Фустова, Вас. Безобразова, Гр. Дурного.

[2]) Дѣла Сем. Колтовского, Ан. Глѣбова, Вас. Безобразова.

полонъ поимали". Между тѣмъ сборъ съ Юрасовыхъ потребовали. „А у насъ, х. т., жаловались Юрасовы, было всего 2 мужичонка, и тѣ со всѣми въ полонъ поиманы, и роспись полонная къ тебѣ, г, въ Розрядъ прислана, и мы, х. т., волочимся промежъ дворъ..." Недоросли пріютились у своихъ дядей.—У карачевца Ратмана Юрасова въ 146 г. [1]) крымскіе люди взяли въ плѣнъ его жену и 30 душъ людей и крестьянъ. Братъ Ратмана Трошка отъ этого разоренія „живетъ во Брянску, таскается межъ дворъ".— У Семена Унковскаго, Дороѳея Остафьева, Ивана Фустова „вотчинки и помѣстейца въ разныхъ украйныхъ разоренныхъ городахъ въ приходъ крымскихъ людей разорены безъ остатку, людишка и крестьянишка побиты и въ полонъ поиманы, и деревишка пожжены, а достальные крестьянишка отъ ихъ крымскаго подъему разбрелися".

Б) Разореніе отъ своей братьи. Другая причина разоренія— обиды отъ своего же брата, служилыхъ людей, особенно отъ болѣе сильныхъ сосѣдей. До полутора десятка челобитій жалуются на эту причину невзгодъ. Жалобы эти очень разнохарактерны.— Вдова боярыня Арина Нагая жаловалась на то, что романовская вотчина ея, бывшая со 136 г. по 142 за пасынкомъ ея Богданомъ Нагимъ, разорена этимъ послѣднимъ: „не проча себѣ, крестьянишекъ моихъ вывозилъ въ подмосковную свою вотчину въ село Царево и въ иныя свои вотчины".—Вдова Аксинья Зубатова промѣняла изъ своихъ 11 костромскихъ дворовъ 6 „для обидъ и сосѣдства" костромитину Ивану Воронову.—Вдова Пелагея Корсакова 5 дворовъ своего прожиточнаго кашинскаго помѣстья, „будучи при старости древней", сдала своему внуку, дочерню сыну, Золотилову. Она жаловалась въ своемъ челобитьѣ на то, что „отъ сторонихъ..... обидъ и отъ хлѣбного недороду и тѣ малые и скудные бобылишка, видя себя беззаступныхъ и отъ сторонъ въ обидѣ, бредутъ всѣ врозь", и ей заплатить сбора нечѣмъ.—Андрей Бутурлинъ получилъ помѣстье Павла Вельяминова, „какъ онъ взятъ и отданъ за пристава въ его воровствѣ". „И онъ, г., Павелъ, пишетъ Бутурлинъ, то помѣстейцо разорилъ до основанія и мужиченковъ разогналъ, и мнѣ, х. т., всего досталося по твоему

---

[1]) Дѣло относится къ 149 г.

г. крестному цѣлованью на 4 стана 20 четей, всѣхъ 30 старцевъ, а по писцовымъ книгамъ написано было 37 дворовъ...“— Княгиня Ирина Друцкая повѣствовала о томъ, что у нея было 3 крестьянинца,—„и тѣ, г., мои крестьянишка, писала Друцкая, отъ насильства и обиды розбрелись, и то мое помѣстейцо стало пусто, а я, р. т., скитаюсь межъ дворъ, гдѣ день и гдѣ ночь“. Платежъ съ нея сложенъ.—На костромской вдовѣ Аннѣ Ачкасовой и ея сынѣ Осипѣ правятъ въ 150 г. 24 р. „А у меня, пишетъ вдова, нѣтъ ни единаго бобылишка, только одинъ мой дворишко“. Своимъ прожиточнымъ помѣстьемъ она и не владѣетъ, потому что помѣстье свое „со крестьяны и со всѣми угоды отъ насильства и отъ изгоши великіе Ивана Прохорова сына Писемскаго и отъ его разоренья“ она промѣняла костромитину Нефеду Баскакову на его Нефедову помѣстную пустошь.— Тулянка вдова Анна Скобельцына „разорена до конца“, „вконецъ погибла“, отъ деверя своего Ивана Скобельцына.—Андрей Измайловъ, сынъ несчастнаго Артемія, жаловался въ 146 г. тономъ упрека самому государю на боярина И. П. Шереметева. „Андрюшка Измайловъ бьетъ тебѣ, г., челомъ безпрестани пятой годъ на боярина И. П. Шереметева, писалъ Измайловъ,—онъ у меня, х. т., своимъ насильствомъ завладѣлъ твоимъ г. жалованьемъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ въ с. Слободскомъ вотчинкою и помѣстейцомъ, моею пашнею и крестьянскою, 410 четвертьми, усадьбою и мельницею, и перевозомъ, и сѣнными покосы—всякимъ угодьемъ...“ Даточные по этому челобитью въ маѣ въ 146 г. были съ него сложены, по 12 р. перехожихъ денегъ онъ долженъ былъ заплатить. Измайловъ подалъ немедленно новое челобитье о сложеніи съ него и 12 р. съ еще болѣе горькими жалобами на И. П. Шереметева. „И тѣ всѣ крестьяне, писалъ онъ, розбрелися отъ боярина отъ И. П. Шереметева отъ его накальства и раззоренья“, — „двунадцати рублевъ дать нечего“. „А самъ я, х. т., помираю голодной смертью отъ боярина И. П. Шереметева отъ его раззоренья, что меня раззорилъ бояринъ И. П. Шереметевъ,“ упрямо твердилъ Измайловъ. Въ іюнѣ 146 г. съ него были сложены и 12 р. Измайловъ не успокоился и уже въ апрѣлѣ 147 г., когда Приказомъ с. р. л. завѣдовалъ самъ И. П. Шереметевъ, подалъ новое челобитье, едва ли особенно пріятное для главы

учрежденія, въ которое оно было направлено. Повторивъ разсказъ о томъ, что теперь уже шестой годъ Шереметевъ незаконно владѣетъ его селомъ Слободскимъ, землею, усадьбой, перевозомъ и т. д., Измайловъ жаловался, что Шереметевъ захватилъ и то, что отецъ его, Измайлова, и самъ онъ „послѣ писцовъ, проча себѣ, росчищали и распахивали изъ своихъ угодій изъ вотчинныхъ и изъ помѣстныхъ лѣсовъ". „Отъ боярина И. П. Шереметева людей и отъ крестьянъ" и остальные крестьяне Измайлова брели розно. 4/IV 147 г. платежъ съ Измайлова вновь былъ сложенъ и на 147 г.

На ряду съ этими, повидимому, серьезными и искренними жалобами мы встрѣчаемся и съ реторическими декламаціями на тѣ же темы. Два челобитья подалъ кн. Семенъ Барятинскій. Если вѣрить его челобитью, покуда онъ въ 147 г. былъ на службѣ въ Крапивнѣ, его боровское помѣстье разорилъ князь Борисъ Троекуровъ, крестьянъ вывезъ, а животы его и крестьянскіе „поималъ на себя". Ярославское его помѣстье „разорено отъ князя Юрія Барятинскаго", который его „крестьянъ побилъ и землею и сѣнными покосами владѣетъ насильствомъ". Суздальское помѣстье С. Барятинскаго разорено „отъ Дмитрія Мякишина". Московскій домъ его на Покровкѣ сгорѣлъ 25/IV. Домъ за Чертольскими воротами сгорѣлъ 11/V. Приказъ игнорировалъ несчастья этого многострадальнаго Іова и ограничился пониженіемъ платежа до итога писцовыхъ книгъ, въ виду того, что за Барятинскимъ насчитали по отдѣльнымъ книгамъ больше дворовъ, чѣмъ числилось по писцовымъ [1]).

В) Разбродъ крестьянъ. Вопреки ожиданію, дѣла, въ которыхъ слышатся жалобы на разбродъ крестьянъ немногочисленны,— такихъ дѣлъ можно насчитать не болѣе 30 [2]). Всѣ эти жалобы довольно глухи и обычно сплетаются съ жалобами на другія невзгоды, особенно съ жалобами на тяжесть повинностей. Въ

---

[1]) Въ концѣ-концовъ ему все-таки удалось добиться сложенія — Боярская № 14 л. 54.

[2]) Дѣла Макс. Загряжскаго, Пазара Алексѣева, Пел. Корсаковой, Марьи Языковой, Семена Измайлова, Ѳедора Квашнина, Матр. Каменевой, кн. Пр. Друцкой, Якова Спячова, П. Абашова, С. Извольскаго, Дор. Остафьева, Ив. Фустова, Ив. Молвенинова, кн. Ив. Пріимкова-Ростовскаго, Митр. Моклокова, Юр. и Игн. Баклановскихъ, Бориса Колтовскаго, Сем. Вельяминова, кн. А. М. Львова, Мат. Проестева, И. Грамотина, Анд. Просовецкаго, Бор. Приклонскаго.

самомъ тонѣ этихъ жалобъ не слышно раздраженія противъ крестьянъ, скорѣе преобладаетъ сочувственное къ нимъ отношеніе. „Отъ сторонніхъ обидъ и отъ хлѣбного недороду и тѣ малые и скудные бобылишки, видя себя беззаступныхъ и отъ сторонъ въ обидѣ, бредутъ всѣ врозпь“, жалуется Пелагея Корсакова, и жалоба ея типична. — Григ. Усовъ погорѣлъ: „скотинишко и хлѣбенко у меня, жалуется Усовъ, и у бобылишекъ пригорѣла безъ остатку, а кой, г., хлѣбенко былъ сѣянъ нынѣча, и тотъ выбило морозомъ и градомъ, и отъ того, г., пожару и отъ голоду, отъ великой бѣдности тѣ нужные бобылишка розбрелись розно“. За отсутствіемъ крестьянъ Усову пришлось стать на правежъ самому.

Г) Тяжесть повинностей. Косвенныя и прямыя жалобы на тяжесть повинностей встрѣчаются довольно часто. Многочисленны жалобы на тяжесть засѣчныхъ работъ. Такъ, у рязанской вдовы Ульяны Чевкиной „крестьяне съ дымовъ стоятъ у засѣки безпрестани и засѣку вдругорядь подѣлываютъ и отъ того крестьянишка, обѣднявъ, розбрелися“.—Рязанцы Денисьевы, жалуясь на правежъ со своихъ крестьянъ, пишутъ: „наши крестьянишки живутъ близко твоей г. засѣки, всякія засѣчныя подѣлки дѣлаютъ и рвы чистятъ, и крестьянишкамъ, г., ставится и не въ силу, да и мы, х. т., служимъ тебѣ съ тѣхъ же крестьянишекъ двѣ службы“. — С. Извольскій, Д. Остафьевъ, И. Фустовъ, посланные въ Крымъ, на ряду съ другими тяготами жалуются на то, что „достальные крестьянишки отъ ихъ крымскаго подъему розбрелися“.— Иванъ Биркинъ съ сыномъ Самойлой сѣтуютъ на трудности службы въ теченіе $2^1/_2$ лѣтъ на Ногайской сторонѣ при постановкѣ новаго города на Козловомъ урочищѣ.—Н. Бестужевъ, П. Лавровъ и С. Левашовъ были на службѣ на Изюмской сакмѣ на Яблоновѣ. Ссылаясь на сложеніе платежа со стрѣлецкихъ сотниковъ Савелова и Левыкина за таковую же службу, они тоже просятъ о сложеніи, „за нелюбское службишко“ на Яблоновѣ.

„Послана твоя г. грамота въ Галичъ къ воеводѣ кн. Ив. Елецкому, жалуется Левъ Извольскій, а велѣно на мнѣ, х. т., съ крестьянишекъ съ моихъ и съ бобылишковъ съ 8 дворовъ доправить на прошлый на 146 г. за даточнаго человѣка вдвое 16 р. А въ тѣхъ твоихъ г. деньгахъ изыманы бобылишки мои 2 человѣка, а вкинуты въ тюрму, а достальные разбѣжались. А

въ прошломъ, г., во 146 г. былъ я, х. т., на вашей г. службѣ на Тулѣ, а послѣ того былъ на крымской розмѣнѣ на Валуйкѣ двожды, и нынѣ былъ на твоей г. службѣ во Мценску, и нынѣ сказана мнѣ, х. т., твоя г. служба на Ливны, а человѣкъ бѣдной и непожалованной, а служилъ блаженной памяти отцу твоему г. и тебѣ государю вездѣ съ пожалованными врядъ. Да мое жъ имянишко написано въ докладной выпискѣ: велѣлъ ты, г., доложить себя, государя". Извольскій просилъ денегъ за даточныхъ людей не править, а бобылей освободить изъ тюрьмы или, по крайней мѣрѣ, дать ему отсрочку, „пока служба минетца".

Обычно жалобы служилыхъ людей на тяжесть своихъ службъ и повинностей сплетаются въ сложные узлы, въ которыхъ совмѣщаются разныя черты. Такъ, курчанка вдова Матрена Каменева, „при старости древней" все-таки попавшая на правежъ, жаловалась на пустоту своего помѣстья: „которые, г., были бобылишки, и тѣ, г., отъ твоихъ г. тяжелыхъ податей розбрелись розно по новымъ городамъ".—„Бѣдной и разорепой" недоросли орляне Богатищевы, жалуясь на свою бѣдность („хлѣбъ-соль пьемъ и ѣдимъ одну"), изображали тягость своихъ повинностей въ такихъ краскахъ: „подати ямскія и стрѣлецкой кормъ платимъ, а подъ пословъ подводы наймовасмъ, и городовую подѣлку рвы копали, и частякъ шлили, и надолбы ставили съ городомъ врядъ..., и каменья на острогъ носили".—Михайлъ Засѣцкій посланъ на службу на Валуйку „въ самую нужную пору и въ безпути и отъ нужного походу и отъ труды опалъ лошедми, проѣлся и одолжалъ великимъ долгомъ".—Помѣстье Захара Ратиловскаго запустѣло—„отъ дѣла твоего г. города Тамбова". Онъ жаловался: „одолжался прежними великими долги, какъ поволокся, я на твою г. службу въ Можаескъ, помѣстейца за мною, х. т., и вотчины въ тѣ поры не было ни единой чети, и я, х. т., хотя тебѣ, г., служить, ималъ лошадей и служивую рухлядь въ долгъ, на себя давалъ заемныя памяти, и въ тѣхъ, г., заемныхъ денгахъ по заемнымъ памятемъ и нынѣча стою на правежѣ..."—Юрій и Игнатій Баклановскіе жаловались коротко, не выразительно: „крестьянишка, г., наши всѣ розбрелись розно отъ твоихъ г. дворовыхъ денегъ".—Кочева Поливановъ въ своемъ челобитьи отъ $^{3}/_{X}$ 155 г. жалуется на то, что 6 р. за его галицкое помѣстье въ уплату на 146 г. ему не

заплатить: „оплатиться, г., крестьянишкамъ моимъ нечѣмъ, потому что твои г. подати частыя, ямскія денги и стрѣлецкія“. Вмѣсто него на службѣ въ Бѣлгородѣ въ 155 г. былъ его сынъ, „до отпуску служилъ и одолжалъ великимъ долгомъ“.

Такъ въ сухо-дѣловыя или неопредѣленныя жалобы на бѣдность и разореніе, начинаютъ понемногу прокрадываться отдѣльныя ноты недовольства, и въ сѣрой грудѣ дѣлопроизводства Приказа с. р. л. начинаютъ пробѣгать искорки. Раздраженіе глухо чувствуется между строкъ многихъ челобитій, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ оно выражено болѣе опредѣленно и въ содержаніи и въ самомъ тонѣ заявленій.

5. Отношеніе служилыхъ людей къ сбору.

Въ громадномъ большинствѣ челобитья служилыхъ людей строго дѣловиты и совершенно безличны со стороны своего отношенія къ власти. Масса ихъ, вполнѣ воспроизводя общій этикетъ обращенія служилаго человѣка къ государю, не даетъ возможности угадать, что подъ этими формулами скрывается: слѣпая ли покорность, сознательная ли готовность итти по прокладываемому правительствомъ наощупь пути, или же сдержанное и скрытое недовольство и негодованіе на ходъ московской политики. Есть однако челобитья, которыя говорятъ и нѣсколько больше. По нимъ можно угадать, въ какую сторону развивалось настроеніе служилаго общества, поражаемаго экстренными налогами.

Покорное отношеніе проявляется и высказывается на разные лады. Яковъ Татищевъ, сообщая въ челобитьѣ о пропискѣ за нимъ его ростовскаго помѣстья съ 7 дворами, такъ объясняетъ мотивы своего челобитья: „вѣдаючи твое г. уложеніе, что велѣно съ 20 дворовъ имать человѣка, бояся твоей г. опалы, не хотя за собою утаить крестьянскихъ дворовъ“.—Иванъ Леонтьевъ въ маѣ 153 г. собрался, несмотря на свое бѣдственное положеніе, на службу въ Рязань: „одолжася, пишетъ онъ, готовъ на твою г. службу, скудостью своею тебѣ не билъ челомъ, боясь твоей г. опалы“. Его оброчная галицкая деревня съ 150 четями даетъ ему 30 р. оброку,—„опричь того за мною, х. т., нѣтъ ничѣмъ“, а „въ за даточныхъ денгахъ [1]) за 2 года въ 35 рубляхъ“

[1]) Т.-е. въ сборѣ Приказа с. р. л.

онъ стоитъ на правежѣ. Леонтьевъ просилъ (и успѣлъ въ этомъ) „съ убогаго его деревишка для его скудости денегъ не имать".—Татищевъ изъ страха заплатилъ, Леонтьевъ изъ страха не билъ челомъ, однако платить не платилъ, но были челобитчики, развившіе въ своихъ челобитьяхъ значительное реторическое искусство. Такъ, нѣкая Василиса Бухарова, а по второму мужу Шепелева, успѣвшая къ 150 г. вторично выйти замужъ не хотѣла терять льготы, на которую въ 146—7 г. ей давала право служба ея перваго мужа Бухарова, впослѣдствіи погибшаго въ крымскомъ плѣну. Она просила сложить съ нея налогъ, подкрѣпляя свое ходатайство такими обращеніями: „для ради Сергѣя Радонежскаго чудотворца и для ради своего многолѣтняго здоровья". Деньги $^{17}/_{IX}$ 150 г. были съ нея сложены.—Не менѣе краснорѣчиво челобитье Иваниса Кайсарова, съ котораго тщетно требовали въ 157 году 39 р. съ полтиной на 146-7 гг. Послѣ разсказа о своихъ службахъ на Украйнѣ, на Добромъ городищѣ, онъ прибѣгаетъ къ краснорѣчію. Кайсаровъ проситъ сложить съ него платежъ—„для твоего государскаго царскова многолѣтнова здоровья, для великія мирныя радости г. царевича и в. к. Дмитрія Алексѣевича всеа Русіи". Года черезъ полтора, когда Кайсаровъ былъ занятъ на службѣ въ Сумерской волости, „строилъ солдатскій строй", Приказъ с. р. л. принялся на немъ взыскивать эту допмку, не взирая на сложеніе, и для окончательнаго сложенія потребовалось второе подписное челобитье.

Но иногда служилые люди переходили совсѣмъ въ другой тонъ—не въ реторику, а въ упрекъ. Чувства свои они обычно изображаютъ въ автобіографическихъ повѣствованіяхъ. Дв. м. Ѳедоръ Харзеевъ, поддерживая ходатайство о сложеніи, разсказываетъ свою біографію: „подъ Смоленскомъ ранепъ по лѣвой рукѣ изъ пищали, кость переломлена и жилы порваны, и я, х. т., отъ тоя раны сталъ увѣченъ, рукой не владѣю, и впередъ мнѣ, х. т., на лошади сидѣть и владѣть нельзя". Онъ просилъ отставить его отъ службы и взять вмѣсто него „даточнаго человѣка пѣшева",—„потому что кляченки на твоихъ г. службахъ попадали, а кои крестьянишки были, и тѣ отъ хлѣбные недороды розбрелись,—чтобъ мнѣ, х. т., вконецъ не погибнуть, робятишкамъ впередъ твоей г. службы не отбыть, какъ поспѣютъ тебѣ, г., въ

службу".—Ив. Чулковъ въ 146 г. вмѣсто 19 р. выставилъ даточнаго, но даточный этотъ оказался въ 147 г. не справленнымъ за нимъ въ книгахъ, и съ него потребовали 19 р. вдвое. Чулковъ возражалъ, указывая на то, что онъ денегъ не платилъ „своимъ раззореньемъ, а не ослушаньемъ", и въ подкрѣпленіе своего ходатайства приводилъ то, что его 20-й дворъ прописанъ и что, слѣдовательно, его право выставить даточнаго вмѣсто сбора денегъ безспорно. „Послѣ писца, продолжалъ Чулковъ, крестьянишка многіе померли и розбрелись, а иные взяты въ полонъ въ Крымъ, а нынѣ и послѣдніе бредутъ розно отъ податей и отъ правежу. И я, х. т., разоренъ отъ недрузей и отъ пожаровъ: трожды, г., у меня, х. т., на Москвѣ дворишка горѣлъ. И въ прошломъ, г., 146 г. я, х. т., погорѣлъ же, и розбойники розбили, и розоренъ, г., до конца. Да я жъ, х. т., нынѣ отпустилъ на твою г. службу въ Одоевъ сынишка своего съ той же своей деревнишки, а за нимъ, г., нѣтъ нигдѣ ни единой четверти. И нынѣ, г., сошло мнѣ твое г. жалованье, подписная челобитная, за помѣтою твоего г. думного дьяка Ив. Гавренева, что ты, г., пожаловалъ—велѣлъ справитца съ Помѣстнымъ приказомъ и съ писцовыми книгами. И по ся, г., мѣста тотъ даточный за мною, х. т., и не справленъ, а деньгами, г., мнѣ не оплатитца, со крестьянишекъ собрать не съ кого, и самому взять негдѣ. А по твоему г. указу и по подписнымъ челобитнымъ емлютъ у многихъ за 13, и за 15, и за 18 и за 19 р. даточными людьми..." Чулковъ просилъ взять съ него даточнаго вмѣсто палога и на 147 г.,—„чтобъ я, х. т., на правежѣ стоя, вконецъ не погибъ". „Не ложью, патетически восклицалъ Чулковъ, тебѣ, г., челомъ бью: не токмо, г., платить вдвое, и воднорядь заплатить и то, г., и съ послѣднимъ разоритца". 22/VI 147 г. съ Чулкова велѣно было взять двухъ даточныхъ—одного на 146 г., другого—на 147 г. — Кн. Ст. Шаховской получилъ въ придачу къ своему галицкому помѣстью, „что осталось у розныхъ помѣщиковъ за дачею 125 четей". „А досталися мнѣ, писалъ Шаховской, мужиченка все бѣдные, которые помѣщикомъ не пригодилися и отъ хлѣбного недорода, г., бродятъ межъ дворъ, питаютца Божіимъ именемъ. Не токмо, г., что имъ мнѣ дати, самимъ едва пропитатись! А прожитки, г., мои тебѣ вѣдомы..." Шаховской билъ челомъ о сложеніи: „чтобы крестьянишка не розбрелися, а я бѣдной

и достоль не погибъ". Съ первой подписной челобитной Шаховского случилась непріятность, она „не сошла, утерялась", и ему пришлось немедленно хлопотать о подписаніи новой.—Тверичи Иванъ и Ѳедоръ Грязновы послѣ изображенія разброда крестьянъ и пустоты поросшаго лѣсомъ помѣстья и того правежа, которому подвергли въ Твери въ 153 г. за неплатежъ налога на 146—7 гг. ихъ четверыхъ крестьянъ, переходятъ къ характеристикѣ своего служебнаго положенія: „а я, х. т., Ивашко нынѣ на твоей г. службѣ на Тулѣ, и преже, г., сего бывали мы, х. т., на многихъ г. вашихъ службѣхъ съ своею братьею съ пожалованными врядъ съ пріѣзду и до отъѣзду, а въ посылкахъ, г., и на приказѣхъ мы, х. т., нигдѣ не бывали, а которые, г., наша братья, многопомѣстные и пожалованные люди, и тѣ, г., многажды бывали на воеводствахъ и на приказѣхъ. А мы, х. т., служа вамъ, государямъ, обѣднѣли и одолжали великими долги, а тѣ же, г., денги за даточныхъ людей многимъ нашей братьи богатымъ и многопомѣстнымъ людямъ по вашей г. милости отдаваны". Ходатайство Грязновыхъ было доложено черезъ Челобитный приказъ, и деньги сложены. Характерно, что челобитье это относится къ іюлю 153 г. и было доложено вслѣдъ за кончиной царя Михаила вмѣстѣ съ рядомъ другихъ черезъ Челобитный приказъ.— Даже вдова курчанка Матрена Каменева, ходатайствовавшая въ 149 г. о сложеніи „для бѣдности и вдовыхъ и сиротскихъ слезъ" и указывавшая, что она платила „вдовьи деньги 15 лѣтъ и по ся мѣста", и что она „при старости древней кормится Христовымъ именемъ", кончаетъ прямымъ упрекомъ: „и которые, г., были бобылишки, и тѣ, г., отъ твоихъ г. тяжелыхъ податей розбрелись розно по новымъ городомъ".—Рядъ упрековъ содержитъ въ себѣ челобитье Бориса Кондырева. „Служба и работа отца моего, пишетъ Кондыревъ, тебѣ, г., извѣстна". По смерти отца Борисова, Ивана, помѣстье перешло къ Борису, между тѣмъ его имя и имя его матери въ спискахъ Приказа с. р. л. оказались пропущенными. „И мать моя и я, х. т., били челомъ тебѣ, г., чтобы съ насъ взяли по твоему г. указу даточнаго, и даточнаго, г., человѣка не взяли, невѣдомо почему, а перехожихъ 14 р. взяли". А въ 149 г. за даточнаго съ нихъ стали править „денгами вдвое напрасно съ огурщиками вмѣстѣ", между тѣмъ какъ они били челомъ о про-

нискѣ,—„даточнаго человѣка, писалъ Кондыревъ, по нашему челобитью съ насъ не взяли не для нашего огурства".—Василій Сем. Языковъ, прося о замѣнѣ 18 р. даточнымъ, мотивируетъ свое ходатайство такъ: „мои крестьянишка (въ Бѣлозерьѣ) и бобыли отъ городовой подѣлки и отъ твоихъ г. податей и отъ воеводцкой продажи розбрелися розно, и пышѣча, г., то мое помѣстьишко пусто".—Захаръ Ратиловскій, разсказавъ о разореніи своихъ крестьянъ отъ дѣланья г. Тамбова и о своемъ разореніи отъ тягостей службы, тоже переходитъ къ упрекамъ: „а былъ я, х. т., г., пишетъ онъ, на службѣ въ Можайскѣ... и безъ съѣзду, а приволокся я, х. т., въ Можайскъ первой человѣкъ, а нынѣ я, х. т., служу твою государеву службу тебѣ, г., съ пожалованными врядъ, за которыми твое царское жалованье мужиковъ по 70 и по 60..."— Лаконично, но выразительно челобитье вдовы Марьи Нащокиной. „Мужъ мой Андрей служилъ тебѣ, г., по Ржевѣ Володимеровѣ, писала Нащокина, и въ прошломъ, г., во 143 г., мужа моего Андрея подо Ржевою на бою взяли литовскіе люди, и въ полону, г., мужъ мой за тебя, г., кровь свою пролилъ, и его убили, и на мнѣ, бѣдной вдовѣ, правятъ изо Ржевы съ двухъ крестьянскихъ дворишковъ 2 р. ратнымъ людямъ". „Для мужа крови и терпѣнья" вдова просила не править съ нея 2 р. „Для крови мужа ея" въ мартѣ 153 г. они были сложены.—Въ челобитьѣ бѣлевца подъячаго Семена Реткина мы находимъ и принципіальный протестъ противъ самаго налога. Въ Приказѣ напутали и въ 154 году требовали съ него налогъ за вотчину давнымъ-давно перешедшую по судебному рѣшенію къ его брату Ивану, а отъ Ивана въ третьи руки. Распутывая это недоразумѣніе, С. Реткинъ не удержался, чтобы не бросить упрека: „а тѣхъ денегъ съ той вотчинки нынѣ спрашиваютъ на мнѣ якъ, х. т., мимо прежняго вашего г. указа невѣдомо почему, и въ томъ меня, х. т., волочатъ и убыточатъ напрасно, а намъ, х. т., всѣмъ для твоей г. службы во всякихъ дѣлахъ отсрочено, и даточныхъ людей съ нашей братьи, съ городовыхъ, николи не имывано..." Подъячій изъ служилыхъ людей далъ волю своему перу совершенно напрасно: въ его дѣлѣ довольно было формальнаго отвода, такъ какъ его вотчину братъ его Иванъ отсудилъ у него еще въ 143—г. $^{6}/_{VI}$ 146 года доложено было челобитье дв. м. Ивана Тарбѣева,

владѣвшаго всего 4 дворами. „Служу я тебѣ, государю, писалъ Тарбѣевъ, 40 лѣтъ всякія твои государевы службы выборныя и рядовыя и во многихъ, г., осадѣхъ сидѣлъ: въ Торопцѣ, и на Бѣлой, и въ Тихвинѣ, и на Москвѣ, и подъ Смоленскомъ, и всякую осадную нужу терпѣлъ и на бояхъ за тебя, г., многую кровь пролилъ, пятью раненъ и изувѣченъ, г., отъ ранъ до конца. А выслужилъ я, х. т., у тебя, государя, своею службою и кровью и осаднымъ терпѣніемъ 1000 чет. помѣстнаго окладу, да меня жъ ты, г., пожаловалъ до Смоленской службы велѣлъ написать по московскому списку, а велѣлъ мнѣ быть на своей государевой службѣ подъ Смоленскомъ въ полку съ околничимъ и воеводою со кн. Семеномъ Васильевичемъ Прозоровскимъ для того, что я, х. т., у разбора съ городомъ бѣляны твое государево денежное жалованье взялъ 25 рублей. И я, х. т., былъ на твоей государевѣ службѣ подъ Смоленскомъ съ приходу и до отходу и въ осадѣ сидѣлъ, и голодъ, и наготу, и стужу, и всякую осадную нужу терпѣлъ, потому что животишка всѣ покинулъ въ отходъ твоего государева околничаго кн. Семена Васильевича Прозоровскаго, что сталъ отходъ скорой, а съ твоей государевы службы не съѣхалъ и до отходу. А людишка у меня, х. т., подъ Смоленскомъ побиты и въ полонъ поиманы, а помѣстейца за мною, за х. т., всего 200 четей, и то пусто, крестьянишакъ въ немъ всего 4 человѣка, а больше, г., за мною того ни помѣстья ни вотчинки нѣту, и съ того я, х. т., служу тебѣ, г., самъ третей съ дѣтишками. А на городѣ, г., и въ посылкахъ негдѣ не бывалъ, все по твоимъ государевымъ службамъ до Смоленской службы и после Смоленской, а по твоему государеву указу велѣно съ меня, х. т., взять въ даточные люди съ тѣхъ моихъ крестьянишакъ 4 рубли. И самому съ дѣтишками служить не съ чего!“. Тарбѣевъ билъ челомъ: „за мою службу и за кровь сама третья съ дѣтишками не вели съ меня взять за даточныхъ людей тѣхъ 4 рублевъ, чтобъ я, х. т., на правежѣ замученъ не былъ и твоей государевы службы не отбылъ, или пожалуй меня, х. с., вели написать опять по городу, потому что мнѣ, х. т., оплатиться нечѣмъ“. Налогъ былъ сложенъ съ Тарбѣева „для того, что съ того помѣстья служатъ два сына“. — Подъ рядъ два челобитья 14 и 16 іюля 146 г. подалъ Алексѣй Языковъ. „Былъ я, х. т.,

повѣствуетъ Языковъ, на твоей г. службѣ подъ Москвою безъ съѣзду до отстою. И въ литовской Хаткѣевъ приходъ меня рашили, и раненъ былъ подъ Москвою безъ съѣзду. Да я жъ, г., сидѣлъ въ осадѣ на Бѣлой отъ короля и былъ головишкомъ съ сотнею со ржевичи и съ зубчаны и всякую осадную нужу терпѣлъ, и на осмерной башнѣ меня, х. т., съ сотнею взорвало подкопомъ, и пяти человѣкъ моей сотни дворянъ за городъ выкинуло, а меня, х. т., раздробило, и отъ того, г., взрыву и отъ ранъ сталъ увѣченъ и хракаю кровью. И за тою, г., мою смертную службу, и за кровь, и за рану, и за Тихвинское, и за Бѣльское осадное сидѣніе пожаловалъ ты, г., меня, х. с., велѣлъ отпустить въ городъ воеводою, и я, х. т., въ отпускѣ и по ся мѣста нигдѣ не былъ, лежу подъ Москвой отъ рашъ и отъ осаднаго сидѣнья боленъ, помираю голодною смертью. А твоего г. жалованья помѣстейца въ 3 городѣхъ врозни написано было 9 бобылей, и послѣ, г., писцовъ отъ службы и отъ городовыя подѣлки и отъ твоихъ государевыхъ податей опустѣло, и нынѣ по твоему г. указу на мнѣ правятъ за даточнаго человѣка 9 руб., а платить, г., мнѣ, х. т., нечѣмъ, помѣстейце пусто. А которые, г., были на твоей г. службѣ на Яблоновой и на Усердѣ головы и сотники, и за ту ихъ службу ты, г., пожаловалъ и за подсмоленскую службу Ивана Тарбѣева пожаловалъ, денегъ за даточныхъ взять не велѣлъ“. Платежъ Языкову былъ отсроченъ на два мѣсяца до Покрова 147 г. — Челобитье Герасима Дурного было доложено $^{13}/_{IX}$ 147 года. „Въ прошломъ во 141 г., повѣствуетъ Дурной, какъ приходилъ крымской царевичъ со многими крымскими и нагайскими людьми и стоялъ подъ Серпуховымъ, и за тѣ, г., поры взяли у меня, х. т., крымскіе люди въ твоемъ царскомъ жалованьѣ, а въ моей въ олексинской вотчинкѣ 27 человѣкъ крестьянъ въ полонъ да 10 душъ дворовыхъ [моихъ людишекъ, и стояли въ той моей въ вотчинной деревнишкѣ тотаровя три дня да три ночи и, что было лошадей и всякой животины, хлѣба молоченаго и въ полѣ нежатаго, и то все вытравили и потолочили, а въ гумнахъ хлѣбъ весь пожгли, и твое г. жалованье вся моя деревнишка отъ того запустѣла безъ остатку. Да за мною жъ, х. т., твое г. жалованье помѣстьишко въ розореномъ пустомъ городѣ въ

Козельскомъ у., и какъ въ прошломъ во 142 г. приходили черкасы подъ Колугу, и въ той моей деревнишкѣ взяли черкасы въ полонъ крестьянъ и посѣкли 35 душъ, а которые, г., досталные крестьянишка сидѣли въ Колугѣ въ осадѣ и померли съ нужи и съ голоду—12 душъ, и та моя козельская деревнишка вся запустѣла безъ остатку. А какъ, г., шли воровскіе казаки Болшовшина подъ Колугу, и тѣ воры стояли въ той моей козельской деревнишкѣ три недѣли и, что было хлѣба и животины, и то все сами поѣли и лошадми потравили, а иное потолочели и деревшишку всю выжгли, не оставили ни единова двора и сѣмена орженыя и яровыя всѣ перевели. И нынѣча осталось за мною, х. т., всѣхъ бобылей въ тѣхъ разоренныхъ въ моихъ кучепкахъ, какъ тебѣ праведному государю крестъ цѣловалъ, всего 7 бобылей. И тѣ мои бобылишка въ прошломъ во 146 году дѣлали по твоему г. указу двѣ засѣки, Козельскую да Веневскую, а стали тѣ твои государевы засѣки крестьянишкамъ моимъ 12 руб., — сами работали и дѣловцовъ наймали. Да мои жъ, г., олексинскіе бобылишка дѣлали 3 годы городъ Олексинъ. Въ живущемъ, г., положено по писцовымъ книгамъ тяжело, а послѣ писцовъ тѣ мои деревнишка всѣ запустѣли, разорены безъ остатку. А на Вологдѣ помѣстишка за мною, х. т., въ дачѣхъ 37 чет., а бобылей за мною, х. т., въ томъ помѣстейцѣ, по твоему г. крестному цѣлованью 6, а 4 бобыля ходятъ по дворомъ отъ хлѣбного недороду, и оброку я съ нихъ 2 года не ималъ, а хлѣба они на меня, х. т., не пашутъ, всѣ помираютъ голодною смертью. Да у меня жъ, у х. т., и у крестьянишакъ моихъ грѣхомъ моимъ побилъ морозъ хлѣбъ яровой безъ остатку. И нынѣча, г., правятъ на мнѣ, х. т., по твоему государеву указу съ тѣхъ моихъ съ пустыхъ съ розорешихъ помѣстишакъ и съ вотчинишка датошнаго человѣка да перехожихъ денегъ 2 рублевъ, а мнѣ, х. т., взять негдѣ и окупитца нечѣмъ, крестьянишка всѣ въ Крымѣ, а иные въ Черкасахъ помираютъ голодною смертью. И одоложалъ великимъ долгомъ, а съ крестьянишакъ взять нечего, погибли отъ засѣцкаго дѣла и отъ хлѣбного недороду и отъ твоихъ государевыхъ великихъ податей и отъ городовыхъ подѣлокъ. А я, х. т., служу всякія твои г. службы съ пожаловашными и многопомѣстными своею братьею врядъ, никакая меня, х. т., служба не

обхаживала". Дурной просить „не править датошнаго человѣка да перехожихъ денегъ дву рублевъ для его бѣдности и для того великаго разоренья и для своего государева засѣцкого дѣла". „А будетъ я, х. т., билъ челомъ тебѣ, праведному государю ложна, вели, государь, про такое мое розореніе сыскать тѣми городы, гдѣ мои кученки, чтобъ мнѣ, х. т., во вѣки вконецъ не погинуть и впредь твоей государевой службы не отбыть, и крестьянишка бъ достальные розно не розбрелись, и твоя бъ земля во вѣки не запустѣла бъ". Челобитье его уважено „для розоренья, и что татаровя крестьянъ поимали".

Такъ изъ жалобъ на прописку и приписку, изъ ходатайствъ о замѣнѣ, отсрочкѣ и сложеніи мы переходимъ въ другую область. Въ челобитьяхъ нѣкоторыхъ служилыхъ людей начинаетъ чувствоваться недовольство и раздраженіе. Оно выражается очень сдержанно, сначала только въ обстоятельныхъ пересказахъ своихъ горестей и бѣдствій, въ самомъ построеніи челобитій, но постепенно въ немъ развиваются и нѣсколько болѣе рѣшительныя ноты. Ив. Тарбѣевъ, жалуясь на тягость службы и налоговъ, на трудности своей служилой карьеры, демонстративно требуетъ своего перевода на службу „съ городомъ". А сколько было подано лаконичныхъ челобитій въ этомъ смыслѣ! Языковъ называетъ рѣшительно причиной своего разоренія и невзгодъ городовую подѣлку и государевы подати. Дурной, жалуясь на тѣ же „великія подати и городовыя подѣлки" ставитъ въ укоръ „пожалованныхъ и многопомѣстныхъ" и для суда между собою и Приказомъ приглашаетъ своихъ козельцевъ. Въ этихъ челобитьяхъ, повидимому, досказывалось то, что умалчивалось и проглатывалось въ челобитьяхъ болѣе сдержанныхъ. Въ нихъ все отчетливѣе проступаютъ тѣ самые мотивы, которые увѣренно и твердо звучатъ въ эти годы и на земскихъ соборахъ и въ развитіи законодательства по земельному и крестьянскому вопросамъ. Замѣчательно, что всѣ трое, — и Языковъ, и Дурной, и Тарбѣевъ — принадлежали къ тому передовому служилому уѣздному дворянству, которое впервые начинаетъ укрѣпляться въ Москвѣ. Они числятся въ составѣ московскаго дворянства, — Тарбѣевъ пожалованъ сюда только за Смоленскъ,—но еще не вышли изъ рядовъ уѣздной корпораціи въ бою. Вотъ кто

рѣшился твердо досказать то, чего не договаривали, то, что робко и слезливо лепетали рядовая уѣздная вдова или недоросль. Нельзя не отмѣтить и другой черты въ этихъ челобитьяхъ: служилые люди увѣренно чувствуютъ себя юридическими представителями подвластнаго имъ крестьянства. Въ совокупности дворовъ отдѣльнаго владѣльца государству противостоитъ одна экономическая единица, которую представляетъ владѣлецъ-служилый человѣкъ. Это представительство отлично выражено фразой Герасима Дурного, просившаго о сложеніи, чтобъ ему службы не отбыть, и чтобъ „крестьянишка достальные розно не розбрелись, и твоя бъ земля вовѣки не запустѣла"—нерѣдкая фраза воеводскихъ отписокъ. То, что не договаривалось въ челобитьяхъ, направляемыхъ въ Приказъ с. р. л., договаривалось на мѣстѣ при взиманіи налога.

6. Статистика служилаго дворовладѣнія и финансовая схема сбора.

Статистическія данныя Приказа с. р. л. были сведены въ вѣдомости и переписаны въ книги, большинство которыхъ сохранилось до нашего времени [1]). Данныя эти не были подвергнуты въ Приказѣ с. р. л. статистической обработкѣ, къ нимъ не было даже составлено указателей, и вся операція расчета развивалась вслѣпую: едва ли дѣльцы Приказа с. р. л. отчетливо представляли себѣ до приступа къ дѣлу, на какой итогъ сбора даютъ имъ право разсчитывать ихъ данныя. Особенныя затрудненія должны были возникнуть, когда пришлось оперировать съ этими цифрами, измѣняя схему сбора, — отказываясь отъ него для нѣкоторыхъ группъ служилыхъ людей. Дѣльцы Московскаго государства не любили статистическихъ выкладокъ и не умѣли обращаться

[1]) Въ М. Г. А. М. И. Д. книги эти носятъ случайныя обозначенія. Данныя, относящіяся къ дворовладѣнію думныхъ чиновъ и стольниковъ — книга по Москвѣ № 2, стряпчихъ, вдовъ и недорослей высшихъ чиновъ и дьяковъ—кн. по Галичу № 4, дворянъ московскихъ (147 г.)—Боярская № 14, жильцовъ—кн. по Ржевѣ Володимировѣ № 2, приказныхъ—кн. по Разряду № 2, дворцовыхъ служителей, сотниковъ, моск. стрѣльцовъ, царицыныхъ дѣтей боярскихъ, губныхъ старостъ и засѣчныхъ головъ—кн. по Владимiру № 2 (146 г.) и Конюшеннаго приказа № 5 (147 г.); данныя по дворовладѣнію городовыхъ вдовъ и недорослей содержатся въ книгахъ: по Галичу № 5 и 6, по Пскову № 7, по Нижнему Новгороду № 10, по Новгороду В. № 25, Помѣстной № 1/1. Книги эти были отмѣчены въ статьѣ С. Б. Веселовскаго въ Ж. М. Н. П. за 1908 г. № 2.

съ ними. Не касаясь *реальнаго* значенія этихъ данныхъ и оставаясь цѣликомъ на почвѣ статистическаго матеріала Приказа с. р. л., мы можемъ разложить ихъ въ приведенныя на слѣдующей страницѣ схемы.

Изъ этихъ схемъ видно, что служилый классъ былъ надѣленъ крестьянскими дворами очень неравномѣрно, и іерархія обезпеченія располагается въ среднемъ такъ: для членовъ думы средняя цифра—520 дв., для стольниковъ—78 дв., для дьяковъ—30 дв., для дворянъ московскихъ—29 дв., для стряпчихъ—24 дв., для жильцовъ—14 дв., для приказныхъ, дворцовыхъ служителей, сотниковъ московскихъ стрѣльцовъ и т. д.—8 дв., для городовыхъ вдовъ и недорослей—5,6 двора. Замѣтимъ, что обезпеченіе городовыхъ вдовъ и недорослей было, повидимому, совершенно одинаково съ обезпеченіемъ и самихъ городовыхъ служилыхъ людей: за ними (и ихъ вдовами и недорослями) числилось въ 171 г. 101156 дв. [1]). Считая число ихъ (вмѣстѣ со вдовами и недорослями) равнымъ приблизительно 20,000 [2]) получимъ на 1 лицо тѣ же 5 дворовъ.

Всматриваясь въ распредѣленіе дворовъ между стольниками и дворянами московскими, видимъ двѣ разныя экономическія группы. Въ группѣ стольниковъ 213 человѣкъ владѣютъ менѣе, чѣмъ 100 дворами, и только владѣнія 55 человѣкъ переходятъ за эту грань. Въ группѣ дворянъ московскихъ владѣнія только 40 лицъ превышаютъ 100 дворовъ. Для обѣихъ группъ быстрое сокращеніе количества владѣльцевъ наступаетъ при переходѣ за цифру 70 дворовъ. Характерно, что въ средѣ дворянъ московскихъ $^2/_3$ всего ихъ количества, болѣе 650 человѣкъ, не имѣли средняго для лицъ думнаго и столичнаго списковъ обезпеченія, т.-е. 39 дворовъ на 1 лицо. Владѣнія въ 2-3-4 двора не были рѣдкостью въ ихъ средѣ. Группы стряпчихъ и жильцовъ однороднѣе, чѣмъ группы стольниковъ и дворянъ московскихъ. Владѣніе, обнимающее болѣе 100 дворовъ,—рѣдкій случай для не-думныхъ чиновъ и, обратно, владѣніе, обнимающее менѣе 100 дворовъ, — рѣдкій случай для думныхъ чиновъ. Вообще за рубежъ 100 дворовъ поднимаются владѣнія только какихъ-нибудь полутораста человѣкъ.

---

[1]) С. Б. Веселовскій „Смѣта военныхъ силъ М. г.“ с. 5.

[2]) Brix „Geschichte der alten Russischen Heeres-Einrichtungen“, с. 183 593—5. Ср. „Временникъ О. И. Д. Р.“ 1849, № 4.

		До 10 дворовъ включительно.	10—20 дворовъ.	20—30 дворовъ.	30—40 дворовъ.	40—50 дворовъ.	50—60 дворовъ.	60—70 дворовъ.	70—80 дворовъ.
Бояре, окольничіе, думный дворянинъ, высшіе придворные чины, думные дьяки	Лицъ.	—	—	—	1	2	2	—	—
	У нихъ дворовъ.	—	—	—	33	99	113	—	—
Сибирскій царь, царевичи и мурзы.	Лицъ.	1	—	—	—	—	—	—	2
	У нихъ дворовъ.	6	—	—	—	—	—	—	157
Стольники	Лицъ.	30	31	35	30	26	18	20	8
	У нихъ дворовъ	182 1/3	453 5/6	857 1/2	1041	1138	973 1/2	1288 1/2	607
Стряпчіе	Лицъ.	34	22	19	18	11	3	1	2
	У нихъ дворовъ.	210	315	459	628	485	155	65	153
Вдовы и недоросли высшихъ чиновъ и московскаго списка	Лицъ.	36	33	14	11	8	6	5	4
	У нихъ дворовъ.	102	504 1/2	336	340	365 1/2	334	320 1/2	308
Дворяне московскіе	Лицъ.	290	232	146	121	77	35	30	9
	У нихъ дворовъ.	1755 1/12	3499 2/3	3685 5/6	4319 11/12	3339	1895 1/3	1948	683
Дьяки	Лицъ	19	15	8	2	5	1	2	1
	У нихъ дворовъ.	102	252	199 1/2	104 1/3	195	51	136	75
Жильцы	Лицъ.	159	79	29	23	4	2	1	1
	У нихъ дворовъ.	819 2/3	1119 1/4	727	808	175	106	70	73
Приказные разныхъ приказовъ	Лицъ.	32	2	1	2	1	—	—	—
	У нихъ дворовъ.	152 5/6	28	24	73	41	—	—	—
Дворцовые служители, сотники московскихъ стрѣльцовъ, царицыны дѣти боярскіе, губные старосты, засѣчные головы	Лицъ.	274	51	13	8	2	—	—	—
	У нихъ дворовъ.	1317 2/3	692	349 1/2	284	85	—	—	—
Итого по думному и московскому спискамъ	Лицъ.	875	465	265	216	137	67	59	27
	У нихъ дворовъ.	4647 7/12	6864 1/4	6638 1/4	7678 1/4	5922 1/2	3627 5/6	3828	2056
Вдовы и недоросли городовые въ 76 уѣздахъ	Лицъ	1870	209	65	14	4	4	1	2
	У нихъ дворовъ.	6663 11/12	2977 2/3	1608 1/2	475	190	230	62	149

80—90 дворовъ.	90—100 дворовъ.	100—200 дворовъ.	200—300 дворовъ.	300—400 дворовъ.	400—500 дворовъ.	500—600 дворовъ.	600—700 дворовъ.	700—800 дворовъ.	800—900 дворовъ.	900—1000 дворовъ.	1000—2000 дворовъ.	2000—3000 дворовъ.	3000—4000 дворовъ.	Итого.	На 1 лицо въ сред.
—	—	11	6	5	1	1	2	2	4	—	2	1	1	41	—
—	—	1514	1424	1769	889	522	1319	1495	3270	—	3408	2083	3378	21316	520
3	—	—	2	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	9	—
247	—	—	573	—	440 1/2	—	—	—	—	—	—	—	—	1423 1/2	158
11	4	36	9	6	—	1	—	1	1	—	1	—	—	268 [1]	—
940	365	5241	2161	2082	—	525	—	749	836	—	1518	—	—	20958 2/3	78
1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	112	—
86	—	126	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2682	24
1	2	6	1	1	1	—	—	2	—	—	—	—	—	131	—
82	183	778	245	308	440	—	—	1501	—	—	—	—	—	6147 1/2	47
7	10	35	4	1		—	—	—	—	—	—	—	—	997 [2]	—
593	965	4733	1025	324	—	—	—	—	—	—	—	—	—	28765 3/4	29
—	2	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	59	—
—	190 1/2	511	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1815 1/2	30
—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	300 [3]	—
—	—	238	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4135 11/12	14
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	38	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	318 5/6	8
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	348 [4]	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2728 1/6	8
23	18	94	22	13	3	2	2	5	5	—	3	1	1	**2303**	39,5
1948	1703 2/3	13141	5428	4483	1769 1/2	1047	1319	3745	4106	—	4926	2083	3378	90291 5/6	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	**2169**	5,6
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12356 1/12	—

[1] Въ итогѣ дворовъ, числившихся за стольниками, приведенномъ въ „Сборникѣ, посвященномъ С. Ѳ. Платонову“, с. 543, была нами приведена другая цифра, которую здѣсь исправляемъ. Крупные владѣльцы этой категоріи: кн. Б. И. Троекуровъ (525 дв.), Л. Плещеевъ съ сыновьями (749 дв.), кн. П. И. Одоевскій (836 дв.) и кн. А. И. Воротынскій (1518 дв.). [2] По Пр д. с. л. 1638 г. № 63 итогъ дворовъ, числившихся за дворянами московскими, равнялся 296 13/4. [3] Число жильцовъ было въ 146 г., конечно, гораздо выше, ср. Д. Р. II. 417. Приказъ с. р. л. подсчиталъ только тѣхъ изъ нихъ, которые имѣли дворы за предѣлами Московскаго уѣзда. [4] Количества дворовъ за каждой изъ перечисленныхъ въ этой графѣ группъ и списокъ лицъ высшихъ чиновъ, приведены въ нашей статьѣ въ „Сборникѣ, посвященномъ С. Ѳ. Платонову“.

Оставляя въ сторонѣ группу думныхъ и высшихъ придворныхъ чиновъ и смѣшанную группу придворныхъ служителей и пр. (348 чел. съ $2728^{5}/_{6}$ дв.), получимъ слѣдующій средній расчетъ для столичнаго служилаго люда: за 1905 лицами было $64823^{2}/_{3}$ двора, т.-е. на 1 лицо, служившее по московскому списку, приходилось 34 двора; если же присчитать и думные чины, то на 1 лицо будетъ приходится по 44 двора ($86139^{3}/_{4}$ дв. на 1946 чел.), между тѣмъ какъ на городового служилаго человѣка, городовую вдову и недоросля (не считая, конечно, весьма значительной группы лицъ, совершенно не имѣвшихъ крестьянскихъ дворовъ) приходилось только по 5,6 двора, т.-е. московское служебное положеніе обезпечивало въ 6—8 разъ лучше, чѣмъ городовое. Выгодность положенія лицъ, написанныхъ по столичному списку, была на дѣлѣ еще значительнѣе, такъ какъ въ приведенный разсчетъ не вошли дворы Московскаго уѣзда, которыхъ только за членами думы насчитывалось въ 154 г. 2308 дв. [1]), да въ рукахъ именно столичныхъ чиновъ, вѣроятно, сосредоточивалось и большинство людскихъ дворовъ.

Изучая составъ городовыхъ вдовъ и недорослей въ порядкѣ возрастанія численности ихъ въ разныхъ уѣздахъ, получимъ слѣдующую схему.

Мосальскъ	1	Перемышль	4
Клинъ	1	Воротынскъ	5
Старица	1	Вязьма	5
Чебоксары	1	Оболенскъ	5
Гороховецъ	2	Юрьевъ Польскій	5
Зубцовъ	2	Ярославецъ Малый	5
Лебедянь	3	Казань	6
Лихвинъ	3	Калуга	7
Медынь	3	Кинешма	8
Руза	3	Тверь	8
Свіяжскъ	3	Дмитровъ	9
Балахна	4	Торжокъ	9
Бѣлгородъ	4	Козельскъ	10
Бѣлоозеро	4	Одоевъ	10
Звенигородъ	4	Ржева Володимірова	10
Орелъ	4	Таруса	10
Осколъ	4	Псковъ	12

[1]) С. В. Рождественскій „Роспись земельныхъ владѣній Московскаго боярства 1647-8 гг.“ Подсчетъ принадлежитъ мнѣ.

Боровскъ	13	Муромъ	35
Луки Великіе	13	Солова	35
Путивль	13	Алатырь и Цивильскъ	37
Бѣжецкій верхъ	17	Коломна	38
Карачевъ	17	Тула	38
Романовъ	17	Воронежъ	39
Торопецъ	17	Мещера	42
Курмышъ	18	Бѣлоозеро	44
Мещовскъ	18	Курскъ	51
Брянскъ	20	Арзамасъ	52
Бѣлевъ	20	Ярославль	56
Ливны	21	Суздаль да Шуя	66
Переяславль Залѣсскій	21	В. Новгородъ	68
Ржева Пустая	22	Кашира	70
Ряжскъ	22	Мценскъ	71
Алексинъ	24	Н. Новгородъ	97
Кашинъ	25	Кострома	125
Пошехонье	25	Переяславль Рязанскій	130
Рыльскъ	27	Елецъ	135
Ростовъ	28	Галичъ	138
Владиміръ	34	Вологда	175
Угличъ	34		

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что въ 31 уѣздѣ было не болѣе 10 вдовъ и недорослей, въ 12 уѣздахъ отъ 10 до 20, въ 9 уѣздахъ отъ 20 до 30, въ 8 уѣздахъ отъ 30 до 40, въ 2 уѣздахъ отъ 40 до 50, въ 3 уѣздахъ отъ 50 до 60, въ 3 отъ 60 до 70, въ 1 уѣздѣ 71, въ 1 уѣздѣ 97 и только въ 5 уѣздахъ количество вдовъ и недорослей поднималось выше 100.

Изучая дворовладѣніе городовыхъ вдовъ и недорослей въ порядкѣ возрастанія количествъ дворовъ, приходившихся на отдѣльные уѣзды, получимъ слѣдующую таблицу.

	Дворовъ.	Вдовъ и недоросл.	На 1 лицо дворовъ.		Дворовъ.	Вдовъ и недоросл.	На 1 лицо дворовъ.
Старица	1	1	1	Бѣлгородъ	8	4	3,3
Зубцовъ	3	2	1,5	Медынь	10	3	2
Мосальскъ	4	1	4	Калуга	11	7	5,1
Руза	5	3	1,6	Лихвинъ	12	3	4
Гороховецъ	5	2	2,5	Чебоксары	12	1	12
Клинъ	6½	1	6,5	Оболенскъ	14	5	2,8
Перемышль	7	4	1,7	Звенигородъ	16	4	4
Осколъ	7½	4	1,8	Ярославецъ Малый	17	5	3,4
Орелъ	8	4	2				

	Дворовъ.	Вдовъ и недоросл.	На 1 лицо дворовъ.		Дворовъ.	Вдовъ и недоросл.	На 1 лицо дворовъ.
Юрьевъ-Польскій	19	5	3,8	Торопецъ	115	17	6,7
Таруса	19½	10	1,9	Солова	127	35	3,6
Тверь	21	8	2,6	Рыльскъ	127	27	4,7
Одоевъ . . .	21	10	2,1	Курскъ	135	51	2,6
Свіяжскъ	27	3	9	Воронежъ . .	142¹¹/₁₂	39	3,3
Воротынскъ . .	28	5	5,6	Ростовъ В. . .	147	28	5,2
Лебедянь . . .	29	3	9,6	Пошехонье . . .	150	25	6
Ржева Володимірова	29	10	2,9	Романовъ . . .	161	17	9,4
Торжокъ	30	9	3,3	В. Новгородъ . .	168	68	2,4
Дмитровъ . . .	35	9	3,8	Муромъ	219⅓	35	6,2
Ливны	37	21	1,7	Тула	245⅓	38	6,4
Карачевъ . . .	40½	17	2,3	Угличъ	245½	34	7,2
Казань	42	6	7	Коломна	248	38	6,5
Вязьма	43	5	8,6	Мценскъ	251½	71	3,5
Путивль	45½	13	3,5	Мещера	259	42	6,1
Балахна . . .	47	4	11,7	Курмышъ . . .	273	18	15,1
Луки Великіе.	51	13	3,9	Владиміръ . .	286	34	8,4
Козельскъ . . .	52	10	5,2	Алатырь и Цивильскъ . . .	305½	37	8,2
Бѣжецкій верхъ.	55	17	3,2	Арзамасъ . . .	312	52	6
Боровскъ	59	13	4,5	Кашира . . .	325²/₃	70	4,6
Переяславль Залѣсскій . .	61	21	2,9	Бѣлоозеро . . .	365	44	8,3
Псковъ	64	12	5,3	Елецъ	394⅓	135	2,9
Бѣлевъ	64	20	3,2	Суздаль да Шуя	550½	66	8,3
Кашинъ	70	25	2,8	Переяславль Рязанскій	573½	130	4,4
Ржева Пустая .	75	22	3,4	Ярославль . . .	587⅙	56	10,4
Мещовскъ . .	84½	18	4,6	Н. Новгородъ . .	594	97	6,1
Ряжскъ	85	22	3,8	Галичъ	1064	138	7,7
Брянскъ	87	20	4,3	Кострома	1121	125	8,9
Кинешма	111	8	13,8	Вологда	1293⅚	175	7,3
Алексинъ . . .	112	24	4,6				

Итакъ въ 10 уѣздахъ дворовъ, числившихся за вдовами и недорослями, было менѣе 10, въ 9 уѣздахъ отъ 10 до 20, въ 7 уѣздахъ отъ 20 до 30, въ 2 отъ 30 до 40, въ 5 уѣздахъ отъ 40 до 50, въ 4 отъ 50 до 60, въ 4 уѣздахъ отъ 60 до 70, въ 1 уѣздѣ 75, въ 3 уѣздахъ отъ 80 до 90, въ 11 уѣздахъ отъ 100 до 200, въ 8 уѣздахъ отъ 200 до 300, въ 5 уѣздахъ отъ 300 до 400, въ 4 уѣздахъ отъ 500 до 600 и въ 3 уѣздахъ болѣе 1000 дворовъ. Такъ распредѣлялся пенсіонный фондъ московскаго дворовладѣнія по уѣздамъ.

Располагая уѣзды въ порядкѣ возрастанія средняго количе-

сіва дворовъ, приходившагося на 1 лицо изъ среды городовыхъ вдовъ и недорослей, получаемъ слѣдующую схему.

Старица	1	Брянскъ	4,3
Зубцовъ	1,5	Переяславль Рязанскій	4,4
Калуга	1,5	Боровскъ	4,5
Руза	1,6	Алексинъ	4,6
Ливны	1,7	Кашира	4,6
Перемышль	1,7	Мещовскъ	4,6
Осколъ	1,8	Рыльскъ	4,7
Таруса	1,9	Козельскъ	5,2
Бѣлгородъ	2	Ростовъ	5,2
Орелъ	2	Псковъ	5,3
Одоевъ	2,1	Воротынскъ	5,6
Карачевъ	2,3	Арзамасъ	6
В. Новгородъ	2,4	Пошехонье	6
Гороховецъ	2,5	Мещера	6,1
Курскъ	2,6	Н. Новгородъ	6,1
Тверь	2,6	Муромъ	6,2
Кашинъ	2,8	Тула	6,4
Оболенскъ	2,8	Клинъ	6,5
Елецъ	2,9	Коломна	6,5
Переяславль Залѣсскій	2,9	Торопецъ	6,7
Ржева Володимірова	2,9	Казань	7
Бѣжецкій Верхъ	3,2	Угличъ	7,2
Бѣлевъ	3,2	Вологда	7,3
Медынь	3,3	Галичъ	7,7
Торжокъ	3,3	Бѣлоозеро	8,2
Ржева Пустая	3,4	Алатырь да Цивильскъ	8,3
Ярославецъ Малый	3,4	Суздаль да Шуя	8,3
Мценскъ	3,5	Владиміръ	8,4
Путивль	3,5	Вязьма	8,6
Воронежъ	3,6	Кострома	8,9
Солова	3,6	Свіяжскъ	9
Ряжскъ	3,8	Романовъ	9,4
Юрьевъ Польскій	3,8	Лебедянь	9,6
Дмитровъ	3,8	Ярославль	10,4
Луки Великіе	3,9	Балахна	11,7
Звенигородъ	4	Чебоксары	12
Лихвинъ	4	Кинешма	13,8
Мосальскъ	4	Курмышъ	15,1

На одно лицо не болѣе 2 дворовъ приходилось въ 10 уѣздахъ (107 дворовъ на 60 лицъ),—отъ 2 до 3 дворовъ приходилось въ 11 уѣздахъ ($958^{3}/_{6}$ двора на 352 лица), — отъ 3 до 4 дворовъ въ 17 уѣздахъ ($1039^{11}/_{12}$ двора на 291 лицо),—отъ 4 до 5 дворовъ въ 7 уѣздахъ ($1368^{2}/_{3}$ двора на 302 лица), — отъ 5 до 6 дворовъ въ 6 уѣздахъ (753 двора на 132 лица),—отъ 6 до 7 дворовъ въ 8 уѣздахъ ($1729^{1}/_{6}$ двора на 274 лица),—отъ 7 до 8 дворовъ въ 3

уѣздахъ (2603$^{1}/_{3}$ двора на 347 лицъ, — отъ 8 до 9 дворовъ въ 7 уѣздахъ (2700 дворовъ на 314 лицъ,—отъ 9 до 10 дворовъ въ 2 уѣздахъ (190 дворовъ на 20 лицъ, — отъ 10 до 15 дворовъ въ 5 уѣздахъ (1030$^{1}/_{6}$ двора на 87 лицъ).

Итакъ, для большинства городовыхъ вдовъ и недорослей среднимъ размѣромъ владѣнія были 6—9 дворовъ, приходившихся на 1 юридическое (въ финансовомъ смыслѣ) лицо.

Обезпеченіе вдовъ и недорослей, какъ отсюда можно видѣть, было очень разнокалиберным, и можно сказать, что не было четырехъ уѣздовъ, въ которыхъ размѣры пенсіоннаго обезпеченія въ среднемъ вполнѣ совпадали бы между собою. Замѣтимъ, что весь пенсіонный фондъ едва поднимался выше половины того количества дворовъ, которымъ владѣли три десятка членовъ Боярской думы, т.-е. въ большинствѣ случаевъ царское родство и свойство.

Въ архивномъ наслѣдіи Приказа с. р. л. нѣтъ отчетливо выраженнаго плана сбора, составленнаго *до* приступа къ нему— какъ будто его дѣльцы даже и не задумывались надъ этимъ первымъ по порядку современныхъ расчетовъ вопросомъ. Едва ли, впрочемъ, такой планъ и могъ быть выработанъ при хаотическомъ состояніи ихъ статистическихъ вѣдомостей. Схема сбора 146 г. обрисовывалась передъ умственнымъ взоромъ заправилъ Приказа с. р. л., вѣроятно, лишь въ туманномъ и расплывчатомъ видѣ. По тѣмъ данным, въ которыхъ кристаллизовалась статистическая работа Приказа за первые 2—3 года его дѣятельности, схему эту, искусственно придавая ей отчетливыя цифровыя очертанія, можно обрисовать такъ: по думному и московскому спискамъ Приказъ с. р. л. могъ разсчитывать взять 3559 даточныхъ и 19111$^{5}/_{6}$ рубля, по городовымъ спискамъ вдовъ и недорослей— 109 даточныхъ и 10176$^{1}/_{12}$ рубля. Всего въ этотъ сборъ со служилыхъ людей должно было поступить съ **4472** лицъ, владѣвшихъ **102647**$^{11}/_{12}$ дворами, **3668** даточныхъ и **29287**$^{11}/_{12}$ р.

При освобожденіи въ 147 г. отъ налога всѣхъ лицъ, владѣвшихъ 10 дворами и менѣе, контингентъ плательщиковъ понизился по думному и московскому спискамъ до 1428 чел., а денежный окладъ до 14464$^{1}/_{4}$ р. Пониженіе по городовымъ спискамъ было значительнѣе: вмѣсто 2169 чел., налогъ по новому расчету падалъ только на 299 чел., а денежный окладъ попи-

жался съ 10176$^{1}/_{12}$ р. до 3512$^{1}/_{6}$ р. Количество даточныхъ въ обоихъ случаяхъ, конечно, оставалось безъ перемѣнъ. Всего по новому расчету съ **1727** чел. надо было взять **3668** даточныхъ и **17976**$^{5}/_{12}$ р. Количество лицъ, подлежавшихъ обложенію, понижалось до 38% прежняго количества (4472 чел.), а размѣръ денежнаго оклада до 61% прежняго оклада (29287$^{11}/_{12}$ р.).

7. Взиманіе сборовъ со служилыхъ людей.

А) Взиманіе въ Москвѣ. Собранныя суммы должны были притекать въ Приказъ с. р. л., но самое взиманіе было раздѣлено между нимъ и мѣстными властями—воеводами, губными и земскими старостами. Самъ Приказъ непосредственно собиралъ налогъ только съ имѣвшихъ дворы въ Москвѣ высшихъ думныхъ и столичныхъ чиновъ, дьяковъ, подъячихъ, стрѣлецкихъ головъ, придворныхъ служителей и вдовъ и недорослей этихъ чиновъ. Но такъ какъ многіе изъ лицъ, числившихся по московскому списку, въ Москвѣ не могли быть разысканы, и дворовъ въ Москвѣ у нихъ не оказалось, то Приказъ установилъ, какъ общее правило, что имена лицъ, числившихся по московскимъ спискамъ, сообщались по мѣсту нахожденія ихъ владѣній такъ же, какъ и списки уѣздныхъ служилыхъ людей, воеводамъ[1]). Приказъ не сразу спохватился и не сразу пришелъ къ этой неизбѣжно очень усложнившей его дѣло мѣрѣ. Доставка даточныхъ людей и денегъ въ Москвѣ производилась или самими плательщиками, или же на домъ къ нимъ посылались пристава изъ Приказа. Кн. Ив. Лобановъ-Ростовскій повѣствовалъ въ своемъ челобитьѣ: „въ нынѣшнемъ во 146 году февраля въ 7-ой день приходилъ ко мнѣ, х. т., приставъ изъ Приказа с. р. л. съ росписью, а въ росписи у него, г., написано: велѣно съ меня, х. т., взять въ даточные люди со шти дворовъ крестьянскихъ 6 рублей денегъ...“ Ларіонъ Сумпъ, посланный боярином кн. Б. А. Репнинымъ для сыска посадскихъ людей (при чемъ „жалованье ему не было дано, а корму не было указано“, и онъ на службѣ долженъ былъ „запасшись покупать, деньги займучи“), жаловался на то, что въ его отсутствіе съ его людей правятъ деньги въ Приказъ с. р. л. Челобитье его было уважено

[1]) Это распоряженіе было сдѣлано указомъ отъ ^{26} xii 148 г. 1638 № 7 л. 220-222.

¹/vi 148 г.: государь „велѣлъ въ тѣхъ деньгахъ дать сроку“, и въ Приказѣ положена была такая резолюція: „Іюня въ 3 де. Дать сроку, приставомъ ходить не велѣть и людей имать не велѣть же, покамѣста какъ Ларіонъ будетъ къ Москвѣ“. Энергична жалоба кн. Ив. Пріимкова-Ростовскаго. Разсказавъ, что на службѣ на Тулѣ, онъ „испроѣлся и одолжалъ великимъ долгомъ“, между тѣмъ какъ у него „было всего 8 мужиченковъ, и 2 выбѣжали, а теперь только осталось 5 мужиченковъ“, князь Пріимковъ-Ростовскій заключаетъ: „приволокся (я) къ Москвѣ, и у меня, х. т., ухватили въ Приказъ с. р. л. человѣка и правятъ на мнѣ, х. т., въ даточнаго человѣка съ помѣстейца 8 рублевъ, а мнѣ, х. т., заплатить нечѣмъ, человѣкъ бѣдный“. Кн. Пріимковъ просилъ выпустить его человѣка изъ Приказа. По докладѣ государю ³/x 147 года взысканіе велѣно было отсрочить до Рождества Христова того же года. Взыскивая налогъ, Приказъ с. р. л., повидимому, не стѣснялся отсутствіемъ подлежавшаго обложенію служилаго человѣка. Такъ, Иванъ Бестужевъ былъ на службѣ въ Тулѣ. „И безъ меня, х. т., повѣствуетъ онъ, взяли на твою государеву службу датошнова человѣка да денегъ 7 рублевъ, а по твоему г. указу съ моего помѣстейца по писцовымъ книгамъ столько взять не доведется“. Впрочемъ, иногда именно отсутствіе служилаго человѣка было основаніемъ, почему налогъ проходилъ мимо него. Кн. Гр. Сем. Куракинъ не поставилъ въ 146 г. даточныхъ, такъ какъ былъ въ 146 г. на службѣ въ Вязьмѣ, но не испросилъ на это разрѣшенія особымъ челобитьемъ, — „безъ меня, писалъ онъ, побить о томъ челомъ было некому“. Въ 147 году онъ просилъ не класть этого случая въ утайку и послалъ даточныхъ въ Одоевъ. Въ большинствѣ случаевъ московскіе служилые люди посылали даточныхъ и вносили налогъ, повидимому, своевременно. Своеобразная конверсія налога была изобрѣтена нѣкоторыми категоріями придворныхъ служителей. Самъ собой напрашивался вопросъ относительно обращенія налога съ неисправныхъ плательщиковъ ко взысканію на получавшееся многими изъ нихъ денежное жалованье. Между тѣмъ правительство не прибѣгло къ этому пути. На него по своей собственной иниціативѣ (и не безъ выгоды для себя!) указали стремянные конюхи. Въ отвѣтъ на ихъ челобитье было отдано ³⁰/vi 146 г. распоряженіе за-

честь въ платежъ по Приказу с. р. л. недоданное имъ за предыдущій годъ жалованье. Примѣру стремянныхъ конюховъ послѣдовалъ кречетникъ Карпъ Гавриловъ Петровъ, имѣвшій претензію къ казнѣ по недодашному жалованью на $16^1/_2$ р., въ то время какъ въ платежѣ съ него причиталось 13 р. Стремянные конюхи, счетомъ 17 человѣкъ, ободренные успѣхомъ перваго челобитья, ^{20}/XII 147 года, снова били челомъ о зачетѣ имъ за налогъ жалованья, недоданнаго на 145 и 146 гг., и опять успѣли въ этомъ, а ^{7}/I 147 г. это правило было распространено еще на одного стремянного конюха, Шемякина.

Б) Взиманіе въ уѣздахъ. Взиманіе съ владѣній уѣздныхъ вдовъ и недорослей, какъ правило, производилось въ соотвѣтствующемъ уѣздѣ черезъ посредство воеводъ и губныхъ старостъ. Первопачальные списки были препровождены зимой и весной 146 года. Если мы встрѣчаемся съ огромнымъ количествомъ ошибокъ въ спискахъ московскихъ чиновъ, ошибокъ, исправленіе которыхъ могло быть предпринято лишь при дѣятельномъ содѣйствіи самихъ заинтересованныхъ лицъ, то можно напередъ представить, какая путаница должна была оказаться въ 79 уѣздныхъ спискахъ, — справиться съ ней при помощи челобитій не было времени, да и возможности, ибо уѣздные вдовы и недоросли относились къ налогу молчаливѣе и тупѣе. Воевода, получившій изъ Москвы списокъ вдовъ и недорослей своего уѣзда, часто не зналъ, что ему съ такимъ спискомъ дѣлать. Трудно разсчитать размѣры прописки и приписки въ этихъ вѣдомостяхъ: въ спискахъ уѣздныхъ вдовъ и недорослей былъ иногда такой хаосъ, что передать можно только впечатлѣніе отъ него. Илья Стрѣшневъ, собиравшій налогъ въ іюлѣ 146 г. съ Калужскаго и Медынскаго уѣздовъ доносилъ Приказу с. р. л., что съ Калужскаго уѣзда онъ взыскалъ налогъ съ 7 лицъ и не взялъ съ 4. Со вдовы кн. Натальи Селеховской онъ не взялъ потому, что она еще въ 145 году сдала свое помѣстье Ѳедору Раевскому, а Раевскій съ него служитъ. Вдова Дарья Бѣгичева постриглась, ея помѣстье перешло къ ея сыну Ивану, служащему стрѣлецкимъ головой на Москвѣ, а крестьянъ этого помѣстья на мѣстѣ не оказалось совсѣмъ, такъ какъ они уѣхали въ Калугу на засѣчныя работы. Не взято также съ другой вдовы Аѳимьи Бѣгичевой, успѣвшей выйти замужъ за Аѳанасья Гречишнова и снова овдо-

вѣть. Сама она съ пасынкомъ живетъ въ Оболенскомъ уѣздѣ, а „помѣстье пусто, крестьянъ нѣтъ“. Не взято съ недоросля Якова Мишукова: онъ оказался на службѣ въ Одоевѣ, а его единственный бобыль работалъ на засѣкѣ. Не взято съ недоросля Мины Ошеметкова, которому принадлежалъ 1 дворъ, „и то его помѣстье, жеребей деревни Желѣзнику пусто, крестьянъ нѣтъ, взять не съ кого“. Таковъ былъ результатъ дозора посланнаго Стрѣшневымъ пушкаря Васьки Кулешова[1]). Владимірскій воевода Дмитрій Сабуровъ не могъ собрать полностью по росписи, такъ какъ въ однихъ случаяхъ имена и прозвища обложенныхъ лицъ не сыскапы, а въ другихъ помѣстья и вотчины пусты, людей и крестьянъ нѣтъ, „а иныя (вдовы) вышли замужъ за дворянъ и дѣтей боярскихъ, а мужья ихъ на государевой службѣ и государева указа не слушаютъ, денегъ не платятъ“ [2]). Картинно описываетъ свои затрудненія галицкій воевода кн. Щетининъ: „А для, г., достальныхъ (выше шла рѣчь о посадскихъ людяхъ) вдовъ и недорослей и отставныхъ дѣтей боярскихъ, пишетъ онъ, въ Галицкой уѣздъ галицкихъ пушкарей и разсыльщиковъ разослалъ, а Галицкаго, г., уѣзду верстъ на 200 и на 300 и на 400 и больши, а иные, г., недоросли и вдовы давно померли, помѣстья ихъ и вотчины стоятъ пусты, и собрать мнѣ, х. т., тѣхъ твоихъ государевыхъ денегъ вскорѣ не умѣть, потому что взять тѣхъ твоихъ государевыхъ денегъ не на комъ [3]). О томъ же повѣствуютъ воеводы: Аѳанасій Заболотскій, взявшій однаго даточнаго и 74 р. при 19 р. недобора съ Алексинскаго уѣзда [4]), Ѳедоръ Сухотинъ изъ Арзамаса [5]), Ѳедоръ Павловъ изъ Одоева [6]), Иванъ Пушкинъ, собравшій съ Алатырскаго у. 160 р. съ полтиной вм. 190 р. съ полтиной [7]), Осипъ Аничковъ, собравшій въ Ряжскомъ у. 22 р. и не добравшій 33 р. [8]), Григорій Савинъ, собиравшій въ Рузскомъ у. [9]), губной

---

[1]) 1638 № 24 л. 2 - 8.
[2]) 1638 № 24 л. 9—11
[3]) 1638 № 24 л. 26—28.
[4]) 1638 № 24 л. 14.
[5]) 1638 № 24 л. 136—152.
[6]) 1638 № 24 л. 170—173.
[7]) 1638 № 24 л. 203.
[8]) 1638 № 24 л. 204—8.
[9]) 1639 № 26 л. 17.

староста Воинъ Маринъ, собиравшій въ Боровскомъ у.[1]). Василій Грязной, собиравшій уже 151 году деньги съ галицкихъ вдовъ и недорослей, писалъ: „которые вдовы и недоросли въ прежній земляной списокъ не написаны—въ которомъ году дачи даны, и того сыскать не по чему“ [2]). О тѣхъ же затрудненіяхъ въ Новгородскомъ уѣздѣ узнаемъ изъ приказной грамоты воеводѣ кн. Андрею Васильевичу Хилкову[3]). Уже въ 153 г. Яковъ Бибиковъ, собиравшій доимку 146—7 гг. въ Клинскомъ уѣздѣ, сообщаетъ о томъ, что онъ не нашелъ на мѣстѣ значившагося въ присланномъ къ нему спискѣ губного старосты Вас. Григ. Козловскаго—„и тово губнова старосты въ Клину нѣтъ, и въ прошлыхъ годахъ тѣмъ именемъ губнова старосты не бывало, и денегъ доправить не на комъ“. Та же путаница произошла съ именами вдовъ Павловой, Лошаковой и недорослей Тулубьева, Вельяшева, Козлова[4]).

Вслѣдъ за этимъ первымъ рядомъ затрудненій воевода или губной староста наталкивался на другія трудности, часто ставившія его втупикъ. Такъ Воинъ Чемесовъ, которому пришлось собирать съ Романовскаго уѣзда, былъ въ недоумѣніи, какъ ему быть съ новокрещенными и татарами, упомянутыми въ грамотѣ, имъ полученной, такъ какъ „нынѣ новокрещены и татаровя на государевѣ службѣ на Кропивнѣ“, а со служащихъ уѣздныхъ чиновъ брать сборъ не было велѣно[5]). Примѣромъ путаницы и смущенія, въ которое повергласъ воеводская власть при производствѣ сбора, можетъ служить случай ярославской вдовы Ульяны Трусовой. Съ нея въ 150 г. велѣно было править за помѣстья ея умершаго мужа Михаила, который еще при жизни „роздалъ“ ихъ Юрію Чуфаровскому и Андрею Домогацкому (на Костромѣ и Лухѣ). Приказъ с. р. л. 1/x 150 г. запросилъ Помѣстный приказъ о судьбѣ владѣній Михайлы. По сообщеніи Помѣстнымъ приказомъ требуемыхъ данныхъ, Приказъ с. р. л. распорядился „тѣ деньги, розвытя, доправити на Михайловыхъ крестьянѣхъ, кому што по писцовымъ книгамъ досталося“. Такъ какъ налогъ взыскивался съ большимъ

---

[1]) 1641 № 1 л. 17—21.
[2]) 1641 № 1 л. 79.
[3]) 1641 № 8 л. 11 12.
[4]) 1642 № 8 л. 21—24.
[5]) 1638 № 24 л. 84—86.

опозданіемъ и взыскивать надо было вдвое, а именно по 40 р. за каждаго непосланнаго даточнаго, то Приказъ с. р. л. сдѣлалъ въ виду этого недоразумѣнія льготу и распорядился половину взыскать немедленно, а половину разсрочить за порукою. Между тѣмъ Ульяна Трусова, успѣвшая уже выйти замужъ за Аладьина, била челомъ о томъ, что долю дѣйствительно падавшаго на нее налога (13 р. по количеству доставшихся ей 13 дворовъ) она своевременно уплатила, а шуйскій губной староста Мишуковъ правитъ съ нея сборъ вторично. Приказу с. р. л. пришлось пріостанавливать это незаконное взысканіе особой грамотой [1]).

Большія трудности для провинціальныхъ администраторовъ вытекали изъ того обстоятельства, что со 150 года Приказъ с. р. л. поручаетъ имъ самимъ разбираться на мѣстѣ въ томъ, когда было дано служилому человѣку записанное въ податной списокъ помѣстье—до перваго января 146 или послѣ. Во второмъ случаѣ оно освобождалось отъ сбора. Но особенно трудныя задачи задали администраціи пустыя помѣстья. Вопросъ о нихъ возникалъ и восходилъ на разрѣшеніе Приказа нѣсколько разъ. Козельскій воевода Иванъ Кутузовъ не могъ взыскать со значившагося въ сообщенной ему росписи помѣстья вдовы Павловой. „А что, г., писалъ Кутузовъ, въ росписи написано за вдовою Авдотьей Семеновой женою Павлова прожиточное помѣстье жеребей с. Серезска да половина пустоши, 121 четверть пашни, дворъ бобыльской, взять рубль денегъ, а то де ея помѣстье запустѣло, крестьянъ и дворовъ за нею нѣтъ ничево, дворовыя усадища и огороды и пашня не паханы, запустѣли, и луга не кошены, лѣсомъ поростаетъ, доправить денегъ рубля не на комъ, и вдовы Овдотьи не сыскали“. Не повѣря разсыльщикамъ, воевода для провѣрки посылалъ пушкаря, но пушкарь подтвердилъ ихъ сообщеніе [2]). Аналогичный случай сообщаетъ губной староста Вонмъ Маришъ изъ Боровска о вдовѣ Емаевой, которая „сбрела безъ вѣсти“ [3]). Лукьянъ Плещеевъ на Бѣлоозерѣ не разыскалъ вдовы Лукерьи Малафеевой—„и въ той Слободской волости въ селѣ Игнатовскомъ тое вдовы Лукерьи крестьянъ нѣтъ

---

[1]) 1641 № 52 л. 49-66.
[2]) 1638 № 24 л 51.
[3]) 1641 № 1 л. 25–26.

ни одного человѣка, а тое помѣстную ся землю въ Игнатовскомъ ея сельцѣ отдаетъ на оброкъ иноземецъ Корнило Кюкопской". [1]) Въ отвѣтъ на такія упылыя донесенія Приказъ вырабатывалъ норму, въ разное время сообщенную воеводамъ, повидимому, циркулярно. Въ проектѣ грамоты на имя ярославскаго воеводы кн. Андрея Романовича Тюменскаго она выражена такъ: „а съ пустого помѣстья доправить деньги на тѣхъ людяхъ, которые тѣмъ помѣстьемъ владѣли, пашню пахали и сѣно косили" [2]). Въ концѣ концовъ налогъ направлялся на самихъ крестьянъ. Приказная помѣта отъ [14]/XII 159 года на донесеніи вологодскаго воеводы Ларіона Милославскаго, собравшаго 265 р. 16 ал. 4 д. доимки, гласила:„... а о пустыхъ помѣстьяхъ отписать, хто ими владѣетъ и пашню пашетъ и сѣно коситъ, да на кого скажутъ, на тѣхъ людяхъ тѣ деньги и взяти, а иныхъ (въ спискѣ были ошибки, и нѣкоторыхъ помѣстій на Вологдѣ не оказалось) помѣстей на Вологдѣ нѣтъ, а въ которыхъ городѣхъ указаны, въ тѣ городы писать велѣно: на крестьянѣхъ въ тѣхъ городѣхъ взять". [3]). На отпискѣ Романа Игнатьева, собиравшаго въ 149—150 гг. доимку 146—7 гг. въ Черпскомъ уѣздѣ и не взыскавшаго налога съ умершаго въ 149 году Мих. Животова, Приказъ положилъ такую резолюцію:„... о тѣхъ, что довелось взять съ Мишкина помѣстья Животова 2 рубля, взяти велѣно на крестьянѣхъ, потому что во 146 году то помѣстье было за Мишкою, а Мишка не служилъ." Такъ были выражены два разныхъ и не всегда примиримыхъ положенія—взысканіе съ фактическаго владѣльца помѣстья и переносъ взысканія на крестьянъ.

Бытовая практика взиманія, поскольку она отразилась въ перепискѣ Приказа съ воеводами, дополняетъ эти отвлеченныя положенія, слагавшіяся въ Приказѣ. Почти съ самаго начала сбора стали примѣнять мѣры понужденія для исправнаго поступленія платежей. Эти мѣры понужденія состояли во взятіи поручныхъ и въ правежѣ. Можно насчитать рядъ случаевъ примѣненія разныхъ формъ поруки при взысканіи этого налога со служилыхъ людей. Такъ кн. Петръ Щетининъ, собиравшій даточныхъ и деньги съ Галича и Парѳеньева, приложилъ

---

[1]) 1641 № 1 л. 32—33.
[2]) 1641 № 1 л. 47.
[3]) 1643 № 42 л. 207—208.

поручныя записи владѣльческихъ крестьянъ въ исправной поставкѣ даточныхъ нѣкоторыми галицкими помѣщиками. Другую партію поручныхъ записей прислалъ тотъ же Щетининъ и нѣсколько позднѣе [1]). Хлѣбеннаго дворца стрянчій Ѳедоръ Матусовъ, собиравшій уже въ 159 г. доимку съ Кинешмы и представившій въ Приказъ очень обстоятельный отчетъ о своихъ операціяхъ, препроводилъ и поручную запись, взятую съ кинешемскихъ крестьянъ разныхъ владѣльцевъ разсыльщикомъ Васькой Елисѣевымъ — „по Васильевѣ старостѣ Никоновича Бутурлина по Яковѣ Ѳедосѣевѣ да по Ивановѣ старостѣ Петровича Безобразова по Мокеѣ Тихоновѣ въ томъ—заплатить имъ за нашею порукою на Москвѣ въ Приказѣ с. р. л. на прошлой на 146 да 147 г. въ Петровскіе дачи Матвѣева сына Безобразова 21 рубль на сроки на Рождество Христово 160 году“ [2]). Ларіонъ Милославскій и Иванъ Байбаковъ, собиравшіе въ 159 г. доимку на Вологдѣ. вмѣстѣ съ подробной росписью вологодскимъ помѣщикамъ недоимщикамъ приложили и два поручительства крестьянъ князей Вяземскихъ за старосту Вяземскихъ во взносѣ 33 р. да поручительство, повидимому, крестьянъ же Салтана и Меркурія Уваровыхъ во взносѣ 24 рублей. Поручную по двухъ крестьянахъ Мятлевыхъ отъ имени остальныхъ крестьянъ прислалъ Юрій Аксаковъ, собиравшій доимку уже въ 160 году. За обѣщаніе „доброй поруки“ получаетъ въ 154 году отсрочку серпьянинъ Ив. Лавровъ.

Гораздо чаще, чѣмъ къ порукѣ, власть обращается къ другому средству понужденія — къ правежу, начинавшемуся съ крестьянина, но легко восходившему къ голенямъ спинѣ и владѣльца. Крестьяне неисправныхъ плательщиковъ попали на правежъ еще веспою 146 г. Такъ воевода Порфирій Сѣкиринъ, собиравшій налогъ въ Ярославлѣ, доноситъ, что крестьяне Григорія Захарьина, поставлены имъ на правежъ въ 15 рубляхъ [3]). Въ 147 г. мы видимъ на правежѣ уже недорослей. Григорій Савинъ, собиравшій налогъ въ Рузѣ, перечисляя разныя затрудненія, съ которыми онъ встрѣтился, прибавляетъ, что недоросль Глѣбъ

---

[1]) 1638 № 21 л. 153—159.
[2]) 1643 № 42 л. 188—194.
[3]) 1638 № 24 л. 102—115.

Бартеневъ у него стоитъ на правежѣ [1]). Въ 154 г. правежъ на Костромѣ энергично идетъ по всей линіи. Воевода Владиміръ Бутурлинъ доноситъ: „я, х. т., для тѣхъ за даточныхъ людей денегъ въ Костромской уѣздъ посылаю безъ престани и велю тѣ деньги на недорослѣхъ и на вдовахъ и на ихъ крестьянѣхъ править безъ пощады, и доправлено, г., за даточныхъ людей 55 р...., а многіе московскіе люди и недоросли и вдовы чинятся приставомъ сильны, денегъ на себѣ и на крестьянѣхъ своихъ правити не даютъ [2]), а иные отстаиваются на правежѣ, а иные привозятъ московскіе отписи....“ Для взысканія Бутурлинъ послалъ весь наличный составъ команды, бывшей въ его распоряженіи — 15 стрѣльцовъ [3]). Въ 154 г. Приказъ самъ даетъ воеводамъ очень недвусмысленныя инструкціи. Такъ, на донесеніи рязанскаго воеводы Дмитрія Овцына о затрудненіяхъ, имъ встрѣченныхъ при сборѣ налога съ рязанскихъ вдовъ и недорослей, въ Приказѣ с. р. л. была положена такая резолюція: „послать государева грамота — и со вдовъ и съ недорослей деньги править по прежнему, а на огурщиковъ посылать стрѣльцовъ и велѣти деньги правити безъ пощады, а стольникомъ и стряпчимъ и жильцомъ дати срокъ, покамѣста служба минетъ, и всякимъ служилымъ людемъ, которымъ нынѣ быть по крымскимъ вѣстемъ, а съ неслужилыхъ со всякихъ людей денги правити безъ понаровки и прислать деньги тотчасъ“ [4]). Впрочемъ, львиная доля правежныхъ батоговъ доставалась, конечно, спинѣ крестьянъ. Такъ, напр., коломенскій воевода Ѳедоръ Сулеймановъ, посылая доимку съ Коломенскаго уѣзда въ 159 г., доноситъ: „А за князь Митрофаномъ Щетининымъ въ Коломенскомъ у. одинъ дворъ крестьянской, и на томъ, г., крестьянишѣ въ даточнаго человѣка деньги 18 р. велѣлъ я, х. т., въ день править, и на ночь сажать въ тюрьму, а опричь, г., того крестьянина, за нимъ въ Коломенскомъ уѣздѣ иныхъ крестьянъ нѣтъ“ [5]). Въ іюнѣ 160 г. муромскій воевода Игнатій Плещеевъ сообщилъ списокъ вдовамъ и недорослямъ, которыхъ онъ поставилъ на правежъ.

---

[1]) 1639 № 26 л. 17.
[2]) Въ подлинникѣ „не дут“.
[3]) 1642 № 4 л. 110—111.
[4]) 1643 № 42 л. 29—46.
[5]) 1643 № 42 л. 203—5.

Въ этомъ спискѣ мы находимъ вдову княг. Мезецкую, княг. Болховскую, вд. Плещееву и др. [1]). Рутина приказнаго усердія развертывалась въ глуши энергичнѣе, чѣмъ въ Москвѣ, хотя самъ Приказъ с. р. л. въ эту эпоху находился уже въ совершенномъ развалѣ.

Безпорядочность расчетовъ сбора, неряшество приказнаго дѣлопроизводства, произволъ исполнительныхъ органовъ дѣлали то, что процедура сбора была окружена подозрѣніями и раздраженіемъ служилыхъ людей. Путивльская вдова Каребова жаловалась на то, что мѣстный воевода Никифоръ Юрьевичъ Плещеевъ доправилъ въ 147 г. на ея единственномъ крестьянинѣ Офонкѣ Ѳедоровѣ „мимо указу“ 2 рубля вмѣсто одного.—Лебедянцы Ивашка Кондратьевъ да Ивашка Конинъ, да Ивашка Кременевъ, да Богдашка Любощинскій жаловались въ 149 году на то, что писецъ Григорій Кирѣевскій написалъ ихъ въ недорослях, хотя уже въ 142 г. они были на службѣ, тогда же били челомъ, и съ нихъ не велѣно было брать налога,—„потому что мы, х. т., писали челобитчики, служимъ всякіе твои г. службы врядъ съ свою братью и твоимъ г. жалованьемъ помѣстными окладами верстаны“. Между тѣмъ въ 149 г. на Лебедянь прислана грамота „съ требованіемъ доправить на 147 и 148 гг. по рублю на годъ „съ кого доведется“. Воевода кн. Дм. Андр. Волконскій безъ дальнихъ справокъ доправилъ съ нихъ по 2 р. съ человѣка „въ недорослей мѣсто“ „для своей бездѣльной корысти“. Челобитчики объясняли, что они „во льготишкахъ не бывали и объ льготѣ челомъ не бивали“, взысканныя деньги просили отдать, вновь не брать, и обращались съ характернымъ ходатайствомъ: „вели г., своей грамотѣ, какова намъ, х. т., дана, воеводамъ вѣрить“. Копію съ этой грамоты они прикладываютъ къ своему челобитью. На „самовольство“ того же воеводы жалуется лебедянецъ Елистратъ Овсянниковъ. Брать съ него не слѣдовало, такъ какъ онъ былъ готовъ служить съ отцовскаго помѣстья, а воевода, не желая вникать въ дѣло, потребовалъ съ него налогъ.—Дѣти вдовы бѣлевца Ивана Воейкова Ульяны „судомъ Божіимъ“ погибли въ 141 г. на государевой службѣ въ Боровскѣ. Помѣстье послѣ дѣтей пущено въ раздачу, вдовѣ досталось 70 четей

[1]) 1643 № 42 л. 252—255.

съ 4 мужиками. „И нонеча, г., жаловалась вдова, въ Бѣлевѣ воевода Юрій Колединской на тѣхъ моихъ мужиченковъ доправилъ за прошлый годъ за даточныхъ людей ратнымъ людемъ 7 р., а на нынѣшній, г., правитъ 7 же рублевъ, и тѣ мои бобылишки въ Бѣлевѣ стоятъ замучены на правежѣ". „Воевода Юрья Колединскій, плакалась вдова, твоей г. отписи за дьячьей приписью не слушаетъ, для своей бездѣльной корысти на крестьянишкахъ моихъ правитъ на прошлый 147 годъ денегъ, а съ правежу снявъ, сажаетъ въ тюрьму".— Вязмитину Михаилу Кобякову жена его брата Ивана, Орива, сдала свое шацкое помѣстье въ 145 году. Денегъ съ этого сданнаго помѣстья за службу Кобякова править не велѣно,—„а нынѣ, г., жаловалась Орина, воевода изъ Шацкова для своей корысти прислалъ пушкарей и разсыльщиковъ, велитъ на крестьянишкахъ моихъ править даточныя деньги..." — Рязанецъ Темешовъ жаловался на то, что рязанскій воевода деньги на 146 годъ съ него взялъ, а „къ Москвѣ ихъ не прислалъ", между тѣмъ съ того помѣстья онъ служилъ третій годъ, и по его челобитью сборъ этотъ въ 148 г. былъ сложенъ. Темешовъ хлопоталъ „прислати память изъ Разряда въ Даточный приказъ", и взятыя на немъ деньги переслать „къ Москвѣ (для возвращенія ему изъ Приказа) и болѣе не править".—Вдова князя Степана Шаховского Ульяна била челомъ о томъ, что ея покойный мужъ въ 146 г., а сынъ въ 147 г. платили по 12 р. за свои ярославскіе помѣстные дворы. А въ 149 г. Приказъ с. р. л. потребовалъсъ нея неожиданно 29 р. „И отписи я, бѣдная, передъ воеводу положила, писала Шаховская, которыя мнѣ даны въ Приказѣ с. р. л., и тѣмъ отписямъ воевода не вѣритъ и людишекъ и крестьянишекъ бьетъ на правежѣ... Вели, г., здѣсь въ приказѣ досмотрится въ платежныхъ книгахъ... и вели, г., мнѣ бѣдной дать свою г. грамоту въ Ярославль къ воеводѣ кн. Петру Андреевичу Хилкову..., чтобы мнѣ бѣдной вдвое твоихъ г. денегъ напрасно не платить". $^{26}/_{VII}$ 149 г. велѣно было сдѣлать обстоятельную справку. — Кн. Андрей Өед. Шаховской жаловался въ 153 году на то, что ростовскій воевода Никита Заболотскій правитъ „для своей бездѣльной корысти" съ него за село Пужбала Ростовскаго уѣзда, между тѣмъ какъ село это перешло отъ кн. Юрья Енпеевича Сулешова не къ нему одному, а къ 6 помѣщикамъ. „Какъ то село было за бояриномъ за князь Юрьемъ Енпеевичемъ Сулешо-

вымъ, писалъ Шаховской, и съ боярина на твою г. службу иманы даточные люди". [29]/VIII 153 года Приказъ распорядился платежъ не взыскивать. Аналогична жалоба сытника Любима Чулкова на воеводу Переяславля Залѣсскаго Филиппа Поливанова. Чулковъ [6]/IX 148 г. заплатилъ деньги 2 р. Между тѣмъ Приказъ с. р. л. распорядился оштрафовать его, взыскавъ платежъ 147 г. вдвое. „И я, повѣствовалъ Чулковъ, воеводѣ отпись казалъ и списокъ за рукою съ отписи далъ, и онъ правитъ на мужиченкахъ моихъ другихъ денегъ, и мужиченка стоятъ на правежѣ". Въ Приказѣ была положена резолюція: „будетъ деньги взяты, другихъ до г. указа править не велѣть". Понадобилось новое челобитье Чулкова съ обращеніемъ къ „блаженной памяти" государева отца (т.-е. царя Михаила), чтобы платежъ этотъ [19]/II 154 г. былъ сложенъ „для его бѣдности".

Съ бо́льшимъ раздраженіемъ, сравнительно съ жалобами на воеводъ, служилые люди жалуются на подъячихъ. Такъ, дв. м. Михаилъ Меншовъ Дурновъ, жалуясь на приписку, и прописку винитъ въ ней подъячаго Помѣстнаго приказа: „а окромѣ, г., тѣхъ помѣстей, которые въ сей челобитной написаны, нѣтъ нигдѣ ни въ которомъ городѣ ни вотчинъ ни помѣстей. По твоему г. указу дѣлалъ земляной списокъ въ Помѣстномъ приказѣ подъячій Андреянъ Оверкишевъ, умысля воровски, того моего помѣстьица въ Нижегородскомъ уѣздѣ въ земляной списокъ не написалъ, а написалъ за мною брата моего, родного Михаила Дурного помѣстье въ Калужскомъ у. да Ярославцѣ Маломъ, а братъ мой служитъ тебѣ, г., по Калугѣ, а кои, г., дворяне служатъ съ городомъ, и съ тѣхъ, г., даточныхъ людей имать не указано". — Выше (сс. 181 — 2) цитированы были аналогичныя челобитныя Образцовыхъ, Собакина, Ощерина, Унковскаго, Облязова и Карцова. — По нѣсколькимъ челобитьямъ Ив. Кайсарова за его службы и по другимъ мотивамъ 39 р. съ полтиной были съ него сложены, — „а помѣта на челобитьѣ твоего г. думново дьяка Ивана Гавренева, писалъ Кайсаровъ, и я, х. т., принесъ твою г. подписную челобитную въ Приказъ къ сбору ратныхъ людей къ справкѣ того же году ([22], II 157 г.), и ты, г,, меня, х. с., послалъ на свою г. службу въ Сумерскую волость своихъ г. крестьянъ строить солдатской строй, и по челобитью, г., безъ меня даточныхъ денегъ не справили, а

побить челомъ было безъ меня, х. т., некому, и по се мѣста меня, х. т., въ тѣхъ даточныхъ деньгахъ волочатъ подъячіе, а челобитная, г., подписная въ Приказѣ для справки". Чтобы сообщить дѣлу движеніе, понадобился особый докладъ $^{31}/_{V}$ мая 159: г.— Ярославскія дѣвки Матрена и Антонида Пустобояровы своевременно заплатили „поворотныя деньги" съ 13 дворовъ безъ трети— 12 р. 22 ал. и получили расписки во взносѣ. „Въ нынѣшнемъ 149 г. подъячій Миронко Карповъ (выдавшій имъ расписку) присылалъ разсыльщиковъ, жаловалась одна изъ Пустобояровыхъ, и стрѣльцовъ трижды по людишекъ моихъ и по крестьянишекъ въ тѣхъ поворотныхъ деньгахъ вдругорядь, и ѣзды и кормы имали и убытки многіе, и дяди моего Никиты Пустобоярова человѣкъ Баженко Анкудиновъ въ Ярославлѣ сидѣлъ за приставомъ двѣ недѣли въ тѣхъ же поворотныхъ деньгахъ на тѣ-жъ на оба года, на 146 да на 147, а отписи тѣхъ обоихъ годовъ есть, и въ книгахъ деньги справлены". Она просила дать на подъячаго „свой царскій судъ и управу". По докладу велѣно: „дать грамота, будетъ въ книгахъ въ Ярославлѣ взятье и отписи у ней есть, другихъ денегъ править не велѣть, а въ убыткахъ на подъячаго дать судъ". Чѣмъ дѣло кончилось—невидно. — Андрею Глѣбову дано было помѣстье въ Серпейскомъ у., „на Смоленскомъ и на Дорогобужскомъ рубежѣ". Съ него требуютъ за даточныхъ людей деньги, а между тѣмъ „съ тѣхъ серпейскихъ помѣстей и вотчинъ съ его братьи съ тѣхъ городовъ для раззоренья даточныхъ людей и за даточныхъ людей денегъ имать не велѣно, и на нихъ не правятъ". Помѣта: „Государь пожаловалъ велѣлъ о томъ выписать, какъ съ того города имать велѣно, да по тому дѣлу велѣлъ доложить себя государя". $^{5}/_{XII}$ 149 г. объ этомъ былъ запрошенъ Помѣстный приказъ. Въ своемъ челобитьѣ Глѣбовъ, повидимому, напуталъ, такъ какъ съ него взыскивали не за серпейское помѣстье, а за другія его владѣнія. Въ апрѣлѣ 149 г. онъ подалъ другое челобитье, въ которомъ доказывалъ, что за эти дворы онъ своевременно все заплатилъ и даточныхъ поставилъ, и утверждалъ, что тѣхъ его даточныхъ людей прописалъ сбору ратныхъ людей подъячій Харитонъ Гордѣевъ своимъ воровствомъ. „...И мнѣ, х. т., писалъ Глѣбовъ, сошли твои г. подписныя челобитья за помѣтою твоихъ г. думныхъ дьяковъ, велѣно о томъ выписать и доложить тебя, государя, и сбору

ратныхъ людей дьяки твоего г. указу не слушаютъ, тѣхъ твоихъ подписныхъ челобитій не пріимаютъ и не выписываютъ". Глѣбовъ просилъ не брать денегъ вторично и вмѣсто даточныхъ предлагалъ на службу себя самого. Можетъ быть, за непочтительное отношеніе къ неслушающимъ г. указа дьякамъ была положена такая неожиданная революція: „149 г. апрѣля въ 30 де. Государь пожаловалъ, велѣлъ съ него взять даточные люди добрые, которые бы стрѣлять умѣли и отослать къ окольничему Степану Матвѣевичу Проестеву и къ дьякамъ и самому на службѣ быть". 1/v 149 г. было отдано распоряженіе навести о платежахъ Глѣбова самую обстоятельную справку: „выписать, что съ него людей и денегъ написано, и что людей и денегъ взято, и чего не взято и для чего не взято, и люди его въ приводѣ и въ отпускѣ на службу написаны ли и въ который городъ, о даточныхъ людяхъ память послать къ окольничему, а объ немъ въ Разрядъ".—Владимірскій подъячій Никита Коршуновъ доправилъ на Иванѣ Загряжскомъ 12 р., —„а въ отписи написалъ, жаловался Загряжскій, что доправлены деньги съ Карповской жены Навалкина со вдовы Дарьи. А то, г., помѣстьице за мною, х. т., больше 10 лѣтъ". „...Подъячій въ Володимерѣ Никита Коршуновъ для своей корысти на тѣхъ моихъ крестьяншкахъ тѣ деньги 12 рублей доправилъ мимо твоего г. указу и убытка моимъ крестьяншкамъ учинилъ больше 10 р. и тѣхъ денегъ 12 р., что доправилъ на моихъ крестьяншкахъ, къ Москвѣ къ тебѣ, государю, въ Приказъ с. р. л. не присылывалъ, а въ отписи написалъ, что доправилъ деньги по грамотѣ изъ Приказа с. р. л. за приписью дьяка Михаила Невѣрова". Загряжскій просилъ дать грамоту ко владимірскому губному старостѣ Салманову о взысканіи съ Коршунова денегъ и ходатайствовалъ „впередъ на его крестьяншкахъ за Карповскую жену Навалкина денегъ не править". 26/v 154 г. губному старостѣ велѣно произвести соотвѣтствующее дознаніе. По склейкамъ идетъ такая резолюція: „154 г. мая въ 26 де. Дать г. грамота къ губному старостѣ: велѣть, подъячаго, поставя передъ собою, допросить, почему онъ съ того Иванова помѣстья деньги правилъ, а напередъ сего послана г. грамота, что съ того помѣстья денегъ править не велѣно, потому что Иванъ съ того помѣстья деньги платилъ на Москвѣ, а такова г. грамота и роспись послана въ Володиміръ въ 153 г., и въ той

г. грамотѣ того помѣстья не написано. Да будетъ скажетъ, что доправилъ деньги по г. грамотѣ, и ему г. грамоты и росписи досмотрѣть, да будетъ написано, что взять не велѣно, и на немъ денги доправя, отдать Ивановымъ людямъ крестьянишкамъ, а у нихъ въ тѣхъ деньгахъ взять отпись впередъ для спору, а будетъ въ г. грамотѣ и въ росписи не написано, а онъ тѣ денги доправилъ своею дуростью и тѣхъ денегъ ко г. къ Москвѣ не прислалъ, и его за то посадить въ тюрьму на недѣлю, да о томъ отписать къ государю".

Ворчаніе челобитій дополнялось болѣе выразительными выходками при самомъ сборѣ налога. Первыя проявленія активнаго протеста противъ сбора налога, о которыхъ мы узнаемъ изъ отписокъ собиравшихъ налогъ воеводъ, относятся къ 151 г. Василій Грязной, собиравшій налогъ съ Галицкаго уѣзда по дополнительному списку, сообщенному ему въ іюнѣ 149 г., съ тѣхъ вдовъ и недорослей, „которые вдовы и недоросли въ прежній земляной списокъ не написаны", писалъ о встрѣтившихся ему затрудненіяхъ: „въ которомъ году дачи даны, и того сыскать не по чему". „А иные, г., прибавлялъ Грязной, вдовы и недоросли твоего г. указу не слушаютъ, тѣхъ твоихъ, г., за даточныхъ людей денегъ не платятъ, передъ меня, х. т., въ Галичъ не ѣдутъ, приставомъ чинятся сильны, и о томъ, г., мнѣ, х. т., что укажешь". На отпискѣ Грязного, полученной 27/x 151 г., была положена такая резолюція: „Послать государева грамота, велѣть имать у огурщиковъ людей и крестьянъ и противъ г. грамоты и росписи править, а доправя, прислать ко государю". Приказъ предписывалъ очистить доимку и сообщить подробный отчетъ по росписямъ 146—7 гг., „а на огурщикахъ доправити, не дожидаяся въ тѣхъ денгахъ съ Москвы пристава изъ прогоновъ". Этой ремаркой отвѣтственность за сборъ съ непокорныхъ вдовъ возлагалась на самого воеводу [1]). Въ декабрѣ 154 года во время одного изъ пароксизмовъ энергичной дѣятельности Приказа с. р. л. по сбору недоимокъ, было отправлено напоминаніе о недоимкѣ на московскихъ чинахъ, владѣвшихъ помѣстьями и вотчинами на Рязани, и на тамошнихъ городовыхъ вдовахъ и недорослѣхъ воеводѣ Дм. Овцыну. Въ своей отвѣтной

[1]) 1641 № 1 л. 79—81.

отпискѣ воевода жаловался, что „московскихъ всякихъ чиновъ люди и городовые вдовы и недоросли указу не слушаютъ, денегъ не везутъ и править на своихъ людѣхъ не даютъ". Овцынъ просплъ указаній, какъ ему быть, и препроводилъ доѣздную память посланныхъ имъ въ Каменскій станъ Рязанскаго у. стрѣльцовъ. Доѣздчики стрѣльцы жаловались, что крестьяне Матвѣя Ресишина „учинились сильны, порукъ по себѣ не дали и въ городъ въ Переяславль не поѣхали". Помѣстье Ресишина оказалось за Андреемъ Лысцовымъ,—„и тотъ Лысцовъ отказалъ и съ двора сослалъ, то де помѣстье за мною, а не за Матвѣемъ Ресишинымъ". Приказъ положилъ обычную резолюцію: „Послать г. грамота и со вдовъ и съ недорослей денги править по прежнему, а на огурщиковъ посылать стрѣльцовъ и велѣти денги правити безъ пощады, а стольникомъ и стряпчимъ и жильцомъ дати срока, покамѣста службы минетъ, и всякимъ служилымъ людемъ, которымъ нынѣ быть по крымскимъ вѣстемъ, а съ неслужилыхъ со всякихъ людей деньги правити безъ попоровки и прислать денги тотчасъ". Судя по доѣзднымъ памятямъ, которыя препроводилъ въ Москву Овцынъ, чинились сильны не только крестьяне бывшіе Ресишина, но и крестьяне Савилова, крестьяне и староста Дуванова, крестьяне кн. Авдотьи Солнцевой. Крестьяне Рудневыхъ отказались платить, говоря: „у бояръ де нашихъ есть въ тѣхъ денгахъ государева грамота въ Переяславлѣ Рязанскомъ въ съѣзжей избѣ". Еще хуже оказалось дѣло въ Кобыльскомъ стану въ вотчинѣ князя Ив. Андр. Меньшова Львова, съ которой надо было взыскать 10 р. „Человѣкъ его и крестьяне г. указа не послушали, учинились сильны, въ городъ Переяславль Рязанскій не поѣхалц и насъ бранили, отписывали разсыльщики, сказали намъ, что де воевода присылаетъ для своей бездѣльной корысти, а кн. Иванъ Андреевичъ приказалъ де намъ, что хто ни пріѣдетъ, бей де въ мою голову до смерти, а воевода де съ нашимъ кн. Иваномъ Андреевичемъ во бранѣ". Доѣздчики ѣздили брать вмѣсто денегъ за даточныхъ самого помѣщика Вас. Филиппова, но его не нашли, а его люди учинились сильны. Въ Моржевскомъ стану крестьяне Дм. Есипова „всѣ розбѣжались". Въ Перевицкомъ стану Степанъ Андреевъ Коробышъ „учинился силенъ... и на крестьянѣхъ править не далъ отказалъ и говорилъ, что де васъ воевода посылаетъ для ради

своей бездѣльныя корысти". Въ Перевицкомъ же стану не оказалось на мѣстѣ ни недорослей Родіоновыхъ, ни ихъ крестьянъ. Въ томъ же стану Моисей Лодыженскій „учинился силенъ", сказалъ: „ѣду и съ крестьяны своими къ Москвѣ". 26/II 154 г. Приказъ с. р. л., въ которомъ въ это время сидѣлъ околыч. кн. Дм. Петр. Львовъ, отвѣчалъ репрессіями и распорядился: „на огурщиковъ посылать стрѣльцовъ, денги править безъ пощады". Править не велѣно только съ тѣхъ служилыхъ людей,— „которымъ нынѣ быти на службѣ по крымскимъ вѣстемъ" [1]). — Въ маѣ 158 г. коломенскій воевода Сулеймановъ доносилъ Приказу, что люди Ѳедора и Аѳанасья Пашковыхъ, вопреки его требованію, „учинились сильны, на Коломну не поѣхали". Помѣта Приказа гласитъ: „справить съ отпуски и, денги принявъ, записать въ приходъ, а отписка въ столпъ, а по ослушниковъ околничій кн. Дмитрій Петровичъ Львовъ велѣлъ послати стрѣльцовъ и взяти по прикащику или по старостѣ и, привѣтчи, посадить на Коломнѣ въ тюрьму и денги доправить, а въ пустыхъ помѣстьяхъ отписати хлѣбъ и сѣно и приказать беречь сторонним людемъ, да хто за хлѣбъ и за сѣно вступится, на томъ и доправить" [2]).—Стряпчій Хлѣбеннаго дворца Ѳедоръ Матусовъ, собравшій допмку Приказа с. р. л. зимой 159 г. съ кинешемскихъ служилыхъ людей, точно такъ же доноситъ о случаяхъ сопротивленія. Ив. Ѳед. Монастыревъ, у котораго было 3 двора, ему отказалъ: „я де деньги самъ на Москвѣ заплачу"..., „и на крестьянахъ своихъ править не далъ", писалъ Матусовъ. Дьякъ на этомъ мѣстѣ росписи сдѣлалъ помѣтку: „доправить тотчасъ", а на всей отпискѣ была положена такая резолюція: „денги въ приходъ, а отписка въ столпъ, а кто не послушалъ, на томъ нынѣ доправить тотчасъ, а городовыхъ вдовъ и недорослей выписать тотчасъ и послать", такъ какъ Матусовъ доносилъ, что „съ городовыхъ вдовъ и недорослей велѣно ему збирати денги по прежнимъ росписямъ, каковы посланы на Кинешму во 146 г. и во 147 г., и ему тѣхъ росписей сыскать негдѣ и править г. денегъ на нихъ не по чему". Это эффектное изъ году въ годъ, однако, повторявшееся „доправить тот-

---

[1]) 1643 № 42 л. 29—47.
[2]) 1643 № 42 л. 178—185.

часъ“ приходится ставить въ помѣтахъ и позднѣе [1]). Тотъ же Сулеймановъ писалъ изъ Коломны черезъ годъ въ декабрѣ 159 г., что ему удалось взыскать доимку съ Ивана Новосильцова и Екатерины Коншиной, и что онъ посылалъ въ вотчины и помѣстья Ѳедора и Аѳанасья Пашковыхъ коломенскихъ пушкарей и стрѣльцовъ „не по однажды“, —„и они, г., и люди ихъ, и крестьяне учинились сильны, въ даточныхъ людей денегъ не плотятъ и на Коломну въ городъ не поѣхали“. Въ доѣздной памяти коломенскихъ пушкарей есть и иллюстрація къ воеводской отпискѣ: „... мы пушкари и стрѣльцы въ томъ сельцѣ Слободкѣ Мясной Ѳедора Пашкова дома изъѣхали, и онъ Ѳедоръ Пашковъ и Аѳанасьевы крестьяне Пашкова въ томъ учинились сильны, людей и крестьянъ и подводъ намъ не дали, и насъ изъ села выбили вонъ, и мы шли пѣшкомъ верстъ съ сорокъ иль больше... „— Въ апрѣлѣ 160 г. Герасимъ Шишковъ, добиравшій доимку съ нѣсколькихъ служилыхъ людей Угличкаго уѣзда и взыскивавшій штрафъ за прежнее непослушаніе съ крестьянъ Загряжскаго, доносилъ, что крестьяне Бирилева „учинились сильны“ [2]). —Ѳедоръ Тыртовъ и Семенъ Ивановъ получили грамоту и роспись доимки съ Бѣлозерскаго уѣзда 1/VI 159 г. Выполнивъ порученіе въ декабрѣ 160 г., они доносили, что посланные ими пристава собирали по росписи,—„а многіе, г., люди по росписи учинились сильны, твоихъ г. денегъ не платили“. Имъ удалось собрать „только“ 15 р. Въ утѣшеніе они приложили и роспись тѣмъ лицамъ, которые „учинились сильны“ [3]). — Аверкій Апухтинъ получилъ въ Арзамасѣ грамоту о сборѣ доимки изъ Приказа с. р. л. уже въ ноябрѣ 161 г. Апухтинъ писалъ, что ему велѣно: „которые будутъ помѣстья и вотчины изъ-за прежнихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ перемѣнилися за иныхъ людей, и тѣ деньги велѣно собрать, а на огурщикахъ доправить на тѣхъ же крестьянѣхъ, которые за ними были, и по твоей г. грамотѣ и по росписи за даточныхъ людей“. Изъ приложенной доѣздной памяти узнаемъ: крестьяне Полочанова не платятъ 24 р. и „учинилась сильны“, въ помѣстьяхъ Лукина не оказалось крестьянъ, а помѣстья Гнѣздиловой и вовсе не нашлось. Въ

[1]) 1643 № 42 л. 188—194.
[2]) 1643 № 42 л. 248—250.
[3]) 1643 № 42 л 256—258.

Приказѣ положили такую резолюцію: „Денги въ приходъ, а отписка въ столпъ, а на непослушниковъ посылать изъ прогоновъ и ловить...,[1]) а въ пустыхъ помѣстьяхъ денги взять на тѣхъ, кто землею владѣетъ, пашни пашетъ и сѣно коситъ". Излюбленнаго ранѣе словечка „тотчасъ" здѣсь нѣтъ совсѣмъ. Апухтинъ, какъ бы ликвидируя дѣло, прилагалъ справку о томъ, какія относящіяся къ этому дѣлу, грамоты были получены въ Арзамасѣ, съ кого что было взято, и кто учинился силенъ [2]). Эти отдѣльныя вспышки недовольства сборомъ въ Галичѣ, Рязани, Коломнѣ, Угличѣ, Кинешмѣ, Бѣлоозерѣ, Арзамасѣ—отрывочные проблески, до насъ дошедшіе, того настроенія, которое овладѣвало уѣзднымп служилыми людьми при слишкомъ надоѣдливомъ напоминаніи Приказа с. р. л. о недоборѣ доимки по сборамъ 146—7 гг.: по нимъ мы можемъ судить о раздраженіи въ служилой средѣ, вызваннóмъ этими сборами.

8. Итоги сборовъ по думному и московскому спискамъ.

Подведеніе итоговъ поступленій со служилыхъ людей представляло большія затрудненія для самого Приказа и задаетъ нелегкую задачу изслѣдователю его дѣятельности. Трудности дѣла зависятъ отъ плохой регистраціи поступленій въ Приказѣ, отъ шаткости приказной отчетности, открывавшей широкое поле для злоупотребленій сидѣвшихъ въ немъ подъячихъ, и, наконецъ, отъ неполноты дошедшаго до насъ матеріала. Нельзя сказать, чтобы въ Приказѣ с. р. л. не интересовались этой стороной дѣла, особенно общимъ учетомъ доимки: до насъ дошло нѣсколько сводныхъ вѣдомостей доимки частью въ текучемъ состояніи, въ столбцахъ, частью превращенныхъ въ книги, но всѣ эти вѣдомости имѣютъ дробный характеръ, не выдержены, страдаютъ неполнотой, хронологической разрозненностью, а главное, зная какія злоупотребленія раскрылись въ дѣятельности Приказа, трудно имѣть къ нимъ достаточную степень довѣрія, чтобы рѣшиться цитировать ихъ. Для сохраненія увѣренности въ реальномъ значеніи приводимыхъ данныхъ изслѣдователю пришлось итти путемъ кропотливаго изученія самого *дѣлопроизводства* Приказа

[1]) Не разобрано.

[2]) 1643 № 42 л 285—292.

въ полномъ объемѣ его книгъ и воеводскихъ отписокъ, а также Счетнаго дѣла, перекрестно провѣряя одни данныя другими. Но и здѣсь встрѣтились свои затруденія: въ счетномъ дѣлопроизводствѣ Приказа зачастую смѣшивались данныя, относящіяся къ сборамъ 146 и 147 годовъ, между тѣмъ судьба этихъ сборовъ была различна, различны были и произведенные ими эффекты. По всѣмъ этимъ причинамъ, изучая дѣятельность Приказа с. р. л. со стороны цифровыхъ итоговъ сборовъ, поневолѣ приходится довольствоваться частичными данными и лишь предположительно подниматься отъ нихъ къ болѣе широкимъ цифровымъ заключеніямъ [1]).

А) Сборъ оклада на 146-ой годъ въ 146-7 гг.

	Окладъ.		Взятье.		Сложено.	
	Даточныхъ	Денегъ.	Даточныхъ	Денегъ	Даточныхъ	Денегъ.
1) Бояре, окольничіе, думный дворянинъ, крайчій постельничій, печатникъ, стряпчій съ ключомъ, ловчій московскій съ путемъ, ясельничій, думные дьяки, — 41 чел. съ 2131⅙ дворами.	1044	436 р.	1023 т.е. 98% оклада.	381 р. т.е. 87% оклада.	21[2])	7 р.[2])
2) Сибирскій царь, царевичи сибирскій и касимовскій, мурзы — 9 чел. съ 1423½ дв. . .	64	123½ р.	60 т.е. 93% оклада.	51 р. т.е. 41%	4	9 р.

[1]) Роспись доимки съ дв. м.—1629 № 44, итогъ сбора съ дв. м.—1638 № 63, вѣдомость сбора по 41 уѣзду—1639 № 72; итогъ сбора по Вологодскому уѣзду—1641 № 80; росписи доимки съ разныхъ чиновъ—1646 № 26, 1650 № 40, 1651 № 107 1652 №№ 107, 120, 1653 № 21, Новаго разбора № 708. Списки приводимыхъ даточныхъ—1639 №№ 5, 91, 92. Сводныя данныя о доимкѣ Приказа с. р. л. содержатся въ книгахъ: Доимочныхъ №№ 1 и 2 и Московской доимочной № 1.

[2]) 21 дат. и 7 р. сложены съ кн. И. А. Голицына, сидѣвшаго въ Приказѣ с. р. л. съ декабря до апрѣля 146 г. по докладу его брата кн. А. А. Голицына, смѣнившаго его въ Приказѣ. Сложеніе было мотивировано одоевской службой на засѣчной чертѣ лѣтомъ 146 г. Денежный сборъ считаемъ вездѣ погашеннымъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ былъ замѣненъ выставленіемъ даточнаго.

	Окладъ.		Взятье.		Сложено.	
	Даточныхъ	Денегъ.	Даточныхъ	Денегъ.	Даточныхъ	Денегъ.
3) 268 стольниковъ съ 20958$^{2}/_{3}$ дв.	916	2638$^{2}/_{3}$	821 т.е. 89% оклада.	1960 р. т.е. 74% оклада.	27	158 р.
4) 112 стряпчихъ съ 2682 дв.	85	982 р.	76 т.е. 89% оклада.	705 р. т.е. 71% оклада.	1	112 р.
5) Вдовы и недоросли думныхъ и московскихъ чиновъ — 131 лицо съ 6147$^{1}/_{2}$ дв.	254	1067$^{1}/_{2}$	246 т.е. 96% оклада.	771$^{1}/_{2}$ р. т.е. 72% оклада.		68 р.
6) 997 дворянъ московскихъ съ 29611$^{3}/_{4}$ дв. [1]).	1011	8905$^{1}/_{2}$	934 т.е. 92% оклада.	6399р.28а 1 д. т.е. 71% оклада.		319 р. 5а. 3д.
7) 59 дьяковъ съ 1815$^{1}/_{2}$ дв.	64	535$^{1}/_{2}$ р.	60 т.е.93.% оклада.	477 р. т.е. 89% оклада.		36 р.
8) 300 жильцовъ съ 4135$^{11}/_{12}$ дв.	88	2375$^{11}/_{12}$	61 т.е. 69% оклада.	828 р. т.е. 34% оклада.		
9) 38 приказныхъ разныхъ приказовъ съ 318$^{5}/_{6}$ дв.	6	198$^{5}/_{6}$ р.	3 т.е. 50% оклада.	149$^{5}/_{6}$ р. т.е. 75% оклада.		31 р.
10) Дворцовые служители, сотники московскихъ стрѣльцовъ, царицыны дѣти боярскіе, губные старосты и засѣчные головы — 348 чел. съ 2727$^{5}/_{6}$ дв. . .	27	2187$^{1}/_{6}$	24 т.е. 88% оклада.	1129$^{1}/_{3}$р. т.е. 51% оклада.	3	353 р. [2])
Итого по думному и московскому спискамъ на 146 въ 146-7 гг. . .	3559	19111$^{5}/_{6}$	3308 т.е. 92% оклада.	12852 р. 16а. 5$^{2}/_{3}$ д. 67% оклада.	56 т.е.1,5%	1093 р. 5а. 3д. т. е. 5%

Б) Сборъ оклада на 147 г.

Сборъ на 147 г. можно сравнительно отчетливо прослѣдить только для двухъ группъ: для 6-й группы—дворянъ московскихъ, и для 10 й группы—дворцовыхъ служителей, стрѣлецкихъ головъ,

[1]) Книги дворянъ московскихъ на 146 г. не сохранилось, и разчетъ основанъ на приказной вѣдомости—1638 г. № 63.

[2]) За недоданное жалованье прежнихъ лѣтъ дворцовымъ служителямъ зачтено 212$^{2}{}_{3}$ р., такъ что въ доимкѣ оставалось 563$^{2}/_{3}$ р.

царицыныхъ дѣтей боярскихъ, губныхъ старостъ и засѣчныхъ головъ[1]).

6) Съ дворянъ московскихъ на 147 г. въ 147—8 гг. поступило 783 даточныхъ и 1575¼ р., т. е., исходя изъ оклада 146 г. 77% даточныхъ и 17% денегъ; сложено въ разные сроки (гг. 147—161) 12 даточныхъ и 4421 р. [2]), т. е. 1% даточныхъ и 49% денегъ. Позднѣйшее поступленіе налога на 147 г., растянувшееся на 12 лѣтъ, 149—161 гг., происходило такъ: въ 149 г. поступило 115⅓ р., въ 150 г.—154 р., въ 151 г.—38 р., въ 152 г.—93 р., въ 153 г.—41 р., въ 154 г.—36 р., въ 155 г. 34 р., въ 156 г.—4 р. въ 157 г.—0 р., въ 158 г.—52 р., въ 159 г.—131 р., въ 160 г.—36 р., въ 161 г.—71 р. за эти 12 лѣтъ всего получено 805 р., а со сложенными суммами и съ поступленіями на 147 г. отъ 147—8 гг. итогъ равняется 6801¼ р. слѣдовательно изъ сбора на 147 г. въ 161 г. должно было оставаться въ доимкѣ (8905½ р.—6801¼ р.)—2104¼ р. Доимка эта бо́льшею частью погашалась общимъ сложеніемъ съ тѣхъ, у кого было менѣе 10 дворовъ. Такихъ лицъ въ группѣ московскихъ дворянъ было 291 съ 1745¹/₁₂ дв., что давало 1745 ¹/₁₂ р. сложенія. О количествѣ даточныхъ, остававшихся въ доимкѣ и въ 161 г. по группѣ дворянъ московскихъ, точнаго отвѣта дать не можемъ. По думному и московскому спискамъ въ 150 г. въ доимкѣ на 146 и 147 гг. насчитали 631 даточнаго [3]).

10) По группѣ дворцовыхъ служителей и пр. изъ оклада на 147 г. въ 147—8 г.г. поступило 15 даточныхъ и 359½ р., т.-е. 55,5% даточныхъ и 16, 4% денегъ; къ 149 г. въ доимкѣ оставалось 12 даточныхъ и 1828⅓ р. Въ разные годы (147—161 гг.) изъ оклада на 147 г. сложено 248 р. Поступленія на 147 г. въ послѣдующіе годы распредѣлялись такъ: въ 149 г.—34 р., въ 150 г.—11 р., въ 151 г.—0 р., въ 152 г.—68½ р., въ 153 г.—80 р., въ 154 г.—68⅚ р., въ 155 г.—18 р., въ 156 г.—21 р., въ 157 г.—

---

[1]) Данныя о сборѣ съ дворянъ московскихъ беремъ изъ безпорядочной Боярской № 14, а данныя о сборѣ съ придворныхъ служителей и пр. изъ кн. по Конюшенному приказу № 5.

[2]) Сложено собственно 5081¼ р., но изъ этой суммы 660 рублей приходятся на спеціальное сложеніе, очищавшее тѣ 20 р., которые должны были замѣнять по позднѣйшему распоряженію неприсланныхъ во-время даточныхъ.

[3]) „Счетное дѣло“ § 44.

0 р., въ 158 г.—24 р., въ 159 г.—26 р., въ 160 г.—32 р., въ 161 г.—58 р., итого 441 $^1/_3$ р., такъ что въ 161 г. по этой группѣ еще должно было оставаться въ доимкѣ 1139 р., но такъ какъ на эту группу приходилось 1305$^2/_3$ р. сложенія съ лицъ, владѣвшихъ менѣе, чѣмъ 10 дворами, то доимка была, вѣроятно, погашена полностью.

Вглядываясь въ ходъ поступленій сбора на 146-й годъ въ 146-7 гг., видимъ, что въ среднемъ Приказу с. р. л. удалось собрать около 90% даточныхъ, но не болѣе 67% денежнаго оклада, падавшаго на думный и московскій списки, при чемъ размѣры денежнаго поступленія съ главныхъ группъ служилыхъ людей прямо, хотя и не вполнѣ равномѣрно, (низшіе чины оказались относительно исправнѣе высшихъ) пропорціональны среднему количеству дворовъ, приходящемуся въ каждой группѣ на одно лицо, 1) Бояре и пр. при 520 дв. въ среднемъ на одно лицо погасили 87% суммы своихъ денежныхъ окладовъ, 3) стольники при 78 дв. на одно лицо—74%, 6) дворяне московскіе при 29 дв. на одно лицо — 71%, 8) жильцы при 14 дв. на одно лицо — только 34%[1]). Въ общемъ за полтора года сбора Приказъ выбралъ едва $^2/_3$ предположеннаго оклада на 146-й годъ. Ходъ поступленія сбора на 147-й годъ еще выразительнѣе: дворяне московскіе вмѣсто 71% денежныхъ поступленій (оклада 146 г.) дали только 17%, а вмѣсто 92% оклада даточныхъ только 79%. По сборной 10-й группѣ изъ денежнаго оклада на 147-й г. въ 147-8 гг. не поступило и 17%. Широкое примѣненіе льготъ и растянутость взиманія доимки показываютъ, что платежныя силы даже привилегированныхъ плательщиковъ московскаго списка или были исчерпаны или, по крайней мѣрѣ, правительство принуждено было считать ихъ исчерпанными.

9. Итоги сбора со вдовъ и недорослей по городовымъ спискамъ.

Алатырь и Цивильскъ числятся въ книгахъ подъ одною рубрикою[2]). Въ Алатырѣ насчитывалось за 37 лицами 305$^1/_2$ дв., а въ Цивильскѣ—2, всего 307$^1/_2$ дв., съ которыхъ надо было взять

---

[1]) Не играла ли роль въ этомъ слабомъ поступленіи сбора съ жильцовъ политика И. П. Шереметева—см. Счетное дѣло § 31.

[2]) Кн. по Галичу № 6 л. 336—373, по Пскову № 7 л. 200 об.—209

3 даточныхъ и 245 р. съ полтиной. Сборъ 146 г. поступилъ съ опозданіемъ: въ февралѣ 147 г. воев. Ив. Пушкинъ прислалъ 160 р. съ полтиной доимки (изъ 190 р. съ полтиной) [1]). По книгамъ 59 р. значатся сложенными, но поступленіе не проведено. О сборѣ на 147 г. данныхъ нѣтъ.

Алексинъ [2]). Въ 146 г. А. уѣздъ обслуживалъ устройство засѣчной черты. Приказъ с. р. л. съ 24 лицъ со 112 дв. долженъ былъ взять 1 дат. и 92 р. Къ августу 146 г. Ав. Заболоцкій взялъ 1 дат. и 74 р., не добравъ согласно его отпискѣ 19 р. (18 р.?) Недоборъ онъ объяснялъ тѣмъ, что вдовы частью умерли, частью не могли быть разысканы; часть недорослей оказалась на службѣ. Крестьянъ умершихъ вдовъ Заболоцкій „до указа“ держалъ на правежѣ. Въ отвѣтъ на отписку Заболоцкаго Приказъ распорядился „прислать тотчасъ безъ рѣчки, а которые на службѣ, и о тѣхъ для справки послать въ Разрядъ память“ [3]). Данныя книгъ отклоняются: въ поступленіи проведенъ 71 р., сложено 5 руб.

Арзамасъ [4]). Въ А. уѣздѣ за 52 вдовами и недорослями насчитывалось 312 дв., съ которыхъ надо было взять 1 дат. и 292 р. Въ отвѣтъ на требованіе Приказа воев. Ѳед. Сухотинъ отвѣчалъ представленіемъ списка вдовъ, успѣвшихъ выйти замужъ за служилыхъ людей, несущихъ службу, и списка недорослей, поспѣвшихъ на службу [5]). По книгамъ проведено поступленіе 162 р. въ сложеніи—49 р. Сборъ затянулся. [10]/x кн. Мих. Коркодиновъ собралъ съ а. вдовъ и недорослей для Приказа с. р. л. 41 р. 30 ал. доимки [6]). Доимка не была ликвидирована и въ 161 г.: [17]/xi 161 г. а. восвода Аверкій Опухтинъ получилъ грамоту о сборѣ и доставленіи общей отчетности по сбору. Деньги онъ долженъ былъ взыскать,—если поименованныхъ въ первоначальныхъ сообщенныхъ изъ Приказа спискахъ вдовъ и недорослей не было налицо,—съ крестьянъ. Къ марту 161 г. Опухтинъ доставилъ затребованныя свѣдѣнія и доѣздныя памяти о томъ, что крестьяне Полочанинова „учинились сильны“, въ помѣстьѣ Лукина кре-

---

[1]) 1638 № 24 л. 203.
[2]) Кн. по Нижнему Новгороду № 10 л. 426—449.
[3]) 1638 № 24 л. 14—17.
[4]) Кн. по Н.-Новг. № 10 л. 97—148.
[5]) 1638 № 24 л 13—18.
[6]) 1642 № 4 л. 13—18.

стьянъ не оказалось, а помѣстья Гнѣздиловой и совсѣмъ не нашлось [1]).

Балахна [2]). Въ Б. уѣздѣ за 4 вдовами и недорослями насчитывалось 47 дв. Данныхъ о сборѣ съ Балахны нѣтъ, кромѣ одного циркуляра отъ [28]/XI 147 г. на имя Ив. Ив. Солнцева о сборѣ доимки на 146 г. [3]). Изъ книги по Галичу № 5 узнаемъ, что 27 р. были внесены, а 20 р. сложены за службу, но безъ указанія даты.

Болховъ. О землевладѣніи б. вдовъ и недорослей въ книгахъ нѣтъ данныхъ, но сборъ съ нихъ производился. Такъ, въ 153 г. въ Болховъ Енаклычу Григорьевичу Челищеву была послана роспись 3-хъ лицъ, съ которыхъ надо было получить доимку на 146—7 гг. [4]).

Боровскъ [5]). За 13 вдовами и недорослями Б. уѣзда числилось 59 дворовъ. Въ 146 г. Андрей Ростопчинъ сообщилъ длинный списокъ вдовъ и недорослей, оказавшихся налицо, но не плативших денегъ. По книгѣ проведено поступленіе 31 р. и сложеніе 26 р. Приказъ отвѣчалъ обычнымъ требованіемъ собрать деньги „тотчасъ“ [6]). Въ 149 г. сборъ доимки на 146—7 гг. на вдовахъ и недорослях производилъ не воевода Ростопчинъ, продолжавшій, однако, оставаться въ Б., а губ. ст. Воинъ Маринъ [7]). Тотъ же Маринъ по грамотѣ изъ Приказа, полученной имъ [20]/III 149 г., производилъ взысканіе со вдовъ Акчуриной и Емаевой. Емаева сбрела безъ вѣсти, и съ трети ея помѣстья служилъ Ѳедоръ Тулаевъ [8]). Въ іюлѣ 149 г. Маринъ возобновилъ сборъ по грамотѣ изъ Приказа и взыскалъ 1 р. съ недоросля Хомякова и 1 р. со вд. Поросуковой за ея полдвора на оба года [9]). Еще въ 161 г. Ѳе. Лук. Бердяевъ доправилъ по этому сбору на Зах. Конст. Дурномъ 3 р. Бердяевъ препровождалъ вмѣстѣ съ тѣмъ роспись б. вдовамъ и недорослямъ и копіи оправдательныхъ документовъ (съ расписокъ, съ грамотъ о сложеніи и пр.) [10]).

---

[1]) 1643 № 42 л. 285—292.
[2]) Кн. по Галичу № 5 л. и по Пскову № 7 л. 179—180
[3]) 1638 № 25 л. № 80.
[4]) 1650 № 40 л. 73—76.
[5]) Кн. по Нижн. Новг. № 10 л. 408—420.
[6]) 1638 № 24 98—101.
[7]) 1641 № 1 л. 17—21.
[8]) 1641 № 1 л. 26—30.
[9]) 1641 № 1 л. 30.
[10]) 1643 № 42 л. 227—235 и 1651 № 107 л. 159.

Брянскъ [1]). За 20 б. вдовами и недорослями насчитывалось 87 дворовъ. Данныхъ о ходѣ сбора въ отпискахъ нѣтъ. По книгѣ проведено поступленіе 2 р. Въ 154 г. доимка съ б. вдовъ и недорослей еще не была выбрана [2]).

Бѣжецкій верхъ [3]). За 17 б. вдовами и недорослями насчитали 55 дв. Данныя о сборѣ въ отпискахъ очень тусклы. По книгѣ проведено поступленіе 31 р. и сложеніе 7 р. [10]/III 150 г. Θед. Дем. Погожій прислалъ 19 р., не сообщивъ на какой годъ и съ кого онъ эти деньги взыскалъ. [17]/III 150 г. Приказъ потребовалъ у него справки по этому поводу [4]). [4]/I 154 г. со вдовы Дм. Ловцова Аграфены черезъ Разрядъ былъ сложенъ платежъ „для службы и смерти мужа ея“ [5]).

Бѣлгородъ [6]). По Б. за 4 вдовами и недорослями насчитали 8 дворовъ. Кн. Петръ Пожарскій сборъ на 146 г. собралъ сполна и послалъ въ началѣ 147 г. [7]). Сборъ по книгѣ проведенъ.

Бѣлевъ [8]). Въ 146 г. Б. уѣздъ обслуживалъ устройство засѣчной черты. 20 б. вдовъ и недорослей, за которыми насчитывалось 64 двора, должны были внести въ Приказъ с. р. л. 64 р. По книгѣ проведено взятье 16 р. и сложеніе 9 р. [28]/XI 147 г. Ст. Вельяминову былъ посланъ Приказомъ циркуляръ объ ускореніи сбора [9]). [14]/VII 149 г. б. воевода Юрій Колединскій получилъ указъ и роспись для сбора съ уѣзда доимки на 146—7 гг. Колединскій собралъ 9 р., а его преемникъ Никита Наумовъ—10 р. [10]). Правежъ съ бѣлевцевъ идетъ въ 149 и 150 гг. — Въ отпискѣ, полученной Приказомъ [19]/III 152 г., Наумовъ доносилъ о встрѣтившихся затрудненіяхъ при сборѣ по присланной ему росписи. Съ недоросля Кундузова онъ не могъ взыскать, такъ какъ его единственнаго крестьянина вывезли Григорій да Михаилъ Толстые, а Кундузовъ предъявилъ грамоту о сложеніи съ него 2 р. [11]).

---

[1]) Кн. по Новг. № 25 л. 26—47.

[2]) 1646 № 141 л. 9 об.

[3]) Кн. по Нижн. Новг. № 10 л. 161—177.

[4]) 1641 № 52 л. 48 и 1642 № 152 л. 2.

[5]) 1646 № 1 л. 1—7.

[6]) Кн. по Новг. № 25 л. 104—107.

[7]) 1638 № 24 л. 179—182.

[8]) Кн. по Галичу № 5 л. 265—284, по Пскову № 7 л. 129—137.

[9]) 1638 № 25 л. 74.

[10]) 1640 № 32 л. 18—19 и 1641 № 1 л. 75—77.

[11]) Наумовъ почему-то долженъ былъ править съ Кундузова 3 р. на 3 года. 1643 № 42 л. 20—26.

[26]/v 153 г. была отправлена роспись б. недоимщикамъ, изготовленная еще въ іюнѣ 152 г., на имя воев. Савост. Дем. Хитрово. Сборъ продолжался и въ 161 г., когда напоминаніе о доимкѣ получилъ б. воевода Юрій Быковъ. Быковъ предпринялъ энергичный правежъ. Одинъ изъ доимщиковъ Никифоръ Зыбинъ предъявилъ ему расписки въ уплатѣ имъ денегъ. Отписки эти Быковъ препроводилъ въ Москву, задержавъ, однако, крестьянъ Зыбина. Изъ отписей слѣдовало, что Зыбинъ своевременно уплатилъ налогъ еще Юр. Колединскому, въ чемъ и получилъ удостовѣреніе за печатью воеводы. [22]/iii 161 г. Приказъ с. р. л. распорядился правежъ пріостановить, крестьянъ Зыбина освободить и доставить въ Приказъ обстоятельную справку о ходѣ уплатъ съ Б. уѣзда [1]).

Бѣлоозеро [2]). За 44 вдовами и недорослями Б. уѣзда насчитали 365 дв., съ которыхъ слѣдовало взять 3 даточныхъ и 305 р. Сборъ на 146 г. шелъ туго. По книгѣ проведено взятье 32 р. и сложеніе 1 даточнаго и 23 р. [28]/xi 147 г. было послано изъ Приказа циркулярное напоминаніе б. воеводѣ. Этимъ циркуляромъ было предписано не брать даточныхъ, о которыхъ „указъ будетъ вскорѣ“ [3]). Другое циркулярное напоминаніе о сборѣ доимкъ съ б. вдовъ и недорослей было адресовано Лукьяну Плещееву [22]/vii 149 г. По приказной грамотѣ Плещеевъ собралъ 12 р., которые и отправилъ въ Приказъ при особой росписи: Со вдовы Лукерьи Малафеевой изъ Слободской волости Заозерскаго стана денегъ онъ взять не могъ, такъ какъ у нея „крестьянъ нѣтъ ни одного человѣка, а тое помѣстную ея землю въ Игнатовскомъ сельцѣ отдаетъ на оброкъ иноземецъ Корнило Кюконской“ [4]). Ѳед. Тыртовъ и Сем. Ивановъ получили грамоту о сборѣ бѣлозерской доимки [1]/vi 159 г. Къ [19]/xii 160 г. они прислали собранные ими 15 р., сообщая, что „многіе люди по росписи учинились сильны, г. денегъ не платили“. Тыртовъ препроводилъ и роспись тѣмъ, кто „учинился силенъ“. Въ Приказѣ впали по поводу взысканія 8 р. (изъ 15) въ недоумѣніе, такъ какъ 6 р. изъ нихъ значились сложенными [5]).

---

[1]) 1652 № 117 л. 44—49.
[2]) Кн. по Гал. № 5 л. 195—237 и по Пскову № 7 л. 93—113.
[3]) 1638 № 25 л. 72.
[4]) 1641 № 1 л. 32—33.
[5]) 1643 № 42 л. 256—258 и 1651 г. № 107 л. 50—51, 52—53.

Венева. Въ 146 г. В. уѣздъ обслуживалъ устройство засѣчной черты. Данныхъ о сборѣ съ В. уѣзда налога въ Приказъ с. р. л. нѣтъ — повидимому, ни посадъ, ни вдовы ни недоросли уѣзда этого налога и не несли. Въ книгахъ о Веневѣ данныхъ нѣтъ.

Владиміръ [1]). За 34 в. вдовами и недорослями насчитывалось 286 дв., съ которыхъ надо было взять 2 даточныхъ и 246 р. Въ іюлѣ 146 г. воевода Дм. Сабуровъ послалъ 135 р. и занятъ былъ добираніемъ остальныхъ денегъ. По книгамъ проведено взятье 76 р. и сложеніе 2 дат. и 6 р. Приказъ отвѣтилъ требованіемъ добрать полностью [2]). Но сборъ очевидно подвигался медленно, и въ сентябрѣ 148 г. в. губ. ст. Степанъ Савинъ получилъ порученіе взыскать на Сабуровѣ прогоны отъ Москвы и обратно. Самому Сабурову посланъ особый выговоръ [3]). Въ маѣ 149 г. новому в. воеводѣ кн. Мих. Вас. Щетинину была послана роспись вдовъ и недорослей, „которые въ прежнемъ земляномъ спискѣ не написаны, а по дачамъ за ними на прожиткахъ помѣстья и вотчины послѣ земляного списка“ [4]). [16]/VI 149 г. новый в. воевода Ларіонъ Салтыковъ получилъ предписаніе взять съ тѣхъ, которые „денегъ не платили, а люди ихъ на правежѣ отстаивались“. Въ случаѣ смѣны владѣльцевъ ему велѣно было доправить деньги на крестьянахъ. Къ [22]/III 154 г. (такъ!) онъ собралъ 69 р. 11 ал. 2 д. Остальныхъ денегъ, писалъ воевода, „добрать не смѣю“, потому что по грамотѣ Приказа с. р. л., полученной имъ [4]/III 154 г., съ московскихъ чиновъ для г. службы править вообще не велѣно. Салтыковъ препровождалъ въ Приказъ и роспись в. вдовамъ и недорослямъ [5]). Частичныя данныя о сложеніи и взиманіи со в. вдовъ и недорослей попадаются спорадически въ разные годы. Такъ, въ іюнѣ 149 г. въ Приказѣ производилось дѣло о сложеніи со вдовы Кузминской [6]), въ 154 — дѣло кн. Олены Шаховской [7]). Челобитья Владыкина, Маркова и Загарина о неправежѣ и указъ о сложеніи съ нихъ относятся къ февралю и марту 159 г. — оказалось, что налогъ былъ заплаченъ еще прежъ-

---

[1]) Помѣстная кн. № [1]/[1] л. 406—446.
[2]) 1638 № 24 л. 9—11.
[3]) 1639 № 35 л. 29—34.
[4]) 1641 № 8 л. 15—17.
[5]) 1642 № 4 л. 93—101 и 1650 № 40 л. 95—102.
[6]) 1637 № 67 л. 184—188.
[7]) 1646 № 141 л. 11 об.

нимъ владѣльцемъ помѣстья Бологовскимъ. Тогда же было удовлетворено челобитье Загряжскаго о сложеніи платежа съ помѣстья его жены, съ котораго онъ служитъ [1]). 8/XI 159 г. в. воеводѣ Ив. Григ. Плещееву былъ посланъ выговоръ за молчанье въ отвѣтъ на запросы Приказа и за несобираніе денегъ [2]). Къ марту 159 г. относится выдача вторичной отписи о платежѣ съ помѣстья вд. Олены Кондыревой, такъ какъ первая была отнята грабителями [3]). Въ августѣ 159 г. Плещеевъ послалъ 37 р. доимки, а Приказъ въ отвѣтъ на это потребовалъ глухо, чтобы деньги были добраны всѣ сполна [4]).

Вологда [5]). За 175 в. вдовами и недорослями насчитывалось 1293 съ половиной и третью дворовъ, съ которыхъ надо было взять 7 даточныхъ и $1153^5/_6$ р. 28/XI 147 г., в. воеводѣ кн. И. Ѳ. Волконскому было послано циркулярное напоминаніе о сборѣ налога на 146 г. [6]). 28/III 147 г. въ Приказъ поступило съ В. уѣзда $426^1/_2$ р. этой доимки [7]). По книгамъ приведено взятье $130^1/_2$ р. и сложеніе 70 р. По новому напоминанію Приказа кн. Григ. Хованскій въ ноябрѣ 149 г. собиралъ доимку „съ великимъ радѣньемъ“ [8]). 16/VII 149 г. Хованскому и Ѳед. Степанову былъ сообщенъ списокъ вдовъ и недорослей, которые „въ прежнемъ земляномъ спискѣ были прописаны“. Къ 19/III 150 г. Хованскій и Степановъ прислали 140 р. сбора на 146—7 гг. По росписи, ими приложенной, насчитывалось 142 р., и недостающіе 2 р. были доправлены Приказомъ на подъячемъ Иванѣ Степановѣ, который доставлялъ сборъ [9]). Но этимъ сборъ 146—7 гг. еще не былъ ликвидированъ. Кн. Гр. Хованскій и Ѳед. Степановъ продолжали собирать деньги и въ 151 г. По грамотѣ изъ Приказа отъ 26/II 150 г. о сборѣ „съ живущихъ“ съ двора по 1 р. къ 9/I 151 г. они представили обстоятельную роспись („тетрати“) всѣмъ поступленіямъ съ В. уѣзда и 47 р. собранной ими доимки [10]).

---

[1]) 1651 № 107 л. 59—62.
[2]) 1651 № 107 л. 32—34.
[3]) 1651 № 107 л. 74.
[4]) 1651 № 107 л. 189.
[5]) Кн. по Галичу № 5 л. 17—189, по Пскову № 7 л. 11—92.
[6]) 1638 № 25 л. 71.
[7]) 1643 № 42 л. 222.
[8]) 1641 № 1 л. 7—13.
[9]) 1641 № 1 л. 67—70.
[10]) 1642 № 4 л. 9—11.

14/XII 159 г. Приказъ шлетъ напоминаніе о сборѣ воеводѣ Ларіону Милославскому и Ивану Байбакову, приказывая брать „которые будетъ помѣстья и вотчины изъ-за прежнихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ перемѣнилися, и тѣ деньги велѣно збирать, а на огурщикахъ править на тѣхъ же крестьянѣхъ, которые за ними были". Къ 24/VII 159 г. Милославскій собралъ 265 р. 16 ал. 4 д., приложивъ къ препроводительной отпискѣ обстоятельныя данныя о взиманіи съ В. уѣзда [1]). Тотъ же Ларіонъ Милославскій и Дружина Огарковъ по грамотѣ Приказа отъ 3/IX 160 г. доправили на в. помѣщикахъ еще 74 р. [2]).

Воротынскъ [3]). Въ 146 г. В. уѣздъ обслуживалъ устройство засѣчной черты. За в. 5 вдовами и недорослями Приказъ с. р. л. насчиталъ 28 дв. Данныхъ о сборѣ въ отпискахъ нѣтъ. По книгѣ проведено взятье 6 р.

Воронежъ [4]). За 39 в. вдовами и недорослями значилось $142^{11}/_{12}$ дв., съ которыхъ надо было взять $142^{11}/_{12}$ р. В. воевода Миронъ Вельяминовъ собралъ къ марту 147 г. 116 р. 8 ал. 2 д., не было взято „противъ росписи" 26 р. $^1/_2$ ал. съ деньгою. По книгѣ проведено взятье 118 р. Съ нѣкоторыхъ владѣній онъ сбора взять не могъ изъ-за пустоты вслѣдствіе татарской войны и ухода крестьянъ и бобылей въ новые города Тамбовъ и Козловъ. Владѣльцы этихъ дворовъ, помѣщики, „з бѣдности покиня свои помѣстья, сошли безвѣстно, а помѣстья ихъ лежатъ впустѣ, и не владѣетъ ими нихто, а другіе оказались на службѣ" [5]). 18/X 149 г. в. воеводѣ кн. Андр. Ив. Солнцеву послано циркулярное напоминаніе о сборѣ доимки на 146—7 гг. [6]). Дальнѣйшая судьба доимки не видна.

Вязьма [7]). За 5 в. вдовами и недорослями насчитали 43 дв. Изъ книги видно, что 7 р. были сложены за службу. Другихъ данныхъ о сборѣ нѣтъ.

---

[1]) 1643 № 42 л. 207—223, 1651 г. № 107 л. 170—172.

[2]) 1643 № 42 л. 236—239. Разрозненныя данныя о взиманіи съ отдѣльныхъ вологжанъ разбросаны въ разныхъ мѣстахъ дѣлопроизводства Приказа, напр., 1637 № 67 л. 7—9, 115—120, 179—183, 1641 № 80, 1646 № 141 л. 12, 16, 1651 № 107 л. 20, 94—100, 130—131, 191—202.

[3]) Кн. по Н.-Новгороду № 10 л. 535—539.

[4]) Кн. по Новг. № 25 л. 423—461, по Пскову № 7 л. 221—227 об.

[5]) 1638 № 24 л. 233—257.

[6]) 1639 № 35 л. 93—94.

[7]) Кн. по Галичу № 5 л 390—395 и кн. по Пскову № 7 л. 181—183.

Галичъ [1]). За 138 г. вдовами и недорослями числилось 1064 двора, съ которыхъ слѣдовало взять 10 даточныхъ и 804 р. Къ [20]/VIII 146 г. кн. Петръ Щетининъ собралъ съ Г. уѣзда 300 р., съ Парѳеньева 6 дат. и 30 р. Сборъ шелъ медленно, по объясненію воеводы, оттого, что „Г. уѣзду верстъ на 200 и на 300 и на 400 и больше, а иные недоросли и вдовы давно померли, помѣстья ихъ и вотчины стоятъ пусты, и собрать... тѣхъ... г. денегъ вскорѣ не умѣть, потому что взять тѣхъ... г. денегъ не на комъ“ [2]). Тотъ же Щетининъ къ [3]/XI 147 г. прислалъ еще 80 р. [3]). По книгѣ проведено взятье 554 р. и сложеніе 96 р. Въ октябрѣ 149 г. Приказъ послалъ г. губному старостѣ Андреяну Черевину да Вас. Лазареву циркулярное напоминаніе о сборѣ съ Г. уѣзда съ обычными угрозами „дворянином добрымъ“ [4]) и т. д. Ѳедоръ Татищевъ, пріѣхавшій въ Г. на воеводство весной 149 г., нашелъ въ сборѣ у подъячаго Кусынина 37 р. съ полтиной да у подъячаго Шалимова 35 р. съ полтиной, да часть денегъ, какъ оказалось, подъячіе утаили. Татищевъ сознавался въ трудности разобраться въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ онъ грамотѣ не умѣетъ [5]). По дополнительному списку, полученному съ грамотой отъ [15]/VII 149 г. Вас. Грязной собиралъ на г. вдовахъ и недорослях доимку на 146—7 гг., но писалъ въ Приказъ: „въ которомъ году дачи даны, и того сыскать не по чему“. Къ [27]/X 151 г. онъ прислалъ 21 р. съ жалобой на непокорность вдовъ и недорослей. Въ отвѣтъ на эту отписку Приказъ потребовалъ сообщенія полной отчетности о сборѣ на 146—7 гг. [6]). Кн. Ив. Елецкій получилъ грамоту о сборѣ доимки съ г. вдовъ и недорослей [26]/VII 153 г., а [16]/III 154 г. дополнительный указъ о невзиманіи съ г. владѣній московскихъ чиновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Приказъ потребовалъ отъ него обстоятельнаго отчета о ходѣ взиманія съ Галича. Къ маю 154 г. онъ прислалъ часть доимки—136 р. [7]).

---

[1]) Кн. по Галичу № 6 л. 57—194, Помѣстная № 1/1 л. 447—483. Въ Помѣстной № 1/1 приведенъ дополнительный списокъ, присланный 4/VI 147 г., столичныхъ чиновъ и служилыхъ людей другихъ уѣздовъ, имѣющихъ дворы въ Г. уѣздѣ.

[2]) 1638 № 24 л. 26—40.

[3]) Ib. л. 153—159.

[4]) 1639 № 35 л. 89—90.

[5]) 1641 № 18 л. 1—2.

[6]) 1641 № 1 л. 79—81.

[7]) 1642 № 4 л. 102—109. Отдѣльныя данныя о взиманіи на галичанахъ разбросаны: 1637 № 67 л. 12—14, 38—39, 47—48, 113—114, 216—220.

Гороховецъ [1]). За 2 вдовами по Г. числилось 5 дворовъ. Деньги на 146 г. были внесены въ февралѣ 147 г. По книгѣ проведено взятье 2 р. По грамотѣ Приказа отъ [26]/v 153 г. въ Г. уѣздѣ насчитывалось уже 7 лицъ, платящихъ налогъ, но ходъ взиманія съ нихъ неясенъ [2]).

Дмитровъ [3]). За 9 лицами по Д. Приказъ насчиталъ 35 дв., съ которыхъ слѣдовало взять 35 р. Ходъ сбора за время 146—150 гг. неясенъ. По книгѣ проведено взятье 11 р. Губ. ст. Второй Шестаковъ явился въ Д. [17]/iii 150 г. и сообщилъ въ Приказъ, что съ уѣзда ему собрать не по чему, такъ какъ писцовыхъ книгъ у него нѣтъ. Изъ Приказа распорядились послать ему роспись вдовамъ и недорослямъ [4]). [12]/i 151 г. Шестаковъ прислалъ 11 р. съ росписью и съ сообщеніемъ, что вдова Татьяна Нащокина съ сыномъ Иваномъ учинилась сильна и денегъ не платитъ. Отписка эта вызвала сильное неудовольствіе въ Приказѣ противъ Шестакова тѣмъ, что онъ не сообщилъ точныхъ данныхъ о ходѣ взиманія налога за прежніе годы. [3]/ii ему отправленъ выговоръ съ угрозами и съ требованіемъ добрать деньги полностью [5]). Сборъ продолжался и въ 153 г. [6]).

Дѣдиловъ [7]). Въ 146 г. Д. уѣздъ обслуживалъ устройство засѣчной черты. Данныхъ о сборѣ съ уѣздныхъ вдовъ и недорослей нѣтъ ни въ книгахъ ни въ отпискахъ.

Елецъ [8]). На Ельцѣ за 135 лицами числилось $394^1/_3$ двора. Данныхъ о сборѣ въ отпискахъ нѣтъ. Въ книгѣ проведены только 10 случаевъ сложенія платежа на сумму 43 р.

Епифань. Въ 146 г. Е. уѣздъ обслуживалъ устройство засѣчной черты. Данныхъ о сборѣ въ Приказъ с. р. л. нѣтъ.

Звенигородъ [9]). За 4 лицами числилось 16 дворовъ. По книгѣ, 15 р. были сложены, и 1 р. внесенъ [18]/vii 147 г.

Зубцовъ [10]). За 2 лицами числилось 3 двора. Есть только одно

---

[1]) Кн. по Галичу № 5 л. 380—381, по Пскову № 7 л. 177 об.—178.
[2]) 1650 № 40 л. 55—58.
[3]) Кн. по Галичу № 5 л. 398—406, по Пскову № 7 л. 181—188.
[4]) 1641 № 52 л. 68—76.
[5]) 1641 № 1 л. 82—87.
[6]) 1646 № 40 л. 90—92. Частный случай—1646 № 141 л. 15.
[7]) Данныхъ въ книгахъ нѣтъ.
[8]) Кн. по Новг. № 25 л. 288—422.
[9]) Кн. по Нижн. Новг. № 10 л. 248—251.
[10]) Кн. по Галичу № 5 л. 415—416; по Пскову № 7 л. 190.

указаніе на сборъ: въ 149 г. платежъ съ одного лица былъ сложенъ [1]). Въ книгѣ данныхъ нѣтъ.

Казань [2]). За 6 лицами значилось 42 двора, съ которыхъ надо было взять 42 р. Изъ книги по Галичу видно, что 16 р. внесены были въ 146 г., а 3 р.—[6]/III 148 г.

Калуга [3]). Въ 146 г. К. уѣздъ обслуживалъ вмѣстѣ съ К. посадомъ устройство засѣчной черты. Приказъ с. р. л. насчиталъ въ К. уѣздѣ за 7 вдовами и недорослями 11 дворовъ. Грамоту о сборѣ Стрѣшневъ получилъ изъ Приказа [8]/VII 146 г. Къ [24]/VII онъ собралъ 10 р. да съ Медынскаго уѣзда 7 р. [4]). Позднѣйшихъ данныхъ нѣтъ. По книгѣ проведено взятье 1 р. и сложеніе 5 р.

Карачевъ [5]). Въ К. уѣздѣ за 17 лицами насчитывалось 40½ дворовъ. Въ февралѣ 150 г. съ к. вдовъ и недорослей было взято 6 р.—другихъ данныхъ нѣтъ [6]).

Кашинъ [7]). За 25 вдовами и недорослями К. уѣзда насчитывалось 70 дв., съ которыхъ слѣдовало взять 70 р. Губ. ст. Лука Шатиловъ, собиравшій въ 146 г. вмѣсто воеводы Якова Баклановскаго, собралъ 53 р., но въ припискѣ въ Приказѣ оказалось только 52 р. По книгѣ проведено только сложеніе 5 р. Сборъ продолжался въ 149 и 161 гг. [8]).

Кашира. Въ 146 г. К. уѣздъ обслуживалъ устройство засѣчной черты. За 70 к. вдовами и недорослями въ 146 г. насчитали 325⅔ дв., съ которыхъ надо было взять 1 даточнаго и 305⅔ р. По книгѣ проведено взятье 197⅔ р. и сложеніе 5 р. Сборъ на 146—7 гг. продолжался и въ 159 и въ 161 гг. По грамотѣ изъ Приказа отъ [28]/XII 161 г., Андрей Ильинъ собралъ 112 р. при чемъ нѣкоторыхъ лицъ по списку онъ не нашелъ совсѣмъ, а нѣкоторыя помѣстья оказались пусты [9]).

Кинешма [10]). За 8 лицами на Кинешмѣ числилось 111 дв., съ которыхъ надо было взять 2 даточныхъ и 71 р. По книгѣ

[1]) 1637 № 67 л. 189—192.
[2]) Кн. по Галичу № 6 л. 325—331 и по Пскову № 7 л. 197—199.
[3]) Кн. по Нижн. Новгороду № 10 л. 506—513.
[4]) 1638 № 24 л. 1—8.
[5]) Кн. по Новгороду № 25 л. 47—63.
[6]) 1642 № 152.
[7]) Кн. по Нижн. Новг. № 10 л. 214—238.
[8]) 1641 № 8 л. 20 и 1643 № 42 л. 293—8.
[9]) 1652 № 117 л. 4—6, 1651 № 107 л. 139—144, 1643 № 42 л. 301—323.
[10]) Кн. по Галичу № 5 л. 369 (ошибочно 269)—377, по Пскову № 7 л. 173—176. Кинешма, какъ извѣстно, находилась въ вѣдѣніи Б. дворца.

проведено взятье 9 р. и сложеніе 13 р. Зимой 159 г. этимъ сборомъ былъ занятъ стряпчій Хлѣбеннаго дворца Ѳедоръ Матусовъ. Къ $^{26}/_{III}$ 159 г. онъ собралъ 28 р. [1]).

Клинъ [2]). Въ 146 г. за одной вдовой Назарьевой числилось $6^1/_2$ дворовъ. Налогъ былъ съ нея сложенъ [3]). Въ 153 г. Приказъ неожиданно насчиталъ большее количество дворовъ за к. вдовами и недорослями, чѣмъ раньше. Губ. ст. Я. Бибиковъ доправилъ и послалъ $^{25}/_{VIII}$ 13 р., указывая на то, что цѣлаго ряда лицъ, перечисленныхъ [въ приказной грамотѣ, въ К. нѣтъ и не бывало [4]).

Козельскъ [5]). Въ 146 г. К. уѣздъ обслуживалъ устройство засѣчной черты. За 10 к. вдовами и недорослями въ 146 г. насчитывалось 52 дв., съ которыхъ слѣдовало взять 52 р. Кутузовъ приступилъ къ сбору лѣтомъ 146 г. и собралъ 34 р., 15 р. было сложено, а помѣстье вд. Павловой оказалось пусто. По книгѣ проведено взятье 31 р. и сложеніе 24 р. Въ 149 г. тотъ же Кутузовъ собралъ (на 147 г. ?) еще 21 р. [6]).

Коломна [7]). Въ 146 г. К. уѣздъ обслуживалъ устройство засѣчной черты. Приказъ с. р. л. насчиталъ въ 146 г. за 38 к. вдовами и недорослями 248 дворовъ, съ которыхъ слѣдовало взять 3 дат. и 188 р. По книгѣ проведено взятье 36 р. и сложеніе 1 д. и 24 р. Сборъ съ К. уѣзда продолжался въ 158 г. $^{13}/_{V}$ 158 г. Ѳедоръ Черкизовичъ Сулеймановъ прислалъ въ Приказъ свой сборъ, а въ іюнѣ Приказъ отвѣтилъ ему выговоромъ за медленность высылки доимки, между тѣмъ какъ самъ же писалъ Сулейманову, что на него поступаютъ жалобы: „многіе били челомъ, что ты правишь безъ пощады“. $^{6}/_{IX}$ 159 г. Сулеймановъ прислалъ еще 28 р. Приказъ отвѣтилъ требованіемъ ликвидировать сборъ. Другое напоминаніе послано Сулейманову въ ноябрѣ 159 г. Сулеймановъ продолжалъ сборъ и въ маѣ 159 г. [8]).

---

[1]) 1651 № 107 л. 45—50, 1643 № 42 л. 188—194. Отдѣльныя данныя: 1651 № 107 л. 40—42, 43, 85—91, 127—129, 176—180, 213—214.

[2]) Книга по Галичу № 5 л. 409.

[3]) 1641 № 8 л. 21.

[4]) 1642 № 4 л. 21.

[5]) Кн. по Ниж. Новг. № 10 л. 525—534.

[6]) 1638 № 24 л. 51, 1639 № 35 л. 73—78 и 1641 № 1 л. 5.

[7]) Кн. по Новгороду № 25 л. 108—145.

[8]) 1643 № 42 л. 178—185, 1651 № 107 л. 1—2, 21—22, 36—38, 51, 207—8, 1643 № 42 л. 201—6.

Кострома [1]). За 125 к. вдовами и недорослями Приказъ насчиталъ въ 146 г. 1121 дворъ, съ которыхъ слѣдовало взять 15 даточныхъ и 821 р. По книгѣ проведено взятье 11 дат. и 460 р. и сложеніе 1 дат. и 119 р. Въ ноябрѣ 147 г. к. воеводѣ Ив. Дм. Колычеву послано напоминаніе о сборѣ налога съ уѣзда [2]) Въ 151 г., между тѣмъ, выяснилось, что часть сбора съ К. уѣзда, полученнаго мѣстной властью, не дошла до Москвы и, повидимому, была расхищена на мѣстѣ [3]). Въ 154 г. к. воевода Вл. Бутурлинъ посылалъ въ уѣздъ „безпрестани“ и на недорослях, и на вдовахъ и на ихъ крестьянахъ правилъ деньги „безо всякой пощады“. Онъ жаловался на сопротивленіе многихъ московскихъ служилыхъ людей, вдовъ и недорослей. Къ $^{12}/_{V}$ 154 г. онъ представилъ въ Приказъ въ два пріема 55 р. и 53 р. вмѣстѣ съ росписями [4]). Къ $^{19}/_{VIII}$ 155 г. Ив. Стрѣшневъ прислалъ 66 р., увѣдомляя о своемъ энергичномъ правежѣ и о разслѣдованіи злоупотребленій к. подъячаго Судакова [5]). Къ $^{27}/_{X}$ 156 г. Ив. Стрѣшневъ собралъ 43 р. 11 ал. и увѣдомлялъ, что на тѣхъ, на комъ не взято, онъ правитъ „во весь день нещадно“ [6]). Въ томъ же году онъ собралъ еще 19 р. [7]). Въ 157 г. кн. Мих. Егуповъ-Черкасскій собралъ съ к. вдовъ и недорослей 9 р. 16 ал. 4 д., а остальную доимку продолжалъ править „тѣ люди стоятъ на правежѣ весь день, а на ночь мечутъ въ тюрму“ [8]). Сборъ не кончился и къ концу 159 г., когда раскрылись новыя злоупотребленія съ к. сборомъ. На этотъ разъ виноватымъ оказался бывшій к. воевода Иванъ Судаковъ [9]).

Крапивна. См. Солова.

Курмышъ [10]). За 18 вдовами и недорослями Приказъ с. р. л. насчиталъ въ 146 г. 273 дв., съ которыхъ слѣдовало взять 7 дат. и 133 р. По январь 147 г. Θед. Философовъ собралъ 4 дат. и 112 р.

---

[1]) Кн. по Галичу № 6 л. 197—322.
[2]) 1638 № 25 л. 79.
[3]) 1643 № 42 л. 4—12.
[4]) 1642 № 4 л. 110—116.
[5]) 1643 № 42 л. 324—327.
[6]) 1643 № 42 л. 107—110.
[7]) 1643 № 42 л. 154.
[8]) 1643 № 42 л. 164—165.
[9]) 1651 № 107 л. 183—188. Случаи сбора съ отдѣльныхъ лицъ: 1637 № 67 л. 10—25, 71—76, 148—152, 169—175, 197—215 и и 1643 № 42 л. 150—151.
[10]) Кн. по Галичу № 6 л. 374—391, по Пскову № 7 л. 210—214.

По книгамъ значатся взятыми 3 дат. и 73 р., а 1 дат. и 35 р. сложены [1]).

Курскъ [2]). За 51 лицомъ Приказъ с. р. л. насчиталъ въ 146 г. 135 дв., съ которыхъ слѣдовало взять 135 р. Къ январю 147 г. Пв. Бутурлинъ собралъ 52 р. и продолжалъ „держать" вдовъ и недорослей на правежѣ. По книгѣ проведено взятье 51 р. и сложеніе 12 р. Многихъ лицъ противъ списка онъ въ Курскѣ не нашелъ: „сошли съ Курска безъ вѣсти" [3]). По грамотѣ изъ Приказа, полученной [15]/VII 149 г., Григорій Образцовъ собралъ еще 18 р. [4]).

Лебедянь [5]). За 3 лицами Приказъ с. р. л. насчиталъ 29 дворовъ, съ которыхъ слѣдовало взять 1 дат. и 9 р. Данныхъ о сборѣ нѣтъ.

Ливны [6]). За 21 лицомъ Приказъ с. р. л. насчиталъ 37 дворовъ. Сборъ съ Л. уѣзда сложенъ цѣликомъ „для раззоренія". Между тѣмъ [26]/V 153 г. на Ливны была послана грамота о сборѣ доимки на 146—7 гг. [7]). Вѣроятно, это требованіе—приказное недоразумѣніе.

Лихвинъ [8]). Въ 146 г. Л. уѣздъ обслуживалъ устройство засѣчной черты. Въ 146 г. за 3 лицами Приказъ с. р. л. насчиталъ 12 дв. По книгѣ 5 р. были сложены, а о 7 р. воеводѣ Өед. Ал. Давыдову Приказъ напоминалъ циркулярной грамотой отъ [28]/XI 147 г. [9]).

Луки Великіе [10]). Въ 146 г. за 13 лицами Приказъ с. р. л. насчиталъ 51 дворъ, съ которыхъ слѣдовало взять 51 р. На 146 г. кн. Венедиктъ Оболенскій собралъ „сполна" 42 р. [11]) По книгѣ проведено на [9]/IX 147 г. взятье 38 р. и сложеніе 13 р.

Лухъ [12]). Къ [12]/VIII 146 г. Ларіонъ Сумароковъ выслалъ „полностью" 1 дат. и 51 р. По грамотѣ изъ Приказа, полученной [4]/I

---

[1]) 1638 № 24 л. 120.
[2]) Помѣстная № 1/1, л. 234—285.
[3]) 1638 № 24 л. 160—168.
[4]) 1641 № 1 л. 56—66.
[5]) Кн. по Нижн. Новгороду № 10 л. 503—5.
[6]) Кн. по Нижн. Новгороду № 10 л. 460—480.
[7]) 1650 № 40 л. 33—37.
[8]) Книга по Галичу № 5 л. 287—289.
[9]) 1638 № 25 л. 81.
[10]) Помѣстная № 1/1 л. 63 - 75.
[11]) 1638 № 24 л. 78—83.
[12]) Въ книгахъ особой рубрики нѣтъ.

161 г., Изотъ Мякининъ послалъ съ Л. уѣзда 44 р., между прочимъ платежъ съ крестьянъ прежняго губного старосты Бѣленихина, производившаго сборъ въ прежніе годы, но не собравшагося внести свою долю до 161 г. [1]).

Медынь [2]). Въ 146 г. за 3 лицами насчитано 10 дв.; 4 р. сложены, а 6 р. взяты въ іюлѣ 146 г.—таковы данныя книгъ. Между тѣмъ по отпискамъ въ присылкѣ значатся за 146 г.—7 р. [3]). Въ 153 г. сбиралъ доимку Ив. Ив. Баклановскій, а въ 154 г. А. Ѳ. Тургеневъ, вмѣстѣ съ доимкой съ Калуги и Воротынска [4]).

Мещера [5]). Въ 146 г. за 42 лицами насчитывалось 259 дв., съ которыхъ слѣдовало взять 2 дат. и 219 р. По книгѣ проведено взятье 2 дат. и $89^1/_2$ р. и сложеніе $14^1/_2$ р.

Мещовскъ [6]). Въ 146 г. М. уѣздъ обслуживалъ устройство засѣчной черты. За 18 лицами въ 146 г. Приказъ с. р. л. насчиталъ въ М. уѣздѣ $84^1/_2$ двора. А Комынинъ лѣтомъ 146 г. взять ничего не могъ, такъ какъ недоросли оказались на службѣ, „а люди ихъ и крестьяне бѣгаютъ“. Жену находящагося на службѣ Ив. Бурдукова почему-то написали вдовою [7]). По книгѣ проведено взятье 37 р. и сложеніе $25^1/_2$ р. $^{26}/_{V}$ 153 г. тому же Комынину Приказъ посылалъ напоминаніе о доимкѣ, но результаты его неизвѣстны [8]).

Мосальскъ [9]). Въ 146 г. Приказъ с. р. л. за 1 лицомъ насчиталъ 4 двора. Данныхъ о сборѣ нѣтъ.

Можайскъ [10]). Въ началѣ 147 г. м. воеводѣ кн. Никифору Мещерскому посланъ выговоръ за задержку доимки и напоминаніе о сборѣ ея [11]). Въ іюнѣ 159 г. м. воеводѣ Дм. Ив. Загряжскому послано напоминаніе о сборѣ и списокъ недоимщиковъ [12]).

---

[1]) 1643 № 42 л. 270—284. Отдѣльный случай 149 г.: 1641 № 8 л. 18—19. Вѣроятно, это сборъ по дополнительному списку.

[2]) Кн. по Нижн. Новгороду № 10 л. 532—4.

[3]) 1638 № 24 л. 1—8.

[4]) 1650 № 40 л. 13—17 и 1643 № 42 л. 48—64.

[5]) Помѣст. № $^1/_1$ л. 361—402.

[6]) Кн. по Нижн. Новгороду № 10 л. 514—524 и 545—546. Данныя не вполнѣ ясны.

[7]) 1638 № 24 л. 87—97.

[8]) 1650 № 40 л. 28—30.

[9]) Кн. по Нижн. Новгороду № 10 л. 540.

[10]) Рубрики въ книгахъ нѣтъ.

[11]) 1638 № 25 л. 33.

[12]) 1651 № 107 л. 155—158, 162.

Муромъ [1]). За 35 лицами въ М. уѣздѣ насчитывалось $219^1/_3$ дворовъ, съ которыхъ слѣдовало взять 2 дат. и $173^1/_3$ р. Къ началу 147 г. Ѳед. Полтевъ собралъ 128 р. [2]). По книгѣ проведено взятье 1 дат. и 145 р. и сложеніе 26 р.

Мценскъ [3]). Въ 146 г. мещняне дворяне и дѣти боярскіе и уѣздные люди возстановляли укрѣпленія Мценска. За 71 лицомъ Приказъ с. р. л. насчиталъ $251^1/_2$ двора, съ которыхъ надо было взять 2 дат. и $211^1/_2$ р. Къ январю 147 г. Богданъ Наровковъ собралъ 57 р. 27 ал. 5 д., такъ какъ съ однихъ налогъ былъ сложенъ, другіе оказались на службѣ, третьи „г. грамоты не послушали“ [4]). По книгѣ проведено взятье 55 р. и сложеніе 11 р. Въ іюнѣ 147 г. мещняне подали челобитье о неправежѣ съ ихъ м. дворовъ, въ которыхъ живутъ на М. посадѣ ихъ дворники. Челобитье было удовлетворено [5]). Доимка по уѣзду добиралась еще въ 149 г. [6]).

Новгородъ Великій [7]). Въ 146 г. за 68 лицами Приказъ с. р. л. насчиталъ 168 дв. По книгѣ проведено лишь сложеніе 79 р. Нѣтъ данныхъ о сборѣ и въ отпискахъ воеводъ, кромѣ указанія на посылку въ Новгородъ къ кн. Андрею Вас. Хилкову да дьякомъ Фил. Арцыбашеву да Якову Бутримову въ маѣ 149 г. дополнительнаго списка 3 вдовъ съ предложеніемъ разобрать на мѣстѣ, „въ которомъ году тѣмъ вдовамъ дачи“ [8]).

Нижній Новгородъ [9]). Въ 146 г. Приказъ с. р. л. насчиталъ за 97 лицами 594 дв., съ которыхъ слѣдовало взять 5 дат. и 494 р. Къ началу 147 г., по воеводскимъ отпискамъ, н. воевода кн. Андрей Урусовъ и Первой Нероновъ взяли 2 дат. и 362 р. [10]). По книгѣ проведено взятье 13 р. и сложеніе 1 дат. По грамотѣ изъ Приказа, присланной въ Н. Н. ^{12}/VII 149 г., кн. Ив. Шаховской и Ив. Дмитріевъ прислали ^{14}/XII 154 г. (такъ!) 27 р., взятые

---

[1]) Кн. по Нижн. Новг. № 10 л. 178—213.

[2]) 1638 № 24 л. 61—77.

[3]) Помѣстная № $^1/_1$ л. 288—358.

[4]) 1638 № 24 л. 186—202.

[5]) 1639 № 26 л. 11—12.

[6]) 1637 № 67 л. 139—141.

[7]) Помѣстная № $^1/_1$ л. 1—60 (пятины), книги по Новгороду № 25 л. 1—7 (Устрецкая волость).

[8]) 1641 № 8 л. 11—12.

[9]) Книга по Нижн. Новгороду № 10 л. 1—96. Списокъ изданъ Нижегородской Архивной Коммиссіей.

[10]) 1638 № 24 л. 183—185

съ недоросля Глядкова. Приказъ распорядился добрать доимку, (вспомнивъ о ней, повидимому, именно вслѣдствіе отписки воеводы) и назначилъ крайнимъ срокомъ Р. Х. 154 г., грозя воеводѣ въ случаѣ опозданія нарочнымъ и опалой и датируя грамоту [21]/XII 154 г. [1]). Но сборъ не былъ ликвидированъ и къ Р. Х. 161 г.: Прокофій Елизаровъ и Степанъ Чернаго по грамотѣ изъ Приказа собрали 77 р. только къ веснѣ 161 г. [2]).

Новгородъ Сѣверскій [3]). Въ мартѣ 149 г. былъ сложенъ сборъ съ н. с., черниговскихъ, рыльскихъ дѣтей боярскихъ, служащихъ со вдовьихъ помѣстій, хотя бы они и не состояли въ родствѣ съ этими вдовами [4]). Другихъ данныхъ нѣтъ.

Оболенскъ [5]). За 5 лицами Приказъ с. р. л. насчиталъ въ 146 г. 14 дв. Дан. Елагинъ, сбиравшій налогъ съ Серпуховскаго, Тарусскаго и О. уѣздовъ прислалъ въ августѣ 146 г. 2 р. [6]). По книгѣ проведено взятье 7 р. и сложеніе 2 р.

Одоевъ [7]). Въ 146 г. О. уѣздъ обслуживалъ возстановленіе укрѣпленій г. Одоева и засѣчной черты. Въ 146 г. Приказъ с. р. л. насчиталъ за 10 лицами 21 дворъ. По книгѣ по январь 147 г. проведено взятье 9 р. и сложеніе 7 р. Воев. Ѳ. Павловъ былъ занятъ въ 146—7 гг. выясненіемъ нѣкоторыхъ недоразумѣній (со спискомъ о. вдовъ и недорослей [8]). [7]/XII 148 г. о. воевода Осипъ Леонт. Кондыревъ, смѣнившій Павлова въ мартѣ 148 г., прислалъ отписку, въ которой жаловался на то, что у него „грамоты и росписи (вдовамъ и недорослямъ) не бывало". [9]/XII 149 г. Приказъ препроводилъ ему нужный списокъ. Къ [4]/VI 149 г. Осипъ Кондыревъ доставилъ въ Москву 13 р. [3]).

Орелъ [10]). За 4 лицами Приказъ с. р. л. насчиталъ въ 146 г. 8 дв. Денегъ изъ О. своевременно получено не было. Въ маѣ

---

[1]) 1642 № 4 л. 26—28.

[2]) 1643 № 42 л. 265—269. Частные случаи взысканій по П. П.: 1637 № 67 л. 1—3, 1640 № 32 л. 30, 1646 № 141 л. 13, 1651 № 107 л. 15—16, 101—102, 108, 127—129, 220—222.

[3]) Особой рубрики у П. С. въ книгахъ нѣтъ. Списокъ н. с. вдовъ и недорослей находится 1653 № 21, л. 67—74, рыльскихъ ib. л. 76—77.

[4]) 1641 № 8 л. 1—10.

[5]) Кн. по Нижн. Новгороду № 10 л. 403—7.

[6]) 1638 № 24 л. 18—25 и книга.

[7]) Кн. по Нижн. Новгороду № 10 л. 403—7.

[8]) 1638 № 24 л. 170—173.

[9]) 1639 № 35 л. 66—72 и 1641 № 1 л. 28—29.

[10]) Кн. по Нижн. Новгороду № 10 л. 541—542.

153 г. воеводѣ кн. Семену Ѳед. Волконскому послано предписаніе собрать съ 3 неплательщиковъ числящуюся за ними недоимку. Результаты не видны [1]).

Осколъ [2]). За 4 лицами Приказъ с. р. л. насчиталъ въ 146 г. $7^1/_2$ дв. Данныхъ о сборѣ нѣтъ.

Перемышль [3]). Въ 146 г. П. уѣздъ обслуживалъ устройство засѣчной черты Приказъ с. р. л. насчиталъ по П. за 4 лицами 7 дворовъ. По книгѣ проведено взятье 5 р. Въ маѣ 153 г. въ П. послано напоминаніе о сборѣ съ 3 лицъ [4]).

Переяславль Залѣсскій [5]). За 21 лицомъ Приказъ с. р. л. насчиталъ 61 дв., съ которыхъ слѣдовало взять 61 р. По книгѣ проведено взятье 32 р. и сложеніе 12 р. Въ ноябрѣ 147 г. воеводѣ Родіону Яковлевичу Лодыгину послано напоминаніе о сборѣ. Другое напоминаніе со списком послано въ маѣ 153 г. Судя по книгѣ, по мартъ 147 г. внесено 19 р. [6]).

Переяславль Рязанскій [7]). Въ 146 г. П. Р. уѣздъ обслуживалъ устройство засѣчной черты. За 130 р. вдовами и недорослями Приказъ с. р. л. насчиталъ $573^1/_2$ двора, съ которыхъ слѣдовало взять 3 дат. и $513^1/_2$ р. Даточные на службу не явились [8]). По книгѣ проведено взятье 13 р. и сложеніе 12 р. Въ сентябрѣ 154 г. р. воевода Дм. Овцынъ увѣдомлялъ, что онъ правитъ налогъ съ приведенныхъ къ нему въ П. Р. Филиппова и Болвановыхъ. Приказъ подтвердилъ, чтобы онъ правилъ и далѣе [9]). Напоминаніе Приказа о сборѣ доимки Овцынъ получилъ ^{16}/хп 154 г. Въ отвѣтной отпискѣ Овцынъ жаловался на то, что московскіе служилые люди, вдовы и недоросли „указу не слушаютъ, денегъ не везутъ и править на своихъ людѣхъ не даютъ“. Въ подтвержденіе своихъ словъ Овцынъ прилагалъ доѣздныя памяти. Въ Приказѣ положили резолюцію: „править безъ пощады“. Соотвѣтствующая грамота послана ^{26}/п 154 г. Приказъ сдѣлалъ исклю-

---

[1]) 1650 № 40 л. 1—4.
[2]) Кн. по Новгороду № 25 л. 462.
[3]) Кн. по Галичу № 5 л. 292—5 и по Пскову № 7 л. 138—139.
[4]) 1650 № 40 л. 78—83.
[5]) Кн. по Галичу № 5 л. 317—337 и по Пскову № 7 л. 150—158.
[6]) 1638 № 25 л. 77 и 1650 № 40 л. 66—68.
[7]) Кн. по Ниж. Новгороду № 10 л. 252—392.
[8]) 1640 № 30 л. 27.
[9]) 1643 № 42 л. 65—66.

ченіе только для лицъ, находящихся на дѣйствительной службѣ [1]). Это новое напоминаніе Овцынъ получилъ 3/III 154 г. Къ собраннымъ имъ 88 р. онъ собралъ еще 30 р. и препроводилъ ихъ въ Приказъ къ 20/VI. 154 г. Указъ повторялъ распоряженіе слагать платежъ, если облагаемое лицо было на дѣйствительной службѣ— правило это было распространено одинаково и на городовыхъ и на московскихъ служилыхъ людей. Отписка Овцына побудила, повидимому, Приказъ с. р. л. заняться вопросомъ о ликвидаціи доимки вообще [2]).

Пошехонье [3]). За 25 вдовами и недорослями П. уѣзда Приказъ с. р. л. насчиталъ 150 дв., съ которыхъ слѣдовало взять 1 дат. и 130 р. Въ ноябрѣ 147 г. п. воеводѣ Тим. Наум. Елизарову сдѣлано Приказомъ напоминаніе о сборѣ. По книгѣ сложено 11 р. Даточныхъ брать не велѣно, такъ какъ о даточныхъ „указъ будетъ вскорѣ“ [4]). Въ іюнѣ 159 г. въ П. былъ направленъ общій циркуляръ о сборѣ доимки [5]).

Псковъ [6]). За 12 лицами Приказъ с. р. л. въ 146 г. насчиталъ 64 дв., съ которыхъ слѣдовало получить 64 р. Къ марту 147 г. 62 р. были внесены.

Путивль [7]). За 13 лицами въ 146 г. Приказъ с. р. л. насчиталъ $45^1/_2$ дв. Къ марту 147 г. сборъ внесенъ полностью [8]).

Ржева Володимірова [9]). За 10 лицами Приказъ с. р. л. насчиталъ 29 дв. Въ ноябрѣ 147 г. воеводѣ кн. Вас. Андр. Горчакову послано напоминаніе о доимкѣ [10]). Къ февралю 147 г. внесено 4 р. Въ маѣ 150 г. Ив. Квашнинъ послалъ 7 р., взятые съ 3 лицъ на 146 г. Приказъ отвѣтилъ ему выговоромъ на непредставленіе обстоятельной отчетности о всемъ ходѣ сбора [11]).

Ржева Пустая [12]). За 22 лицами Приказъ с. р. л. насчиталъ 75 дв., съ которыхъ слѣдовало взять 75 р. По книгѣ проведено

---

[1]) 1643 № 42 л. 29—47.
[2]) 1642 № 4 л. 50—68. Отдѣльные случаи: 1637 № 67 л. 136—137.
[3]) Кн. по Галичу № 5 л. 239—261, по Пскову № 7 л. 116–127.
[4]) 1638 № 25 л. 73.
[5]) 1651 № 107 л. 159.
[6]) Кн. по Галичу № 5 л. 1—16, по Пскову № 7 л. 1—10.
[7]) Кн. по Новгороду № 25 л. 64—76.
[8]) Отдѣльный случай 1640 № 32 л. 11—15.
[9]) Кн. по Галичу № 5 л. 298—307, по Пскову № 7 л. 141—145.
[10]) 1638 № 25 л. 75.
[11]) 1641 № 1 л. 88—92. Частный случай—1637 № 67 л. 143—4.
[12]) Помѣстная $^1/_1$ л. 77—98.

взятье 2 р. и сложеніе 11 р. Въ октябрѣ 149 г. воеводѣ Ив. Зах. Зеленому послано напоминаніе о сборѣ [1]).

Романовъ [2]). За 17 лицами Приказъ с. р. л. насчиталъ 161 дв., съ которыхъ слѣдовало взять 2 дат. и 121 р. По книгѣ проведено по февраль 147 г. взятье 75 р. и сложеніе 25 р. Въ грамотѣ, полученной Приказомъ [13]/IX 147 г. р. воевода Воинъ Чемесовъ сообщаетъ списокъ обложенныхъ новокрещеновъ и татаръ, нынѣ находящихся на службѣ въ Крапивнѣ [3]). Въ августѣ 147 г. Приказъ послалъ тому же Чемесову выговоръ за „бездѣльную корысть“ съ приказаніемъ собрать доимку и съ угрозой за неисполнительность доправить на немъ втрое [4]).

Ростовъ [5]). За 28 лицами Приказъ с. р. л. насчиталъ 147 дв., съ которыхъ слѣдовало взять 1 дат. и 127 р. Въ ноябрѣ 147 г. воеводѣ Лавр. Дм. Салтыкову послано циркулярное напоминаніе о доимкѣ. По книгѣ къ марту 147 г. проведено взятье 90 р. и сложеніе 18 р. [30]/I 158 г. велѣно доправить доимку воеводѣ Никитѣ Гавр. Вельяминову. Ко [2]/VII 158 г. онъ прислалъ 58 р. [12]/XII 159 г. ему послано новое напоминаніе [6]).

Руза [7]). За 3 лицами Приказъ с. р л. насчиталъ 5 дв., Григ. Савинъ сообщалъ, что вдова Чулкова помѣстье сдала, недоросль Шульгинъ помѣстьемъ въ Р. уѣздѣ не владѣетъ, а недоросля Бартенева [8]/VII онъ по грамотѣ изъ Приказа отъ [5]/VI 147 г. поставилъ на правежъ [8]). По книгѣ данныхъ нѣтъ.

Рыльскъ [9]). За 27 лицами Приказъ с. р. л. насчиталъ 127 дв., съ которыхъ слѣдовало взять 127 р. Грамотой отъ [17]/III 149 г. воеводѣ кн. Алексѣю Өед. Лыкову не велѣно брать налога съ дѣтей боярскихъ, служащихъ со вдовьихъ помѣстій наравнѣ съ Новгородъ-Сѣверскомъ и Черниговомъ [10]). Въ маѣ 161 г. въ

---

[1]) 1639 № 35 л. 95—96.

[2]) Кн. по Новгороду № 25 л. 8—25.

[3]) 1638 № 24 л. 84—86.

[4]) 1639 № 35 л. 16—17. Отдѣльные случаи: 1641 № 8 л. 14 (іюль 149 г.), 1650 № 40 л. 84—86 (іюнь 152 г.), 1651 № 107 л. 80—81 (159 г.), л. 123—5 (159 г.), л. 138 (159 г.).

[5]) Кн. по Галичу № 5 л. 341—368, по Пскову № 7 л. 160—171.

[6]) 1638 № 25 л. 78, 1643 № 42 л. 170—177, 1651 № 107 л. 44. Отдѣльный случай—1651 № 107 л. 79.

[7]) Кн. по Нижн. Новгороду № 10 л. 158—160.

[8]) 1639 № 26 л. 17.

[9]) Кн. по Новгороду № 25 л. 77—103.

[10]) 1641 № 8 л. 1—10.

Рыльскъ послано напоминаніе о доимкѣ (текстъ написанъ рукой самого М. Невѣрова) [1]). По книгѣ данныхъ нѣтъ.

Ряжскъ [2]). Въ 146 г. Р. уѣздъ долженъ былъ обслуживать устройство Рязанскихъ засѣкъ [3]). За 22 лицами Приказъ с. р. л. въ 146 г. насчиталъ 85 дв. съ которыхъ слѣдовало взять 85 р. Осипъ Аничковъ собралъ къ началу 147 г. 22 р., не добравъ, согласно его отпискѣ, 33 р. (53 р. ?). По его объясненію полностью онъ собрать не могъ потому, что одни изъ обложенныхъ померли, а другіе привезли подписныя челобитья [4]). По книгѣ проведено взятье 37 р. и сложеніе 7 р. Въ іюлѣ 147 г. Аничкову было прислано циркулярное напомнпаніе о доимкѣ съ Р. уѣзда [5]). Въ маѣ 153 г. р. воеводѣ кн. Ѳедору Ив. Волконскому послано напомнпаніе о доимкѣ съ росписью 4 лицъ [6]).

Свіяжскъ [7]). За 3 лицами Приказъ с. р. л. насчиталъ въ 146 г. 27 дв., съ которыхъ слѣдовало взять 27 р. Данныхъ о ходѣ сбора ни въ отпискахъ ни въ книгахъ нѣтъ.

Серпейскъ [8]). Въ 149 г. имѣлъ мѣсто случай сложенія съ жильца Чебышова, служащаго по С. [9]). Напомнпаніе о сборѣ с. вдовъ и недорослей послано съ росписью воеводѣ Ивану Прокофьевичу Жемчужникову [26]/v 153 г. [10]).

Серпуховъ [11]). Грамоту о сборѣ съ С., Тарусскаго и Оболенскаго уѣздовъ воевода Даніилъ Елагина получилъ [6]/vii 146 г. Къ [12]/viii онъ уже представилъ и отчетъ о сборѣ. [12]/xi 149 г. тотъ же Елагинъ получилъ грамоту о сборѣ доимки съ названныхъ 3 уѣздовъ. Сборъ, 31 р. 16 ал. 4 д., онъ доставилъ къ [17]/iii 149 г. Грамота о доимкѣ съ росписью послана изъ Приказа въ Серпуховъ на имя Андрея Вас. Оленина въ іюлѣ 159 г. [12]).

Солова. Въ 146 г. Соловскій (Крапивенскій) уѣздъ обслуживалъ устройство засѣчной черты. За 35 вдовами и недорослями

---

[1]) 1653 № 21 л. 76—77.
[2]) Кн. по Новгороду № 10 л. 481—502.
[3]) А. Ю. Вл. ст. № 81 л. 174.
[4]) 1638 № 24 л. 204—208.
[5]) 1638 № 25 л. 65.
[6]) 1650 № 40 л. 49—54.
[7]) Кн. по Галичу № 6 л. 332—334.
[8]) Особой рубрики въ книгахъ нѣтъ.
[9]) 1641 № 1 л. 1—3.
[10]) 1650 № 40 л. 18—20.
[11]) Особой рубрики въ книгахъ нѣтъ.
[12]) 1638 № 24 л. 18 - 25, 1640 № 54 л. 60—66, 1651 № 107 л. 152—154, 159.

Соловскаго уѣзда Приказъ с. р. л. насчиталъ въ 146 г. 127 дв., съ которыхъ надо было взять 2 дат. и 87 р. (Въ этомъ числѣ сосчитаны дворы, находившіеся за соловлянами на Веневѣ, Епифани, Дѣдиловѣ и Данковѣ). 15/XII 147 г. Я. Толбузинъ получилъ напоминаніе о сборѣ. По книгѣ проведено взятье 45 р. 25/VII 149 г. напоминаніе о сборѣ съ соловлянъ получилъ Богданъ Тимирязевъ, собравшій согласно грамотѣ 10 р. [1]).

Старица [2]). Въ 146 г. за 1 л. числился 1 дворъ. Данныхъ о сборѣ нѣтъ.

Суздаль да Шуя [3]). За 66 лицами числилось 550½ дв., съ которыхъ слѣдовало взять 7 дат. и 410½ р. Гавр. Вельяминовъ выслалъ на 1/I 147 г. 4 дат. и 400 р. [4]). По книгѣ проведено взятье 89 р. и сложеніе 38 р. 7/VII 152 г. послана грамота с. воеводѣ Ив. Мих. Боборыкину о взысканіи съ лицъ, неуплатившихъ за „недохожіе и перехожіе“ дворы, вдвое, съ присоединеніемъ росписи [5]).

Таруса [6]). За 10 лицами числилось 19½ дворовъ. Къ концу 146 г. по книгѣ проведено взятье 5½ р.

Тверь [7]). За 8 лицами числился 21 дворъ. Согласно книгѣ, къ концу августа 146 г. внесено было 14 р. и сложено 3 р. Сборъ производили Андрей Окуневъ и Семенъ Лобковъ [8]). Въ октябрѣ 148 г. въ Тверь послана циркулярная грамота о сборѣ доимки на имя кн. Ив. Троф. Септова и Сем. Лобкова [9]). 20/XII 154 г. кн. Ив. Пріимковъ-Ростовскій получилъ грамоту о томъ, чтобы доимка со вдовъ и недорослей была имъ доправлена „тотчасъ безсрочно“. Небольшой сборъ онъ послалъ къ 18/II 154 г. [10]). Въ апрѣлѣ 156 г. Ив. Грязной доправилъ на 146—7 гг. вдвое—4 р. на крестьянинѣ И. Н. Романова Дураковѣ за заложенную ему подъячимъ Первымъ Ѳедоровымъ вотчину [11]).

---

[1]) 1641 № 1 л. 54—55.
[2]) Кн. по Галичу № 5 л. 412.
[3]) Помѣстная № 1/1 л. 165—233.
[4]) 1638 № 24 л. 174—5.
[5]) 1644 № 78 л. 1—9.
[6]) Кн. по Нижн. Новгороду № 10 л. 450—459.
[7]) Помѣстная 1/1 л. 101—110.
[8]) 1638 № 24 л. 41.
[9]) 1639 № 35 л. 107—8.
[10]) 1642 № 4 л. 29—48 и 1650 № 40 л. 42—44.
[11]) 1643 № 42 л. 149.

Торжокъ [1]). За 9 лицами числились 30 дв. 22 р., по книгѣ, были внесены къ февралю 147 г., а 2 р. сложены. Дѣпись Тургеневъ собралъ къ [19]/x 147 г. 11 р. и писалъ, что „не смѣетъ“ править съ тѣхъ недорослей, которые находятся въ Тулѣ на службѣ [2]). М. Б. Бороздинъ по росписи, сообщенной еще на имя его предшественника Ларіона Сумина. къ [25]/vi 153 г. собралъ 16 р., но не исчерпалъ этимъ доимки. Деньги пересланы Приказу только [14]/ix 155 г. [3]).

Торопецъ [4]). За 17 лицами насчитывалось 115 дв., съ которыхъ слѣдовало взять 2 дат. и 75 руб. По книгѣ, внесено было 23 р. и сложено 2 дат. и 34 р. По отпискамъ воеводы Θед. Пушкина, къ [26]/viii 146 г. было прислано 28 р. вмѣстѣ съ росписью [5]). Въ октябрѣ 149 г. на имя кн. Мих. Ив. Щетинина посланъ выговоръ съ угрозами и напоминаніемъ о недоборѣ, а въ маѣ того же 149 г. Щетинину послано напоминаніе о нѣсколькихъ отдѣльныхъ случаяхъ доимки [6]).

Тула [7]). Въ 146 г. Т. уѣздъ обслуживалъ устройство засѣчной черты. Въ 146 г. 38 лицами Приказъ с. р. л. насчиталъ 245 1/3 дворовъ, съ которыхъ слѣдовало взять 3 дат. и 185 1/3 р. Лѣтомъ 147 г. Ив. Замыцкій тщетно пытался доправить налогъ на Марьѣ Зыбиной и ея дѣтяхъ, „отымающихся службой“ [8]). Замыцкій собралъ всего 131 р. По книгѣ, 13 р. были сложены. Къ [6]/iii 154 г. Дороѳей Остафьевъ прислалъ „шестьдесятъ полтора рубля“ доимки. Приказъ потребовалъ отъ него представленія отчета о сборѣ, но доставленнымъ отчетомъ Остафьевъ Приказа не удовлетворилъ [9]). Въ ноябрѣ 159 г. Приказомъ послано напоминаніе о т. доимкѣ Осипу Увар. Сухотину, а въ августѣ ему присланъ выговоръ за неисправный сборъ ея. Къ [7]/iv 161 г. Сухотинъ доправилъ 30 р. съ полтиной, но при отпискѣ представилъ только 23 р. съ полтиной, за что ему велѣно „отписать негораздомъ“.

---

[1]) Кн. по Нижн. Новгороду № 10 л. 149—157.

[2]) 1638 № 24 л. 176—178.

[3]) 1643 № 43 л. 68—73. Отдѣльный случай — 1637 № 67 л 165—8.

[4]) Помѣстная № 1/2 л. 111—126, кн. по Галичу № 5 л. 238, по Пскову № 7 л. 115.

[5]) 1638 № 24 л. 44 50.

[6]) 1639 № 35 л. 103—4, 1641 № 8 л. 13. Отдѣльный случай—1646 № 1 л. 5—7

[7]) Кн. по Новгороду № 25 л. 146—183.

[8]) 1639 № 26 л. 16.

[9]) 1642 № 4 л. 69—92

И послѣ апрѣля 161 г. Сухотинъ еще продолжалъ править доимку для Приказа с. р. л. [1]).

Угличъ [2]). За 34 лицами числилось 245½ дв., съ которыхъ слѣдовало взять 4 дат. и 165½ р. По книгѣ къ августу 146 г. проведено взятье 1 д. и 125½ р. и сложеніе 8 р. Въ 159 р. Приказъ послалъ на Угличъ напоминаніе о доимкѣ. Въ апрѣлѣ 160 г. Герасимъ Шишковъ еще высылалъ доимку съ У. уѣзда и жаловался на неповиновеніе крестьянъ [3]).

Цивильскъ [4]). См. Алатырь.

Чебоксары [5]). За 1 лицомъ числилось 12 дворовъ. Ни въ книгѣ ни въ отпискахъ данныхъ о ходѣ сбора нѣтъ.

Чернь [6]). Романъ Игнатьевъ получилъ грамоту съ напоминаніемъ о доимкѣ [6]/VIII 149 г. Къ [16]/XII 150 г. онъ прислалъ 2 р. [7]).

Шацкъ [8]). Въ 146 г. Матвѣй Стрѣшневъ взялъ съ уѣзда 100 р.; съ Ив. Адамова, который „кормится межъ дворъ, сбираетъ милостыню, а людей и крестьянъ у него нѣтъ“, и съ нѣкоторыхъ другихъ лицъ Стрѣшневъ взять не могъ. Въ декабрѣ и январѣ 161 г. ш. воеводѣ Ларіону Хрипунову послано напоминаніе о сборѣ доимки на 146—7 гг. Вслѣдствіе неповиновенія щ. служилыхъ людей, живущихъ въ Кадомскомъ и Касимовскомъ уѣздахъ, Хрипуновъ собрать ничего не могъ и увѣдомилъ объ этомъ Приказъ. Изъ Москвы отвѣтили требованіемъ репрессій,—на отпискѣ Хрипунова была положена помѣта: „отписать, чтобъ посылалъ изъ прогоновъ и велѣлъ имати людей и крестьянъ и велѣлъ править неплошно“ [9]).

Шуя. См. Суздаль.

Юрьевъ Польскій [10]). За 5 лицами насчитывалось 19 дв. Въ ноябрѣ 147 г. Приказъ послалъ въ Ю. П. напоминаніе о доимкѣ [11]). Къ [9]/III 147 г. губ. ст. Семенъ Кишкинъ доправилъ 48 р.,—вѣ-

---

[1]) 1651 № 107 л. 35, 209—212, 165—6, 164 № 42 л. 259—264. Отдѣльные случаи: 1637 № 67 л. 132—3, 221—6, 1650 № 40 л. 22—27, 161 № 107 л. 132.

[2]) Помѣстная № 1/1 л. 127—160

[3]) 1651 № 107 л. 145, 149—151 и 1643 № 42 л. 248—250.

[4]) Кн. по Галичу № 6 л. 336.

[5]) Кн. по Галичу № 6 л. 335, по Пскову № 7 л. 201.

[6]) Особой рубрики въ книгахъ нѣтъ.

[7]) 1641 № 1 л. 48—53.

[8]) Особой рубрики въ книгахъ нѣтъ.

[9]) 1638 № 24 л. 126—132, 1653 № 21 л. 177—8.

[10]) Кн. по Галичу № 5 л. 310—314, по Пскову № 7 л. 147—9.

[11]) 1638 № 25 л. 76.

роятно по дополнительной вѣдомости. Приказъ потребовалъ въ отвѣтъ доправить доимку сполна [1]).

Ярославецъ Малый [2]). За 5 лицами числилось 17 дв. Въ книгѣ данныхъ нѣтъ. Къ $^{4}/_{II}$ 149 г. кн. Дм. Селеховской прислалъ „полсема рубли 5 ал. 4 д.“. Недоросли Батурины не платили денегъ, ссылаясь на жалованную грамоту, но грамоты ему „не показывали“. Недоросля Собакина „не стало давно“, его жеребей перешелъ къ Мочкину, а тотъ служилъ [3]). Приказъ потребовалъ отъ Селеховскаго присылки копій съ жалованныхъ грамотъ и обстоятельной отчетности о сборѣ. Приказъ считалъ въ доимкѣ на М. уѣздѣ всего 17 р. [4]). Напоминаніе на имя губ. ст. Саввы Микулина объ одномъ недоимщикѣ послано Приказомъ въ маѣ 153 г. [5]).

Ярославль [6]). За 56 лицами по книгамъ насчитывалось $587^{1}/_{6}$ двора, съ которыхъ слѣдовало взять 11 даточ. и $367^{1}/_{6}$ р. Порфирій Сѣкиринъ и Пятой Филатовъ собрали въ 146 г. 252 р. 22 ал. 1 д. и продолжали править сборъ [7]). По книгѣ проведено взятье 7 дат. и $272^{1}/_{6}$ р. и сложеніе 49 р. Въ октябрѣ 149 г. Приказъ послалъ напоминаніе о доимкѣ кн. Петру Александровичу Хилкову [8]). По новой грамотѣ отъ $^{11}/_{VIII}$ 149 г. Хилковъ собралъ еще 42 р. и послалъ ихъ $^{28}/_{IX}$ 150 г. Доимка этимъ еще не была исчерпана, и $^{13}/_{X}$ 150 г. Приказъ обратился съ новымъ напоминаніемъ о ней къ новому воеводѣ кн. Андр. Роман. Тюменскому [9]). Въ мартѣ 150 г. Приказъ шлетъ Тюменскому новое напоминаніе [10]). Въ октябрѣ 155 г. Приказъ посылаетъ напоминаніе о доимкѣ съ Я. уѣзда воеводѣ Степану Годунову. $^{11}/_{XI}$ 155 г. Годуновъ послалъ 54 р., собранныхъ подъячимъ Ильей Кирилловымъ. Противъ списка, присланнаго его предшественнику Вас. Бутурлину, Годуновъ не добралъ 350 р. Годуновъ писалъ: „для тѣхъ доимочныхъ денегъ въ уѣздъ послать не смѣю, потому что по твоему

---

[1]) 1638 № 49 л. 2.
[2]) Кн. по Нижн. Новгороду № 10 л. 421—425.
[3]) 1641 № 1 л. 4.
[4]) 1641 № 1 л. 6.
[5]) 1650 № 40 л. 38—41. Отдѣльный случай 1637 № 67 л. 152—161.
[6]) Кн. по Галичу № 6 л. 1—56.
[7]) 1638 № 24 л. 102—115.
[8]) 1639 № 35 л. 84—85.
[9]) 1641 № 1 л. 41—47.
[10]) 1641 № 52 л. 49.

г. указу сказана твоя г. служба всей землѣ". Онъ просилъ указаній у Приказа, Приказъ отвѣталъ требованіемъ собрать доимку незамедлительно. Къ $^{12}/_{IV}$ 155 г. Годуповъ прислалъ еще 34 р., а $^{27}/_{IV}$—23 р. съ полтиной [1]). $^{20}/_{III}$ 159 г. воеводѣ П. Г. Чрикову да дьяку Ив. Чистаго послано Приказомъ напомнпаніе о доимкѣ по уѣзду съ росписью доимщиковъ [2]). Къ $^{17}/_{X}$ 160 г. Чриковъ и Чистаго прислали еще 20 р. съ полтиной [3]).

[1]) 1643 № 42 л. 94—97.
[2]) 1651 № 107 л. 54—58.
[3]) 1643 № 42 л. 226. Отдѣльные случаи: 1637 № 67 л. 145—147, 227—229.

Таблица поступленія съ городовыхъ вдовъ и недорослей сбора на 146 г. [1]).

	Лицъ.	У нихъ дворовъ.	Окладъ на 146 г.	Очищеніе оклада на 146 г. въ 146—7 г.	% очищеннаго въ 146—7 гг. оклада на 146 г.	Поступленіе оклада 146 г. въ 148—161 гг.	Сложеніе [2]) 146—161 гг.
Алатырь и Цивильскъ	37	307½	3 д. и 247½ р.	160½ р.	52	—	59 р.
Алексинъ	24	112	1 д. и 92 р.	1 д. и 74 р.	83	—	5 р.
Арзамасъ	52	312	1 д. и 292 р.	162 р.	51	41 р. 30 ал.	49 р.
Балахна	4	47	47 р.	27 р.	57	—	20 р.
Боровскъ	13	59	59 р.	31 р.	52	5 р.	26 р.
Брянскъ	20	87	87 р.	2 р.	2	—	—
Вѣжецкій Верхъ . .	17	55	55 р.	31 р.	56	19 р.	7 р.
Бѣлгородъ	4	8	8 р.	8 р.	100	—	—
Бѣлевъ	20	64	64 р.	16 р.	25	19 р.	9 р.
Бѣлоозеро	44	365	3 д. и 305 р.	32 р.	8	27 р.	1 д и 23 р.
Владиміръ	34	286	2 д. и 246 р.	135 р.	47	106р.11ал.2д.	2 д. и 6 р.
Вологда	175	1293⅚	7д. и 1153⅚ р.	384р.27ал.5д.	29	528½ р.	1 д. и 50р.
Воротынскъ	5	28	28 р.	6 р.	21	—	—
Воронежъ	39	142¹¹/₁₂	142¹¹/₁₂ р.	118 р.	82	—	—
Вязьма	5	43	43 р.	—	—	—	7 р.
Галичъ	138	1064	13 д. и 804 р.	8 д. и 554 р.	67	230 р.	96 р.
Гороховецъ	2	5	5 р.	5 р.	100	—	—
Дмитровъ	9	35	35 р.	11 р.	31	11 р.	—
Елецъ	135	394⅓	394⅓ р.	—	—	—	43 р.
Звенигородъ	4	16	16 р.	1 р.	6	—	15 р.
Зубцовъ	2	3	3 р.	—	—	—	—
Казань	6	42	42 р.	16 р.	38	3 р.	—
Калуга	7	11	11 р.	10 р.	90	—	5 р.

[1]) Въ каждомъ случаѣ принимается въ расчетъ высшая сумма, показываемая отписками или книгами.

[2]) Сложеніе съ городовыхъ вдовъ и недорослей развивается въ огромномъ большинствѣ случаевъ вслѣдствіе перехода облагаемаго лица на службу или служебнаго представительства земли.

	Лицъ.	У нихъ дворовъ.	Окладъ на 146 г.	Очищеніе оклада на 146 г. въ 146—7 гг.	% очищеннаго въ 146—7 гг. оклада на 146 г.	Поступленіе оклада 146 г въ 148—161 гг.	Сложеніе 146—161 гг.
Карачевъ	17	40½	40½ р.	—	—	6 р.	—
Кашинъ	25	70	70 р.	53 р.	75	—	5 р.
Кашира	70	325⅔	1 д. и 305⅔ р.	197⅔ р.	60	112 р.	5 р.
Кинешма	8	111	2 д. и 71 р.	9 р.	8	28 р.	13 р.
Клинъ	1	6½	6½ р.	—	—	13 р. [1]	6½ р.
Козельскъ	10	52	52 р.	34 р.	65	21 р. [2]	24 р.
Коломна	38	248	3 д. и 188 р.	36 р.	14	28 р.	1 д. и 24 р.
Кострома	125	1121	15 д. и 821 р.	11 д. и 460 р.	60	245 р. 27 ал. 4 д.	1 д. и 119 р.
Крапивна см. Солова.	—	—	—	—	—	—	—
Курмышъ	18	273	7 д. и 133 р.	4 д. и 112 р.	70	—	1 д. и 35 р.
Курскъ	51	135	135 р.	52 р.	38	18 р.	12 р.
Лебедянь	3	29	1 д. и 9 р.	—	—	—	—
Ливны	21	37	37 р.	—	—	—	37 р. [3]
Лихвинъ	3	12	12 р.	—	—	—	5 р.
Луки Великіе	13	51	51 р.	42 р.	82	—	13 р.
Лухъ	—	71	1 д. и 51 р.	1 д. и 51 р.	100	44 р. [3]	—
Медынь	3	10	10 р.	7 р.	70	—	4 р.
Мещера	42	259	2 д. и 219 р.	2 д. и 89½ р.	50	—	14½ р.
Мещовскъ	18	84½	84½ р.	37 р.	43	—	25½ р.
Мосальскъ	1	4	4 р.	—	—	—	—
Муромъ	35	219⅓	2 д. и 179⅓ р.	1 д. и 145 р.	75	—	26 р.
Мценскъ	71	251½	2 д. и 211½ р.	57 р. 27 ал. 5 д.	22	—	11 р.
Новгородъ В.	68	168	168 р.	—	—	—	79 р.
Нижній Новгородъ .	97	594	5 д. и 494 р.	2 д. и 362 р	67	104 р.	1 д.

[1]) По дополнительному списку.
[2]) По дополнительному списку.
[3]) Вѣроятно, по дополнительному списку.

	Лицъ.	У нихъ дворовъ.	Окладъ на 146 г.	Очищеніе оклада на 146 г. въ 146—7 гг.	% очищеннаго въ 146—7 гг. оклада на 146 г.	Поступленіе оклада 146 г. въ 146—161 гг.	Сложеніе 146—161 гг.
Оболенскъ	5	14	14 р.	7 р.	50	—	2 р.
Одоевъ	10	21	21 р.	9 р.	42	13 р.	7 р.
Орелъ	4	8	8 р.	—	—	—	—
Осколъ	4	7½	7½ р.	—	—	—	—
Перемышль	4	7	7 р.	5 р.	71	—	—
Переяславль Залѣс.	21	61	61 р.	32 р.	52	—	12 р.
Переяславль Рязан.	130	573½	3 д. и 513½ р.	13 р.	2	118 р.	12 р.
Пошехонье	25	150	1 д. и 130 р.	—	—	—	11 р.
Псковъ	12	64	64 р.	62 р.	96	—	—
Путивль	13	45½	45½ р.	45½ р.	100	—	—
Ржева Володимірова.	10	29	29 р.	4 р.	13	7 р.	—
Ржева Пустая . . .	22	75	75 р.	2 р	2	—	11 р.
Романовъ	17	161	2 д. и 121 р.	75 р.	46	—	25 р.
Ростовъ В.	28	147	1 д. и 127 р.	90 р.	61	58 р.	18 р.
Руза	3	5	5 р.	—	—	—	—
Рыльскъ	27	127	127 р.	—	—	—	—
Ряжскъ	22	85	85 р.	37 р.	43	—	7 р.
Свіяжскъ	3	27	27 р.	—	—	—	—
Серпуховъ	—	—	—	—	—	31 р. 16 ал. 4 д.	—
Солова	35	127	2 д. и 87 р.	45 р.	35	10 р.	—
Старица	1	1	1 р.	—	—	—	—
Суздаль да Шуя . .	66	550½	7 д. и 410½ р.	4 д. и 400 р	87	—	1 д. и 18 р.
Таруса	10	19½	19½ р.	5½ р.	28	—	—
Тверь	8	21	21 р.	14 р.	66	4 р.	3 р.
Торжокъ	9	30	30 р.	22 р.	73	16 р.	2 р.
Торопецъ	17	115	2 д. и 75 р.	28 р.	24	—	2 д. и 34 р.
Тула	38	245⅓	3 д. и 185⅓ р.	131 р.	53	92 р.	13 р.
Угличъ	34	245½	4 д. и 165½ р.	1 д. и 125½ р.	59	—	8 р.

	Лицъ.	У нихъ дворовъ.	Окладъ на 146 г.	Очищеніе оклада на 146 г. въ 146—7 гг.	% очищеннаго въ 146—7 гг. оклада на 146 г.	Поступленіе оклада 146 г. въ 148—161 гг.	Сложеніе 146—161 гг.
Цивильскъ см. Алатырь	—	—	—	—	—	—	—
Чебоксары	1	12	12 р.	—	—	—	—
Чернь	—	—	—	—	—	2 р.	—
Шацкъ	—	—	—	100 р.	—	—	—
Шуя см. Суздаль . .	—	—	—	—	—	—	—
Юрьевъ Польскій . .	5	19	19 р.	48 р.[1])	100	—	—
Ярославецъ Малый .	5	17	17 р.	—	—	6 р. 22 ал. 2 д.	—
Ярославль	56	587 1/6	11 д. и 367 1/6 р.	7 д. и 272 1/6 р.	70	174 р.	49 р.
Итого . . .	2179	12551 1/12	107 д. и 10411 1/12 р.	42 д. и 5162 р. 1/3 д	47	2142 р. 24 ал. 4 д.	11 д. и 1110 1/2 р
						т. е. 17%	т. е. 10%

По этой таблицѣ можно прослѣдить судьбу 74% итога окладовъ на 146 г. О судьбѣ остальныхъ 26% сказать что-нибудь опредѣленное трудно.

[1]) Вѣроятно, по дополнительному списку.

Располагая поступленія съ городовыхъ вдовъ и недорослей на 146 г. въ 146 — 7 гг. въ порядкѣ возрастанія $^0/_0{}^0/_0$ расчета поступленій по отношенію къ окладамъ, получимъ слѣдующую схему.

	Поступленія оклада на 146 г. въ 146-7 гг. въ $^0/_0{}^0/_0$ уѣздныхъ окладовъ.	Среднее количество дворовъ на 1 лицо въ данномъ уѣздѣ.
Вязьма	0	8,6
Елецъ	0	2,9
Зубцовъ	0	1,5
Карачевъ	0	2,3
Клинъ	0	6,5
Лебедянь	0	9,6
Ливны	0	1,7
Лихвинъ	0	4
Мосальскъ	0	4
Новгородъ В	0	2,4
Орелъ	0	2
Оскольъ	0	1,8
Пошехонье	0	6
Руза	0	1,6
Рыльскъ	0	4,7
Свіяжскъ	0	9
Старица	0	1
Чебоксары	0	12
Ярославецъ Малый	0	3,4
Брянскъ	2	4,3
Переяславль Рязанскій	2	4.4
Ржева Пустая	2	3,4
Звенигородъ	6	4
Кинешма	8	13,8
Бѣлоозеро	8	8,2
Ржева Володимірова	13	2,9
Коломна	14	6,5
Воротынскъ	21	5,6
Мценскъ	22	3,5
Торопецъ	24	6,7
Бѣлевъ	25	3,2
Таруса	28	1.9
Вологда	29	7,3
Дмитровъ	31	3,8
Солова	35	3,6
Казань	38	7
Курскъ	38	2,6
Одоевъ	42	2,1
Ряжскъ	43	3,8

	Поступленія оклада на 146 г. въ 146-7 гг. въ %% уѣздныхъ окладовъ.	Среднее количество дворовъ на 1 лицо въ данномъ уѣздѣ.
Мещовскъ	43	4,6
Романовъ	46	9,4
Владиміръ	47	8,4
Мещера	50	6,1
Оболенскъ	50	2,8
Арзамасъ	51	6
Алатырь и Цивильскъ	52	8,3
Боровскъ	52	4,5
Переяславль Залѣсскій	52	2,9
Тула	53	6,4
Бѣжецкій Верхъ	56	3,2
Балахна	57	11,7
Угличъ	59	7 2
Кашира	60	4,6
Кострома	60	8,9
Ростовъ В.	61	5,2
Козельскъ	65	5,2
Тверь	66	2.6
Галичъ	67	7,7
Нижній Новгородъ	67	6,1
Курмышъ	70	15,1
Медынь	70	3,3
Ярославль	70	10,4
Перемышль	71	1,7
Торжокъ	73	3.3
Кашинъ	75	2,8
Муромъ	75	6,2
Воронежъ	82	3,6
Луки Великіе	82	3,9
Алексинъ	83	4,6
Суздаль и Шуя	87	8,3
Калуга	90	1,5
Псковъ	96	5,3
Бѣлгородъ	100	2
Гороховецъ	100	2,5
Лухъ	100	?
Путивль	100	3,5
Юрьевъ Польскій	100	3,8

Размѣръ поступленій зависѣлъ, слѣдовательно, (помимо исправности списковъ и административнаго усердія) отъ количества дворовъ, приходившихся въ среднемъ на 1 лицо въ данномъ уѣздѣ. Соображая ходъ погашенія окладовъ со среднимъ количествомъ дворовъ на 1 лицо, видимъ, что въ группѣ 44 уѣздовъ, въ 146—7 гг. не погасившихъ ничего изъ своихъ окладовъ или погасившихъ не болѣе 50%, въ 28 уѣздахъ было менѣе 5 дворовъ на 1 лицо, въ 14 уѣздахъ — отъ 5 до 10 дворовъ и только въ 2 уѣздахъ — болѣе 10 дворовъ. Между тѣмъ, въ группѣ 32 [1]) уѣздовъ, погасившихъ болѣе 50% своихъ окладовъ, менѣе 5 дворовъ на 1 лицо приходилось въ 17 уѣздахъ, отъ 5 до 10 дворовъ — въ 12 уѣздахъ и болѣе 10 — въ 3 уѣздахъ. Итогъ вдовъ и недорослей, подлежавшихъ обложенію въ 44 уѣздахъ, не уплатившихъ ничего или уплатившихъ не болѣе 50%, равнялся 1152 человѣкамъ, у которыхъ было $5617^{2}/_{3}$ двора, такъ что въ среднемъ на 1 лицо приходилось по 4,8 двора. Въ 32 уѣздахъ, погасившихъ болѣе 50% своихъ окладовъ, итогъ лицъ равнялся 1027, а дворовъ у нихъ было $6862^{5}/_{12}$, такъ что на 1 лицо приходилось по 6,6 двора. Другими словами, для того, чтобы уѣздные вдовы и недоросли могли покрыть болѣе половины своихъ окладовъ, нужно было обезпеченіе нѣсколько выше обычнаго, которое мы высчитали въ 5,6 двора, т.-е. чтобы осилить болѣе полтины оклада экстреннаго сбора, падавшаго на 1 крестьянскій дворъ, надо было имѣть въ резервѣ *шестой* дворъ.

---

[1]) Лухъ исключаемъ, такъ какъ среднее количество дворовъ на 1 лицо по этому уѣзду неизвѣстно.

10. Заключенія Приказа относительно сбора со служилыхъ людей.

Встрѣтивъ въ служилой средѣ довольно косное отношеніе къ сбору, сопровождавшееся изъявленіями неудовольствія и даже активными протестами, Приказъ с. р. л. сначала пытался проявить нѣкоторое устрашающее воздѣйствіе на непокорныхъ плательщиковъ. 4/v 147 г. думный дьякъ И. Гавреневъ сообщилъ Приказу с. р. л. слѣдующій государевъ указъ: „Которые люди въ прошломъ во 146-мъ году на государеву службу даточныхъ людей ослушаньемъ не дали, и на тѣхъ ослушникѣхъ указалъ государь взяти за даточныхъ людей и за перехожіе дворы деньги вдвое. А которые люди даточныхъ людей на указной срокъ не прислали, а прислали даточныхъ людей въ іюлѣ и въ августѣ (146 года), и на тѣхъ нынѣ даточныхъ людей и за перехожіе дворы деньги указалъ государь взять вполтора“ [1]). Служилые люди реагировали на попытку оштрафовать ихъ коллективными челобитьями о томъ, чтобы имъ зачтены были даточные, хотя и опоздавшіе явиться въ Приказъ с. р. л. въ назначенный срокъ, но все же прибывшіе въ Москву не позднѣе конца лѣта 146 года. Вслѣдъ за этими челобитьями послѣдовали и ходатайства о полномъ сложеніи штрафныхъ суммъ.

Параллельно съ оштрафованіемъ Приказъ проводитъ и противорѣчащія этому теченію мѣры, направленныя на смягченіе налога. Выше были приведены случаи сложенія сбора съ уѣздныхъ служилыхъ людей, проведеннаго во имя службы при довольно широкомъ толкованіи исходнаго принципа, положеннаго въ основу программы Приказа—„хотя день одинъ служитъ“, „хотя одинъ человѣкъ служитъ“, „хотя одинъ человѣкъ хотя одинъ день служитъ“—по отношенію къ цѣлой служилой семьѣ, одинъ изъ представителей которой былъ поверстанъ на службу. Эти

[1]). М. А. М. Д. № 41686.

частичныя смягченія завершаются общимъ полнымъ сложеніемъ сбора сначала со всѣхъ тѣхъ, кто владѣлъ не болѣе, чѣмъ 10 дворами, а потомъ страннымъ вычетомъ 10 рублей изъ платежа и тѣхъ лицъ, кто владѣлъ болѣе, чѣмъ 10 дворами [1]).

Мы видѣли выше, къ какому огромному пониженію налога приводило принятіе этой нормы даже безъ послѣдняго распространительнаго толкованія ея.

Лишь при такомъ пониженіи окладовъ можно считать сборы на 146—7 гг. болѣе или менѣе ликвидированными для плательщиковъ по спискамъ думныхъ и московскихъ чиновъ къ 161 году, учитывая и параллельно развивавшіеся случаи индивидуальныхъ сложеній,—если мы вправѣ распространить наблюденіе, сдѣланное надъ двумя группами московскаго списка на всю совокупность московскихъ служилыхъ людей. Что касается до городовыхъ списковъ, то это пониженіе окладовъ давало едва едва возможность свести концы съ концами по доимкѣ одного только сбора на 146-й годъ. Нерѣшительность намековъ на сборъ 147 года съ городовыхъ вдовъ и недорослей заставляетъ думать, что сборъ этотъ нигдѣ въ уѣздахъ серьезно и не предпринимался.

Корректированная и смягченная уступками схема сбора 146 г. была перенесена въ проектъ сбора на 149 г., порученнаго Большому приходу и совершенно обходившаго мелкопомѣстный служилый людъ [2]): въ сборѣ на 149 г. острѣе и тверже опредѣлились тѣ черты соціальной постановки этихъ экстренныхъ сборовъ, которыя обозначались, какъ въ самой основной идеѣ ихъ, такъ и въ ихъ практическомъ развитіи и интерпретаціи въ 146—8 гг. Перестраивая на ходу въ 146—8гг. положенную въ основу схему расчета, Приказъ с. р. л. перестраивалъ ее не въ случайномъ направленіи и только развивалъ своими поправками основную идею этихъ сборовъ.

Ходъ взиманія сбора со служилыхъ людей достаточно осязательно показалъ Приказу с. р. л., что требованіе этого размѣра

---

[1]) 10-дворная норма, какъ граница мелкопомѣстныхъ владѣній въ ходу со времени указовъ царя Бориса о крестьянскомъ вывозѣ.

[2]) Любопытная переписка по этому поводу происходила въ іюлѣ 149 г. между Большимъ приходомъ и Приказомъ с. р. л. Приказъ с. р. л. отрекся отъ примѣнявшагося имъ распространительнаго толкованія льготъ, утверждая, что 10 р. съ тѣхъ, кто владѣлъ болѣе, чѣмъ 10 дворами, онъ не сбрасывалъ. 1641 № 21 л. 5—8.

совершенно непосильно для рядовой служилой массы [1]), и что дальнѣйшіе опыты обложенія служилыхъ людей въ такомъ же по крайней мѣрѣ масштабѣ очевидно были обречены на неудачу—отсюда вытекалъ выводъ, что правительству, если бы ему опять понадобились средства на новыя экстренныя надобности, надо было искать другихъ источниковъ. Глухое ворчаніе нѣкоторыхъ челобитій встрѣчало много отзвуковъ въ служилой средѣ: мотивы эти весьма выразительно повторены на Азовскомъ соборѣ, при чемъ подъ однимъ изъ боевыхъ заявленій, сдѣланныхъ на этомъ соборѣ, стоитъ подпись того самаго Ивана Тарбѣева, который подалъ и цитированное выше челобитье въ Приказъ с. р. л. Это—знакомый мотивъ, звучавшій еще въ произведеніяхъ И. Пересвѣтова—обида боевого служилаго человѣка на своего привиллегированнаго собрата, ютящагося около царскаго дворца, мотивъ, повторяющійся у насъ въ XVI и XVII вв. много разъ. Правительство при назначеніи новыхъ экстренныхъ налоговъ не могло не сдѣлать вывода, что если съ рублевой ставкой на крестьянскій дворъ служилые люди справились только въ теченіе 10—15 лѣтъ, то для разумнаго годового расчета она должна была быть соотвѣтственно понижена. Для правительства не могло также не быть ясно, что напрягать далѣе обложеніе служилыхъ людей даже московскаго списка, вызывая все большее раздраженіе въ ихъ средѣ, было не совсѣмъ благоразумно, и что лучше было свернуть съ этого пути.

---

[1]) До насъ долетѣло нѣсколько жалобъ на тяжесть этихъ соборовъ, высказанныхъ помимо Приказа с. р. л. Такъ, въ іюлѣ 146 г. на тяжесть сбора жаловался въ своемъ челобитьѣ, поданномъ въ Сибирскій приказъ кн. С. И. Шаховской (А. М. Ю., Сиб. пр. № 73 л. 555 - 6). Другая жалоба принадлежитъ кн. М. Темкину (А. М. Ю., Сиб. пр. № 80 л. 70).

Списокъ лицъ, по челобитьямъ которыхъ производились дѣла, упоминаемыя въ главѣ III-ей.

Абашовъ Поспикъ Вопновъ, торопчанинъ, 1641 № 21 л. 15. Азеренской Богданъ, смольнянинъ, 1639 № 66 л. 199. Айгустовъ Иванъ Андреевъ да Плещеевъ Остафій 1641 № 75 л. 208. Акинфова Прокофьица (?), вдова, 1638 № 4 л. 125. Акинфовъ, Левъ, 1638 № 1 л. 481. Аксенова Авдотья, вдова, 1639 № 64 л. 60. Алалыкинъ Михаилъ Ивановъ, костромской губной староста, 1641 № 75 л. 295. Алексѣевъ Назаръ, жилецъ, 1638 № 8 л. 97—100. Алябьевъ Григорій 1638 № 1 л. 1; № 56 л. 210. Алябьевъ Петръ 1638 № 47 л. 75—86. Ананьины Владиміръ, Семенъ, Прохоръ, арзамасцы, 1640 № 55 л. 419. Анненковъ Иванъ, Алатырь 1653 № 6 л. 73. Аникиовъ Андреянъ 1641 № 75 л. 246. Аникиовъ Никита 1638 № 19 л. 45. Аникиовы Дмитрій и Степанъ 1639 № 29 л. 15. Апухтинъ Иванъ Азѣевъ 1642 № 87 л. 1—6. Апухтинъ Иванъ Казариновъ 1638 № 1 л. 462. Арасланов Сентъ Бурханъ, касимовскій царевичъ, 1638 № 1 л. 553; 1638 № 65 л. 48—51. Арбузовъ Иванъ 1638 № 56 л. 642; 1642 № 48 л. 2. Арсеньевъ Ѳедоръ да Неплюевъ Протасъ 1639 № 68 л. 83. Астафьевъ Дороѳей да Извольскій Семенъ да Фустовъ Иванъ 1638 № 56 л. 441. Кн. Ахамашуковъ-Черкасскій Василій Петровичъ 1638 № 56 л. 83; № 65 л. 26 — 32. Ахматова, смольнянка, А. Ю. Моск. ст. № 194 л. 73. Аѳанасьевъ Романъ 1638 № 47 л. 62.

Бабичевъ Петръ 1638 № 1 л. 293. Бабкинъ Левъ Васильевъ, жилецъ, 1640 № 55 л. 127. Байкуловъ Игнатій Михайловъ, рязанецъ, 1640 № 76 л. 63—67. Баклановскіе Игнатій и Юрій Яковлевы, кашинцы, 1641 № 75 л. 184; 1653 № 6 л. 50. Балакиревъ Иванъ Андреевъ, владимірецъ, 1639 № 66 л. 190. Баландинъ Левъ, сотникъ моск. стрѣльц., 1639 № 29 л. 47. Баранова Авдотья, вдова, постельница царицы Евд. Лукьян., 1641 № 75 л. 74. Барановъ Матвѣй, царицынъ сынъ бояр., 1638 № 8 л. 61—63. Бартеневъ Борисъ 1638 № 1 л. 237, 512. Бартеневъ Кузьма Григорьевъ, галичанинъ, 1637 № 67 л. 12. Бартеневъ Петръ Тимоѳеевъ 1638 № 19 л. 196. Кн. Барятинскіе Андрей, Иванъ и Семенъ 1644 № 42 л. 1 и 2—16. Кн. Барятинскіе Григорій да Семенъ 1638 № 56 л. 90. Кн. Барятинскіе Иванъ да Дмитрій Михайловы 1642 № 32 л. 1. Кн. Барятинскій Петръ 1638 № 1 л. 116. Кн. Барятинскій Семенъ 1638 № 47 л. 169, 184; № 56 л. 90. Кн. Барятинскіе Юрій да Ѳедоръ Ивановы 1638 № 4 л. 193. Кн. Барятинскій Ѳаддей Михайловъ 1638 № 1 л. 271. Кн. Барятинскіе Ѳедоръ и Юрій Никитины 1638 № 4 л. 193. Кн. Барятинскій Ѳедоръ Якимовъ 1638 № 1 л. 53. Баскаковъ Михаилъ да Головленковъ Иванъ, головы моск. стрѣльц., 1638 № 56 л. 242. Баскаковъ Евдокимъ 1638 № 1 л. 420. Башмаковъ Григорій Даниловъ 1638 № 56 л. 560. Башмаковъ Лука 1638 № 19 л. 156. Башмаковы Григорій и Яковъ 1638 № 19 л. 104; 1639 № 90 л. 159. Безобразовъ Андрей, дв. м., 1629 № 38 л. 33. Безобразовъ Василій

[1]) Указываются, какъ правило, только начальные листы дѣлъ. Всѣ ссылки, кромѣ особо отмѣченныхъ, относятся къ П. Д. С. Л. М. Г. А. М. И. Д.

1638 № 56 л. 482. Безобразовъ Илья Кузьминъ 1638 № 1 л. 140. Беклемишевъ Василій, жилецъ, 1638 № 8 л. 84—85. Беклемишевъ Кириллъ 1638 № 1 л. 305. Беклемишевъ Ѳедоръ Ильинъ 1642 № 48 л. 7. Беклемишевы Ѳедоръ и Осипъ Корниловы 1653 № 6 л. 49. Бердяевъ, смольнянинъ, А. Ю. Моск. ст. № 194 л. 124. Березинъ Иванъ Петровъ да Березниковъ Иванъ, галичане, 1641 № 75 л. 86; № 90 л. 102. Бестужевъ Александръ да Степанъ, свіяжане, 1640 № 55 л. 330, дѣл. л. 330—337. Бестужевъ Иванъ 1638 № 4 л. 227. Бестужевъ Никита 1638 № 19 л. 110. Бестужевъ Обронька 1638 № 4 л. 230. Бестужевъ Яковъ Васильевъ 1638 № 56 л. 576. Бестужевъ Оедоръ Ильинъ 1638 № 19 л. 147. Бетюкова, вдова, А. Ю. Моск. ст. № 194 л. 312. Бибиковъ Василій Семеновъ, дорогобуженинъ, 1640 № 55 л. 26. Бибиковъ Гаврила Яковлевъ, сотникъ моск. стрѣльцовъ, 1638 № 47 л. 66. Биркинъ Иванъ 1638 № 56 л. 694. Биркинъ Самойла 1638 № 56 л. 698. Битяговскій Ѳедоръ Никифоровъ 1638 № 1 л. 287. Блохинъ Иванъ 1638 № 4 л. 61. Боборыкинъ Никита 1639 № 90 л. 99. Боборыкинъ Павелъ 1641 № 75 л. 194. Богатищовы Артемій и Евстафій Моисеевы, орляне, недоросли, 1640 № 56 л. 43. Боевъ Ларіонъ, лебедянецъ с. бояр.. 1640 № 55 л. 54. Болотенинъ Михаилъ, угличанинъ, А. Ю. Моск. ст. № 194 л. 139. Болтинъ Аверкій 1638 № 19 л. 39. Болтинъ Баимъ 1638 № 1 л. 313. Кн. Болховской Василій Михайловъ 1638 № 56 л. 174, 178. Борецкій Андрей Ивановъ, стольникъ, 1639 № 90 л. 168. Борзенковъ Игнатій Кунаевъ, мещанинъ, 1640 № 55 л. 181. Борисовъ Тимоѳей Григорьевъ, Н. Новгородъ, 1652 № 117 л. 14, 20. Борняковъ Григорій 1638 № 1 л. 226. Борняковъ Никита, жилецъ, 1638 № 8 л. 64—70, 71. Бородатой Власъ Ивановъ, мещанинъ, 1640 № 56 л. 12. Борыковъ Иванъ Михайловъ, жилецъ, 1638 № 47 л. 135—137. Бошинъ Іевъ, карачевецъ, 1640 № 55 л. 95, 97. Боящевъ Ѳедоръ 1638 № 1 л. 72. Бредневъ Романъ Гавриловъ 1637 № 67 л. 1. Кн. Буйносовъ-Ростовскій Иванъ 1638 № 1 л. 39, 339. Кн. Буйносовъ-Ростовскій Юрій Петровъ, стольникъ, 1639 № 90 л. 71. Буконтова Анна, вдова, иноземка, Андреева жена, 1639 № 18 л. 23; 1643 № 3 л. 507; 1644 № 3 л. 5—7. Булыгинъ Романъ 1638 № 4 л. 52. Бунакова Марѳа, старица Поводѣв. мон., 1638 № 4 л. 169. Бунаковы, смольнянс А. Ю. Моск. ст. № 194 л. 215. Буninъ Романъ, жилецъ, 1638 № 19 л. 165. Бутаковъ Иванъ Михайловъ, костромитинъ, 1640 № 55 л. 21. Бутурлина Аграфена, вдова, да княгиня Авдотья Тюфякина 1638 № 4 л. 67. Бутурлина Анна, вдова, 1638 № 1 л. 459; № 4 л. 84. Бутурлина Анна, вдова, да Иванъ Матюшкинъ да Аѳанасій Кокошиловъ 1638 № 56 л. 72—79, 83. Бутурлинъ Андрей 1639 № 90 л. 102. Бутурлинъ Иванъ 1629 № 38 л. 76. Бутурлинъ Михаилъ 1638 № 1 л. 98. Бутурлинъ Степанъ Васильевъ 1641 № 75 л. 229. Бутурлинъ Юрій Ѳедоровъ 1639 № 90 л. 105. Бутурлинъ Ѳедоръ Васильевъ 1642 № 48 л. 5. Бухарова Василиса, вдова, 1641 № 21 л. 204. Быковъ Юрій 1638 № 56 л. 527. Быковъ Яковъ 1638 № 19 л. 188. Бѣгичевъ Иванъ Алферьевъ 1638 № 19 л. 93. Бѣгичевъ Иванъ, стрѣлец. голова, 1629 № 38 л. 35; 1638 № 56 л. 347. Бѣгичевъ Иванъ Ивановъ 1639 № 90 л. 166. Бѣгичевы Никита Ильинъ да Романъ Аѳанасьевъ 1638 № 47 л. 62—65; 1639 № 18 л. 20. Бѣглецовъ Никита 1638 № 1 л. 317; № 56 л. 271. Бѣдова Домна, вдова, 1639 № 64 л. 1—3. Бѣленцова Аѳимья, вдова, воротынка, 1640 № 56 л. 93. Бѣликовы Василій Богдановъ и Евдокимъ, недоросли, 1645 № 64 л. 1—3. Бѣлкинъ Григорій 1638 № 19 л. 9. Кн. Бѣлосельскій Никифоръ 1638 № 1 л. 475. Бѣльскій Григорій 1639 № 68 л. 96. Бѣльскій Иванъ 1638 № 4 л. 43, 72 Кн. Бѣльскій Ѳедоръ Самойловъ 1637 № 67 л. 10. Бѣшенцевъ Далматъ Семеновъ 1638 № 19 л. 122. Бѣшенцовъ Кириллъ Степановъ 1638 № 1 л. 181; № 56 л. 590.

Кн. Вадбольскій Михаилъ Матвѣевъ 1638 № 1 л. 178. Кн. Вапбальскій [1]) Иванъ Тимоѳеевъ 1638 № 4 л. 15. Васковъ Максимъ Борисовъ, ярославецъ, 1639 № 64 л. 49—54. Вельяшевъ Ѳедоръ 1640 № 56 л. 111. Вельяминова Марья, вдова, 1638 № 4 л. 36. Вельяминовы Алексѣй и Михаилъ Петровы 1638 № 4 л. 141.

[1]) Вадбольскій.

Вельяминовъ Андрей Степановъ 1639 № 65 л. 87. Вельяминовъ Иванъ Алексѣевъ, Кашира, 1653 № 6 л. 40. Вельяминовъ Миронъ Андреевъ 1638 № 1 л. 500; № 56 л. 12 — 15. Вельяминовъ Никита Дмитріевичъ, окольничій, 1638 № 65 л. 33—34. Вельяминовъ Семенъ Степановъ 1638 № 56 л. 178. Вельяминовъ Степанъ Михайловъ 1639 № 65 л. 88. Вельяминовъ Оедоръ Константиновъ 1638 № 4 л. 199. Вердеревскіе Григорій, Петръ и Иванъ Ивановы 1638 № 1 л. 545. Виденьева Аксинья да недоросль Аѳанасій Виденьевъ 1640 № 78 л. 23—29 Викентьева Марья, вдова, смольнянка, 1639 № 64 л. 91—95. Витовтовъ Яковъ Тимоѳеевъ 1638 № 4 л. 160. Владыкинъ Сергѣй, владимірецъ, 1641 № 21 л. 157. Внуковъ Петръ Михайловъ, Переяславль Залѣсскій, 1638 № 19 л. 174. Воейкова Варвара, вдова, 1638 № 4 л. 91. Воейкова Ульяна 1640 № 55 л. 111, 120. Воейковъ Богданъ 1638 № 1 л. 218. Воейковъ Дмитрій Обопмовъ 1638 № 1 л. 483. Воейковъ Михаилъ Петровъ, Бѣлевъ, 1653 № 6 л. 28. Воейковъ Никита Савиновъ 1638 № 19 л. 50. Воейковы Иванъ и Никифоръ Прокофьевы 1640 № 46 л. 1. Волковы Борисъ и Петръ Васильевы 1638 № 47 л. 47. Волковъ Василій 1638 № 4 л. 108. Волковъ Данила Ивановъ, низоземецъ, вологодск. помѣщ., 1640 № 56 л. 74. Волковъ Данила Ивановъ, вологодск. помѣщ. недоросль, 1640 № 56 л. 75. Кн. Волконскій Григорій, дв. м., 1629 № 38 л. 75. Кн. Волконскій Иванъ Ѳедоровичъ 1638 № 1 л. 10; 1639 № 90 л. 122. Кн. Волконскій Левъ Ѳедоровъ 1638 № 56 л. 51. Кн. Волконскій Степанъ, Кашира, 1653 № 6 л. 77. Кн. Волконскій Оедоръ 1638 № 56 л. 152. Волоховъ Андрей 1638 № 19 л. 67. Волоцкій Иванъ Посниковъ, вологжанинъ, 1640 № 56 л. 35. Волоцкій Николай Михайловъ, вологжанинъ, А. Ю. Моск. ст. № 194 л. 380. Волошенниновъ Михаилъ, подъяч. Посольск. пр., 1641 № 75 л. 151. Волуевъ Андрей, лебедянецъ с. бояр., 1640 № 55 л. 54. Волынская Аксинья съ сыномъ Иваномъ 1638 № 4 л. 48. Волынская Матрена Васильева, вдова, 1639 № 42 л. 17—20. Волынскій Андрей 1639 № 68 л. 161. Волынскій Иванъ Ивановъ 1638 № 1 л. 130. Волынскій Моисей, дв. м., 1629 № 38 л. 11. Волынскій Петръ 1639 № 68 л. 68. Волынскій Семенъ 1638 № 1 л. 137. Волынскій Семенъ и др. 1638 № 1 л. 336. Волынскій Яковъ Семеновъ 1638 № 4 л. 13. Воронинъ Климъ, сурначей, 1640 № 56 л. 69—70. Воронины Максимъ и Петръ Яковлевы, Ряжскъ, 1653 № 6 л. 65. Вороновъ Степанъ Богумиловъ, костромитинъ, 1640 № 78 л. 54. Воронцовъ-Вельяминовъ Алексѣй 1638 № 1 л. 374. Воронцовъ-Вельяминовъ Василій 1638 № 1 л. 351. Врасскій Прокофій Ивановъ 1638 № 47 л. 1—4. Всеволожскіе Астродамъ да Рафаилъ 1641 № 75 л. 105. Всеволожскій Рафаилъ 1641 № 75 л. 67, 253. Выповскій Иванъ 1638 № 1 л. 12. Высуцкій Василій 1638 № 1 л. 507. Вышеславцовъ Богданъ 1638 № 1 л. 311. Вѣковъ Аѳанасій 1638 № 1 л. 265. Виревскій Никифоръ 1638 № 1 л. 276. Кн. Вяземская Антонида 1641 № 75 л. 60. Кн. Вяземскій Борисъ Григорьевъ 1642 № 48 л. 6. Кн. Вяземскій Василій Григорьевъ 1638 № 19 л. 210. Кн. Вяземскій Иванъ Аѳанасьевъ 1638 № 8 . 112—114. Кн. Вяземскій Иванъ Никитинъ 1638 № 4 л. 179.

Кн. Гагаринъ Данила 1641 № 75 л. 274. Кн. Гагаринъ Иванъ Ивановъ 1638 № 19 л. 135. Кн. Гагаринъ Михаилъ Семеновъ 1638 № 1 л. 408. Кн. Гагаринъ Никита Никитинъ 1638 № 56 л. 52—56. Гагинъ Давыдъ Аѳанасьевъ, рязанецъ, 1639 № 64 л. 32—36. Гафидовъ Осипъ Алексѣевъ, мещеринъ, 1640 № 55 л. 493. Глѣбовъ Андрей 1641 № 21 л. 59, 64. Глѣбовъ Иванъ Моисеевъ, Пошехонье, 1653 № 6 л. 61, 63. Глѣбовъ Матвѣй Богдановъ 1639 № 90 л. 129, 130. Глѣбовъ Петръ, смольнянинъ, А. Ю. Моск. ст. № 194 л. 232. Глѣбовъ Семенъ 1638 № 56 л. 211. Глѣбовы Данилъ Моисеевъ да Степанъ 1638 № 1 л 298. Глядковъ Давыдъ Лазаревъ, нижегородецъ, 1640 № 78 л. 1—2, 3. Годуновъ Алексѣй да Звенигородскій Юрій 1639 № 90 л. 79. Годуновъ Иванъ Ивановъ 1638 № 1 л. 580. Годуновъ Ѳедоръ Ивановъ 1639 № 90 л. 171. Голенищевъ Исакъ Ивановъ 1640 № 56 л. 116. Голенищевъ-Кутузовъ Ѳедоръ 1638 № 56 л. 149; № 19 л. 145. Кн. Голицына Ульяна 1638 № 4 л. 176. Голиковъ Михаилъ Кирилловъ, руженинъ, 1640 № 55 л. 207. Кн. Голицынъ Андрей Андрее-

вичъ 1638 № 65 л. 1—7. Кн. Голицынъ Иванъ съ племянниками: Василіемъ, Алексѣемъ Иваномъ и Михаиломъ 1639 № 90 л. 50. Кн. Голицынъ Иванъ 1639 № 66 л. 218. Головачевъ Иванъ да Меньшой 1638 № 56 л. 406. Головачевъ Оедоръ 1638 № 19 л. 129. Головина Настасья, вдова, 1639 № 68 л. 65. Головинъ Иванъ Никитинъ 1639 № 65 л. 45. Головинъ Петръ 1639 № 90 л. 81. Головленковъ Иванъ, голова моск. стрѣльцовъ, 1638 № 56 л. 272. Головленковъ Иванъ да Баскаковъ Михайлъ, головы моск. стрѣльцовъ, 1638 № 56 л. 272. Головцынъ Селиверстъ Тимоѳеевъ, костромитинъ, 1641 № 75 л. 308. Горихвостовъ Оедоръ 1638 № 19 л. 162. Городчиковъ, Суздаль, А. Ю. Моск. ст. № 194 л. 127. Кн. Горчаковъ Василій Дмитріевъ 1638 № 19 л. 171. Кн. Горчаковъ Василій 1639 № 29 л. 1. Кн. Горчаковъ Дмитрій съ сыномъ Василіемъ 1639 № 90 л. 178. Горяиновъ Иванъ Васильевъ 1638 № 1 л. 145. Готовцовъ Василій Дмитріевъ 1642 № 48 л. 17. Гоцкой Семенъ 1638 № 47 л. 62—65; 1639 № 18 л. 20. Гоцкой Семенъ да Романъ и Никита Бѣгичевы 1638 № 47 л. 62—65; № 18 л. 20. Гоцкой Степанъ, Мещовскъ, 1652 № 117 л. 71. Граевской Станиславъ Александровъ, во крещеніи Петръ, 1638 № 1 л. 67. Грамотинъ Иванъ Тарасьевичъ, печатникъ, 1638 № 65 л. 41—44. Грековъ Иванъ Андреевъ, сытникъ, 1640 № 56 л. 132. Грековъ Петръ, сытникъ, 1640 № 56 л. 130. Грибоѣдовъ Ѳедоръ Михайловъ, вязмитинъ, 1639 № 66 л. 208. Григоровъ Иванъ Ивановъ, рязанецъ, 1640 № 55 л. 228. Григорьевъ Никита Емельяновичъ 1638 № 47 л. 57—61. Гробовскій Петръ Ивановъ, иноземецъ, 1640 № 55 л. 145. Гронской Иванъ Астафьевъ, вологодскій помѣщикъ, 1640 № 55 л. 362. Грязной Иванъ Осиповъ да Ѳедоръ 1640 № 56 л. 176—177. Губинъ Матвѣй Григорьевъ, каширенинъ, 1641 № 75 л. 257, 258. Кн. Гундурова Агафья 1652 № 117 л. 36. Гурьевъ Аѳанасій Михайловъ дв. м. 1629 № 38 л. 5.

Давыдова Анна, вдова лѣкаря Аптекарск. пр., 1640 № 56 л. 171. Давыдовъ Андрей 1644 № 11 л. 16—25. Даниловъ Прохоръ 1629 № 38 л. 7; 1638 № 1 л. 291. 307. Дашковъ Аѳанасій 1642 № 48 л. 14. Кн. Дашковъ Иванъ Андреевъ 1639 № 65 л. 16; № 66 л. 183. Дашковъ Яковъ 1638 № 1 л. 404, 464. Дашковъ Яковъ 1638 № 1 л. 464. Деглинъ Ермолай Васильевъ, костромитинъ, 1640, № 55 л. 369. Демьяновъ Иванъ 1641 № 21 л. 12—14. Денисовъ Степанъ, лебедянецъ, сынъ бояр., 1640 № 55 л. 54. Денисьевъ Аношка Артемьевъ да Денисьевъ Ларка 1640 № 56 л. 61. Долгой Иванъ Ларіоновъ, вологодск. помѣщикъ, бѣлозерецъ, 1641 № 21 л. 230, 236. Долгой-Сабуровъ Иванъ Богдановъ 1641 № 75 л. 78. Кн. Долгорукова Авдотья, Арзамасъ, 1653 № 6 л. 47. Кн. Долгорукой Богданъ 1638 № 1 л. 184. Кн. Долгорукой Иванъ 1638 № 19 л. 52. Кн. Долгорукой Юрій 1640 № 56 л. 51—52. Доможировъ Иванъ, дв. м., 1629 № 38 л. 16. Кн. Друцкая, Арина, вдова, 1640 № 55 л. 423. Дубровской Богданъ 1638 № 1 л. 260. Дубровской Яковъ 1638 № 1 л. 562. Дурной Герасимъ да Ѳедоръ Унковскій 1638 № 47 л. 87. Дурной Герасимъ 1638 № 56 л. 501—502. Дурновъ Михайлъ Меньшой, дв. м., 1629 № 38 л. 44; 1638 № 1 л. 302. Дурновъ Савинко 1638 № 19 л. 42. Дурной Селиверстъ Ивановъ 1638 № 1 л. 204. Дурной Ѳедоръ Ѳедоровъ 1638 № 1 л. 371. Дурной Трофимъ Левонтьевъ 1640 № 56 л. 150. Дуровъ Александръ, дьякъ, 1638 № 47 л. 106. Діевъ Андрей 1639 № 90 л. 95. Дѣвкинъ Аѳанасій, бѣлозерскій помѣщикъ, 1639 № 66 л. 180; 1640 № 55 л. 435.

Евсевьевъ Емельянъ 1638 № 4 л. 27. Егановъ Тихонъ, сотникъ московск. стрѣльцовъ, 1639 № 68 л. 1—2. Елагинъ Данило 1638 № 19 л. 153, 193. Кн. Елецкая Ирина 1639 № 68 л. 53. Кн. Елецкій Никита Васильевъ 1637 № 67 л. 29; 1640 № 56 л. 127. Елизаровъ Евграфъ Семеновъ 1638 № 1 л. 230. Елизаровъ Елизаръ Даниловъ 1638 № 8 л. 41—43. Елизаровъ Осипъ 1638 № 19 л. 87. Елизаровъ Петръ Ивановъ, галичанинъ, 1640 № 78 л. 34—36. Елизаровъ Прокофій Кузьминъ, дв. м., 1629 № 38 л. 1. Елизаровъ Евграфъ, дв. м., 1629 № 38 л. 4. Елизаровъ Ѳедоръ Кузьминъ 1641 № 75 л. 83. Елмаметевъ Атекѣйко Игнатьевъ, вологжанинъ, 1640 № 76 л. 38. Ендогуровъ, смольнянинъ, А. Ю. Моск. ст. № 194 л. 203. Ергомскій

Алексѣй Ивановъ 1642 № 48 л. 16. Еремѣева Екатерина Иванова, вдова, 1638 № 47 л. 144—150. Еремѣевъ Савва, лебедянецъ, с. бояр., 1640 № 55 л. 54. Ермоловъ Романъ 1638 № 1 л. 353. Еропкинъ Михаилъ 1638 № 1 л. 149. Еропкинъ Петръ 1639 № 68 л. 185. Еропкинъ Ѳедоръ 1638 № 19 л. 62. Есиповъ Василій Дмитріевъ 1638 № 19 л. 56. Ефимьевъ Яковъ Сергѣевъ 1652 № 117 л. 53.

Жадовской Егупъ 1629 № 38 л. 49; 1638 № 1 л. 268. Ждановъ Савва Ульяновъ 1652 № 117 л. 25. Жедринской Андрей 1638 № 1 л. 212. Желябужскій Иванъ Васильевъ, жилецъ, 1638 № 8 л. 77—78. Желябужскій Остафій 1638 № 1 л. 411. Жидовиновъ Василій 1638 № 1 л. 191. Жидовиновъ Василій 1642 № 39 л. 1. Жихоревъ Измаилъ Ивановъ, смольнянинъ, 1639 № 66 л. 193. Жоховъ Иванъ, ярославецъ, А. Ю. Моск. ст. № 194 л. 85. Жуковъ Василій 1638 № 1 л. 551. Жуковъ Василій да Полтевъ Алексѣй, Философовъ Алексѣй, головы моск. стрѣльц., 1638 № 56 л. 283. Жулевы Марѳа Иванова да Жулеева Ѳедора, дочь гречанина, 1641 № 21 л. 34.

Заборовская Анна 1638 № 4 л. 63. Завалишинъ Иванъ А. Ю. Моск. ст. № 194 л. 356. Завѣсинъ Василій Ивановъ, сытникъ, 1640 № 56 л. 102. Завѣсинъ Савинко 1638 № 4 л. 155. Загоскины Никита Антоновъ да Савелій 1638 № 8 л. 54—56. Загряжской Алексѣй Владиміровъ да Данила Замыцкій 1639 № 65 л. 44. Загряжской Иванъ Іевлевъ 1638 № 1 л. 593; 1641 № 75 л. 210. Загряжской Кириллъ 1638 № 47 л. 29; № 56 л. 647. Загряжской Максимъ Григорьевъ 1638 № 4 л. 41. Замыцкій Данилъ 1639 № 65 л. 44. Замыцкій Иванъ Ивановъ 1641 № 21 л. 314. Замятинъ Алексѣй, смольнянинъ, А. Ю. Моск. ст. № 194 л. 182. Запольскіе Иванъ Іевлевъ да Смирной, ряжащы, 1639 № 29 л. 94. Кн. Засѣкина Татьяна Иванова, вдова, 1638 № 47 л. 120—123. Засѣцкой Василій 1638 № 1 л. 303. Засѣцкой Михаилъ Ивановъ 1638 № 1 л. 527. Засѣцкой Михаилъ 1638 № 56 л. 522. 523. Засѣцкій Семенъ 1653 № 6 л. 12. Захаровъ Иванъ Кирилловъ, смольнянинъ, А. Ю. Моск. ст. № 194 л. 64. Зезевитовъ Андрей 1638 № 19 л. 222; № 56 л. 500. Змѣевъ Иванъ Андреевъ да Змѣевъ Ѳедоръ 1641 № 75 л. 162. Золотилова Акулина, смольнянка, вдова, 1639 № 66 л. 75. Зубатова Аксинья, вдова, 1638 № 4 л. 116. Зубовъ Дмитрій Ивановъ 1638 № 1 л. 538. Зубовъ Матвѣй 1638 № 1 л. 284. Зыбина Акулина, Аксиньи, 1653 № 6 л. 14. Зюзинъ Василій Ивановъ 1641 № 75 л. 222. Зюзинъ Володиміръ Бѣленицынъ 1638 № 1 л. 308. Зюзинъ Григорій да Михаилъ Зюзинъ 1639 № 90 л. 123. Зюзинъ Левъ Бѣленицынъ 1638 № 1 л. 430.

Ивановъ Гаврилъ Андреевъ 1638 № 1 л. 106. Ивашкина Анна, вдова, 1638 № 4 л. 132, 167. Ивашкинъ Никифоръ Максимовъ, туляшинъ, 1638 № 4 л. 214. Игнатовъ Алексѣй 1629 № 38 л. 6. Игнатьевъ Алексѣй 1638 № 1 л. 363. Игнатьевъ Ѳедоръ Васильевичъ, постельничій, 1638 № 65 л. 52—54. Изволькая Ѳедосья, вдова Леонтьева жена, 1638 № 4 л. 134. Изволькій Левъ Ивановъ 1641 № 75 л. 223, 224. Изволькій Семенъ 1638 № 56 л. 441. Изволькій Семенъ да Астафьевъ Дорофей и Фустовъ Иванъ 1638 № 56 л. 441. Извѣкова Алена, вдова вязмитина, 1640 № 78 л. 9—16. Извѣкова Татьяна, вдова, 1639 № 66 л. 205. Измайловъ Андрей 1638 № 1 л. 60, 466; № 56 л. 43, 49; 1639 № 65 л. 59, 60. Измайловъ Григорій Васильевичъ 1638 № 56 л. 24—30. Измайловъ Григорій 1638 № 1 л. 436. Измайловъ Михайло Осдоровъ 1639 № 90 л. 162. Измайловъ Семенъ 1638 № 56 л. 50; 1639 № 65 л. 61. Измайловъ Ѳедоръ 1638 № 1 л. 323. Изъѣдиновъ Богданъ, ярославецъ, А. Ю. Моск ст. № 194 л. 121. Изъѣдиновъ Ларіонъ Бахтеяровъ 1640 № 56 л. 46. Ильищевъ Самойла Григорьевъ, смольнянинъ, 1639 № 64 л. 108—114 Исакова Настасья, вдова подъяч. Ивана, 1640 № 56 л. 168. Исленьевъ Иванъ 1639 № 90 л. 150. Исленьевъ Степанъ 1638 № 1 л. 488; 1638 № 56 л. 65—71.

Кайсаровы Иванисъ и Иванъ Михайловы 1638 № 19 л. 190; 1639 № 68 л. 22, 33, 34, 49, 51, 52. Калитинъ Александръ, жилецъ, да Ив. Хопеневъ 1638 № 8 л. 115—118. Каменева Матрена, Петровская ж., курчанка, 1640 № 55 л. 338, 339. Каменевъ Максимъ Михайловъ, курчанинъ, 1640 № 76 л. 31—34. Карабановъ Василій Павлиновъ, вязьмитинъ, 1639 № 66 л. 196. Карамышевъ Никита, 1638 № 1 л. 279. Карамышевъ Савва Кондратьевъ, костромитинъ, 1644 № 11 л. 1—6. Карауловъ Левъ 1638 № 19 л. 140. Карауловъ Тимоѳей, дв. м., 1629 № 38 л. 64. Каребова, вдова, 1639 № 18 л. 6. Карповъ Дмитрій 1641 № 75 л. 243. Карповъ Андрей Макарьевъ, зубчанинъ, 1640 № 56 л. 160. Карповъ Ларіонъ Михайловъ да Алексѣй Вас. с. Облязовъ, 1638 № 19 л. 143. Кафтырева Екатерина, вдова, 1641 № 75 л. 112, 271. Кафтыревъ Демка 1638 № 1 л. 58. Кафтыревъ Матвѣй 1638 № 1 л. 63. Кашинъ Семенъ Ермолаевъ, Кашира, 1653 № 6 л. 88. Кашкаревъ Петръ, жилецъ, 1638 № 8 л. 139—140. Квашнинъ Ѳаддей Григорьевъ 1653 № 6 л. 56. Квашнинъ Ѳедоръ 1639 № 90 л. 148. Кирилловъ Лазаръ Путиловъ, воронежскій помѣст. казакъ, 1640 № 55 л. 202. Кирѣевскіе Алексѣй Немировъ да Семенъ 1638 № 1 л. 17. Кирѣевской Григорій съ сыномъ Михаломъ 1638 № 1 л. 376. Кирѣевскій Михаилъ и отецъ его Григорій 1644 № 3 л. 15—18. Кирѣевской Семенъ 1638 № 4 л. 17. Киселевъ Иванъ Большой 1638 № 19 л. 17. Кисленская Прасковья, вдова съ сыномъ Аѳанасіемъ, тулянка, 1640 № 56 л. 32. Кисловской Макаръ, ключникъ Хлѣбен. д-ца, 1641 № 75 л. 57. Клешнинъ Михаилъ 1641 № 21 л. 58. Клокачевъ Дмитрій 1638 № 1 л. 420. Клокачевъ Дмитрій да Овдокимко Баскаковъ 1638 № 1 л. 420. Кн. Клубкова-Мосальская Анна, вдова, 1638 № 4 л. 196. Коверина Авдотья, вдова, 1642 № 2 л. 1. Кожинъ Василій, стряпчій Хлѣбен. д-ца, 1638 № 19 л. 182; 1639 № 42 л. 1—8. Кн. Козловскій Алексѣй Ивановъ 1641 № 21 л. 250. Кн. Козловскій Аѳанасій Васильевичъ 1638 № 47 л. 5—8, л. 124—134. Козловскій Михаилъ 1639 № 65 л. 63. Коковинской Богданъ 1638 № 1 л. 242. Коковинской Семенъ, голова моск. стрѣльц., 1641 № 75 л. 132. Кокоревъ Григорій 1638 № 1 л. 254. Кокоткинъ Иванъ, смольянинъ, А. Ю. Моск. ст. № 194 л. 69, 212. Кокошиловъ Аѳанасій да Ив. Матюшкинъ и др. 1638 № 1 л. 459; № 56 л. 72—74., 83. Кокошкинъ Неупокой 1639 № 65 л. 85. Колемнинъ Тимоѳей 1638 № 1 л. 21. Кологривова Мавра, вдова, 1638 № 1 л. 449; № 56 л. 45—47. Кологривова Ульяна, вдова, 1638 № 4 л. 79. Кологривовъ Лаврентій 1638 № 1 л. 47. Кологривовъ Яковъ 1638 № 1 л. 451. Кологривовъ Яковъ, дв. м., 1629 № 33 л. 37; 1637 № 67 л. 52. Колтовской Борисъ Никитинъ 1638 № 4 л. 112. Колтовской Иванъ Степановъ 1638 № 1 л. 44. Колтовской Иванъ Семеновъ 1638 № 1 л. 233. 103. Колтовской Иванъ Никитинъ, дв. м., 1629 № 38 л. 39. Колтовской Никита Ивановъ, дв. м., 1637 № 67 л. 52. Колтовской Михаилъ Ивановъ, дв. м., 1637 № 67 л. 49. Колтовской Перфилій 1638 № 19 л. 218. Колтовской Семенъ Васильевъ 1638 № 1 л. 198. Колтовской Тимоѳей Ивановъ 1638 № 4 л. 34. Колтовской Ѳедоръ Савостьяновъ 1638 № 1 л. 496. Колугинъ Мелешка лебедянецъ, с. бояр., 1640 № 55 л 54. Колюбакинъ Артемій Юрьевъ, алексинецъ, Владиміръ, 1653 № 9. Кн. Кольцовъ-Мосальскій Михаилъ 1639 № 90 л. 92. Большой-Колычевъ Иванъ Ивановъ 1642 № 48 л. 4. Комынинъ Григорій Ивановъ 1641 № 75 л. 15. Комынинъ Григорій Ѳедоровъ, жилецъ, 1653 № 6 л. 59. Комынинъ Ларіонъ 1638 № 19 л. 36. Кондратьева Киликея съ сыномъ Демидомъ и тремя дочерьми, старица, 1640 № 76 л. 24. Кондырева Соломонида, вдова, 1638 № 4 л. 32. Кондыревъ Борисъ Ивановъ 1641 № 21 л. 70, 71, 75, 76. Кондыревъ Ждапъ Васильевъ 1638 № 1 л. 300, 470; № 19 л. 97. Кондыревъ Яковъ Гавриловъ 1638 № 1 л. 555. Конинъ Иванъ Степановъ, лебедянецъ, 133. 1640 № 55 л. и др. Константиновъ Ларка, брянчанинъ, 1640 № 78 л. 113. Конинъ Алексѣй Васильевъ 1641 № 75 л. 270. Коробовъ Иванъ Гавриловъ, сытникъ, 1641 № 75 л. 266, 268. Коробьинъ Василій Михайловъ 1638 № 1 л. 134. Коробьинъ Иванъ 1638 № 1 л. 206. Коротневъ Елизаръ, смольянинъ, А. Ю. Моск. ст. № 194 л. 79. Корсакова Палагея, вдова, 1639 № 64 л. 25. Корсаковъ Петръ 1638 № 1 л. 152. Корѣпановъ Алексѣй, подъяч. Посольск. пр., 1641

№ 75 л. 152. Крепицына Аксинья, Ивановская ж., 1641 № 21 л. 22. Кречетниковъ Василій 1638 № 56 л. 603. Кривской Девятой 1638 № 8 л. 2—4. Кривской Петръ Васильевъ, жилецъ, 1638 № 8 л. 102—104. Кременевъ Иванъ Трофимовъ, лебедянецъ, с. бояр., 1640 № 55 л. 103. Кремова Лукерья, вдова, 1639 № 64 л. 115—120. Кречетниковъ Василій 1638 № 1 л. 520. Кровковъ Алексѣй, свіяженинъ, 1640 № 55 л. 426. Кровковъ Алексѣй, муромецъ, да Степанъ Лукинъ 1639 № 64 л. 136. Круковской Корнилъ Максимовъ, II. Новгородъ, 1652 № 117 л. 25. Кудаева Анна, Невѣжинская жена, вдова звенигородка съ сыномъ Сидоркой, 1640 № 55 л. 373. Кудрявой Иванъ Внуковъ, псковскій помѣщикъ, 1638 № 19 л. 176. Кудрявой Михаилъ, жилецъ, 1638 № 8 л. 57—60. Кузеневъ Елизаръ Васильевъ 1638 № 1 л. 414, 479. Кузьмина Домна, вдова, жена Степанова съ сыновьями двумя Иванами, 1638 № 4 л. 149. Кузминская Офимья, Владиміръ, 1637 № 67 л. 187. Кузьминъ Кузьма Корнильевъ, 1638 № 1 л. 308. Куприяновъ Алексѣй Ивановъ, да Куприяновъ Аѳанасій, Юрьевъ Польской, 1640 № 55 л. 391. Кн. Куракинъ Григорій Семеновъ, стольникъ, 1638 № 47 л. 71—74. Куровы Михаилъ, Ларіонъ, Степанъ Борисовы, Ряжскъ, 1652 № 117 л. 10. Кутумовъ Тишка, Барай-мурзинъ с., 1639 № 90 л. 95. Кучина Богданица, вдова, 1640 № 56 л. 107.

Лавровъ Иванъ, серпянинъ, 1641 № 75 л. 54. Лавровъ Петръ да Бестужевъ Никита, Левашовъ Сергѣй 1638 № 56 л. 356. Лазаревъ Демка 1638 № 19 л. 70. Лаптевъ, костромитинъ, А. Ю. Моск. ст. № 194 л. 111. Лаптевъ Осипъ Левонтьевъ, костромитинъ, 1640 № 55 л. 293. Ларіоновъ Григорій 1638 № 4 л. 110. Ларіоновъ Иванъ Васильевъ да Митька 1638 № 1 л. 493. Ларіоновъ Семенъ Васильевъ, жилецъ, 1638 № 8 л. 79—83. Лачиновъ Протасъ 1638 № 1 л. 361. Левашевъ Иванъ Александровъ 1638 № 1 л. 194; № 19 л. 47. Левашовъ Семенъ Аѳанасьевъ 1639 № 64 л. 126—130. Левашовъ Сергѣй 1638 № 56 л. 356. Леонтьевы Алексѣй да Кузьма 1639 № 90 л. 125. Леонтьевъ Иванъ 1641 № 75 л. 91. Леонтьевъ Кузьма 1639 № 90 л. 125. Кн. Литвиновъ-Мосальскій Андрей Ѳедоровичъ, окольничій, 1638 № 65 л. 35—36; 1639 № 68 л. 125. Лихачовъ Ѳедоръ, думный дьякъ, 1638 № 65 л. 55—59. Кн. Лобанова-Ростовская Мароа, вдова, 1639 № 65 л. 47, 55. Кн. Лобановъ-Ростовскій Иванъ Ивановъ 1638 № 1 л. 113; 1639 № 65 л. 56. Кн. Лобановъ-Ростовскій Иванъ Семеновъ съ сыномъ Никитой 1638 № 1 л. 198. Ловчикова Соломонида 1638 № 4 л. 157. Лодыгина Марья Семенова, вдова, 1640 № 76 л. 46—57. Лодыгинъ Иванъ Артемьевъ 1639 № 90 л. 121. Лодыгинъ Тимоѳей Дмитріевъ 1643 № 69 л. 8—9. Лодыженская Наталья Осипова 1639 № 18 л. 13. Лодыженскій Демка 1638 № 19 л. 102. Лодыженскій Иванъ Семеновъ 1629 № 38 л. 22. Лодыженскій Максимъ, Перемышль, 1652 № 117 л. 57. Лодыженскій Уфимко (Ѳома, дв. м., ?) 1652 № 117 л. 74. Локартовъ Герасимъ Филипповъ, иноземецъ, 1639 № 64 л. 4—10. Лопухинъ Ларка 1629 № 38 л. 35; № 1 л. 312; 1638 № 56 л. 368, 369. Лопухинъ Левъ, Арзамасъ и Алексинъ, 1653 № 6 л. 44. Лопаковъ Илья, стрѣлчій Сытнаго Д-ца, 1638 № 8 л. 52—53. Луговской Томила Юдичъ, думный двор, 1638 № 65 л. 37—39. Лукинъ Иванъ Андреевъ, муромецъ, 1640 № 76 л. 35—37. Лукинъ Степанъ, муромецъ, да Алексѣй Кровковъ 1639 № 64 л. 136. Лукинъ Степанъ, муромецъ, 1639 № 64 л. 137—145. Лукинъ Андрей Григорьевъ 1638 № 8 л. 122—3. Лутковскій Петръ Ивановъ, лучанинъ, 1640 № 55 л. 397. Лыковъ Прохоръ Андреевъ А. Ю. Моск. ст. № 194 л. 44. Лыковы, бѣляне, А. Ю. Моск. ст. № 194 л. 91. Кн. Львова Ирина, жена Ив. Петров, 1641 № 75 л. 240. Львовъ Андрей 1639 № 90 л. 90. Львовъ Алексѣй 1639 № 90 л. 23. Львовъ Василій 1638 № 1 л. 240. Кн. Львовъ Большой Иванъ Андреевичъ 1638 № 56 л. 37—42. Кн. Львовъ Иванъ Андреевъ 1638 № 19 л. 233. Львовъ Иванъ 1639 № 65 л. 58; № 68 л. 150. Кн. Львовъ Иванъ Петровъ 1641 № 75 л. 238. Львовъ Юрій Семеновъ, новоторжецъ, 1639 № 64 л. 84—90. Лыковъ Алексѣй 1639 № 90 л. 75. Лынской Павелъ 1638 № 56 л. 4. Любощенскій Богданъ Тимоѳеевъ, лебедянецъ, с. бояр., 1640 № 55 л. 103. Людашевъ Сергѣй 1638 № 1 л. 560. Ляпу-

новъ Владиміръ, дв. м., 1629 № 38 л. 9. Ляпуновъ Левъ 1638 № 1 л. 385. Ляпуновъ Ѳедоръ 1638 № 1 л. 128. Ляховъ Никифоръ Ефремовъ 1638 № 8 л. 1.

Македонскій Яковъ Ѳедоровъ, недоросль, 1640 № 55 л. 45. Максимовъ Аѳанасій 1638 № 56 л. 83. Малой Савелій Первой, жилецъ, 1638 № 8 л. 130—133. Малой Ѳедоръ, степенный ключникъ, 1638 № 8 л 36—39. Малыгинъ Григорій 1640 № 76 л. 58—62. Малыгинъ Ѳедоръ 1638 № 1 л. 336. Мансуровъ Алексѣй Васильевъ, Лухъ, 1653 № 39. Мансуровы Василій да Михаилъ да Тимоѳей 1638 № 1 л. 23. Мансуровъ Михаилъ 1638 № 4 л. 87; 1641 № 75 л. 142. Марковъ Василій Васильевъ, путивлецъ, 1640 № 55 л. 356. Марковъ Иванъ Васильевъ 1640 № 56 л. 81. Мартемьяновъ Герасимъ 1638 № 4 л. 65. Масаловы Прохоръ и Семенъ Васильевы, Иванъ Андреевъ, Шацкъ, 1653 № 6 л. 83. Масловъ Александръ 1638 № 19 л. 91. Масловы Прокофій, Фокинъ съ братьями 1653 № 6 л. 75. Масловы Руска Алексѣевъ да Юшка, рязанцы, 1641 № 75 л. 186. Матвѣевъ Сергѣй 1638 № 56 л. 81—82. Матюшкинъ Иванъ 1638 № 1 л. 282, 459; № 19 л. 159; № 56 л. 72–74, 75—80, 83, 84. Матюшкинъ Иванъ да Ахамашуковъ-Черкаской Василій 1638 № 56 л. 83. Кн. Мезецкій Андрей 1638 № 1 л. 529. Кн. Мезецкій Андрей Дмитріевичъ 1638 № 56 л. 31—36. Кн. Мезецкій Никита 1638 № 1 л. 505; № 19 л. 230; 1639 № 65 л. 20. Кн. Мезецкій Романъ Михайловичъ 1638 № 56 л. 16—23. Меркулова Аграфена, вдова, 1640 № 76 л. 68—70, 73; 1643 № 22 л. 1. Мертвой Степанъ 1638 № 1 л. 251, 319; № 19 л. 127; № 56 л. 482. Мещериновъ Аѳанасій Демидовъ, бѣлянинъ, 1639 № 18 л. 91. Кн. Мещерскій Андрей Ивановъ 1638 № 1 л. 80; № 19 л. 215. Кн. Мещерскій Григорій Ивановъ 1640 № 55 л. 158. Кн. Мещерскій Иванъ Булатовъ 1638 № 4 л. 93. Кн. Мещерскій Михаилъ Ивановъ 1638 № 1 л. 119. Кн. Мещерскій Семенъ Матвѣевъ 1638 № 4 л. 96. Микулинъ Лука Петровъ 1638 № 1 л. 124. Микулинъ Яковъ 1638 № 19 л. 178. Миленинъ Дмитрій Павловъ, арзамасецъ, 1640 № 55 л. 350. Милославская Прасковья, Юрьева жена, съ сыномъ Семеномъ 1640 № 55 л. 1. Милославскій Данила 1638 № 1 л. 392. Милославскій Дмитрій 1638 № 8 л. 90—93. Милославскій Михаилъ Гавриловичъ, жилецъ, 1638 № 8 л. 94—96. Милюковъ-Стараго Матвѣй Большой Ивановъ 1639 № 90 л. 146. Милюковъ Андрей Ивановъ 1638 № 1 л. 518. Милюковъ Ермолай Назарьевъ 1638 № 19 л. 213; № 56 л. 681. Милюковъ Остафій Ивановъ 1642 № 48 л. 9, 19. Милюковъ Яковъ 1642 № 48 л. 18. Миляевъ Иванъ Кондратьевъ, лебедянецъ, с. бояр., 1640 № 55 л. 103. Миляевъ Ѳедоръ Большой, лебедянецъ, с. бояр., 1640 № 55 л. 54. Мистровъ Ѳаддей, бѣлянинъ, А. Ю. Моск. ст. № 194 л. 294. Мишковъ Кириллъ Андреевъ 1638 № 8 л. 5. Мишуковъ Яковъ Васильевъ, калужанинъ, 1640 № 55 л. 237. Моклоковъ Герасимъ Богдановъ, Бѣжецк. верхъ, 1641 № 21 л. 182, 1641 № 27 л. 1. Моклоковъ Илья Григорьевъ, ржевитинъ, 1639 № 64 л. 37—40, Моклоковъ Митрофанъ, Ржева-Володимирова, 1641 № 75 л. 48. Молвенниновъ Иванъ 1638 № 56 л. 470. Молвенниновъ Семенъ съ сыномъ Пронькою 1638 № 19 л. 161. Молвенниновы Андрей и Левъ, Суздаль, 1652 № 117 л. 12. Молечкинъ Иванъ 1629 № 38 л. 18; 1638 № 56 л. 239. Моложенниновъ, смольнянинъ, А. Ю. Моск. ст. № 194, л. 363. Молчановъ Владиміръ 1638 № 1 л. 27. Морина Анна, Вологда, 1637 № 67 л. 179. Морозовъ Борисъ 1639 № 90 л. 51. Кн. Морткинъ Василій Большой Ѳедоровъ 1638 № 1 л. 571. Кн. Морткинъ Василій Меньшой Ѳедоровъ 1638 № 1 л. 571. Кн Ѳедоръ да Юрій Морткины, 1638 № 1 л. 582. Кн. Мосальская Анна, вдова 1638 № 4 л. 119, 207. Мосоловы Александръ Андреевъ да Пронка, Семенъ, Богданъ, Иванъ да Иванъ, мещеряне, 1640 № 56 л. 65. Мосоловъ Микулка Ѳедоровъ 1640 № 76 л. 14 — 17. Мосоловы Богданъ и Иванъ Ероѳеевы, Шацкъ, 1653 № 6 л. 84. Мосоловы Никонъ Ѳедоровъ да Семенъ Замятинъ, рязанцы, 1640 № 76 л. 9—13. Мушинъ, дмитровецъ, А. Ю. Моск. ст. № 194 л. 130. Мусорскій Иванъ Петровъ 1642 № 25 л. 1–6. Кн. Мышецкіе Аѳанасій да Иванъ 1640 № 55 л. 259. Кн. Мышецкій Евѳимій 1638 № 19 л. 64. Мѣшковъ-Плещеевъ Алексѣй Аѳанасьевъ 1638 № 56 л. 125; 1639 № 65 л. 78. Мясоѣдова Ульяна, вдова, Ермолаева жена, 1638 № 4 л. 221. Мясоѣдовъ Ермила Ивановъ 1644 № 3 л. 19—21.

Нагая Ирина, вдова, жена бояр. Мих. Александровича, 1638 № 4 л. 101; № 8 л. 16—24. Назимова Настасья, вдова, 1641 № 75 л. 248. Нармацкой Иванъ Борисовъ 1638 № 4 л. 165. Нармацкой Никифоръ 1638 № 1 л. 524. Насоновъ Дмитрій Посниковъ, костромитинъ, 1641 № 75 л. 316. Наумова Зиновія, вдова, 1639 № 65 л. 80. Наумовъ Василій 1638 № 1 л. 363. Наумовъ Василій съ сыномъ Андреемъ 1638 № 4 л. 29. Наумовъ Ларка 1638 № 19 л. 54. Наумовъ Михаилъ Андреевичъ 1638 № 47 л. 191. Наумовъ Никита 1638 № 1 л. 557. Наумовъ-Кобяковъ Михаилъ Павловъ, вязьмитинъ, 1640 № 55 л. 413. Нащокина Марья, вдова, 1641 № 75 л. 64. Нащокинъ Борисъ Ивановъ 1638 № 19 л. 80. Нащокинъ Борисъ 1639 № 65 л. 36. Нащокинъ Иванъ Семеновъ 1643 № 15 л. 1. Нащокинъ Никифоръ Ивановъ 1637 № 67 л. 26; 1638 № 19 л. 85. Нащокинъ Никифоръ Никитинъ, стольникъ, 1638 № 47 л. 161. Нащокинъ Ѳедоръ 1638 № 1 л. 37. Недюревъ Иванъ, сытникъ, 1640 № 56 л. 155., Незговоровъ Илья съ матерью 1639 № 64 л. 16—18. Нелединской Иванъ 1638 № 19 л. 74; № 1 л. 398; 1641 № 21 л. 283. Нелидова Ирина, вдова, 1640 № 56 л. 85, Нелидовъ Кириллъ Богдановъ, галичанинъ, 1640 № 78 л. 75. Неплюевъ Протасъ 1638 № 68 л. 83; 94. Неплюевъ Протасъ да Арсеньевъ Ѳедоръ 1639 № 68 л 83. Непоставовъ Иванъ, ярославецъ, А. Ю. Моск. ст. № 194 л. 96. Непоставовъ Никита Нефедьевъ, ярославецъ, 1640 № 55 л. 323. Нероновъ Иванъ Казариновъ, мещанинъ, 1640 № 78 л. 94 97. Нестеровъ Ѳедоръ Васильевъ 1638 № 56 л. 591. Нечаевы Василій Ѳедоровъ да Степанъ, арзамасцы, 1640 № 55 л. 318. Нѣловъ Гаврила, жилецъ, 1638 № 8 л. 127—9. Нѣловъ Василій Михайловъ, стольникъ, 1639 № 64 л. 102—107. Никитина Нерадка, вдова, А. Ю. Моск. ст. № 194 л. 103. Никитинъ Дій, Рязань, 1652 № 117 л. 29. Никифоровъ Матвѣй, стремян. конюхъ, 1638 № 47 л. 54—56, 69; 1644 № 3 л. 11—14. Пиротморцевъ Иванъ 1640 № 76 л. 1—8. Новосильцева Фитинья, вдова, 1638 № 4 л. 106. Носовъ Михаилъ Ѳедоровъ, вѣкошникъ, 1638 № 8 л. 28—30.

Облязовъ Алексѣй Васильевъ да Ларка Мих. с. Карцовъ 1638 № 19 л. 143. Облязовъ Григорій 1639 № 42 л. 21. Оболдуевъ Лука, стремян. конюхъ, 1641 № 21 л. 256, 266. Образцовы Аѳанасій да Григорій 1639 № 90 л. 84—85. Обресковъ Дмитрій 1638 № 1 л. 215. Обрютинъ Сергѣй Савиновъ 1638 № 4 л. 136. Обуховъ Ѳедоръ смольнянинъ, А. Ю. Моск. ст. № 194 л. 67. Овсянниковъ Елистратъ Игнатьевъ, лебедянецъ, 1640 № 55 л. 216. Овцынъ Осипъ 1638 № 8 л. 40. Огаревъ Григорій Посниковъ 1638 № 19 л. 29. Огибаловъ Артемій Ивановъ 1638 № 47 л. 140. Одешинъ Богданъ Ивановъ, рязанецъ, 1640 № 55 л. 298. Ододуровъ Иванъ Андреевичъ 1640 № 78 л. 30. Ододуровъ Лазарь Петровъ 1640 № 56 л. 184. Одольскій Тимоѳей Арпстовъ, пѣмчинъ, 1640 № 78 л. 65. Озноби шинъ Елизарій, дорогобужанинъ, А. Ю. Моск. ст. № 194 л. 194. Окуловъ Иванъ, бѣжичанинъ, А. Ю. Моск. ст. № 194 л. 227. Оладинъ Богданъ Денисовъ 1638 № 4 л. 11. Оладинъ Михаилъ Денисовъ 1638 № 4 л. 9. Оладинъ Ѳедоръ Григорьевъ 1638 № 1 л. 341. Олтуфьева Антонида, вдова, 1638 № 4 л. 172. Олябьевъ Григорій 1629 № 38 л. 76. Омлешовъ Вахромей Осиповъ, смольнянинъ, 1639 № 64 л. 78—83. Орловъ Иванъ Никитинъ 1638 № 19 л. 243. Островской Гаврила, инозсмецъ, 1638 № 56 л. 610. Отяевъ Василій 1638 № 19 л. 112. Очкасова Анна, вдова съ сын. недорослемъ Осипомъ 1641 № 21 л. 269. Ошанинъ Андрей 1638 № 1 л. 274. Ощеринъ Аѳанасій 1639 № 68 л. 17. Ощеринъ Дмитрій Матвѣевъ, Ярославль Большой, 1640 № 55 л. 496

Павловъ Силуянъ Васильевъ, дв. м., 1629 № 38 л. 69. Пальчиковъ Дмитрій Семеновъ, воронежскій слободск. казач. атаманъ, 1640 № 55 л. 196—201. Панинъ Иванъ 1639 № 68 л. 77. Панинъ Иванъ Осдоровъ, дв. м., 1629 № 38 л. 27. Панинъ Никита 1638 № 47 л. 42. Панова Анна, Ѳедорова жена, 1639 № 42 л. 9. Панова Мавра Никитина 1637 № 67 л. 188. Пановъ Степанъ Петровъ 1638 № 19 л. 100 Паршинъ Лушка, лебедянецъ, с. бояр., 1640 № 55 л. 54. Патрикѣевъ Ѳедоръ Ѳедоровъ, смольнянинъ, новикъ изъ недорослей, 1640 № 78 л. 108—112. Пашковъ Ѳедоръ Истоминъ,

1638 № 1 л. 16. Пашковы Аѳанасій Истоминъ да Ѳедоръ 1638 № 56 л. 550. Перелешевъ Иванъ Гнѣвашевъ 1638 № 19 л. 24. Петинъ Максимъ Дмитріевъ 1650 № 55 л. 218. Петровъ Карпъ Гавриловъ, кречетникъ, 1638 № 8 л. 105—107. Петровъ Михайлъ Тимоѳеевъ 1629 № 38 л. 31. Пивовъ Петръ, кашинецъ, А. Ю. Моск. ст. № 194 л. 76. Писаревъ-Скорняковъ Иванъ 1638 № 1 л. 94. Писемскій Иванъ 1638 № 1 л. 395. Писемскій Семенъ Пятой, костромитинъ, 1640 № 55 л. 286. Племянниковъ Степанъ Володимировъ 1643 № 13 л. 1. Племянниковъ Владиміръ, дв. м., 1629 № 38 л. 34. Племянниковъ Ѳедоръ 1639 № 90 л. 174. Племянниковъ Фавстъ 1638 № 1 л. 456. Плещеева Акулина, вдова, 1638 № 4 л. 122. Плещеева Анна 1638 № 4 л. 114. Плещеева Анна, вдова съ дѣтьми Борисомъ, Алексѣемъ, Григоріемъ, Ѳедоромъ, Андреемъ и Анной, 1639 № 65 л. 73. Плещеевъ Богданъ 1638 № 56 л. 348. Плещеевъ Борисъ 1643 № 26 л. 1. Плещеевы Данила Матвѣевъ да Плещеевъ Ѳедоръ 1638 № 56 л. 494. Плещеевъ Иванъ Степановъ 1638 № 1 л. 502. Плещеевъ Левъ 1638 № 19 л. 14. Плещеевъ Дмитрій Ивановъ 1639 № 90 л. 81. Плещеевъ Моисей 1629 № 38 л. 73; 1638 № 56 л. 198. Плещеевъ Никита Богдановъ 1638 № 47 л. 141. Плещеевъ Остафій 1641 № 75 л. 258. Плещеевъ Ѳедоръ Матвѣевъ 1638 № 56 л. 494. Плещеевъ Остафій Матвѣевъ да Айгустовъ Иванъ 1641 № 75 л. 208. Плещеева-Колоткина Анна, вдова, 1638 № 4 л. 151; № 55 л. 256; 1640 № 56 л. 144. Поволяевъ Силка, ельчанинъ, с. бояр., 1640 № 55 л. 472. Подгорской Ерофей Артемьевъ, иноземецъ, вологодскій помѣщ., 1640 № 55 л. 446. Кн. Пожарскій Дмитрій Михайловичъ 1638 № 4 л. 190; № 47 л. 9, 16, 17; 1639 № 65 л. 18. Полевъ Алексѣй 1638 № 1 л. 200, 201, 220, 338; № 19 л. 133. Полевъ Иванъ 1639 № 90 л. 121. Ползиковы Алексѣй Степановъ да Левъ, Надежда и Ѳедоръ, мещане, д. боярскіе, 1640 № 55 л. 140. Поливановъ Василій Владиміровъ 1638 № 19 л. 95. Поливановъ Кочушко 1641 № 75 л. 168, 170, 175, 256. Поливановъ Филиппъ Степановъ, жилецъ, 1638 № 8 л. 86—89. Полтевъ Алексѣй да Жуковъ Василій, Философовъ Алексѣй, головы моск. стрѣл., 1638 № 56 л. 283. Поповъ Максимъ Гавриловъ да Якимовъ Первушка, рязанцы, 1640 № 55 л. 222. Потемкинъ Иванъ 1629 № 38 л. 63; 1638 № 56 л. 427. Приклонской Богданъ 1638 № 1 л. 257; № 19 л. 239. Приклонской Борисъ 1638 № 1 л. 110. Кн. Пріимковъ-Ростовскій Василій Богдановъ 1638 № 1 л. 315; 1639 № 68 л. 6. Кн. Пріимковы-Ростовскіе Василій Богдановъ да Иванъ 1638 № 56 л. 590. Кн. Пріимковъ-Ростовскій Василій Борисовъ 1638 № 1 л. 321. Кн. Пріимковъ-Ростовскій Иванъ Ивановъ 1638 № 56 л. 499. Кн. Прозоровскій Семенъ Васильевичъ 1638 № 65 л. 13—14. Проестевъ Степанъ 1638 № 1 л. 340; № 65 л. 19—25. Просовецкій Андрей съ товарищи 1639 № 68 л. 112, 119. Протасовъ Гаврила Александровъ, недоросль, 1638 № 1 л. 444; № 8 л. 32—35. Протасьевъ Игнатій Ивановъ мещанинъ 1640 № 55 л. 305. Протасьевъ Михайлъ съ сыномъ Василіемъ 1638 № 65 л. 60—63. Протасьевъ Петръ 1639 № 90 л. 173. Пуминовъ Лукьянъ Образцовъ, костромитинъ, 1640 № 55 л. 378. Пустобоярова Матрена Оедорова 1640 № 55 л. 274. Пушкинъ Андрей, Владиміровъ 1638 № 1 л. 547. Пушкинъ Борисъ Григорьевъ 1638 № 1 л. 143; 1639 № 65 л. 35. Пушкинъ Василій 1639 № 68 л. 3. Пушкинъ Гаврила Владиміровъ 1638 № 19 л. 89. Пушкинъ Михайлъ 1639 № 65 л. 34. Пушкинъ Ѳедоръ Ѳедоровъ 1638 № 1 л. 559.

Рагозинъ Гавріилъ Ивановъ, Мценскъ, 1652 № 117 л. 3. Рагозинъ Иванъ 1638 № 1 л. 296. Рагозинъ Семенъ Ивановъ, дорогобужанинъ, 1641 № 75 л. 189. Рагозинъ Семенъ Семеновъ 1640 № 78 л. 123. Рагозинъ Ѳедоръ 1638 № 1 л. 50. Раевскій Лаврентій 1638 № 1 л. 347; № 19 л. 236. Рамейковъ Андрей Ивановъ, вологжанинъ, 1639 № 29 л. 26. Ратиловскій Захаръ 1638 № 19 л. 72; № 56 л. 549. Резановъ Андріянъ 1638 № 1 л. 382. Репиновъ Никифоръ Степановъ 1638 № 1 л 345, 355. Реткины Семенъ и Иванъ, подъяч., Бѣлевскій у., 1641 № 75 л. 110, 111. Ржевскій Ермола Дѣевъ, стрянчій, 1638 № 47 л. 138—139. Роболтовскій Силуянъ Григорьевъ, иноземецъ, 1639 № 66 л. 140. Рогульскіе Иванъ Кузьминъ да Ѳедоръ,

недоросли иноземцы, 1640 № 78 л. 37. Роевскій Оедотъ, серпуховитинъ, 1640 № 55 л. 166. Роздеришинъ, костромитинъ, А. Ю. Моск. ст. № 194 л. 82. Рокачовы Алексѣй Ивановъ да Демка и Максимъ, вязьмитяне, 1640 № 56 л. 35—41. Кн. Ромодановская Марья, вдова съ дѣтьми Ѳедоромъ, Иваномъ, Григоріемъ и Афросиньею, 1638 № 4 л. 81. Ромодановской Василій 1639 № 90 л. 77; 1641 № 21 л. 86. Румянцовъ Иванъ, смольнянинъ, А. Ю. Моск. ст. № 194 л. 142. Ручиновъ Артемій 1638 № 4 л. 2.

Сабуровъ Петръ Григорьевъ 1638 № 1 л. 390. Савенокъ Трифонъ Макаровъ. мещанинъ, 1640 № 55 л. 185. Саврасовъ Давыдъ Матвѣевъ, арзамасецъ, 1640 № 55 л. 487. Салмановъ Павелъ Ивановъ 1638 № 56 л. 626. Салтыковъ Иванъ 1641 № 75 л. 135. Салтыковъ Ларка 1638 № 1 л. 155; 1639 № 65 л. 4. Салтыковъ Михайлъ Михайловичъ, окольничій, 1638 № 65 л. 15—18. Самарина Марѳа, вдова, 1638 № 4 л. 184. Самаринъ Алексѣй Елизарьевъ 1638 № 1 л. 196. Самаринъ Гаврила 1638 № 4 л. 128. Самаринъ Данила Васильевъ 1638 № 4 л. 50. Самаринъ Ефимъ 1638 № 1 л. 326. Самаринъ Степанъ 1638 № 4 л. 217. Самсоновъ Савва 1640 № 56 л. 189. Сандецкая, вдова, 1638 № 56 л. 614. Сафоновъ Богданъ Семеновъ, сытникъ, 1638 № 8 л. 44—46. Свиньинъ Макаръ Юмрановъ, галичанинъ, 1640 № 55 л. 476. Свѣтешниковъ Падѣя, гость, да Никита Бѣглецовъ, 1638 № 1 л. 317. Кн. Сентовъ Дмитрій Третьяковъ 1638 № 1 л. 325. Кн. Сентовъ Иванъ Третьяковъ 1638 № 1 л. 83. Селиверстовъ Терентій Ивановъ, коломнитинъ, 1639 № 64 л. 96—101. Селунская Настасья, вдова, 1638 № 4 л. 143. Селунскій Иванъ Павловъ, 1639 № 90 л. 95. Семеновъ Василій Петровъ, Зубцовъ, 1637 № 67 л. 189. Семеновъ Иванъ, дьякъ, 1638 № 4 л. 174. Семичовъ Аврамій, стряпчій Сытнаго д-ца, 1638 № 8 л. 108—111. Кн. Сибирской Калина Женцверовъ 1642 № 66 л. 1. Сигорскій Маковейко Ивановъ, иноземецъ, вологодск. помѣщ., 1640 № 55 л. 452. Сидоровы Аггѣй да Аристъ Малютины, недоросли курчане, 1640 № 78 л. 117. Симановъ Василій 1638 № 19 л. 59; 1641 № 75 л. 226. Синдѣевы Филиппъ и Акинфъ Никоновы, мещяне, 1640 № 55 л. 309. Синовскій Петръ Яковлевъ, недоросль, 1644 № 11 л. 12—15. Скворцовъ Василій Ѳаддеевъ, торопчанинъ, 1640 № 55 л. 485. Скобельцына Анна, вдова, Гавриловская жена, 1638 № 56 л. 668. Скобельцынъ Иванъ 1638 № 56 л. 667. Скобѣевъ Василій Никитинъ, Кострома, 1637 № 67 л. 197. Скорбѣевъ Андрей Никитинъ, вологжанинъ, 1640 № 55 л. 481. Смитъ Екатерина, вдова моск. служ. иноземца, 1643 № 24 л. 1—11. Сназинъ Паукъ, дв. м., 1629 № 38 л. 48. Сназинъ Семенъ Тимоѳеевъ 1640 № 55 л. 384. Собакинъ Алексѣй 1638 № 1 л. 42. Собакинъ Василій 1638 № 4 л. 145. Собакинъ Иванъ Семеновъ 1638 № 4 л. 147. Собакины Максимъ Алексѣевъ и Тимоѳей 1638 № 56 л. 57. Совинъ Андрей 1638 № 1 л. 565. Совинъ Григорій 1638 № 1 л. 388. Созонова Марья, Кузьмина ж., тулянка, 1640 № 78 л. 17—22. Соколовъ Ѳедоръ, смольнянинъ, А. Ю. Моск. ст. № 194 л. 104. Солмановъ Яковъ Ивановъ 1638 № 19 л. 34. Солнцевъ Иванъ Дмитріевъ, Кашира, 1652, № 117 л. 59. Солнцевъ Иванъ Большой, Артемій, Иванъ Меньшой, Оедоръ Дмитріевъ. Кашира, 1652 № 117 л. 63. Сологубовъ Степанъ Ильинъ 1640 № 56 л. 19. Сомовъ Иванъ 1638 № 1 л. 173; № 56 л. 294. Сомовъ Иванъ Никитинъ, жилецъ, 1638 № 4 л. 187. Сомовъ Иванъ Ѳедоровъ, дв. м., 1629 № 38 л. 32. Сомовъ Петръ 1638 № 8 л. 50—51. Сопинъ Прохоръ Никифоровъ, арзамасецъ, 1640 № 55 л. 296. Сопковъ Андрей Ивановъ, вологодскій посыльщикъ, 1637 № 67 л. 115. Сонцова Авдотья, вдова съ дѣтьми Иваномъ Бол., Артеміемъ, Иваномъ Меньшимъ и Ѳедоромъ, 1640 № 56 л. 165. Соймоновъ Іевъ, серпуховитинъ, 1640 № 55 л. 344. Спасителевъ Андрей Ивановъ 1639 № 68 л. 137. Спасителевы Андрей да Тимоѳей 1639 № 68 л. 145. Спиридоновъ Пятой 1643 № 69 л. 3. Спячовъ Яковъ Кузьминъ, тверитинъ, 1640 № 56 л. 121. Степановъ Алексѣй Вешняковъ, рязанецъ, 1639 № 64 л. 45—48. Степановъ Баженъ 1638 № 4 л. 4. Степановъ Ѳедоръ 1641 № 75 л. 236. Строевъ Андрей 1638 № 47 л. 155. Стросинъ Данила Ѳедоровъ 1638 № 19. л. 83. Стрѣшневъ Максимъ 1638 № 1 л. 485; 1639 № 65 л. 64. Стрѣшневъ Тимоѳей 1639 № 90 л. 107.

Суколѣновъ Василій Андреевъ 1638 № 56 л. 666. Кн. Сулешовъ Василій 1639 № 66 л. 216. Кн. Сулешовъ Юрій 1639 № 90 л. 61. Сумарокова вдова, А. Ю. Моск. ст. № 194 л. 398. Суминъ Ларка 1638 № 19 л. 7. 1641 № 21 л. 320 СумароковъАлексѣй Ивановъ 1641 № 75 л. 59. Супоневъ Кирилл 1639 № 68 л. 177. Сурвотской Иванъ Рахманиновъ 1638 № 19 л. 5. Сухинъ Осипъ, стольникъ, 1638 № 8 л. 141. Сухотинъ Матвѣй Осиповъ, Алексинъ, 1653 № 6 л. 28, 34, 89, 91. Сухотинъ Ѳедоръ, Тула, 1638 № 1 л. 188. Сытинъ Астафій Обросимовъ, жилецъ, 1638 № 47 л. 197—9; 1644 № 3 л. 4, 8—10. Сытинъ Петръ, жилецъ, 1638 № 8 л. 31.

Талызинъ Никифоръ 1638 № 4 л. 23, 56, 58. Таракановъ Сурянинъ, 1638 № 4 л. 7; № 68, л. 120; 123—4. Тарбѣевъ Иванъ Матвѣевъ 1638 № 56 л. 471. Тарбѣевъ Степанъ Ивановъ 1638 № 1 л. 473. Татищевъ Степанъ 1638 № 19 л. 202. Татищевъ Юрій Асанчуковъ, дв. м., 1629 № 38 л. 3. Татищевъ Юрій Степановъ 1639 № 65 л. 75. Татищевъ Яковъ Ивановъ 1638 № 19 л. 119. Татищевъ Яковъ 1638 № 19 л. 205; № 47 л. 25; № 56 л. 685. Телепнева Марья, вдова, 1638 № 4 л. 99. Телепневъ Данила Васильевъ 1638 № 4 л. 46. Телепневъ Иванъ Ефимовъ 1638 № 19 л. 107. Телепневъ Никифоръ Васильевъ 1638 № 19 л. 21. Телешовъ Левъ Аѳанасьевъ, Коломна, 1652 № 117 л. 33. Тельцовъ Петръ, костромитинъ, А. Ю. Моск. ст. № 194 л. 177. Телѣгинъ Никита 1638 № 1 л. 446; № 8 л. 25—27. Темирязевъ Василій 1638 № 19 л. 114. Тимешовы Михайлъ и Ѳедоръ Никитины 1640 № 78 л. 127. Тимоѳеева Софья, иноземка, 1638 № 4 л. 74. Тироновъ Никита 1638 № 8 л. 12—15. Титова Марья, вдова, 1638 № 4 л. 153. Толбугина Авдотья, вдова съ сыномъ недорослемъ Ларкою, 1641 № 75 л. 244. Толбузина Авдотья, Пошехонье, А. Ю. Моск. ст. № 194 л. 46. Толмачевъ Левъ Никоновъ, курчанинъ, 1640 № 78 л. 102—107. Толочановъ Семенъ Ѳедоровъ 1639 № 42 л. 15—16. Толочановъ Яковъ 1638 № 19 л. 168; 1639 № 90 л. 101. Толстая Татьяна, вдова съ сыномъ Алексѣемъ, 1638 № 4 л. 104. Толстой Василій 1638 № 1 л. 453. Траханіотовъ Иванъ Никифоровъ 1638 № 1 л. 86; № 56 л. 5—11. Третьяковы Аксинья да Парашка съ Дунькой 1638 № 4 л. 138; 1639 № 20 л. 1. Трубинковъ Пронька Силинъ, смольнянинъ, 1639 № 64 л. 121—125. Трусовы Иванъ Ивановъ да Ѳедоръ, лушане, 1644 № 3 л. 1—3. Трусовъ Кузьма Андреевъ 1638 № 1 л. 26. Трусовъ Михайлъ 1638 № 1 л. 14. Тургеневъ Денисъ Петровъ 1638 № 4 л. 130. Турская Мавра, Иванова жена, вдова, 1640 № 56 л. 11. Тюменевъ Василій Власьевъ, костромитинъ, 1640 № 55 л. 246. Тютчевъ Аѳанасій 1640 № 78 л. 135—140. Кн. Тюфякина Авдотья, вдова, да вд. Аграфена Бутурлина 1638 № 4 л. 67.

Уварова Соломонида, Никитина ж., 1641 № 21 л. 69. Уваровъ Демидъ, Курмышъ, 1652 № 117 л. 35. Уваровъ Тимоѳей Гурьевъ, Кашира, 1653 № 6 л. 1. Уваровъ Ѳедоръ Яковлевъ, жилецъ, 1653 № 6 л. 42. Угримовъ Василій, путной ключникъ, 1642 № 48 л. 8. Улыбышевъ Ларка, угличанинъ, 1640 № 55 л. 490. Ульянины Василій и Семенъ, Алатырь, 1653 № 6 л. 76. Унковской Лука, Ярославецъ Малый, 1640 № 55 л. 64, 79, 84, 85, 91. Унковской Ѳедоръ да Герасимъ Дурной, 1638 № 47 л. 87. Унковской Ѳедоръ Ѳедоровичъ 1638 № 47 л. 101; 1639 № 66 л. 252. Кн. Урусова Анна 1638 № 4 л. 89. Кн. Урусовъ Иванъ Ивановъ 1638 № 56 л. 108. Кн. Урусовъ Иванъ Степановъ съ сыномъ Иваномъ 1641 № 21 л. 9—11. Усовъ Алексѣй, охотникъ ловчаго пути, 1641 № 75 л. 163. Усовъ Андрей 1641 № 75 л. 3, 71. Усовъ Григорій 1638 № 56 л. 425 Усовъ Ларка 1641 № 75 л. 7. Кн. Ухтомской Петръ Григорьевичъ, пошехонецъ, 1640 № 78 л. 89—91. Кн. Ухтомской Романъ 1638 № 19 л. 2. Ушаковъ Герасимъ Семеновъ, жилецъ, 1641 № 75 л. 47. Ушаковъ Григорій Аѳрѣевъ, смольнянинъ, 1640 № 55 л. 461. Ушаковъ Денисъ 1641 № 75 л. 159. Ушаковъ Никита Леонтьевъ, недоросль Переяславля Залѣск., 1641 № 75 л. 8. Ушаковъ Ѳедоръ Ивановъ, смольнянинъ, 1640 № 78 л. 131—134.

Филатовъ Селиверстъ Пятой, сотн. моск. стрѣльцовъ, 1643 № 69 л. 1—2. Философовъ Алексѣй да Полтевъ Алексѣй и Жуковъ Василій, головы моск. стрѣльцовъ, 1638 № 56 л. 283. Философовъ Василій Ивановъ 1638 № 4 л. 182. Философовъ Иванъ Ивановъ 1629 № 38 л. 45; 1638 № 19 л. 77; № 56 л. 407. Фокинъ Дмитрій 1641 № 75 л. 151. Фокинъ Дмитрій да Волошенниновъ Михаилъ, подъяч. Посольск. прик., 1641 № 75 л. 151. Францбековъ Дмитрій 1638 № 1 л. 423. Фустовъ Иванъ 1638 № 56 л. 441. Фустовъ Иванъ 1638 № 56 л. 444.

Хадулинъ Василій, лебедянецъ, с. бояр., 1640 № 55 л. 54. Харзеевъ Ѳедоръ Васильевъ, Ярославль Бол., 1638 № 1 л. 245. Хатунской Тимоѳей Гавриловъ 1638 № 1 л. 8, 35—36. Кн. Хворостининъ Ѳедоръ 1638 № 19 л. 125, 207; 1639 № 90 л. 97. Кн. Хилковъ Иванъ 1639 № 65 л. 2. Кн. Хилковъ Петръ Андреевъ 1638 № 1. л. 168; 1639 № 65 л. 32; 1641 № 21 л. 190—1. Хитрово Богданъ 1638 № 4 л. 202. Хитрой Алферка 1638 № 19 л. 12. Хлоповъ Осипъ 1638 № 1 л. 28. Хлоповъ Ѳедоръ 1642 № 48 л. 3, 20. Кн. Хованская Татьяна, вдова, 1639 № 65. Кн. Хованской Григорій 1639 № 90 л. 73. Кн. Хованской Иванъ 1639 № 90 л. 72. Ходыревъ Матвѣй Ивановъ 1638 № 1 л. 536; 1653 № 6 л. 36, 38. Хомутовъ Иванъ Ерофеевъ, ярославецъ, 1640 № 55 л. 265. Хомяковъ Исакъ Ратаевъ, угличанинъ, 1640 № 55 л. 48, 50. Хоневъ, смольнянинъ, А. Ю. Моск. ст. № 194 л. 203. Хоневъ Иванъ, жилецъ, да Александръ Калитинъ 1638 № 8 л. 115—118. Хотѣтовской Гаврила Дмитріевъ 1638 № 19 л. 26. Хотяинцовъ Ѳедоръ Андреевъ 1640 № 56 л. 24. Хрущова, вдова съ дѣтьми Лукой, Дмитріемъ, Васпліемъ и Иваномъ, 1638 № 4 л. 210. Хрущовъ Григорій 1638 № 1 л. 509. Хрущовъ Степанъ 1639 № 65 л. 77. Хрущовъ Трофимъ 1639 № 90 л. 133, 144.

Цыплетевы Григорій да Савва, новоторжцы, недоросли, 1637 № 67 л. 165; 1640 № 76 л. 18, 28.

Чаплинъ Несмѣянъ 1629 № 38 л. 19; 1641 № 21 л. 144. Чеадаевъ Иванъ 1638 № 1 л. 357. Чеботаевъ Степанъ, Алатырь, 1653 № 6 л. 6. Чебышовъ Романъ 1638 № 19 л. 186. Чевкина Ульяна, вдова съ дѣтьми Григоріемъ и Васпліемъ, 1639 № 64 л. 11. Чевкинъ Василій 1638 № 1 л. 417. Челишевъ Иванъ, калужанинъ, 1640 № 55 л. 243. Челюскинъ Ермолай Никитинъ 1638 № 1 л. 491. Чемоданова Настасья Ѳедорова 1638 № 4 л. 69. Чемодановъ Осипъ 1638 № 1 л. 363. Чепкирпнъ, псковичъ, А. Ю. Моск. ст. № 194 л. 134. Черемисиновы Кириллъ Аѳанасьевъ да Тарасъ, мещияне, 1640 № 55 л. 190. Череповъ Иванъ, путивлецъ, 1639 № 64 л. 146, 147. Черной Иванъ Ивановъ, Ярославль Больш., 1639 № 64 л. 23. Черницовъ Василій, кречетникъ, 1653 № 6 л. 7. Чириковъ Иванъ 1638 № 1 л. 585; № 19 л. 179. Чириковы Константинъ да Пантелей и Степанъ 1638 № 4 л. 76. Чириковъ Степанъ Степановъ 1638 № 1 л. 90. Чирковъ Григорій, дв. м., 1629 № 38 л. 61. Чирковъ Максимъ 1641 № 75 л. 251. Чихачевы Василій да Иванъ, дв. м., 1629 № 38 л. 12.; 1638 № 1 л. 440; № 56 л. 340. Чичеринъ Андрей Григорьевъ 1638 № 1 л. 32; 1641 № 75 л. 220. Чичерины Андрей Григорьевъ Большой да Иванъ 1638 № 47 л. 151. Чичеринъ Иванъ 1638 № 1 л. 247. Чичеринъ Иванъ Ивановичъ 1638 № 56 л. 58—64. Чубаровъ Алексѣй, дв. м., 1629 № 38 л. 8. Чулковъ Иванъ, дв. м., 1629 № 38 л. 20. Чулковъ Григорій, сытникъ, 1641 № 75 л. 205. Чулковъ Иванъ 1638 № 1 л. 64. Чулковъ Любимъ 1614 № 75 л. 204.

Шапиловъ Артемій 1638 № 19 л. 226; № 56 л. 648; 1639 № 68, л. 154. Шапкинъ Никита, чарошникъ, 1641 № 75 л. 284. Шараповы Кизылбашъ да Ярославъ, калужане, 1640 № 55 л. 277. Шаталовъ Самсонъ Павловъ, мещанинъ, 1640 № 55, л. 135. Кн. Шаховская Алена Андреева 1638 № 4 л. 21. Кн. Шаховская Ульяна, вдова съ дѣтьми, 1641 № 21 л. 159. Кн. Шаховской Андрей Ѳедоровъ 1641 № 75

л. 153. Кн. Шаховской Дмитрій Даниловъ, дв. м., 1629 № 38 л. 2. Кн. Шаховской Михаилъ 1638 № 4 л. 224; 1640 № 56 л. 8. Кн. Шаховской Никита Леонтьевъ 1638 № 1 л. 69, 102; 1639 № 65 л. 84. Кн. Шаховской Петръ 1641 № 75 л. 139, 141. Кн. Шаховской Семенъ Ивановичъ 1638 № 47 л. 99. Кн. Шаховской Степанъ 1638 № 56 л. 176, 177; 1639 № 65 л. 94. Кн. Шелешпанской Семенъ 1638 № 1 л. 289; № 19 л. 198. Кн. Шелешпанской Яковъ 1638 № 4 л. 163. Шемякинъ Никита, стремянной конюхъ, 1638 № 8 л. 72—73, 138. Шепелевъ Вонинъ 1638 № 19 л. 19. Шереметевъ Иванъ Петровичъ 1638 № 4 л. 204; № 65 л. 8—12; 1639 № 90 л. 26—29. Шереметевъ Ѳедоръ Ивановичъ 1639 № 90 л. 62—70. Шестаковъ Григорій 1638 № 1 л. 402, 575. Шестаковъ Ѳома 1638 № 1 л. 18. Шетнева Марья, вдова, 1640 № 55 л. 31. Шетневы Иванъ Ивановъ да Левъ 1641 № 21 л. 124, 138. Шетневъ Тимоѳей Петровъ, костромитинъ, 1641 № 75 л. 277. Шетневъ Ѳедоръ Борисовъ, дв. м., 1629 № 38 л. 59. Шехиревъ Григорій, вологжанинъ, 1643 № 20 л. 1. Шейдякова Неалтатай, вдова, 1638 № 1 л. 379; № 65 л. 69—70. Шейдякова Чаумъ Ханышъ, вдова, 1641 № 21 л. 192. Кн. Шейдяковъ Леонтій 1638 № 1 л. 55. Шейсупова Марья, вдова съ дѣтьми, 1638 № 47 л. 38. Шиповъ Алексѣй 1638 № 1 л. 426. Шиповъ Иванъ, жилецъ, 1638 № 8 л. 6—11. Шиповъ Левъ, дв. м., 1629 № 38 л. 30. Ширины Иванъ да Провъ 1638 № 1 л. 343. Шишкинъ Григорій, дв. м., 1629 № 38 л. 24. Шишкины Григорій да Ѳедоръ 1638 № 56 л. 263. Шишкинъ Кипріанъ, смольнянинъ, А. Ю. Моск. ст. № 194 л. 88. Шишкинъ Ѳедоръ, дв. м., 1629 № 38 л. 24. Шокуровъ Михаилъ Васильевъ 1639 № 66 л. 186. Шуваловъ Григорій Васильевъ, Кострома, 1637 № 67 л. 150. Шушерина Лукерья, вдова, 1638 № 4 л. 38. Шушерины Данила да Климка и Левъ 1639 № 18 л. 17.

Кн. **Щ**епинъ-Ростовской Борисъ 1638 № 1 л. 331. Щепиловъ Алексѣй Михайловъ, вѣкошникъ, 1648 № 8 л. 124—6. Щепинъ Петръ 1640 № 55 л. 42. Кн. Щербатова Ульяна, вдова, 1638 № 4 л. 54. Кн. Щербатой Василій 1638 № 1. л. 367. Кн. Щербатые Давыдъ да Оспинъ 1639 № 90 л. 88. Щербининцовъ Ѳедоръ Петровъ, тверитинъ недоросль, 1640 № 56 л. 88. Кн. Щетининъ Михаилъ Васильевичъ 1638 № 1 л. 6.

Юрасовъ Ратманъ, карачевецъ, да Бошинъ Іевъ, 1640 № 55 л. 97. Юрасовы Трофимъ да Ѳедоръ, карачевцы, недоросли, с. бояр., 1640 № 55 л. 96. Юрьевъ Степанъ 1638 № 1 л. 433. ЮсуповъМатвѣй 1638 № 19. л. 32. Юшкова Соломонида, вдова, 1653 № 6 л. 86; 1639 № 90 л. 104. Юшковъ Гаврила Константиновъ 1638 № 1 л. 75. Юшковъ Григорій Михайловъ 1639 № 65 л. 72. Юшковъ Петръ 1638 № 1 л. 158.

Ягнетевы Давыдъ Мининъ да Савка, 1645 № 63 л. 1—4. Языкова Авдотья, вдова, 1641 № 21 л. 243. Языкова Марья, вдова, Торопецъ, 1639 № 64 л. 29. Языковъ Алексѣй Семеновъ 1638 № 56 л. 582, 583. Языковъ Василій Семеновъ 1638 № 56 л. 452. Языковъ Дружина Михайловъ 1638 № 1 л. 532—533; № 8 л. 119—121. Языковъ Максимъ 1629 № 38 л. 14; 1638 № 1 л. 578; № 47 л. 177, 181, 186. Языковъ Михаилъ 1642 № 48 л. 12, 13. Языковъ Михаилъ Ѳедоровъ 1638 № 1 л. 515. Языковъ Савка 1638 № 1 л. 540. Ярлыковъ Иванъ Ивановъ 1638 № 1 л. 328. Якимовъ Первой Ивановъ, рязанецъ, да Поцповъ Максимъ 1640 № 55 л. 222. Якушинъ Сила Петровъ, вязмитинъ, 1638 № 47 л. 189—190; 1639 № 64 л. 41—44. Яхонтовъ Иванъ Давыдовъ 1638 № 1 л. 549.

Ѳедоровъ Атлашка Богомиловъ, костромитинъ, 1640 № 78. л. 4—8. Ѳедоровъ Кирейка, лебедянецъ, с. боярск., 1640 № 55 л. 54. Ѳедоровъ Михаилъ 1642 № 48 л. 1.

ГЛАВА IV.

Сборъ съ посадовъ, чернаго населенія уѣздовъ и дворцовыхъ селъ.

1. Статистическія данныя Приказа сбора ратныхъ людей и финансовая схема сбора.

Статистическую схему для сбора налога съ посадовъ, чернаго населенія уѣздовъ и дворцовыхъ селъ Приказъ с. р. л. получилъ въ готовомъ видѣ изъ Помѣстнаго приказа, какъ объ этомъ можно заключить по сводной росписи, которой Приказъ с. р. л. руководился при сборѣ 147 г. [1]). Въ этой росписи данныя о населеніи были сведены въ слѣдующемъ порядкѣ: чети Владимірская, Галицкая, Устюжская, Костромская, Новгородская и Казанскій дворецъ. Изъ дворцовыхъ селъ въ эту роспись вошли только села области Казанскаго дворца: Казанскія, Свіяжскія, Кузьмодемьянскія, Курмышскія, Царевококшайскія, Царевосанчурскія, Яранскія. Подъ рубрикой Казанскаго же дворца вписаны и Муромскія Стародубскія дворцовыя села.

---

[1]) Кн. по Владиміру № 4. Эта книга была использована въ изслѣдованіи П. Н. Милюкова „Государственное хозяйство и пр.“ и въ статьѣ С. К. Богоявленскаго въ I т. „Трудовъ Археографической Комиссіи Московскаго Археологическаго Общества“. Статистическія данныя, относящіяся къ Поморскому краю, см. въ кн. М. М. Богословскаго „Земское Самоуправленіе на сѣверѣ“, т. I. Схема сбора даточныхъ съ дворцовыхъ селъ и волостей, съ владѣній патріарха, властей и монастырей, см. т. X, с. 278. Р. П. Б.

Статистическая схема, положенная въ основу операцій Приказа, была слѣдовательно такова:

	Всего дворовъ.	Число посадскихъ дворовъ.	Число уѣздныхъ дворовъ.
Новгородская четь	38511	6580	31931
Устюжская четь	18390	2234	16156
Казанскій дворецъ [1])	12062	4578	7484
Костромская четь	3861	3861	—
Галицкая четь	1945	1945	—
Владимірская четь	1790	1790	—
Итого . . .	76559	20988	55571

Посады слѣдовали по количеству своихъ посадскихъ дворовъ въ такомъ порядкѣ:

	Дворовъ.		Дворовъ.
Алексинъ	4	Олаты	16
Крапивна	4	Цивильскъ	16
Дѣдиловъ	7	Клинъ	17
Зубцовъ	7	Турчасовъ	18
Козельскъ	7	Ядринъ	19
Василь-Сурскъ	12	Таруса	20
Лихвинъ	13	Порховъ	20½
Мещовскъ	13	Алатырь	22
Погорѣлое Городище .	14	Судиславль	23
Царевококшайскъ . .	14	Ярославецъ Малый .	23
Кашира	15	Уфа	23
Парѳеньевъ	15	Малая Соль	24
Кадомъ	16	Царевосанчурскъ . . .	25

[1]) Включаемъ сюда условно и отнесенныя подъ рубрику Казанскаго дворца дворцовыя села.

	Дворовъ.		Дворовъ
Верея	26	Бѣлоозеро	64
Уржумъ	26	Ржева Володимірова	68
Волоколамскъ	30	Старая Руса	68
Воротынскъ	30	Тетюши	69
Карачевъ	30	Кашинъ	70
Арскъ	31	Большая Соль	79
Венева	31	Владиміръ	80
Кадыевъ	32	Нерехта	80
Елатьма	35	Путивль	80
Одоевъ	35	Можайскъ	88
Звенигородъ	36	Галичъ	97
Чухновъ	36	Луки Великіе	98
Лухъ	37	Дмитровъ	105
Малмыжъ	38	Переяславль Рязанскій	107
Старица	39	Соль Галицкая	116
Торопецъ	39	Лаишевъ	123
Унжа	39	Бѣлевъ	125
Гдовъ	40	Зарайскъ	128
Кольскій острогъ	40	Кай-городъ	130
Яранскъ	40	Городецкъ (Бѣжецкій Верхъ)	134
Руза	41	Каргополь	146
Буй-городъ	42	Юрьевъ Польской	149
Опочка	47	Шуя	154
Ладога	49	Орловъ	156
Самара	50	Тула	156
Кременескъ	51	Болховъ	167
Ядринъ	53	Любимъ	168
Вымь Яренская	54	Калуга	171
Пустозерскъ	54	Устюжна Желѣзополь-ская	178
Боровскъ	55	Мценскъ	183
Михайловъ	56	Вязьма	188
Темниковъ и Новая Слобода	61	Суздаль	203
Серпуховъ	63		

	Дворовъ.		Дворовъ.
Романовъ	206	Соль Камская	355
Тотьма	215	Торжокъ	419
Чебоксары	216	Новгородъ Великій . .	472½[1]
Гороховецъ	236	Арзамасъ	488
Тверь	241	Устюгъ Великій	689
Муромъ	267	Вятка (въ 5 городкахъ)	707
Ростовъ	273	Двинскіе посады	734½
Вологда	293	Псковъ	940[2]
Соль Вычегодская . .	293	Нижній Новгородъ . .	1066
Чердынь	304	Кострома	1219
Свіяжскъ	305	Москва	1221
Переяславль Залѣсскій	328	Казань	1333
Коломна	355	Ярославль	1350

Въ сводной книгѣ Приказа (по Владиміру № 4) нѣтъ данныхъ о количествѣ посадскихъ дворовъ въ Брянскѣ, Ельцѣ, Епифани, Кашинѣ, Курмышѣ, Курскѣ, Липнахъ, Медыни, Оболенскѣ, Орлѣ, Перемышлѣ, Ряжевѣ Пустой, Рыльскѣ, Рязскѣ, Серпейскѣ, Угличѣ, Чернѣ, Шацкѣ.

По количеству дворовъ перечисленные посады дѣлятся на группы слѣдующимъ образомъ:

Менѣе 50 дв.	50—100 дворовъ.	100—150 дворовъ.	150—200 дворовъ.	200—300 дворовъ.	300—400 дворовъ.	400—500 дворовъ.	500—600 дворовъ	600—700 дворовъ.	700—800 дворовъ.	800—900 дворовъ.	900—1000 дворовъ.	1000—1100 дворовъ.	1100—1200 дворовъ.	1200—1300 дворовъ.	1300—1400 дворовъ.
50	21	10	9	10	5	3	—	1	2	—	1	1	—	2	2

Въ большинствѣ посадовъ (90 посадахъ изъ 117) было менѣе 200 дворовъ, и только въ 27 было болѣе 200 дворовъ. Посадовъ, въ которыхъ было болѣе 1000 дв., насчитывается всего 5: это столица, торговые центры верхняго Поволжья (Ярославль, Кострома) и средняго Поволжья (Нижній Новгородъ, Казань).

[1]) Въ новгородскихъ рядкахъ сверхъ того 46½ дворовъ.

[2]) Въ псковскихъ пригородахъ сверхъ того 39 дворовъ.

Къ нимъ приближаются только торговые узлы: сѣверный—Устюгъ (689 дв.), сѣверо-западный — Псковъ (940 дв.), да совокупность Двинскихъ посадовъ (734½ дв.) [1]).

По количеству черныхъ и дворцовыхъ дворовъ уѣзды и отдѣльныя группы слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ [2]):

	Дворовъ.		Дворовъ.
Яранскія дворцовыя села	80	Турчасовскій у.	1671
Царевококшайскія дворцовыя села	83	Чаронда	1847
Уфимскій уѣздъ . . .	143	Тотемскій у.	2180
Старо-русскіе погосты .	202	Курмышскія дворцовыя села	2215
Свіяжскія дворцовыя села	240	Каргопольскій у. . . .	2241
Царевосанчурскія дворцовыя села	241	Кеврола и Мезень . . .	2653
Кузьмодемьянскія дворцовыя села	291	Казанскія дворцовыя села	2718
Нижегородскій уѣздъ (мордва и бортники)	496	Яренскій у.	2839
Кай-городскій у. . . .	861	Двинскій у.	3463
Устьянскія волости . .	969	Пермь (Соликамскій у., Строгановскія владѣнія, Чердынскій у.) .	3548
Арзамасскій у. (мордва и бортники)	1279	Соль-Вычегодскій у. . .	4076
Новгородскій у. (Сумерская волость, Старополье, Лопскіе погосты)	1319	Вятскій у. (черное населеніе и инородцы) .	5459
		Заонежскіе погосты . .	6014
Муромскія Стародубскія дворцовыя села . . .	1484	Устюжскій у.	7084

Главная масса посадскаго и чернаго населенія составлялась изъ 15 группъ, лежавшихъ сѣвернѣе параллели Новгорода В. въ слѣдующемъ, идя съ запада на востокъ, порядкѣ: Новгородскій у., Заонежье, Чаронда, Каргопольскій у., Турчасовскій у., Тотемскій у., Устьянскія волости, Устюжскій у., Двинскій у.,

[1]) 707 дворовъ Вятки имѣютъ условное значеніе, такъ какъ они распредѣлялись на дѣлѣ между 5 городками.

[2]) Данныя эти беремъ также изъ кн. по Владиміру № 4.

Соль-Вычегодскій у., Кеврола и Мезень, Яренскій у., Кай-городскій у., Вятскій у., Пермь. Главная масса дворцовыхъ селъ была расположена въ Муромскомъ, Курмышскомъ и Казанскомъ уѣздахъ. Значительная группа мордвы и бортниковъ (1775 дв.) находилась въ двухъ сосѣднихъ уѣздахъ, Нижегородскомъ и Арзамасскомъ.

Приказъ не предпринялъ предварительной провѣрочной работы относительно выведенныхъ для него цифръ дворовъ подобно той работѣ, которую онъ продѣлалъ относительно служилыхъ людей. Цифры, имъ положенныя въ основаніе расчетовъ, первоначально разсматривались какъ неподлежащія провѣркѣ, и населенію удавалось корректировать ихъ уже только при самомъ процессѣ взиманія.

Отношеніе Приказа къ статистикѣ дворовъ въ отдѣльныхъ посадахъ и уѣздахъ еще неряшливѣе, чѣмъ отношеніе его къ статистикѣ служилаго дворовѣдѣнія, см. напр. ниже недоразумѣнія съ окладами Калуги, Каргополя, Коломны, Ладоги, Пскова, Устюга, Яренскаго уѣзда и др.

По приведенному расчету дворовъ окладъ налога, падавшій на посадское, черное и дворцовое населеніе, равнялся 2 р. × 76559, т.-е. **153118** р., а при сохраненіи 2 р. только для посадскихъ дворовъ и пониженіи оклада до 1 р. для дворовъ уѣздныхъ, онъ равнялся для посадовъ 41976 р., а для уѣздовъ – 55571 р., всего **97547** р., т.-е. понизился до 63% своего прежняго размѣра.

Обращаемся къ изученію самаго взиманія съ отдѣльныхъ посадовъ и уѣздовъ. Для удобства справокъ располагаемъ матеріалъ наблюденій въ алфавитномъ порядкѣ, измѣняя перечисленіе посадовъ и уѣздовъ по четвертямъ, встрѣчаемое нами въ книгѣ, служившей для Приказа с. р. л. точкой отправленія при взиманіи сбора на 147 г.

2. Ходъ сбора съ посадовъ и черныхъ уѣздовъ.

Алатырь, 22 дв.—Данныхъ о сборѣ съ посада нѣтъ.

Алексинъ, 4 дв.—Въ 146 г. А. посадъ обслуживалъ устройство засѣчной черты. Данныхъ о сборѣ съ посада на 146 г. нѣтъ. Въ 147 г. А. Заболотскому велѣно по грамотѣ, полученной имъ $^{31}/_{V}$,

взять на А. посадѣ 8 рублей. $^{15}/_{VII}$ онъ послалъ 6 руб., такъ какъ владѣлецъ четвертаго двора, Бузовцевъ, умеръ, а сынъ его „побѣжалъ невѣдомо куда“ [1]). Дальнѣйшее взысканіе, повидимому, не производилось.

Арзамасъ, на посадѣ 488 дв., въ уѣздѣ мордвы и бортниковъ 1279 дв.—Приказъ потребовалъ съ А. посада 976 р. и съ уѣзда 2558 р. $^2/_3$ своего оклада на 146-й годъ арзамасцы заплатили, а $^1/_3$ по ихъ челобитью была съ нихъ сложена наравнѣ со всѣми ихъ четвертными платежами вслѣдствіе удостовѣреннаго Новгородской четвертью разброда посада. Къ $^{30}/_I$ 148 г. арзамасцы заплатили на 147-ой годъ только 450 р. Доимка не была ими погашена до 156 г. По новому ихъ челобитью сложеніе $^1/_3$ было имъ подтверждено, а 200 р. 22 а. $1^1/_2$ д. велѣно доставить въ Приказъ с. р. л. къ Рождеству 156 г. Арзамасцы расплатились съ Приказомъ с. р. л. начисто только весной 156 года.

Съ мордвы и бортниковъ къ 1 октября 147 г. воевода Ѳедоръ Сухотинъ вмѣсто 2558 р. собралъ согласно его отпискѣ съ $81^1/_2$ дв. 163 р. и то съ большимъ трудомъ,—мордва разбѣгалась. Поступленіе на 146 г. за 146—147 гг. по Счетному дѣлу (§ 45) показано, однако, равнымъ 1008 р. Изъ грамоты Приказа отъ $^{17}/_{III}$ 159 г. видимъ, что въ 159 г. на мордвѣ и бортникахъ числилось въ недоборѣ на 146 г. 1558 р., а на 147 г.—„цѣлой окладъ 2558 р.“, „и тѣхъ денегъ съ мордвы и бортниковъ не присылывано ничего“. Напоминаніе Приказа, повидимому, не возымѣло дѣйствія. Къ 161 г. получено было изъ недоимки только 8 р., а 4108 р. продолжали числиться за мордвой и бортниками. Сумму эту по челобитью мордвы „для ихъ бѣдности“ разсрочили еще на четыре года. Въ 161 г. она должна была заплатить одну четвертую часть, т.-е. 1027 рублей. Изъ отписки а. воеводы Астафія Власова узнаемъ, что его предшественникъ Аверкій Апухтинъ послалъ 593 р., да еще долженъ былъ передать ему 180 р. 13 ал. 3 д., но изъ этой суммы Апухтинъ не отчелся передъ Власовымъ въ 12 р. 9 д. Самъ Власовъ по напоминанію изъ Приказа отъ $^{31}/_{XII}$ 161 г. собралъ 168 р. 11 а. 1 д. и представилъ этотъ сборъ въ Приказъ $^{21}/_I$ 161 г., предупреждая его относительно непосильности дальнѣйшихъ требованій [2]).

---

[1]) 1639 г. № 36 л. 63.

[2]) 1638 г. № 62 л. 19—23 и 1643 г. № 42 л. 299—300.

Балахна.—Данныхъ нѣтъ.

Болховъ, 167 дв.—О сборѣ на 146 г. данныхъ нѣтъ. О сборѣ на 147 г. б. воев. кн. Иванъ Волконскій получилъ грамоту $^{3}/_{VI}$. Къ $^{18}/_{VIII}$ онъ представилъ сполна 334 р. [1]).

Боровскъ, 55 дв.—О сборѣ на 146 г. данныхъ нѣтъ. Сборъ на 147 г. губ. ст. Воинъ Маринъ доставилъ въ Приказъ къ $^{16}/_{IX}$ 148 г. [2]).

Буй-Городъ.—См. Кострома.

Бѣжецкій Верхъ, Городецкъ, 134 дв.—Въ 146 г. сборъ поступилъ исправно [3]). О сборѣ на 147 г. данныхъ не имѣемъ.

Бѣлевъ, 125 дв.—Въ 146 г. Б. посадъ обслуживалъ устройство Лихвинскихъ засѣкъ. Сверхъ засѣчной повинности бѣлевцы должны были заплатить на 146 и 147 гг. по 2 руб. съ двора и въ Приказъ с. р. л. Сборъ этотъ въ 146 г. не поступилъ совершенно. Б. воевода Степанъ Вельяминовъ въ отвѣтъ на полученную имъ $^{13}/_{II}$ 147 г. грамоту изъ Приказа сообщалъ, что „ни лучшіе, ни середніе ни молодшіе люди до 14 марта (147 г.) ничего къ нему не принесли“, несмотря на распоряженіе привезти налогъ еще по зимнему пути 146 г. [4]) $^{20}/_{IV}$ б. воевода Юрій Колединскій получилъ грамоту о взысканіи съ бѣлевцевъ 68 р. на 146 г. и 250 р. на 147 г. Въ маѣ 148 г. онъ жаловался въ Приказъ, что бѣлевцы мотчаютъ, по $^{8}/_{V}$ денегъ не припашивали, „и я, кончалъ отписку Колединскій, по твоей г. грамотѣ за то мотчанье посадскаго старосту и посадскихъ лучшихъ людей пять человѣкъ велѣлъ посадить въ тюрьму“ [5]). На бѣлевцевъ, которыхъ насчитывалось на дѣлѣ всего на всего 45 дв., въ 146 г. обрушились двѣ разныхъ тяжелыхъ повинности, да въ теченіе четырехъ лѣтъ имъ пришлось дѣлать кромѣ того „своими головами“ городъ Бѣлевъ. Они обратились съ челобитьемъ объ облегченіи въ Москву. Лѣтомъ 148 г. имъ удалось добиться подписной челобитной,—съ нихъ рѣшено было взять подобно нѣкоторымъ другимъ посадамъ съ живущаго, и 318 рублей доимки были сложены [6]).

---

[1]) Кн. по Владиміру № 4 л. 142 и 1639 г. № 14 л. 92.
[2]) 1639 г. № 14 л. 118, 119.
[3]) 1638 г. № 25 л. 42.
[4]) 1638 г. № 25 л. 68—70.
[5]) 1640 г. № 68 л. 5—6.
[6]) 1640 г. № 8 л. 237—8, 1642 г. № 152 л. 3.

Бѣлоозеро, 64 дв.—О сборѣ на 146 г. данныхъ нѣтъ. Судя по отсутствію слѣдовъ доимки сборъ прошелъ гладко. Грамоту о сборѣ на 147 г. 128 р. б. воевода Никита Ласкиревъ получилъ $^{16}/_{VI}$. $^{29}/_{VII}$ онъ послалъ 64 р. и продолжалъ собирать остальное, но вторая половина сбора была представлена въ Приказъ с. р. л. только его преемникомъ Лукьяномъ Плещеевымъ $^{13}/_{VII}$ 148 г. по особому напоминанію изъ Приказа, полученному воеводой $^{11}/_{VI}$ 148 г. [1]).

Василь, 12 дв.—Данныхъ о сборѣ съ посада нѣтъ.

Веневъ, 31 дв.—50 ч. Въ 146 г. Въ посадъ участвовалъ въ засѣчныхъ работахъ, и слѣдовъ сбора съ него въ Приказъ с. р. л. нѣтъ. Въ 147 г. свои 62 р. В. посадъ уплатилъ $^{18}/_{VII}$ 147 г. [2]).

Верея, 26 дв.—Сборъ на 146 г. поступилъ, повидимому, исправно, такъ какъ слѣдовъ доимки нѣтъ. Грамота о сборѣ на 147 г., помѣченная въ Приказѣ $^{30}/_{IV}$, была получена въ Верее воеводой Артеміемъ Кутузовымъ только $^{1}/_{VII}$. „А въ твоей г. грамотѣ, писалъ Кутузовъ, число написано апрѣля въ 30 день, а твою г. грамоту изъ Боровска губной староста Осипъ Маришкой не прислалъ“ [3]). $^{14}/_{VIII}$ деньги отъ него, 52 р., были получены [4]).

Владиміръ, 80 дв.—Сборъ на 146 г. повидимому, поступилъ исправно: слѣдовъ доимки нѣтъ. Требованіе собрать съ В. посада 160 р. на 147 г. было получено в. воеводой Дм. Сабуровымъ $^{18}/_{V}$. Сабуровъ послалъ деньги $^{30}/_{IX}$ 148 г. Въ приказѣ онѣ получены $^{17}/_{X}$ 148 г. [5]).

Вологда, 293 дв.—521 ч.—Данныхъ не имѣемъ, но, кажется, сборъ поступилъ исправно.

Волоколамскъ, 30 дв.—Данныхъ о сборѣ на 146 г. нѣтъ. По видимому сборъ поступилъ исправно, такъ какъ слѣдовъ доимки тоже нѣтъ. Грамоту о сборѣ на 147 г. в. воевода Борисъ Бибиковъ получилъ $^{23}/_{V}$. Къ $^{17}/_{VII}$ 147 г. деньги были уже доставлены въ Приказъ [6]).

Воротынскъ, 30 дв.—Въ 146 г. В. посадъ обслуживалъ устройство засѣчной черты, и в. воевода могъ выслать въ 146 г. съ

---

[1]) 1639 г. № 14 л. 96—7 и 1640 г. № 54 л. 9—11
[2]) 1639 г. № 4 л. 82.
[3]) 1639 г. № 26 л. 18.
[4]) 1639 г. № 14 л. 91.
[5]) 1639 г. № 14 л. 127—130.
[6]) 1639 г. № 14 л. 57.

посада въ Приказъ с. р. л. только 20 р. Сбору не помогъ и правежъ. Доимка [28]/v 148 г. была сложена [1]).

Вязьма, 188 дв. — 191 чел. — Съ В. наравнѣ съ Можайскомъ и Звенигородомъ налогъ былъ сложенъ, повидимому, на оба года [2]).

Вятка, 1) „Во всѣхъ 5 городахъ"—707 дв.,—732 ч., 2) въ В. уѣздѣ „во всѣхъ пригородахъ и черныхъ волостяхъ"—4892 дв.—5946 ч., 3) инородцевъ (каринскіе татары, вотяки и чуваши)—567 дв.—673 ч.

Въ 146 г. со всей В. (посадовъ и волостей) по Счетному дѣлу (§ 45) поступило 4733 р.

[30]/x 150 г. на В. была отправлена циркулярная „полная грамота", содержащая напоминаніе о доимкѣ съ посадовъ на 146—7 гг. [3]). Но еще въ 155 году В. не уплатила своей доли налога. Въ 155 г. [27]/v в. воевода кн. Иванъ Ухтомскій получилъ напоминаніе о высылкѣ доимки 190 р. 6 ал. 2 д. Приказъ выговаривалъ, упрекая вятчанъ въ томъ, что были посыланы многія грамоты, но до [12]/i 155 г. деньги не были присланы. Къ [14]/vii того же года кн. Ухтомскій доправилъ и представилъ сполна всю доимку съ посадовъ и 6 р. прогоновъ [4]). Данныхъ о сборѣ съ уѣзда нѣтъ.

Галичъ. Галичъ — 97 дв. — 112 ч., Парѳеньевъ—15 дв.—15 ч., Унжа посадъ—39 дв.—Въ 146 г. Г. посадъ внесъ свою долю налога, повидимому, исправно: слѣдовъ доимки нѣтъ. Къ [20]/viii г. воевода кн. Петръ Щетининъ прислалъ съ Парѳеньева сполна 30 р. Съ Унжи онъ ничего взять не могъ вслѣдствіе пустоты [5]). Въ 147 г. г. губные старосты Свонтинъ Шишкинъ да Иванъ Свиньинъ получили грамоту о сборѣ [18]/v. Къ [18]/vii они доставили въ Приказъ 30 р. съ Парѳеньева. [5]/ix 148 г. они получили напоминаніе о присылкѣ съ Галича 194 р Деньги были полностью доставлены въ Приказъ къ [27]/x 148 г. [6]).

Объ Унжѣ въ Приказѣ вспомнили въ 152 г.: [12]/xii 152 г. велѣно было доправить съ Унжи 156 р. (39 р. 2. 2) на 146 и 147 гг.,

---

[1]) 1639 г. № 14 л. 95 и 1640 № 8 л. 167—8.
[2]) 1640 г. № 8 л. 195—7.
[3]) 1641 г. № 52, л. 19, 25—26.
[4]) 1643 г. № 42, л. 100.
[5]) 1638 г. № 24 л. 26.
[6]) 1639 г. № 14 л. 134.

но воевода Т. Танѣевъ отвѣчалъ, что денегъ за пустотою доправить нельзя [1]).

Городецкъ.—См. Бѣжецкій верхъ.

Гороховецъ, 236 дв.—278 ч.—О сборѣ съ Г. на 146 г. нѣтъ данныхъ. Въ 147 г. сборъ замедлился: [18]/x 149 г. г. воеводѣ кн. Степану Аѳанасьевичу Шаховскому было отправлено циркулярное напоминаніе о сборѣ [2]). Въ концѣ 149 и началѣ 150 г. гороховляне хлопотали въ Москвѣ о томъ, чтобы ихъ пустые дворы были выложены изъ оклада, но не успѣли въ этомъ. Въ 159 г. 348 р. доимки были разсрочены гороховлянамъ на 3 года по 116 р. въ годъ. [31]/xii 159 г. Лошаковъ отправилъ очередной взносъ —116 р., но Приказъ получилъ только 110 р., такъ какъ цѣловальникъ Максимъ Клубковъ „6 рублей, сказалъ, съ нимъ не послано". [3]) Дальнѣйшая судьба доимки невидна.

Двина, Архангельскъ и Холмогоры—717½ дв. кр. и 17 дв. боб., Двинскій уѣздъ: черныхъ крестьянъ 3216 дв. кр. и 45 дв. боб., церковныхъ крестьянъ—22 дв., 37 погостовъ—140 дв., Воздвиженская деревня—40 дв. Итого посадскихъ дворовъ 734½, уѣздныхъ 3463 дв., съ которыхъ Приказъ потребовалъ первоначально 8395 р.

Къ [12]/vii 146 г. при отпискѣ ст. и воев. кн. Василія Львова прислано было 2500 р., а всего на 146 г. съ Д. посадовъ и съ Д. у. прислано 4745 р. 16 ал. 4. д. „а что съ посаду и съ уѣзду взято порознь, и того съ отпискахъ имянно не росписано". Но по Счетному дѣлу (§ 45) въ поступленіи на 146 г. за 146—7 гг. значится только 4445 р. 16 ал. 4 д. Такъ какъ сборъ съ уѣзда былъ пониженъ до 1 р. съ двора, то окладъ для Двины сталъ равняться 1469 р. + 3463 р., т. е. 4932 р. На 146 г. въ 148 г. въ доимкѣ Приказъ считалъ 486 р. 16 ал. 4 д.[4]), — цифра согласная со Счетнымъ дѣломъ. Староста Роспутко Спиридоновъ съ товарищи и во всѣхъ посадскихъ и уѣздныхъ крестьянъ мѣсто били челомъ, указывая на то, что „на Д. послѣ писца многіе люди померли, а иные отъ недостатку и отъ хлѣбные дорогови розбре-

---

[1]) 1640 г. № 33 л. 95—96.
[2]) 1639 г. № 35 л. 109 и 111.
[3]) 1643 г. № 42 л. 186, 1645 г. № 37
[4]) 1641 № 52 л. 2—7.

лись врознь, и отъ многихъ податей дворы ихъ запустѣли. Государь бы ихъ пожаловалъ, не велѣлъ ихъ въ тѣхъ достальныхъ деньгахъ за пустые дворы на правежѣ замучить, а велѣлъ бы съ нихъ сбавить противъ своихъ г. крестьянъ черныхъ волостей". По докладу Ив. Гавренева 3/XI 147 г. г. пожаловалъ, велѣлъ съ пашенныхъ крестьянъ взять съ двора по рублю, а съ торговыхъ дворовъ взять по 2 р. Новый д. воевода Борисъ Шереметевъ да дьякъ Потапъ Впуковъ были увѣдомлены объ этомъ 19/XII 147 г. 11/IV 147 г. на 146-ой г. прислано было 1311 р. съ полтиной, „Обоево съ Двины и Д. уѣзду въ приходѣ на прошлый на 146 годъ 3811 р. съ полтиною, и не дослано противъ прежняго окладу 4583 р. съ полтиной". „А есть ли, продолжаетъ приказная вѣдомость, составленная въ концѣ 147 г., въ Д. уѣздѣ торговые люди, и сколько тѣхъ денегъ взято съ торговыхъ и съ пашенныхъ людей порознь, о томъ съ Двины воевода Борисъ Шереметевъ и дьякъ Потапъ Впуковъ нынѣшняго 147 года августа по.... (пропускъ) число къ г. не писывалъ и росписи торговымъ и пашеннымъ людемъ не присылывалъ". „А что по новому розбору донять на прошлой на 146 г. денегъ на торговыхъ людѣхъ и на пашенныхъ крестьянѣхъ порознь, того въ Приказѣ с. р. л. невѣдомо, и затѣмъ и окладу деньгамъ положить немочно. А на нынѣшній на 147 г. съ Двины и съ Д. уѣзда денегъ ничего не прислано" [1]).

На 147 г. посады заплатили 579 р., а 890 р. оставались въ доимкѣ[2]). Въ концѣ 147 г. Приказъ подтвердилъ свое требованіе „переписать, хто имяны торговыхъ людей и пашенныхъ крестьянъ порознь", и д. воеводѣ Шереметеву былъ посланъ циркулярный выговоръ [3]). Дворы церковные, погосты, Воздвиженская деревня въ этой перепискѣ обойдены молчаніемъ, но въ 149 г. воевода Борисъ Шереметевъ и Ив. Ломакинъ сбираютъ съ посадовъ 1469 р., а съ уѣзда 3463 р., включая очевидно въ окладъ и эти дворы. По 11/X 149 р. было собрано на 147 г. съ посадовъ 394 р., а съ уѣзда 1294 р. 25 ал., да съ 11/X по 15/XII 149 г. они собрали съ посадовъ 185 р. 16 ал. 4 д. и съ уѣзда 278 р. съ полтиной,

---

[1]) 1638 № 64 л. 5—9.
[2]) 1641 № 52 л. 2—7.
[3]) 1639 № 35 л. 11—13 и 37—38.

всего 464 р., что съ прежнимъ поступленіемъ этого года составило 2152 р. 25 ал. Сборъ былъ произведенъ съ величайшимъ напряженіемъ. Въ своей отпискѣ воеводы категорически высказывались противъ возможности дальнѣйшаго сбора въ виду разбѣга Архангельскаго и Кулуйскаго посадовъ[1]). Но уже [26]/п 149 г. Приказъ потребовалъ добрать доимку, всего 4932 р. Къ концу 149 г. воеводы собрали на 147 г. съ посадовъ 76 р. и съ уѣзда 321 р. съ полтиной, всего 397 р. съ полтиной „въ прибавку къ прежнему платежу“ и прислали этотъ сборъ къ въ Москву [18]/vш. На 147 г. въ доимкѣ на Архангельскомъ посадѣ оставалось 93½ р., на Холмогорскомъ — 620 р. да на Д. уѣздѣ 1568 р. 8 ал. 2 д., а всего 2281 р. 25 ал. Въ отпискѣ, полученной Приказомъ [6]/х 150 г., воеводы сообщаютъ, что правятъ доимку. Отписка повторяла то, что они доносили и въ 149 г.: „Архангельсково города и Кулуйскаго посаду посадскіе люди разбѣжались отъ твоихъ г. податей, и тѣхъ денегъ доправить не на комъ, и о томъ, г., мы, х. т., напередъ сево писали къ тебѣ“ [2]). [22]/х 150 г. изъ Приказа уже была отправлена отвѣтная грамота, сообщавшая о полученіи 397 г. съ полтиной и требовавшая правежа 1807 р. неуплаченной доимки: „... а будетъ посадскіе и уѣздные люди нашихъ денегъ не учнутъ платити, и о томъ писанъ нашъ указъ къ вамъ полной въ нашей грамотѣ въ прошломъ во 148 г. 15 іюля и въ 28 де“ [3]). Длительныя хлопоты архангелогородцевъ о сложеніи съ нихъ неносильнаго при ихъ пустотѣ оклада не увѣнчались успѣхомъ [4]). [17]/п того же 150 г. на Д. было послано циркулярное напоминаніе объ этой доимкѣ на имя новаго воеводы кн. И. Н. Хованскаго [5]). Приказъ сдѣлалъ затѣмъ нѣкоторую передышку. Слѣдующее напоминаніе о доимкѣ относится уже къ 152 г. Кн. И. Ромодоновскій и Ив. Ломакинъ [11]/п 152 г. получили грамоту съ приказаніемъ донять доимку на 146—7 гг. съ указаніемъ на то, что „о тѣхъ деньгахъ посланы многія грамоты къ прежнимъ воеводамъ“. Воеводы отвѣчали обстоятельнымъ описаніемъ разоренья Д. посадовъ и уѣзда и приложили роспись

[1]) 1640 № 54 л. 38—43.
[2]) 1641 № 1 л. 37—40.
[3]) 1641 № 52 л. 9.
[4]) 1641 № 52 л. 2—4.
[5]) 1641 № 52 л. 31—33.

доимки, простиравшейся до 946 р. 16 ал. 4 д., которой „взять не на комъ“[1]). Въ отпискѣ, отправленной за только что цитированной и полученной въ Приказѣ $^{6}/_{III}$ 152 г., Ромодановскій и Ломакинъ приводили подробный расчетъ полученій этого налога съ Двины. По $^{4}/_{II}$ 150 г. послано 4110 р. 8 ал. 2 д., да въ 151—2 гг. доправлено 71 р. 15 ал. 4 д., посланныхъ $^{4}/_{II}$ 152 г. Доправить остальную доимку— „никоими обычаи не на комъ“. На этой отпискѣ рукой М. Невѣрова приписано: „Всего во взятьѣ 4181 р. 24 алтына“[2]). Въ іюнѣ 155 г. кн. Ю. Буйносовъ-Ростовскій, Илья Безобразовъ и Калистратъ Жоховъ вслѣдствіе напомнанія изъ Приказа приступили къ правежу доимки на двинянахъ на 146—7 гг. въ размѣрѣ 1236 р. 26 ал. Къ концу октября 156 г. они доправили и переслали въ Приказъ 151 р. 31 ал. $2^{1}/_{2}$ д. и продолжали править остальную доимку[3]). $^{21}/_{VII}$ 158 г. Приказъ послалъ на Двину Ѳедору Бутурлину и Ивану Селетцыну напоминаніе о доимкѣ на 146—7 гг. въ размѣрѣ 1309 р. 8 ал. 2 д. и стоимости прогоновъ на 2 подводы „за огурство“. Въ обстоятельной отпискѣ, полученной въ Приказѣ $^{16}/_{I}$ 159 г., Бутурлинъ и Селетцынъ разсказали всю исторію сборовъ съ Двины. На оба года, 146 и 147, всего надо было взять съ $4197^{1}/_{2}$ дв. 9864 р., а взято было: $^{24}/_{V}$ 146 г. — 2500.; $^{24}/_{III}$ 147 г. — 1311 р. 16 ал. 4 д.; $^{4}/_{IX}$ 148 г. — 438 р.; $^{26}/_{X}$ 148 г. — 196 р.; $^{9}/_{X}$ 149 г. — 1688 р. 25 ал.; $^{19}/_{XII}$ 149 г. — 464 р.; $^{18}/_{VIII}$ 149 г. — 397 р. 16 ал. 4 д.; $^{3}/_{XII}$ 150 г. 1386 р. 20 ал. $^{9}/_{II}$ 150 г.— 173 р. 13 ал. 2 д.; $^{4}/_{II}$ 152 г. — 71 р. 15 ал. 4 д.; $^{20}/_{IX}$ 156 г.—151 р. 31 ал. $2^{1}/_{2}$ д. „Обоево“ – 8779 р. 5 ал. $2^{1}/_{2}$ д. На эти взносы въ съѣзжей избѣ нашлись отписи. Бутурлинъ и Селетцынъ высчитали доимку въ 1084 р. 27 ал. $5^{1}/_{2}$ д.: въ г. грамотѣ, по ихъ увѣренію, было приписано 223 р. 13 ал. $4^{1}/_{2}$ д. Воеводы завѣряли, что платежъ этотъ вообще непосиленъ для населенія. Приказъ попрежнему относился къ этимъ завѣреніямъ воеводъ недовѣрчиво, и на отпискѣ Бутурлина была положена такая помѣта: „159-го генваря въ 16 де. Околничей князь Дмитрей Петровичъ Львовъ велѣлъ деньги збирать, смотря по людемъ. Будетъ вдругъ собрати немочно, и имъ развытить полѣтно, а съ

[1]) 1640 № 33 л. 76—85.
[2]) 1643 № 42 л. 17—19.
[3]) 1642 № 4 л. 120—121.

Ѳедора Мельцова и съ сына его и съ внука деньги взять...[1])“ [1]/III 159 г. была отправлена изъ Приказа соотвѣтствующая грамота. Повидимому, она разошлась съ отвѣтной отпиской воеводъ, въ которой они опять доказывали ошибку Приказа, исчислявшаго доимку съ Двины на 146—7 гг. въ 1309 р. 8 ал. 2 д. „А что, г., писали Бутурлинъ и Селетцынъ, въ твоей г. грамотѣ тѣхъ денегъ сверхъ окладу къ платежу приписано лишка, и которыхъ денегъ на комъ и зачѣмъ взять не доведется, и о томъ мы, х. т., писали къ тебѣ, г., въ нынѣшнемъ же въ 159 году...“ [24]/III Бутурлинъ и Селетцынъ отправили собранные въ счетъ доимки 482 р. 10 ал. Въ Приказѣ ихъ получили [27]/IV 159 г. Тѣ же лица прислали къ [16]/III 160 г. 278 р. 13 ал. $1^1/_2$ д., которые собрали „розвытя полѣтно“ и „смотря по людемъ“, да съ Ѳедора Мельцова, переведеннаго въ Москву взяли 8 р. „А достальныхъ г., денегъ, писали они, довелось донять съ Архангельскаго города и съ Кулуйскаго и Курцовскаго посадовъ съ пустыхъ дворовъ и съ охудалыхъ людей 324 р. 4 ал. 4 д.“[2]). Дальнѣйшая судьба доимки не видна.

Дмитровъ, 105 дв. — [27]/V 146 г. Д. заплатилъ 144 р., а [17]/IX 147 г. — 66 р. по особому напоминанію изъ Приказа, полученному [6]/VII. На 147 г. дмитровцы половшу, 105 р., внесли [18]/X 148 г., а половину [10]/V 148 г.[3])

Дѣдиловъ, 7 дв. — Въ 146 г. Д. посадъ обслуживалъ устройство засѣчной черты. Данныхъ о сборѣ на 146 и 147 гг. налога Приказа с. р. л. нѣтъ: къ сбору налога, вѣроятно, и не приступали, такъ какъ платить его было некому.

Елатьма, 35 дв. — О сборѣ данныхъ нѣтъ.

Елецъ. — Ни о количествѣ дворовъ ни о сборѣ данныхъ нѣтъ.

Епифань. — Въ 146 г. Епифань должна была обслуживать устройство засѣчной линіи. Свѣдѣній о сборѣ нѣтъ. Приказъ с. р. л. здѣсь сбора, повидимому, не производилъ.

Заонежье. 1-ая половина: 3178 дв. кр. — 5920 ч. и 136 дв. боб. — 150 ч., итого 3314 дв. 2-ая половина: 2332 дв. кр. —

---

[1]) 1651 № 107 л. 63—71.
[2]) 1643 № 42 л. 240—244.
[3]) 1638 № 25 л. 60, 1640 № 54 л. 5, 1641 № 52 л. 70—72.

3302 ч. и 368 дв. боб. — 368 ч., итого 2700 дв. Всего въ З. насчитывалось 6014 дв.

Воевода Вас. Мих. Аничковъ получилъ въ 146 г. изъ Приказа с. р. л. приказаніе собрать съ 1-ой половины 6628 р., а со 2-ой — 5400 р., итого 12028 р. Судя по Счетному дѣлу (§ 45) на 146 г. было собрано 4789 р. въ 146—7 гг. и 992 р. 29 ал. въ 147—8 гг. Уже въ 146 г. Аничкову по челобитью заонежанъ велѣно переписать дворы Заонежья. Въ 147 г. сборъ своевременно не поступилъ, и 1/VIII Аничкову послано напомнпаніе о сборѣ съ угрозами за нерадѣніе[1]). 17/III 150 г. новому з. воеводѣ кн. Ивану Леонтьевичу Шаховскому послано циркулярное напомнпаніе о сборѣ доимки[2]). 18/V 150 г. были получены доправленные Шаховскимъ 2704 р. 8 ал. 2 д. На новое напомнпаніе, полученное имъ 19/VII 151 г., онъ отвѣчалъ: „мнѣ, х. т., вскорѣ тѣхъ твоихъ г. достальныхъ денегъ никоими мѣрами (доправить) немощно, потому что изъ-за хлѣбные скудости многіе твои г. крестьяне Заонежскихъ погостовъ бредутъ врознь“ [3]). 18/XI 159 г. въ З. погосты послана грамота окольничему и воеводѣ Василію Александровичу Чоглокову да Степану Парѳентьевичу Елагину о доимкѣ на 146 г. въ размѣрѣ 185 р. 11 ал. съ деньгою, да на 147 г. — 256 р., „обоево 441 р. 11 ал. съ деньгою“ [4]). Доимка эта не была доправлена и въ 161 г. 3/XI 161 г. Чоглоковъ сообщалъ, что заонежане просили у него для уплаты потребованной съ нихъ доимки сроку, намѣреваясь доказать, что деньги ими уже заплачены. Отписка его повергла стараго дьяка М. Невѣрова въ негодованіе. Дьякъ насчиталъ въ доимкѣ за заонежанами уже 6303 р. (такъ!) и, сверхъ того, распорядился оштрафовать ихъ на 50 р. [5])

Зарайскъ. — Первоначально по данным Владимірской четверти — 337 дв., затѣмъ Приказъ убавилъ число дворовъ по ихъ челобитью сначала до 328, а потомъ до 128 дв. Въ 146 г. З. обслуживалъ устройство Введенскаго звена Рязанской засѣки.

Въ 146 г. съ зарайцевъ взяли въ Приказъ с. р. л. по рас-

---

[1]) 1639 № 36 л. 2—4.

[2]) 1641 № 52 л. 47.

[3]) 1643 № 42 л. 1—2 и 1642 № 152 л. 3.

[4]) 1651 № 107 л. 205—6.

[5]) 1653 № 123 л. 1—28. Въ отпискѣ названъ вм. Невѣрова сидящимъ въ Приказѣ с. р. л. д. Григорій Лукинъ,— не на это ли разсердился Невѣровъ?

чету со 128 дв. 256 р. Но въ 147 г. потребовали опять съ 337 дв. — 674 р., и зарайцамъ пришлось снова хлопотать о пониженіи оклада. Только [15]/хп 148 г. зарайцы выхлопотали подписную челобитную о возвращеніи къ цифрѣ 128 дв. [1]).

Звенигородъ, 36 дв. — О сборѣ со З. на 146 г. въ дѣлопроизводствѣ Приказа с. р. л. нѣтъ данныхъ. Въ 147 году воев. В. Епифановъ грамоту Приказа отъ [30]/IV получилъ только [9]/VII: грамота „залежалась“ въ Боровскѣ. Епифановъ увѣдомилъ Приказъ о полученіи грамоты и о томъ, что онъ приступилъ къ сбору, обѣщаясь выслать деньги „тотчасъ“, какъ соберетъ, но сборъ былъ сложенъ [2]).

Зубцовъ, 7 дв. — Ни въ 146 ни въ 147 гг. З. не доставилъ въ Приказъ с. р. л. ничего, и въ сентябрѣ 148 г. на имя воеводы М. Д. Озерова было отправлено напоминаніе о сборѣ 14 р. и циркулярный выговоръ за неприсылку денегъ [3]). [6]/IV 148 г. зубчане выхлопотали подписную челобитную о сложеніи съ нихъ налога на оба года, сославшись на то, что по примѣру Вязьмы за литовское разореніе въ 144 г. всѣ платежи съ нихъ были сложены на 5 лѣтъ, а ихъ всего навсего налицо 4 бобыля. Платежъ съ нихъ „для ихъ бѣдности“ на оба года былъ сложенъ [4]).

Кадомъ, 16 дв. — О сборѣ съ Кадома нѣтъ данныхъ.

Кадыевъ, — см. Кострома.

Казань, посадъ — 1277 дв. пос. да бобыльскихъ — 56 дв., слободскихъ — 76 дв. Въ пригородахъ: Лапшевѣ — 123 дв. Тетюшахъ — 57 дв. пос. и 12 боб.. Олатахъ — 16 боб. дв., Арскѣ — 22 дв. пос. и 9 боб., Малмыжѣ — 12 пос. дв. и 26 боб. дв. Въ Казанскихъ дворцовыхъ селахъ 2328 дв. крестьянск. и 390 дв. боб. Данныхъ о ходѣ сбора нѣтъ.

Кай-городъ, 130 дв. кр. — 154 чел.; Кайгородскій уѣздъ — 861 дв. кр. и боб. — 1204 ч. Итого на посадѣ и въ уѣздѣ 991 дв. Съ К. посада Приказъ потребовалъ 250 р., а съ уѣзда — 1722 р. Чусовой городокъ и вотчины Строгановыхъ изъ общаго расчета выключены. Въ 146 г. [13]/IV при отпискѣ воеводы Конст. Чири-

---

[1]) 1640 № 8 л. 14.
[2]) 1639 № 26 л. 19.
[3]) 1639 № 35 л. 35—6.
[4]) 1640 № 8 л. 112—117.

кова съ посада прислано 70 р., а съ уѣзда — 40 р.; [11]/vii при отпискѣ М. Ѳ. Еропкина прислано съ уѣзда 338 р. и „не дослано противъ оклада 1534 р.“ [10]/xi 147 г. кайгородцы по ихъ челобитью поверстаны противъ Перми В., Чердыни и Соли Камскіе — „которые люди торгуютъ, и съ тѣхъ взять со двора по 2 р., а которые крестьяне не торгуютъ, а пашутъ, и съ тѣхъ взять по рублю“. М. Ѳ. Еропкину объ этомъ писано [21]/iii 147 г. съ приказаніемъ росписи торговымъ людямъ сообщить въ Москву. [8]/xii 147 г. на 146 г. прислано съ посада и уѣзда 543 р. но воевода ничего не писалъ о томъ, сколько взято съ торговыхъ и пашенныхъ людей порознь. На 146 г. оставалось въ недосылкѣ 991 р.,— что̀ оставалось донять на торговыхъ людяхъ, объ этомъ въ Приказѣ с. р. л. не было извѣстно [1]). По Счетному дѣлу (§ 45) съ посада поступило на 146 г. 70 р., а съ уѣзда — 378 р. Въ декабрѣ 148 г. Приказъ послалъ Еропкину напоминаніе о доимкѣ съ приказаніемъ переписать кайгородцевъ и поставить ихъ на правежъ. Требованіе это сопровождалось обычнымъ выговоромъ и угрозами по адресу воеводы [2]). Новое напоминаніе было адресовано Приказомъ въ К. [12]/viii 148 г. [3]). Въ сентябрѣ и декабрѣ 149 г. новому к. воеводѣ кн. С. Гагарину велѣно было доправить съ посада и уѣзда 120 р. доимки на 146 г. да на 147 г. съ посада 162 р. 5 ал. $^1/_2$ д., а съ уѣзда 653 р. 17 ал. $3^1/_2$ д. [12]/i 149 г. кайгородцы принесли на 147 г. 88 р. 12 ал. 2 д. съ посаду да съ двухъ волостей Волосницкой и Зюзинской да 100 р. съ 3 вытей окологородья и съ Лоешскіе волости. Сборъ этотъ, отправленный [22]/i, былъ полученъ въ Приказѣ [22]/ii 149 г. [4]). Три волости, Пушейская, Гидаевская и Кичаловская, „собравъ съ себя“, принесли на 147 г. 74 р. 22 ал. 2 д. также [22]/i 149 г. Дальнѣйшее поступленіе подымныхъ денегъ съ Пушейской волости на 147 г. имѣло мѣсто [6]/x 150 г. въ размѣрѣ 37 р. 11 ал. 1 д. [5]). Въ 150 г. доимка еще не была выплачена кайгородцами: [20]/ii 150 г. оттуда было прислано 24 р. 32 ал. 4 д., а [17]/iii 150 г. въ кайгородскому

---

[1]) 1638 № 64 л. 22—26.
[2]) 1639 № 35 л. 23—5.
[3]) 1640 № 25 л. 48.
[4]) 1640 № 54 л. 52—5, 59.
[5]) 1640 № 25 л. 54—65.

воеводѣ С. М. Вельяминову было отправлено циркулярное напоминаніе о сборѣ [1]). Дальнѣйшая судьба доимки не видна.

Калуга, 171 дв. — Въ 146 г. К. посадъ обслуживалъ устройство засѣчной черты. Въ Приказъ с. р. л. К. посадъ заплатилъ 342 р. исправно. Въ 147 г. Приказъ с. р. л. грамотой, полученной новымъ к. воеводой Семеномъ Волынскимъ [24]/VIII, потребовалъ съ К. 342 р. со 171 двора. Калужане между тѣмъ добились понпженія счета посадскихъ дворовъ въ К. до цифры 119 дв. и соотвѣтственно собрали только 238 р. Несмотря на всю ясность дѣла вопросъ объ этихъ 52 дворахъ затянулся. Въ началѣ 149 г. калужанамъ опять пришлось бить челомъ объ исключеніи изъ оклада 52 дворовъ и, соотвѣтственно, о сложеніи 104 р. доимки на 147 г. Однако, переславъ ихъ челобитье, воевода пришлся за правежъ этой суммы, объявивъ, что ему „тѣхъ достальныхъ денегъ не править не умѣть“ [2]). Какъ шелъ правежъ, не знаемъ. Приказъ с. р. л. переждалъ годъ. [1]/XI 149 г. онъ распорядился добрать доимку. [25]/XI того же года воевода С. Волынскій собралъ ее сполна и отправилъ въ Москву [3]).

Карачевъ, 30 дв. — Въ 146 г. съ К. удалось собрать изъ оклада въ 60 р. — 50 р. Въ 147 г. грамота о сборѣ съ К. была получена к. воеводой кн. Ив. Урусовымъ [15]/VI. 8 р. изъ доимки 146 г. онъ доправилъ и отослалъ въ Москву еще [10]/IV 147 г. Оставался открытымъ вопросъ о платежѣ одного к. посадскаго Герасима Фомина, жившаго на Москвѣ, и не былъ взятъ налогъ съ казеннаго кузнеца, неправильно записаннаго въ посадское тягло [4]). Вопросъ о платежѣ съ К. осложнился челобитьемъ к. пушкарей о выключеніи ихъ изъ оклада. Къ нимъ присоединился и упомянутый выше кузнецъ. Платежи съ нихъ были сложены по докладу государю [5]). Путивльцы, хлопотавшіе также о сложеніи, ссылались на примѣръ карачевцевъ [6]).

Каргополь и Турчасовъ. Каргополь посадъ — 146 дв. — 233 ч. уѣздъ — 2241 дв. кр. и боб. — 2722 ч. Турчасовъ посадъ —

---

[1]) 1641 № 52 л. 36—38 и 1642 № 152 л. 2.
[2]) 1639 № 14 л. 115—117.
[3]) 1640 № 54 л. 13—14.
[4]) 1639 № 26 л. 14—15.
[5]) 1640 № 8 л. 26—83.
[6]) 1640 № 8 л. 195—9.

18 дв. — 18 ч., уѣздъ — 1671 дв. — 1832 ч. — Въ 146 г. съ К. уѣзда (посадъ въ приказной выкладкѣ почему-то выключенъ) и съ Т. посада и уѣзда съ 3930 дв. слѣдовало взять 7860 р. За 146 г. было получено всего (въ апрѣлѣ) 2031 р. 21 ал. и въ доимкѣ было показано 5828 р. (12 ал. 2 д.?). Изъ взятья по Счетному дѣлу (§ 45) на 146 г. приходилось на Т. посадъ $4^1/_2$ р., а на Т. уѣздъ 905 р., а на 147 г. на посадъ и уѣздъ — 779 р. 12 ал. 2 д. Въ началѣ 147 г. турчасовцы и каргопольцы били челомъ о пониженіи сбора съ пашенныхъ крестьянъ до одного рубля съ двора. Челобитье ихъ было подписано, и уже ^{19}/хп 147 г. послана соотвѣтствующая грамота изъ Приказа на мѣсто. ^{4}/vi 147 г. прислана доимка на 146 г. съ К. — 1119 р., да съ Т. — 779 р. 12 ал. 2 д., „обоево“ 1898 р. 12 ал. 2 д. Всего съ прежде поступившими — 3930 р., т.-е. ровно по 1 р. съ двора, и не было дослано также 3930 р. Что̀ приходилось донять съ торговыхъ дворовъ, по расчету по 2 р. съ двора, въ Приказѣ въ концѣ 147 г. еще не знали [1]). Въ августѣ 147 г. въ К. воеводѣ А. И. Аничкову посланъ выговоръ за недосылку налога по расчету 2 р. съ посадскаго двора и 1 р. съ пашеннаго, но окладъ для К. выведенъ опять въ 292 р. + 4482 р.[2]). Въ декабрѣ 148 г. въ К. тому же Аничкову послано напоминаніе о платежѣ на 147 г. все той же суммы. Приказъ опять приказывалъ произвести перепись торговыхъ людей и взять съ нихъ по 2 р. съ двора, а съ пашенныхъ крестьянъ брать только по 1 р. съ двора [3]). Еще ^{29}/хп 152 г. к. воеводам кн. Ив. Щербатовъ получилъ циркулярное напоминаніе о невыплаченной доимкѣ на 147 г.[4]). Къ маю 155 г. доимка съ К. и Т. сократилась до 156 р. 25 ал. Воевода Вас. Жуковъ и подъячій Родіонъ Ивановъ доправили 43 р. 9 ал. 9 д. и послали этотъ сборъ ^{26}/viii того же года. Съ частью сбора, взятой со Спасскаго прихода Моженскаго стана вышло недоразумѣніе. Собранные въ 149—150 гг. съ этого прихода на 147 г. 26 р. 23 ал. 4 д. потребовала себѣ ^{28}/i 155 г. Новгородская четверть, куда они и были отправлены ^{7}/ii того же года. Приказъ с. р. л. долженъ былъ вы-

---

[1]) 1638 № 64 л. 27—31.
[2]) 1639 № 36 л. 12—14.
[3]) 1639 № 35 л. 57—59.
[4]) 1640 № 33 л. 87.

требовать ихъ уже изъ четверти. Правежъ недобора продолжался и послѣ 155 г., но не знаемъ, когда доимка была окончательно погашена [1]).

Кашинъ, 70 дв. — О сборѣ съ К. посада данныхъ нѣтъ.

Кашира, 15 дв. — Въ 146 г. К. посадъ обслуживалъ устройство засѣчной черты. О сборѣ налога на 146 и 147 гг. въ Приказъ с. р. л. данныхъ нѣтъ.

Кеврола и Мезень, 2521 дв. кр. — 3932 ч. и 132 дв. боб. — 139 ч., „обоево" 2653 дв. — Окладъ К. и М. былъ положенъ въ 5306 р. По $^{4}/_{VIII}$ въ присылкѣ при отпискахъ Степ. Чирикова значилось 2646 р. По подписной челобитной крестьянъ К. и М. отъ $^{27}/_{X}$ 147 г. велѣно было взять съ пашенныхъ крестьянъ съ двора по 1 р., а съ торговыхъ съ двора по 2 р. Грамота объ этомъ послана $^{24}/_{XII}$ 147 г. По августъ 147 г. на 146 и на 147 гг. ни денегъ ни росписей не поступило [2]). Циркулярныя напоминанія о доимкѣ посланы на К. въ октябрѣ и $^{17}/_{III}$ 150 г. на имя Тпм. И. Барыкина[3]). Новое циркулярное напоминаніе о 162 р. доимки адресовано воеводѣ Степ. Глѣбову $^{2}/_{II}$ 152 г., но онъ отвѣчалъ, что собрать болѣе ничего нельзя [4]).

Кинешма. — О сборѣ съ К. данныхъ за оба года нѣтъ.

Клинъ, 17 дв. — О сборѣ съ К. посада данныхъ за оба года нѣтъ.

Козельскъ, 7 дв. — Въ 146 г. К. посадъ обслуживалъ устройство засѣчной черты, звеньевъ Сенецкаго и Кцынскаго. Данныхъ о сборѣ съ К. посада сбора на 146 г. въ Приказѣ с. р. л. не имѣемъ. Въ 147 г. грамоту о сборѣ 14 р. съ 7 дв. отъ $^{30}/_{IV}$ к. воевода Ив. Ѳ. Кутузовъ получилъ черезъ Калугу только $^{4}/_{VI}$: „многое время залежала, невскорѣ въ Козельскъ прислана", писалъ Кутузовъ. Посадскіе, „которые остались въ Козельску", и которымъ Кутузовъ объявилъ это требованіе, отвѣчали, что по грамотѣ изъ Разряда к. посадскіе люди дѣлаютъ бѣлевскую Бобриковскую засѣку, и „промежъ себя имъ въ тѣхъ деньгахъ верстаться не съ кѣмъ: въ Козельску не всѣ". „И затѣмъ, г., за-

[1]) 1642 № 4 л. 117—119.
[2]) 1638 № 64 л. 10—12.
[3]) 1641 № 52 л. 34—35.
[4]) 1640 № 33 л. 88—90.

ключалъ Кутузовъ отписку, деньгамъ сбору нѣтъ“ [1]). Но въ Приказѣ не вняли этимъ объясненіямъ, и въ августѣ того же 147 г. Кутузову былъ посланъ выговоръ за медленность въ сборѣ[2]). Дальнѣйшіе слѣды этой донмки теряются.

Козьмодемьянскъ, дер. Друнино и починокъ Мурмаринской — 117 дв. — 300 ч.; уѣздъ: дворцовыя села Воскресенское-Ильинское тожъ и Бондаревскіе починки — 105 дв. кр. и 69 дв. боб. — 251 ч. Всего 291 дв. — Данныхъ о сборѣ на 146 г. нѣтъ. Въ 147 г. Степ. Карауловъ собралъ съ посада со 117 дв. (т. е. съ Друнина и съ поч. Мурмаринскаго) сполна 234 р., а съ уѣзда только половину — 174 р. и то „съ великимъ правежомъ“, всего 408 р. Правежомъ остальной суммы Карауловъ былъ занятъ[3]). Другихъ данныхъ о сборѣ нѣтъ.

Коломна, 355 дв. — 355 ч. — Въ 146 г. К. посадъ обслуживалъ устройство засѣчной черты. Сборъ въ Приказъ с. р. л. на 146 г. прошелъ, кажется, гладко — слѣдовъ донмки нѣтъ. Въ 147 г. новый к. воевода Кузьма Колтовской грамоту о сборѣ налога въ Приказъ с. р. л. получилъ $^{30}/_{V}$. Сборъ начался съ недоразумѣнія: грамота за подписью Н. Невѣрова требовала 710 р. съ 37 дворовъ. Колтовской справедливо заподозривъ, что „въ г. грамотѣ описанось“, запросилъ Приказъ, какъ ему собирать — съ 37 или съ 355 дв. Приказъ исправилъ ошибку, предписавъ собирать по 2 р. съ 355 дворовъ[4]). Колтовской собралъ налогъ сполна и доставилъ его въ Приказъ $^{23}/_{IX}$ 148 г.[5]).

Кольскій острогъ, 40 дв. — О сборѣ съ К. острога на 146 г. данныхъ нѣтъ. Въ 147 г. кн. Ѳ. Т. Оболенскому посланъ выговоръ за недоставку сбора по $^{1}/_{VII}$ 147 г. Дальнѣйшихъ данныхъ нѣтъ[6]).

Кострома, 1219 дв. — 1219 ч. К. пригороды Любимъ—168 дв. 217 ч., Судиславль — 23 дв. — 27 ч., Буй-городъ — 42 дв. — 48 ч., Кадыевъ — 32 дв. — 50 ч., Большая соль — 79 дв., Малая соль — 24 дв., Нерехта — 80 дв. — 80 ч. Всего въ К. и

---

[1]) 1639 № 26 л. 3—5.
[2]) 1639 № 35 л. 7—8.
[3]) 1639 № 14 л. 93—4 и книга по Влад. № 4.
[4]) 1639 № 26 л. 1—2.
[5]) 1639 № 14 л. 122—123.
[6]) 1639 № 36 л. 15—16.

пригородахъ ея насчитывалось 1667 дв. — Сборъ съ Костромы на 146 г. поступилъ неисправно: 28/XI 147 г. былъ посланъ к. воеводѣ выговоръ съ требованіемъ выслать допмку [1]). Въ 147 г. 7/VIII к. воеводѣ И. Д. Колычеву посланъ выговоръ за недосылку по указанное число на 147 г. 2438 р. 20/IX 148 г. Колычевъ прислалъ 645 р. Приказъ отвѣтилъ выговоромъ за недосылку 1793 р. (цифра написана, потомъ почему-то зачеркнута) [2]). Въ октябрѣ 149 г. новый к. воевода кн. Андр. Ѳед. Дѣевъ сообщалъ, что онъ занятъ сборомъ 1793 р. допмки на 147 г., унаслѣдованной имъ отъ его предшественника Колычева. Помѣта на его отпискѣ: „отписать, велѣть выслать тотчасъ“ [3]). По 25/XI 149 г. к. земскій староста собралъ по приказанію Дѣева 500 р. и продолжалъ править остальныя деньги [4]). Медленность сбора въ К. заставила даже Приказъ с. р. л. поставить вопросъ о пониженіи оклада. Въ 149 г. въ Приказѣ шла рѣчь о томъ, чтобы „съ костромичъ съ безтяглыхъ съ оброчныхъ, бобылей, которыхъ за бѣдностью въ сошное письмо не положено, съ 728 дв. на 147 г. взять по розрядвой памяти съ двора по полтинѣ, и иметца съ нихъ взять 342 р. 22 ал. полъ 2 д., и изъ прежняго окладу убудетъ съ нихъ 1113 р. 11 ал. съ полуденьгою, а затѣмъ на костромичахъ на посадскихъ людехъ останется на 147 г. въ допмкѣ 179 р. 22 ал. полъ 2 д.“ Невидно, однако, чтобы этотъ проектъ получилъ практическое значеніе [5]). Но и въ декабрѣ 152 г. новому к. воеводѣ кн. Вас. Вас. Тюфякину пришлось послать циркуляръ о допмкѣ по этому сбору [6]). Кн. Тюфякинъ въ своемъ отвѣтѣ ссылался на то, что до 11/IV 151 г. онъ не получилъ никакихъ указаній о сборѣ, и что по наведеннымъ имъ справкамъ допмка, въ бытность воеводами Колычева и кн. Дѣева, подъячими Ѳедоровымъ и Судаковымъ были частью собрана и доставлена въ Приказъ с. р. л.; въ доказательство Тюфякинъ указывалъ на расписки М. Невѣрова. Частью собранныя деньги, писалъ Тюфякинъ, палицо. По разборѣ дѣла оказалось, что въ К. находились под-

[1]) 1638 № 25 л. 79.
[2]) 1639 № 35 л. 48—50
[3]) 1639 № 35 л. 81 - 83.
[4]) 1640 № 54 л. 15.
[5]) 1640 № 32 л. 32.
[6]) 1640 № 33 л. 86.

ложныя росписки М. Невѣрова [1]). Доимка эта не была еще ликвидирована и въ концѣ 155 г., когда $^{17}/_{V}$ к. воевода Ив. Стрѣшневъ получилъ распоряженіе Приказа покончить съ ней [2]). Данныхъ о сборѣ съ к. пригородовъ не имѣемъ.

Крапивна, 4 дв. — 4 ч. — Въ 146 г. К. посадъ обслуживалъ устройство засѣчной черты. Слѣдовъ сбора съ посада для Приказа с. р. л. нѣтъ.

Кременескъ, 51 дв. — Сборъ на 146 г., повидимому, поступилъ исправно: слѣдовъ доимки нѣтъ. Грамоту о сборѣ на 148 г. губной староста Воинъ Маринъ получилъ только $^{30}/_{VIII}$ 147 г. $^{16}/_{IX}$ 148 г. деньги были уже получены въ Приказѣ [3]).

Курмышъ. — Въ Мурашкинской и Лысковской волостяхъ К. уѣзда начитывалось 1898 дв. кр. и 417 др. боб., а всего 2215 дв., въ нихъ — 1719 чел., да братьевъ, дѣтей и племянниковъ у нихъ — 1778 ч. — Данныхъ ни о сборѣ съ К. посада ни о сборѣ съ указанныхъ волостей нѣтъ.

Курскъ. — Данныхъ о сборѣ нѣтъ.

Ладога. — См. Новгородъ В.

Ливны. — Данныхъ о сборѣ нѣтъ.

Лихвинъ. — Въ 146 г. Л. посадъ обслуживалъ устройство засѣчной черты. Данныхъ о сборѣ въ Приказъ с. р. л. на 146 г. и на 147 г. нѣтъ.

Лопскіе погосты. — См. Новгородъ В.

Луки Великіе, 98 дв. — Ходъ сбора съ Л. В. на 146 г. не виденъ. Въ 147 г. въ августѣ на Л. В. воеводѣ кн. Венедикту Андр. Оболенскому посланъ выговоръ за неприсылку оклада — 196 р. [4]). Въ 148 г. лучане били челомъ о томъ, чтобы для ихъ бѣдности и разоренья доимку Приказъ с. р. л. съ нихъ сложилъ,— ссылаясь на сложеніе съ нихъ всѣхъ платежей „со 147 году отъ Благовѣщенья святѣй Богородицы до поста 152-го года". Челобитье ихъ было уважено [5]).

Лухъ, 37 дв. — Сборъ съ Л. посада в 146 г. прошелъ, по-

---

[1]) 1643 № 42 л. 4—12.
[2]) 1643 № 42 л. 324—7.
[3]) 1639 № 14 л. 118.
[4]) 1639 № 35 л. 9—10.
[5]) 1640 № 8 л. 4—6

видимому, исправно — слѣдовъ доимки невидно. Въ 147 г. 13/VII Л. губной стар. Томила Бѣлянихинъ получилъ грамоту о сборѣ. 31/X 148 г. сборъ былъ полностью полученъ въ Приказѣ [1]).

Любимъ. — См. Кострома.

Мезень. — См. Кеврола.

Медынь. — Данныхъ количествѣ дворовъ и о сборѣ съ посада нѣтъ.

Мещовскъ, 30 дв. — Въ 146 г. М. посадъ обслуживалъ устройство засѣчной черты. 1/V 147 г. Ѳед. Битяговскому, новому м. воеводѣ, велѣно было доправить 34 р. доимки на 146 г. и 60 р. на 147 г., вопреки распоряженію самого же Приказа с. р. л. выяснить сначала обыскомъ, сколько въ Мещовскѣ налицо посадскихъ дворовъ [2]). 4/VII 147 г. мещовцамъ удалось добиться подписной челобитной объ обыскѣ относительно количества дворовъ въ М. посадѣ, но добиться сложенія удалось только послѣ двухъ слѣдующихъ подписныхъ челобитныхъ — 22/IX и 9/X 149 г. Съ М. взято по расчету съ 13 дв., а 68 р. доимки (120 р. — 52 р.) сложены [3]).

Михайловъ, 56 дв. — Въ 146 г. съ М. посада Приказъ с. р. л. не получилъ ничего. Грамоту о сборѣ съ М. посада на 147 г. 112 р. м. воевода кн. Вас. Морткинъ получилъ 2/VI 147 г. Морткинъ не спѣшилъ съ отвѣтомъ: его отписка получена только 3/III 148 г., и содержаніе ея было далеко не утѣшительно, такъ какъ посадскихъ людей въ Михайловѣ не оказалось. Тѣмъ не менѣе изъ Приказа с. р. л. 11/VIII 148 г. снова потребовали съ М. посада на оба года 204 р. [4]). Затѣмъ вопросъ замеръ на... $10^1/_2$ лѣтъ. Въ ноябрѣ 159 г. въ Приказѣ с. р. л. вдругъ спохватились опять и потребовали отъ м. воеводы Ѳед. Дан. Павлова доимку 146—7 гг. Результатъ этого запоздалаго требованія неизвѣстенъ [5]).

Можайскъ, 109 дв. — 1/VII 146 г. м. воеводѣ кн. Никиф. Мещерскому посланъ выговоръ за недоставленіе сбора на 146 г. [6]).

---

[1]) 1639 № 14 л. 134.
[2]) 1639 № 14 л. 58—61.
[3]) 1640 № 8 л. 151—159.
[4]) 1640 № 68 л. 1—3, 7—11.
[5]) 1651 № 107 л. 39.
[6]) 1638 № 25 л. 33.

Изъ челобитья путивльцевъ, подписаннаго $^{24}/_{III}$ 148 г., узнаемъ, что съ Вязьмы, Можайска, Карачева „тѣхъ денегъ не имано“ [1]).

Москва, 1221 дв. — Въ 146 г. торговые люди, черныя сотни и слободы заплатили 2442 р. сполна. Въ 147 г. внесено 2328 р. 6 ал. 4 д., 2000 р. безъ понужденій, а 328 р. 6 ал. 4 д. доправлены. Не взято 113 р. 16 ал. 4 д. съ Ордынской сотни и съ Воронцовской слободы [2]). Сборъ денегъ съ м. черныхъ сотенъ и слободъ вѣдалъ Земскій приказъ.

Муромъ, 267 дв. да въ Стародубскихъ дворцовыхъ селахъ — 1404 дв. кр. и 88 дв. боб., всего 1492 дв.— Ходъ сбора на 146 г. съ М. посада невиденъ. О сборѣ на 147 г. напоминаютъ циркулярные выговоры губнымъ старостамъ Дружинѣ Осорьину да Борису Вырыпаеву, отправленные въ началѣ 149 г. Къ $^{2}/_{XII}$ 149 г. они доправили и доставили въ Москву 167 р. доимки. Сборъ съ посада этимъ былъ, повидимому, ликвидированъ. Ходъ сбора съ С. дворцовыхъ селъ установить не удалось.

Мценскъ, 183 дв. — Въ 146 г. М. посадъ обслуживалъ „городовое дѣло“—устройство укрѣпленій вокругъ города, моста черезъ Зушу и т. д. Въ городовомъ дѣлѣ участвовали крестьяне и люди самихъ воеводъ кн. М. П. Пронского и кн. М. Г. Козловскаго, осаднаго воеводы Нарбекова, московскихъ дворянъ и дворянъ и дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ, находившихся въ Мценскѣ, мценскіе стрѣльцы, пушкари, затинщики, охотники Ямской слободы, дворники, закладчики [3]) и поповы бобыли [4]). Работы продолжались съ $^{26}/_{VII}$ 146 г. по $^{15}/_{IX}$ 147 г. и „стали твоимъ г. людемъ, какъ доносили мценскіе воеводы, князья Пронской и Козловскій, не въ налогу, и отъ приходу большихъ воинскихъ людей за тою крѣпостью мошно быти надежно и безстрашно, и зарѣчные слободы оберечь мошно“. Городовымъ дѣломъ, повидимому, повинности мещанъ и ограничились. Въ 147 г. съ М. потребовали 366 р. со 183 дв. По свидѣтельству воев. Нарбекова посадскихъ людей въ М. не было, и взять сбора было не съ кого.

---

[1]) 1640 № 8 л. 195—7.

[2]) Уст. кн. Земскаго приказа, XLI (въ изд. проф. Владимірскаго-Буданова), 1640 № 54 л. 19—21, 256 и Доимочная № 1 л. 114.

[3]) За дворянами, дѣтьми боярскими и на церковныхъ земляхъ.

[4]) А. Ю. Вл. ст. № 91 л. 303—7.

Попытка взять сборъ на дворникахъ служилыхъ вызвала отпоръ со стороны владѣльцевъ дворовъ [1]).

Нерехта.—См. Кострома.

Новая слобода.—См. Темниковъ.

Новгородъ Великій, 1) Новгородъ В.—472½ дв., 2) пригороды: Ладога—49 дв., Порховъ—20½ дв., 3) въ рядкахъ—46½ дв., 4) Сумерская волость и Старополье — 424 дв., 5) Лопскіе погосты—895 дв. Итого 1907½ дв.—Черезъ Н. В. шелъ сборъ со всѣхъ означенныхъ разнородныхъ поселеній.

1) Данныхъ относящихся къ сбору 146 г. именно съ Н. В. нѣтъ, но можно думать, что сборъ прошелъ гладко. Въ 147 г. грамотой, полученной въ Н. В. кн. Юріемъ Сулешовымъ и Θед. Рыбенскимъ ⁴/VI съ Н. В. потребовали 945 р. (472½. 2). ¹⁷/VI, всего черезъ двѣ недѣли, деньги были уже собраны и отосланы въ Москву [2]).

2) Въ 146 г. съ Ладоги потребовали съ 49 дв.—98 р., но ладожане были челомъ взять съ нихъ по дозору 145 г. не съ 49, а только съ 19 дв. По распоряженію бояр. кн. А. А. Голицына ¹⁵/VI 146 г. съ ладожанъ велѣно взять по новымъ дозорамъ. Въ 147 г. Приказъ почему-то возвратился къ цифрѣ 49 дв., и понадобился особый докладъ ¹¹/III 148 г., чтобы вернуться къ цифрѣ 19 дв. На ладожанахъ всетаки правили съ 49 дв. и нужна была новая дополнительная подписная челобитная ¹¹/V 148 г., чтобы окончательно утвердить цифру 19 [3]). Ходъ взиманія съ 20½ дв. другого п. пригорода Порхова неясенъ.

3) Въ 12 н. рядкахъ насчитывалось 46½ дв. Въ 146 г. сборъ поступилъ, повидимому исправно, за исключеніемъ Псковца (1 боб. дв.), о которомъ Приказъ напомнилъ воеводѣ ¹¹/VII. Въ 147 г. кн. Ю. Сулешовъ и Θед. Рыбенскій получили грамоту о сборѣ съ рядковъ ⁴/VI и въ концѣ іюня увѣдомили, что собираютъ и скоро пришлютъ. Когда эти деньги были собраны, сказать не можемъ, но бобыль, населявшій собою весь Псковецъ, не заплатилъ налога и въ 147 г. Только въ 156 г. кн. Сем. Урусовъ и Савинъ Завѣсинъ по распоряженію изъ Приказа отъ ³/IV 155 г. доправили

[1]) 1639 № 26 л. 6—8, 11—12.
[2]) 1639 № 14 л. 73—5.
[3]) 1640 № 8 л. 118—133.

на бобылѣ Омелкѣ Михайловѣ 4 р. на 146—7 гг. и $^{23}/_{IX}$ препроводили эти 4 р. въ Москву [1]).

4) Съ Сумерской волости и Старополья Приказъ с. р. л. долженъ былъ получить съ 424 дв. по 848 р. на 146 и 147 гг. Грамота о сборѣ со Старополья и Сумерской волости на 146 г. получена на мѣстѣ $^{15}/_{I}$ 146 г. Къ $^{3}/_{IV}$ Яковъ Кузмичъ Матюшкинъ собралъ 720 р., а о 128 р. писалъ, что ихъ „противъ писцовыхъ книгъ собрать немочно, потому что одни разбрелись, а другіе померли“. Судя по помѣтѣ, объ этомъ недоборѣ долженъ былъ послѣдовать докладъ, но чѣмъ дѣло кончилось, невидно [2]). $^{1}/_{VIII}$ 147 г. Приказъ напоминалъ о доимкѣ со Старополья и Сумерской волости съ обычными угрозами Дементью Сукину [3]). Другое такое же напоминаніе относится къ декабрю 148 г. Тому же Дементью Сукину велѣно было произвести перепись и взять на торговыхъ людяхъ по 2 р. съ двора, а на крестьянахъ по 1 р. съ двора [4]). Другими данными не располагаемъ.

5) Въ Лопскихъ погостахъ насчитывалось 895 дв., и Приказъ предполагалъ получить съ нихъ на каждый годъ по 1790 р. Воевода кн. П. А. Репнинъ и дьякъ Обобуровъ, находившіеся въ Новгородѣ В. въ первую половину 146 г., не прислали ничего. Ихъ преемники кн. Ю. Сулешовъ съ товарищи по грамотѣ изъ Приказа отъ $^{11}/_{VII}$ 146 г. послали съ Л. погостовъ $^{27}/_{VII}$ 150 р. $^{17}/_{VIII}$ 146 г. они послали еще 635 р., хотя доправлено было 640 р. Правежъ 1005 р. они продолжали. Приказъ отвѣтилъ грамотой отъ $^{14}/_{XI}$ 147 г. съ приказаніемъ добрать доимку, взявъ съ торговыхъ людей по 2 р. съ двора, а съ пашенныхъ крестьянъ по 1 р. съ двора [5]). Распоряженіе собирать по 2 р. только съ торговыхъ дворовъ датировано въ данномъ случаѣ $^{30}/_{VIII}$ 146 г. и было сдѣлано „противъ дворцовыхъ селъ“ [6]). Грамоту о сборѣ на 147 г. воевода кн. Ю. Сулешовъ и Ѳед. Рыбенскій получили $^{9}/_{III}$ 147 г. Разобраться въ л. дворахъ и отдѣльно сосчитать торговые дворы

---

[1]) 1639 № 14 л. 73—75 и 1643 № 42 л. 102—3.
[2]) 1638 № 62 л. 24.
[3]) 1639 № 36 л. 5—7.
[4]) 1639 № 35 л. 60—62.
[5]) 1638 № 49 л. 7—11.
[6]) 1638 № 64 л. 2.

они отказались, такъ какъ въ торговыхъ книгахъ это „не описано, въ Новгородѣ узнать объ этомъ не у кого“, а Л. погосты отъ Новгорода удалѣли“. Они просили указаній у Приказа, а безъ указа переписывать „не смѣли“. Въ 147 г. $^{13}/_{I}$ поступило съ Л. погостовъ 110 р., $^{2}/_{V}$—11 р. [1]).

Нижній Новгородъ, 1) посадъ—1066 дв.; 2) мордвы и бортниковъ въ уѣздѣ 496 дв.

1) Сборъ съ П. посада на 146 г. поступилъ, повидимому, своевременно за исключеніемъ 408 р. съ 204 бѣлыхъ дворовъ, а сложеніи съ которыхъ нижегородцы били челомъ [2]). Въ 147 г. грамотой Приказа отъ $^{23}/_{V}$ велѣно было собрать опять съ 1066 дв. 2132 р. Земскіе старосты внесли 100 р. и приступили къ сбору остальныхъ денегъ, вручивъ воеводѣ кн. Андрею Хованскому челобитье н. посадскихъ людей [3]). Къ $^{28}/_{VI}$ съ посада было прислано всего 1000 р. Въ декабрѣ 148 г. за недоборъ былъ посланъ выговоръ воеводѣ кн. Ив. Вас. Хилкову да дьяку Олферью Кузовлеву — „и вы то дѣлаете негораздо, писали изъ Приказа, о нашемъ и земскомъ дѣлѣ не радѣете“ [4]). Нижегородцы вновь били челомъ о сложеніи съ нихъ налога за дворы, перешедшіе къ бѣломѣстцамъ. По докладу государю отъ платежа 816 р. за 204 такихъ двора на оба года посадскихъ людей велѣно было избавить. Доимка сокращалась въ этомъ случаѣ до 724 р. [5]). Уже въ 153 г. $^{14}/_{VIII}$ кн. Ив. Шаховской да Ив. Дмитріевъ собрали „на бѣломѣстцахъ, которые живутъ на черныхъ тяглыхъ мѣстѣхъ, подымныхъ денегъ на прошлые 146 и 147 годы съ двора на годъ по 2 р.“ [6]). $^{14}/_{V}$ 156 г. воевода Ларіонъ Салтыковъ и Глѣбъ Патрикѣевъ прислали еще 19 р., взятыхъ на н. бѣломѣстцахъ. Приказъ подтвердилъ, чтобы собирали доимку до конца, назначивъ крайнимъ срокомъ Р. Х. 157 г. [7]). Далѣе слѣдъ доимки теряется.

2) Съ мордвы и бортниковъ на 146 г. поступило 460 р. 20 ал. 5 д. [8]). Въ 147 г. съ мордвы и бортниковъ поступило 460 р. 20 ал.

---

[1]) 1639 № 14 л. 1—2 и 1638 № 6 л. 42—4.
[2]) 1640 № 8 л. 253—332.
[3]) 1639 № 14 л. 64—73.
[4]) 1639 № 35 л. 41—44 и 97—98.
[5]) 1640 № 8 л. 253—332.
[6]) 1642 № 4 л. 19—20.
[7]) 1643 № 42 л. 156—158.
[8]) 1639 № 14 л. 70—72.

5 д. и $^{19}/_{XI}$ 148 г. тоже 460 р. 20 ал. 5 д. О доимкѣ 76 р. 25 ал. (70 р. 24 ал. 4 д. ?) послано напоминаніе въ декабрѣ 148 г. съ выговоромъ воеводѣ [1]). $^{19}/_{IX}$ 159 г. воевода кн. Петръ Алексѣевичъ Долгорукой получилъ напоминаніе Приказа с. р. л. о доимкѣ 121 р. 19 ал. 3 д. Его преемникъ кн. Алексѣй Буйносовъ-Ростовскій и Климъ Патокинъ собрали съ мордвы 121 р. 12 ал. 3 д. Доимка получена въ Приказѣ $^{4}/_{III}$ 159 г. [2]).

Новгородъ Сѣверскій.—Данныхъ нѣтъ.

Оболенскъ.—Данныхъ нѣтъ.

Одоевъ, 35 дв.—Въ 146 г. одоевцы посадскіе люди были запяты укрѣпленіемъ города и устройствомъ засѣчной черты. О сборѣ налога на 146 г. прямыхъ свѣдѣній нѣтъ. Въ началѣ 148 г. въ Одоевъ на имя воеводы Ѳ. Д. Павлова послань циркулярный выговоръ за недосылку 62 р., слѣдовательно 8 р. съ четырехъ дворовъ на 147 г. онъ все таки доставилъ [3]). О недоборѣ 147 г. Приказъ посылаетъ напоминаніе и новому о. воеводѣ Осипу Кондыреву въ ноябрѣ 149 г. Кондыревъ отвѣчалъ ссылкой на то, что онъ въ прошломъ во 147 г. на службѣ въ Одоевѣ не былъ, явился туда на мѣсто Ѳ. Павлова только $^{20}/_{III}$ 148 г. и до сихъ поръ не получалъ никакого извѣщенія о сборѣ этой доимки. $^{9}/_{XII}$ Приказъ отвѣчалъ ему обстоятельной грамотой платежахъ съ О. [4]). По грамотѣ изъ Приказа отъ $^{4}/_{VIII}$ 155 г. собиралъ на одоевцахъ 124 р. доимки на 146–7 гг. Ив. Щербачевъ. Доимка эта была разсрочена Приказомъ на 4 года—по 31 р. на годъ. 31 р. Щербачевъ послалъ $^{31}/_{XII}$ 156 г., въ Приказъ они поступили $^{11}/_{I}$ [5]). Доимка съ одоевцевъ поступала еще въ 159 г. $^{25}/_{IX}$ 159 г. Приказъ с. р. л. отдалъ о. воеводѣ Ѳед. Ив. Зыбину приказаніе собрать съ О. посада по розвыткѣ на 158 г. 31 р., „да за огурство отъ Москвы до Одоева и назадъ до Москвы прогоны на двѣ подводы доправить“ [6]).

Опочка. — См. Псковъ

Орелъ. — Данныхъ нѣтъ.

Орловъ. — См. Пермь В.

---

[1]) 1639 № 35 л. 41—44.
[2]) 1643 № 42 л. 187 и 1651 № 107 л. 15–16.
[3]) 1639 № 35 л. 55—6.
[4]) 1639 № 35 л. 70—72.
[5]) 1643 № 42 л. 117.
[6]) 1651 № 107 л. 23.

Пареньевъ. — См. Галичъ.

Перемышль.—Въ 146 г. П. обслуживалъ устройство Уляжской и Боровенской засѣкъ. Данныхъ о сборѣ съ П. налога въ Приказъ с. р. л. нѣтъ.

Переяславль Залѣсскій, 328 дв.—Въ 146 г. переяславцы заплатили налогъ исправно, а въ 147 г. онъ былъ сложенъ въ видѣ особой милости,—объ этомъ ниже.

Переяславль Рязанскій, 107 дв.—Въ 146 г. П. Р. посадъ обслуживалъ устройство Вожской и Красносельской засѣкъ. Въ 146 г. 214 р. сбора Приказомъ с. р. л. не было взято, да его и не на комъ было взять. Въ 147 г. рязанцы били челомъ, жалуясь на перенесенныя ими невзгоды и на пустоту. Налогъ съ нихъ былъ сложенъ. [1]).

Пермь Великая. 1) Соль Камская — 333 дв. кр. и 22 дв. боб., всего 355 дв., въ Усольскомъ у.— 373 дв. кр. и боб.; 2) Строгановскія владѣнія: въ Чусовомъ городкѣ и на Сылвѣ за Андреемъ, Петромъ, Ивашомъ и Максимомъ Строгановыми 338 дв. кр. и боб. да въ острожкахъ Тявинскомъ, Явинскомъ и въ другомъ Чусовомъ городкѣ, въ Орловѣ и въ Орловскомъ уѣздѣ за Андреемъ и Петромъ Строгановыми 156 дв.— 310 ч., всего за Строгановыми 750 дв.; 3) Чердынь: посадъ — посад. и боб. 304 дв.— 318 ч., въ Черд. у.—2509 дв. кр. и боб.— 3592 ч., да остяковъ и татаръ 67 юртовъ (81 чел.), черемисъ — 4, мордвы — 1. Юрты сосчитаны за дворы [2]). Всего въ Чердыни — 2885 дв.

1) Сборъ съ Соли Камской и Усольскаго у. Съ С. К. потребовали 710 р. съ посада и 746 р. съ уѣзда. По [16]/VIII 146 г. Богданъ Комынинъ прислалъ всего 420 р., въ недосылкѣ оставалось 1036 р. С. К. земскій староста Осипко Кондаковъ и во всѣхъ посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ мѣсто билъ челомъ о сложеніи дальнѣйшаго сбора. На челобитной солекамцевъ помѣта д. д. Ив. Гавренева отъ [25]/X 147 г.: взять съ торговыхъ крестьянъ по 2 р., а съ пашенныхъ по 1 р., но въ полномъ сложеніи отказать. Соотвѣтствующая грамота послана [18]/XII 147 г., но до августа 147 г. Комынинъ больше ничего не прислалъ. При составленіи смѣтного списка на 147 г. за отсутствіемъ свѣдѣній о тор-

[1]) 1640 № 8 л. 106—111, 186—193.

[2]) 1638 г. № 64.

говыхъ людяхъ „окладу положить [было] немочно“ [1]). Въ 147 г. грамота о сборѣ послана [30]/IV, а напоминаніе [1]/VIII, но воевода Дороѳей Емельяновичъ Остафьевъ до начала 148 г. не прислалъ ничего. Въ декабрѣ 148 г. ему адресована новая грамота съ приказаніемъ собрать по 2 р. только съ торговыхъ крестьянъ, а съ пашенныхъ взять по 1 р. съ двора. Сборъ велѣно прислать „тотчасъ“. Приказная грамота требуетъ энергичныхъ репрессій тюрьмой и кнутомъ для неисправныхъ усольцевъ [2]). Новое напоминаніе съ угрозами самому воеводѣ послано [28]/VII 148 г. [3]) [17]/III 150 г. въ Соликамскъ послано циркулярное напоминаніе о доимкѣ Григорію Аѳанасьевичу Загряжскому [4]). Кромѣ замѣтки о томъ, что 33 р. доимки перечислены съ уѣзда на посадъ, другихъ данныхъ о сборѣ съ С. К. посада и уѣзда не имѣемъ [5]).

2) На 146 г. со Строгановскихъ крестьянъ добирали по 2 р. съ двора въ то время, какъ съ другихъ группъ крестьянъ сборъ былъ уже пониженъ до 1 р. съ пашеннаго двора. Андрей съ с. Дмитріемъ и Ѳедоръ Строгановы жаловались на то, что отъ этого сбора ихъ крестьяне разбѣгаются. Въ 147 г., однако, съ нихъ правили по тому же расчету. Въ 148 г. [13]/V Строгановы жаловались на то, что Б. Комынинъ, правя немѣрнымъ правежомъ по 2 р. съ двора съ ихъ крестьянъ, „розувалъ босыхъ“, и оттого изъ ихъ вотчинъ семей съ 40 съ женами и съ дѣтьми и со всѣми животы разбрелись въ сибирскіе и казанскіе города, въ Пермь, въ Чердынь и къ Солп Камской. Челобитчики указывали, что въ ихъ вотчинахъ можно насчитать всего 18 торговыхъ дворовъ и опять просили распространить на нихъ общую для всего сѣвера Московскаго государства мѣру — зачесть „переемные“ деньги на 147 г. по расчету 1 р. съ двора, прекративъ правежъ. Въ челобитьѣ отъ 4 и 21 іюня 148 г. Андрей съ с. Дмитріемъ и Ѳедоръ Строгановы указывали: они заплатили со своихъ 458 дв.— 916 р. на 146 г. и 312 р. на 147 г. такъ что въ недоборѣ на 147 г. оставалось 604 р. Строгановы писали, что у нихъ „лавошныхъ

---

[1]) 1638 г. № 64 л. 18—21. А. П. III № 206.
[2]) 1639 г. № 35 л. 20-22.
[3]) 1640 г. № 32 л. I.
[4]) 1641 г. № 52 л. 41—43.
[5]) Кн. по Владиміру 4.

людишекъ“ только 18 человѣкъ, „а то все пашенные крестьянишка и бобылишка безпашенные дѣловые“, и снова просили взять съ нихъ только по 1 р. съ двора на 146 и 147 гг., т.-е. приравнять весь платежъ 916 р., да прибавить по 18 р. на годъ за торговые дворы. Общій итогъ по этому расчету получался въ 952 р., а переборъ противъ него (1228 р.—952 р.) равнялся 276 р. Они просили переборъ этотъ зачесть черезъ Новгородскую четверть въ четвертные таможенные сборы по Нижнему Новгороду. Ходатайство ихъ 21/VI 148 г. было удовлетворено [1]). Данныхъ о сборѣ съ Петра, Ивана и Максима Строгановыхъ нѣтъ.

3) Въ Чердыни (посадъ, уѣздъ, инородцы) насчитывали 2885 дв., съ которыхъ въ 146 г. потребовали 5770 р. По 16/VIII 146 г. было получено 2046 р. 25 ал., слѣдовательно, въ недосылкѣ оставалось 3723 р. 8 ал. 2 д. По Счетному дѣлу (§§ 45 и 47), на 146 годъ въ 146—147 гг. поступило 2046 р. 25 ал. да въ 148 г. — 50 р. Поставленные на правежъ чердынцы били челомъ, указывая на то, что имъ „окупитца нечѣмъ“, и писали, что у нихъ на посадѣ и въ уѣздѣ запустѣло 1211 дв., да 7 лучшихъ людей взято въ Москвѣ, 20 человѣкъ сидятъ въ Перми въ тюрьмѣ, да 30/VI 146 г. погорѣло тяглыхъ лучшихъ людей 92 дв., да бобыльскихъ—5 дв., и ряды погорѣли со всѣми животами „безъ остатку“. 25/X 147 г. по докладу д. д. И. Гавренева велѣно о пожарѣ „выписать“, но въ сложеніи платежа за эти дворы отказать. Зато велѣно распространить на Чердынь общую льготу о пониженіи платежа до 1 р. съ пашеннаго двора. Приказъ распорядился сбирать допмку. По августъ 147 г. Богданъ Комынинъ съ Чердыни ничего не прислалъ и данныхъ о торговыхъ дворахъ не сообщилъ, такъ что оклада положить было нельзя [2]). 26/IX 149 г. отъ пермскаго воеводы Дороѳея Остафьева Приказъ потребовалъ собрать съ Чердыни допмку „на прошлые годы“, на 146 г. — 1092 р. 8 ал. 2 д. да на 147 г. — 608 р. съ посада и 1503 р. съ уѣзда,—значитъ, за два года, 147 и 148, Приказъ получилъ съ Чердыни только 1056 р. Собирать допмку велѣно было съ посада по 2 р. съ двора, а съ уѣзда по 1 р. съ двора. Къ 18/II 149 г. Остафьевъ доставилъ въ Москву 82 р. съ посада и

[1]) 1640 г. № 8 л. 134—150.

[2]) 1638 г. № 64 л. 13—17.

1084 р. съ уѣзда, всего 1166 р., извѣстивъ, что остальное собираетъ [1]). Данныхъ о дальнѣйшемъ сборѣ съ Чердыни нѣтъ.

Погорѣлое Городище, 14 дв.—Въ 146 г. сборъ съ II. Г. поступилъ въ два пріема. Воевода кн. Богданъ Мещерскій отправилъ 11 р. еще до начала іюля, а 17 р. — [16]/VII [2]). Въ 147 г. новый воевода кн. Дм. Путятинъ получилъ грамоту [25]/V. Къ [5]/VII онъ собралъ и послалъ 20 р. Съ 4 дв. получить денегъ онъ не могъ, потому что три лучшихъ „головныхъ“ посадскихъ человѣка заложились за В. И. Стрѣшнева, а „четвертой человѣкъ умеръ съ женою и съ дѣтьми, а дворъ его опустѣлъ“ [3]). [29]/III 148 г. тому же Путятину велѣно было доправить на II. Г. 8 р. доимки. Эту доимку онъ собралъ и доставилъ въ Москву [11]/VIII 148 г. [4]).

Псковъ, 940 дв. да въ 6 пригородахъ — 39 дв. — Грамотой, полученной въ Псковѣ [11]/II 146 г., велѣно было собрать со Пскова 1880 р., а съ пригородовъ почему-то только 64 р. Губ. ст. Богданъ Беклешовъ собралъ со Пскова съ 785 дв. 1570 р., „опрично“ 60 р., взятыхъ на псковичахъ торговыхъ людяхъ, а относительно 310 р. со 155 дв. псковичи били челомъ о сложеніи, такъ какъ дворы эти запустѣли: „посадскіе тяглые люди померли и отъ бѣдности изъ города розбрелись, владѣютъ и живутъ въ тѣхъ дворахъ дворяне и дѣти боярскіе и всякихъ чиновъ люди“. Вмѣстѣ съ челобитьемъ псковичи вручили воеводамъ и роспись повымъ владѣльцамъ. Съ Велья (14 р.) и Выбора (12 р.) сборъ былъ полученъ сполна, а въ Володимерцѣ и въ Дубковѣ посадскихъ людей не оказалось. II. воевода кн. Куракинъ приложилъ къ своей отпискѣ челобитье псковичей, въ которомъ они ходатайствовали или о привлеченіи 155 бѣлыхъ дворовъ къ несенію тягла или о ихъ выложеніи изъ оклада. Впрочемъ, Куракинъ распорядился 310 р. недобора собирать на черныхъ людяхъ [5]). По докладу [10]/VIII 146 г. „г. пожаловалъ, не велѣлъ на нихъ за тѣ дворы, въ которыхъ тяглыхъ дворѣхъ живутъ всякихъ чиновъ люди, денегъ править, а велѣлъ государь тѣ деньги съ тѣхъ дворовъ взять, хто нынѣ по ихъ росписи на тѣхъ дворѣхъ

[1]) 1641 г. № 1 л. 14—16.
[2]) 1638 г. № 25 л. 7.
[3]) 1639 г. № 14 л. 78—79.
[4]) 1640 г. № 54 л. 12.
[5]) 1638 № 49 л. 12—23 и 30—45.

живутъ“ [1]). Грамота о сборѣ на 147 г. была отправлена въ Псковъ [30]/IV 147 г. Велѣно было собрать 1880 р. съ Пскова и 78 р. съ 39 дв. 6 псковскихъ пригородовъ. До іюля изъ Пскова прислано ничего не было, и Приказъ выговаривалъ п. воеводѣ кн. М. П. Пронскому, что благодаря его проволочкѣ „ратнымъ людемъ въ кормѣхъ чинится волокита“ [2]). [30]/VIII 147 г. кн. Пронской и Лутохинъ послали 1570 р. съ черныхъ дворовъ да 268 р. съ бѣлыхъ, итого 1838 р., да съ Велья и Выбора 26 р. Въ недоборѣ съ бѣлыхъ дворовъ оставалось 42 р. недобранныхъ за пустотою и бѣдностью. Воевода приложилъ къ своей отпискѣ роспись запустѣвшимъ пригородамъ, Острову, Володимерцу и Дубкову, съ объясненіемъ, отчего они запустѣли [3]). Въ октябрѣ 149 г. изъ Приказа с. р. л. Пронскому и Лутохину посланъ выговоръ за недоборъ, съ ссылкой на „многія грамоты“, имъ по этому поводу посланныя, и съ обычной угрозой „дворянином добрымъ на многихъ подводахъ“ и нещаднымъ правежомъ на самомъ воеводѣ [4]). [17]/VI 155 г. Никифоръ Собакинъ и Иванъ Дмитріевъ получили изъ Приказа напоминаніе о доимкѣ со Пскова на 146 г. 250 р., съ Гдова — 40 р., съ Острова — 14 р., съ Володимерца — 6 р., съ Городища Дубкова — 4 р., да на 147 г. съ Велья — 14 р., съ Выбора — 12 р., съ Володимерца — 6 р., съ Городища Дубкова — 4 р., обоего 350 р. Въ отпискѣ, полученной Приказомъ с. р. л. [8]/II 156 г., Собакинъ и Дмитріевъ доносили, что они вообще доправили по указанному имъ расчету, но что съ Острова взяли на 146 г. только 7 р., а въ 7 р. дали жителямъ Острова сроку, „потому что въ Островѣ посадскихъ людей только 4 человѣка, и тѣ бѣдны и приведены въ Островъ по сыску тому нынѣ третій годъ“. Съ пригородовъ было взято всего не 100 р., какъ требовалъ Приказъ, а 67 р., такъ какъ 7 р. Острову отсрочили, а на 146 г. 14 р. съ Велья и 12 р. съ Выбора не взяли, потому что посадскіе люди предъявили имъ приказныя росписки въ своевременной уплатѣ этихъ денегъ еще въ 147 г. Потому же не взяли и 250 р. на 146 г. съ самого Пскова. Это было уже вторичное неправиль-

---

[1]) 1638 № 49 л. 26—29.
[2]) 1639 № 35 л. 1—2.
[3]) 1640 № 54 л. 27—37.
[4]) 1639 № 35 л. 86—88.

ное требованіе Приказа: въ первый разъ Приказъ неправильно потребовалъ денегъ $^{8}/_{VII}$ 147 г. Собакинъ напоминалъ Приказу и указъ о привлеченіи къ платежу бѣлыхъ дворовъ, прилагая копіи относящихся къ этому вопросу документовъ. Приказная справка отъ $^{24}/_{II}$ 156 г. подтвердила эти обстоятельства и неправильность требованія лишнихъ денегъ съ Пскова. Требованіе было отмѣнено [1]). Новая грамота о правежѣ съ пригородовъ была получена въ Псковѣ $^{20}/_{III}$ 156 г. Съ Острова на 146 г. велѣно было доправить 7 р., а на 147 г. — 14 р. 11 р. воевода съ Острова доправилъ и послалъ въ Москву въ февралѣ 157 г. Въ отвѣтъ на эту присылку Приказъ потребовалъ „безсрочно“ доправить съ Острова 10 р. недобора [2]). Сборъ былъ ликвидированъ только черезъ годъ. 10 р. доимки съ Острова Приказъ получилъ $^{19}/_{I}$ 158 г.[3]).

Пустозерскъ, 44 посад. дв. и 10 вдовьихъ дв., обоево 54 дв ; Усть-Цылемская слободка — 15 дв.; Ижемская слободка — 21 дв. Всего въ Пустозерскѣ и въ слободкахъ 90 дв. П. воев. Аѳ. Ощерину велѣно было „въ Пустозерскомъ острогѣ на посадѣ и въ уѣздѣ дворы и во дворѣхъ людей переписати“ и съ „переписныхъ дворовъ“ взять по 2 р. съ двора, приказавъ развытить налогъ такъ, „чтобъ бѣднымъ людемъ передъ прожиточными людьми тягости не было“. Ощеринъ дворы въ П. переписалъ и деньги собралъ (144 р.), но съ обѣими слободками вышла заминка, такъ какъ въ нихъ оказалось много пустыхъ и нищихъ дворовъ, и взять съ нихъ сборъ полностью онъ не находилъ возможнымъ. Отписка Ощерина была получена въ Приказѣ $^{7}/_{II}$ 147 г., о пустотѣ былъ заготовленъ докладъ, но получилъ ли онъ движеніе — невидно. $^{18}/_{II}$ 147 г. Ощерину была послана изъ Приказа крутая грамота съ требованіемъ доправить немедленно доимку на всѣхъ вдовьихъ и нищихъ дворахъ по 2 р. съ двора на годъ [4]). Другое циркулярное напоминаніе объ этой доимкѣ было послано въ П. Ларіону Никитичу Радилову $^{17}/_{III}$ 150 г.[5]). Другихъ слѣдовъ доимки не имѣемъ.

---

[1]) 1643 № 42 л. 126—142.
[2]) 1643 № 42 л. 160—161
[3]) 1643 № 42 л. 168.
[4]) 1638 № 62 л. 1—18.
[5]) 1641 № 52 л. 39—40.

Путивль, 80 дв. — Невидно, заплатилъ ли Путивль что-либо на 146 г. Въ 147 г. путивльцы не заплатили ничего. $^{5}/_{VIII}$ 147 г. п. воеводѣ Григ. Гавр. Пушкину посланъ выговоръ за неприсылку налога въ полномъ размѣрѣ — 160 р.[1]). Путивльцы послали челобитчиковъ, и только $^{9}/_{XI}$ 149 г. имъ удалось выхлопотать указъ о сложеніи съ нихъ платежа наравнѣ съ Вязьмой, Можайскомъ, Карачевымъ, Воротынскомъ, Торопцомъ, В. Луками и Зарайскомъ[2]).

Ржева Володимірова, 68 дв. — Указъ о сбора со Р. В. 136 р. на 146 г. р. воевода кн. Вас. Горчаковъ получилъ $^{26}/_{XII}$ 146 г. Къ $^{21}/_{VI}$ 146 г. онъ „одва“ доправилъ налогъ на 41 дворѣ и послалъ деньги къ Москвѣ. Со времени присылки грамоты и по $^{20}/_{VI}$, по его словамъ, ржевичи посадскіе люди стояли у него на правежѣ, — „и многіе, г., посадскіе люди отъ бѣдности разбрелися, и доправить болши таво не на комъ“, писалъ Горчаковъ въ Приказъ, прося указаній[3]). Ржевичи били челомъ, ходатайствуя о томъ, чтобы 18 р., взысканные съ нихъ Горчаковымъ на подводы торопецкимъ стрѣльцамъ, были имъ зачтены въ платежъ Приказу с. р. л. По докладу д. д. Гавренева $^{4}/_{VII}$ челобитье ихъ было очень быстро удовлетворено. $^{18}/_{VII}$ Горчаковъ былъ запрошенъ Приказомъ, дѣйствительно ли 18 р. сбора Приказа с. р. л. онъ издержалъ на подводы стрѣльцамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Приказъ распорядился добрать на Р. В. 54 р. (136 р. — 82 р.) „тотчасъ, не дожидаяся о томъ иного указу и пристава изъ прогоновъ“, — „а собравъ, потомужъ прислать... къ Москвѣ тотчасъ“[4]). $^{25}/_{V}$ 147 г. Приказъ потребовалъ 18 р. доимки на 146 г. (за подводы?) и 130 р. на 147 г. Воевода кн. Д. С. Путятинъ поставилъ ржевичей на правежъ, но челобитчиковъ изъ Р. В. на Москву отпустилъ. Ржевичи указывали на свое разореніе, на то, что у нихъ взять „не съ кого“, и что ихъ „лучшій человѣкъ“ кабацкій откупщикъ Бересеневъ заложился за В. И. Стрѣшнева[5]). $^{12}/_{VII}$ 147 г. Путятинъ получилъ напоминаніе о сборѣ. Онъ „одва“ доправилъ 78 р. съ 39 дв. и послалъ ихъ $^{7}/_{VIII}$, а съ остальныхъ

[1]) 1639 № 35 л. 3.
[2]) 1640 № 8 л. 194—222.
[3]) 1638 № 49 л. 3.
[4]) 1638 № 49 л. 4—5.
[5]) 1639 № 26 л. 10.

29 дв. продолжалъ править. Между тѣмъ изъ этихъ 29 дв. 27 дв. въ 146 г. были избавлены отъ платежа, а 2 двора запустѣли отъ смертей. Въ челобитьѣ своемъ ржевичи доказывали, что они „адва“ заплатили и съ 39 дв. [1]). Взысканіе доимки замедлилось, но только въ 149 г. [9]/VII и [28]/VIII по докладу д. д. Гавренева дѣло было рѣшено въ пользу ржевичей, и воевода былъ увѣдомленъ о сложеніи 72 р. [2]).

Ржева Пустая. — Данныхъ нѣтъ.

Романовъ, 206 дв., — 149 посад. дв. и 57 вдовьихъ. — Данныхъ о сборѣ съ Р. въ 146 г. нѣтъ. Въ августѣ 147 г. р. воеводѣ Вошу Чемесову посланъ выговоръ съ угрозой доправить на немъ за недосылку сбора съ Приказъ с. р. л. 422 р. (412?) втрое (!), но въ томъ же приказномъ отпускѣ цифра 422 исправлена на 392. 205 р. получено [16]/X 148 г., а 207 р.—[25]/I 148 г. [3]).

Ростовъ, 273 дв. — Сборъ 146 г. поступилъ съ замянкой. [26]/XI 147 г. р. воеводѣ Лавр. Дм. Салтыкову былъ адресованъ циркулярный выговоръ за недосылку денегъ [4]). Грамоту о сборѣ 546 р. на 147 г. Салтыковъ получилъ [27]/V. [2]/VIII того же года онъ послалъ сборъ полностью [5]).

Руза, 41 дв. — Въ 146 г. ружане съ платежомъ, повидимому, справились, но въ 147 г. имъ стало невмоготу, и они били челомъ о сложеніи налога. [30]/III 148 г. платежъ на 147 г. съ нихъ сложенъ [6]).

Самара, 50 дв. — Данныхъ о сборѣ нѣтъ.

Свіяжскъ, посадъ — 305 дв., дворцовыя села въ уѣздѣ — 240 дв. — Данныхъ о сборѣ нѣтъ.

Серпейскъ. — Данныхъ о сборѣ нѣтъ.

Серпуховъ, 63 дв. — Сборъ съ Серпухова на 146 г. поступилъ, повидимому, исправно, — слѣдовъ доимки нѣтъ. Въ 147 г. с. воевода Данилъ Елагинъ получилъ грамоту о сборѣ [18]/V. [8]/VII онъ послалъ полностью 126 р.

---

[1]) 1639 № 14 л. 98—100.
[2]) 1640 № 8 л. 173—185.
[3]) 1639 № 35 л. 16—17, кн. по Владиміру № 4 л. 147.
[4]) 1638 № 25 л. 78.
[5]) 1639 № 14 л. 101.
[6]) 1640 № 8 л. 19—25.

Соль Вычегодская, посадъ — 293 дв., уѣздъ — 4076 дв.—Съ С. В. съ посада и уѣзда въ 146 г. потребовали 8738 р. [13]/VI с. воеводѣ кн. Аѳан. Козловскому, получившему требованіе изъ Приказа с. р. л. еще въ январѣ 146 г., посланъ выговоръ за то, что, несмотря на приказаніе прислать сборъ по зимнему пути, онъ не прислалъ его и къ лѣту. Приказъ распорядился прислать деньги „тотчасъ, наспѣхъ, не дожидаяся въ томъ царскіе опалы“ [1]). [6]/VII Козловскому посланъ новый выговоръ съ отобраніемъ у него росписки въ полученіи этого напоминанія [2]). Къ [21]/VII Козловскій прислалъ наконецъ „половину“ — 3216 р., въ доимкѣ осталось — 5522 р. [15]/VIII воеводѣ писано по помѣтѣ: „тѣ недоборные деньги 5522 р. собрать всѣ сполна безъ недобору“ [3]). Въ сентябрѣ 147 г. Козловскому послано пятое (по счету Приказа) напоминаніе съ угрозой весь недоборъ (5522 р.) доправить на немъ самомъ [4]). Въ ноябрѣ въ Приказѣ потеряли, наконецъ, терпѣніе. Козловскому посланъ выговоръ за „дурость и бездѣльную корысть“ съ обычными угрозами „дворяншомъ добрымъ на многихъ подводахъ“ [5]). По Счетному дѣлу (§ 45) съ С. уѣзда на 146 г. въ 146—7 гг. поступило 4064 р. 17 ал. 4 д. Въ концѣ-концовъ Приказъ примирился съ неизбѣжнымъ. Платежъ съ С.-В. былъ понижень до 1 р. съ уѣзднаго двора, при сохраненіи 2-рублеваго оклада для посадскихъ дворовъ. Благодаря этой мѣрѣ доимка на 146 г. понизилась до 1446 р., а платежъ на 147 г. до 4662 р. Общій итогъ требованія Приказа с. р. л. равнялся 6108 р. Къ 149 д. изъ этой суммы все еще оставалось въ доимкѣ 5359 р. 16 ал. 4 д., которые и были разсрочены Приказомъ на 10 лѣтъ по 536 р. 1 д. на годъ [6]). Къ сожалѣнію за десятилѣтіе 147 — 157 гг. у насъ нѣтъ данныхъ для изображенія хода поступленія этой доимки съ С.-В. Въ мартѣ 157 г. кн. И. Ромодановскій послалъ въ Москву сыскное дѣло о недоборѣ съ Соли В. Ѳед. Приклонскимъ 535 р. 30 ал. [7]).

---

[1]) 1638 № 25 л. 37—38.
[2]) 1638 № 25 л. 45—47, 61.
[3]) 1638 № 25 л. 1—6.
[4]) 1638 № 25 л. 50—51.
[5]) 1638 № 25 л. 57.
[6]) Книга по Владиміру № 4.
[7]) 1643 № 42 л. 162.

[16]/x 159 г. с. воевода Ив. Гавр. Злобинъ прислалъ изъ „срочныхъ денегъ 157 и 158 годовъ“ изъ 1071 р. 29 ал. 4 д. только 187 р. 23 ал. 4 д., „потому что въ волостяхъ крестьяне многіе оскудѣли и платятъ самыя малыя деньги съ великою нужею“,— „а какъ, г., тѣ деньги на два года и прогоны на тѣ же года доправятъ, и я, х. т., тѣ полѣтные деньги и прогоны вышлю къ тебѣ, г., тотчасъ“, обѣщалъ воевода. Въ Приказѣ с. р. л. положили помѣту: „отписать, велѣть тотчасъ тѣ деньги прислать, а не пришлетъ, и тѣ деньги и прогоны доправять на немъ“. [24]/x была отправлена Злобину соотвѣтствующая грамота, требовавшая присылки доимки къ Р. Х. 159 г.[1]). Дальнѣйшая судьба этой доимки неясна.

Соль Галицкая, 116 дв. — О сборѣ на 146 г. данныхъ въ отпискахъ воеводъ нѣтъ. Требованіе выслать 232 р. въ 147 г. с. губной староста Алексѣй Сохонинъ получилъ [29]/v. За лѣто 147 г. онъ собралъ и послалъ къ [2]/ix 148 г. 90 р. (по книгѣ, проведено только 77 р.) на 147 г. запросивъ Приказъ, собирать ли ему налогъ съ 23 дв. полянщиковъ, платившихъ въ 146 г. деньги „собою“. Въ Приказѣ распорядились „выписать“ о полянщикахъ, но результаты этой справки невидны. Приказъ собрался отвѣтить утвердительно только черезъ $3^1/_2$ года: [11]/iv 151 г. Новый с. губной староста Кондратій Львовъ, получившій приказное распоряженіе о полянщикахъ [29]/v 151 г., отвѣчалъ, что и подъячій и полянщики предъявили ему отписи въ исправномъ взносѣ денегъ и копіи этихъ отписей онъ препроводилъ въ Приказъ. Съ С. Г. получены были согласно этимъ отписямъ слѣдующіе взносы налога: 146 г. [23]/ii — 40 р. 18 ал. 2 д., 146 г. [9]/vi — 64 р. 15 ал., 147 г. [14]/xi — 74 р., 148 г. [20]/ix — 77 р., 148 г. [22]/i — 109 р., 149 г. [15]/ix — 22 р., итого 417 р. — [9]/vii 151 г. изъ Приказа отвѣчали Львову, что Приказъ насчитываетъ въ полученіи только 395 р., а 22 р. съ полянщиковъ на 147 г. въ Приказъ не поступали. Приказъ распорядился взыскать этотъ недоборъ на мѣстномъ подъячемъ почему-то въ размѣрѣ 23 р. и затребовалъ въ Москву подлинную отпись. [10]/x 152 г. въ Приказъ былъ присланъ полянщикъ, производившій уплату, съ

---

[1]) 1651 № 107 л. 23—29, 14

подлинной отписью. [17]/x 152 г. изъ Приказа опять было отдано распоряженіе сообщить точныя данныя о ходѣ уплатъ съ С.-Г. и взыскать уже только на полянщикѣ Кузьмѣ Алферьевскомъ незаплаченные имъ въ 146—7 гг. 4 р. [1]). Злоупотребленіе, имѣвшее мѣсто у С. Г., изложены ниже въ гл. V.

Соль Камская. — См. Пермь.

Старополье. — См. Новгородъ В.

Старая Руса, посадъ — 68 дв., въ окологородныхъ погостахъ уѣзда — 202 дв. — О сборѣ на 146 г. данныхъ нѣтъ; повидимому, изъ посада и съ уѣзда сборъ поступилъ исправно. Требованіе собрать 136 р. + 204 р. воевода Василій Веригинъ получилъ [14]/vi 147 г. [23]/vii 147 г. сборъ уже былъ полностью полученъ въ Приказѣ [2]).

Старица, 39 дв. — Въ 146 г. по приказанію кн. Богдана Мещерскаго, воеводы Ржевы Володимеровой, старичане собрали 48 р. и отправили ихъ съ выборнымъ цѣловальникомъ въ Приказъ [24]/iv. Въ 30 р. они были поставлены на правежъ, и эти 30 р. были съ нихъ доправлены къ [16]/vi [3]). Данныхъ о сборѣ со С. на 147 г. нѣтъ.

Строгановы. — См. Пермь.

Судиславль. — См. Кострома.

Суздаль, 203 дв. — Въ 146 г. первоначальное требованіе 406 р., по челобитью суздальцевъ было сокращено до 382 р. Въ 147 г. с. губной староста Вас. Шапиловъ собралъ и послалъ „противъ 146 году“ — 382 р.[4]). Но [26]/iii 148 г. Приказъ потребовалъ съ суздальскаго воеводы Семена Заборовскаго еще 22 р. Заборовскій послалъ деньги [25]/iv 148 г.[5]).

Таруса, 20 дв. — Данныхъ о сборѣ нѣтъ.

Тверь, 241 дв. — Данныхъ о сборѣ на 146 г. нѣтъ—повидимому, сборъ поступилъ исправно. Грамоту о сборѣ съ Т. посада 482 р. на 147 г. Иванъ Септовъ и Сем. Лобковъ получили [28]/v. Тверичи принесли 182 р. и били челомъ о сложеніи остальныхъ

---

[1]) 1639 № 14 л. 120 и 1639 № 57 л. 1—18.
[2]) 1639 № 4 л. 83—4.
[3]) 1638 № 25 л. 8.
[4]) 1639 № 14 л. 126.
[5]) 1640 № 54 л. 2.

300 р. въ виду того, что 42 тверича взяты къ государеву каменному дѣлу въ Желтиковъ монастырь, да къ тому же многіе посадскіе люди послѣ писца сошли въ розные городы [1]). Какъ Приказъ ликвидировалъ этотъ вопросъ, невидно.

Темниковъ, 21 дв. и Новая Слобода, 40 дв. — Въ 146 г. сборъ съ Т. и Н. С. поступилъ, повидимому исправно [2]). Сборъ на 147 г., по грамотѣ, полученной воеводой Сергѣемъ Левашовымъ, поступилъ очень быстро: $^{7}/_{VII}$ деньги были уже получены въ Приказѣ [3]).

Торжокъ, 419 дв. — Сборъ на 146 г. поступилъ, повидимому, исправно — слѣдовъ доимки нѣтъ. Сборъ на 147 г. не былъ внесенъ до декабря 148 г., и Приказъ напоминалъ о немъ воеводѣ Савину Овцыну. Къ $^{16}/_{III}$ Овцынъ собралъ и доставилъ 672 р., а въ 166 р. поставилъ посадскихъ людей на правежъ [4]). Доимку 160 р. (166 р.?) новоторжцы доставили $^{6}/_{VI}$ 148 г. съ жалобой на Овцына въ томъ, что онъ не оказалъ имъ содѣйствія при доставленіи этихъ денегъ въ Москву [5]).

Торопецъ. 39 дв.— Сборъ съ Торопца былъ сложенъ.

Тотьма, посадъ — 215 дв., уѣздъ — 2180 дв.

1) Посадъ. $^{11}/_{III}$ 146 г. съ 44 дв. безъ чети двора поступило 87 р. 16 ал. 4 д. Съ тѣхъ же дворовъ $^{21}/_{VII}$ — еще 87 р. 16 ал. 4 д. Въ 147 г. $^{12}/_{VII}$ съ посада — 15 р., $^{18}/_{XII}$ 149 г.— 120 р. и $^{11}/_{VIII}$ 149 г.— 310 р. Къ 149 г. оказалось во взятьѣ на 146 г.— 175 р., а на 147 г.— 445 р., а всего 620 р.

2) Уѣздъ $^{11}/_{III}$ 146 г. поступило 935 р. 27 ал. 2 д., $^{21}/_{VII}$ 146 г.— 730 р. 28 ал. 3 д., а всего въ 146 г.— 1666 р. 22 ал. 5 д., $^{12}/_{VI}$ 147 г. поступило 289 р. 10 ал. 5 д. да съ торговыхъ крестьянъ — 8 р., а всего 297 р. 10 ал. 5 д.; $^{16}/_{XII}$ 149 г.— 955 р. и $^{11}/_{VIII}$ 149 г.— 960 р.; въ 147 и 149 гг. всего — 2212 р. 10 ал. 5 д., а вмѣстѣ съ платежемъ 146 г.—3879 р. Данныя Счетнаго дѣла совпадаютъ съ только что приведенными. Эта неправильная высылка денегъ съ Тотьмы вызвала рядъ выговоровъ изъ Приказа. Одно изъ напоминаній съ отобраніемъ у воеводы Тита Ив. Дубровина обратной росписки въ полученіи выговора было при-

[1]) 1639 № 14 л. 105 - 7.
[2]) 1638 № 24 л. 125.
[3]) № 1639 14 л. 76—77.
[4]) 1640 № 54 л. 1.
[5]) 1640 № 54 л. 8.

нято воеводой $^{16}/_{VII}$ 147 г., а $^{24}/_{VII}$ 147 г. Приказъ отправилъ ему уже новый выговоръ за то, что онъ „то дѣло поставилъ себѣ въ оплошку“. Ему велѣно было собрать недоборъ сполна безъ поноровки, „не дожидаяся государевой опалы“,—съ угрозой за недоборъ доправить деньги на немъ самомъ „мимо ослушныхъ уѣздныхъ людей“ [1]). Въ началѣ 148 г. Приказъ посылаетъ тому же Дубровину новый выговоръ въ болѣе повышенномъ тонѣ „за дурость и бездѣльную корысть“, приказывая ему собрать 253 р. съ Т. посада и 2693 р. 10 ал. 5 д. съ уѣзда, а всего 2946 р. 10 ал. 5 д. Но уже въ 147 г. Приказъ пришелъ къ заключенію о необходимости произвести на Т. новую перепись дворовъ [2]). Взиманіе съ Т. посада осложнилось кромѣ того борьбой лучшихъ и молодшихъ людей [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Приказъ предпринялъ черезъ воеводу Алексѣя Большова тщательное разслѣдованіе по вопросу о торговыхъ людяхъ въ Т. уѣздѣ, кончившееся, впрочемъ, безрезультатно [4]). Новый т. воевода Иванъ Малыгинъ получилъ $^{2}/_{VII}$ 148 г. грамоту о сборѣ допмки съ Т. посада и уѣзда, равнявшейся, въ этотъ моментъ 430 р. + 2180 р., а всего 2160 р. Къ $^{1}/_{XII}$ Малыгинъ собралъ и послалъ съ посада 120 р., а съ уѣзда 955 р., всего 1075 р., продолжая, „неоплошно съ великимъ поспѣшеньемъ“ править остальныя деньги. Онъ распорядился вкинуть т. земскаго старосту и посадскихъ и уѣздныхъ людей 10 человѣкъ въ тюрьму и изъ тюрьмы ихъ выпускать не велѣлъ, пока тотьмичи не принесутъ сполна всѣхъ денегъ [5]). Къ $^{10}/_{VIII}$ 149 г. онъ доправилъ еще 310 р. съ посада и 960 р. съ уѣзда [6]). Слѣдующее циркулярное напоминаніе о допмкѣ было послано на Т. уже новому воеводѣ кн. Андрею Өед. Шаховскому [7]). Въ ноябрѣ 151 г. въ Приказѣ подвели итогъ взятью съ Т. посада и уѣзда и насчитали во взятьѣ на 146 и 147 гг. 590 р. съ посада и 3879 р. съ уѣзда, такъ что общая допмка равнялась 721 р. Въ связи съ

---

[1]) 1638 г. № 25 л. 65 и 31—32.
[2]) 1639 г. № 36 л. 17—19.
[3]) 1640 г. № 8 л. 223—7.
[4]) 1639 г. № 14 л. 5—54.
[5]) 1640 г. № 54 л 22—24.
[6]) 1641 г. № 1 л. 31.
1641 г. № 52 л. 46.

провѣркой расчета Приказъ предпришялъ и справку о пустотѣ на Т. Но справка эта ни къ чему не привела. Тотемцы жаловались, что дворы на Т. написаны попрежнему „свально“, и имъ приходится оплачивать пустоту. Челобитье ихъ было доложено, но успѣха не имѣло [1]).

Сборъ т. доимки тянется и въ 158 г. [8]/IX 158 г. Якимъ Тарбѣевъ и Ив. Іевлевъ получили изъ Приказа с. р. л. грамоту о сборѣ доимки съ посада на 146—7 гг. въ размѣрѣ 120 р., а съ уѣзда въ размѣрѣ 401 р. всего 521 р. (въ грамотѣ итогъ выведенъ почему-то въ 601 р., и въ своей отвѣтной отпискѣ Тарбѣевъ исправилъ этотъ „промахъ“ приказнаго подъячаго). Эти 601 р. Приказъ разрѣшилъ разсрочить на 6 лѣтъ отъ 158 по 164 г., съ тѣмъ, чтобы на Р. Х. 158 г. тотьмичи заплатили 101 р., а впредь на тотъ же срокъ платили по 100 р. Первый взносъ Тарбѣевъ выслалъ исправно къ Р. Х. 158 г. и запросилъ Приказъ, какъ производить уплаты впредь,— считаясь съ итогомъ 601 р. или 521 р. Невѣровъ положилъ въ Приказѣ такую резолюцію: „на 146 годъ съ посаду донять 120 р., а съ уѣзду 216 р., да на 147 г. съ уѣзду донять 265 р.,“ и этой выкладкой утвер-

---

[1]) 1642 № 118, 1643 № 11. Приказъ навелъ въ Устюжской чети справку о пустыхъ дворахъ на Тотьмѣ. Вотъ что дала эта справка:

„И въ Устюжской четверти въ тотемскихъ писцовыхъ книгахъ Фоки Дурова да подъячаго Астафія Колюпанова 131 г. и 132 г. на Тотьмѣ на посадѣ посадскихъ 7 дворовъ лучшихъ, 30 дв. середнихъ, 59 дв. молодчихъ, 103 двора худыхъ, всего лучшихъ, и середнихъ, и молодчихъ, и худыхъ 199 дворовъ, а людей въ нихъ: лучшихъ 15 чел., середнихъ 46 чел., молодчихъ 88 чел., худыхъ 128 чел., и всего лучшихъ, и середнихъ и молодчихъ, и худыхъ 277 чел., да 16 дв. бобыльскихъ, а людей въ нихъ бобылей и захребетниковъ 68 чел., да въ Тотемскомъ у. въ черныхъ волостяхъ 2403 двора крестьянскихъ, 36 дв. половинковыхъ, 55 дв. бобыльскихъ, а людей въ нихъ 3646 чел. крестьянъ, 51 чел. половниковъ, 79 чел. бобылей; да въ Тотемскомъ же у. за монастыри 76 дв. крестьянскихъ, 5 дворовъ половинковъ, 18 бобыльскихъ, и всего 99 дв., а людей въ нихъ: 107 чел. крестьянъ, 8 чел. половниковъ, 9 чел. дѣтенышевъ и съ дворники 24 чел. бобылей. И обоево въ Тотемскомъ у. въ черныхъ волостяхъ и въ монастырскихъ вотчинахъ крестьянскихъ и половничьихъ и бобыльскихъ 2593 дв., а людей въ нихъ 3934 чел. А по книгамъ и по сыску свозчика Мих. Бороздина 141 и 142 г. на Тотьмѣ на посадѣ и въ Тотемскомъ у. въ г. въ черныхъ волостяхъ запустѣло 628 дв., а людей въ нихъ было 766 чел. И по г. (*п. т.*) указу и по докладнымъ выпискамъ, за помѣтою думного дьяка Ив. Гавренева 143 и 144 г. съ Тотьмы съ посаду и съ Тотемскаго у. съ пустыхъ вытей, что по книгамъ и по сыску свозчика Мих. Бороздина запустѣло, г. данныхъ и оброчныхъ денегъ имать не велѣно, и данныя и оброчныя денги велѣно изъ окладу выложить, покамѣста г. пожалуетъ, велитъ ту пустошь дозрить. 1642 № 144.

дилъ цифру 601 р. [1]). Въ 159 г. воевода Кузьма Кузьминъ доправилъ на тотьмичахъ „ослушникахъ“ „доимочныхъ розводныхъ полѣтныхъ денегъ“ 100 р. и послалъ ихъ въ Москву [18]/III 159 г. [2]). Деньги эти были получены въ Москвѣ [8]/IV. Приказъ распорядился въ отвѣтъ на опозданіе оштрафовать тотьмичей на стоимость прогоновъ въ оба конца и прислать штрафъ въ Москву [3]). Доимка поступала туго и позднѣе. Ни въ 160 ни въ 161 гг. тотьмичи не заплатили своихъ полѣтныхъ денегъ. Въ мартѣ 161 г. т. воеводѣ Кузьмѣ Андреевичу Трусову было послано напоминаніе о 200 р. доимки и о прогонахъ отъ Москвы до Тотьмы и обратно на двѣ подводы и о другихъ прогонахъ „за прежнее ослушаніе“ 159 г., еще оставшихся невзысканными [4]). Позднѣйшихъ данныхъ нѣтъ.

Тула, 156 д. — Въ 146 г. Т. посадъ обслуживалъ устройство засѣчной черты. О сборѣ съ Тулы для Приказа с. р. л. на 146 г. 312 р. нѣтъ данныхъ,—вѣроятно, они и не собирались. Въ 147 г. Замыцкій по грамотѣ изъ Приказа с. р. л., полученной [20]/V, деньги собрали и полностью доставилъ ихъ къ сентябрю 148 г. [5]).

Турчасовъ. — См. Каргополь.

Угличъ. — Данныхъ о сборѣ съ посада нѣтъ.

Унжа. — См. Галичъ.

Уржумъ, 19 дв. посадскихъ и 7 бобыльскихъ — На 146 г. Мих. Желиборскій сборъ препроводилъ своевременно [6]). Въ 147 г. тому же Желиборскому велѣно было собрать съ 19 дв. 38 р. Сборъ былъ полностью доставленъ въ Приказъ [3]/IV 148 г. [7]).

Устьянскія волости, 969 дв. — Грамотой отъ [6]/II 146 г. Приказъ потребовалъ съ У. волостей 1938 р. Къ [31]/V 146 г., оттуда было прислано 231 р. 32 ал. 3 д., въ доимкѣ по счету устьянцевъ оставалось[8]) 1696 р. 5 д. Сборъ былъ произведенъ—„опричь тѣхъ дворовъ, которые не переписаны“. [9]/VII Приказъ отвѣтилъ требо-

---

[1]) 1643 г. № 42 л. 166—7.

[2]) 1643 г. № 42 л. 195.

[3]) 1651 г. № 107 л. 78.

[4]) 1653 г. № 21 л. 22—23, 32.

[5]) 1639 г. № 14 л. 21.

[6]) 1638 г. № 24 л. 116.

[7]) 1639 г. № 14 л. № 113—114.

[8]) Вопросъ о 10 р. неясенъ: 1696 р. 5 д. + 231 р. 32 ал. 3 д. = 1928 р., а не 1938 р.

ваніемъ произвести перепись дворовъ и деньги добрать. Приказную грамоту велѣно было пересылать изъ волости въ волость: „а сю бы есте нашу грамоту, прочитавъ, посылали изъ волости въ волость, а у себя оставливали (противень ?)“ [1]). Лѣтомъ 146 г. съ У. волостей было получено въ 4 пріема 269 р. 4 ал. 2 д. Правежомъ остальныхъ денегъ земскія власти У. волостей были заняты, но въ своей отпискѣ онѣ указывали на то, что волости разорены, а крестьяне Никольской, Введенской и Дмитровской волостей переписывать у себя дворовъ не дали, „отымаясь“ жалованными грамотами. Изъ приказной Грамоты отъ [19]/XI 147 г. узнаемъ, что, несмотря на „многія грамоты“, изъ У. волостей больше ничего не было прислано. Приказъ требовалъ производства переписи и сбора доимки, сопровождая свои требованія обычными угрозами „дворяниномъ добрымъ на многихъ подводахъ“ и правежомъ на самихъ судейкахъ „вдвое безо всякой пощады“. „Да вамъ же, прибавляетъ грамота, за то быти отъ насъ въ великой опалѣ и въ жестокомъ наказаньѣ“. Приказъ распоряжался и эту грамоту, списавъ, честь изъ волости въ волость [2]). Въ полученіи приказныхъ грамотъ въ У. волостяхъ отбирались расписки—такъ, сохранилась расписка „прошлаго“ земскаго судейки Исачки Іевлева, получившаго грамоту на Холмогорахъ и „сославшаго“ ее оттуда въ У. волости,—но сборъ все-таки подвигался туго [3]). За зиму 147 г. были, кажется, только слѣдующія полученія: съ 93 дв. Соденской волости—51 р., съ Чушевицкой—28 р., съ Ростовской—35 р., съ Чадромской — 44 р. 21 ал. 4 д., съ Пежемскаго стана — 153 р. 5 ал. 5 д., итого 311 р. 27 ал. 3 д. [4]). По Счетному дѣлу въ полученіи на 146 г. въ 146—7 г.г. значатся 689 р. 28 ал. 5 д. Напоминанія о доимкѣ встрѣчаются и отъ послѣдующихъ лѣтъ. Такъ, сохранилась расписка земскаго выборнаго цѣловальника Шангальскаго стана Русина Михайлова, получившаго напоминаніе о доимкѣ „изъ Салдацкаго приказу“ [6]/I 152 г. „Нужа“ этого сбора повлекла за собой настойчивыя домогательства у. крестьянъ, дабы обложеніе волостей вообще было пересмотрѣно въ Новго-

---

[1]) 1638 г. № 25 л. 34—36.
[2]) 1638 г. № 25 л. 52—54.
[3]) 1638 г. № 25 л. 64.
[4]) 1638 г. № 25 л. 23—30.

родской четверти,—объ этомъ сохранился любопытный документъ отъ 148 г. [1]). Данныхъ о дальнѣйшемъ сборѣ доимки Приказомъ с. р. л. не имѣемъ,—вѣроятно, собрать ея и не удалось.

Устюгъ Великій, посадъ—689 дв., уѣздъ—7084 дв.—Грамота о сборѣ на 146 г. была получена на У. 6/I 146 г. Приказъ потребовалъ налогъ съ 689 дв. посада и съ 7084 дв. уѣзда, но другая приказная грамота на У. отъ 18/III вывела количество уѣздныхъ дворовъ равнымъ 7773 дв. Воевода кн. Матвѣй Прозоровскій и дьякъ Арефа Башмаковъ, указывая Приказу на то, что къ прежнему количеству, „невѣдомо почему", приписано 689 дв., дѣлали предположеніе: „знатно, что въ той твоей г. другой грамотѣ описалось: написаны посадскіе дворы вдвое,—сею статьею они написаны, а съ уѣздными дворы тѣ жъ посадскіе дворы въ перечень приложены". 29/VI Приказъ сообщилъ, что предположеніе у. воеводы справедливо, и что здѣсь произошла ошибка, а 2/VII Приказъ послалъ воеводѣ выговоръ за промедленіе со сборомъ [2]). По 3/VI 146 г. Прозоровскій и Башмаковъ доправили съ посада 500 р., а съ уѣзда—4100 р. Правежомъ остальной суммы, судя по ихъ отпискѣ, они усиленно были заняты, хотя и указывали на то, что населеніе разорено, и многія волости запустѣли. Приказъ отвѣчалъ выговоромъ и требованіемъ собрать доимку тотчасъ безъ попоровки [3]). Въ началѣ 147 г. устюжане, ссылаясь на „милостивое призрѣніе" и на льготы въ доимкахъ за прошлые годы, просили о льготѣ и въ этомъ сборѣ. 25/X 147 г. г. указалъ взять съ торговаго двора по 2 р., а съ пашеннаго по 1 р. Прозоровскій и Башмаковъ были объ этомъ увѣдомлены только 21/XII 147 г. До конца 147 г. вѣдомостей о торговыхъ людяхъ и сбора на 147 г. они въ Приказъ не прислали, и въ Приказѣ не могли положить оклада на 147 г. [4]). Къ 7/XI 147 г. Прозоровскій и Башмаковъ доправили „съ великою нужею" еще 226 р. „подымныхъ денегъ". Сообщая о своемъ „немѣрномъ правежѣ", они указывали на невозможность дальнѣйшаго сбора и на разореніе населенія. Отвѣты Приказа были неизмѣнны: „всѣ собравъ, при-

---

[1]) 1640 г. № 42.
[2]) 1638 г. № 25 л. 39—40.
[3]) 1638 г. № 25 л. 9 - 12.
[4]) 1638 г. № 64 л. 37—41.

слать тотчасъ“ [1]). За зиму 147 г. Прозоровскій и Башмаковъ собрали еще 272 р. до 371 р. послали $^{31}/_{V}$ 147 г. Въ мартѣ Приказъ напомнилъ имъ еще разъ, чтобы съ торговыхъ людей брали по 2 р. съ двора, а съ пашенныхъ крестьянъ по 1 р. съ двора [2]). Въ приказной выкладкѣ конца 147 г. все полученіе съ У. уѣзда выведено въ 4326 р., [3]) согласно со Счетнымъ дѣломъ. Съ посада за 146 — 7 гг., судя по отпискамъ, всего поступило 1143 р. Лѣтомъ 147 г. воевода въ У. смѣнился: на мѣсто кн. Матѳѣя Прозоровскаго явился Мих. Ив. Спѣшневъ, но Арефа Башмаковъ остался попрежнему тамъ. $^{7}/_{VIII}$ Приказъ потребовалъ отъ нихъ присылки сбора на 147 г. полностью: 1378 р. съ посада и 14168 р. съ уѣзда. Вмѣстѣ съ тѣмъ Приказъ подтверждалъ свое распоряженіе произвести перепись торговыхъ людей и пашенныхъ крестьянъ, да тѣ „переписныя книги“ (зачеркнуто „росписи“) прислать въ Москву, „не замотчавъ ни часу“,—„а отъ тѣхъ бы есте денегъ сами посуловъ и помянковъ отнюдь не имали ничего и сроковъ бы въ тѣхъ деньгахъ для своей корысти (послѣднія 3 слова въ черновомъ отпускѣ зачеркнуты) не давали и старостамъ и цѣловальникамъ, которые тѣ деньги сбираютъ, ни съ кого ничего имать не велѣли жъ никакими мѣрами“ [4]). Вопросъ объ отысканіи торговыхъ людей разрѣшился въ 148 г., конечно, распоряженіемъ по 2 р. брать огуломъ на посадскихъ дворахъ, а по 1 р. съ уѣздныхъ дворовъ [5]). По $^{21}/_{III}$ 149 г. Спѣшневъ и Башмаковъ собрали и послали съ У. 530 р. Свою „мѣшкотность“ въ сборѣ они объясняли тѣмъ, что съ У. одновременно съ ними правили „съ жесточью“ особые сборщики другіе сборы и разгоняли крестьянъ. Спѣшневъ обѣщалъ сбирать „неоплошно и съ великимъ радѣньемъ“, но писалъ, что „жестокимъ правежомъ“ править не смѣетъ, чтобы не разогнать крестьянъ [6]). $^{30}/_{X}$ 150 г. Приказъ, обвиняя Спѣшнева и Башмакова въ нерадѣньѣ и упрекая ихъ въ томъ, будто они „ничего не присылали“, потребовалъ отъ

---

[1]) 1638 г. № 25 л. 20—21.
[2]) 1639 г. № 14 л. 55—56.
[3]) 1638 г. № 64 л. 37—41.
[4]) 1639 г. № 35 л. 4—6.
[5]) 1641 г. № 1 л. 23—24.
[6]) 1641 г. № 1 л. 23—24.

новой администраціи Устюга Михаила Еропкина и Ивана Протсова сбора доимки на 146—7 г.г. полностью, рекомендуя имъ слѣдовать „полному указу“ отъ [28]/VII 148 г.[1]) [17]/III 150 г. Приказъ слалъ воеводѣ уже новое напоминаніе о сборѣ съ выговоромъ воеводѣ за нерадѣніе[2]). Еропкинъ принялъ по этому сбору отъ Спѣшнева 314 р., да 133 р. оказалось у цѣловальника Ивашки Шашлыкова, а всего 347 р. Еропкинъ, занявшись сборомъ, раскрылъ утайку денегъ прежними цѣловальниками и доправилъ на „оговорныхъ людяхъ“ еще 157 р. 20 ал. 3 д. Самъ онъ собралъ съ уѣзда на 146 г. 30 р., а съ посада на 147 г.—700 р. и съ уѣзда на 147 г.—248 р. 6 ал. 4 д. Сборъ былъ отправленъ въ Москву [11]/VI 152 г. „Мотчанье“ въ сборѣ по объясненію воеводы учинилось потому, что одновременно происходилъ сборъ доимки по другимъ налогамъ. Еропкинъ кончалъ отписку увѣреніемъ, что онъ правитъ „нещадно“[3]). Въ 151 г. Еропкинъ и Протасовъ послали новый сборъ этой доимки: на 146 г. съ У. посада—40 р., да съ У. уѣзда—11 р., да „подымныхъ краденыхъ денегъ 40 р.“, — „а сбираны тѣ деньги съ У. уѣзда на 146 г.“, да на 147 г. 1305 р., всего 1396 р. Еропкинъ прилагалъ подробную роспись всѣмъ платежамъ Устюга по этимъ сборамъ[4]). [16]/I 152 г. Приказъ потребовалъ съ новаго у. воеводы Андрея Волынскаго и подъячаго Богдана Михайлова сбора доимки на 146 г.—2986 р. 12 ал. 3 д. и 5231 р. 26 ал. 4 д. на 147 г. Воевода отвѣчалъ, что въ однихъ волостяхъ крестьяне заявили ему, что тѣ деньги были въ розметѣ и сборѣ, а въ другихъ волостяхъ—что этихъ денегъ совсѣмъ не собирали. Воевода собралъ цѣловальниковъ прежнихъ лѣтъ и сталъ править на нихъ доимку. Нѣкоторые цѣловальники деньги отдали, но другіе заявили, что эти сборныя деньги „разошлись въ иные г. доходы“. Воевода правилъ и на 146 г. и доправилъ съ посада 500 р. и съ уѣзда — 495 р. 15 ал., а на 147 г. съ уѣзда—704 р. 21 ал. 2 д., а всего 1700 р. 3 ал. Сборъ этотъ былъ отправленъ [30]/XII 153 г.[5]) Недоимка не была вычерпана

---

[1]) 1641 г. № 52 л. 16.
[2]) 1641 г. № 50 л. 20—22.
[3]) 1641 г. № 1 л. 71—3.
[4]) 1642 г. № 4 л. 1—8. Къ сожалѣнію, грамота и роспись истлѣли.
[5]) 1643 г. № 42 л. 27—28.

и къ 157 г. Зимой 157 г. воевода Ѳ. Приклонской жаловался Приказу с. л. р. на непослушаніе устюжанъ, не собирающихъ денегъ и не дающихъ ему подводъ и цѣловальниковъ для сбора. Онъ собралъ на устюжанахъ 650 р. 17 ал. 1 д. и отправилъ сборъ за ихъ счетъ на 4 подводахъ. Въ отвѣтной грамотѣ Приклонскому Приказъ распорядился собирать эти деньги „порознь межъ собою, на комъ доведется“ [1]). Такой же очередной взносъ, т.-е. 650 р. 17 ал. 1 д. собираютъ въ 159 г. кп. Ефимъ Мышецкій и Яковъ Андреевъ „на 158 и 159 г.г.“. Съ большимъ трудомъ они собрали 450 р. и жаловались Приказу на то, что больше собрать и нельзя. Доимку они собрали уже со всего уѣзда, „по сошному разводу“, а не только съ волостей, запустившихъ свои доли доимки, такъ какъ съ этихъ волостей добрать ее было невозможно [2]).

Устюжна Желѣзопольская, 178 дв.—До [3]/VII 146 г. съ У. Ж. были получены 184 р., и [3]/VII Приказъ напомнилъ воеводѣ Ив. Елизарову о досылкѣ 172 р. [3]). Получивъ эту грамоту, Елизаровъ распорядился начать правежъ, но, правилъ онъ, повидимому, не особенно удачно: [11]/XI 147 г. Приказъ опять шлетъ ему выговоръ за недосылку этихъ 172 р.—„дѣлаешь негораздо своею дуростью“, писали изъ Приказа, грозя, какъ всегда, опалой и пріѣздомъ „дворянина добраго“ [4]). 172 р. Елизаровъ послалъ [1]/I 147 г., такъ что новое напоминаніе „съ опалою“, полученное имъ [9]/I 147 г., уже опоздало [5]). Сборъ съ У. Ж. на 147 г. не поступилъ до [15]/148 г. Приказъ напоминалъ о доимкѣ „съ кручиною“ воеводѣ Петру Бестужеву. „Для конечнаго убожества“ устюженцевъ и ихъ разброда Бестужеву удалось собрать эти деньги усиленнымъ правежомъ только къ марту 148 г.[6]).

Уфа, на посадѣ 23 дв., въ уѣздахъ 147 дв.—О сборѣ съ Уфы нѣтъ данныхъ.

Холмогоры.—См. Двина.

Царевококшайскъ, на посадѣ 14 дв., въ дворцовыхъ селахъ 83 дв. — О сборѣ на 146 г. данныхъ нѣтъ. Въ 147 г. Осипъ Зю-

---

[1]) 1643 г. № 42 л. 159.
[2]) 1643 г. № 42 л. 196—198.
[3]) 1638 г. № 25 л. 48—49.
[4]) 1638 г. № 25 л. 55 и 66.
[5]) 1638 г. № 25 л. 22.
[6]) 1640 г. № 54 л. 6—7.

зинъ получилъ грамоту о сборѣ 194 р.— [15]/vi. Собирая съ посада „съ двунадцати человѣкъ онъ доправилъ", а дву человѣкъ не сыскано: Савка Андреевъ бѣжалъ съ женою безвѣстно, а „Мелехомъ звать"—умеръ, жены и дѣтей у него не было, а дворы ихъ обоихъ погорѣли, какъ острогъ горѣлъ, въ 144 г. На дворцовыхъ крестьянахъ онъ доправилъ только по 1 р. съ двора. Сборъ представленъ имъ въ Приказъ [2]/ix 148 г. [1]).

Царевосанчурскъ, на посадѣ 25 дв., въ дворцовыхъ селахъ 241 дв.—Данныхъ о сборахъ нѣтъ.

Цивильскъ, на посадѣ 16 дв.—Данныхъ о сборахъ нѣтъ.

Чаронда, на посадѣ 44 дв., въ уѣздѣ 1847 дв., всего 1891 дв.— Съ Чаронды въ 146 г. Приказъ потребовалъ 3772 р. (неясно, почему не 3782?). Къ [23]/iv 146 г. было уплачено всего 475 р. 8 ал. 2 д. [2]). [2]/vii на Ч. послано напоминаніе „противъ тотемскіе грамоты" [3]). [20]/vii ч. воевода Яковъ Вороновъ получилъ напоминаніе о „дворовыхъ деньгахъ" и требованіе собрать 3306 р. 25 ал. наспѣхъ. Чарондцы заявляли Воронову въ своемъ челобитьѣ, что такихъ денегъ „вдругъ" имъ заплатить „невозможно". Вороновъ распорядился собрать доимку, но запросилъ Приказъ, прибѣгать ли ему къ правежу. [3]/x 147 г. изъ Приказа отвѣчали ему строгимъ выговоромъ за „дурость и простоту" и требовали скорѣйшаго сбора, предлагая не давать посадскимъ и уѣзднымъ людямъ сроковъ „для своей бездѣльной корысти" [4]). [3]/x 147 г., впрочемъ, отъ Воронова поступили еще 475 р. 8 ал. 2 д., и доимка понизилась до 2831 р. съ полтиной. Чарондцы били челомъ о сложеніи съ нихъ этой доимки „для ихъ бѣдности". [28]/x 147 г. г. пожаловалъ, велѣлъ взять съ пашенныхъ крестьянъ по 1 р. съ двора, а съ торговыхъ по 2 р., „а что не имати, и въ томъ отказати—уложеніе: со всего государства имать велѣно". Грамота о сборѣ по новому расчету послана на Ч. [2]/i 147 г., но ни росписи денегъ до конца 147 г. Приказъ отъ Воронова не получилъ, и оклада на 147 г. положить не могъ. Данныя Счетнаго дѣла относительно взятья на 146 г. въ 146-7 гг. тожественны съ приведенными, а за 147-8 гг.

---

[1]) 1639 г. № 14 л. 111—112.
[2]) 1638 г. № 64 л. 42.
[3]) 1638 г. № 25 л. 42.
[4]) 1638 г. № 25 л. 15—19 и 66—67.

въ поступленіи показано 952 р. 28 ал. 3 д. Къ началу 148 г. Вороновъ произвелъ черезъ цѣловальниковъ и разсыльщиковъ потребованную Приказомъ перепись торговыхъ людей: въ Ч. на посадѣ объявился всего 2 торговыхъ человѣка, „которые сверхъ пашенъ торгуютъ: Фролка Петровъ и Степка Андреевъ, да еще торгуетъ Боженко Родіоновъ". Къ этому сроку Вороновъ собралъ еще 477 р. 20 ал. 1 д. [1]). Преемникъ его Вас. Ивашевъ получилъ адресованную еще на имя Воронова грамоту съ напоминаніемъ о сборѣ по 2 р. съ посадскаго двора и по 1 р. съ уѣзднаго пашеннаго. Ивашевъ сообщалъ, что послѣ Воронова дворовыхъ денегъ въ сборѣ онъ ничего „не заѣхалъ", и что имъ сдѣлано распоряженіе о сборѣ. Посадскіе люди уплатили 10 р. 16 ал. 4 д., опричь торговыхъ людей Степанки и Фролки, которые принесли „со своихъ дворишковъ въ доплату по полуполтинѣ съ двора", а уѣздные крестьяне внесли 463 р. 20 ал. 5 д., — всего 474 р. 20 ал. 5 д. По Счетному дѣлу, 463 р. 20 ал. 5 д. поступили съ уѣзда на 147 г. въ 149 г. $^{25}/_{XII}$ 152 г. преемникъ Ивашева Трофимъ Огибаловъ получилъ циркулярное напоминаніе о доимкѣ съ Ч. 1493 р. 4 ал. Слѣдовательно, за первые шесть лѣтъ сбора Ч. изъ своего оклада на оба года 3870 р. (по пониженному расчету) внесла 2376 р. 29 ал. 2 д. Очевидно, что Ч. по этому сбору было платить подъ силу не болѣе 400 р. въ годъ. $^{22}/_{V}$ 155 г. Приказъ потребовалъ съ ч. воеводы Якова Загряжскаго ту же самую сумму 1493 р. 4 ал. Къ $^{20}/_{X}$ 156 г. Загряжскій собралъ 709 р. 5 ал. 1 д. и былъ занятъ сборомъ остальныхъ денегъ. Загряжскій оправдывался въ своей отпискѣ въ Приказъ въ доносахъ своего же подъячаго, обвинявшаго его въ стачкѣ съ чарондцами. Изъ Приказа отвѣчали требованіемъ доправить къ Николину дню осеннему 157 г. остальную доимку — 783 р. 28 ал. 5 д. Доимку, падавшую спеціально на посадъ, 32 р. 21 ал. 3 д., Приказъ, за отсутствіемъ на посадѣ торговыхъ людей, распорядился разложить на крестьянъ всей округи [2]). $^{18}/_{II}$ 157 г. велѣно было собрать съ Ч. доимку Самсону Огибалову. Приказъ потребовалъ 783 р. 27 ал. 5 д. къ осеннему Николѣ 158 г. $^{3}/_{VII}$ Огибаловъ собралъ и послалъ только 183 р. 27 ал. 5 д. [3]). Къ концу 157 г. чарондцы прислали 483 р.: въ грамотѣ

[1]) 1639 г. № 14 л. 135–140.

[2]) 1643 г. № 42 л. 104–105.

[3]) 1643 г. № 42 л. 163.

отъ 26/IX 158 г. Приказъ исчисляетъ доимку только въ 300 р. С. Огибаловъ и Ермолай Воробьевъ собрали и послали ее 3/VII 158 г., этимъ завершая выборку сборовъ 146—7 гг., тянувшуюся 12 лѣтъ[1]).

Чебоксары, 216 дв.—343 чел. — Данныхъ о сборахъ съ посада нѣтъ.

Чердынь. — См. Пермь.

Чухлома, 36 дв.—Данныхъ о сборахъ съ посада нѣтъ.

Шацкъ. — Данныхъ о сборахъ съ посада нѣтъ.

Шуя, 154 дв.—О сборѣ съ Шуи денегъ на 146 г. данныхъ нѣтъ, но, повидимому, сборъ поступилъ исправно, такъ какъ слѣдовъ доимки незамѣтно. Въ 147 г. губной староста Семенъ Кишкинъ получилъ грамоту о сборѣ 13/VII. Къ 18/VIII онъ доправилъ и послалъ 100 р., а въ остальныхъ деньгахъ держалъ шуянъ на правежѣ. По мнѣнію Кишкина съ 32 дв. денегъ собрать было нельзя, такъ какъ „люди тѣхъ дворовъ померли, а иные розбрелися безвѣстно, и денегъ съ тѣхъ съ пустыхъ дворовъ доправить не на комъ... „Въ Приказѣ на его отпискѣ положили гнѣвную резолюцію: „о достальныхъ (т. е. деньгахъ) отписать съ пенями, чтобъ тотчасъ доправилъ, а не доправитъ, и тѣ деньги и прогоны втрое доправятъ на немъ, да ему жъ быть въ наказаньѣ“ [2]). Ликвидація этой доимки невидна.

Юрьевъ Польскій, 149 дв. — О сборѣ съ Ю. П. посада на 146 г. нѣтъ данныхъ. Требованіе собрать 298 р. на 147 г. губной стар. Семенъ Кишкинъ (тотъ же, что и въ Шуѣ) получилъ 12/VI. Къ 18/VIII онъ доправилъ и прислалъ въ Приказъ половину — 149 р.[3]). Доимка была выслана тѣмъ же Кишкинымъ къ 4/V 148 г. по грамотѣ изъ Приказа отъ 1/V 148 г.[4]).

Ядринъ, 19 дв. — На 146 г. къ 13/I 147 г. кн. Ларіонъ Мещерскій прислалъ полностью 38 р.[5]). О сборѣ на 147 г. нѣтъ данныхъ.

Яранскъ, посадъ—40 дв., дворцовая села—80 дв. — Въ 146 г. Кузьма Колычевъ собралъ съ посада и уѣзда всего 60 р., но о

---

[1]) 1643 г. № 42 л. 168—169.
[2]) 1639 г. № 14 л. 110.
[3]) 1639 № 14 л. 104.
[4]) 1640 № 54 л. 3—4.
[5]) 1639 № 24 л. 109.

поступленіи доимки данныхъ нѣтъ [1]). Въ 147 г. воев. Сергѣй Соковнинъ получилъ грамоту о сборѣ 240 р. [13]/VI. Съ 32 посадскихъ дв. онъ собралъ 64 р., а съ 8 дв. оказалось „взять не на комъ, потому что въ тѣхъ посадскихъ дворѣхъ люди померли, и иные сбѣжали, а жепъ и дѣтей у нихъ въ тѣхъ дворахъ не осталось, взять не на комъ“. Съ 80 дв. уѣзда „съ великою нужею и съ большимъ правежомъ“ деньги онъ собралъ полностью — 160 р.[2]). О сборѣ этой доимки данныхъ нѣтъ.

Яренскій уѣздъ, посадъ (Вымь Яренская) — 54 дв., уѣздъ — 2839 дв. Приказъ потребовалъ съ Я. посада и уѣзда 5786 р. на каждый годъ. Къ [21]/VI 146 г. по отпискѣ воеводы Вас. Унковскаго въ присылкѣ было 2001 р. 24 ал. 3 д. [21]/XII 147 г. получено еще 633 р., [5]/I 147 г. — 77 р. 4 ал. 1 д., всего въ 146—7 гг. на 146 г. взято 2711 р. 28 ал. 4 д., а не дослано (по приказной выкладкѣ) 3076 р. 4 ал. 4 д. (въ Приказѣ причли 2 р. лишнихъ). Данныя Счетнаго дѣла подтверждаютъ эти цифры. Указывая на неурожай и свое разоренье, яренчане били челомъ о сложеніи доимки. Въ Приказѣ пошли на обычное пониженіе, разрѣшивъ взять съ пашенныхъ крестьянъ по 1 р. съ двора, а съ торговыхъ — по 2 р., и воев. Вас. Унковскій былъ увѣдомленъ объ этомъ [17]/XII 147 г. Но ни росписи торговымъ людямъ, ни денегъ Унковскій до конца 147 г. не прислалъ, и Приказъ не могъ поэтому разсчитать новаго оклада [3]). Преемнику Унковскаго Григ. Неронову напоминаніе послано [1]/VIII 147 г., но въ этой грамотѣ исходная цифра оклада опять — 5678 р.[4]), а не 2947 р., какъ слѣдовало при сбавкѣ [5]). Однако въ слѣдующей грамотѣ, полученной Нероновымъ [3]/IX 148 г., Приказъ исправилъ свою ошибку, потребовавъ съ Я. посада и уѣзда на 147 г. 108 р. + 2839 р. исчисляя доимку на 146 г. не въ 235 р. 4 ал. 4 д., (2947 р. — 2711 р. 28 ал. 4 д.), какъ бы слѣдовало, а въ 945 р. 8 ал. 5 д. Нероновъ выяснилъ ошибку Приказа по отношенію къ доимкѣ на 146 г. и доказалъ, что на 147 г. заплачено „подымныхъ денегъ“ 500 р., да на 146 и 147 гг. въ 149 г. еще 1528 р. 19 ал. 4 д. Воевода

[1]) 1638 № 24 л. 118.
[2]) 1639 № 14 л. 85—90.
[3]) 1638 № 64 л. 32—36.
[4]) Съ пропускомъ 108 р. съ посада.
[5]) 1639 № 36 л. 8—11.

прилагалъ роспись отправленнымъ деньгамъ и жаловался на уѣздныхъ крестьянъ нѣкоторыхъ Я. волостей, повинующихся только своимъ выборнымъ властямъ и Новгородской четверти и не слушающихся его, Неронова. Всего на 147 г. по его расчету оказывалось въ полученіи 2028 р. 19 ал. 2 д. противъ 2947 р., и въ доимкѣ на 147 г. оставалось 917 р. 16 ал. 4 д., такъ какъ цѣловальники, доставлявшіе деньги въ Москву, противъ воеводской отписки переплатили 30 ал. 4 д.[1]). Въ октябрѣ 150 г. на Вымь была послана на имя Тита Ив. Дубровина грамота о сборѣ доимки съ осужденіемъ дѣятельности по сбору его предшественника Неронова и съ приказаніемъ, если яренчане денегъ не соберутъ, поступить по „полному указу“ отъ [28]/VII 148 г.[2]). [17]/III 150 г. Дубровину отправлено новое напоминаніе объ этой доимкѣ[3]). Въ іюлѣ 155 г. Приказъ шлетъ на Вымь напоминаніе воеводѣ Ивану Выповскому о доимкѣ на 146 г. съ посада 235 р. 4 ал. 4 д., а на 147 г. съ посада и уѣзда — 918 р. 14 ал., „обоево“ 1153 р. 18 ал. 4 д., о которой, по словамъ Приказа, воеводамъ были посыланы „многія грамоты“. Ему велѣно было присылать эти деньги „тотчасъ“. Въ отвѣтной отпискѣ воевода разсказываетъ исторію платежей съ Выми и Я. уѣзда, подкрѣпляя свое повѣствованія ссылками на выданныя Приказомъ отписи. По его расчету всего было уплочено 4030 р. 10 ал. 3 д., внесенныхъ яренчанами, „опричь Сысольскихъ волостей, и Глотовы слободки, и архіепископли вотчины, и вотчины стольника кн. Ивана Прозоровскаго села Лѣпы“. По расчету воеводы въ доимкѣ оставалось только 238 р. 22 ал. 5 д. Съ архіепископли вотчины, довелось взять со 143 дв. — 143 р., потому что крестьяне „однихъ“ денегъ не заплатили, хотя и утверждали, что деньги ими уплачены, да отписи у нихъ погорѣли. Воевода писалъ, что росписей архіепископлихъ крестьянъ и крестьянъ кн. Прозоровскаго у него нѣтъ, сысольскіе крестьяне и крестьяне Глотовой слободки ему судомъ не вѣдомы — какъ ему быть? Воевода успѣлъ собрать только 100 р.[4]). Какъ Приказъ распуталъ это недоразумѣ-

---

[1]) 1640 № 54 л. 44—51.
[2]) 1641 № 52 л. 17.
[3]) 1641 № 52 л. 23—24.
[4]) 1643 № 42 л. 118—125.

ніе съ я. сборомъ — невидно. Приказу одновременно пришлось разбирать вопросъ о сложномъ мошенничествѣ я. посыльщиковъ, повидимому, перехватившихъ часть сбора — объ этомъ ниже [1]).

Ярославецъ Малый, 23 дв. — Сборъ на 146 г. поступилъ, повидимому, исправно: слѣдовъ доимки незамѣтно. Въ началѣ 148 г. воеводѣ кн. Дм. Бор. Селеховскому посланъ строгій выговоръ за то, что онъ не собралъ своевременно 46 р. на 147 г.[2]).

Ярославль, 1350 дв. — Окладъ Я. посада былъ почему-то положенъ въ 2754 р., а не въ 2700 р. Сборъ на 146 г. ярославцы заплатили съ замишкой: воевода Порфирій Сѣкиринъ и подъячій Пятой Филатовъ [4]/I 147 г. досылали недоборъ — 91 р. 10 ал., да въ доимкѣ оставалось еще 54 р.[3]). Особое затрудненіе вызвалъ сборъ съ Горяшки Норяшина, на котораго падало 20 р., и Богдашки Говпова, на котораго падало 9 р. Эти два плательщика, „избываючи“ платежа, — жаловались на нихъ ярославцы, — жили на Москвѣ. О включеніи ихъ въ число плательщиковъ этого сбора по Я. посаду было доложено государю [6]/V 147 г. особое челобитье[4]). Приказъ вошелъ въ обстоятельное разслѣдованіе челобитья ярославцевъ, разыскалъ и допросилъ Горяшку, но вмѣсто 20 р. положилъ на него платежъ только въ размѣрѣ 4 р. [9]/IX 149 г. при отпискѣ изъ Я. воеводы кн. Петра Хилкова прислано было 40 р. доимки (изъ 42 р.) [5]).

3. Схема поступленія сбора съ посадовъ и черныхъ уѣздовъ.

Въ 146 -7 гг. Приказъ с. р. л. ведетъ кипучія сношенія со всѣми посадами и уѣздами, обложенными сборомъ, но со слѣдующаго 148 г. его переписка сильно сокращается. Насколько можно судить по сохранившимся столбцамъ, въ 148 г. идутъ

---

[1]) 1640 № 25 л. 51—52.
[2]) 1639 № 35 л. 51—2.
[3]) 1639 № 14 л. 3—4.
[4]) 1640 № 8 л. 85—105.
[5]) Кн. по Владиміру № 4.

ошенія Приказа съ Боровскомъ, Кременескомъ, костромскими пригородами (Буемъ, Судиславлемъ, Кадыевомъ, Большой и Малой Солью), Бѣлоозеромъ, Владимір мъ, Вымью, Двиной, Дмитровомъ, Зубцовомъ, Коломной, Костромой, Ладогой, Лухомъ, Михайловомъ, Муромомъ, Сумерской волостью, Нижнимъ Новгородомъ, Торжкомъ, Одоевомъ, Погорѣлымъ Городищемъ, Ржевой Володимировой, Рузой, Суздалемъ, Тотьмой, Тулой, Устюжной, Чарондой, Юрьевомъ Польскимъ. Въ 149 г.—съ Галичемъ, Парѳеньевомъ, Двиной, Кай городомъ, Калугой, Костромой, Муромомъ, Пермью. Путивлемъ, Ржевой Пустой, Тотьмой, Унжей, Чарондой. Въ 150 г.—съ Буемъ, Судиславлемъ, Кадыевомъ, Большой и Малой Солью, Гороховцемъ, Двиной, Заонежьемъ, Кайгородомъ, Карачевомъ, Каргополемъ, Кевролой, Пермью, Тотьмой, Устюгомъ. Въ 151 г.—съ Галичемъ, Парѳеньевомъ, Заонежьемъ, Устюгомъ. Въ 152 г.—съ Кадыевомъ, Двиной, Кевролой, Тотьмой, Унжей, Устьянскими волостями, Устюгомъ, Чарондой. Въ 153 г.—съ Галичемъ, Парѳеньевомъ и Устюгомъ. Въ 154 г.—съ Каргополемъ, Турчасовомъ, Н. Новгородомъ. Въ 155 г. — съ Вымью Яренской, Вяткой, Одоевомъ, Псковомъ, Чарондой. Въ 156 г.— съ Двиной, Новгородомъ В., Н. Новгородомъ, Одоевомъ, Псковомъ Устюгомъ, Чарондой Въ 157 г. — съ Н. Новгородомъ, Псковомъ, Солью Вычегодской, Чарондой. Въ 158 г.— со Псковомъ, Тотьмой, Устюгомъ, Чарондой. Въ 159 г. — съ Гороховцемъ, Н. Новгородомъ, Тотьмой, Двиной. Въ 160 г. — съ Двиной, въ 161 г. — съ Арзамасомъ, Заонежьемъ, Тотьмой.

Такъ постепенно убываетъ число посадовъ и черныхъ уѣздовъ, сводящихъ свои счеты съ Приказомъ с. р. л. Въ нѣкоторые годы (151, 153, 154) переписка эта какъ будто ослабѣваетъ, въ другіе оживляется. Огромная доля переписки приходится на сѣверные уѣзды. Сначала идетъ высылка налога неправильными частями въ связи съ напоминаніями Приказа, потомъ начинается хроническое поступленіе „полѣтныхъ денегъ“ „по розвыткѣ“. Оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ не заканчивается еще и въ 161 г. Не ранѣе 150 г. расплатились въ Перми, не ранѣе 155 г.—въ Яренскомъ у.,— 158 г. — на Чарондѣ, — 161 г. — на Устюгѣ, у Соли Вычегодской, въ Гороховцѣ, на Двинѣ,—164 г.—на Тотьмѣ,—165 г.—въ Арзамасѣ, не говоря уже о случаяхъ, когда, повидимому, совсѣмъ не

сладили даже съ пониженнымъ окладомъ, какъ на Кевролѣ и Мезени, въ Пустозерскѣ, въ Каргородскомъ уѣздѣ и другихъ мѣстностяхъ.

Обратимся теперь къ изученію хода сбора на 146 г. въ 146—7 гг. и на 147 г. въ 147—8 гг. Сборъ на 146 г. долженъ былъ поступить „по зимнему пути“ 146 г., но фактически онъ поступалъ почти непрерывно до лѣта 147 г., т. е. въ теченіе $1^1/_2$ лѣтъ, и удобнѣе разсматривать поступленіе этого промежутка времени цѣликомъ. Сборъ на 147 г., начатый весной 147 г., столь же непрерывно тянется черезъ 147 и весь 148 г. Оставляемъ въ сторонѣ сборъ на 146 г. послѣ 147 г. и сборъ на 147 г. послѣ 148 г.: оба сбора, смѣшиваемые и раньше, начинаютъ совершенно спутываться въ счетоводствѣ, и дать отчетливую схему поступленія каждаго изъ нихъ порознь не беремся.

Поступленія на 146 и 147 гг. можно схематизировать въ такой таблицѣ.

	Число дворовъ.	Окладъ на 146 годъ въ рублях.	Поступленіе оклада на 146 г. въ 146—7 гг.	% поступившаго въ 146-7 гг. оклада на 146 г.	Окладъ на 147 годъ въ рублях.	Поступленіе оклада на 147 г. въ 147—8 гг.	% поступившаго въ 147-8 гг. оклада на 147 г.
Алексинъ	4	8			8	6 р.	75
Арзамасъ:							
1) посадъ	488	976	650 р. 22 ал. $1^1/_3$ д.	66	650 р. 22 ал. $1^1/_3$ д.	450 р.	69
2) мордва и бортники въ уѣздѣ	1279	2558	1008 р.	39	2558	0	0
Болховъ	167	334	334 р.?	100	334	334 р.	100
Боровскъ	55	110	110 р.?	100	110	110 р.	100
Бѣжецкій Верхъ (Городецкъ).	134	268	268 р.	100	268	268 р.?	100
Бѣлевъ	125	250	182 р.	73	250	Сложено.	
Бѣлоозеро	64	128	128 р.	100	128	128 р.	100
Веневъ	31	62			62	62 р.	100

	Число дворовъ.	Окладъ на 146 годъ въ рублях.	Поступленіе оклада на 146 г. въ 146—7 гг.	% поступившаго въ 146-7 гг. оклада на 146 г.	Окладъ на 147 годъ въ рублях.	Поступленіе оклада на 147 г. въ 147—8 гг.	% поступившаго въ 147-8 гг. оклада на 147 г.
Верея	26	52	52 р.	100	52	52 р.	100
Владиміръ	80	160	160 р.	100	160	160 р.	100
Вологда	293	586	586 р.	100	586	586 р.	100
Волоколамскъ	30	60	60 р.	100	60	60 р.	100
Воротынскъ	30	60	20 р.	33	60	Сложено.	
Вязьма	188	376	Сложено.		376	Сложено.	
Вятка:							
1) въ 5 городахъ	707	1414			1414		
2) въ пригородахъ и черныхъ волостяхъ	4892	9784	4300 р.	34	4892		
3) инородцовъ	567	1134			567		
Галичъ	97	194	194 р.	100	194	194 р.	100
Пригороды Галича:							
Парсеньевъ	15	30	30 р.	100	30	30 р.	100
Унжа	39	78	0	0	78	0	0
Гороховецъ	236	472	312 р.	66	472	302 р.	63
Двина:							
1) посады	734½	1469	3811½ р	45	1469	634 р.	12
2) уѣздъ	3463	6926			3463		
Дмитровъ	105	210	210 р.	100	210	210 р.	100
Заонежье	6014	12028	4789 р. 32 ал. 4 д.	39	6014		
Зарайскъ	128	256	256 р.	100	256	256 р.?	100
Звенигородъ	36	72			72	Сложено.	
Зубцовъ	7	14	Сложено.		14	Сложено.	
Кай городъ:							
1) посадъ	130	250	991 р.	50	250	87 р. 28 ал. 1½ д.	35
2) уѣздъ	861	1722			861	407 р. 15 ал. 4½ д.	24
Калуга	171	342	342 р.	100	342	238 р.	69
Карачевъ	30	60	58 р.	96	60		

	Число дворовъ.	Окладъ на 146 годъ въ рублякъ.	Поступленіе оклада на 146 г. въ 146—7 гг.	% поступившаго въ 146-7 гг. оклада на 146 г.	Окладъ на 147 годъ въ рублякъ.	Поступленіе оклада на 147 г. въ 147—8 гг.	% поступившаго къ 147-8 гг. оклада на 147 г.
Каргополь:							
1) посадъ	146	292			292		
2) уѣздъ	2241	4482	2241 р. 4 ал. 2 д.	50	2241	832 р.	37
Турчасовъ:							
1) посадъ	18	36	1688 р. 29 ал	50	36		
2) уѣздъ	1671	3342			1671	659 р. 16 ал. 4 д.	39
Кеврола и Мезень	2653	5306	2646 р.	49	2653	1991 р.	75
Кузьмодемьянскія дворцовыя села	291	582	408 р.?	70	291		
Коломна	355	710	710 р.?	100	710	710 р.	100
Кострома съ пригородами .	1667	3334			3334	1541 р.	46
Кременескъ	51	102	102 р.	100	102	102 р	100
Луки Великіе	98	196	Сложено		196	Сложено.	
Лухъ	37	74	74 р.	100	74	74 р.	100
Мещовскъ	30	60	26 р.	43	60	26 р.	43
Михайловъ	56	112	0	0	112	0	0
Можайскъ	109	218	Сложено.		218	Сложено.	
Москва	1221	2442	2442 р.	100	2442	2328 р. 16 ал. 4 д.	95
Муромъ:							
1) посадъ	267	534	534 р.?	100	534	367 р.	68
2) Стародубскія дворцовыя села	1492	2984			1492		
Мценскъ	183	366	0	0	366	0	0
Новгородъ Великій:							
1) посадъ	472½	945	945 р.?	100	945	945 р.	100
2) пригороды	69½	139	38 р.	27	69½	38 р.	54
3) рядки	46½	93	91 р.	97	93	91 р.	97
4) Старопольe и Сумерская волость	424	848	720 р.	84	424		

	Число дворовъ.	Окладъ на 146 годъ въ рубляхъ.	Поступленіе оклада на 146 г. въ 146—7 гг.	% поступившаго въ 146-7 гг. оклада на 146 г.	Окладъ на 147 годъ въ рубляхъ.	Поступленіе оклада на 147 г. въ 147—8 гг.	% поступившаго въ 147-8 гг. оклада на 147 г.
5) Лопскіе погосты	895	1790	911 р.	50	895		
Нижній Новгородъ: 1) посадъ	1066	2132	1724 р.	80	2132	1000 р.	46
2) уѣздъ (мордва и бортники)	496	992	921 р. 8 ал. 2 д.	92	496	460 р. 20 ал. 5 д.	92
Одоевъ	35	70	8 р. ?	11	70	8 р.	11
Переяславль Залѣсскій . . .	328	656	656 р.	100	656	Сложено.	
Переяславль Рязанскій . . .	107	214	Сложено.		214	Сложено.	
Пермь Великая: 1) Соль Камская: посадъ .	355	710	420 р.	28	710		
„ „ уѣздъ .	373	746			373	33 р.	8
2) Строгановы	750	1500	916 р.	61	750	312 р.	41
3) Чердынь: посадъ	304	608	2046 р. 25 ал.	35	608		
„ уѣздъ	2581	5162			2581	1006 р.	38
Погорѣлое Городище	14	28	28 р.	100	28	28 р.	100
Псковъ: 1) посадъ	940	1880	1570 р.	83	1880	1838 р.	97
2) пригороды	39	78	26 р.	33	78	26 р.	33
Пустозерскъ	90	180	144 р.	80	180		
Путивль	80	160			160	Сложено	
Ржева Володимірова	68	136	82 р.	60	136	78 р.	57
Романовъ	206	412	412 р. ?	100	412	412 р	100
Ростовъ	273	546	546 р.	100	546	546 р.	100
Руза	41	82	82 р.	100	82	Сложено.	
Серпуховъ	63	126	126 р.	100	126	126 р.	100
Соль Вычегодская: 1) посадъ	293	586			586		
2) уѣздъ	4076	8152	3378 р. 17 ал. 4 д.	41	4076		

	Число дворовъ.	Окладъ на 146 годъ въ рубляхъ.	Поступленіе оклада на 146 г. въ 146—7 гг.	% поступившаго въ 146-7 гг. оклада на 146 г.	Окладъ на 147 годъ въ рубляхъ.	Поступленіе оклада на 147 г. въ 147—8 гг.	% поступившаго въ 147-8 гг. оклада на 147 г.
Соль Галицкая	116	232	179 р.	77	232	186 р.	80
Старая Руса:							
1) посадъ	68	136	136 р.?	100	136	136 р.	100
2) окологородные погосты .	202	404	404 р.?	100	202	202 р.	100
Старица	39	78	78 р.	100	78	78 р.?	100
Суздаль	203	406	382 р.	94	406	406 р.	100
Тверь	241	482	482 р.?	100	482	182 р.	37
Темниковъ и Новая Слобода.	61	122	122 р.?	100	122	122 р.	100
Торжокъ.	419	838	838 р.	100	838	838 р.	100
Тотьма:							
1) посадъ	215	430	175 р.	40	430	15 р.	3
2) уѣздъ	2180	4360	1666 р. 22 ал. 3 д.	38	2180	297 р. 10 ал. 5 д.	13
Тула	156	312			312	312 р.	100
Уржумъ	7⅜	14¾	14 р. 26 ал. 4 д.	100	38	38 р.	100
Устьянскія волости	969	1938	812 р. 31 ал.	41	969		
Устюгъ Великій:							
1) посадъ	689	1378	1143 р.	82	1378		
2) уѣздъ	7084	14168	4326 р.	30	7084		
Устюжна Желѣзопольская . .	178	356	356 р.	100	356	356 р.	100
Царевококшайскъ:							
1) посадъ	14	28	28 р.?	100	28	24 р.	85
2) дворцовыя села	83	166	166 р	100	83	83 р.	100
Чаронда:							
1) посадъ	44	88	1428 р. 3 ал. 3 д.	37	88	0	0
2) уѣздъ.	1847	3694			1847		
Шуя	154	308	308 р.?	100	308	100 р.	32
Юрьевъ Польскій	149	298	298 р.?	100	298	298 р.	100
Ядринъ	19	38	38 р.	100	38		

	Число дворовъ.	Окладъ на 146 годъ въ рубляхъ.	Поступленіе оклада на 146 г. въ 146—7 гг.	% поступившаго въ 146-7 гг. оклада на 146 г.	Окладъ на 147 годъ въ рубляхъ.	Поступленіе оклада на 147 г. въ 147—8 гг.	% поступившаго въ 147-8 гг. оклада на 147 г.
Яранскъ:							
1) посадъ	40	80	60 р.	25	80	64 р.	80
2) дворцовыя села.	80	160			160	160 р.	100
Яренскій уѣздъ	2839	5678	2711 р. 28 ал. 4 д.	46	2839	500 р.	16
Вымь Яренская	54	108			108		
Ярославецъ Малый	23	46	46 р.?	100	46	46 р.?	100
Ярославль	1350	2754	2700 р.	98	2754	2752 р.?	100
Итого . .	67821 3/8	135686 3/4	64416 р. 1 ал. 3 1/3 д. [1]).	47	86371 р. 5 ал. 3 1/3 д.	27149 р. 9 ал. [2]).	31

Располагая перечисленные въ таблицѣ посады и уѣзды въ порядкѣ возрастанія %% поступившихъ окладовъ, получимъ слѣдующую схему.

На 146-й годъ.

Не поступило ничего:

Вязьма, Зубцовъ, Луки Великіе, Михайловъ, Можайскъ, Мценскъ, Переяславль Рязанскій, Унжа.

На 147-й годъ.

Арзамасъ (мордва и бортники), Бѣлевъ, Воротынскъ, Вязьма, Звенигородъ, Зубцовъ, Луки Великіе, Михайловъ, Можайскъ, Мценскъ, Переяславль Залѣсскій, Переяславль Рязанскій, Путивль, Руза, Унжа, Чаронда.

---

[1]) Сюда входятъ 6167 р. предположительнаго поступленія, въ соотвѣтствующихъ случаяхъ отмѣченнаго знакомъ вопроса. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ отсутствіе упоминанія въ дѣлопроизводствѣ о доимкѣ считаемъ признакомъ исправнаго поступленія оклада.

[2]) Сюда входятъ 3400 р. предположительнаго поступленія.

Поступило менѣе 20%:

Одоевъ — 11%.
Тотьма (п.) — 3%.
Пермь В. (Соликамскій у.) — 8%.
Одоевъ — 11%.
Двина (п. и у.) — 12%.
Тотемскій у. — 13%.
Яренскій у. и Вымь Яренская — 16%.

20%—30%:

Яранскъ (п. и дворцовыя села) — 25%.
Новгородъ В. (пригороды) — 27%.
Пермь В. (Соль Камская п. и у.) — 28%.
Каргородскій у. — 24%.

30%—40%:

Устюжскій у. — 30%.
Воротынскъ — 33%.
Псковъ (пригороды) — 33%.
Вятка — 34%.
Пермь В. (Чердынь п. и у.) — 35%.
Чаронда (п. и у.) — 37%.
Тотемскій у. — 38%.
Арзамасъ (мордва и бортники) — 39%.
Заонежье — 39%.
Шуя — 32%.
Псковъ (пригороды) — 33%.
Кай-городъ (п.) — 35%.
Каргопольскій у. — 37%.
Тверь — 37%.
Пермь В. (Чердынскій у.) — 38%.
Турчасовскій у. — 39%.

40%—50%:

Тотьма (п.) — 40%.
Сольвычегодскій у. — 41%.
Устьянскія волости — 41%.
Мещовскъ — 43%.
Двина (п. и у.) — 45%.
Яренскій у. и Вымь Яренская — 46%.
Кеврола и Мезень — 49%.
Пермь В. (Строгановы) — 41%.
Мещовскъ — 43%.
Кострома — 46%.
Нижній Новгородъ (п.) — 46%.

50%—60%:

Кай-городъ (п. и у.) — 50%.
Каргопольскій у. — 50%.
Турчасовъ (п. и у.) — 50%.
Новгородъ В. (Лопскіе погосты) — 50%.
Новгородъ В. (пригороды) — 54%.
Ржева Володимірова — 57%.

60%—70%:

Ржева Володимірова — 60%.
Пермь В. (Строгановы) — 61%.
Арзамасъ (п.) — 66%.
Гороховецъ — 66%.
Гороховецъ — 63%.
Муромъ (п.) — 68%.
Арзамасъ (п.) — 69%.
Калуга — 69%.

70%—80%:

Козьмодемьянскія дворцовыя села — 70%.
Бѣлевъ — 72%.
Соль Галицкая — 77%.
Алексинъ — 75%.
Кеврола и Мезень — 75%.

80%—90%:

Нижній Новгородъ (п.) — 80%.
Пустозерскъ — 80%.
Устюгъ В. (п.) — 82%.
Псковъ (п.) — 83%.
Новгородъ В. (Старополье и Сумерская волость) — 84%.
Соль Галицкая — 80%.
Яранскъ (п.) — 80%.
Царевококшайскъ (п.) — 85%.

90%—100%:

Нижній Новгородъ (мордва и бортники) — 92%.
Суздаль — 94%.
Карачевъ — 96%.
Новгородъ В. (рядки) — 97%.
Ярославль — 98% [1].
Нижній Новгородъ (мордва и бортники) — 92%.
Москва — 95%.
Новгородъ В. (рядки) — 97%.
Псковъ (п.) — 97% [2].

[1]) Въ посадахъ, уплатившихъ въ 146—7 гг. свыше 80% и менѣе 100% своихъ окладовъ на 146 г.,—всего 3212 дв.

[2]) Въ посадахъ, уплатившихъ въ 147—8 гг. болѣе 80% и менѣе 100% своихъ окладовъ на 147 г.,—2175 дв.

100%:

Болховъ	Болховъ
Боровскъ	Боровскъ
Бѣжецкій Верхъ (Городецкъ)	Бѣжецкій Верхъ (Городецкъ)
Бѣлоозеро	Бѣлоозеро
—	Веневъ
Верея	Верея
Владиміръ	Владиміръ
Вологда	Вологда
Волоколамскъ	Волоколамскъ
Галичъ и Парѳеньевъ	Галичъ и Парѳеньевъ
Дмитровъ	Дмитровъ
Зарайскъ	Зарайскъ
Калуга	—
Коломна	Коломна
Кременескъ	Кременескъ
Лухъ	Лухъ
Москва	—
Муромъ (п.)	—
Новгородъ В. (п.)	Новгородъ В. (п.)
Переяславль Залѣсскій	—
Погорѣлое Городище	Погорѣлое Городище
Романовъ	Романовъ
Ростовъ	Ростовъ
Руза	—
Серпуховъ	Серпуховъ
Старая Руса (посадъ и погосты)	Старая Руса (посадъ и погосты)
Старица	Старица
—	Суздаль
Тверь	—
Темниковъ и Новая Слобода	Темниковъ и Новая Слобода
Торжокъ	Торжокъ
—	Тула
Уржумъ	Уржумъ
Устюжна Желѣзопольская	Устюжна Желѣзопольская
Царевококшайскъ (посадъ и дворцовыя села)	Царевококшайскъ (дворцовыя села)

Шуя	—
Юрьевъ Польскій	Юрьевъ Польскій
—	Яранскія дворцовыя села
Ядринъ	—
Ярославецъ Малый [1])	Ярославецъ Малый
—	Ярославль [2]).

Изъ этой схемы видно, что большинство посадовъ центра и сѣверо-западной окраины (В. Новгородъ, Старая Руса, Торжокъ) и Москва вполнѣ справились со сборомъ на 146 годъ въ 146—7 гг., заплативъ его полностью. Почти справились, уплативъ отъ 80% до 100%, Ярославль, Псковъ, Н. Новгородъ и часть Новгородскаго уѣзда; недополученіе налога вызвано было здѣсь въ большинствѣ случаевъ не общей непосильностью сбора, а особыми въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ причинами. Но зато съ Ржевы Володимировой и Пустозерска больше половины оклада и съ Лопскихъ погостовъ половину оклада получили только благодаря энергичному правежу. Совсѣмъ не справились съ налогомъ въ 146—7 гг. посады центра, несшіе тяжесть засѣчнаго дѣла, и едва осилили 20—40 % % окладовъ весь сѣверъ. Плохо заплатили налогъ пригороды Новгорода В. и арзамасскіе мордва и бортники.

Еще выразительнѣе картина сбора на 147 годъ въ 147—8 гг. Центральные посады большею частью опять погасили сборъ безъ всякаго пониженія. Почти удержалась на томъ же уровнѣ даже Ржева Володимірова. Ниже 50% опустилось поступленіе только съ Н. Новгорода, Костромы, Твери, Псковскихъ пригородовъ и Шуи. Зато совсѣмъ упало поступленіе съ сѣверныхъ уѣздовъ, и это несмотря на огромное пониженіе окладовъ для уѣздовъ! Чтобы получить процентное отношеніе поступленій на 147 г. къ окладамъ на 146 г., надо приведенные подъ 147 годомъ процентные расчеты раздѣлить для уѣздовъ на 2: Тотемскій у. далъ около 7%, Чердынскій у. — 19%, а Чердынскій посадъ — ничего. Двина дала 7% оклада на 146 г., а Яренскій у. и Вымь Яренская 8%. Съ Чаронды и Лопскихъ погостовъ, повидимому, ничего не удалось получить.

---

[1]) Въ посадахъ, уплатившихъ въ 146—7 гг. полностью свои оклады на 146 г., — 6065 7/8 дв.

[2]) Въ посадахъ, уплатившихъ въ 147—8 гг. полностью свои оклады на 147 г., — 5349 7/8 дв.

Совершенно рельефно проступалъ выводъ, который и должны были, конечно, сдѣлать приказные дѣльцы для всѣхъ сѣверныхъ посадовъ и особенно уѣздовъ подобный окладъ былъ непосиленъ. Этотъ выводъ, конечно, и повлекъ за собой быстрое сокращеніе окладовъ для чернаго населенія сѣверныхъ уѣздовъ.

4. Затрудненія, встрѣченныя Приказомъ с. р. л. при сборѣ съ посадовъ и черныхъ волостей.

Изученіе трудностей и осложненій, возникшихъ при сборѣ, начнемъ съ самой Москвы. Приказъ с. р. л. долженъ былъ получить съ Москвы съ 1221 двора 2442 р. Въ 146 г. московскія черныя слободы и сотни заплатили налогъ сполна. Въ 147 г. Приказъ сложилъ 84 р. 16 ал. 4 д., причитавшіеся на Ордынскую сотню, „для того, что той Ордынской сотни тяглые дворовые пустые мѣста отведены изъ Стрѣлецкого приказу сотникомъ стрѣлецкимъ и стрѣльцомъ подъ дворы“. По той же причинѣ сложены 29 руб. съ Воронцовской слободы[1]).

На востокъ и югъ отъ Москвы—въ Владимірѣ, Лухѣ, Юрьевѣ Польскомъ, Темниковѣ, Новой Слободѣ, Уржумѣ, Ядринѣ, Серпуховѣ—сборъ прошелъ вполнѣ благополучно или съ ничтожнымъ недоборомъ, какъ въ Суздалѣ. Съ первымъ случаемъ неудачи сбора мы встрѣчаемся въ Гороховцѣ, въ которомъ широко орудовалъ В. П. Стрѣшневъ. Въ челобитьѣ, помѣченномъ $^{18}/_{X}$ 150 г., гороховляне жаловались: „дѣло наше выписано недѣль съ тридцать и положено въ Приказѣ с. р. л передъ твоими г. дьяки передъ Васильемъ Прокофьевымъ да передъ Михаиломъ Невѣровымъ, а тебя, г., и по ся мѣсто не докладывано, а мы, сироты твои, за тѣмъ дѣломъ на Москвѣ, волочась, вконецъ погибли...“ Докладъ по дѣлу гороховлянъ былъ изготовленъ еще въ апрѣлѣ 149 г., но ему почему-то не было дано движенія. Гороховляне хлопотали о томъ, чтобы съ нихъ взяли съ живущаго со 160 дворовъ, выложивъ изъ оклада 76 пустыхъ дворовъ. Хлопоты ихъ успѣхомъ, однако, не увѣнчались. На челобитной ихъ сдѣлана такая помѣта: „государь указалъ отказать“, и $^{30}/_{X}$ 150 г. кн. Степану Шаховскому было отправлено распоряженіе добрать недоборъ его предшественника Ѳедора Шарапова,—„а бу-

[1]) 1640 № 54 л. 19—21, 256 и Домочная № 1 л. 114.

детъ посадскіе люди нашихъ денегъ не учнутъ платити, и о томъ писалъ нашъ указъ къ Ѳедору полной въ нашей грамотѣ въ прошломъ во 148 году іюля въ 28 день". 17/III 150 г. Приказъ послалъ въ Гороховецъ новое напоминаніе о доимкѣ [1]). Къ 153 г. на гороховлянахъ еще оставалось въ доимкѣ на 146 г. 160 р. (34% оклада), а на 147 г.—170 р. (36% оклада). Вѣроятно, Приказъ запустилъ здѣсь эту доимку не безъ основаній. По приказному распоряженію въ іюнѣ 153 г. воев. В. Образцовъ приступилъ къ правежу, но гороховляне били челомъ о „пощадѣ", доказывая, что имъ заплатить доимку съ пустыхъ дворовъ „невозможно": „людишка мы, писали гороховляне въ своемъ челобитьѣ, немногіе и недостаточные, бѣдные безпромышленные и неспроданные напрасными бѣдами и зазывными грамотами. И нынѣ, г., въ тѣхъ доимочныхъ деньгахъ животъ свой мучимъ на правежѣ по вся дни, а ночи въ тюрьмѣ сидимъ, и не отъ возможенья, г., и достальнымъ намъ, спротомъ твоимъ, брести будетъ розно... Воззри, г., восклицали гороховляне въ заключеніе своего челобитья, въ нашу бѣдность и въ убожество, пожалуй насъ, спротъ своихъ, тѣми доимочными деньгами" [2]). Еще 17/IX 159 г. воевода Матвѣй Ѳедосѣевичъ Лошаковъ писалъ въ Приказъ, что по грамотѣ изъ Приказа онъ „гороховлянъ посадскихъ людей въ... 348 рубляхъ поставилъ на правежѣ, и они тѣхъ денегъ ничего не платятъ". Приказъ распорядился тѣ деньги доправить тотчасъ и прислать къ Москвѣ съ цѣловальниками, не дожидаясь иного указу и пристава изъ прогоновъ,—„а сроковъ бы имъ, кончалась грамота обращеніемъ къ воеводѣ, не давалъ, потому что они тѣхъ денегъ не платили многіе годы" [3]).

Далѣе къ востоку въ Нижегородскомъ посадѣ мы встрѣчаемся съ громадной убылью посадскихъ плательщиковъ благодаря переходу дворовъ въ руки бѣломѣстцевъ. Явленіе это вызвало со стороны Приказа с. р. л. спеціальныя справки въ Сыскномъ приказѣ, и Приказъ с. р. л. получилъ обстоятельную вѣдомость нижегородскихъ дворовъ, перешедшихъ въ руки бѣломѣстцевъ и запустѣвшихъ. Изучая судьбы требовавшихъ сложенія платежа

[1]) 1641 № 50 л. 10—15, 29—30.
[2]) 1645 № 37.
1651 № 107 л. 18.

нижегородскихъ дворовъ, можно раздѣлить ихъ на 11 группъ. 1) 32 двора (16%) перешли къ бѣлому духовенству (къ попамъ, дьякопамъ, дьячкамъ,— изъ послѣднихъ одинъ „гуляющій“,— и пономарямъ). 2) 27 дворовъ (13%)—перешли къ гостямъ и посадскимъ людямъ, записашымъ въ гостпную сотню. 3) 27 дворовъ (13%) перешли къ дьякамъ, подъячимъ, приставамъ, воротникамъ, при чемъ иногда владѣлецъ самъ садился въ подъячіе, этимъ обѣляя свой дворъ. 4) 23 двора (11%) перешли подъ служилыхъ нѣмцевъ, нѣмокъ и нѣмецкаго попа. 5) 19 дворовъ (9%) перешли къ стрѣльцамъ. 6) 18 дворовъ (9%) перешли къ служилымъ людямъ, большинство къ мѣстнымъ, но 1 дворъ къ бояр. И. П. Шереметеву, 2—къ стольнику кн. Урусову, 1—къ дворянамъ московскимъ Шиповымъ; иногда дворы пріобрѣтались на имя крестьянъ того или другого владѣльца, напр. крестьянъ кн. Лыкова, думнаго дьяка Лихачева. 7) 10 дворовъ (5%) перешли къ монастырямъ, частью вмѣстѣ съ постриженіемъ посадскаго человѣка. 8) 9 дворовъ (4%) перешли къ закладчикамъ за сильныхъ людей, или, какъ вѣдомость выражается, къ лицамъ, которые „называются“ закладчиками — иногда даже не опредѣленнаго лица, а „розныхъ бояръ“. Нѣкто Савка „назывался закладчикомъ бояр. Ѳ. И. Шереметева, и боярипъ Ѳ. И. его въ посадъ отдалъ, и онъ, Савка, учалъ нынѣ называться боярина Л. С. Стрѣшнева“. 9) 9 дворовъ (4%) оказались пусты, не владѣетъ ими никто. 10) 7 дворовъ (3%) оказались за ямщиками, про одного изъ нихъ сказано, что онъ „называется“ ямщикомъ,—быть можетъ, не будучи имъ? 11) Къ послѣдней категоріи надо отнести 4 двора монастырскихъ закладчиковъ, изъ нихъ 1 дворъ былъ за монастырской дѣвкой. Изъ остающихся 26 дворовъ 1 дворъ былъ взятъ подъ кладбище, 1—подъ губную избу, 2—подъ тюрьму, 1—подъ зарядье, 2 двора—въ выти въ губу, 2 двора — для государевыхъ промысловъ, въ 2-хъ жили нищіе, въ 1—солдатъ, въ 1—литвинъ. Не совсѣмъ понятно, почему въ число бѣлыхъ дворовъ попали дворы повивальной бабки и, судя по профессіямъ, ремесленниковъ и торговцевъ: шапошника Карпа, каменьщика Савинова (2 дв.), трушенника и калашника И. Авксентьева, зернового скупщика Л. Исаева, Ст.

Бобровщика [1]), ярославца Г. Назарьева (2 двора) и др. Въ одномъ случаѣ вѣдомость прямо говоритъ объ укрывательствѣ: „дворъ посадскаго человѣка Тимошки Авдѣева въ тяглѣ съ полушки, владѣетъ торговый человѣкъ Степанъ Борисовъ, а отъ тягла укрываетъ его гостинной сотни Дмитрій Панкратовъ". Дворы эти частью состояли на оброкѣ, частью платили долевое тягло. Новые владѣльцы не всегда владѣютъ полными дворами,—иногда имъ принадлежитъ только часть двора, иногда владѣютъ дворомъ совмѣстно нѣсколько лицъ, напр., троицкій закладчикъ С. Воробьевъ и зачатьевскій попъ Василій. Дворомъ пользуются, повидимому, сами владѣльцы; только въ двухъ случаяхъ отмѣчено иное: подъячій Василій построилъ на купленномъ дворѣ лавку, а другой владѣлецъ двора, Ст. Бобровщикъ, сдаетъ его внаймы, а самъ живетъ въ Москвѣ. Общій итогъ вышедшихъ изъ тягла дворовъ—$204^1/_2$ двора, 7 избъ, келья и мѣсто дворовое, да 7 дворовъ на благовѣщенской землѣ, числившихся за патріархомъ, —. вопросъ о нихъ былъ переданъ на усмотрѣніе бояр. кн. П. А. Репнина и д. Пантелея Чирикова. Прежними владѣльцами всѣхъ этихъ дворовъ были посадскіе люди разныхъ профессій. Частью это были только дворовыя мѣста, частью при нихъ были огороды и сады: дворовъ съ садами и огородами насчитывалось до 24. Нѣкоторые дворы обозначены какъ осадные. Нижегородцы отчасти успѣли въ своемъ челобитьѣ, платежъ за эти дворы на оба года былъ понижень до 1 р. съ двора [2]). Результаты сбора и съ сосѣднихъ Арзамасскаго уѣзда и посада были неудачны. Съ арзамасской мордвы и бортниковъ А. Сухотинъ собралъ за лѣто 146 г. только 163 р. вмѣсто 2558 р. и писалъ въ Приказъ о полномъ запустѣніи: „доправить на нихъ не умѣть, многіе мордва бѣжатъ врозь и хлѣба подъ зимою ко 147 году не сѣяли, а послѣ шпцовъ Тимоѳея Измайлова да съ товарищи многіе мордва розбѣжались врозь, и многія деревни запустѣли, и ихъ мордовскихъ деревень пустыя земли со всякими угодьи по твоему г. указу розданы твоимъ г. бояромъ. Да посылалъ я, продолжалъ Сухотинъ, х. т., въ Арзамасскій уѣздъ въ мордовскую

---

[1]) Шапошникъ Каршъ, И. Авксентьевъ и Ст. Бобровщикъ называли себя каменщиками.

[2]) 1640 № 8 л. 253—332.

деревню Кирдюшеву для тѣхъ же дворовыхъ денегъ пушкаря Панку Ѳедорова, и Панка Ѳедоровъ подалъ мнѣ доѣзду своего память, и я, х. т., тое доѣздную память и роспись мордовскимъ пустымъ деревнямъ, которыя по твоему г. указу розданы твоимъ г. бояромъ, послалъ къ тебѣ, ко государю...“ По объясненію пушкаря кое-гдѣ хлѣбъ былъ сжатъ и перемолоченъ, и солома сожжена, но жали и молотили не мѣстные жители, усидѣвшіе на мѣстахъ, а бѣглая мордва, пріѣзжавшая на эти работы изъ Ломова [1]). Еще въ 161 г. воевода Власовъ доносилъ оттуда: „а въ достальныхъ, г., деньгахъ арзамасская мордва и бортники у меня, х. т., на съѣзжемъ дворѣ въ день стоятъ на правежѣ, а въ ночь держу въ желѣзахъ, и многіе, г., арзамасскіе мордва и бортники отъ тѣхъ денегъ розбѣжались, покиня свои домы, потому, г., что имъ тотъ платежъ сталъ невмочь. И только, г., тѣ твои г. деньги ратнымъ людемъ на жалованье 4108 р. на арзамасской мордвѣ и на бортникахъ доправить все сполна, и арзамасская, г., мордва и бортники и достальные всѣ врозь розбѣжатся, и попрежнему, г., будетъ пусто, и будетъ, г., арзамасская мордва и бортники отъ тѣхъ твоихъ г. денегъ, что велѣно на нихъ собрать ратнымъ людемъ на жалованье, побѣгутъ врозь, и мнѣ бъ, х. т., въ, томъ отъ тебя, г., въ пенѣ и въ опалѣ не быть, и о томъ, какъ ты, г., укажешь мнѣ, х. т.“ [2]).

Перейдемъ далѣе на востокъ, на лѣвый берегъ Волги. Въ Яранскомъ уѣздѣ С. Соковнинъ хотя и собралъ въ 147 г. окладъ полностью, но собралъ его „съ великою нужею“ и „съ большимъ правежомъ“. И нынѣ, г., писалъ Соковнинъ, Ярапскаго уѣзду твоихъ г. дворцовыхъ деревень крестьяня многіе обнищали и задолжали великими долги и животину и хлѣбъ продали, у кого было, вполцѣпы, и многіе, г., крестьяня за бѣдностью хлѣба не сѣяли, а иные разбрелись врозь. А которые, г., прожиточные люди крестьяня въ нынѣшней сборъ платили за бѣдныхъ людей, на которыхъ бѣдныхъ крестьянѣхъ взять было нечего, рублевъ по 5 и по 6 и по 10, и они, г., отъ того сбору обнищали якъ, и многіе, г., крестьяня розбрелись врозь“. Картина эта тѣмъ

---

[1]) 1638 г. № 62 л. 19—23.
[2]) 1643 № 42 л. 299—300.

реальнѣе, что Соковнинъ доправилъ сборъ полностью, а не оправдывался въ недоборѣ [1]).

Поворачивая отъ Москвы на югъ и переходя къ Переяславлю Рязанскому, мы вступаемъ въ полосу посадовъ и уѣздовъ, призванныхъ въ 146 г. обслуживать реставрацію засѣчной черты. Большинства ихъ сборъ Приказа с. р. л. не коснулся въ 146 г., повидимому, совсѣмъ. Изъ 18 посадовъ этой полосы (Переяславля Рязанскаго, Коломны, Зарайска, Каширы, Венева, Епифани, Тулы, Дѣдилова, Алексина, Крапивны, Калуги, Воротынска, Перемышля, Лихвина, Одоева, Бѣлева, Мещовска и Козельска), есть данныя о поступленіи на 146 г. только съ Бѣлева, Воротынска, Зарайска, Калуги, Коломны, Мещовска и Одоева. Когда грамота о сборѣ съ Козельскаго посада съ 7 дворовъ 14 рублей на 146 г. пришла въ Козельскъ, то посадскіе люди прямо заявили, что большинство ихъ на засѣкахъ, и верстать налогъ не съ кого [2]). Съ другихъ посадовъ налога, повидимому, совсѣмъ и не потребовали, хотя посады эти были положены первоначально въ расчетъ, судя по книгѣ по Владиміру № 4. Въ 11 посадахъ сборъ былъ такимъ образомъ парализованъ мобилизаціей населенія на засѣчныя работы. Трудно сказать, почему Бѣлевъ, Воротынскъ, Зарайскъ, Коломна, Мещовскъ, Одоевъ и Калуга не вошли въ это изъятіе. Оно относилось только къ 146 г.: мы видимъ, что въ 147 г. Алексинъ, Веневъ, Зарайскъ, Калуга, Коломна, Мещовскъ, Одоевъ и Тула несутъ налогъ на общемъ основаніи, частью справляются съ нимъ, частью не осиливаютъ его.

Обратимся къ отдѣльнымъ посадамъ. Съ Черной слободы Переяславля Рязанскаго слѣдовало доправить на 147 г. по расчету со 107 дв.—214 р. Рязанцы били челомъ о неправежѣ: „насъ, сироть твоихъ, писали они, въ живущемъ столко нѣтъ, и мы, с. т., всѣ были въ разбродѣ, и какъ пріѣхалъ въ Переславль Резанской на твою г. службу твой г. бояринъ кн. Д. М. Пожарской да Ѳ. М. Бояшевъ, и насъ, с. т., не заѣхали ни одного человѣка: отъ бѣдности, отъ тежелова тягла розбрелись. И писалъ къ тебѣ, г., къ Москвѣ, и прислана, г., твоя г. грамота, а по твоей г. гра-

[1]) 1639 № 14 л. 85—90.
[2]) 1639 № 26 л. 3—5.

мотѣ велѣно насъ, с. т., собрать по старому. И какъ собрали насъ, с. т., немногихъ людишекъ твой г. боярин и воевода кн. Д. М. Пожарской да Ѳ. М. Бояшевъ только всего 53 дворишка, и тѣ, г., дворишка мы, бѣдные, еще не устроились, потому что бѣдны и разо[ри]лись и били челомъ тебѣ, г., о всей бѣдности и о разоренѣ и о многомъ тяжеломъ тяглѣ, и ты, г., насъ, сиротъ своихъ, пожаловалъ, прошлые годы намъ отдалъ и тягла велѣлъ съ насъ сбавить и велѣлъ положить за нашу бѣдность и разореніе противъ нашіе силы, чтобъ намъ, бѣднымъ, было твое г. тягло въ силу". Рязанцы били челомъ о совершенномъ сложеніи съ нихъ „подымныхъ денегъ" и по докладу $^{30}/_{XII}$ 148 г. успѣли въ этомъ [1]). Въ 149 г. имъ, однако, пришлось повторить свое ходатайство. Въ челобитьѣ, доложенномъ $^{21}/_{X}$ 149 г., рязанцы повторяли содержаніе своего перваго челобитья, упирая на то, что Д. М. Пожарскимъ и Ѳ. М. Бояшевымъ въ Переяславлѣ Р. насчитано 53 двора, и посадъ положенъ въ 10 четей. Рязанцы увѣряли, что платежъ и по такому расчету имъ не подъ силу. „И твои г. всякіе доходы емлютъ съ насъ съ нового дозору и по новымъ книгамъ, и мы, сироты твои, вконецъ погибли: цѣловальниковъ у насъ, с. т., емлютъ ко всякому твоему г. дѣлу не противъ нашіе силы и нового окладу и книгъ, и обрабатываемъ всѣ сохи Резанскаго уѣзду мы, с. т., по твоимъ г. грамотомъ изо всѣхъ приказовъ, и твоихъ г. денегъ платити стало некому и нечѣмъ: всѣ тяглые людишка по твоимъ г. службомъ: въ конюшенной избѣ въ цѣловальникахъ 2 человѣка, и у писцовъ у заповѣдныхъ закосныхъ луговъ 2-жъ человѣка, въ Перевицку на твоемъ г. кабакѣ у твоего дѣла въ головахъ да въ цѣловальникахъ 3 человѣка, да въ Переславлѣ Резанскомъ у селитреного варенья и въ Старой Резани 6 человѣкъ; да у насъ же, с. т., взяли въ цѣловальники въ Переславль къ твоей г. казнѣ въ таможню и на кабакъ 25 человѣкъ, да въ Старую Резань голову да двухъ цѣловальниковъ къ таможенному, и кабацкому, и къ мытному, и къ перевозному денежному збору. И мы, с. т., въ томъ вконецъ погибли и обрабатываемъ всѣ сохи, а подъ нами, с. т., земли, пашни и луговъ и никакихъ угодей нѣтъ, окромѣ дворишковъ нашихъ, и то не у многихъ людишекъ..."

---

[1]) 1640 № 8 л. 106.

Рязанцы просили брать съ нихъ цѣловальниковъ „противъ сошнаго письма по новому окладу и по книгамъ и по дозору боярина и воеводы кн. Д. М. Пожарскаго да Ѳ. М. Бояшева“, а платежъ Приказа с. р. л. сложить совершенно. Платежъ былъ сложенъ [1]).

Еще печальнѣе было положеніе на Михайловѣ. Кн. В. Морткинъ не „заѣхалъ въ 148 г. на Михайловѣ ни одного посадскаго человѣка“. „А сказали мнѣ, х. т., писалъ въ отпискѣ, полученной 3/III 148 г., Морткинъ, михайловскіе стрѣльцы и казаки, что де при Петрѣ Рудаковѣ въ прошломъ въ 147-мъ году на Михайловѣ про посадцкихъ людей и про дворы обыскивали, а въ обыскахъ сказали, что де на Михайловѣ посадскихъ дворовъ [ни одно?] во двора не бывало, и чернопосадцкихъ людей на Михайловѣ нѣтъ, а которые де бобыли жили по боярскимъ дворамъ во дворничествѣ и тѣ бобыли всѣ съ Михайлова розбѣжались въ прошлыхъ годѣхъ до меня, х. т., и тѣ обыски посланы къ тебѣ, г., къ Москвѣ въ Приказъ с. р. л. въ прошломъ во 147-мъ году декабря въ 20 де съ михайловскомъ розсыльщикомъ съ Ѳедоткомъ Кожинымъ. Да нынѣшняго, г., 148-го году, февраля въ 27 де, повѣствовалъ Морткинъ, поимали на Михайловѣ и привели ко мнѣ, х. т., въ съѣзжую избу михайловскіе стрѣльцы михайловскихъ чернопосацкихъ людей трехъ человѣкъ Микишку Бобаева, Игнашка Иванова, Кондрашка Болдыря, и я, х. т., на тѣхъ чернопосадцкихъ людѣхъ, на Микишкѣ Бобаевѣ, на Игнашкѣ Ивановѣ, на Кондрашкѣ Болдырѣ твоимъ ратнымъ людемъ на твое г. жалованье деньги 112 рублевъ правлю: въ день стоятъ на правежи, а на ночь въ тюрму мечу...“ Морткинъ прилагалъ и челобитье 3 злополучныхъ михайловцевъ, поставленныхъ имъ на правежъ. Михайловцы разсказывали, что они сбрели съ Михайлова отъ бѣдности еще въ 145 году, а до того жили въ Михайловѣ по боярскимъ дворамъ во дворничествѣ. „А иныя наши братя померли, а иныхъ тотарове поимали, а иныя розбрелись, а жить намъ, с. т., на Михайловѣ невозможно, а твоихъ г. податей намъ, с. т., показывали михайловцы, взять негдѣ, платить не[чѣмъ?], а нашія, г., братьи на Михайловѣ опрично насъ с. т., нѣтъ ни единого человѣка“. Михайловцы били челомъ не замучить ихъ на

[1]) 1640 № 8 л. 186—187.

правежѣ и „голодною смертью и студеной въ тюрьмѣ не выморить“. Изъ Приказа за весну и лѣто 148 г. отвѣта не было. Въ августѣ 148 г. Приказъ потребовалъ съ Морткина снова 204 р. Морткинъ опять занялся разслѣдованіемъ дѣла и снова сообщилъ въ Приказъ, что Михайловскій посадъ разбѣжался еще въ 146 г., что своихъ дворовъ у михайловцевъ не было совсѣмъ, а жили они по чужимъ дворамъ. Ему удалось выяснить, что ихъ всѣхъ было 16 человѣкъ. По 8 человѣкахъ онъ взялъ „межъ ими другъ по другѣ круговую поруку“,—„а сторонніе, г., люди, писалъ Морткинъ, по нихъ ихта не ручаютца“. Одинъ михайловецъ Демка Петровъ успѣлъ въ 148 г. написаться въ стрѣльцы, и стрѣлецкій голова его „не даетъ и оброку тому Демки не велитъ платить и поручикамъ по Демкѣ въ съѣзжей избѣ ставить его не велитъ“. Часть михайловцевъ написалась въ казаки, и казачій голова тоже ихъ не выдастъ, „чинятся головы сильны“. На задержанныхъ михайловцахъ Морткинъ правилъ деньги съ 11 по 30 августа, но безуспѣшно. Воевода препровождалъ и новое челобитье, поданное ему михайловцами. Челобитчики жаловались, что они сбрели съ Михайлова по бѣдности и скитались въ Михайловскомъ уѣздѣ „гдѣ день, гдѣ ночь“. Ихъ отводною пашенною и огородною землею завладѣли михайловскіе стрѣльцы, которые имъ „той отводной земли не очищаютъ“, между тѣмъ какъ ихъ же братья, записавшаяся въ стрѣльцы и казаки, въ посадскихъ платежахъ съ ними участвовать не желаетъ. Михайловцы били челомъ о сложеніи съ нихъ „государева годового оброка з двора по 2 рубли“.—Рѣшенія по этому дѣлу не знаемъ, но едва ли въ немъ можно сомнѣваться [1]). Плохо обстояло дѣло и въ Воротынскѣ. Воротынскій воевода Кузьма Безобразовъ въ 147 г. могъ выслать только 20 р., такъ какъ въ Воротынскѣ оказалось всего 10 дворовъ. Цифру эту онъ подтвердилъ и повальнымъ обыскомъ, произведеннымъ по распоряженію Приказа. „А посадскихъ людей, кончалъ свою отписку, полученную въ Приказѣ ^{26} VI 147 г., Безобразовъ, бью на правежѣ днемъ, а ночью сажаю въ пустую избу за тюрьмы мѣсто. А всего, г., въ Воротынску посадскихъ тяглыхъ людей 10 дворишковъ да 5 человѣкъ бобылей, а стрѣль-

[1]) 1640 № 68 л. № 1—15.

цовъ, г., и казаковъ и пушкарей въ Воротынску нѣтъ. И быть мнѣ, х. т., быть не у чего“ [1]). Въ Мещовскѣ Приказъ столкнулся съ сильнымъ запустѣніемъ посада. Въ 146 г. вслѣдствіе пустоты посадскіе люди Мещовска внесли изъ 60 р. своего оклада только 26 р. Въ 147 г. съ нихъ, однако, опять потребовали по начальному расчету: „велѣно на насъ, спротахъ твоихъ, жаловались мещовцы, доправити ис 30-и дворовъ 60 рублевъ, да на насъ же, с. т., велѣна доправить на прошла на 146-го году за тѣ люди за мертвыя и за побиты и за бѣглыя тридцать чатыре рубли, а насъ, с. т., послѣ писца Василья Чернышова и послѣ литовского разоренья, какъ стояли литовскія люди въ Мещескомъ уѣздѣ въ селѣ Щелкановѣ, всево насъ осталася тринадцать бобылишакъ. Прислана твоя г. грамота ис Приказу збору ратныхъ людей за[a] приписью твоихъ г. дьяковъ Понтелѣя Чрикова да Емельяня Евсевьева, а велѣна про насъ обыскать, что г. насъ бѣдныхъ 13 человѣкъ иль 30, и тѣ, г, обыски за обыскныхъ людей руками послати къ тебѣ, г. къ Москвѣ въ Приказъ збору ратныхъ людей.....тваяму г. боярину князю Петру Олександровичу Репнину да твоимъ государевымъ дьякомъ къ Понтелѣю Чрикову да къ Омельяну Евсевьеву. Милосердный государь (*n. m.*) пожалуй насъ, спротъ твоихъ, вели, государь, тѣ наши обыски полажить въ Приказѣ збору ратныхъ людей перетъ своимъ государевымъ боярынамъ, перет Иваномъ Петровичамъ Шереметевымъ, да перет деки перет Василемъ Прокофьевымъ да перет Михаиламъ Невѣровымъ. Не вели, г. [съ] насъ, спротъ своихъ, за тѣ люди за мертвыя и за бѣглыя и за побитыя денехъ править, не вели, г. намъ, спротамъ своимъ, розна розбѣса и вконецъ не погинуть“. Приказъ распорядился произвести въ уѣздѣ повальный обыскъ относительно количества посадскихъ людей и, повидимому, примирился съ цифрой 13 дв. вмѣсто 30 дв. Но вначалѣ 149 г. понадобилось 2 новыхъ челобитья и новый докладъ, чтобы на мещовцахъ не взыскивали 68 р. доимокъ на 146 и 147 гг. По первому челобитью, доложенному въ Коломенскомъ [22]/IX, докладчикъ думный дьякъ Ив. Гаврилевъ помѣтилъ сложеніе только 60 р., и понадобилось новое челобитье и новый докладъ,

[1]) 1639 № 26 л. 13.

чтобы сложены были и 8 рублей. Мещовскій ходатай Мишка Васильевъ билъ челомъ о томъ, что „осми рублевъ не домѣчено, а помѣта д. д. Ив. Гавренева, и тѣхъ осми рублевъ на насъ на бѣдныхъ хотятъ править". Помѣта: „Государь пожаловалъ и осми рублевъ править не велѣлъ. 149-го октября въ 9 де. Подклеить подъ первую челобитную и написать грамоты тотчасъ" [1]). Бѣлевцы посадскіе люди были написаны „въ четвертяхъ тяжело з 20-ти съ 5 чети", а въ Приказъ с. р. л. должны были заплатить по расчету со 125 дв.—250 р. на годъ. Вмѣсто 500 р. они заплатили въ приказъ на оба года только 182 р., такъ какъ налицо ихъ оказалось лишь 45 дворовъ. Бѣлевцы принялись оспаривать цифру своего оклада — 125 дворовъ, утверждая, что ихъ всего на всего 42 дворишка, а цифру 125 дворовъ положили на нихъ переписывавшіе въ 133-мъ году ихъ „дымы" В. Чернышевъ и О. Богдановъ, написавшіе у нихъ въ тяглѣ „и слѣпыхъ, и хромыхъ, и сусѣдовъ, и подсусѣдниковъ",—„а переписалъ, г., жаловались бѣлевцы, такъ наши дворишка понасердки: прошалъ у насъ поминку большово, а намъ, г., дать было нечево". По ихъ челобитью Галицкая четь уже дѣлала „выписку", дѣло было докладываемо государю и велѣно было, поѣдя на компромиссъ, написать Бѣлевъ въ приходной книгѣ въ 77 дворовъ. Послѣ этого дозора многіе померли, были побиты, пошли въ закладчики, и бѣлевцы „тѣмъ мертвецомъ и бѣглецомъ и закладчикомъ" доставили роспись. Въ Приказѣ какъ будто учли разсказанную бѣлевцами исторію ихъ письма, и $^{13}/_{X}$ 148 г. государь пожаловалъ, велѣлъ доложить себя, государя, но своего дѣла бѣлевцамъ не удалось двинуть до іюля 148 г. Въ іюлѣ 148 года было доложено ихъ новое челобитье. Они жаловались въ немъ еще и на то, что земли и луговъ писецъ имъ ничего не написалъ „опричь усадишекъ", а имъ приходится платить въ Ямской приказъ „съ году на годъ" по 14 р., въ Стрѣлецкій приказъ по 17 р., да нести службы во Мценскѣ, Новосилѣ и Каргополѣ, да 4 года подъ рядъ они дѣлали городъ Бѣлевъ, да 2 года засѣки своими жъ головами, да оброкъ имъ положенъ по 15 р. на годъ,—„а искони вѣчно, г., жаловались бѣлевцы, того платежу на насъ, с. т., не бывало опричъ четверт-

[1]) 1640 № 8 л. 151—2, 158 - 9.

ныхъ доходовъ". Жаловались они и на насильства отъ сосѣдей, Ѳ. М. Толочепова и А. Ѳ. Прончищева, ихъ приказчиковъ, и крестьянъ", ссылались на разрѣшеніе платить „съ живущаго", данное Вязьмѣ, Мещовску, Рузѣ, Николѣ Зарайскому и „многимъ городамъ" и напоминали, что имъ уже „сходили" многія подписныя челобитныя, а г. указа все не было. 9/VI 148 г. челобитье ихъ было удовлетворено, и Бѣлевъ былъ приравненъ къ перечисленнымъ городамъ: велѣно было „взять противъ иныхъ городовъ" [1]).

Съ Мценска Приказъ потребовалъ съ 183 дв. по 366 р. на каждый годъ. Въ отвѣтъ на это требованіе мценскій воевода Богданъ Нарбековъ писалъ, что „во Мценску посадскихъ людей нѣтъ", и собрать деньги на жалованье ратнымъ людемъ не съ кого. „А что, г., продолжалъ Нарбековъ, во Мценску за попы и за дворяны и за дѣтьми боярскими бобылей, да у дворянъ же и дѣтей боярскихъ на ихъ дворѣхъ дворишки, и тѣ, г., бобыли и дворишки выборовъ на свою братію не даютъ и сборныхъ денегъ ко мнѣ, х. т., не пришосятъ, и въ томъ твоимъ г. сборнымъ деньгамъ чинится мотчанье". Между тѣмъ дворяне и дѣти боярскіе, явившись къ нему въ съѣзжую избу, жаловались, что „ихъ бобыли и дворишки отъ платежу сборныхъ денегъ изъ-за нихъ многіе розбѣжались по рознымъ городомъ, и дворы де ихъ многіе запустѣли, жильцовъ на нихъ нѣтъ. А иные дворяне и дѣти боярскіе дворишковъ своихъ укрываютъ, свозятъ ихъ съ посадскихъ своихъ дворовъ, къ себѣ по деревнямъ". Въ 146 г. Нарбекову удалось съ нѣкоторыхъ бобылей и дворниковъ получить налогъ, но въ 147 г. онъ наткнулся на затрудненія. „Тѣ бобыли и дворишки, писалъ онъ въ Приказъ, послыша г. указъ о платежѣ сборныхъ денегъ, многіе у стрѣлецкаго и казачье[го] головы у Василья Ерохова пишутся въ стрѣльцы, а голова Василій Ероховъ про то мнѣ, х т., не сказываетъ, что онъ тѣхъ бобылей и дворишковъ по твоему жъ г. указу или своимъ обычаемъ велитъ у себя въ стрѣльцы писать. И тѣхъ бобылей и дворишковъ у себя въ стрѣлецкихъ слободахъ укрываетъ, тѣхъ денегъ мнѣ, х. т., править на нихъ не дастъ, а называетъ ихъ

[1]) 1640 № 8 л. 237—9.

стрѣлецкими братьи и племянники". Немногихъ сысканныхъ бобылей и дворниковъ Нарбековъ поставилъ на правежъ. Результаты этой переписки воеводы съ Приказомъ невидны [1]).

Вслѣдствіе разоренія войной налогъ не могли взыскать съ сосѣдняго съ Мценскомъ Брянска, а въ Карачевѣ Приказу пришлось выложить въ 147 г. изъ оклада казенныхъ кузнецовъ. Долгую борьбу въ Приказѣ пришлось выдержать путивльцамъ. Челобитья, поданныя ими въ Приказѣ с. р. л., вскрываютъ судьбы Путивля за послѣдніе годы. Путивль былъ положенъ въ 80 дворовъ и съ него потребовали на оба года 320 р. Почему то пропустивъ 146 и 147 гг., путивльцы предприняли хлопоты о сложеніи съ нихъ налога только съ Николина осенняго дня (т.-е. 14 октября) 148 г. Челобитье ихъ содержитъ цѣлое повѣствованіе. „Бѣдные и разоренные путивльскіе посадцкіе людишка, старостишко Илюшка Угримовъ и во всѣхъ мѣсто посадцкихъ людишекъ и бѣдныхъ вдовъ" разсказывалъ длинную исторію. „Прежде всего, государь, было насъ, с. т. въ Путивлѣ посадцкихъ людишекъ съ 700 и болши, и мы, с. т., твое г. тягло и подати платили и подъ твои г. гонцы и подъ посланники и для всякихъ твоихъ г. дѣлъ подводы давали. А нынѣча, г., у насъ, с. т,, послѣ путивльского разоренья осталось худыхъ и добрыхъ и бѣдныхъ вдовъ всего 70 человѣкъ, а гоньбы, г., стало прежнево болши, потому что къ тебѣ, г., ѣздятъ изъ Греческой и изъ Серпской земли, изъ Еросалима, изъ Святыхъ горъ митрополиты, и архіепископы, и епископы, и архимариты, игумены, и попы, и дьяконы, и старцы, и торговые люди. И мы бѣдные подъ ихъ подводы даемъ, а ямъ, г., въ Путивлѣ, не устроенъ, а в-ныхъ, г., городѣхъ по твоему г. указу ямы устроены и твоимъ царьскимъ жалованемъ пожалованы и пашнею устроены. И по твоему г. указу пріѣзжаютъ въ Путивль твои г. межовые суди, и мы, с. т., и бѣдныя вдовы подъ ихъ подводъ даемъ по 20-и и болши, да у нихъ-жъ, г. живетъ по 4 заводныхъ лошадей для твоей г. скорые гоньбы и посылокъ. А нанимаемъ, г., подводу на недѣлю по рублю и болши. А какъ, г., подъ Путивль приходилъ Песочинской со многими польскими

---

[1]) 1639 № 26 л. 6

людьми, и насъ бѣдныхъ, с. т., розорилъ совсѣмъ до конца, и домишка наши пожгли, и въ осадѣ, г., въ Путивлѣ литовскіе люди насъ, с. т., многихъ побили, а иные со всякіе осадные нужы померли. А нынѣ мы, бѣдные и розореные, живемъ по земляныимъ избенкамъ, и промышлишковъ, г., за нами никакихъ нѣтъ. А что, г., было за нами, с. т., оброшные земли, чѣмъ сыти бывали, и тѣ оброшные земли у насъ, с. т., взяты и отданы по твоему г. указу путивльскимъ пушкаремъ и затинщикомъ, воротникомъ, плотникомъ и кузнецомъ въ твое г. жаловашья,— вмѣсто хлѣбного дано. А на насъ, с. т., емлютъ з дворовыхъ нашихъ мѣстишекъ въ Володимерскую четверть по 20-и рублевъ по 15-и алтынъ по 4 денги ежегодъ, а нынѣ по твоему г. указу прислано въ Путивль твоя г. грамота изъ Приказу збору ратныхъ людей за приписью діака Михаила Невѣрова къ твоему г. стольнику и воеводѣ къ Григорью Гавриловичю Пушкину, а по твоей г. грамотѣ велѣно на насъ, с. т., и на бѣдныхъ вдовахъ доправить з дворишковъ нашихъ ратнымъ людемъ по 2 рубля з двора 160 рублевъ. И нынѣ мы, бѣдные и розореные с. т., и бѣдныя вдовы въ тѣхъ денгахъ стоимъ на правежы, животь свой мучимъ въ день, а на ночь въ тюрьму сажаетъ. И съ тое, г., тюремные нужы и тяготы насъ бѣдныхъ умерла 9 человѣкъ, и тѣхъ твоихъ г. денегъ намъ бѣднымъ взять негдѣ, и дать нечево: розорены совсѣмъ безо остатку, а по твоимъ г. городомъ посадцкіе люди живуть въ покоѣ и торгуютъ всякими товары и большими промыслы. А въ Вязьмѣ, г., и въ Можайскѣ, и въ Воротынску, и въ Торопцѣ, и въ Лукахъ Великихъ, и въ Карачевѣ, и въ Николы Зараского, и въ в-ныхъ городѣхъ тѣхъ твоихъ г. денегъ ратнымъ людемъ не-имано по 2 рубля з двора, а мы, бѣдные и розореные с. т., промежъ своей братьи иныхъ городовъ вконецъ погибли и розорены совсѣмъ до основанья. И которые, г., пагонные деньги въ Ямскомъ приказѣ и тѣхъ намъ пагонныхъ денегъ изъ Ямсково приказу не даютъ четвертой годъ. А иные, г., бѣдные с. т. ходили въ угодья для медвеного оброку, и многихъ, г., въ полонъ тотарове поимали. А городъ, г., украшной—всего отъ литовского рубежа 7 верстъ: въ день и въ ночь стоимъ по кругуломъ безсходно, оберегаючи твою г. украенную вотчину. Безъ промышлишковъ и въ своемъ разореньѣ

вконецъ погибли!“ Путивльцы просили сложить съ нихъ налогъ цѣликомъ. Дѣло восходило къ государю не менѣе 7 разъ, и каждый разъ докладъ вызывалъ помѣту, гласившую, что государь указалъ доложить себя государя: 24 марта, 29 мая (велѣно временно не править), 4, 6 и 25 іюня 148 г. и 1, 3 и 26 октября 149 г. Около дѣла, очевидно, шла сильная борьба, на которую указываетъ и одна фраза челобитья путивльцевъ, доложеннаго 29 октября: „челобитная, г., многіе подписныя [с]ходятъ, дѣла выписать велѣно и доложить тебя, г., и дѣло, г., выписано, а твои г. дьяки Приказа с. р. л. Василей Прокофьевъ да Михайло Невѣровъ по тому дѣлу тебя, г., не доложатъ“. Въ октябрѣ 149 г., когда началось скандальное Счетное дѣло, государя, повидимому, удалось заинтересовать: 1 октября государь велѣлъ доложить себя боярину Ивану Петровичу Шереметеву съ товарыщи, 3 октября государь велѣлъ доложить себя, государя, тотчасъ безъ волокиты, а 26 октября „до указу править не велѣлъ“. Путивль въ концѣ концовъ былъ приравненъ къ пограничнымъ посадамъ, Лукамъ Великимъ, Торопцу, Вязьмѣ, Можайску, и платежъ съ него былъ сложенъ [1]).

Переходимъ теперь къ посадамъ, лежащимъ на западъ отъ Москвы. Только Боровскъ, Кременескъ, Ярославецъ Малый справились здѣсь съ налогомъ исправно, въ Рузѣ, Зубцовѣ, Можайскѣ, Ржевѣ Володимировой, Вязьмѣ посадскіе люди хлопочутъ о льготахъ. Гораздо проще, чѣмъ Путивлю, удалось отдѣлаться отъ налога на 147 г. посадскимъ людямъ Рузы, исправно уплатившимъ его въ 146 г. „По твоему г. указу, билъ челомъ рузскій староста Иванъ Овдокимовъ и всѣ посадскія людишки отъ мала до велика, велѣно намъ, с. т., въ Рузѣ на осыпѣ острогъ поставить. И по твоему г. указу мы, с. т., на осыпи острогъ поставили, и башни, и бои, и всякія острожныя крѣпости, и въ острогѣ, г., тайники и колодези выкопали. И во 127-мъ году, какъ былъ королевичевъ приходъ къ Рузѣ, и въ тѣ поры, г., въ литовское разореніе и тотъ, г., острогъ згорѣлъ при осадномъ головѣ при Иванѣ Есиповѣ. И въ тѣ поры, г., мы, с. т., многія погорѣли, и животишка наши и статки. И въ то время, г., тво-

[1]) 1640 № 8 л. 194—222.

ихъ стрѣлцовъ сто человѣкъ кормили собою. Да по твоему г. указу велѣно намъ, с. т., вдругія въ Рузѣ на осыпи острогъ поставити, и мы, с. т., по твоему г. указу острогъ поставили при осадномъ головѣ при Давыдѣ Кудрявцовѣ собою же. Да по твоему г. указу платили мы, с. т., твои г. пятинныя денги двожды. И по твоей г. грамотѣ въ прошломъ, г., во 146-мъ году платили твои г. дворовыя денги и нѣмецкія кормы, и въ твои, г., приказы въ Большой Приходъ, и въ Стрѣлецкой приказъ, и въ Ямской, и въ Устюжскую четверть, и въ приказъ Большого Дворца ежегодъ. И въ Рузѣ, г. мѣсто бѣдное и разоренья, и торговыхъ, г., людей нѣтъ, людишка все пашенныя бѣдныя и разоренья, и отъ податей, г., розбрелися многія розно, и всѣ пооскудали, и многія, г., пошли по дворамъ. Да въ прошломъ г., во 147-мъ году прислана твоя г. грамота въ Рузу къ губному старостѣ къ Григорью Савину, а велѣно, г., на насъ, спротахъ твоихъ, править твои г. деньги з двора по 2 рубля, и тотъ г., губной староста Григорей Савинъ насъ, с. т., въ тѣхъ твоихъ г. дворовыхъ денгахъ въ день бьетъ на правежѣ, а на ночь въ тюрму сажаетъ. И мы, с. т., стоячи на правежѣ, вконецъ погибли, а въ своей бѣдности твоихъ г. дворовыхъ денегъ взяти негдѣ, и помираемъ голодною смертью". Ружане просили сложить съ нихъ налогъ на 147 г., ссылаясь на примѣры Можайска и Звенигорода. По докладу 30/III 148 г. деньги были сложены: „для ихъ бѣдности",—„приказалъ государь имянно" [1]). Сосѣдніе съ Рузой „бѣдные розоренье" зубчане также хлопотали о сложеніи сбора. „Въ прошломъ, г., во ста четыредесятъ шестомъ году, били они челомъ, прислана твоя г. (*п. т.*) грамота ис Приказу збору ратныхъ людей за приписью твоего г. дьяка Емельяна Евсеева, а во Ржеву къ стольнику и воеводѣ князю Василью Ондреевичю Горчакову, а велѣно на насъ, с. т., даправить денегъ съ 7-ми дворовъ по 2 рубля з дваришка ратнымъ людемъ на жалованя. А насъ, с. т., осталось послѣ литовского розоренья 4 бобылишка. И въ прошломъ, г., во ста четыредесятъ 4-мъ году били челомъ тебѣ, г., мы, с. т., бѣдностію своею и розореньемъ, и намъ, с. т., сашла твоя подписная челобитная за приписью твоего г. дум-

[1]) 1640 № 8 л. 19.

паго дьяка Ивана Гаврепева, што ты, г., пожаловалъ намъ, сиротамъ своимъ, во всякихъ своихъ г. податяхъ на 5 лѣтъ льготы противъ вязмичъ: въ ту 5 лѣтъ намъ, сиротамъ, платить не велѣна, и даны намъ твои государевы 4 грамоты жалованные льготные. Грамота, г., дана изъ Емьского приказу, что намъ, сиротамъ, ямьскихъ денегъ платить не велѣно. Другая твоя г. грамота льготная дана намъ изъ Стрѣлецкова приказу: стрѣлецкихъ денегъ имать не велѣно. Третея твоя г. льготная грамота изъ Костромской четверти: не велѣно на насъ, сиротахъ, четвертныхъ доходовъ имать. А четвертая твоя г. грамота дана намъ, сиротамъ, изъ Приказу збору ратныхъ людей за приписью твоего г. дьяка Емельяна Евсеева: за ратные люди денегъ имать не велѣна. И въ прошломъ, г., во ста четыредесятъ седмомъ году прислана твоя г. грамота изъ Приказу збору ратныхъ людей за приписью твоего г. дьяка Михаила Невѣрова въ Зубцовъ къ приказному къ Михаилу Озерову, и велѣно на насъ, с. т., доправить наметныхъ денегъ ратнымъ людемъ на жалованья. И нынѣча, г., приказной Михаила Озеровъ на насъ, с. т., правитъ твоихъ г. наметныхъ денегъ съ 7-ми дворовъ по 2 рубля з дваршка, а насъ, с. т., осталось послѣ литовского разоренья 4 дваршка. А на вязмичахъ, г., на посадскихъ людѣхъ по твоимъ жалованнымъ льготнымъ грамотамъ никакихъ наметныхъ денегъ въ ту 5 лѣтъ для ихъ разоренья имать съ нихъ не велѣна. А мы, с. т., въ тѣхъ денгахъ животъ свои мучимъ: въ день на правежѣ, а на ночь въ тюрму мечетъ". По примѣру ружанъ, только что выхлопотавшихъ себѣ сложеніе, налогъ былъ сложенъ $^{6}/_{IV}$ 148 г. и съ зубчанъ—„для ихъ бѣдности", „приказалъ государь имянно" [1]). Короче изложено ходатайство посадскихъ людей Ржевы Володимировой, уплатившихъ въ 146 г. со своихъ 68 дворовъ вмѣсто 136 р. только 82 р. Въ 147 г. они били челомъ о невзиманіи съ нихъ налога, такъ какъ взять его „не съ кого". Отъ уплаты взноса на 146 р. ржевичи „розно розбрелись по розным городомъ". „И мы бѣдные и роззореные, писали они въ своемъ челобитьѣ, оскудѣли и одолжали великими долгами, платя твои г. всякія подати. А городъ, г., порубежной и разоренный и опу-

[1]) 1640 № 8 л. 112.

сѣлъ и оскудѣлъ—промыслить и прокормиться немочно... Да въ нынѣшнемъ, г., въ 147-мъ году іюля въ 9 день заложился, г., за твоего г. окольничева за Василія Ивановича Стрѣшнева ржевитинъ лутчій посадскій тяглый человѣкъ, кабацкій откупщикъ Ивашка Берсеневъ“ [1]). Въ 147 г. ржевичи успѣли въ своемъ челобитьѣ, но въ 148 г. съ нихъ опять потребовали ту же допмку. „Прибредчи“ къ Москвѣ, ржевичи въ іюлѣ 148 г. выхлопотали новую подписную челобитную о невзпмапіи съ нихъ допмки на 146 г. „И мы, с. т., писали ржевичи, тое подписную челобитную подали въ Приказѣ с. р. л. твоему г. боярину И. П. Шереметеву да дьякомъ. И твой г. боярпнъ И. П. Шереметевъ по той подписной челобитной намъ, с. т., отказываетъ и твоей г. грамотѣ дать намъ не велитъ и велитъ намъ принести къ себѣ въ Приказъ подписную челобитную противъ прежніе подписной челобитной, чтобы ты, г., насъ пожаловалъ, тѣхъ денегъ для нашіе бѣдности править не велѣлъ. А прежней, г., твоей г. грамоты отпуску, которая намъ дана въ 147-мъ году, не вѣритъ: та де твоя г. грамота дана безъ боярского вѣдома князя П. А. Репнина...“ [2]). Челобитье было доложено [28]/VIII 148 г., и допмка съ ржевичей была сложена.

Вслѣдствіе того же „литовскаго разоренья“ сборъ былъ сложенъ съ Звенигорода, Можайска и Вязьмы.

Обращаясь къ сѣверо-западному краю государства, мы встрѣчаемся съ такими же явленіями разоренія и случаями непосильности требованія Приказа с. р. л. для посадовъ. Только Новгородъ Великій и Старая Руса справились съ налогомъ вполнѣ исправно. — Челобитье посадскихъ людей Лукъ Великихъ о сложеніи съ нихъ сбора было мотивировано слѣдующимъ образомъ. „А мы, с. т., писали лучане, людишка бѣдныя и въ писцовыхъ книгахъ писаны з дѣтьми и з братен и з племянники и съ подсусѣтники всѣ поголовно дворами. А бѣдность, г., постигла насъ для того: живемъ мы на твоемъ г. украинномъ городѣ на литовскомъ рубежу, отъ литовскихъ людей приходу разорены до основанія. Городъ, г., Луки Великіе во 119 годъ высѣченъ и выжженъ,

---

[1]) 1639 № 26 л. 10.

[2]) 1640 № 8 л. 179—180.

9 лѣтъ стаялъ пустъ. А мы, г., с. т., собраны изъ твоихъ г. городовъ по старымъ своимъ печищимъ только душею да тѣломъ. И только, г., почали, было, дворишка заводить, и стало воинское время, нестишина, съ литовскими людьми, какъ твои г. люди стояли подъ Смоленскомъ, а мы, с. т., отъ литовскихъ людей, приходу сидѣли въ осадѣ въ городѣ, а на посадѣ, г., дворишка наши были пожьены и разламаны. А нынѣ, г., мы, с. т., послѣ асады и по ся мѣстъ дворишковъ не завели. А сидѣли, г., мы въ осадѣ 2 годы безъ 4-хъ мѣсецъ. И въ осадѣ будучи, на городѣ на короулѣ были по вся дни и ночи бесперестанно, и рывы и колодези капали, и честикъ около города въ калоды набивали, и кабылины рогатые ставили. А капали, г., мы рыву 39 саженъ, а отъ саженi всяково ставилося по 3 рубли. Да какъ, г., учинился съ литовскими людьми мирной договоръ, а городъ Невль отданъ литовскимъ людемъ, и мы, с. т., въ то время съ Невля твой г. казенной хлѣбъ и соль и пороховую казну вывозили въ 3 поднема, давали по 50 лошадей и подводы съ телѣгами и с-ызвощики, а за подводу, г., давали мы за всякую по полтора рубли. Да какъ, г., во 148-мъ году городъ Невль взяли твои государевы люди, мы подъ невельскихъ жильцовъ, подо всякихъ людей подводы давали до Торопца. Да мы же, г., с. т., давали подъ межевыхъ судей и подъ стрѣльцовъ, которые на межи были, подводы въ 4-хъ годѣхъ по 10-ти подвотъ на всякой годъ съ телѣги и со всякимъ запасомъ, и съ праводники, и сторожи къ твоей г. казнѣ. А ставилось, г., намъ тѣ подводы, на всякой годъ спускъ, по сту рублевъ. И отъ тово, г., мы, с. т., одолжали великими долгами и по кобаламъ отъ писцовъ стоимъ на правежи, и насъ, с. т., отъ тово бѣдность великая изняли. Твой г. городъ Луки Великіе — мѣсто украшное, торговымъ людемъ пріѣзду и торгу нѣтъ, только, г., питаемся твоимъ г. жалованіемъ — пашенною землею. Да мы же, г., нынѣ у твоего г. дѣла въ таможенномъ и въ кабацкомъ зборѣ въ цѣловальникахъ сидимъ на вѣры, лучьшихъ людей 12 человѣкъ бесперемѣнно день и ночь. А середніе, г., мы, с. т., у твоего г. дѣла на казенномъ дворѣ въ хлѣбномъ пріемѣ, и въ роздачи и у соли, и у пароховой казны въ цѣловальникахъ стоимъ безперемѣнно, а достольные бредутца розно. А нынѣ, г., насъ, с. т.,

на Лукахъ, каторые послѣ асады дворишка поизмагли поставить, всево человѣкъ съ 40, а иные волочетца, живутъ по дворянскимъ подворьямъ, и намъ, с. т., на правежи будучи, до смерти забитымъ быть и вконецъ погинуть, а не сплотитца, и всѣмъ розбрестися розно и твоего г. тягла впредь отбыть. И въ прошломъ, г., во 147-мъ году пожаловалъ ты, г. (*n. m.*), своимъ царскимъ жалованіемъ льготы на 5 лѣтъ за нашу бѣдность и разореніе и далъ намъ свою г. грамоту жаловальную, что намъ въ 5 лѣтъ твоихъ г. платежей никакихъ не платить со ста четыредесятъ седмаго году отъ Благовѣщенія Святой Борогодицы да поста 52-й годъ". Челобитье было уважено и налогъ съ лучанъ былъ сложенъ, повидимому, на оба года. Уважено было и челобитье ихъ сосѣдей торопчанъ[1]).

Сложнѣе обстояло дѣло въ Псковѣ и псковскихъ пригородахъ. Въ Псковѣ поднялся тотъ же самый вопросъ о вышедшихъ изъ тягла дворахъ, который мы наблюдали и въ Нижнемъ-Новгородѣ. Число такихъ дворовъ доходило въ Псковѣ до 155. Съ 785 дв. псковичи собрали налогъ исправно, но отказывались платить его за эти 155 дв. и направили въ Москву челобитье, сообщая обстоятельныя данныя о дворахъ, за послѣднія 15 лѣтъ перешедшихъ къ бѣломѣстцамъ. „И о тѣхъ, г., бѣлыхъ людяхъ, писали псковичи, которые живутъ въ тяглыхъ дворѣхъ, чтобъ имъ съ тѣхъ черныхъ дворовъ по сошному письму съ нами твои г. подати платить, твоего г. указу во Псковѣ нѣтъ". Псковичи жаловались на то, что 310 р. на 146 г. за эти бѣлые дворы воевода правитъ на нихъ же. „Мы жъ, спроты, посадцкіе людишка, вспомнили псковичи о другомъ своемъ бремени, по твоему г. указу пот ратныхъ людей пот стрѣлецково голову и сотниковъ и подъ приказъ стрѣльцовъ со Пскова съ посаду по сошному письму дали 123 подводы съ телѣги и съ хомуты ото Пскова до Москвы, а наймовали, г., подводу по 14 и 15 рублевъ. И за тѣхъ же, г., за бѣлыхъ людей съ черныхъ дворовъ доправлено, г., на насъ, спротахъ, ихъ повытка 20 подводъ. И мы, с. т. государевы, посадцкіе людишка, послѣ писца Ивана Вельяминова пятинадцети лѣтѣхъ всякіе твои г. подати и ямскіе деньги и въ Смоленскій подъемъ и въ салдацкіе кормы и во всякіе земскіе роз-

---

[1]) 1640 № 8 л. 4 6.

меты по сошному письму и за бѣлыхъ людей сполна платя, до конца разорились. А въ твоей г. вотчинѣ въ Великомъ Новгородѣ и в-ыныхъ городѣхъ, которые бѣлые люди живутъ на чорныхъ мѣстахъ, и по твоему г. указу во всякіе земскіе росходы посадцкимъ людемъ помогаютъ". Псковичи прилагали и роспись этимъ вышедшимъ изъ тягла дворамъ. Изъ этой росписи узнаемъ судьбу псковскихъ обѣленныхъ дворовъ. 43 двора перешли къ стрѣльцамъ, ихъ сотнику и головѣ, т.-е. по своимъ хозяйственнымъ профессіямъ тѣмъ же посадскимъ людямъ: среди нихъ встрѣчаемъ пирожника, конскаго барышника, масленика, мясника, 3 каменщиковъ, скорняка, замочника, сыромятника. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ посадскій человѣкъ обѣлялъ свой дворъ, самъ становясь стрѣльцомъ. 31 дворъ перешелъ къ помѣщикамъ и архіепископскимъ дѣтямъ боярскимъ. 26 дворовъ — къ представителямъ бѣлаго духовенства (попамъ, дьякопамъ, дьячкамъ, пономарямъ). 16 дворовъ перешли къ казакамъ, ихъ атаманамъ и есауламъ, 5 дворовъ —къ монастырямъ и 4—къ монастырскимъ закладчикамъ. Остальные 30 дворовъ распредѣляются между слѣдующими профессіями: дворцовый недѣльщикъ, воротникъ, богадѣльный старецъ, казенный плотникъ, ямщикъ, приставъ Дворцового приказа, каменщикъ (дворцовый?), истопникъ (дворцовый?), подъячіе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ профессію не удалось опредѣлить: владѣльцами дворовъ названы просто вдовы. 2 двора показаны пустыми, одинъ распахалъ ямщикомъ, владѣлецъ одного живетъ во крестьянѣхъ за Богданомъ Дубровскимъ. На челобитьѣ псковичей встрѣчаемъ помѣту: „146-го августа въ 10 де. Государь пожаловалъ, не велѣлъ на нихъ за тѣ дворы, въ которыхъ тяглыхъ дворѣхъ живутъ всякихъ чиновъ люди, денегъ править, а велѣлъ г. тѣ деньги съ тѣхъ дворовъ взять, хто нынѣ по ихъ росписи на тѣхъ дворѣхъ живутъ". Противъ помѣты думного дьяка 17 августа велѣно было дать грамоту [1]). Такъ же, вѣроятно, былъ разверстанъ и сборъ на 147-й годъ.

Въ мелкихъ псковскихъ пригородахъ Вельѣ и Выборѣ сборъ прошелъ удачно, но въ Дубковѣ (2 двора) и Володимерцѣ (3 дво-

---

[1]) 1638 № 49 л. 12—45

ра) не оказалось ни одного человѣка. Изъ Дубкова одинъ человѣкъ сталъ на погостъ въ дворцовую деревню, а другой на Вороначъ. Обитателей Дубкова Дворцоваго приказа дьякъ Томило Истоминъ свелъ въ Рожницкую засаду въ дворцовую деревню Тимошихино „со всѣми животы и съ хоромы“. Въ Дубковѣ „дворовая и огородная земля и пашня посацкихъ людей и сѣнокосы пусты и лѣсомъ поросли“. Изъ посадскихъ людей Володимерца одинъ еще во время набѣга Лисовскаго, „тому лѣтъ съ 30“, сшелъ въ Печерщину и живетъ за Печерскимъ монастыремъ въ бобыляхъ на посадѣ, а остальные перевезены дякомъ Томилой Истоминымъ въ дворцовыя деревни. „И хоромы тѣ бобыли съ посаду посвезли съ собою, а иные хоромы погнили, и нынѣ на Володимерцѣ на посадѣ дворовъ и жильцовъ нѣтъ, а на посацкой . ли земли или на дворцовой тѣ посадцкіе бобыли жили, того, въ сыску сказали, не вѣдаютъ и иныхъ жильцовъ, которые живали на Володимерцѣ на посадѣ, не знаютъ, а лежи[тъ] та вся посацкая -дворовая и огор[од]ная земля, пашня и сѣнокосы впустѣ, и не владѣетъ ее нихто, поросла лѣсомъ“. Что касается Воронача, то въ Литовское разоренье 142 года тамъ были побиты 51 человѣкъ, 20 человѣкъ были взяты въ полонъ, и осталось всего 3 человѣка, которые „считаютца по деревнямъ межъ дворъ, а на посадѣ дворы ихъ пожжены, и животы ихъ поиманы безъ остатку“. Этимъ 3-мъ вороначанамъ дано было право перезывать къ себѣ вольныхъ людей съ обѣщаніемъ льготы со 144 по 151 годъ, такъ что собрать налогъ для Приказа с. р. л. тамъ было не на комъ [1]). Въ Островѣ тоже всѣ 7 дворовъ оказались послѣ литовскаго разоренья 142 г. въ пустотѣ. Изъ островскихъ посадскихъ одинъ оказался живущимъ на мельницѣ Песецкаго монастыря въ Псковскомъ уѣздѣ, а другой въ Вышегородскомъ уѣздѣ въ Дубкахъ на погостѣ. Четверо островскихъ посадскихъ умерли, а семьи ихъ разбрелись по уѣзду. Пятый сшелъ безвѣстно [2]).

Обращаясь къ сѣверу, видимъ, что Дмитровъ, Ростовъ, Старица, Торжокъ, Ярославль, Галичъ, Соль Галицкая, Нарѳеньевъ, Бѣлоозеро и Вологда справились съ налогомъ удовлетворительно.

---

[1]) 1638 № 49 л. 17—20.

[2]) 1640 № 54 л. 35—37.

Замшка вышла въ районѣ сѣвернѣе широты Москвы и южнѣе широты Бѣлоозера только въ Твери, Переяславлѣ Залѣсскомъ, Костромѣ и на Унжѣ. Правда, въ Погорѣломъ Городищѣ 6 р. съ 3 посадскихъ дворовъ въ 147 г. были задержаны благодаря тому обстоятельству, что трое погорѣльцевъ заложились за В. П. Стрѣшнева, во многихъ мѣстахъ (ср. Гороховецъ, Ржева Володимірова) промышлявшаго этимъ дѣломъ. Вопросъ о закладчикахъ повлекъ энергичное разслѣдованіе. Приказъ с. р. л. снесся съ Сыскнымъ приказомъ, и послѣдній 27/VII потребовалъ закладчиковъ въ Москву для очной ставки съ другими погорѣльцами. Дѣло было рѣшено въ положительномъ смыслѣ и деньги съ закладчиковъ взысканы [1]). Въ Твери съ 42 посадскихъ людей налогъ въ 147 г. не былъ взятъ потому, что тверичи поставили нарядъ каменщиковъ къ государеву каменному строенію въ Желтиковѣ монастырѣ, — „съ постройкой церкви въ нынѣшнее лѣто Мина Грязевъ имъ писалъ съ опалою неоднова", и тверичи ихъ „отъ каменного дѣла взять и править на нихъ дворовыхъ денегъ не смѣли". Къ тому же послѣ писца многіе тверичи сошли въ разные городы. Какъ былъ ликвидированъ вопросъ — не знаемъ [2]). Въ 146 г. посадскіе люди Переяславля Залѣсскаго заплатили налогъ исправно, сборъ на 147 г. въ 148 г. былъ сложенъ съ нихъ въ видѣ особой милости, между тѣмъ въ 149 г. съ нихъ потребовали эти деньги, какъ допмку. Переяславцамъ пришлось снова хлопотать о сложеніи и выступить на этотъ разъ съ мотивированнымъ челобитьемъ. Въ своемъ челобитьѣ они писали: „Мы, с. т. г., тѣ деньги з двора по 2 рубля на 146-й годъ платили сполна, и отписи платежные въ томъ у насъ есть. А на 147-й годъ пожаловалъ ты, г., насъ, бѣдныхъ спротъ своихъ, для ради твоего царьскаго богомолья и пришествія, какъ твое г. пришествіе было въ Переславль, и для нашіе бѣдности въ тѣхъ денгахъ. По твоему г. указу на челобитной нашей подписано за помѣтою твоего г. думного діяка Ивана Гавренева — тѣхъ денегъ правити на насъ не велѣно. А нынѣ мы, с. т. государевы, бѣдные людишка, въ тѣхъ денгахъ стоимъ передъ губнымъ старостою всегда на правежѣ, животъ свой мучимъ, оплатится не-

[1]) 1639 № 14 л. 78—79 и 1640 № 54 л. 12.

[2]) 1639 № 14 л. 105—107.

чѣмъ отъ хлѣбные дороговп и отъ посошныхъ людей, какъ были подъ Смоленскимъ, и отъ пятенныхъ денегъ, и отъ четвертного большого письма, и отъ напрасныхъ продажъ всѣми обницали и великими кабальными долги иззадолжали. А лутчіе посатцкіе людишка послѣ писцовъ вымерли, а иные испостриглись, а дворишка ихъ иззапустѣли, и то ихъ тягло на насъ же легло, и намъ бѣднымъ достальнымъ сиротамъ твоимъ, стоячи на правежѣ, въ тѣхъ деньгахъ вконецъ пугинути, — посатцкіе людишка розбредутца розно". По докладу [29]/XI 149 г. сборъ Приказа с. р. л. былъ съ нихъ сложенъ [1]).

О поступленіи съ Костромы на 146 г. у насъ данныхъ нѣтъ, но въ 147 г. Кострома осилила только половину своего оклада— платежъ былъ, очевидно, не подъ силу. Подвигаясь далѣе къ сѣверу, мы встрѣчаемся съ фактами, указывающими на безсиліе населенія справиться съ заданіемъ Приказа с. р. л. Лишь послѣ энергичныхъ понуканій Приказу удалось получить налогъ съ Устюжны Желѣзопольской на 147 г. — „для конечнаго убожества" и разброда устюженцевъ налогъ съ нихъ на 147 г. удалось доправить только усленіемъ правежомъ [2]). Пустота помѣшала собрать въ 146 г. налогъ и съ посада Унжи. „Унжа посадъ, писалъ галицкій воевода кн. П. Щетининъ, пустъ, и унженъ посадскихъ людей давно нѣтъ ни одного". Въ отпискѣ, полученной в 152 г., новый воевода Тихонъ Тапѣевъ повторялъ: „на Унжѣ, г., на посадѣ посадскихъ людей нѣтъ, пусто, а которыхъ унжанъ бѣглыхъ посадскихъ людей указано взять изъ-за твоихъ г. бояръ, изъ-за окольничихъ, и изъ-за стольниковъ, и изъ-за стряпчихъ, и изъ-за дворянъ московскихъ, и изъ-за дьяковъ, и тѣ посадскіе люди еще не свезены, а которые и сыскапы и на Унжу приведены, и они и дворишковъ не построили, и твоихъ г. денегъ править не на комъ. Да у насъ же, х. т., въ твоемъ г. наказѣ, каковъ намъ данъ изъ Ямского приказу за припискою твоего г. дьяка Василья Яковлева, написано: покамѣста унженя посадскіе люди въ сыску и устроены будутъ на старыхъ своихъ тяглыхъ мѣстахъ, и съ нихъ твоихъ г. всякихъ денежныхъ доходовъ имать не велѣно, и имъ, посадскимъ людемъ, твое г. ка-

[1]) 1640 № 8 л. 233—4.
[2]) 1640 № 54 л 6—7.

лованье сказать велѣно, чтобъ они на твое г. жалованье надежны были, покамѣста ихъ вновь положатъ въ тягло по разсмотрѣнью, и до тѣхъ мѣстъ никакихъ твоихъ г. денежныхъ доходовъ править не велѣно, и памяти по приказомъ, въ Стрѣлецкой, и въ Большой приходъ, и въ Галицкую четверть, изъ Ямского приказа о томъ разосланы, и мы, х. т., противъ твоего указа и по наказу твое имъ г. жалованье сказали, которые сысканы и свезены...“ Въ Приказѣ положили такую резолюцію: „Чтена. Въ столпъ. Сыскать память Ямского приказу о томъ же и снести вмѣсто и тѣмъ тотъ посадъ въ смѣтѣ очистить“ [1]).

Съ совершенно унылой картиной мы встрѣчаемся на сѣверѣ государства. Пройдемъ по сѣверному краю съ запада на востокъ, просматривая послѣдовательно воеводскія отписки и челобитья, начиная Лопскими погостами и кончая Пермской землей. Вглядываясь ближе въ картину, раскрывшуюся передъ Приказомъ на всемъ огромномъ пространствѣ Поморскаго края, мы можемъ представить себѣ безотрадность впечатлѣнія московскихъ финансистовъ. Совершенное отсутствіе поступленія сборовъ съ Лопскихъ погостовъ съ конца 147 года указываетъ на изнеможеніе этого далекаго и бѣднаго края передъ несоразмѣрностью предъявленныхъ къ нему требованій. Отъ 146 г. къ 147 г. поступленіе сразу упало съ 50% оклада до 0. Такъ же унылы должны были быть впечатлѣнія отъ сбора налога въ Заонежьѣ. За 146—8 гг. заонежане не выплатили и половины оклада на 146 г. (48%), а къ погашенію оклада на 147 г. приступили не ранѣе 149 г. На Чарондѣ за 3 первые года сбора налога выбираютъ половину оклада на 146 г., и тоже только съ 149 г. замѣтны поступленія на 147 г. Чаронжане прямо заявили, что „вдругъ“ имъ заплатить „невозможно“. Съ Каргопольскаго посада, повидимому, не было взято ничего ни на 146 г. ни на 147 г. Каргопольскій у. выплатилъ за первые 2 года половину оклада на 146 г. да въ 147—8 гг. далъ 37% новаго оклада на 147 г., всего за 3 года—68% оклада на 146 г. Съ Турчасова собрали половину оклада 146 г. въ 146—7 гг. съ посада и съ уѣзда, а въ 147—8 гг.—39% уѣзднаго оклада 147 г.; всего за 3 года поступило 69% оклада на 146 г. На Тотьмѣ,

---

[1]) 1640 № 33 л. 75, 95—96.

несмотря на „неотложной правежъ“ и „великое поспѣшенье“ усерднаго воеводы, дѣло со сборомъ обстояло еще хуже. При сборѣ на 146 г. въ 146—7 гг. посадъ осилилъ 40% своего оклада, а уѣздъ—38%; при сборѣ на 147 г. въ 147—8 гг. посадъ—3%, а уѣздъ—13%. Такимъ образомъ, за 3 года Тотьма не справилась даже съ половиной оклада на одинъ 146 г.: посадъ далъ 44%, а уѣздъ—45%.

Сборъ налога на Тотемскомъ посадѣ осложнился вскрывшимся въ началѣ 149 г. антагонизмомъ между лучшими и черными людьми. Въ ноябрѣ 149 г. было доложено государю челобитье Семейки Симакина, поданное отъ имени черныхъ людей Тотемскаго посада. „Жалоба, г., писали тотьмичи намъ на тотмичъ же на посадцкихъ лутчихъ людей, на Дружину да на Іева Кубасовыхъ, да на Прокопья Мясникова, да на Дениса да на Ивана Матвѣевыхъ дѣтей Выдрина, да на Естеѳія Ѳирсова, на Тимоѳея Брагина, на Семена Орѣпова, на Ѳедора Яковлева, на Шестово Васильева, на Ермолу Олѳерева, на Игнатья Добрышина, на Григорья Одинцова, на Незговора Сидорова съ товарыщи. Въ прошломъ, г., въ 148-мъ году прислана на Тотьму твоя г. (*г. т.*) грамота къ Ивану Михайловичю Малыгину по Приказу збору ратныхъ людей за приписью твоего г. діака Василья Прокопьева. А по твоему г. указу и по грамотѣ велѣно Ивану Михайловичю Малыгину собрать съ Тотьмы съ посаду твоимъ г. ратнымъ людямъ на жалованье на 147-й годъ по писцовымъ книгамъ съ посадцкихъ и з бобыльскихъ з двухсотъ съ пятнадцати дворовъ з двора по 2 рубли, итого 430 рублевъ, да на прошлой 146-й годъ донять 240 рублевъ. И по твоему г. указу и по грамотѣ выбраны на Тотьмѣ къ твоему г. денежному збору твоимъ г. ратнымъ людемъ на жалованье цѣловальники Незговоръ Сидоровъ да Иванъ Ѳонасевъ. И тѣ, г., посадцкіе люди з дворовъ своихъ тѣ твои г. деньги противъ твоего г. указу платятъ по 2 рубля з двора, а на насъ, с. т., бѣднымъ людишкамъ, они, посадцкіе люди, велятъ имать деньги цѣловальникомъ противъ своихъ же дворовъ—з двора по 2 рубли, не розвытя поданно по окладнымъ книгамъ, а намъ, с. т., чернымъ людишкамъ, тѣхъ твоихъ г. денегъ противъ ихъ, посадцкихъ лутчихъ людей, не розвытя поданно, з двора по 2 рубли платить невозможно, потому что дво-

ришка наши и животишка съ ними, съ лутчими людьми, въ окладѣ промежъ собою верстаны, и всякіе твои г. денежные доходы, данные и оброчные деньги и стрѣлецкіе платимъ поданно по окладу. И въ прошломъ, г., во 148-мъ году по твоей г. грамотѣ велѣно деньги збирать твоимъ г. ратнымъ людямъ на жалованье з дворовъ, розвытя, чтобъ бѣднымъ людемъ передъ проѣзточными людьми тягости не было. И въ томъ же, г., во 148-мъ году по нашему челобитью, съ среднихъ и съ молотчихъ людишекъ, прислана на Тотьму въ съѣзжую избу къ воеводѣ къ Титу Дубровину твоя г. грамота изъ Приказу сбору ратныхъ людей, а по той твоей г. грамотѣ велѣно имъ, посадцкимъ лутчимъ людемъ, съ нами, съ посадцкими съ середними и съ молодчими съ черными людишками, тѣ твои г. деньги твоимъ г. ратнымъ людемъ на жалованье платить, розвытя з дворовъ поданно по окладнымъ книгамъ, какъ иные твои г. денежные доходы платимъ. Они, посадцкіе лутчіе люди, того прежнего твоего г. указу и грамоты не слушаютъ, чинятца силны и съ нами, съ черными людишками, тѣхъ твоихъ г. денегъ твоимъ г. ратнымъ людемъ на жалованье, розвытя поданно по окладу, не платятъ, верстаютъ противъ собя з двора по 2 рубля, и намъ, с. т., черномъ посадцкимъ людишкамъ, отъ нихъ, лутчихъ людей, утѣсненье и налоги чинятца великіе, и дворишками нашими и угодишками хотятъ завладѣть. И отъ ихъ, лутчихъ людей, утѣсненья и налоговъ мы, посадцкіе черные людишки, вконецъ погибли и жилые свои дворишки мечемъ и сами врознь бредемъ". Тотьмичи молодшіе люди просили разрѣшить имъ „платить, розвытя поданно по окладнымъ книгамъ", какъ они платали иные государевы денежные доходы и мірскіе поборы.

Приказъ сталъ рѣшительно на сторону черныхъ людей и отвѣчалъ грамотой на имя тотемскаго воеводы Ивана Михайловича Малыгина. „Въ прошлыхъ во 147-мъ и во 148-мъ и въ нынѣшнемъ во 149-мъ году писаны на Тотьму къ прежнимъ приказнымъ людемъ и къ тебѣ многіе наши грамоты, а велѣно отъ Тотьмы съ посаду и съ волостей на 146-й и на 147-й годъ деньги нашимъ ратнымъ людемъ собрати, а собравъ безъ недобору, прислати къ намъ къ Москвѣ. И вы и по ся мѣста тѣхъ многихъ денегъ не присылывали. И ты то дѣлаешь негораздо.

А нынѣ били намъ челомъ тотмичи, посадскіе молотчіе и бѣдные люди, что по нашему указу велѣно тотмичемъ посадцкимъ людемъ тѣ деньги збирати, поверстався противъ животовъ. И тотмичи де посадцкіе люди мимо нашего указу своимъ изволомъ правятъ на нихъ, молотчихъ и на бѣдныхъ людехъ, тѣхъ денегъ поворотно по 2 рубли з двора, а не противъ окладныхъ мірскихъ списковъ, какъ они окладываютца в-ные наши подати и во всякіе мірскіе розметы, аимъ де, бѣднымъ и молотчимъ, противъ лутчихъ и середнихъ людей поворотно тѣхъ денегъ платить невозможно, потому что они люди бѣдные [да и нашему де денежному збору въ томъ мѣшкота чинитца отъ тѣхъ же горлановъ, что они ихъ, бѣдныхъ людей, мучатъ для того, чтобъ имъ розбрестись, а имъ бы ихъ пустыми мѣсты владѣти. А прежніе де пустоты посадцкими мѣсты они-жъ горланы владѣютъ, косятъ сѣна, а они де, бѣдные люди, тѣмъ всѣмъ не владѣютъ ничѣмъ. А въ прежнихъ нашихъ грамотахъ написано: велѣно имъ, лутчимъ, и середнимъ, и молотчимъ, и бѣднымъ людемъ, платити, поверстався по животомъ и по промысломъ] [1]). И намъ бы ихъ пожаловати, не велѣти ихъ тѣмъ лутчимъ людемъ, выдать и съ Тотьмы съ посаду розогнати, велѣти бъ имъ въ тѣ деньги платить по ихъ мірскимъ окладомъ, какъ они платятъ в-ные наши всякіе подати и въ мірскіе розметы. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты-бъ съ тотмичъ съ посадцкихъ и съ уѣздныхъ людей нашимъ ратнымъ людемъ, съ посадцкихъ по 2 рубля з двора, а съ уѣздныхъ по рублю з двора на годъ, къ прежнему платежю на 146-й и на 147-й годъ собралъ, а на ослушникахъ доправилъ тотчасъ. А доправя, прислалъ къ намъ къ Москвѣ сполна безъ недобору. А велѣлъ имъ въ тѣхъ деньгахъ лутчимъ, и середнимъ, и молотчимъ, и бѣднымъ людемъ поверстатись по животомъ и по промысломъ противъ ихъ мірскихъ окладныхъ списковъ, какъ они окладываютца в-ные наши доходы и во всякіе мірскіе розметы: отъ прожиточныхъ людей, чтобъ молотчимъ и бѣднымъ людемъ отъ ябедниковъ и отъ горлановъ, отъ прожиточныхъ людей, въ томъ изгони никакіе не было, а тѣ были горланы и ябедники и лутчіе

[1]) Заключенное въ прямыя скобки приписано на оборотѣ, вѣроятно, со словъ челобитчиковъ.

и середніе люди в-избыляхъ не были. А будетъ и ябедники и горланы не учнутъ тѣхъ денегъ вскорѣ платити, и ты-бъ старостъ и цѣловальниковъ и лутчихъ людей противъ прежней нашей грамоты, сколько съ посаду и изъ волостей человѣкъ доведетца, велѣлъ вкинуть въ тюрьму и выпущать ихъ, покамѣста они тѣ всѣ деньги сполна заплатятъ, не велѣлъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7149-го ноября въ 28 де" [1]). Какъ это приказное предписаніе было проведено на практикѣ—не знаемъ.

Въ Устьянскихъ волостяхъ плательщики осилили 41% изъ оклада на 146 г., но, кажется, уже ничего не могли дать на 147 г. Не многимъ лучше обстояло дѣло на Устюгѣ. Изъ оклада на 146 г. за 2 года сбора Устюжскій посадъ заплатилъ 82%, а Устюжскій уѣздъ—30%; изъ оклада на 147 г. до конца 148 г. не поступило ничего, только въ мартѣ 149 г. было внесено 530 р. Въ отпискѣ, полученной въ Приказѣ 21/IV 149 г., устюжскій воевода М. Спѣшневъ объяснялъ и причины этого медленнаго поступленія: „а збираютца, г., тѣ твои г. дворовые деньги мѣшкотно потому, что отпущали посацкіе люди и уѣздные крестьяне въ Сибирь на Верхотурье твои г. хлѣбные запасы, да таможенной и кабацкой голова Иванъ Харламовъ збираетъ деньги на ямскіе отпуски на нынѣшней на 149-й годъ, да сотникъ московскихъ стрѣльцовъ Меркурей Якимовъ сыскиваетъ и на волостныхъ крестьянѣхъ правитъ московскихъ збѣглыхъ стрѣльцовъ, да другой сотникъ московскихъ-жъ стрѣльцовъ Иванъ Солоховъ правилъ московского запасу за прошлые годы большимъ правежемъ и за пустые деревни старые и новые пустоты и батоги крестьянъ билъ и въ тюрьму сажалъ и изо многихъ волостей крестьянъ жесточью и большимъ правежемъ ис своихъ посуловъ и поминковъ розогналъ, и въ томъ ево насильствѣ я, х. т., къ тебѣ, къ г., писалъ во Устюжскую четверть. А впередъ, г., тѣ твои дворовые деньги по окладу велю, что есть нынѣ на Устюгѣ на посадѣ и твоихъ г. волостѣхъ въ Устюжскомъ уѣздѣ, збрати неоплошно съ великимъ родѣніемъ, а на ослушникѣхъ и править. А сколько, г., соберу, и тѣ деньги пришлю къ тебѣ, къ г., тотчасъ. А править, г., жестокимъ правежемъ я, х. т., не смѣю, чтобъ посадцкихъ и волостныхъ крестьянъ жестокимъ правежемъ и достальныхъ не розогнати такъ же,

[1]) 1640 № 8 л. 223—7.

что и сотникъ Иванъ Солоховъ жестокимъ правежемъ многихъ крестьянъ розогналъ, и твоя бъ государьская вотчина была жила а не пустая, и крестьяне-бъ, видя твою государьскую къ себѣ милость, собирались на старые свои жеребьи и вновь селилися безстрашно", вразумительно заключалъ свою отписку Спѣшневъ[1]). Но Спѣшневу такъ и не пришлось прислать что-либо изъ этой доимки. Приказъ послалъ напоминаніе преемнику его М. Еропкину. Въ своемъ отвѣтѣ, полученномъ въ Приказѣ 7/VII 150 г., Еропкинъ указывалъ на то, что большая доимка на Устюгѣ по цѣлому ряду сборовъ, въ томъ числѣ и по сбору Приказа с. р. л., учинилась еще до его пріѣзда, а теперь онъ велѣлъ „збирать и править на выборныхъ людѣхъ нещадно" [2]). Въ челобитьѣ, обращенномъ въ Приказъ, устюжане уныло просили пощады и „милостиваго призрѣнія".

Малоутѣшительные результаты Приказъ встрѣтилъ у Соли Вычегодской. На 146 г. въ 146—7 гг. уѣздъ заплатилъ меньше половины своего оклада (41%), а съ посада только къ 149 г. смогли выбрать полный окладъ на 146 г. Въ октябрѣ 159 г. воевода И. Г. Злобинъ, посылая 187 р. 23 ал. 4 д. доимки, писалъ, что „въ волостяхъ крестьяне многіе оскудѣли и платятъ самыя малыя деньги съ великою нужею" [3]). Выколачиваніе очередного взноса доимки Приказу с. р. л. привело лѣтомъ 156 г. къ мятежу, описанному въ „Исторіи Россіи" С. М. Соловьева (Т. X, гл. 2). Такую же картину безсилія справиться съ окладомъ мы встрѣчаемъ и на Двинѣ. На 146 г. въ 146—7 гг. Двинскіе посады и уѣздъ дали 45% своего оклада да на 147 г. за 147—8 гг.—12% пониженнаго оклада (7% оклада 146 г.); всего—52% оклада 146 г. Воеводскія отписки рисуютъ намъ картину совершеннаго изнеможенія нѣкоторыхъ поселеній Двинскаго уѣзда. Для правежа налога съ замедлившихъ платежомъ Кулуйскаго (28 дв.) и Архангельскаго (115 дв.) посадовъ воевода Борисъ Шереметевъ да дьякъ Иванъ Ломакинъ въ началѣ 149 г. послали подъячаго и пристава. Возвратившись къ нимъ на Холмогоры, подъячій и приставъ сказали, „что де Кулуйсково посаду посадцкіе люди розбѣжалися и з женами и з дѣтми въ поморскіе волости и въ верховые городы, и тѣхъ де-

[1]) 1641 № 1 л. 23—24.
[2]) 1641 № 1 л. 71—73.
[3]) 1651 № 107 л. 28—29, 14.

негъ взять и доправить не на комъ. А у Архангельсково де города сыскали зборщика Семейку Ондреева да посадцкихъ людей, Еремку Нестерова съ товарыщи, 12 человѣкъ, и на нихъ взято г. ратнымъ людемъ на жалованье 36 рублевъ съ полтиною, а достальныхъ де денегъ на городовыхъ жилцахъ взять не на комъ, что достальные городовые жилцы з женами и з дѣтьми розбѣжались вро нь въ низовскіе и въ поморскіе волости и въ верховые городы". Воевода произвелъ разслѣдованіе, „для ч[ево] городовые жилцы розбѣжались врознь". Денежный сборщикъ и посадскіе люди объяснили ему: „напередъ сего до писца Мирона Вельяминова съ товарыщи платили они, городовые жилцы, въ г. казну только оброчные деньги, а иныхъ никоторыхъ г. денежныхъ доходовъ и з дворовъ подымныхъ денегъ не плачивали, а нынѣ де они, городовые жилцы, сверхъ твоихъ г. оброчныхъ денегъ платятъ за стрѣлецкіе хлѣбные запасы московскимъ стрѣльцамъ на жалованье да г. ратнымъ людемъ на жалованье, а послѣ де писца многіе городовые жильцы померли, а иные врознь розбрелися, и они де достальніе людишка платили за тѣхъ збѣглыхъ людей данные и оброчные деньги и московскимъ стрѣльцамъ за хлѣбные запасы и твоимъ г. ратнымъ людемъ на жалованье на прошлый на 146-й годъ да на 147-й годъ, и отъ того де и достальные городовые жильцы врознь розбрелись..." Воеводы поставили архангельскаго сборщика и посадскихъ людей на правежъ до государева указа Холмогорскіе посадскіе люди и двинскіе крестьяне попали на правежъ еще раньше [1]). Въ другой отпискѣ воевода сообщилъ, что, вслѣдствіе бѣгства крестьянъ Емецкаго стана, станъ этотъ не могъ заплатить 256 р., падавшихъ именно на „бѣглыхъ крестьянъ". Воевода не считалъ возможнымъ доправить доимку ни въ Холмогорахъ, ни въ Архангельскѣ, ни въ Емецкомъ стану, потому что „посадцкіе молотчіе людишка за бѣдностью послѣ писцовъ розбрелись, а Емецкаго стану крестьяне во 140-мъ году и во 141-мъ году и во 142-мъ году прежъ ихъ розбѣжались, и деревни и дворы ихъ стоятъ пусты, и данныхъ де и оброчныхъ денегъ и всякихъ денежныхъ доходовъ и по ся мѣстъ съ тѣхъ пустыхъ деревень и з дворовъ никто не платитъ". Воевода писалъ въ Приказъ о своемъ недоумѣніи: въ грамотѣ

[1]) 1610 № 54 л. 38—43.

къ нему не было написано, на комъ править доимку — „тѣхъ же посадовъ и волостей на достальныхъ людѣхъ, которые нынѣ въ лицахъ, или сряду на всѣхъ посадѣхъ и на волостѣхъ". „А посадцкіе люди, жаловался воевода, и волосные крестьяне за тѣхъ бѣглыхъ людей тѣхъ денегъ до г. указу не платятъ, а сказываются: только де имъ достальнымъ людемъ за бѣглыхъ людей доимочные деньги платить, и имъ де достальнымъ будетъ брести розно, и они де тѣхъ доимочныхъ денегъ на достальныхъ людѣхъ безъ г. указу править не смѣютъ, чтобы отъ того и достальные люди не розбрелись" [1]). Одновременно съ полученіемъ этихъ отписокъ начались и хлопоты въ Приказѣ самихъ посадскихъ людей. [5]/IV 149 г. было доложено государю челобитье „Архангельсково города осталыхъ бѣдныхъ людишекъ Кирилки Гнѣвашева съ товарыщи". Челобитчики объясняли, что ихъ лучшій человѣкъ [2]) Третьякъ Ботухинъ вскорѣ „измеръ", — „а твоего г. тягла онъ, Третьякъ, платилъ пятую долю противъ насъ всѣхъ жильцовъ. Да взятъ отъ насъ къ Москвѣ Ѳедоръ Абакумовъ въ сокошную сотню на житье, а отъ роду отъ нихъ Третьяка и Ѳедора въ тяглѣ не остался ихто. А розбрелось и измерло середніе статьи 16 человѣкъ, а достальные молотчіе людишка врознь розбрелись многіе, а нынѣ толке ихъ осталось всего 12 человѣкъ..." Архангелогородцы уплатили на оба года вмѣсто 460 р.—125 р. и били челомъ о сложеніи съ нихъ платежа за „умершіе пустые и выводные дворы", „чтобы впередъ г. податей и службъ не отбыть и врознь не розбрестися и досталь вконецъ не загинуть". По дѣлу былъ тогда же, въ апрѣлѣ 149 г., изготовленъ докладъ, но ему не удалось сообщить движенія, несмотря на рядъ повторныхъ челобитій, до октября 150 г. Дѣло было, по словамъ челобитчиковъ, „выписано", но лежало „на столѣ передъ г. дьяки передъ Васильемъ да передъ Михаиломъ Невѣровымъ по многое время". Челобитья наслаивались, покрываемыя однообразно резолюціей „взять къ выпискѣ". Волокита тянулась, повидимому, безплодно [3]). Вопросъ о Кулуйскомъ посадѣ и Емецкомъ станѣ всплылъ опять

---

[1]). 1641 № 52 л. 2—7.

[2]) На Архангельскомъ посадѣ въ 131 г. лучшимъ дворомъ былъ описанъ Третьякѣ Ботухинъ, да 20 дв. середнихъ, да 80 дв. молотчихъ, людей въ нихъ 170 ч.

[3]) 1641 № 52 л. 2—7.

въ 159 г. 16/I 159 г. Ѳедоръ Бутурлинъ и Ив. Селетцынъ писали въ Москву, что Архангельскаго города и Кулуйскаго посада посадскіе люди во 149 и 150 гг. „розбѣжались з женами и з дѣтми отъ тѣхъ збору за даточныхъ людей денегъ—потому тѣ достальные деньги и не взяты". „И прежніе воеводы и дьяки о томъ къ тебѣ, г., въ Приказъ з. р. л. писали, продолжала воеводская отписка, и обыски за руками и роспись допмочнымъ деньгамъ послали. Да и четвертные, г., многіе доходы съ Кулуйскаго посаду на посадцкихъ людѣхъ на прошлые годы въ допмкѣ многіе, а взять не на комъ. И въ смѣтныхъ двинскихъ спискахъ, каковы посыланы къ тебѣ, г., къ Москвѣ въ Новгородскую четверть, тѣ деньги, Кулуйсково посаду доходы, очищаютца пустотою. И по той твоей г. (*п. т.*) грамотѣ мы, х. т., въ тѣ посады и въ уѣзды, которыхъ посадовъ и Двинского уѣзду крестьяне тѣхъ денегъ не платили, послали приставовъ и велѣли на достальныхъ посадцкихъ людѣхъ и на крестьянѣхъ тѣ деньги править безъ пощады, и съ правежу, г., платятъ з большою нужею поневелпку. А что, г., тѣхъ допмочныхъ денегъ на посадцкихъ людѣхъ и на волостныхъ крестьянѣхъ доправлено, и впередъ доправятъ, и мы, х. т., тѣ деньги къ тебѣ, г., пришлемъ, а одпѣмъ, г., годомъ, тѣхъ допмочныхъ денегъ всѣхъ сполна на посадцкихъ людѣхъ и на волостныхъ крестьянѣхъ никоими обычаи за бѣдностью доправить немошно. А которые, г., посадцкіе люди и волостные крестьяне съ посадовъ своихъ и съ волостей за даточныхъ людей деньги платили сполна, и мы, х. т., тѣхъ достальныхъ денегъ на весь Двинской уѣздъ за пустые дворы и волости бес твоего г. указу розвытить и править не смѣемъ. И только, г., отъ того правежу Архангельсково города и Кулуйсково посаду посадцкіе люди и Емецкого стану и достальные крестьяне побредутъ врозпь, и намъ бы, х. т., въ томъ отъ тебя, г., въ опалѣ не быть". Приказъ принялъ подсказываемый выводъ. На отпискѣ положена резолюція: „159-го генваря въ 16 де. Окольничей князь Дмитрей Петровичъ Львовъ велѣлъ деньги збирать, смотря по людемъ: будетъ вдругъ собрати немочно, и имъ розвытить полѣтно" [1]). Такъ разореніе Двинскихъ посадовъ и уѣзда, въ значительной мѣрѣ вызванное

[1]) 1651 № 107 л. 67—71.

имѣшю этими сборами, засвидѣтельствовано нѣсколькими двинскими воеводами на протяженіи 12 лѣтъ.

Не лучше обстояло дѣло и въ Яренскомъ уѣздѣ. Яренскіе уѣздъ и посадъ заплатили за 3 года нѣсколько больше половины своего оклада на 146 г. (55%). Кеврола и Мезень погасили за это время 87% своего оклада 146 г. Каегородскіе посадъ и уѣздъ осилили изъ оклада на 146 г.—50%, а изъ пониженнаго оклада на 147 г. посадъ—39%, а уѣздъ—24%; всего за 3 года (146—8 гг.) изъ одного первопачальнаго оклада на 146 г. поступило 65%. Въ Перми Чердынь и Чердынскій уѣздъ справились за тотъ же промежутокъ времени съ 53% своихъ окладовъ на 146 г., но Солькамскъ и Усольскій уѣздъ только съ 31%. Вятка заплатила изъ оклада на 146 г. 34%, но потомъ платежъ, повидимому, рѣшительно пріостановился.

Выразительную картину наблюдаемъ въ самомъ дальнемъ сѣверо-восточномъ углу этого края—въ Пустозерскѣ и лежащихъ около него слободкахъ. Для оклада на 146 г. % поступленія былъ высокій, поднявшись до 80%, но какой цѣной онъ былъ купленъ! Пустозерскій воев. Аѳ. Ощеринъ получилъ грамоту о сборѣ съ Пустозерскаго посада и съ уѣзда въ февралѣ 146 г., при чемъ Приказъ поручалъ ему сначала произвести перепись дворамъ и потомъ уже приступить къ сбору. Сборъ съ Пустозерскаго посада Ощеринъ отправилъ въ Москву очень быстро—1-го марта, но въ находившіяся въ Пустозерскомъ уѣздѣ Усть-Цылемскую и Ижемскую слободки онъ попалъ только въ іюлѣ мѣсяцѣ,—„для того что Печера рѣка прошла въ Пустозерскомъ острогѣ, въ прошломъ въ 146-мъ году (отписка Ощерина относится уже къ 147 году), заговѣвъ Петрова поста на третьей недѣлѣ, а зимнымъ путемъ въ тѣ слободки ѣхати было... немочно, потому что зимнево пути въ тѣ слободки нѣту". Въ Усть-Цылемской слободкѣ Ощеринъ насчиталъ 15 тяглыхъ дворовъ, 11 нищихъ (изъ нихъ 5 вдовыхъ) да 10 дворовъ пустыхъ, а въ Ижемской слободкѣ—21 тяглый дворъ, 16 дворовъ нищихъ (изъ нихъ 4 вдовыхъ) да 14 дворовъ пустыхъ, изъ которыхъ „жилецкіе люди въ розныхъ годѣхъ отъ хлѣбные скудости, и отъ казачьихъ грабежовъ, и ото всякихъ проѣзжихъ служилыхъ людей отъ обидъ и ото всякого насильства розбрелись кормитца въ рускіе и въ сибирскіе городы". Пріѣхавъ въ слободки, Ощеринъ никого въ нихъ не нашелъ:

„жилецкихъ людей въ тѣ поры въ слободкахъ не было: жили для хлѣбные дороговизны на рыбныхъ ловляхъ по лѣшимъ озерамъ и по рѣчкамъ, и пришли съ озеръ и съ рѣчекъ самые малые люди въ іюлѣ жъ мѣсяцѣ для хлѣбные покупки, а иные остались кормитца на тѣхъ рыбныхъ ловляхъ, а хлѣба съ Руси пришло въ лоткахъ мало, купили въ тѣ поры четверть хлѣба въ полтретья рубля и болши, и того пришло съ Руси мало, купить было не у ково, и тѣ достальные крестьяня остались на, рыбныхъ ловляхъ, слыша то, что хлѣбъ учели купить дорогой, купить не у ково, съ озеръ и съ рѣчекъ въ слободки не пошли, кормятца на рѣчкахъ и на озерахъ рыбою и птицою, и борщемъ, и ребиповымъ листомъ". „А которые крестьяня въ тѣ слободки водянымъ путемъ пришли и твои государевы сибирскіе и мангазейскіе казны провадили, писалъ воевода, и какъ твои государевы казны до волоку провадили, и я, х. т., въ тѣхъ твоихъ государевыхъ дворовыхъ деньгахъ тѣхъ крестьяншекъ держу „на правежы: съ усть-целемскихъ съ 15 дворовъ доправилъ 15 рублевъ, а съ пжемскихъ съ 21 двора—21 рубль, и тѣ деньги и дворовые росписи послалъ къ тебѣ, государю, къ Москвѣ с-Ывашкомъ Хозяиновымъ въ нынѣшномъ во 147-мъ году, а въ достальныхъ деньгахъ устьцелемцы и пжемцы, которые крестьяня пришли въ слободы съ озеръ и съ рѣчекъ, стоятъ на правежѣ, помираютъ голодною смертью, а питаютца ребиновымъ листомъ и борщемъ и иною травою, и иные, государь, отъ голоду померли, а достальныя крестьяншка отъ казачьева грабежу и отъ всякихъ проѣзжыхъ служылыхъ людей ото всякого наспльства бредутъ врозпь. И какъ, государь, заключалъ воевода, достальные крестьяншка врознь розбредутца, и съ тѣхъ двухъ слободокъ подати и всякія твои государевы доходы и таможенные и кабацкія прибыли залягутъ во вѣки, и твоихъ государевыхъ и сибирскихъ казенъ проводити будетъ некимъ. Да въ Усть-Целемской слободкѣ 5 избъ вдовъ нищыхъ да 6 избъ нищихъ же, и съ тѣхъ со вдовъ и съ нищихъ твоихъ государевыхъ дворовыхъ денегъ не взято, потому что тѣ вдовы и нищіе скитаютца по міру и кормятца Христовымъ именемъ. А в-Ыжемской слободкѣ 4 избы вдовыи нищихъ да 12 избъ нищихъ же, и съ тѣхъ со вдовъ и съ нищихъ твоихъ государевыхъ дворовыхъ денегъ не взято жъ для

того, что тѣ вдовы и нищіе, скитаясь по міру, кормятца Христовымъ имянемъ". Воевода сообщалъ въ другой отпискѣ, присланной въ Москву одновременно съ только что цитированной, что „тѣ вдовы бѣдные, торговъ и промысловъ у нихъ нѣту", что онъ ихъ поставилъ на правежъ, но отъ хлѣбной скудости они помираютъ голодною смертью. Картина, нарисованная отпиской воеводы, была достаточно внушительна, однако въ Приказѣ она не произвела, повидимому, особеннаго впечатлѣнія, хотя о пустыхъ и нищихъ дворахъ и было выписано въ докладъ. Отвѣтная грамота изъ Приказа отъ $^{18}/_{II}$ 147 г., пересказавъ выразительную отписку Ощерина, заключала: „и какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ въ Пустозерскомъ острогѣ со вдовьихъ з 10 дворовъ да съ Усть-Цилемской и с-Ыжемской слободки со вдовъ достальные деньги и со вдовьихъ и съ нищихъ избъ нашимъ ратнымъ людемъ на жалованье за даточныхъ людей достальные деньги 'з двора по 2 рубли собралъ бы еси къ прежней присылкѣ вскорѣ, не замотчавъ, не дожидаясь о томъ иного нашего указу"... [1]).

Не больше половины предположеннаго оклада на *одинъ* 146 г. за 146—8 гг. заплатили Устюжскій у. (30%), Солигамскъ (31%), Вятка (34%), Устьянскія волости (41%), Сольвычегодскій у. (41%), Тотемскій посадъ (44%), Тотемскій у. (45%), Заопежье (48%), Лопскіе погосты (50%), Чаронда (50%); больше половины— Двина (52%), Чердынь (53%), Яренскій у. и Вымь Яренская (55%), Кай-городъ (65%), Каргопольскій у. (68%), Турчасовъ (69%), Пустозерскъ (80%), Устюжскій посадъ (82%), Кеврола и Мезень (87%); полный окладъ осилилъ одинъ только Сольвычегодскій посадъ.

Какъ дорого былъ купленъ сравнительно высокій процентъ поступленія съ Пустозерска и съ Двины — мы видѣли и можемъ догадываться, во что онъ обошелся въ Лопскихъ погостахъ. Сравнительно легче, если можно говорить здѣсь о легкости, справились со сборомъ на Тотьмѣ и въ Чердыни. Въ конечномъ счетѣ Приказъ получилъ съ Поморскаго края на оба года около 25% [2]) того, что первоначально разсчитывалъ полу-

[1]) 1638 № 62 л. 1—18.

[2]) Съ 49000, приблизительно, дворовъ слѣдовало на оба года взять 196000 р., а взято было около 48000 р.

чить въ оба сбора. Эти сборы прошли по сѣверу государства, какъ градовая туча, мѣстами произвели опустошеніе и вездѣ обнаружили временную безнадежность дальнѣйшихъ финансовыхъ нажимовъ на населеніе сѣверныхъ уѣздовъ.

5. Заключенія Приказа с. р. л. относительно сбора съ посадовъ, дворцовыхъ и черныхъ волостей.

Приказъ с. р. л. приступилъ къ своей операціи, повидимому, съ твердой увѣренностью въ ея выполнимости, требуя присылки окладовъ на 146 г. еще по зимнему пути 146 г. Вопросъ о мѣрахъ къ понужденію сбора, которыя должны были принимать воеводы, былъ обойденъ молчаніемъ — подразумѣвалось, что каждый отдѣльный воевода долженъ былъ самъ соображать, какъ ему дѣйствовать. Нѣкоторые воеводы, какъ, напр., пустозерскій А. Ощеринъ, приступили къ репрессіямъ, пустивъ въ ходъ батоги, немедленно же послѣ первой заминки въ поступленіи платежей. Чарондскій воевода Я. Вороновъ усомнился, какъ ему поступать, и запросилъ Приказъ, прибѣгать ли ему къ правежу. Приказъ въ началѣ 147 г. отвѣчалъ ему обычнымъ сердитымъ выговоромъ за „дурость и простоту“, требуя скорѣйшаго сбора и предостерегая противъ поноровки уѣзднымъ людямъ „для своей бездѣльной корысти“ [1]). Прибѣгалъ иногда Приказъ и къ попыткамъ нравственнаго воздѣйствія на населеніе. Такъ, владимірскій воевода по предписанію Приказа долженъ былъ обратиться къ владимірцамъ съ увѣщаніемъ, чтобы они сбирали деньги, и объяснить имъ, „что сборщиковъ государь съ Москвы для сбору тѣхъ денегъ не послалъ, жалѣя крестьянство, чтобъ имъ отъ сборщиковъ продажи и убытковъ не было“. Воевода долженъ былъ поставить это владимірцамъ на видъ, „чтобы они государево жалованье вѣдали“ [2]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ Приказа даются и иныя директивы, показывающія, что тамъ начали понимать непосильность заданнаго населенію требованія. Такъ, на запросъ бѣлевскаго воеводы Ст. Вельяминова о мѣрахъ понужденія Приказъ тоже въ началѣ 147 г. высказывается противъ правежа. На отпискѣ его положена помѣта: „Отписать, велѣть деньги посадскимъ людемъ збирать по прежнему государеву указу, а править

---

[1]) 1638 № 25 л. 15—19 и 66—67.

[2]) 1638 № 14 л. 127—130.

денегъ на посадскихъ людѣхъ не указано“ [1]). Правда, Бѣлевъ находился на засѣчной чертѣ и обслуживалъ лѣтомъ 146 г. ея реставрацію. Но уже съ мая 146 г. Приказъ долженъ былъ серьезно поставить вопросъ о коррективахъ къ своему заданію. Неутѣшительныя свѣдѣнія, поступавшія отъ воеводъ сѣверныхъ уѣздовъ заставили Приказъ круто перейти къ пониженію 2-рублевой ставки налога до 1 р. съ двора. Сначала, впрочемъ, Приказъ рѣшаетъ удержать 2-рублевую ставку для торговыхъ дворовъ, понижая окладъ до 1 р. только съ пашеннаго двора. Первоначально, еще въ маѣ 146 г., рѣшеніе было принято относительно Стародубскихъ и Курмышскихъ дворцовыхъ селъ, въ августѣ 146 г. оно было распространено „противъ государевыхъ дворцовыхъ селъ“ на Лопскіе погосты, въ концѣ октября 147 г. на Устюгъ, Тотьму, Чердынь, Соликамскъ, Кевролу, Мезень, Чаронду, Соль Вычегодскую, въ началѣ ноября на Двину, Кайгородъ, въ декабрѣ 147 г. на Ярепскій уѣздъ, Каргополь и Турчасовъ. Вѣроятно, не позднѣе осени 147 г. та же мѣра была распространена на Заонежье, Вятку и Сумерскую волость. Это распоряженіе Приказа вызвало на мѣстахъ недоумѣніе, такъ какъ никакого учета торговымъ дворамъ и общепринятаго критерія для ихъ выдѣленія не было. Въ большинствѣ случаевъ на это предложеніе Приказа мѣстныя власти до начала 148 г. не отвѣтили никакъ. Только въ одномъ-двухъ случаяхъ мѣстная власть дѣйствительно попыталась разыскать торговые дворы. Тотемскій воевода А. И. Большевъ послалъ въ Тотемскій уѣздъ разсыльщиковъ для разысканія торговыхъ людей и въ іюнѣ 147 г. препроводилъ сказки ихъ въ Москву. Игумены и старцы относительно монастырскихъ вотчинъ, земскіе старосты и цѣловальники относительно черныхъ волостей отвѣтъ дали очень неутѣшительный. Одинъ торговый человѣкъ нашелся въ тотемской Окологородной волости [2]); въ волости Демьяновой и на Кѣптурѣ крестьяне сказали, что у нихъ „Ашспмъ Стаховъ въ прошлыхъ годѣхъ при откупщикахъ при Миронѣ Дмитріевѣ съ товарыщи хмѣль невеликое мѣсто къ своему хмѣлю прикупилъ, а въ нынѣшнемъ

[1]) 1638 № 25 л. 68—70.

[2]) Ея соловары не шли въ учетъ, потому что они платили съ Тотемскимъ посадомъ.

въ 147 г. продалъ, а инымъ никакимъ товаромъ тотъ Анисимъ не торгуетъ, а иныхъ торговыхъ людей въ ихъ Демьяновой волости и въ Кѣптурской нѣтъ". Въ Вотчинской волости отыскали Гр. Прокопьева, торгующаго бѣлкой, кожами и всякимъ товаромъ. Въ Стрѣлецкой волости крестьяне сказали: „торговыхъ людей нѣтъ, а кои крестьяне продаютъ четверти по двѣ и по три и больши хлѣба, или хто продаетъ на полтину хмѣлю или и куль хмѣлю, и тѣ крестьяна тѣми деньгами платятъ государевы подати своихъ повытей". Въ Боровской волости крестьяне сказали: „торговыхъ людей нѣтъ, никуды торговать не ѣздятъ, лише де у насъ въ Боровской волости былъ дьячокъ Дружина Микитинъ, и тотъ Дружина на Бору и въ Заозерьѣ хмѣль у крестьянъ ималъ за долгъ, а отъѣзжимъ торгомъ никуды не ѣздилъ и съ хмѣлемъ. И что у него было хмѣлю, и онъ продалъ на дому". Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ отвѣтъ былъ однообразенъ и лакониченъ: торговыхъ людей нѣтъ, никуда торговать не ѣздитъ никто, съ города на городъ не ѣздятъ, никакимъ товаромъ не торгуютъ [1]).

Убѣдившись въ невозможности выдѣлить торговыхъ людей, Приказъ въ концѣ 147 г. и началѣ 148 г. устанавливаетъ для всего сѣвера однообразный принципъ: 2-рублевый окладъ былъ сохраненъ для посадскаго двора, а для пашеннаго двора онъ пониженъ до 1 р. Населеніе, если просмотрѣть поступленія 146 г., какъ будто и само пригоняло платежи именно къ такому расчету еще до рѣшенія Приказа. Впрочемъ, 2-рублевая ставка оказывалась часто непосильной на сѣверѣ и для посада, а для уѣзднаго населенія была непосильной и рублевая ставка, и Приказъ вынужденъ былъ принять другую мѣру для облегченія финансовой задачи: налогъ превращается въ ежегодный взносъ— „полѣтныя деньги". Мѣра эта была проведена на Тотьмѣ, у Соли Вычегодской, на Двинѣ, въ Кай-городѣ, Гороховцѣ, Арзамасѣ, Одоевѣ. Отъ мысли о переписи торговыхъ дворовъ незамѣтно переходятъ къ заключенію о необходимости обновить статистику населенія вообще. Перепись дворовъ была предпринята въ 146 г. въ Москвѣ [2]) и Пустозерскѣ, а позднѣе въ Турчасовѣ, на

---

[1]) 1639 № 14 л. 5—54.

[2]) Книга эта издана. Перепись въ Казани была предпринята еще въ 145 г. — по Владиміру кн. № 4 л. 148.

Тотьмѣ, въ Устьянскихъ волостяхъ, Заонежьѣ, Старопольѣ. Наконецъ, по мѣрѣ развитія операціи, отлагался нигдѣ въ дѣлопроизводствѣ Приказа с. р. л. не высказанный, но вездѣ подразумѣваемый и самый существенный выводъ о томъ, что платежныя силы населенія всего Сѣвера временно исчерпаны, и что всякіе дальнѣйшіе эксперименты въ этомъ направленіи пока безнадежны. Этотъ выводъ неизбѣжно долженъ былъ учитываться въ развитіи финансовой программы московскаго правительства съ начала 1640-хъ годовъ.

ГЛАВА V.

Приказъ сбора ратныхъ людей.

1. Темпъ приказной работы.

Темпъ приказной работы можно уловить, изучая теченіе проходившихъ черезъ Приказъ докладовъ государю. Разумѣется, рѣчь можетъ итти только о *сохранившихся* дѣлахъ и изъ сохранившихся—только о датированныхъ. Изучая датировку докладовъ челобитій служилыхъ людей, мы видимъ, что къ 146-му году относятся 475 докладовъ, къ 147 г.—242, къ 148 г.—69, къ 149 г.—74, къ 150 г.—37, къ 151 г.—18, къ 152 г.—24, къ 153 г.—44, къ 154 г.—36, къ 155 г.—4, къ 156 г.—6. Затѣмъ наступаетъ 5-лѣтній перерывъ, въ теченіе котораго совсѣмъ не было докладовъ, прошедшихъ черезъ Приказъ с. р. л. Затѣмъ, къ 161 г. относятся 59 докладовъ и къ 162 г.—2. Такимъ образомъ, главный напоръ дѣлъ на Приказъ относится къ первому году его работы, вѣрнѣе, даже къ первымъ мѣсяцамъ ея. Изучая распредѣленіе докладовъ по мѣсяцамъ въ 146 г., видимъ, что въ январѣ было сдѣлано 24 доклада, въ февралѣ—62, въ мартѣ—88, въ апрѣлѣ—140, въ маѣ—52, въ іюнѣ—30, въ іюлѣ—41, въ августѣ—21. О горячемъ темпѣ работы въ весенніе мѣсяцы 146 г. можемъ судить по тому, что въ мартѣ мѣсяцѣ докладовъ не было только 10, 24 и 25 числа, т.-е. въ субботу на 5-ой недѣлѣ поста, въ Великую субботу и въ Свѣтлое воскресеніе,—Пасха въ 146 году приходилась на 25 марта. Государь выслушивалъ доклады по дѣламъ Приказа с. р. л. и въ Вербную субботу (доклады по челобитьямъ Д. Кривского, Чириковыхъ и И. Грамотина; Чириковы и

Грамотинъ—вліятельныя лица) и въ Вербное воскресенье (дѣло Н. Талызина; Талызинъ—тоже вліятельный дьякъ). Въ Великій понедѣльникъ государь выслушалъ 8 дѣлъ, въ Великій вторникъ—10, въ Великую среду—1, въ Великій четвергъ—2 и въ Великую пятницу—6 (дѣла П. Данилова, Ж. Кондырева, кн. В. Щербатова, Ѳ. Дурпого, Г. Кирѣевскаго и А. Воронцова-Вельяминова). Въ апрѣлѣ ни одного доклада не было только 26-го числа. Подчеркиваю, что рѣчь идетъ только о *сохранившихся* дѣлахъ. Въ 147 г. на осенніе, зимніе и первые весенніе мѣсяцы приходится отъ 8 до 15 докладовъ; въ маѣ было сдѣлано 22 доклада, въ іюнѣ—57, въ іюлѣ—38: на лѣтніе мѣсяцы подаетъ начало второго сбора. Распредѣленіе дѣлъ по мѣсяцамъ въ другіе годы не представляетъ интереса [1]).

Судя по горячности, даже нѣкоторой судорожности темпа работы Приказа весной 146 г., можно думать, что дѣла эти въ столь большомъ количествѣ надвинулись нѣсколько неожиданно, и Приказъ былъ ими захваченъ врасплохъ: именно поэтому и пришлось съ такой чрезмѣрной настойчивостью утруждать государя безпрерывными обращеніями къ нему даже въ молитвенные дни Страстной седмицы. Постоянное обращеніе къ волѣ государя давало зато возможность быстро разрѣшать всѣ затруднительные случаи, не ломая долго головы надъ ихъ примиреніемъ съ общими нормами, регулировавшими сборъ: такъ была проведена первая практическая постановка идеи двороваго числа. Понятно, что при стремительности потока частныхъ случаевъ, проносившихся передъ умственнымъ взоромъ государя, ни о какомъ сознательномъ участіи его въ движеніи дѣлъ не могло быть и рѣчи: дѣла надвигались стихійной лавиной, и вся сила рѣшенія неизбѣжно переходила въ руки докладчика,—въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ руки И. А. Гавренева [2]), вершившаго судьбу челобитья своимъ согласіемъ или отказомъ доложить его и своей корявой помѣтой сообщавшаго движеніе дѣлу.

---

[1]) Въ столбцахъ дѣла разныхъ лѣтъ соединяются вмѣстѣ. Такъ, въ столбцѣ № 67 1637 г. находятся дѣла, доложенныя въ 149—153 гг., въ столбцѣ № 47 1638 г.—146—150 гг., № 68 1639 г.—147— 49 гг., № 55 1640 г.—147— 49 гг., № 56 1640 г.—147—153 гг., № 78 1640 г.—148—152 гг., № 48 1642 г.—149—153 гг. и т. д.

[2]) Біографическія данныя о Гавреневѣ см. въ моей работѣ „Засѣчная черта Московскаго государства“, гл. III.

2. Приказъ с. р. л. и мѣстная администрація.

Приказъ с. р. л. не имѣлъ собственныхъ органовъ на мѣстахъ, подобно, напримѣръ, приказамъ, собиравшимъ пятинныя деньги. Онъ долженъ былъ поручать выполненіе своихъ требованій обычнымъ органамъ мѣстной администраціи — воеводамъ, губнымъ и земскимъ старостамъ, дворцовымъ приказчикамъ, — къ нимъ обращался съ запросами и на нихъ возлагалъ отвѣтственность за исправность поступленій. Первые циркуляры о сборѣ, разосланные немедленно вслѣдъ за назначеніемъ сбора въ ноябрѣ и декабрѣ 146 года, были получены на мѣстахъ въ самыхъ глухихъ уѣздахъ не позднѣе января 146 года. Разрядъ изготовлялъ списки воеводъ и сообщалъ ихъ Приказу с. р. л., а Ямской приказъ доставлялъ свѣдѣнія о поверстномъ разстояніи отдѣльныхъ посадовъ и уѣздовъ и стоимости прогоновъ [1]). Уже съ іюля 146 г. пошли выговоры воеводамъ за промедленіе въ сборѣ. Кажется, что первый изъ отправленныхъ выговоровъ былъ предназначенъ для тотемскаго воеводы. Въ ноябрѣ 147 г. были разосланы циркулярныя напоминанія о доимкѣ вмѣстѣ съ выговорами на Вологду на Луки Великіе, въ Лихвинъ, Мещовскъ и другія мѣстности. Эти циркулярные выговоры, разбрасываемые по разнымъ направленіямъ, идутъ черезъ весь 147-й годъ. Въ 148 и 149 гг. они датированы октябремъ и ноябремъ; въ 150 году—мартомъ. Отъ слѣдующихъ лѣтъ (150 –157 гг.) циркуляровъ не сохранилось: Приказъ ограничивался, повидимому, въ эти годы отдѣльными спорадическими напоминаніями. Къ 158 г. относятся циркуляры о доимкѣ по цѣлому ряду мѣстностей: по Коломенскому у., Сольвычегодску, Нижнему Новгороду, Гороховцу, Вологодскому уѣзду, Одоевскому уѣзду и др. [2]). Въ началѣ 159 года опять былъ разосланъ рядъ грамотъ о собираніи доимки. Отъ 160 года грамотъ съ напоминаніями не дошло, но, судя по одновременному энергичному правежу съ боровскихъ, вологодскихъ и ярославскихъ вдовъ и недорослей и съ Двины, можно предположить, что были разосланы энергичныя циркулярныя напоминанія о доимкѣ. Въ

---

[1]) Напр., въ 148 г. 1639 № 35 л. 26—28.

[2]) 1651 № 107.

161 г. посланы были напоминанія о сборѣ съ Кашинскаго, Лухскаго и Нижегородскаго уѣздовъ.

Приказъ с. р. л. дѣйствовалъ какъ бы порывами и толчками, то задремывая, то переходя къ суетливой дѣятельности. Вѣролтно, пріостановки и пережиданія въ дѣятельности Приказа были обычно вызываемы учетомъ мѣстныхъ обстоятельствъ, когда Приказъ зналъ, что доимку нельзя взыскать, и безполезно напоминать о ней. Но нерѣдко, повидимому, ослабленіе дѣятельности Приказа обусловливалось и просто его временной спячкой, тѣмъ, что онъ забывалъ о нѣкоторыхъ изъ своихъ недоимщиковъ. Выведенный изъ своей разсѣянной дремоты иной разъ отпиской мѣстной власти, неосторожно напомнившей ему о доимкѣ, препровождая часть ея, онъ вдругъ принимался требовать доимку цѣликомъ, точно задремавшій и встрепенувшійся на ухабѣ возница, сгоряча и не разобравъ дѣла берущійся за свой кнутъ [1]). Безхарактерная и нерѣдко взбалмошная политика Приказа не могла, однако, внушать никакихъ иллюзій плательщикамъ: они не должны были забывать о томъ, что гдѣ-то тамъ, въ Москвѣ, надъ ними бдѣло око Приказа, и по привычкѣ къ московскимъ порядкамъ не могли не знать, что рано или поздно ихъ доимочные грѣхи Приказъ с. р. л. припомнитъ.

Выговоры, составляемые Приказомъ, редактировались довольно однообразно по готовому шаблону. Иногда, впрочемъ, можно прослѣдить самый процессъ ихъ составленія и увидать, какъ выговоръ развивается изъ помѣты. Яковъ Вороновъ въ іюнѣ 146 г. прислалъ съ Чаронды вмѣсто 3306 р. 25 ал. только 475 р. 8 ал. 2 д. „Чаронжане сказали мнѣ, х. т., писалъ воевода, что тѣхъ твоихъ г. дворовыхъ денежныхъ доходовъ вдругъ имъ заплатить невозможно, а правежемъ, г., мнѣ, х. т., тѣхъ твоихъ г. дворовыхъ денегъ править не указано“. Воевода, свидѣтельствуя свое усердіе, прибавлялъ, что доимку онъ велѣлъ сбирать „наспѣхъ, безо всякіе понаровки, все сполна“. Дьякъ помѣтилъ: „Взять деньги и въ приходъ записать подъячему Васькѣ Михайлову, а о достальныхъ деньгахъ послати г. грамота къ воеводѣ, а велѣть писать съ осудою: дѣлаетъ негораздо, о государевомъ

---

[1]) См., напр., сборъ съ Михайлова, съ новгородскаго рядка Псковца.

дѣлѣ не радѣетъ, своею дуростью и простотою денежнымъ сборомъ замотчалъ, а прислалъ деньги немногія. И нынѣ велѣть тотчасъ достальные деньги собрать по окладу сполна и... прислать къ государю къ Москвѣ наспѣхъ и срока въ томъ не давать, а будетъ замотчаетъ присылкой, и тѣ деньги по г. указу доправлены будутъ на немъ безо всякіе пощады". На оборотѣ дьякъ распространилъ проектъ выговора болѣе энергичными выраженіями—„не давая въ томъ посадцкимъ людемъ сроковъ для своей бездѣльной корысти"—и присоединилъ къ этому на поляхъ меланхолическій вздохъ: „изми мя, Господи, отъ человѣка лукава". Разработанный на эти мотивы текстъ выговора и былъ отправленъ Воронову $^{31}/_{X}$ 147 г. [1]).

Уже въ ноябрьскихъ циркулярныхъ выговорахъ 147 г. Приказъ прибавлялъ упреки за „дурость и бездѣльную корысть" и шаблонныя угрозы „дворянином добрымъ" съ присовокупленіемъ въ особо важныхъ случаяхъ упоминанія о „многихъ подводахъ", на которыхъ онъ долженъ былъ пріѣхать. Впрочемъ, по приказанію Приказа с. р. л. этотъ „добрый дворяшинъ на многихъ подводахъ", кажется, ни разу никуда не ѣздилъ.

Тонъ выговора мѣняется, смотря по тому, къ кому онъ обращенъ. Земскимъ судейкамъ Устьянскихъ волостей, оставившимъ въ доимкѣ изъ 1938 р., потребованныхъ Приказомъ съ волостей, 1696 р. 59 ал., и не описавшимъ вновь, какъ того требовалъ Приказъ, Никольской, Введенской и Дмитровской сошекъ, Приказъ пишетъ: „а будетъ вы тѣхъ денегъ не зберете и къ намъ къ Москвѣ не пришлете, и мы для того денежнаго збору пошлемъ нарошно дворянина добра на многихъ подводахъ и велимъ тѣ недоборныя деньги и прогоны доправити на васъ вдвое безъ пощады, да вамъ же за то быти отъ насъ въ великой опалѣ и въ жестокомъ наказаньѣ". Грамоту велѣно было списать и честь изъ волости въ волость [2]). Въ Козельскъ воеводѣ Ив. Ѳед. Кутузову, не прислалшему ничего до $^{7}/_{VIII}$ 147 г. въ отвѣтъ на требованіе отъ $^{36}/_{IV}$ 147 г., Приказъ пишетъ: „то дѣлаешь неговаздо—о нашемъ и земскомъ дѣлѣ не радѣешь, то наше дѣло поставилъ себѣ въ оплошку, тѣмъ денежнымъ сборомъ присыл-

[1]) 1638 № 25 л. 15—19.
[2]) 1638 № 25 л. 52—54.

кою замотчалъ". Первоначально вписанныя слова—„для своей бездѣльной корысти, и въ томъ твоемъ нерадѣньѣ нашимъ ратнымъ людемъ въ нашемъ денежномъ жалованьѣ и въ кормѣхъ чинится волокита и въ ратномъ дѣлѣ нарушенье"—при окончательномъ редактированіи вычеркнуты [1]).

Въ началѣ 148 года было составлено и разослано циркулярное напоминаніе о доимкѣ длинному ряду воеводъ (во Владиміръ, Зубцовъ, на Двину, Ладогу, Опочку, Кай, Каргополь, Турчасовъ, Буй-городъ, Кострому, Ярославецъ Малый, Муромъ, Одоевъ, Вымь и др.). Указъ былъ тщательно проредактированъ Приказомъ, и была составлена особая „образцовая полная грамота", первоначально написанная на имя владимірскаго воеводы Дм. Сабурова. Одновременно владимірскому губному старостѣ Степану Савину было предписано взыскать съ Сабурова прогоны за доставку грамотъ. Грамота воеводѣ, разсказавъ о назначеніи сбора, заключала: „...и ты тѣхъ денегъ (т.-е. сбора Приказа с. р. л.), норовя володимерцомъ посадцкимъ людемъ, для своей бездѣльной корысти съ нихъ не собралъ и къ намъ къ Москвѣ сентября по... число нынѣшняго 148-го году не присылывалъ. И ты то дѣлаешь негораздо, нашимъ и земскимъ дѣломъ не радѣешь, поставилъ себѣ въ оплошку, и въ томъ твоемъ нерадѣньѣ и въ мотчаньѣ нашему и земскому ратному дѣлу чинитца волокита, и мы указали на тебѣ за поноровку доправить прогоны отъ Москвы до Володимера и назадъ до Москвы..." На проектѣ этой грамоты было приписано: „да и въ иные городы къ воеводамъ, которые воеводы не-боярскихъ родовъ, писать по той же образцовой грамотѣ. А въ которыхъ городѣхъ воеводы боярскихъ родовъ, и къ тѣмъ писать съ осудомъ полехче,—написать образцовая иная грамота". Вѣроятно, согласно съ этой „иной грамотой" и былъ редактированъ выговоръ двинскому воеводѣ Борису Петровичу Шереметеву. Воеводѣ предписывалось между прочимъ' чтобы онъ „отъ тѣхъ доимочныхъ денегъ посуловъ и поминковъ ничего не ималъ никоторыми дѣлы". „А только вы учнете посадскимъ и уѣздным волостнымъ людемъ норовить, кончала грамота, денегъ вскорѣ не сберете и къ намъ къ Москвѣ не пришлете, и

[1]) 1639 № 35 л. 7—8.

вамъ за то быть отъ насъ въ опалѣ". Но на полѣ проекта помѣчено: „не пис." [1]).

Иногда выговоръ попадалъ совсѣмъ не по адресу. Въ ноябрѣ 149 г. одоевскому воеводѣ былъ отправленъ выговоръ за медлительность въ сборѣ. Въ своей отпискѣ воевода Кондыревъ, пересказавъ полученную суровую грамоту Приказа, отвѣчалъ ему: „и въ прошломъ, г., во 147 году я, х. т., на твоей г. службѣ въ Одоевѣ не былъ, а пріѣхалъ я, х. т., на твою г. службу въ Одоевъ въ прошломъ во 148 г. марта въ 20-й день на Ѳедорово мѣсто Павлова, и ко мнѣ, х. т., о томъ въ прошломъ въ 148 г. изъ Приказа с. р. л. ни одной твоей г. грамоты не прислано, и мнѣ, х. т., съ Одоевскаго уѣзда со вдовъ и съ недорослей денегъ сбирати было напередъ сево и нынѣ собрати не по чему, и о томъ, г., мнѣ, х. с., что ты, г., укажешь" [2]). Приказъ не былъ увѣренъ въ томъ, была ли уже послана соотвѣтствующая грамота. Помѣта на этой отпискѣ гласитъ: „Сыскать: будетъ писано къ прежнимъ воеводамъ, и ему потому и написать, чтобъ сыскалъ роспись и по той сбиралъ, а будетъ не писано къ прежнимъ, и роспись написать вновь да послать". Не всегда и воевода былъ въ курсѣ того, что отъ его имени сообщалось въ Приказъ. Уже къ самому концу дѣятельности Приказа, въ 161 году, тульскій воевода Осипъ Сухотинъ, которому поручено было собрать съ Тульскаго уѣзда 30 р. съ полтиною, очевидно, не заглянулъ въ отправляемую отъ его имени отписку подъячаго. Въ отпискѣ воеводы цифра доимки, ему сообщенная Приказомъ, была повторена полностью, — воевода писалъ, что онъ препровождаетъ въ Приказъ $30^1/_2$ р. Между тѣмъ въ прилагаемой къ отпискѣ росписи говорилось только о дѣйствительно собранной суммѣ — 23 р. съ полтиной. Дьякъ Невѣровъ положилъ такую резолюцію: „Деньги въ приходъ, а отписка въ столпъ, а къ... отписать негораздомъ: въ отпискѣ 30 р., а въ росписи 23 р. съ полт." Какъ это „негораздомъ" было переработано въ официальную бумагу—невидно [3]).

[1]) Не писать? 1639 № 35 л. 29—38, ср. 86—88 сл. Мнѣ встрѣтилось аналогичное напоминаніе о болѣе мягкомъ отношеніи къ знатнымъ недоимщикамъ даже въ 160 г. Дьякъ помѣтилъ: „160 г. іюля въ 20 де. По доимочнымъ росписямъ, опричь бояръ и околничихъ и знатныхъ боярскихъ родовъ людей, посылати во всѣ городы государевы грамоты". 1652 № 120 л. 100.

[2]) 1639 № 35 лл. 70—71. Ср. 1641 № 52 л. 16 сл.

[3]) 1643 № 42 л. 259.

Съ губными старостами церемонились меньше, чѣмъ съ воеводами. Дмитровскій губной староста Второй Шестаковъ собиралъ съ дмитровскихъ вдовъ и недорослей въ 150 г. доимку на 146—7 гг. Недоборныя деньги сначала взималъ предшественникъ Шестакова Иванъ Софоновъ, но онъ умеръ, не кончивъ сбора. Часть денегъ оказалась—неизвѣстно, гдѣ. Собирая деньги, Второй наткнулся на непокорную вдову Нащокину, съ которой надо было взыскать 2 р. „И по твоей г. грамотѣ я, х. т., писалъ губной староста, для тѣхъ денегъ разсыльщика Ѳедьку Андреева посылалъ многажды, и дмитровскій разсыльщикъ мнѣ, х. т., пріѣхавъ, сказалъ: та де вдова Татьяна да сынъ ея Иванъ твого г. указа не послушали, въ Дмитровъ съ деньгами не поѣхали, учинились сильны...“ Недовольный отсутствіемъ административнаго усердія и неяснымъ изображеніемъ Шестаковымъ хода взиманія съ дмитровскихъ вдовъ и недорослей, дьякъ положилъ такую резолюцію: „Деньги въ приходъ, а отписка въ столпъ, а къ губному отписать, что онъ съ ума сбрелъ. Велѣно ему написати роспись, съ кого сколько денегъ указано взять, и хто тѣ деньги взялъ, и съ кѣмъ послалъ, и есть ли отпись и за чьею приписью. А у кого отписи московской нѣтъ, на тѣхъ деньги собрать, а на огурщикахъ доправить, а непослушниковъ велѣти на торгу поимать людей ихъ и крестьянъ и тѣ деньги доправить, а не доправитъ и вскорѣ противъ прежней грамоты не пришлетъ, и для тѣхъ денегъ и къ очищенью роспись пошлютъ нарочнаго, велятъ на немъ тѣ деньги...“ (такъ!). Эта помѣта переработана въ выразительную грамоту: „И ты, Второй, большое съ ума сбрелъ или пишешь къ намъ пьянствомъ“... Приказъ пересказываетъ свою прежнюю грамоту, требующую не только сбора доимки, но и представленія ясной отчетности [1]).

Но и мѣстная администрація не оставалась въ долгу передъ Приказомъ, читая ему по временамъ наставленія въ финансовой политикѣ. Такъ, пустозерскій воевода, разъясняя всю непосильность возложеннаго на Пустозерскъ податного бремени, писалъ въ цитированной уже отпискѣ, что, если взыскать съ Усть-Цылемской и Ижемской слободокъ то, что требовалъ Прпказъ, то „достальные крестьянишка врозпь разбредутца,

[1]) 1641 № 1 л. 82—87.

и съ тѣхъ двухъ слободокъ подати и всякіе государевы доходы и таможенныя и кабацкія прибыли залягутъ во вѣки, и государевыхъ сибирскихъ казенъ отъ Ижемской слободки до волоку проводити будетъ некимъ...“ [1])

3. Злоупотребленія со сборомъ и доставкой денегъ въ Приказъ.

Кромѣ борьбы съ медлительностью мѣстныхъ властей, Приказъ долженъ былъ бороться съ ихъ злоупотребленіями. Главныя злоупотребленія замѣтны не въ моментъ сбора, а при операціяхъ съ собранными суммами, при ихъ регистраціи, передачѣ въ Приказъ, и задѣваютъ интересъ не самихъ облагаемыхъ непосредственно, а интересъ Приказа [2]). Такъ, кашинскій губной староста Лука Шатиловъ не дослалъ въ Приказъ 1 р. изъ собранныхъ денегъ, сдѣлавъ попытку обсчитать Приказъ при сдачѣ сбора [3]). Дмитровскій губной староста Ив. Софоновъ сумѣлъ до 151 г. не сдать денегъ, собранныхъ еще въ 146—7 гг., и успѣлъ умереть, не подвергнувшись за это отвѣтственности. Часть сбора исчезла при этомъ безслѣдно [4]). Въ Луху губной староста Бѣленихинъ задержалъ сборъ даже до 161 г., и отчета съ него Приказу такъ и не удалось получить, между тѣмъ какъ его преемникъ Изотъ Мякининъ, которому пришлось ликвидировать эту доимку, наткнулся на расписки, выданныя Бѣленихинымъ въ полученіяхъ, недоставленныхъ, однако, Приказу [5]).

Злоупотребленія особенно развивались около передачи собранныхъ суммъ съ мѣста въ Приказъ. Произошелъ, напримѣръ, рядъ растратъ, совершенныхъ выборными отъ чернаго населенія. Новгородскихъ возчиковъ, доставлявшихъ въ Приказъ с. р. л. въ апрѣлѣ 146 г. сборъ съ Сумерской волости, Приказу пришлось оштрафовать на 10 р. 15 ал. 4 д. за то, что въ доставленномъ ими сборѣ оказались мѣдныя деньги, какія-то „корѣлки“;

---

[1]) 1638 № 62 л. 1—8.

[2]) Изрѣдка встрѣчаются факты злоупотребленій самихъ плательщиковъ. Ряжскій воевода О. Аничковъ сообщалъ Приказу, напр., что при сборѣ налога въ уѣздѣ дядя „ухоронилъ“ 1 дворъ, принадлежавшій его племянникамъ. 1638 № 24 л. 204—208.

[3]) 1638 № 24 л. 209—213.

[4]) 1641 № 1 л. 82—85.

[5]) 1643 № 42 л. 270—284.

приставленный къ сбору изъ В. Новгорода цѣловальникъ Обакумко благоразумно въ Москву не явился. Въ Приказѣ положили такую резолюцію: „146 г. апрѣля въ 7 де. Дать государева грамота, велѣть, на цѣловальникѣ деньги доправя, отдать [1]), и будетъ такъ, какъ бьютъ челомъ". Соотвѣтствующая грамота послана въ Новгородъ Якову Матюшкину [11]/IV 146 г. [2]). Цѣловальникъ, отвозившій сборъ съ Гороховца, не доставилъ по назначенію 6 р. [3]). Въ Устюгѣ злоупотребленія оказались сложнѣе. Вотъ что разсказываютъ въ своей отпискѣ отъ [16]/I 152 г. Андрей Волынскій и Богданъ Михайловъ,—дѣло шло о доимкѣ 2986 р. 12 ал. 5 д. на 146 г. и 5231 р. 26 ал. 4 д. на 147 г. „И въ разныхъ, г., волостяхъ земскіе судейки и цѣловальники и крестьяне сказали, что у нихъ тѣ деньги въ розметѣ были, собрали ихъ же волостные прошлые цѣловальники въ тѣ же годы, и тѣ де деньги у тѣхъ волостныхъ сборщиковъ, а въ иныхъ, г., волостяхъ сказали, что тѣ деньги и въ сборѣ не бывали. И мы, х. т., велѣли тѣхъ прошлыхъ цѣловальниковъ сыскать, и тѣ цѣловальники, которыхъ сыскали, деньги у себя сказали, и нынѣ въ твою г. казну уплатили съ правежомъ при насъ, х. т., а иные цѣловальники сказали, что у нихъ тѣ сборные деньги разошлись въ иные твои г. доходы, и въ тѣхъ волостяхъ велѣли мы, х. т., тѣ деньги сбирать"... [4]).

Плутовали и подъячіе. Новгородскій подъячій Аханатковъ собирался наградить Приказъ мѣдной монетой на 11 р. (изъ сбора въ 1073 р.), но въ Приказѣ мѣдныхъ монетъ у него не взяли и безъ дальнихъ размышленій поставили его на правежъ. Аханатковъ не возражалъ противъ справедливости сдѣланнаго начета и правежа и просилъ лишь о томъ, чтобы его отпустили въ Новгородъ,—„а въ заѣздѣ будучи, писалъ онъ, мнѣ окупитца въ тѣхъ деньгахъ нечѣмъ... Вели, г., тѣ деньги одиннадцать рублевъ взяти на мнѣ въ В. Новгородѣ з достальными такими же сборными деньгами вмѣстѣ, чтобъ мнѣ, х. т., здѣся (т.-е. въ Москвѣ) на правежѣ убиту не быть и голодною смертью не поме-

---

[1]) Т.-е. вернуть оштрафованнымъ въ Приказѣ возчикамъ.

[2]) 1638 № 62 л. 24—27.

[3]) 1643 № 42 л. 186.

[4]) 1643 № 42 л. 27—28, 1642 № 4 лл. 1—3.

реть“ [1]). Челобитье новгородскаго подъячаго по докладу думнаго дьяка Михаила Данилова было удовлетворено: „147 октября въ 29 де. Государь пожаловалъ, велѣлъ взять деньги на немъ въ В. Новгородѣ“.—Галицкій воевода Ѳ. Татищевъ, явившись весной 149 г. въ Галичъ, нашелъ въ съѣзжей избѣ у подъячаго Ефима Кусынина сбора съ галицкихъ вдовъ и недорослей 35 р. съ полтиною, да изъ того же сбора губной староста Андреянъ Черевинъ „взялъ“ 20 р., да у подъячаго съѣзжей избы Фильки Шалимова оказалось 35 р. съ полтиною. Между тѣмъ по приходнымъ книгамъ у Фильки значилось 55 р. съ полтиной. Филька оправдывался тѣмъ, что 20 р. у него взялъ отецъ Ефима Кусынина, подъячій Ѳедоръ Кусынинъ. Воевода извинялся передъ Приказомъ въ промедленіи: „преже сево не писано, что я, х. т., засталъ въ Галичѣ зборныхъ денегъ 146-го году, потому своровалъ подъячій, прописалъ, а я, х. т., грамотѣ не умѣю“. Отписка Татищева была получена въ Москвѣ $^{31}/_{V}$ 149 г. Въ Приказѣ немедленно распорядились сыскать Кусынина, и уже $^{1}/_{VI}$ приставъ П. Прокофьевъ нашелъ его: Кусынинъ оказался „за приставомъ“ по какимъ-то другимъ обвиненіямъ въ Ямскомъ приказѣ. Дьяки Ямского приказа В. Яковлевъ и Н. Демидовъ сказали, что „тотъ галицкій подъячей въ зборныхъ (деньгахъ) Ямскому приказу данъ за пристава, а какъ до него въ Ямскомъ приказѣ дѣла не будетъ, и они его въ Приказъ збору ратныхъ людей пришлютъ“. $^{25}/_{VI}$ Приказъ с. р. л. запросилъ Ямской приказъ, какое новое обвиненіе тяготѣетъ надъ Кусынинымъ и просилъ прислать его къ себѣ, — „какъ до него у васъ въ приказѣ дѣла не будетъ“. Чѣмъ кончилось дѣло, невидно [2]).—Въ Тулѣ воевода Дороѳей Остафьевъ никакъ не могъ вытребовать сбора отъ подъячаго Бабкина и сообщилъ о своемъ безпомощномъ положеніи и непокорности подъячаго въ Приказъ. Приказъ не внялъ жалобѣ воеводы, положивъ такую резолюцію: „Къ воеводѣ отписать—то онъ дѣлаетъ негораздо. Писано къ нему, велѣно подъячаго бить кнутомъ, а деньги, что у него собрано, прислать къ г.“ [3]).—Сложное мошенничество организовали костромскіе подъячіе. Въ началѣ 152 г. въ Приказѣ спохватились, что съ Костромского уѣзда получено мало сбора. Приказъ

[1]) 1638 № 49 л. 9—11.
[2]) 1641. № 18 л. 1—2.
[3]) 1642 № 4 л. 69—70.

распорядился навести черезъ воеводу Вас. Тюфякина у подъячаго костромской съѣзжей избы Саввы Ѳедорова съ товарищи справку, почему прежніе воеводы Иванъ Колычевъ и кн. Андрей Дѣевъ не собрали денегъ. Тюфякинъ отвѣчалъ, что доимочныя деньги подъячими Ѳедоровымъ и Судаковымъ были собраны и отправлены въ Приказъ, о чемъ имѣются расписки изъ Приказа за рукою самого Мих. Невѣрова. Въ Приказѣ всполошились и сообщили воеводѣ, что расписки Невѣрова подложны, что это—„грамота непрямая“, и приказали разсыльщика Петрушку Шишкина, доставлявшаго въ Москву деньги, а въ Кострому расписки, отправить за поруками въ Москву [1]). Изъ позднѣйшей отписки другого костромского воеводы Ивана Стрѣшнева узнаемъ, что разсыльщикъ Шишкинъ былъ, повидимому, въ стачкѣ съ подъячимъ Судаковымъ. Судаковъ умеръ до ревизіи. Ящикъ его былъ обревизованъ воеводой. Открылось, что Судаковъ собранныя деньги пукналъ въ оборотъ. Воеводѣ велѣно было изъ Приказа: „по тѣмъ книгамъ и по росписямъ и по долговымъ памятемъ сбирать за даточныхъ людей деньги (недоборъ Судакова) черезъ уѣздныхъ цѣловальниковъ“. Воевода взялъ на себя взысканія по кредитнымъ обязательствамъ, слѣды которыхъ остались въ дѣлахъ Василія Судакова. „А на комъ, г., писалъ воевода въ Приказъ, по книгамъ сверхъ нынѣшніе посылки тѣ деньги довелись, и что подъячаго Василія Судакова по заемнымъ памятемъ на должникѣхъ взять, и на тѣхъ людѣхъ, кого изъ уѣзду привезутъ, тѣ деньги править велю во весь день, а на ночь мечутъ въ тюрьму... а тѣ, г., деньги, что по Васильевымъ памятемъ на комъ доправятъ и, противъ Васильевыхъ отписей расписавъ на тѣ помѣстья, съ кого взяты, а къ тебѣ, г., къ Москвѣ не посланы, росписавъ на роспись, пришлю къ тебѣ, г., къ Москвѣ съ тѣми же деньгами. А какихъ денегъ подъячій Василій Судаковъ взаемъ давалъ, и съ кого они взяты были, и того имянно у Василья Судакова въ книгахъ и росписи не написано“ [2]).—На Чарондѣ воевода Загряжскій не поладилъ со своимъ подъячимъ. $^{22}/_{V}$ 155 года онъ получилъ грамоту изъ Приказа о сборѣ доимки

[1]) Резолюція Приказа смыта. 1643 № 42 л. 4—7.

[2]) 1643 № 62 л. 324—326. Ср. 1641 № 75 л. 302. По этому поводу Приказъ с. р. л. долженъ былъ предпринять сложныя разысканія въ своемъ дѣлопроизводствѣ.

въ размѣрѣ 1493 р. 4 д. Воевода доносилъ въ Приказъ, что онъ собралъ 709 р. 5 ал. 1 д., а сборомъ остальныхъ былъ занятъ. Загряжскій оправдывался въ медленности: „О тѣхъ деньгахъ на меня, х. т., подъячій Павелъ Ивановъ умысля воровски, хотя меня, х. т., огласить напрасно, будто тѣ деньги у старосты и у крестьянъ въ сборѣ, а будто я, х. т., тѣхъ денегъ на старостѣхъ и на крестьянѣхъ не правлю для своей корысти. А для тово, г., онъ, Павелъ, воруя, и пишетъ на меня и на старостъ и на крестьянъ, что я, х. т., писалъ къ тебѣ, г., на него Павла, а старосты и крестьяне бьютъ челомъ тебѣ, г., на нево-жъ, Павла, въ воровствѣ, а по ихъ челобитью велѣно его, Павла, съ Чаронды взять къ Москвѣ, да и нынѣ бьютъ же челомъ на нево, Павла, въ томъ же воровствѣ“. Воевода заключалъ жалобу свою слѣдующей энергичной тирадой: „Для того, г., онъ Павелъ, умысля воровски, и пишетъ къ тебѣ, г., на меня, х. т., ложно, будто, г., я отъ тѣхъ денегъ поималъ посулы и поминки, и про то, г., вели сыскать всею Чарондскою округою: будетъ сыщется, что я отъ тѣхъ денегъ взялъ, вели меня здѣся казнить, а про воровское его письмо вели свои г. указъ учинить на такова вора, чтобъ ему впредь затѣвать воровать писать неповадно было“. Въ Приказѣ на эту ламентацію, повидимому, не обратили вниманія [1]).— Въ 149 г. земскій посыльщикъ „Вымской землицы“ К. Калининъ, „и во всѣхъ крестьянъ мѣсто“, жаловался на то, что ихъ посыльщики вычегжане Л. Попомаревъ и П. Мелентьевъ повезли на Москву 305 р. сбора, а доставили по назначенію только 70 р. Яренчанамъ, чтобы уплатить налогъ, пришлось на Москвѣ доставать деньги изъ росту, кабалы давать двойныя и тройныя. Приказъ распорядился произвести слѣдствіе, взыскать деньги на похитителяхъ и вернуть ихъ вымскимъ крестьянамъ [2]).— Съ трехъ волостей Кайгородскаго уѣзда, Пушейской, Гидаевской и Кичановской, въ томъ же 149 г. воевода кн. С. Гагаринъ собралъ 74 р. 22 ал. 2 д. и отправилъ платежъ съ пушейскимъ цѣловальникомъ Максимкомъ въ Москву. Максимъ доставилъ въ Москву 50 р., утаивъ сопроводительную воеводскую отписку,

---

[1]) 1643 № 42 л. 104—105.

[2]) 1640 № 25 л. 51—53.

увѣдомлявшую Приказъ о количествѣ вносимыхъ денегъ. Въ Приказѣ обратили вниманіе на странную „глухость“ платежа. Максимка объяснилъ, что „отписки изъ Кай-городка не послано для того, что они съ тѣхъ волостей и прежъ сего деньги платили, а иныя де волости тѣхъ денегъ и не плачивали, а въ отпискахъ воевода съ волостей платежи пишетъ глухо. И они де для того въ Кай-городкѣ воеводѣ объ отпискѣ и не били челомъ, и съ ихъ де волостей по сошному письму взяты и лишнія, а кайгородцы посадскіе люди и иныхъ волостей крестьяне живутъ въ избыли“. Раскрывъ это злоупотребленіе, Гагаринъ послалъ въ Москву поручныя по Максимкѣ, удостовѣрявшія, что ему были вручены именно 74 р. 22 ал. 2 д. Изъ поручной узнаемъ, между прочимъ, что на подмогу для отвоза денегъ Максимкѣ было дано особо 8 р.,—если онъ раздѣлается въ Москвѣ съ платежами и другими мірскими дѣлами до Рождества Христова 149 г. Если же онъ принужденъ будетъ задержаться дольше то ему полагалось еще по 1 р. въ мѣсяцъ на кормъ. Когда плутовство Максимки вскрылось, деньги велѣно было доправить на немъ [1]).

Во всѣхъ своихъ фазисахъ сборъ былъ, повидимому, предметомъ вожделѣнія и нападенія со стороны имѣвшихъ къ нему касательство лицъ. Въ сохранившемся дѣлопроизводствѣ Приказа с. р. л. (а, можетъ быть, и вообще во всемъ его дѣлопроизводствѣ!) запечатлѣлась, вѣроятно, незначительная доля слѣдовъ этихъ удавшихся или неудавшихся покушеній на денежныя суммы, собиравшіяся для Приказа, но все это—кустарные пріемы мелкаго неловкаго воровства: главное хищеніе развилось въ стѣнахъ самого учрежденія, вѣдавшаго и контролировавшаго сборъ. Судьба сбора напоминаетъ судьбу воза съ хлѣбомъ: его поклевывали въ полѣ и по дорогѣ волостные воробьи, отряхивали и пощипывали воеводскіе гуси, но главные хищники, приказныя мыши и крысы, ждали его въ Москвѣ,—они нападутъ на сборъ, когда онъ будетъ ссыпанъ въ приказные закрома.

Соблазнительная путаница при доставленіи сборовъ и еще болѣе соблазнительная двусмысленность въ дѣятельности нѣко-

[1]) 1640 № 25 л. 54—65. См. также въ гл. IV подозрительную путаницу со сборами въ Арзамасѣ и Заонежьѣ.

торыхъ воеводъ ввергали дьяковъ Приказа с. р. л. въ смущеніе и меланхолію. На поляхъ отписки чарондскаго воеводы, возбудившаго недовѣріе дьяка, послѣдній пишетъ: „Изми мя, Господи, отъ человѣка лукава“ [1]). Тотъ же текстъ встрѣтимъ и на отпискѣ сольвычегодскаго воеводы кн. Козловскаго, упорно увѣрявшаго Приказъ въ невозможности собрать положенный окладъ: „Изми мя, Господи,... изми мя, Господи,..“ задумчиво вздыхаетъ дьякъ, подразумѣвая, вѣроятно, недописанное „отъ человѣка лукава“. „Столпомъ и молитвою“, „столпомъ и по милости Божіи“, „столпомъ и молитвою“, „молитвою по милости Божіи“ или „постомъ Господь крѣпость“, какъ-будто дѣлая какое-то нравственное усиліе и ища укрѣпленія свыше, выводитъ дьякъ на поляхъ дрожащимъ старческимъ почеркомъ. Впрочемъ, иногда этотъ мотивъ смѣняется болѣе жизнерадостнымъ: „ликуйте ангелъ, ликуй, Господь, крѣпость“: точно дьякъ обрадовался, восторжествовавъ въ своемъ усиліи! Иногда онъ и запутывается въ своей благочестивой цитатѣ. Такъ, въ мартѣ 161 г. М. Невѣровъ выводитъ на поляхъ что-то не совсѣмъ вразумительное: „съ лико лико ликъ лико съ тово лико“. На грамотѣ о доимкѣ, адресованной кинешемскому приказному человѣку, онъ чертитъ: „ликъ лико о царствѣ четверт. чт. лик“ — трудно угадать что именно изъ Книги Царствъ пришло въ этомъ случаѣ ему на умъ [2]).

Не безъ участія въ возвышенномъ настроеніи дьяка было, вѣроятно, и то безнадежное состояніе приказнаго дѣлопроизводства, въ которомъ ему приходилось уныло оперировать. О состояніи этого дѣлопроизводства можно судить по даннымъ ревизіи, изложеннымъ въ слѣдующей главѣ.

---

[1]) Псаломъ 42?

[2]) Эти приписки см., напримѣръ, 1651 № 107 л. 63–71, 81—82, 91; 1652 № 117 л. 21, 66; 1653 № 6 л. 5, 13; 1653 № 21 л. 15.

ГЛАВА VI.

Приказъ сбора ратныхъ людей.

1. Возникновеніе Счетнаго дѣла.

Въ дѣлопроизводствѣ Приказа с. р. л. сохранился рядъ указаній на провѣрку его счетоводства, происходившую въ Приказѣ еще въ 146 году. Такъ, въ росписи, по которой дѣлопроизводство Приказа было сдано новому составу въ мартѣ 147 года, мы встрѣчаемъ указаніе на то, что была произведена ревизія кассы подъячаго Петра Лукошкова. Въ росписи упомянутъ „счетный списокъ 146-го году іюля въ 25 де, что по приказу князя Ондрея Ондреевича Голицына да дьяковъ Пантелея Чирикова да Емельяна Евсевьева подъячіе Миронъ Дубининъ да Василей Михайловъ считали подъячаго Петра Лукошкова по ево рукѣ въ приходѣ и въ расходѣ въ зборѣ въ деньгахъ въ Приказѣ збору ратныхъ людей". „По счетному списку" на Петрѣ довелось взять „за расходы въ остаткѣ 18 р. 7 ал. 2 д.". Петръ деньги представилъ, повидимому, въ цѣлости. Также были обревизованы подъячіе Андрей Русановъ и Василій Зайцевъ. Ревизія дѣлъ у Харитона Гордѣева была произведена, повидимому, внезапно. Въ росписи помѣчены: „столпъ отписочный за приписью Емельяна Евсевьева, а въ немъ отписки изъ городовъ воеводъ и приказныхъ людей изъ розныхъ городовъ 146 и 147-го году о всякихъ дѣлѣхъ и челобитные и черные отпуски, а сысканы тѣ отписки и челобитные и черныя грамоты врозни въ ящикѣ у подъячева у Харитона Гордѣева, какъ онъ отдавалъ дѣла, которыя у него были, и онъ тѣ отписки и челобитныя и черныя

грамоты принесъ передъ дьяка передъ Пантелея Чириковавъ своемъ ящикѣ врозни".[1]) Несравненно большій размахъ получили ревизіи подъячихъ Мирона Дубинина и Семена Гаврилова, производившіяся дьяками въ 146 и въ 147 гг. Ревизіи эти повели къ развитію грандіознаго Счетнаго дѣла, тянувшагося нѣсколько лѣтъ и освѣтившаго внутренніе порядки Приказа съ разныхъ сторонъ.

Въ мартѣ 147 г. былъ обновленъ высшій слой состава Приказа. Боярина кн. П. А. Репнина смѣнилъ бояринъ И. П. Шереметевъ, а дьяковъ П. Чирикова и Е. Евсевьева—дьяки: Василій Прокофьевъ, сохранившій за собой должность преподавателя царевича Алексѣя Михайловича и управленіе Костромской четвертью, и Михаилъ Невѣровъ, вошедшій въ Приказъ нѣсколько позднѣе Прокофьева. Перемѣна эта задѣла и составъ подъячихъ. Въ канцеляріи Приказа появились новые подъячіе: Василій Прокофьевъ, однофамильный дьяку, Никифоръ Ивановъ, Владиміръ Толстой и Андрей Кондратьевъ, захваченные дьякомъ В. Прокофьевымъ изъ Костромской четверти, а молодой подъячій прежняго состава Андрей Столѣтовъ, даже пріютился въ домѣ у П. П. Шереметева и занялъ при немъ положеніе секретаря. (§§ 31, 39)[2]).

Надо думать, что постоянная смѣна лицъ, стоявшихъ во главѣ Приказа въ 146 г., и слухи о злоупотребленіяхъ въ Приказѣ, распространявшіеся въ московской приказной средѣ, не очень располагали къ поступленію въ него, особенно человѣка мало вліятельнаго, какимъ былъ Мих. Невѣровъ. Онъ вошелъ въ Приказъ неохотно—на слѣдствіи Прокофьевъ утверждалъ даже, что Невѣровъ былъ приведенъ въ Приказъ с. р. л. стрѣльцами насильно и „скованъ" (§ 49). Не прошло и пяти мѣсяцевъ совмѣстной работы новаго персонала Приказа с. р. л., какъ дьяки В. Прокофьевъ и М. Невѣровъ напали на безпорядки и на злоупотребленія доставшихся имъ по наслѣдству подъячихъ. Дьяки сдѣлали было попытку придать порядкамъ Приказа нѣкоторую опредѣленность. Такъ, они распорядились, чтобы и у пріема, и у выдачи, и у доимки сидѣли особые подъячіе, и чтобы заведена бы-

[1]) 1638 № 53.

[2]) Ссылки на §§ относятся къ нашему изданію Счетнаго дѣла.

ла общая приходная книга для записи всѣхъ поступленій въ дополненіе къ обычной записи поступленій въ спискахъ плательщиковъ. Но боринъ немедленно вмѣшался и отдалъ распоряженіе, чтобы выдача денегъ впредь происходила даже не въ Приказѣ с. р. л., а въ Холопьемъ приказѣ, и опредѣлилъ къ этому дѣлу, вопреки рѣшенію дьяковъ, двухъ подъячихъ прежняго состава 146 г. Мирона Дубинина и Семена Гаврилова. Когда дьяки стали возражать, указывая на неудобство такого порядка,—„тѣ подъячіе ихъ, Василія и Михаила, лаяли, да и боринъ Иванъ Петровичъ ихъ, Василія и Михаила, лаялъ же“ (§ 9) [1]. Пожаловаться на боярина государю дьяки, правда, не посмѣли (§ 22), но съ порядками Шереметева не помирились и, замѣчая со стороны подъячихъ безпорядочность въ обращеніи съ денежными суммами (отсутствіе записей въ книгѣ, несвоевременную сдачу денегъ на Казенный дворъ и т. д.), стали ихъ „считать“, натолкнулись на явныя злоупотребленія и къ концу 147 г. даже

[1]) Почему Шереметевъ перенесъ раздачу денегъ именно въ Холопій приказъ, можно догадываться. Мы видѣли уже, что была сдѣлана неудавшаяся попытка съ самаго начала все дѣло сбора поручить именно составу Холопьяго приказа. Заглядывая въ списки личнаго состава Холопьяго приказа, видимъ слѣдующее. Въ 146 г. въ Холопьемъ приказѣ сидѣли Пав. Ив. Волынскій и дьяки Мих. Бухаровъ и Григорій Углевъ (М. А. М. Д. № 41506). Въ самомъ концѣ 146 г. Углева смѣнилъ Романъ Будыгинъ (ib. № 41573), въ 147 г. вмѣсто Волынскаго появляется Лавр. Ал. Кологривовъ (Д. Р. II, 596), а въ началѣ 148 г. Бухарова смѣняетъ Вас. Ключаревъ (М. А. М. Д. № 41648 и Д. Р. II, 619). Дѣло со злоупотребленіями въ Холопьемъ приказѣ заставило о себѣ говорить въ концѣ 147 г. и въ началѣ 148 г.: можно думать, что Волынскій былъ удаленъ оттуда именно въ связи съ нимъ. Волынскій, впрочемъ, вскорѣ же получилъ повышеніе: на Введенье 148 г. онъ назначенъ казначеемъ. Въ мартѣ того же 148 г. Волынскіе по поводу украинныхъ назначеній всей братьей, въ томъ числѣ и Павелъ Ивановичъ, устроили мѣстническій скандалъ родичамъ кн. Ос. Щербатову и кн. Б. А. Репнину, называя Репнина „своимъ братомъ“. Государь долженъ былъ объяснять имъ, что этимъ они Репнина обезчестили, и что даже окольничему Ѳедору Вас. Волынскому „мочно менши быть и внука князь Борисова“. Волынскихъ Ѳедора Васильевича и Павла Ивановича сажали за это въ тюрьму (Д. Р. II, 624—626). Не разыгрывалась ли уже тутъ борьба, черезъ полгода вскрывшаяся при вчиненіи Счетнаго дѣла? Не на Шереметевыхъ ли опирались Волынскіе, особенно Павелъ, удаленный изъ Холопьяго приказа съ повышеніемъ? Другой засѣдатель Холопьяго приказа, неважный дьякъ Мих. Бухаровъ, еще со 139 г. присутствовалъ вмѣстѣ съ П. П. Шереметевымъ во Владимірскомъ судномъ приказѣ въ званіи подъячаго (когда онъ пожалованъ дьякомъ—неизвѣстно)—любопытное совмѣстительство. Со 145 г. онъ нерѣдко фигурировалъ въ дворцовыхъ церемоніяхъ Бухарова видимъ во Владимірскомъ приказѣ и въ 151 г. (Д. Р. II, 179, 267, 275, 563, 596, 565, 569, 696, 878, 944, 964, 973). Это, несомнѣнно, человѣкъ близкій П. П. Шереметеву по Владимірскому приказу. Бухаровъ извѣстенъ намъ по кляузному холопьему процессу (М. А. М. Д. № 45021).

рѣшились отстранить М. Дубинина отъ дѣла. Докладывать о злоупотребленіяхъ самому государю они все-таки не рѣшились, а И. П. Шереметевъ никакого движенія въ этомъ направленіи ихъ заявленіямъ не далъ (§ 8).

По распоряженію дьяковъ отъ 19 августа 147 г. Дубининъ „отъ приходу и отъ росходу былъ отставленъ не малое время“ и даже „скованъ“ въ Приказѣ, но въ дѣло энергично вмѣшался бояринъ, и властью Шереметева Дубининъ былъ возвращенъ къ своей должности: боярин „велѣлъ ему у приходу и у росходу быть попрежнему“. Наперекоръ дьякамъ Дубининъ продолжалъ находиться у дѣлъ до 18 февраля 148 г., т.-е. цѣлыхъ полгода послѣ того, какъ дьяки уличили его въ злоупотребленіяхъ. Только 18 февраля 148 года Дубининъ, пойманный на этотъ разъ съ поличнымъ, былъ опять „скованъ, и денегъ ему пріимать не велѣно за то, что ево Мирошково воровство объявилось“. Миронъ былъ уличенъ въ томъ, что „подписалъ въ приходной книгѣ подъ статьею дѣвки Варварки Ивановы дочери Веревкина во взятьѣ дьячью Емельянову руку Евсевьева“. [1]) Дашныя „щотнаго дѣла“, т.-е. августовской ревизіи дьяковъ, повидимому, не играли при этомъ роли,—значитъ, боярин сумѣлъ совершенно потушить этотъ вопросъ (§ 22, пп. 7 и 8).

Но и вскрытіе Мироновыхъ продѣлокъ все еще не повлекло за собой общей ревизіи и наряженія слѣдствія. До самаго конца 148 г. не было предпринято никакихъ замѣтныхъ шаговъ къ разслѣдованію вопроса о злоупотребленіяхъ подъячихъ. Болѣе года послѣ обнаруженія злоупотребленій дѣло не развивалось и не повело ни къ какимъ серьезнымъ результатамъ,—конечно, его задерживала сильная рука самого Шереметева. Вопросъ оставался въ неопредѣленномъ положеніи до начала 149 г., когда слѣдствію былъ сообщенъ новый энергичный толчекъ, неизвѣстно, чѣмъ вызваннымъ активнымъ выступленіемъ одного М. Невѣрова,—можетъ быть, старикъ просто не смогъ далѣе безучастно наблюдать картину наглаго воровства подъячихъ, а, можетъ быть, это стало и опаснымъ для него, такъ какъ дерзость Мирошки дошла до того, что онъ сталъ поддѣлывать и его собственную руку.

---

[1]) Котораго тогда давно уже не было въ Приказѣ.

Въ половинѣ сентября 149 г. Невѣровъ подалъ, повидимому, самому государю при отъѣздѣ его въ Коломенское челобитную, въ которой онъ указывалъ на совершенно опредѣленные случаи плутовства Дубинина, выдавшаго расписки въ полученіи денегъ отъ А. Челюскина и др. съ поддѣльными подписями его, Невѣрова. Въ подтвержденіе своего заявленія Невѣровъ приложилъ и подложную расписку. Несомнѣнно, онъ отлично понималъ роль въ этомъ дѣлѣ самого И. П. Шереметева. Но государь неожиданно передалъ записку и подложный документъ тому же И. П. Шереметеву,—„и боярин Иванъ Петровичъ Шереметевъ ту выпись взялъ съ собою въ государевъ объѣздъ въ Коломенское, а хотѣлъ о томъ доложить государя, а діакомъ приказалъ подъячаго Мирона Дубинина про ту парядную отпись роспросить". Никакихъ шаговъ въ теченіе болѣе чѣмъ трехъ недѣль Шереметевъ, однако, не предпринялъ.

Миронъ, между тѣмъ, еще съ 18 февраля 148 г. долженъ былъ находиться подъ стражей; съ 27 іюня 148 г. онъ былъ за приставомъ у Лукьяна Москотиньева. Однако, когда Дубинина хватились и потребовали къ допросу, Москотиньевъ заявилъ, что Миронъ отъ него „збѣжалъ". По обычаю обратили взысканіе на самого Москотиньева. Воспользуемся лапидарнымъ повѣствованіемъ документа, сообщающаго объ этомъ инцидентѣ. „И тотъ приставъ Лукьянъ Москотиньевъ былъ скованъ въ Приказѣ збору ратныхъ людей 2 дни. И сентября въ 26 де билъ челомъ, чтобъ ему дали стрѣльцовъ, и онъ пойдетъ того колодшика Мирошка сыскивать. И того-жъ дни того колодника Мирошка въ Приказъ збору ратныхъ людей привелъ. И тотъ колодникъ отданъ дер, жати въ Приказѣ збору ратныхъ людей стрѣльцомъ Семенова приказу Коковинского, пятидесятнику Мокѣю Игнатьеву съ товарыщи, которые стоятъ въ приказѣ у государевы казны на караулѣ, а Лукьянъ Москотиньевъ изъ желѣзъ свобоженъ". Такъ эпически просто разрѣшено было это первое затрудненіе (§ 10).

Вся эта проволочка и стремленіе боярина затормозить дѣло повидимому, вывели Невѣрова изъ терпѣнія. 9 октября онъ, даже не предупредивъ своего товарища Прокофьева, можетъ быть, опасаясь его нерѣшительности, подалъ государю новое челобитье о злоупотребленіяхъ Дубинина и Гаврилова.

Безпорядочно перечисляя хищенія „вѣдомого вора“, Мирона, Невѣровъ указывалъ на свое одиночество, какъ обвинителя: „воромъ стою истцомъ одинъ я, а товарищъ мой, діакъ Василій Прокофьевъ, меня выдалъ“. Опасаясь ненависти боярина Ивана Петровича, какъ бы боярин „не нанесъ на него напрасно“, Невѣровъ, просилъ поручить разслѣдованіе дѣла кому-либо другому, минуя Шереметева, а ему самому разрѣшить присутствовать при докладѣ дѣла. Такъ въ первый разъ офиціально проступили на свѣтъ подлинныя отношенія дьяковъ и боярина. Въ заключеніе Невѣровъ жаловался на угрозы ему со стороны „семьянистаго и многплемяннаго“ Мирона. Челобитье это, составленное съ пафосомъ и нервно, возымѣло свое дѣйствіе, и государь приказалъ начать разслѣдованіе дѣла. Шагъ М. Невѣрова повелъ за собой учрежденіе особаго Счетнаго приказа, составленнаго изъ боярина кн. Б. А. Репнина, думнаго дьяка Мих. Данилова и дьяка Помѣстнаго приказа Ив. Переносова. Приказъ этотъ немедленно приступилъ къ энергичному разслѣдованію предмета, наверстывая почти 14 мѣсяцевъ опозданія, протекшихъ со времени обнаруженія злоупотребленій въ августѣ 147 г.

2. Составъ Счетнаго приказа 149 года.

Во главѣ Счетнаго приказа, т.-е. слѣдственной комиссіи, былъ поставленъ князь Борисъ Александровичъ Репнинъ, младшій братъ князя Петра, сидѣвшаго въ Приказѣ с. р. л. осень и зиму 147 г. Надо думать, что устраненіе изъ Приказа с. р. л. старшаго брата и обоихъ дьяковъ, Чирикова и Евсевьева, проведенное какъ-то наспѣхъ въ печальные для государя дни (въ январѣ и мартѣ 147 г. онъ потерялъ двухъ сыновей), не могло не задѣть Репнинныхъ, и ихъ отношенія къ Шереметевымъ должны были быть натянутыми. Вѣроятно, на почвѣ этой натянутости и шероховатыхъ съ лѣта 146 года отношеній между И. П. Шереметевымъ и кн. И. Б. Черкасскимъ, когда они не поладили на засѣчныхъ работахъ, и пошли первые разговоры въ московскихъ правительственныхъ кругахъ о необходимости произвести основательную ревизію дѣлопроизводства Приказа с. р. л.

Кн. Борисъ былъ моложе старшаго брата лѣтъ на десять, ро-

дившись въ первые годы царствованія Бориса. Стольникомъ онъ значится со 124 года; въ 126—7 гг. Репнинъ написанъ въ числѣ тѣхъ стольниковъ, „которые малы, по полкомъ были не росписаны, а были въ Верху у государя и въ сполохи ѣздили въ полки собою“ [1]). Стольникамъ этимъ дано изъ помѣстья въ вотчину. Въ обиходѣ интимной дворцовой жизни кн. Борисъ, по даннымъ Разрядовъ, появился со времени царской „радости“ въ 133 г., когда, при вѣнчаніи государя на княжнѣ Долгоруковой, онъ несъ „подножейцо, на чемъ стояли государь и государыня въ церквѣ“ [2]). Затѣмъ до 147 года, т.-е. въ теченіе полутора десятка лѣтъ карьера кн. Бориса протекаетъ около Постельнаго крыльца и дворцоваго „Верха“. Онъ участвуетъ въ 134 г. въ свадебномъ поѣздѣ второй царской свадьбы и находится при мыльнѣ на слѣдующій день [3]). Время отъ времени кн. Борисъ мелькаетъ, какъ участникъ то одной, то другой дворцовой церемоніи: въ 138 г. онъ участвовалъ въ отпускѣ свейскаго посла [4]), въ 139 г. выставлялъ 5 даточныхъ при пріемѣ датскаго посла [5]), въ 143 г. 17 марта на именинахъ царевича Алексѣя Михайловича онъ „пить наливалъ“ [6]). На этомъ придворномъ ремеслѣ младшій Репнинъ, повидимому, и спеціализировался. Разряды отмѣчаютъ, напримѣръ, его службу около виннаго поставца за 143 г.: 21 марта при пріемѣ польскаго посла Александра Песочинскаго [7]), на обѣдѣ 29 марта, когда „ѣлъ у государя“ патріархъ Іосафъ [8]), при пріемѣ 19 мая кизыльбашскаго посла [9]). Въ 145 г. онъ „пить наливалъ“ во время государева похода къ Троицѣ-Сергію за трапезой 25 сентября на праздникѣ Преподобнаго [10]). 30 января 145 г. онъ присутствовалъ при пріемѣ литовскаго гонца [11]). 8 ноября 146 г. онъ

---

[1]) Т.-е. добровольцами? Д. Р. В., изд. 2-е, IX, сс. 195—199. Репнины почему-то значатся здѣсь подъ №№ безъ упоминанія именъ: № 9 — князь Петръ, а № 10 — князь Борисъ.

[2]) Д. Р. I, 637.

[3]) Д. Р. I, 775, 785.

[4]) Д. Р. II, 839.

[5]) Д. Р. II, 219.

[6]) Д. Р. II, 429.

[7]) Д. Р. II. 436, 443.

[8]) Д. Р. II, 447.

[9]) Д. Р. II, 466.

[10]) Д. Р. II, 523—524.

[11]) Д. Р. II, 870.

былъ опять съ государемъ у Троицы и опять „пить наливалъ“ [1]) и т. д.

Только въ 147 г., когда кн. Борису было, вѣроятно, порядочно за 30 лѣтъ, Разряды отмѣтили первый случай крупнаго дѣлового порученія: онъ получилъ въ свое завѣдываніе Серебряную палату (небольшой приказъ по дворцовому хозяйству) и Новую четь — вмѣстѣ съ дьяками Пахомомъ Лушниковымъ да Иваномъ Патрикѣевымъ [2]). Въ слѣдующемъ 148 г. на Крещенье Репнинъ былъ изъ стольниковъ пожалованъ въ бояре и, по обычаю, обѣдалъ въ этотъ день у государя съ боярином кн. Д. М. Черкасскимъ и окольничимъ кн. Ѳ. Ѳ. Волконскимъ [3]). Въ мартѣ 148 г. разыгралось упомянутое выше (см. прим. на стр. 461) столкновеніе его съ Волынскими, повидимому, срывавшими на немъ свою досаду [4]), а черезъ полгода, въ октябрѣ слѣдующаго 149 г., началось Счетное дѣло — предметъ настоящаго изученія. Въ 149 г. встрѣчаемъ кн. Бориса дважды за обѣдомъ у Государя, — на Покровъ и на Свѣтлой недѣлѣ [5]).

Второй членъ Счетнаго приказа думный дьякъ Михаилъ Даниловичъ Даниловъ—Разряды иногда въ торжественныхъ случаяхъ именуютъ его Фефилатьевымъ [6]) — былъ въ 149 г. человѣкомъ очень преклоннаго возраста. Судя по тому, что онъ успѣлъ оказать какія-то услуги царю Василію, признанныя и правительствомъ 1613 года [7]), онъ былъ въ эпоху Смуты уже возмужавшимъ человѣкомъ. Едва ли ошибемся, если дату его рожденія отодвинемъ за 1570 годъ. Тотчасъ по воцареніи въ 121 г. царя Михаила М. Даниловъ съ Соловымъ Протасьевымъ былъ отправленъ посланникомъ въ Турцію [8]). Изъ Турціи они вернулись только къ веснѣ 123 года [9]). Не можемъ сказать, какія обязанности М. Даниловъ исполнялъ между 123 и 126 годами. Разряды

---

[1]) Д. Р. II, 558.
[2]) Д. Р. II, 597.
[3]) Д. Р. II, 621.
[4]) Д. Р. II, 624—626.
[5]) Д. Р. II, 645, 653.
[6]) Обстоятельство это ввело въ заблужденіе автора цитированной выше, въ гл. II, статьи Арсеньева.
[7]) Д. Р. I, 1167—1170.
[8]) Д. Р. I, 106.
[9]) Д. Р. I, 167.

отмѣчаютъ только участіе его въ ноябрѣ 126 г. во встрѣчѣ касимовскаго царя, которому, въ свою очередь, было поручено состоять при кизыльбашскихъ послахъ [1]). Въ 127 г. М. Даниловъ былъ назначенъ на должность разряднаго дьяка, каковую онъ и занималъ безсмѣнно въ теченіе 16 лѣтъ. Въ званіи разряднаго дьяка Даниловъ былъ посланъ въ связи съ военными тревогами 127 года въ Ярославль съ кн. П. Б. Черкасскимъ [2]). Его положеніе въ Москвѣ къ тому времени вполнѣ опредѣлилось. Надо думать, что однимъ изъ главныхъ благожелателей его былъ именно кн. Иванъ Борисовичъ, съ которымъ по своему положенію въ Разрядѣ онъ долженъ былъ находиться въ непрерывныхъ сношеніяхъ. Въ 129 году Разряды отмѣчаютъ участіе М. Данилова во встрѣчахъ аглинскаго и турскаго пословъ [3]). О его близости къ особѣ государя можно судить, напримѣръ, по разряднымъ записямъ 131 года. Онъ обѣдалъ въ 131 г. въ присутствіи государя въ числѣ другихъ лицъ 17 разъ: на Рождество Богородицы 8 сентября, 24 сентября въ с. Воздвиженскомъ, на Знаменіе 21 ноября, на зимняго Николу, на память Петра Чудотворца 21 декабря, на Рождество Христово, на Крещенье, на Срѣтенье, на Благовѣщенье, на Вербное Воскресенье, на Свѣтлое Воскресенье, на Николинъ день у Николы на Угрѣшѣ 9 мая, 1 іюня въ трапезѣ у Троицы-Сергія, 12 іюля въ день царскаго ангела, на Происхожденіевъ день 1 августа въ Симоновѣ монастырѣ, на Преображенье и на Успенье у патріарха [4]). Этотъ круговоротъ повторялъ онъ однообразно изъ года въ годъ, вращаясь неизмѣнно около дворца и особы государя. Во время государевыхъ походовъ М. Даниловъ всегда сопровождаетъ государя въ числѣ прочей свиты, и мы то и дѣло видимъ его съ государемъ то у Троицы-Сергія, то въ Братовщинѣ [5]), то въ Тайнинскомъ [6]), и т. д. Черезъ руки старшаго дьяка Разряда, думнаго дьяка Ѳ. Ѳ. Лихачева, и М. Данилова проходила вся масса дѣлъ Разряда. Большинство грамотъ Разряда выходило за подписью Данилова: расписанія службы, назначенія командующихъ, планы

[1]) Д. Р. I, 304.
[2]) Д. Р. I, 357, 364.
[3]) Д. Р. I, 465, 468, 474, 489, 509.
[4]) Д. Р. I, 525, 527—532, 535, 551—553, 555, 559, 563—566.
[5]) Напр., Д. Р. I, 570
[6]) Напр., Д. Р. I, 572.

мобилизацій, отозванія и передвиженія и т. д. и т. д., — все это вѣдалъ М. Даниловъ. Онъ принималъ, между прочимъ, участіе и въ составленіи книги Большого чертежа. Время отъ времени М. Даниловъ разбираетъ мѣстническія дѣла. Такъ, въ 132 году вмѣстѣ съ кн. И. П. Одоевскимъ онъ разбираетъ дѣло Наумова и кн. Барятинскаго [1]), кн. Ромодановскихъ, Леонтьевыхъ и др. [2]) Въ томъ же 132 году, вообще богатомъ мѣстническими счетами, онъ разбиралъ сложный рядъ столкновеній, развившихся около вопроса о весеннихъ назначеніяхъ на украинную службу [3]). М. Даниловъ то и дѣло фигурируетъ при пріемахъ пословъ, а со 135 года завѣдуетъ и церемоніаломъ пріемовъ, „уряжаетъ пословъ“ [4]). Со 139 г. онъ начинаетъ исполнять почетное порученіе особаго рода, входя въ составъ нарочито учреждаемыхъ комиссій, которыя „оставлялись на Москвѣ“ во время отлучекъ государя [5]).

143-й годъ былъ поворотнымъ въ карьерѣ М. Даниловa. Въ этомъ году онъ былъ отправленъ въ Польшу въ составѣ посольства кн. А. М. Львова, С. М. Проѣстева и Ив. Переносова для ратификаціи Поляновскаго договора и извлеченія изъ Польши тѣлъ Шуйскихъ. По возвращеніи оттуда въ іюнѣ 143 г. онъ былъ пожалованъ шубой въ 170 р., кубкомъ, придачей въ 60 р. да званіемъ думнаго дьяка и посаженъ во главѣ Помѣстнаго приказа [6]). Со 147 года онъ появляется въ качествѣ показавшаго свои способности дипломата въ составѣ комиссій, назначаемыхъ „къ отвѣту“ иноземнымъ посламъ: въ 147 г. — крымскимъ [7]), въ 148 г.—литовскимъ [8]), въ 150 г.—датскимъ [9]). Въ 150 г. М. Да-

[1]) Д. Р. I, 550, 626.

[2]) Д. Р. I, 576 и сл.

[3]) Д. Р. I, 587 603; ср. также для 133 г.—Д. Р. I, 674—675, 678—680, для 134 г.—I, 834, для 136 г.—I, 948,—когда онъ судилъ съ кн. Б. М. Лыковымъ, для 137 г.—Д. Р. II, 28—38, когда онъ судилъ съ кн. И. И. Шуйскимъ, для 140 г.—II, 262 и т. д.

[4]) Для 135 г.—Д. Р. I, 864, для 138 г.—II, 96 сл., II, 109 сл. II, 134 и т. д.

[5]) Для 139 г.—Д. Р. II, 288, для 143 г.—II, 473, для 145 г.—II, 538, для 146 г., когда М. Даниловъ трижды исполнялъ это порученіе,—II, 557, 579, 581, для 147 г.—II, 592, для 148 г.—II, 618, 620, 636, для 149 г.—II, 643, 644, 646—647, для 150 г.—II, 667, 683, для 151 г.—II, 694.

[6]) Д. Р. II, 404, 470, 471.

[7]) Д. Р. II, 612—613.

[8]) Д. Р. II, 634, 635.

[9]) Д. Р. II, 667.

ниловъ исполняетъ почетное порученіе, сказывая печатничество и думу (т.-е. думное дворянство) своему бывшему начальнику думному дьяку Ѳ. Ѳ. Лихачеву [1]).

Даниловъ сдѣлалъ не исключительно быструю служебную карьеру: болѣе молодые дьяки, какъ Иванъ Грязевъ, дьякъ Помѣстнаго приказа, и Иванъ Гавреневъ, дьякъ Разряда, его обошли, получивъ званіе думнаго дьяка, одинъ — въ 141 году [2]), а другой—даже въ 139 г. [3]); но его карьера среди подводныхъ камней придворной жизни зато была избавлена отъ тѣхъ превратностей судьбы, какимъ подвергся, напримѣръ, его начальникъ Лихачевъ, ссылавшійся въ 140 г. въ опалѣ. Очевидно, М. Даниловъ былъ человѣкъ спокойный и уживчивый, съ вѣсомъ и хорошимъ опытомъ, мирно плывшій по теченію, тонко знавшій порядки и отношенія въ Кремлѣ со времени появленія въ его стѣнахъ новой династіи. М. Даниловъ—закоренѣлый москвичъ, по-видимому, никуда не выѣзжавшій за предѣлы Московскаго уѣзда со времени своего назначенія въ Разрядъ, развѣ только, владѣя цѣлыми 418 дворами, въ отлучки по своимъ хозяйственнымъ дѣламъ [4]). Къ моменту возникновенія Счетнаго дѣла ему было подъ 70 лѣтъ, можетъ быть, онъ уже и перевалилъ за эту грань. Убѣленный сѣдинами, богатый канцелярскимъ и дворцовымъ опытомъ почти цѣлой половины столѣтія, въ которую улеглись и правленіе царя Бориса и вся Смута, сѣвшій въ московскихъ приказахъ еще въ тотъ моментъ, когда они, какъ фениксъ, возстали на Трубѣ изъ пепла московскаго разоренія, видавшій, разумѣется, всякіе виды и похуже денежныхъ фокусовъ подъячихъ Приказа с. р. л., онъ долженъ былъ спокойно созерцать развертывавшуюся передъ нимъ панораму порядковъ злополучнаго Приказа и съ усмѣшкой относиться къ горячности своихъ болѣе молодыхъ товарищей. Вскормленный на сытныхъ дворцовыхъ обѣдахъ, М. Даниловъ, конечно, не склоненъ былъ рисковать своимъ те-

---

[1]) Д. Р. II, 673. Въ другомъ мѣстѣ (II, 741) это событіе датировано 153-имъ годомъ, но послѣ 151-го года Даниловъ почти сходитъ со сцены—поэтому относимъ этотъ эпизодъ къ 150 году.

[2]) Д. Р. II, 295.

[3]) Д. Р. II, 206.

[4]) С. В. Рождественскій „Роспись земельныхъ владѣній московскаго боярства 1647—8 гг.“

плымъ наслѣженнымъ мѣстомъ и ломать копья изъ-за плутней какихъ-то подъячихъ, разъ за подъячими стояли сами Шереметевы.

Третій членъ Счетной комиссіи, дьякъ Помѣстнаго приказа Иванъ Переносовъ, съ типичной канцелярской фамиліей-кличкой,— фигура менѣе замѣтная по своей карьерѣ, но едва ли не ему именно принадлежала наиболѣе активная роль въ веденіи дѣла. По крайней мѣрѣ именно ему приписывалъ инициативу своего преслѣдователя М. Дубининъ (§ 52). Въ моментъ возбужденія Счетнаго дѣла Переносовъ тоже не былъ молодымъ человѣкомъ. Въ Разрядахъ онъ появляется, какъ дьякъ въ Вязьмѣ съ кн. Прозоровскимъ, въ 133 году [1]). Если предположить, что Переносовъ могъ получить это порученіе лѣтъ въ 35, то, значитъ, Смута тоже прошла цѣликомъ на его глазахъ, и онъ долженъ былъ родиться въ первые годы правленія Бориса. Со 134-го года онъ появляется въ Москвѣ, уже какъ постоянный членъ придворной жизни, но неизвѣстно, что именно вывело его въ люди. Въ 134 г. Переносовъ присутствуетъ на торжественномъ обѣдѣ на именинахъ молодой царицы Евдокіи [2]) и въ томъ же 134 и 135 гг. фигурируетъ въ качествѣ пристава у свейскихъ пословъ [3]). Въ 136 году онъ трижды обѣдаетъ во дворцѣ: на Крещенье, на праздпество Пречистыя Богородицы Ѳедоровскія 14 марта и на родины царевны Пелагеи Михайловны 20 апрѣля [4]). Въ 137 году онъ получаетъ назначеніе вмѣстѣ съ дьякомъ В. Юдинымъ на Казенный дворъ, надъ которымъ начальствовалъ кн. П. Б. Черкасскій [5]). Переносовъ фигурируетъ въ ближайшіе годы (137—143 гг.) на пріемахъ пословъ [6]), иногда исполняя при нихъ обязанности пристава—при французскомъ посольствѣ въ 138 г. [7]),—при голландскихъ послахъ въ 139 г. [8]). Попрежнему онъ по 2—3 раза въ году принимаетъ участіе въ трапезахъ за царскимъ столомъ въ особенно торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ, на царскомъ

---

[1]) Д. Р. I, 734.
[2]) Д. Р. I, 711.
[3]) Д. Р. I, 795, 798, 808, 817, 863, 866, 871, 874, 875.
[4]) Д. Р. I, 995, 1006.
[5]) Д. Р. II, 15.
[6]) Напр., для 137 г.—Д. Р. II, 7, для 139 г.—II, 24 и т. д.
[7]) Д. Р. II, 95, 96, 98—104.
[8]) Д. Р. II, 172, 173, 176, 177, 179, 190.

новосельѣ въ ноябрѣ 137 г. [1]), на родинахъ царевича Алексѣя въ мартѣ того же 137 года [2]) и т. д. Въ 140 г. государь велѣлъ и ему въ числѣ прочихъ „свои государскіе очи видѣть въ комнатѣ на праздникъ на Свѣтлое Воскресенье апрѣля въ 1 день“ [3]). Та же честь была ему оказана и въ 141 г. и въ 142 г. [4]). Въ 40-хъ годахъ онъ сидитъ и въ Казанскомъ дворцѣ, надъ которымъ въ эти годы начальствовалъ тоже кн. И. Б. Черкасскій [5]). Въ 143 г. Переносовъ получилъ вмѣстѣ съ кн. А. М. Львовымъ, С. М. Проѣстевымъ и Мих. Даниловымъ упомянутое выше важное порученіе—заключить докончаніе съ Польшей. По возвращеніи онъ былъ награжденъ шубой въ 140 р., кубкомъ и придачей 30 р. Его окладъ теперь равнялся 800 четямъ и 120 р. [6]). Вѣроятно, тогда же, вмѣстѣ съ Даниловымъ, онъ былъ назначенъ и въ Помѣстный приказъ, въ которомъ мы застаемъ его въ 146 году. Въ 145—146 гг. вмѣстѣ съ боярином Ѳ. И. Шереметевымъ онъ велъ Вологодское сыскное дѣло относительно злоупотребленій Леонтія Плещеева. Въ 145, 147, 151 гг. онъ появляется въ Разрядахъ, попрежнему какъ участникъ дворцовыхъ церемоніаловъ—при встрѣчахъ посольствъ, похоронахъ царевичей и т. д. [7]).

Переносовъ, подобно Данилову, осѣдлый москвичъ, дьякъ, прочно вошедшій въ московскій дѣловой міръ и дворцовый обиходъ,—это свой человѣкъ при дворѣ. Въ 149 г., при назначеніи къ Счетному дѣлу, онъ былъ уже въ возрастѣ около 50 лѣтъ и, судя по успѣхамъ своей карьеры, былъ на одинъ шагъ отъ думнаго дьячества, крупнаго почета и относительнаго покоя. Служба по московскимъ приказамъ оказалась небезвыгодной: у него набралось въ 146 году 126 дворовъ.

Вдумываясь въ подборъ членовъ Комиссіи, начинаешь понимать, что здѣсь орудовала чья-то сильная и вліятельная рука, не убоявшаяся противодѣйствія, которое могло быть оказано произ-

---

[1]) Д. Р. II, 19.
[2]) Д. Р. II, 44.
[3]) Д. Р. II, 855.
[4]) Д. Р. II, 864, 867.
[5]) Д. Р. II, 309.
[6]) Д. Р, II, 404.
[7]) Латкинъ „Земскіе соборы“, с. 429—430. Д. Р. II, 874, 936, 962, 988, 659, 660, 667, 669, 675.

водству ревизіи со стороны Шереметевской родни, — кто же могъ двигать это дѣло, какъ не царскій „братъ“, престарѣлый князь Иванъ Борисовичъ Черкасскій, котораго такъ мало стѣснялся и такъ задѣлъ во время лѣтней кампаніи 146 г. И. П. Шереметевъ [1]). Князь Б. А. Репнинъ приходился Черкасскому въ свойствѣ, а Даниловъ и Переносовъ оба вышли изъ его школы и были выдвинуты имъ, одинъ—изъ Разряда, другой—изъ Казанскаго дворца и съ Казеннаго двора. Кн. И. Б. Черкасскій, военный министръ эпохи Михаила, второе лицо послѣ царскаго дяди въ Кремлѣ, представлялъ собою крупную, властную и не очень идиллическую фигуру. Такъ, радѣя государеву дѣлу, онъ умѣлъ порадѣть и себѣ, составивъ состояніе въ 1986 дворовъ [2]). Именно онъ, вѣроятно, стоялъ за спиной дѣятелей Счетнаго приказа, поддерживалъ ихъ въ трудныя минуты своимъ вліяніемъ, заступничествомъ передъ государемъ, а, быть можетъ, и своей долголѣтней опытностью. Учтя это, мы поймемъ судьбу Счетнаго дѣла. Характерно, что къ декабрю 149 года, когда борьба около счета была въ самомъ разгарѣ, и обѣ стороны крѣпко схватились, относится одно отмѣченное Разрядами обстоятельство: отправляясь 8 декабря въ дальнее богомолье „въ Володимеръ да въ Вязники къ Пречистой Богородицѣ“, государь оставилъ „на Москвѣ“ исключительно обширную коллегію изъ бояръ, окольничихъ, казначея, думнаго дьяка Ѳ. Лихачева и дьяка М. Данилова, подъ предсѣдательствомъ кн. П. Б. Черкасскаго,—„а указалъ государь въ отпискахъ къ себѣ, государю, писать бояромъ князь Ивану Борисовичю Черкасскому съ товарищи, а указалъ государь бояромъ и окольничимъ и казначею быть съ однимъ съ боярином съ княз Иваномъ Борисовичемъ Черкасскимъ, а межъ себя быть безъ мѣстъ“ [3]). Государь вернулся, повидимому, только къ Рождеству [4]), а между тѣмъ именно къ декабрю 149 г. относится существенный моментъ въ развитіи Счетнаго дѣла,—можно ли сомнѣваться, что такое шумное и непріятное предпріятіе не могло итти безъ вѣдома и поддержки первоприсутствовавшаго въ это время на Москвѣ кн. Ивана Бо-

---

[1]) См. нашу работу „Засѣчная черта Московскаго государства“.

[2]) См. нашу статью въ „Сборникѣ, посвященномъ С. Ѳ. Платонову“.

[3]) Д. Р. II, 646—647.

[4]) См. „Выходы московскихъ государей“ и Д. Р.

рисовича? Столь же характерны, какъ увидимъ ниже, были и обстоятельства прекращенія Счетнаго дѣла вслѣдъ за смертью Черкасскаго.

Такъ была составлена Комиссія, погрузившаяся въ изученіе счетоводныхъ дебрей Приказа с. р. л.[1]). Мѣстомъ дѣйствія ея былъ, повидимому, Помѣстный приказъ (§ 51).

3. Заявленія дьяковъ М. Невѣрова и В. Прокофьева.

Въ основу слѣдствія легли четыре письменныхъ заявленія или „письма“ М. Невѣрова и „сказки“ его. Въ росписи, поданной 9 октября и пополненной и разъясненной послѣдующими заявленіями отъ 10 и 11 числа, Невѣровъ использовалъ, вѣроятно, матеріалъ, явившійся въ результатѣ „счета“, произведеннаго еще въ 147 г.,—собранный имъ совмѣстно съ Прокофьевымъ; роспись эта, слѣдовательно, пролежала у него взаперти болѣе года. За Дубининымъ Невѣровъ насчиталъ въ своей росписи воровства на общую сумму 4876 р. 23 ал. 3 д.,—„не безо много“, по его выраженію, на 5000 р. Сумма эта слагалась изъ слѣдующихъ составныхъ частей.

1) На 19-е августа 147 г. у М. Дубинина должно было быть на рукахъ 4825 р. 14 ал. 5½ д., а на Казенный дворъ онъ сдалъ только 4000 р., утаивъ . . . . . 825 р. 14 ал. 5½ д.

2) Въ 147 г. М. Дубининъ получилъ изъ Большого дворца 2090 р. 3 ал. 3 д., а въ Приказѣ с. р. л. объявилъ только 2000 р., утаивъ 90 р. 3 ал. 3 д.

3) Съ 14 по 28 августа 147 г. онъ написалъ у себя въ приходѣ только 361 р., тогда какъ по книгамъ поступило 985 р., а въ ящикѣ у него при ревизіи оказалось 932 р. 9 ал. 2 д., что обозначаетъ утайку (985 р.—932 р. 9 ал. 2 д.) 52 р. 24 ал.

4) Въ росписи, поданной М. Дубининымъ 30 сентября 148 г., онъ насчиталъ „въ лишкѣ“, прикрываясь мнимымъ долгомъ С. Гаврилову, ... 99 р. 24 ал. 2½ д.

---

[1]) При Счетномъ приказѣ были, кажется, и свои подъячіе, но именъ ихъ установить не можемъ. Вѣроятно, это были подъячіе, взятые изъ Помѣстнаго приказа.

5) Съ 19 августа по февраль 148 г. М. Дубининъ утаплъ	1083 р. 13 ал. 1 д.
6) Къ февралю 148 г. у М. Дубинина долженъ былъ получиться отсутствовавшій при ревизіи остатокъ въ	105 р. 10 ал.
7) М. Дубининъ написалъ ложно въ расходѣ послѣ августа 147 г.	327 р. 24 ал. 5 д.
По пп. 1 и 3—7, опуская 90 р. 3 ал. 3 д., М. Невѣровъ вывелъ особый итогъ.	2494 р. 11 ал. 2 д.
8) Для объясненія своего перерасхода противъ зарегистрированныхъ поступленій М. Дубининъ написалъ ложно, будто бы онъ занялъ у С. Гаврилова	1930 р. 8 ал. 2 д.
9) „На немъ же сверхъ его лживыхъ росходовъ по счету подъячихъ“	300 р. 2 ал. 2 д.
10) Утайка денегъ, полученныхъ съ Веревкиной	16 р.
11) Утайка денегъ, полученныхъ къ кн. Ухтомскаго	12 р.
12) Утайка денегъ, полученныхъ съ Челюсткина	20 р.
13) Утайка денегъ, полученныхъ съ Леонтьева	14 р.
Общій итогъ „воровского взятья“ М. Дубинина выведенъ Невѣровымъ въ . . .	4876 р. 25 ал. 3 д. [1]

Своеобразны пріемы обличенія: М. Невѣровъ стремится уличить М. Дубинина въ превышеніи расхода надъ приходомъ, исходя изъ того положенія, что все, превышающее приходъ, должно быть разсматриваемо, какъ утайка, какъ „воровство“. Пріемъ этотъ могъ быть примѣненъ лишь вслѣдствіе невозможности раскрыть злоупотребленія Дубинина инымъ способомъ, какъ общее наводящее соображеніе—и только. Такъ можно было констатировать фактъ утайки, но ея точные размѣры этимъ путемъ, конечно, учету не поддавались.

Другая характерная черта этой росписи—суммированіе перечисленныхъ утаекъ. На самомъ дѣлѣ, здѣсь могла фигурировать

[1] Въ него вошли и пропущенные выше 90 р. 3 ал. 3 д.

въ разныхъ оборотахъ одна и та же утайка: утаивъ 825 р., Мирошка могъ въ дальнѣйшемъ производить расходы именно изъ нея, совершая свои платежные обороты при помощи именно этой утаенной суммы.

Одни пункты утайки были ясны (пп. 1, 2, 5, 10—13), другіе наводили на подозрѣніе (пп. 3, 4, 6, 7), третьи были неясны (пп. 8 и 9), но Невѣровъ все это слилъ, смѣшалъ въ одну кучу и поставилъ въ общій ранжиръ. Размашистое и торопливое собираніе обвинительнаго матеріала, отсутствіе его критической провѣрки и оцѣнки, довольно странное суммированіе цифръ, обозначающихъ величины, не подлежавшія сложенію,—все это едва ли могло способствовать энергичному веденію слѣдствія, дать слѣдователямъ крѣпкую опору и внушить имъ довѣріе. Первоначальный эффектъ заявленій Невѣрова привелъ, повидимому, къ нѣкоторому разочарованію членовъ Счетнаго приказа, и, вѣроятно, этимъ разочарованіемъ были вызваны дополнительныя заявленія Невѣрова, сдѣланныя имъ въ ближайшіе за наряженіемъ слѣдствія дни, 10 и 11 октября.

Параллельно съ обвиненіемъ М. Дубинина Невѣровъ выдвинулъ и обвиненія противъ С. Гаврилова.

1) Съ 10 апрѣля по 10 іюля 147 г. у Семена Гаврилова въ приходѣ значилось 9660 р. 31 ал., а показано имъ было въ расходѣ и остаткѣ 11330 р. 3 ал. 2 д. Разницу между расходомъ и приходомъ (11330 р. 3 ал. 2 д.—9660 р. 31 ал.) Гавриловъ могъ покрыть, по разсужденію Невѣрова, только изъ утайки. Ее Невѣровъ и положилъ какъ первую статью „воровства“ . . . . . 1669 р. 5 ал. 4 д.

2) Съ 10 іюля 147 г. по 11 августа 148 г. въ приходѣ у Гаврилова значилось 29531 р. 13 ал. 4 д., а въ расходѣ 29597 р. 30 ал. Разность между расходомъ и приходомъ (29597 р. 30 ал.—29531 р. 13 ал. 4 д) Невѣровъ положилъ, какъ утайку . . . . . 66 р. 16 ал. 4 д.

Общій итогъ „воровства“ С. Гаврилова по счету Невѣрова получился. . . . . 1735 р. 22 ал. 2 д.

Эти двѣ росписи и послужили основнымъ матеріаломъ для слѣдствія и обвиненія Мирошки и Сеньки. Добавленія и разъясненія къ росписямъ М. Невѣровъ сдѣлалъ въ двухъ „письмахъ“, поданныхъ имъ 10-го октября, изъ которыхъ одно было написано имъ собственноручно, а другое являлось росписью, представленною ему подъячими въ августѣ 147 года.

Въ своемъ первомъ „письмѣ“ Невѣровъ частью подкрѣплялъ выдвинутыя имъ обвиненія, частью обличалъ подъячихъ въ новыхъ преступленіяхъ. 1) Возвращаясь къ п. 8, онъ доказывалъ, что занимать у С. Гаврилова 1930 р. 8 ал. 2 д. не было надобности, такъ какъ у Дубинина по его собственному признанію оставалось въ этотъ моментъ 4600 р. 18 ал. 2 д., да и росписи, представленныя ему и Дубининымъ и самимъ Гавриловымъ въ августѣ, противорѣчатъ этому утвержденію. 2) Дубининъ не сдалъ въ іюнѣ на Казенный дворъ 825 р. 3) „А у товарыща его у Семена, реторически спрашивалъ Невѣровъ, въ тѣхъ же числѣхъ сверхъ приходу и росходу и наличныхъ денегъ 1700 рублевъ слишкомъ откуль взялась?“ 4) Послѣ 19 августа 147 г. Дубининъ утаилъ „съ полторы тысячи“, 5) ложно показалъ, будто роздалъ 327 р., 6) поддѣлалъ подписи дьяковъ. Кромѣ простого повторенія и подкрѣпленія обвиненій, содержащихся въ первой росписи, Невѣровъ выставилъ въ этомъ письмѣ еще и новыя обвиненія: 7) утайку между 14 и 28 августа 519 р. и 8) запоздалое представленіе расходныхъ росписей. Въ подтвержденіе своихъ выкладокъ Невѣровъ представилъ росписи состоянія суммъ у подъячихъ Приказа на разныя числа 147 и 148 гг. (§§ 11 и 13).

„Письмо“ Невѣрова, составленное въ формѣ діалогическихъ репликъ (отголосокъ допросовъ!), приправлено восклицаніями, въ родѣ—„то ли не явное и не открытое воровство?“ „все, государь, обыскано по твоему государеву крестному цѣлованью вправду“ и т. д., и подкрѣплено ссылками на поведеніе М. Дубинина: „да и то, государь, его не явное ли воровство, что онъ другой годъ пьетъ безпрестани, и платье де у него объявилось не по его мѣрѣ—золотно и соболье?“ Патетическое заявленіе Невѣрова имѣетъ характеръ конспекта горячей рѣчи—обращенія къ Счетному приказу, которую онъ, вѣроятно, произнесъ, будучи призванъ давать показанія.

11 октября М. Невѣровъ подалъ новую „скаску за своею рукою“. Въ этой сказкѣ Невѣровъ сообщалъ, что въ росписяхъ подъячихъ расходъ на іюнь былъ выведенъ съ учетомъ прихода, поступившаго только въ іюлѣ—августѣ 147 г. и сентябрѣ 148 г., изъ котораго эти расходы не могли быть покрыты, и высказывалъ тотъ руководящій принципъ, который и ранѣе былъ имъ положенъ въ основу исчисленія „воровства“ подъячихъ: „А что въ лишкѣ въ росходѣ сверхъ приходу, и то у нихъ украдено и припасено въ тѣ поры, какъ деньгамъ росходъ былъ“ (§ 16). Такова была схема обвиненій, выдвинутыхъ Невѣровымъ. Въ ней нельзя не замѣтить натяжекъ, неясностей, и вся она, какъ и первое заявленіе, носила на себѣ слѣды горячей торопливости.

Дьякъ Василій Прокофьевъ, настигнутый заявленіемъ М. Невѣрова врасплохъ и даже вызвавшій упрекъ Невѣрова въ томъ, что онъ „выдалъ“ его, Невѣрова, однако, (быть можетъ, даже противъ ожиданія товарища) открыто присоединился къ нему на первомъ же допросѣ 9 октября. 1) Прокофьевъ заявилъ, что 15 сентября 149 г. М. Невѣровъ показалъ ему подложную расписку, выданную М. Дубнинымъ Ав. Челюсткину отъ его, Невѣрова, имени,—„и опъ де Василій узналъ, что та отпись воровская—рука дьяка Михаила Невѣрова подписана“. Прокофьевъ досказалъ то, чего не договорилъ въ своихъ первыхъ показаніяхъ Невѣровъ: „послѣ де тово Михаило Невѣровъ ему, Василью, сказывалъ, что онъ тое отпись далъ боярину Ивану Петровичю Шереметеву на Постельномъ крыльцѣ, а послѣ де того та опись въ Приказѣ у нихъ не бывала, и нынѣ ее въ Приказѣ нѣтъ“. 2) В. Прокофьевъ подтвердилъ кражу М. Дубнинымъ 90 р. изъ 2090 р., полученныхъ имъ изъ Большого дворца для Приказа с. р. л.,—„и про то де воровство сыскивано, и онъ, Мирошко, про то воровство роспрашиванъ, и роспросные рѣчи за ево Мирошковой рукою въ Приказѣ збору даточныхъ людей есть, и боярину Ивану Петровичю Шереметеву про то вѣдомо“. 3) В. Прокофьевъ заявилъ, что онъ съ М. Невѣровымъ считалъ Мирошку въ 147 и 148 гг., „и они де взочли на него Мирошка многіе деньги, и та де счотная роспись у дьяка у Михаила Невѣрова, и боярину де Ивану Петровичю Шереметеву про то вѣдомо-жъ, и бояринъ де Иванъ Петровичь о томъ хотѣлъ докладывать государя, а докла-

дывалъ ли де онъ, бояринъ Иванъ Петровичъ, о томъ государя или не докладывалъ, того онъ, Василей, не вѣдаетъ: бояринъ Иванъ Петровичъ ему, Васплью, да Михаилу Невѣрову по се время про то государева указу не сказывалъ, а они де, Василій да Михайло, з бояриномъ с-Иваномъ Петровичемъ о томъ государя не докладывали". Этимъ заявленіемъ В. Прокофьевъ нечаянно прямо подошелъ къ боевому вопросу о томъ, какъ понять участіе въ этой темной операціи самого боярина, но онъ не договорилъ всего того, что зналъ и думалъ. 4) В. Прокофьевъ заявилъ, что „не упомнитъ онъ, Василій, во 146-мъ или 147-мъ году" [1]) въ Приказѣ объявилась подложная расписка, выданная Дубининымъ В. Веревкиной. 5) Затѣмъ В. Прокофьевъ указалъ, что въ 147 г. Дубининъ присвоилъ 12 р., полученны имъ съ кн. Ухтомскаго, 6) а въ сентябрѣ 149 г. присвоилъ 14 р., взятые съ Л. Леонтьева. 7) В. Прокофьевъ прибавилъ, что въ 147—8 гг. они съ Невѣровымъ считали М. Дубинина и „взочли на него, Мирошка, больши 4000 рублевъ денегъ, и они де ево Мирошка велѣли въ Приказѣ сковать, а какъ ево велѣли сковать, тому з годъ, и боярину де Ивану Петровичю про то вѣдомо-жъ. А напередъ де тово у приходу было подъячихъ два человѣка, а у росходу было два-жъ человѣка, и бояринъ де Иванъ Петровичъ тѣхъ подъячихъ отставилъ, а велѣлъ тѣмъ подъячимъ быть у збору ратныхъ людей, а на ихъ мѣсто велѣлъ быть у приходу и у росходу тому Мирошку Дубинину да Сенгѣ Гаврилову. И онъ де Василей боярину Ивану Петровичю про то говорилъ, что тѣ де подъячіе—люди незнаемые, къ такому государеву дѣлу не пригодятца, и бояринъ де Иванъ Петровичъ за то на него Василья кручинился, лаялъ м. . . . , и сказывалъ на него, Василья, государю, что онъ ево, боярина Ивана Петровича, не слушаетъ, а ево де Васильева непослушанья къ боярину къ Ивану Петровичю въ государевѣ ни въ какомъ дѣлѣ не бывало" (§ 8).

Такимъ образомъ, В. Прокофьевымъ въ безпорядочной и не совсѣмъ отчетливой, что касается цифръ, формѣ были подтверждены всѣ заявленія Невѣрова и, кромѣ того, сдѣлано рѣшительное указаніе на то, что бояринъ И. П. Шереметевъ былъ и самъ причастенъ къ этому темному дѣлу.

[1]) На дѣлѣ обстоятельство это имѣло мѣсто въ февралѣ 148 г.

Въ подкрѣпленіе своего устнаго заявленія В. Прокофьевъ подалъ и письменную „роспись Мирошкову воровству“, въ которой подтвердилъ утайку Дубининымъ денегъ, взятыхъ съ Веревкиной, Ухтомскаго, Челюсткина, Леонтьева. Въ этой росписи Прокофьевъ, обходя молчаніемъ случаи крупныхъ хищеній М. Дубинина, прибавилъ отъ себя нѣсколько подробностей относительно пріемовъ утайки. Такъ, онъ сообщалъ, напр., что Мирошка чтобы скрыть утайку 16 р., взятыхъ съ Веревкиной и своевременно незаприходованныхъ, вписалъ ихъ поступленіе, когда утайка открылась, подъ именемъ дяди Веревкиной—Логина Аничкова,—„написалъ тѣ деньги вновь з жильцами и на листу, на которомъ дьячья помѣта „порожонъ“, и дьячью руку подписалъ и въ росписи Помѣстного приказу написалъ межъ жильцовъ, подъячево руку подписалъ же“ [1]) (§ 10).

Вооруженная этими данными Слѣдственная комиссія приступила къ допросамъ М. Дубинина и С. Гаврилова.

4. Допросы въ октябрѣ 149 г.

Первый допросъ М. Дубинина происходилъ въ первый же день слѣдствія—9-го октября. Ему заданы были вопросы: давно ли онъ сидитъ въ Приказѣ с. р. л. у приходу и расходу, крадъ ли онъ государевы деньги, поддѣлывалъ ли дьячьи подписи и давалъ ли въ государевыхъ деньгахъ „письмо“, а не „отписи“? М. Дубининъ показалъ, что онъ сидитъ въ Прпказѣ с. р. л. у прихода и расхода со 146 г. (дьяки показали, что къ раздачѣ его опредѣлилъ Шереметевъ только въ 147 г.), что считали его только въ 148 г., и что онъ былъ „скованъ“ предъ Николинымъ днемъ осеннимъ 148 г. (т. е. 14 октября). О послѣдовавшемъ по распоряженію Шереметева освобожденіи своемъ до 19 февраля 148 г., когда онъ былъ снова заключенъ подъ стражу, Дубининъ умолчалъ. Расписки Ухтомскому и Леонтьеву за своей подписью онъ выдалъ „для поспѣшенья, а въ приходную книгу тѣхъ денегъ записать не успѣлъ, а государевыхъ денегъ онъ, Мирошко, не крадывалъ и дьячьихъ рукъ Емельяна Евсевьева и Михаила Невѣрова не подписывалъ“. 90 р. (изъ 2090р.),

[1]) Подлогъ этотъ налицо доселѣ—л. 581 кн. по Ржевѣ Володимировѣ № 2. „Порожонъ“—порожій.

которыхъ онъ не доставилъ въ Приказъ с. р. л., онъ просто „прописалъ“. 825 р. 14 ал. 5½ д. онъ тоже не кралъ—„тѣ деньги всѣ въ росходѣ“. Про 571 р. (932 р. 9 ал. 2 д.—361 р.). Мирошка сказалъ, что онъ получилъ ихъ изъ Казанскаго дворца, а 100 р., которые онъ задолжалъ С. Гаврилову, въ моментъ счета были у него въ расходѣ. Мирошка пожаловался, что, когда дьяки его считали, „ево, Мирошка, къ счету не призывали“.

Попутно съ показаніями М. Дубинина, Невѣровъ давалъ дополнительныя разъясненія. Такъ, онъ пояснилъ, что хищенье денегъ происходило въ тотъ моментъ, когда подъячіе Приказа с. р. л. въ отсутствіе дьяковъ выдавали деньги въ помѣщеніи Холопьяго приказа. Они, дьяки, „боярину Ивану Петровичю били челомъ, чтобъ ихъ къ тому росходу отпустилъ, и бояринъ де Иванъ Петровичъ къ тому росходу ихъ не отпустилъ, и за то, что онѣ, Василей да Михайло, къ тому росходу просились, тѣ подъячіе ихъ, Василья и Михаила, лаяли, да и бояринъ де Иванъ Петровичъ ихъ, Василья и Михаила, лаялъ же“. На вопросъ слѣдователей о томъ, руку какого именно подъячаго Помѣстнаго приказа поддѣлалъ Мирошка, Невѣровъ отвѣчалъ, что онъ того „не упомнитъ, а есть де тому у нихъ въ Приказѣ збору ратныхъ людей записка“, и что, кромѣ того, Мирошко поддѣлалъ подписи его, Михаила, и Ем. Евсевьева.

Такимъ образомъ, М. Дубининъ, захваченный, повидимому, врасплохъ, не нашелъ для своего оправданія никакихъ другихъ аргументовъ, кромѣ категорическаго отрицанія умысла въ самыхъ очевидныхъ хищеніяхъ, т.-е., говоря приказнымъ языкомъ, просто „заперся“ (§ 9).

Допросомъ М. Дубинина и выслушаніемъ объясненій со стороны М. Невѣрова ограничился первый день слѣдствія — 9-ое октября. 10-го октября приступили къ допросу Семена Гаврилова. Противъ него было выдвинуто обвиненіе въ утайкѣ 1735 р. 22 ал. 2 д. Онъ отвѣчалъ категорическимъ отрицаніемъ,—„лишка де у себя въ приходѣ сверхъ росходу опъ, Сенька, не вѣдаетъ“,—и билъ челомъ о томъ, чтобы его велѣно было счесть по приходнымъ и расходнымъ книгамъ. Переходя сразу къ нападенію на дьяковъ, Семенъ разсказалъ Комиссіи, что годъ тому назадъ, въ ноябрѣ 148 г. съ Вятки были доставлены цѣловальниками

3375 р. 11 ал. 3 д., и дьяки Прокофьевъ и Невѣровъ „тѣ денги у цѣловальниковъ велѣли принять и въ приходъ записать ему, Сенькѣ, не счотчи, невѣдомо для чево", а когда онъ, Сенька, исполнить этого не захотѣлъ, то М. Невѣровъ будто бы „за то ево, Сеньку, билъ и велѣлъ тѣ деньги у тѣхъ цѣловальниковъ принять и въ приходъ записать ему, Сенькѣ, не счотчи сильно, а цѣловальниковъ отпустить". Результатомъ этого было 14 р. недочету, которые бояринъ приказалъ доправить на немъ же Сенькѣ (§ 12). Весь этотъ разговоръ былъ не на тему, Сенька дерзко заговорилъ о пустякахъ и сразу усвоилъ развязный тонъ по отношенію къ своему приказному начальству.

М. Невѣровъ тотчасъ же освѣтилъ этотъ фактъ. Замѣтивъ, что подъячіе утаиваютъ денежныя полученія, онъ съ Прокофьевымъ „не начали имъ вѣрить" и стали, по мѣрѣ накопленія денегъ, „рублевъ по 500 или больши", отбирать деньги у подъячихъ и, запечатавъ своими печатями, ставить ихъ въ казенкѣ. 16 ноября 148 г. они увидали, что по записной тетрати, „которая въ ящикѣ у нихъ, діаковъ", Сенька не сдалъ 70 р., а когда они учали спрашивать Сеньку, то оказалось, что у него находится на рукахъ „неоточтеныхъ денегъ, что онъ прималъ съ Вятки у цѣловальниковъ, 200 рублевъ". Дьяки велѣли ему записать эти деньги на приходъ 16 ноября, но Сенька не записывалъ ихъ на приходъ „долгое время", а вятскій цѣловальникъ жаловался на Сеньку и боярину и имъ, „что онъ, Сенька, деньги у него принялъ сполна, а отписи ему не даетъ. И тѣ де недочетные деньги на немъ, Сенькѣ, доправлены, а ево, де, Сеньку, онъ, Михайло, не бивалъ и сильно денегъ пріимать не велѣвалъ" (§ 12).

С. Гавриловъ оказался изворотливѣе М. Дубинина: начавъ обвинять самихъ дьяковъ, онъ перенесъ этимъ пріемомъ дѣло на такую плоскость, на которой слѣдствію суждено было застрять надолго,—пришлось расширить первоначальную задачу разслѣдованія злоупотребленій Мирошки и Сеньки до ревизіи всего дѣлопроизводства Приказа с. р. л.

Въ дополненіе къ своимъ устнымъ разъясненіямъ М. Невѣровъ подалъ слѣдомъ за допросомъ того же 10 октября новое „письмо" для обличенія С. Гаврилова. Въ немъ онъ подтвер-

ждалъ свои прежнія соображенія рядомъ выкладокъ, изъ которыхъ должно было слѣдовать, что въ промежутокъ времени между 13 октября и 16 ноября 148 г. С. Гавриловъ, дѣйствительно, утаилъ 261 р. 23 ал. 2 д., за что - „и для прежнихъ уликъ"—онъ былъ скованъ, а ящикъ его запечатанъ. За тотъ же срокъ оказалась небольшая утайка въ 3 р. 17 ал. (220 р. — 216 р. 16 ал. 2 д.) и у М. Дубинина. Но когда именно и на какое время въ этотъ разъ Сенька былъ скованъ,—такъ и осталось неразъясненнымъ (§ 13).

Вѣроятно, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ заявленій С. Гаврилова и вслѣдствіе путаницы, которая развернулась передъ Комиссіей, въ тотъ же день, 10 октября, былъ сдѣланъ докладъ государю о дальнѣйшемъ направленіи слѣдствія. Государь указалъ подъячихъ Дубинина и Гаврилова „въ приходѣ и въ росходѣ счесть по приходнымъ и по росходнымъ книгамъ по запискѣ по ихъ рукамъ", а для этого потребовать въ Счетный приказъ приходныя и расходныя книги Приказа с. р. л. за 147, 148 и 149 гг. Въ тотъ же день книги и „тетрати" были доставлены „для счету". Вмѣстѣ съ 9 книгами и 8 тетратями были доставлены роспись приходу и расходу 148 г. за рукой Мирошки, „письмо" М. Дубинина и С. Гаврилова о наличныхъ деньгахъ у нихъ, сыскъ и разспросныя рѣчи относительно злоупотребленій съ полученіями съ Веревкиной, кн. Ухтомскаго и Леонтьева — матеріалъ слѣдствія, произведеннаго самостоятельно дьяками Приказа с. р. л., столпикъ отписокъ изъ городовъ, связка выписокъ о сложеніи налога для пустоты и выписки о мѣсячномъ корму иноземцевъ. 11 октября М. Невѣровъ представилъ цитированную выше „сказку" о несоотвѣтствіи времени счета подъячими расхода времени счета ими прихода. 13 октября были доставлены въ Счетный приказъ найденныя въ Приказѣ с. р. л. въ ящикѣ С. Гаврилова его приходныя тетрати, и кн. Б. А. Репнинъ, М. Даниловъ и И. Переносовъ могли приступить къ обстоятельному изученію бухгалтеріи М. Дубинина и С. Гаврилова. Двѣ изъ доставленныхъ тетратей оказались безъ помѣтъ, одна была помѣчена дьякомъ Василіемъ Прокофьевымъ, но помѣта кончалась словомъ „діакъ". „А больши того, записано въ протоколѣ осмотра, дьячья Васильева имени нѣтъ, а сколько къ той тетрати было привязано иныхъ тетратей или листовъ, того

невѣдомо". Одна тетрать была помѣчена Михаиломъ Невѣровымъ. (§§ 14 — 17)

5. Обработка Счетнымъ приказомъ обвинительнаго матеріала.

Къ изученію счетнаго матеріала Комиссія кн. Репнина приступила, повидимому, немедленно. Изученіе это заняло у нея цѣлый мѣсяцъ, потому что до 12 ноября нѣтъ никакихъ слѣдовъ ея дальнѣйшей дѣятельности. Нельзя сказать, что результаты работы Комиссіи за этотъ промежутокъ были значительны. Они ограничились а) постатейнымъ воспроизведеніемъ пунктовъ обвиненія Невѣрова съ присоединеніемъ къ нимъ тѣхъ невразумительныхъ объясненій, которыя представилъ Комиссіи при первомъ допросѣ самъ Мирошка (пп. 4, 5, 7, 8, 10 — 19), и нѣкоторыхъ справокъ съ книгами и тетратями, и б) констатированіемъ тѣхъ цифровыхъ противорѣчій, на которыя наткнулась Комиссія, сравнивая данныя росписи Невѣрова, приходныхъ книгъ и тетратей Мирошки. Вотъ эти противорѣчія.

По книгамъ Комиссія установила слѣдующее. Съ 20 марта 147 года по 1 сентября 148 года приходъ М. Дубинина равнялся 19631 руб. 26 ал. $^1/_2$ д., изъ которыхъ 7160 руб. 27 ал. 3 д. были помѣчены во взятьѣ дьячьей рукой. Въ расходѣ за тотъ же промежутокъ было показано 15426 р. 24 ал. $1^1/_2$ д., такъ что у М. Дубинина должно было остаться на 1 сентября 148 г. 4205 р. 11 д., которые оказались незаписанными въ приходныхъ книгахъ на 148 г.

Съ 6 сентября по 29 іюля 148 г. у М. Дубинина въ приходѣ было 3720 р. 3 ал. 3 д., что вмѣстѣ съ остаткомъ отъ прошлаго года составило 7925 р. 5 ал. 2 д. Въ расходѣ, между тѣмъ, за тотъ же промежутокъ значилось въ книгахъ и тетратяхъ 9192 р. 3 ал. 3 д. Выходило, что въ 148 г. М. Дубининъ выдалъ на 1266 р. 31 ал. больше, чѣмъ получилъ.

Данныя книгъ, такимъ образомъ, расходились съ данными, приведенными въ росписи М. Невѣрова. Обращаясь къ записямъ Мирошки, Комиссія получила третій рядъ данныхъ.

По счету записей самого Мирошки съ 23 апрѣля по 19 августа 147 г. онъ принялъ 19197 р. 26 ал. $^1/_2$ д., а выдалъ 15426 р. 24 ал. $1^1/_2$ д., такъ что остатокъ у него на рукахъ къ 19 августа

долженъ былъ равняться 3771 р. 1 ал. 5 д., а не 4825 р. 14 ал. $5^1/_2$ д., какъ его высчиталъ М. Невѣровъ. Между счетомъ Невѣрова и Дубинина получалась разница въ 1054 р. 13 ал. $^1/_2$ д., и объ утайкѣ Мирошкой 825 р. 14 ал. $5^1/_2$ д. при сдачѣ имъ на Казенный дворъ 4000 р. не могло быть рѣчи.

Съ 19 августа 147 г. по 29 іюля 148 г. по счету въ приходныхъ книгахъ по рукѣ самого Мирошки вмѣстѣ съ остаткомъ отъ прежнихъ полученій оказалось 7925 р. 5 ал. 2 д. Складывая эту сумму съ показаннымъ самимъ Мирошкой полученіемъ въ видѣ займа отъ С. Гаврилова 1930 р. 22 ал. 1 д., со 100 рублями, съ утаенными имъ при полученіи денегъ изъ Большого дворца 90 р. 3 ал. 3 д. и съ утаенными полученіями съ Веревкиной, кн. Ухтомскаго, Челюскина и Леонтьева въ размѣрѣ 62 р., получили, какъ итогъ взятья Мирошки за 148 г.,—10107 р. 31 ал.

Обращаясь къ расходу Мирошки за 148 г. по его записямъ, высчитали итогъ этого расхода въ 9192 р. 3 ал., остатокъ, который долженъ былъ числиться за Мирошкой къ концу 148 г., получили, равнымъ 915 р. 28 ал., тогда какъ въ ящикѣ у него оказалось 932 р. 9 ал. 2 д.

Къ тому же результату Комиссія подошла и инымъ путемъ. Взявъ итогъ за оба года, 147 и 148 гг., получили по счету самого Мирошки итогъ его прихода + его займы + несомнѣнныя, имъ самимъ признанныя, хотя и невнесенныя въ книги поступленія,—25534 р. 21 ал. $5^1/_2$ д., тогда какъ М. Невѣровъ эту цифру вывелъ равной 26456 р. 5 ал. $3^1/_2$ д. Разница получилась въ 1011 р. 17 ал. Весь расходъ по даннымъ Мирошки выведенъ былъ въ 24618 р. 27 ал. $1^1/_2$ д., тогда какъ Невѣровъ вывелъ его равнымъ 21471 р. 5 ал. Разница получилась въ 3147 р. 22 ал. $1^1/_2$ д.

Такимъ образомъ, по записямъ Мирошки, у него должно было *остаться* лишку 915 р. 28 ал., тогда какъ Невѣровъ пришелъ къ выводу, что онъ долженъ былъ *утаить*, чтобы производить въ свое время расходы, 4876 р. 25 ал. 3 д.

Кромѣ этихъ выкладокъ, Комиссія сдѣлала еще два наблюденія, занесенныя ею въ протоколъ. 1) Въ приходной тетради Мирошки, помѣченной Невѣровымъ, было вырвано нѣсколько листовъ: за листомъ съ помѣтой „Ми“ (начало слова „Михаилъ“)

былъ пропускъ, такъ какъ дальше шелъ листъ съ помѣтой „акъ“ (конецъ слова „діакъ“),—„а сколько межъ тѣхъ листовъ было тетратей или листовъ, записано въ протоколѣ, и сколько по Мирошковѣ рукѣ на тѣхъ тетратѣхъ или на листѣхъ въ приходѣ записано было денегъ, того невѣдомо“. Листы оторваны были, повидимому, и въ тетради, помѣченной дьякомъ В. Прокофьевымъ, такъ какъ послѣднимъ листомъ въ ней былъ листъ съ помѣтой „діакъ“ безъ необходимаго замыкающаго продолженія „Василій Прокофьевъ“. 2) Кромѣ того, Комиссія занесла въ протоколъ то обстоятельство, что Невѣровъ не представилъ въ своей обличительной росписи доказательствъ того, что Мирошка насчиталъ ложныхъ расходовъ за собой на 300 р. 2 ал. 2 д. и 327 р. 24 ал. 5 д., ибо такихъ расходовъ Мирошка за собой и не показывалъ. Комиссія отмѣтила еще одну неясность: Невѣровъ заявилъ, что Мирошка былъ скованъ и отстраненъ отъ дѣла 19 августа 147 г., а между тѣмъ расходъ въ книгахъ имъ помѣчался до 14 марта 148 г., а приходъ даже до 29 іюня 148 г., при чемъ дѣлалось это, очевидно, съ вѣдома дьяковъ, такъ какъ „взятье и отдача“ были закрѣплены ихъ руками.

Что касается цифровой стороны вопроса о хищеніяхъ Мирошки, Комиссія имѣла передъ собой слѣдующія разнорѣчивыя заключенія: а) по мнѣнію Невѣрова, Мирошка похитилъ 4876 р. 25 а. 3 д.; б) по книгамъ онъ передалъ сравнительно съ зарегистрированнымъ приходомъ 1266 р. 31 ал., т.-е., по логикѣ Невѣрова, долженъ былъ утаить именно такую сумму; в) наконецъ, по выкладкамъ записей самого Мирошки слѣдовало, что къ концу 148 г. у него долженъ былъ получиться остатокъ, равный 915 р. 28 ал., между тѣмъ въ моментъ ареста у него оказалось налицо 932 р. 9 ал. 2 д. Такимъ образомъ, данныя Мирошки почти совпадали съ наличностью кассы, но были непримиримы съ расчетами Невѣрова. Самый главный выводъ въ этомъ протоколѣ не формулированъ: передъ Комиссіей развернулась совершенная неряшливость и безпорядочность всего счетнаго дѣлопроизводства Приказа с. р. л.; но именно изъ этого вывода Счетный приказъ исходитъ въ дальнѣйшемъ разслѣдованіи.

Къ подобнымъ же разногласіямъ привела Комиссію и справка съ документами Приказа относительно дѣлопроизводства С. Гаврилова.

а) По книгамъ по счету Комиссіи къ 1 сентября 148 г. у Сеньки должно было быть въ остаткѣ 5602 р. 30 ал. Деньги эти въ приходную книгу 148 г. не записаны. Въ 148 г. Сенька принялъ 28482 р. 29 ал. 3 д., такъ что у него должно было быть 34085 р. 26 ал. 1 д., изъ которыхъ онъ выдалъ 28658 р. 15 ал. 2 д.; въ остаткѣ у него должно было находиться 5427 р. 10 ал. 5 д., которые на приходъ 149 г. тоже не были записаны. Съ полученіями сентября 149 г. у него должно было быть 5653 р. 10 ал. 5 д., изъ которыхъ выдано 1606 р. 12 ал. 4 д., и въ остаткѣ должно было числиться 4046 р. 31 ал. 3 д.

б) По счету росписи М. Невѣрова взятъ приходъ 147 г. отъ 10 апрѣля до 10 іюля. Въ приходѣ за этотъ промежутокъ показано 9660 р. 31 ал., а въ расходѣ 11330 р. 3 ал. 2 д., такъ что расходъ превосходилъ приходъ на 1669 р. 5 ал. 4 д., которые М. Невѣровъ и разсматривалъ, какъ утайку.

По книгамъ С. Гаврилова за тотъ же промежутокъ у него въ приходѣ значилось 10594 р. 6 ал. 5 д. а въ расходѣ только 6399 р. 10 ал. 1 д., такъ что по этому расчету у Сеньки должно было быть въ остаткѣ 4194 р. 30 ал., слѣдовательно, о подозрительномъ перерасходѣ не могло быть и рѣчи.

в) Между 10 іюля 147 г. и 11 августа 148 г. — расхода у С. Гаврилова по росписи Невѣрова было на 66 р. 16 ал. 4 д. больше, чѣмъ полученья (29597 р. 30 ал. противъ 29531 р. 13 ал. 4 д.), между тѣмъ по записямъ С. Гаврилова, наоборотъ, у него въ приходѣ было больше, чѣмъ въ расходѣ на 1307 р. 14 ал. 1 д. (29860 р. 29 ал. 3 д. противъ 28553 р. 15 ал. 2 д.).

г) За все время по счету Невѣрова Сенька принялъ 39192 р. 11 ал. 2 д., а выдалъ 40928 р. 2 д., передавъ такимъ образомъ 1735 р. 22 ал. 2 д. Между тѣмъ по записямъ самого Семена у него въ приходѣ значилось 40455 р. 3 ал., а въ расходѣ 34952 р. 25 ал. 3 д., и въ остаткѣ должно было быть 5503 р. 10 ал. 5 д. Учитывая приходъ и расходъ послѣдняго мѣсяца, въ остаткѣ надо было получить 4046 р. 31 ал. 3 д. По вычитаніи отсюда 2030 р. 22 ал. 1 д., будто бы выданныхъ С. Гавриловымъ М. Дубинину, остатокъ у Семена долженъ былъ равняться 2016 р. 9 ал. 2 д.

Такимъ образомъ, и въ этомъ случаѣ Комиссія встрѣтила

совершенную несогласованность данныхъ росписи Невѣрова и матеріала, почерпнутаго изъ документовъ Приказа с. р. л. Данныя книгъ и вѣдомостей, представленныхъ подъячими, во всемъ, и въ частностяхъ и въ итогахъ, разошлись съ данными росписи М. Невѣрова. Комиссія не могла распутать этого затрудненія своими силами и впала, повидимому, въ состояніе длительнаго недоумѣнія (§§ 18 и 19).

Комиссія прибавила къ этимъ выкладкамъ кое-какъ склеенныя заключенія: подведенъ былъ взятый изъ книгъ общій итогъ полученій и расходовъ обоихъ подъячихъ, изъ котораго слѣдовало, что у М. Дубинина должно было получиться въ остаткѣ 915 р. 28 ал., а у С. Гаврилова 2016 р. 9 ал. 2 д. (§ 20).

6. Допросы дьяковъ и подъячихъ Приказа с. р. л. въ ноябрѣ 149 г.

Пока Комиссія путалась въ счетоводствѣ, Шереметевъ, конечно, не дремалъ, да безпорядокъ въ счетномъ матеріалѣ Приказа с. р. л. и безъ того подсказывалъ необходимость поставить къ допросу самихъ дьяковъ. 12 ноября Комиссіей былъ сдѣланъ докладъ государю, и государь, слушавъ сего дѣла, указалъ допросить 1) обоихъ дьяковъ, Василья Прокофьева да Михаила Невѣрова о томъ, а) „для чево у нихъ въ приходныхъ и въ росходныхъ книгахъ у приходу взятья, а у росходу данья ихъ руками во многихъ статьяхъ не помѣчено, а иной многой приходъ и росходъ писанъ въ тетратѣхъ, а не въ книгахъ, и ихъ Васильевою и Михайловою руками во взятьѣ и въ отдачѣ для чево не помѣчено жъ“, б) почему Мирошка, отставленный отъ прихода и отъ расхода еще въ августѣ 147 г., продолжалъ завѣдывать приходомъ и расходомъ въ теченіе 148 г., а дьяки продолжали класть свои скрѣпы на его взятьѣ и даньѣ. 2) Одному Невѣрову указано было предложить вопросы: а) есть ли у него „письмо“ С. Гаврилова о томъ, что тотъ роздалъ взаймы подъячимъ 3130 р., и б)—„письмо“ М. Дубинина о томъ, что онъ взялъ взаймы у С. Гаврилова 100 р., в) кому именно М. Дубининъ написалъ выданными послѣ 19 августа 147 г. 327 р. 25 ал. 5 д., г) по счету какихъ подъячихъ и отъ какого времени у М. Дубинина должно быть на рукахъ 300 р. 2 ал. 2 д. утайки. 3) Подъячихъ С. Гаврилова и М. Дубинина обоихъ указано было допросить: а) почему

взятье и отдача въ нихъ книгахъ не были „во многихъ статьяхъ“ помѣчаемы дьяками, б) почему они помѣчали приходъ въ „тетратѣхъ“, а тетради эти закрѣплены дьяками „не всѣ“, и сколько вырвано изъ нихъ листовъ или тетрадей, и гдѣ тѣ листы или тетради, „которыхъ нынѣ противъ дьячьи приписи нѣтъ“. 4) Сеньку Гаврилова одного велѣно было допросить: а) въ которомъ году онъ выдавалъ солдатамъ кормовые деньги „по спискомъ“, и почему это „даньс“ не закрѣплено дьячьею рукою, и „съ тѣхъ списковъ та роздача въ росходную книгу не записана“, б) давалъ ли онъ, Сенька, взаймы Дубинину деньги своего пріема. „Да что дьяки Василій Прокофьевъ и Михайло Невѣровъ и подьячіе Мирошко и Сенька въ допросѣ скажутъ, и тѣ ихъ рѣчи велѣлъ государь записать да о томъ велѣлъ доложить себя, государя“.

Комиссія приступила къ допросу 15 ноября [1]), черезъ 3 дня послѣ доклада и указа государя, и продолжала допросъ съ перерывами, повидимому, до начала декабря. Вопросы раскидывались ею шире, чѣмъ предполагала полученная ею инструкція,— если только цитированная выше инструкція передана Счетнымъ дѣломъ безъ пропусковъ.

Первый вопросъ, обращенный къ обоимъ дьякамъ, В. Прокофьеву и М. Невѣрову, касался смѣтныхъ списковъ и записи остаточныхъ „изъ году въ годъ“ денегъ. Дьяки отвѣчали, что „смѣтныхъ де списковъ приходу и росходу деньгамъ у нихъ въ Приказѣ нѣтъ, и остаточныхъ денегъ, что оставалися изъ году въ годъ, въ приходъ не записывано, потому что въ Приказѣ збору ратныхъ людей дѣло приказное, а не такое, какъ ведутца окладные дѣла в-ныихъ приказѣхъ, а какъ де то дѣло въ Приказѣ збору ратныхъ людей вершитца, и они де въ тѣ поры и смѣтные списки приходу и росходу здѣлаютъ“.

Въ связи съ этимъ былъ поставленъ и вопросъ о „тетратѣхъ“: „для чево у нихъ многой приходъ и росходъ писанъ въ тетратѣхъ, а не въ книгахъ“, взятье и дашье въ тетратяхъ не помѣчены ихъ руками, тетради частью не закрѣплены, и, кромѣ того, нѣкоторыхъ листовъ въ тетратяхъ не хватаетъ.

Прокофьевъ просилъ предъявить ему книги и тетради, а

---

[1]) Объ энергіи ея работы можно судить потому, что она засѣдала и въ воскресенья 15 и 22 ноября.

М. Невѣровъ прямо далъ нѣкоторыя разъясненія. Онъ объяснилъ, что дьячьей рукой помѣчались взносы лишь тѣхъ лицъ, которыя, внося деньги, брали отписи, а если вносившій не бралъ отписи, то въ Приказѣ не помѣчали взноса и дьяки. Нѣкоторыя, высказался М. Невѣровъ предположительно, не помѣченныя въ книгахъ суммы могли поступить въ Приказъ с. р. л. не отъ плательщиковъ, а изъ другихъ приказовъ, и расписки въ ихъ поступленіи есть и помимо книгъ. Выдача нѣмецкимъ начальнымъ людямъ и русскимъ драгунамъ и солдатамъ не помѣчена дьяками потому, что она происходила въ ихъ отсутствіе въ Холопьемъ приказѣ,—„и они де, Василей и Михайло, боярину Ивану Петровичю Шереметеву о томъ били челомъ, чтобъ онъ ихъ къ той роздачѣ отпустилъ, и боярин де Иванъ Петровичъ ихъ, Василья и Михаила, къ той роздачѣ не отпустилъ..., а государю де онъ, Михайло, на боярина на Ивана Петровича о томъ, что онъ подъячимъ безъ нихъ, Василья и Михаила, деньги велѣлъ раздавать, бить челомъ не смѣлъ“. Приходныя тетради Михайла закрѣплялъ сполна, и „чево де, будетъ, въ тѣхъ тетратѣхъ нѣтъ, тово онъ не вѣдаетъ; были тѣ тетради у подъячихъ, а не у нихъ дьяковъ, и тѣ бъ тетради велѣть ему показать“. Весь приходъ Приказа с. р. л. заносился въ особую „паметную книгу“ и закрѣплялся ими дьяками. Къ раздачѣ денегъ полку Росформа онъ, Невѣровъ, не имѣлъ отношенія, такъ какъ раздача эта, по подписной челобитной за помѣтой Михаила Данилова, была поручена боярину И. П. Шереметеву да Василью Невѣрову,—„а ему Михаилу тое роздачи вѣдать не велѣно“.

В. Прокофьевъ объяснилъ, что деньги раздавалъ не онъ самъ, а М. Дубининъ, записывавшій раздачу въ тетради, а онъ, Василій, хотѣлъ тѣ тетради „справить“ со спискомъ, но сдѣлать этого „ему не лучилось, потому что ево занялъ недосугъ у государя царевича князя Алексѣя Михайловича въ Верху, и потому тѣ тетради не закрѣплены, и данья не помѣчено“.

Слѣдующій вопросъ касался отсутствія дьячьей помѣты на выдачѣ 19 р. 17 ал. 4 д. девяти урядникамъ полка Краферта. Дьяки показали, что деньги были выданы въ ихъ отсутствіе, и „стали тѣ деньги у нихъ въ спорѣ“,—потому онѣ ими и не помѣчены.

На вопросъ о томъ, почему у нихъ въ книгахъ не помѣчена отправка „въ городы ратнымъ людемъ на кормъ“ 5609 р. 24 ал. $2^1/_2$ д., дьяки отвѣчали, „что у нихъ есть тому записка не въ книгѣ, и росписка тому, съ кѣмъ тѣ деньги посланы, у нихъ въ Приказѣ есть-жъ, а х кому имянемъ въ городы къ воеводамъ тѣ деньги посланы и отъ воеводъ изъ городовъ отписки, что тѣ деньги къ нимъ присланы, въ Приказѣ у нихъ есть же“.

На вопросъ М. Невѣрову о томъ, когда именно за Дубининымъ было насчитано „сверхъ лживыхъ росходовъ“ 300 р. 2 ал. 2 д , кто изъ подъячихъ Мирона считалъ, и гдѣ тотъ счетный списокъ, Невѣровъ отвѣчалъ, что М. Дубининъ былъ считанъ въ 148 г., счетный списокъ находится въ Приказѣ с. р. л., и онъ его принесетъ; изъ послѣдующаго невидно, появился ли этотъ списокъ на сценѣ.

На вопросъ, почему отставленный еще въ августѣ 147 г. М. Дубининъ продолжалъ съ вѣдома дьяковъ принимать и выдавать деньги въ Приказѣ с. р. л., Невѣровъ отвѣчалъ, что Мирошка отставленъ отъ должности не 19 августа 147 г., а 18 февраля 148 г. Комиссія указала Невѣрову на противорѣчіе его показанія показанію самого Мирошки о томъ, что онъ отставленъ отъ должности передъ Николинымъ днемъ осеннимъ, т.-е. передъ 14 октября. Невѣровъ пояснилъ, что послѣ 19 августа 147 г. Мирошка былъ отставленъ отъ прихода и расхода и скованъ въ Приказѣ „немалое время“, но бояринъ И. П. Шереметевъ велѣлъ ему быть у прихода и расхода попрежнему, и Мирошка состоялъ у прихода и у расхода по 18 февраля. Объясненіе это не разъяснило вопроса, потому что первую отставку Дубинина Невѣровъ относилъ къ августу, а Миронъ къ октябрю. Комиссія, повидимому, не стала углубляться въ эту сторону дѣла.

На слѣдующій день слѣдствіе было продолжено вопросомъ, поставленнымъ Невѣрову, почему именно Мирошка былъ отстраненъ отъ должности 18 февраля. Невѣровъ объяснилъ, что Мирошко былъ отставленъ и скованъ „за то, что ево Мирошково воровство объявилось, какъ онъ подписалъ въ приходной книгѣ подъ статьею дѣвки Варварки Ивановы дочери Веревкина во взятьѣ дьячью Емельянову руку Евсевьева, а не за щотное дѣло отставленъ“.

Слѣдомъ за тѣмъ Комиссія опять поставила обоимъ дьякамъ нѣсколько щекотливыхъ вопросовъ о порядкѣ записи въ Приказѣ с. р. л. прихода и расхода: а) почему взятье С. Гаврилова не помѣчено ихъ руками, б) почему не закрѣплены ими тетрати, въ которыя занесена выдача денегъ нѣмецкимъ начальнымъ людямъ, драгунамъ и солдатамъ, в) почему не помѣчена ими выдача денегъ. Дьяки отвѣчали, что деньги, взятыя въ Приказъ с. р. л. изъ другихъ приказовъ, не помѣчались потому, что „есть у нихъ о томъ изъ приказовъ памяти, и на памятѣхъ въ тѣхъ денгахъ росписанось". Что касается до денегъ, полученныхъ непосредственно отъ плательщиковъ, то онѣ не помѣчались иногда потому, что плательщики не брали отписей, а подъячіе дьяковъ не слушали и „росходныхъ книгъ имъ къ помѣтѣ не подносили". „А которые де люди за отписьми хажпвали, чтобъ имъ въ деньгахъ, которые съ нихъ взяты за перехожіе дворы, дать отписи, и они де, Василей и Михайло, тѣмъ людемъ безъ приказу боярина Ивана Петровича Шереметева отписей давать не смѣли, потому что бояринъ Иванъ Петровичъ безъ своего вѣдома отписей давать имъ не велѣлъ. А написалъ де, было, подъячей Данилко Барашовъ въ деньгахъ отпись безъ вѣдома боярина Ивана Петровича, а кому имянемъ тое отпись написалъ, было, того они не упомнятъ, и боярин де Иванъ Петровичъ за то тово подъячево Данилка Барашова передъ Приказомъ велѣлъ бить батоги въ три перемѣны, и тотъ де Данилко лежалъ 10 денъ и умеръ". Расходныя тетрати не помѣчены дьяками по листамъ потому, что С. Гавриловъ выдавалъ деньги безъ нихъ дьяковъ. Они приказывали подъячимъ „многижда" переплести эти тетрати въ книги, „и они де, Мирошко и Сенька, ихъ, Василья и Михаила, не слушали, въ книги тѣхъ тетратей не переплели".

Отвѣчая на этотъ пунктъ, дьяки разошлись и поссорились. Василій Прокофьевъ прибавилъ, что М. Дубинина и С. Гаврилова считалъ одинъ М. Невѣровъ, а онъ, Василій, хотѣлъ по тому Михайлову списку подъячихъ „поизвѣрить",—„и Михайла де Невѣровъ на тѣхъ подъячихъ на Мирошку и на Сеньку, не поговоря съ нимъ, Васильемъ, билъ челомъ государю, и потому у тѣхъ тетратей ево Васильевы руки и нѣтъ".

Невѣровъ отвѣтилъ на это замѣчаніе В. Прокофьева кол-

костью: онъ считалъ подъячихъ съ годъ тому назадъ, „а Василью Прокофьеву ихъ, Мирошка и Сеньку, въ приходѣ и росходѣ считать было пеколи, потому что онъ, Василей, въ Приказѣ посидитъ въ недѣлѣ полчаса или четверть часа. И деньги де давали подъячіе, Мирошка и Сенька, за очи по ево Васильеву велѣнью, да и весь де заводъ, что подъячимъ ево, Михайла, не слушать, ево, Васильевъ".

Прокофьевъ отпарировалъ это замѣчаніе Невѣрова: „въ Приказѣ онъ, Василей, сидѣлъ почасту, а подъячіе де деньги давали въ росходъ безъ нихъ, Василья и Михаила, и ево, Михаила, не слушали не по ево Васильеву велѣнью,—въ томъ онъ, Василей, шлетца на всѣхъ подъячихъ, которые сидятъ въ Приказѣ збору ратныхъ людей,—а не велѣлъ де тѣмъ подъячимъ ихъ, Василья и Михаила, слушать бояринъ Иванъ Петровичъ Шереметевъ, а не онъ, Василей".

Разногласіе между дьяками броспло свѣтъ на главнаго виновника всей этой путаницы, на Шереметева, но какъ только разговоръ коснулся Шереметева, такъ сопротивленіе слѣдствію должно было усилиться.

Проговорившись, В. Прокофьевъ не захотѣлъ молчать и предъявилъ припрятанный имъ въ свое время подъ полой документъ, бросившій свѣтъ на то, какъ дѣлались дѣла въ Приказѣ с. р. л. Онъ вытащилъ „памятцу", взятую имъ изъ ящика С. Гаврилова въ 149 г., когда тотъ былъ отданъ за пристава,—„а письмо де та памятца Приказу-жъ збору ратныхъ людей подъячево Ондрюшки Столѣтова, а тотъ де Ондрюшка живетъ у боярина у Ивана Петровича Шереметева". „Памятца" Столѣтова, обращенная къ С. Гаврилову, гласила: „Семенъ Гавриловичъ, Давыдъ мнѣ говорилъ Бѣгичевъ: человѣка выпусти, дастъ тебѣ полведра вина узже [1]). А бояринъ Иванъ Петровичъ по жильцомъ не приказалъ людей у нихъ имать, что онѣ бѣдные, велѣлъ бояринъ имать людей у діаковъ, у дворянъ у богатыхъ, и ты вели человѣка выпустить, а не выпустишь, онъ хочетъ Василью Петровичю [2]) бити челомъ". Документъ этотъ вводитъ насъ въ интимную жизнь Приказа,

[1]) Уже?

[2]) Боярилъ Василій Петровичъ Шереметевъ, братъ Ивана Петровича, дѣдъ фельдмаршала Б П. Шереметева

показывая, какъ тамъ налаживали отношенія и вырывали льготы, торгуясь и приторговываясь, запрашивая и накидывая. Комиссія почему-то не только не остановилась на такомъ сенсаціонномъ заявленіи и не углубила его слѣдствіемъ, но даже А. Столѣтова она собралась допросить лишь черезъ полтора мѣсяца.

Затѣмъ дьякамъ былъ поставленъ вопросъ о томъ, почему не помѣчена ими отправка „въ городы“ 29 іюля 147 г. 500 р., и не указано также, съ кѣмъ отправлены эти деньги. В. Прокофьевъ пояснилъ, что „на докладной де выпискѣ, по которой докладывали государя боярин Иванъ Петровичъ Шереметевъ да онъ, Василей, помѣта ево, Васильева, а въ книгѣ де, что деньги посланы, довелось было помѣтить Михаилу Невѣрову“. Невѣровъ объяснилъ, что „у нихъ есть тому записка не въ книгѣ, и росписка тому, съ кѣмъ тѣ деньги посланы, у нихъ въ Приказѣ есть-жъ“; есть въ Приказѣ и отписки воеводъ, которымъ тѣ деньги посланы.

Слѣдующій вопросъ дьякамъ касался отсутствія ихъ помѣты въ книгахъ у записи о посылкѣ въ Костромскую четь взаемъ 105 р. В. Прокофьевъ объяснилъ отсутствіе помѣты тѣмъ, что „тѣ деньги въ Костромскую четь посланы къ нему-жъ Василью“. М. Невѣровъ далъ другое объясненіе: отправка денегъ въ Костромскую четь не была помѣчена потому, что деньги были посланы „взаймы не на долгое время, а какъ бы де тѣ деньги изъ займовъ въ Приказъ збору ратныхъ людей прислали, и тѣ-бъ деньги подписаны были подъ тою-жъ статьею“.

Вопросъ о томъ, почему въ книгахъ не помѣчена дьяками отправка въ Новгородскую четь 158 р., взятыхъ со Строгановыхъ, былъ объясненъ дьяками такъ. В. Прокофьевъ сказалъ, что выписка объ отправкѣ этихъ денегъ помѣчена имъ, но отправлены ли деньги—онъ не знаетъ. Невѣровъ отсутствіе помѣты объяснилъ тѣмъ, что деньги относилъ Семенъ Гавриловъ, который „росходной книги къ нему, Михаилу, къ помѣтѣ не подшивалъ“.

На вопросъ Комиссіи, „съ чево писаны“ списки 1517 человѣкъ солдатъ, которымъ изъ Приказа с. р. л. было выдано 1622 р. 6 ал. 5 д. кормовыхъ денегъ, и почему ни списки ни данье по нимъ не закрѣплены дьячьей рукою,—дьяки отвѣчали,

что точныя копіи раздаточныхъ списковъ хранились у нихъ, и потому они и не закрѣпили списковъ, находившихся у подъячихъ. Данье не закрѣплено потому, что деньги Сенька Гавриловъ раздавалъ безъ нихъ,—„а о томъ де ему, Сенькѣ, онѣ, Василей и Михайло, говорили, чтобъ онъ тое роздачю съ тѣхъ списковъ написалъ въ книгу, и онъ де, Сенька, противъ тѣхъ списковъ тѣ салдацкіе имяна въ тетрати написалъ, а что кому дано кормовыхъ денегъ, и того подъ тѣми имяны не подписалъ,—ихъ, Василья и Михаила, не послушалъ". Къ этому объясненію дьяки сдѣлали важное добавленіе, характеризующее тотъ порядокъ, который дьяки считали нормальнымъ сами. „А какъ де по государеву указу велѣно быть въ Приказѣ збору ратныхъ людей имъ, Василью и Михаилу, и они де у приходу и у росходу, кому быть подъячимъ, росписали, было,—одново подъячево написали у приходу, а другово у доимки, а третьево у росходу, и бояринъ де Иванъ Петровичъ Шереметевъ тѣхъ подъячихъ отъ приходу и отъ росходу отставилъ, а велѣлъ быть у приходу и росходу Мирошку Дубинину да Сенькѣ Гаврилову, и тѣ де подъячіе ихъ, Василья и Михаила, не слушали". Какъ видно, на сцену слѣдствія долженъ былъ опять выступить самъ бояринъ, и опять Комиссія избѣжала всякаго отклоненія въ эту сторону. Сколько разъ уже его слѣдовало вытащить на свѣтъ, а слѣдствіе попрежнему осторожно и боязливо кружится около этой грузной фигуры, даже больше: какъ только называютъ его имя, начинаетъ заплетаться, становится вялымъ и безтолковымъ.

Далѣе, одному М. Невѣрову Комиссія поставила вопросъ о томъ, почему получеше 1958 р. 10 ал. 1 д. съ Вятки его рукою помѣчено, а полученіе 1417 р. 8 д. не помѣчено. Невѣровъ объяснилъ, что „въ тѣхъ деньгахъ (т.-е. въ 1417 р. 8 д.) боярынъ Иванъ Петровичъ отписи дать не приказалъ, а бес приказу де бояриша Ивана Петровича отписей въ деньгахъ давать онѣ не смѣли".

Послѣдній вопросъ М. Невѣрову касался показанія его о томъ, что Мирошка ложно написалъ въ выдачу драгунамъ и солдатамъ 327 р. 24 ал. 5 д. Комиссія потребовала объясненія, „кому и сверхъ чего" написалъ эти деньги въ расходъ Мирошка?

Невѣровъ отвѣчалъ, что расходъ этотъ былъ написанъ „послѣ того, какъ нѣмецкіе люди отпущены на государеву службу“ (§ 22).

На слѣдующій день, 17 ноября (предшествующіе допросы продолжались 15 и 16 числа), перешли къ допросу подъячихъ и къ очной ставкѣ ихъ съ дьяками. Мирона Дубинина спросили почему въ его книгахъ и тетратяхъ взятье частью не было закрѣплено дьячьей рукой. Дубининъ объяснилъ, что взятье нѣкоторыхъ суммъ не помѣчено потому, что въ пріемѣ ихъ не было выдано отписей. Дубининъ упорствовалъ, что онъ будто бы „многижда“ билъ дьякамъ челомъ о томъ, чтобы они „тѣ статьи во взятьѣ помѣтили, а за отписьми ходили многіе люди, и діаки де тѣхъ людей, хто объ отписи побьетъ челомъ, велѣли ставить передъ собою, а ихъ подъячихъ бивали батоги и въ желѣза ковали“. В. Прокофьевъ подтвердилъ первую половину показанія Дубинина: поступленіе денегъ, дѣйствительно, не помѣчалось потому, что въ деньгахъ не выдавалось отписей. Взятье денегъ изъ приказовъ помѣчалось самимъ В. Прокофьевымъ на докладныхъ выпискахъ,—„и о тѣхъ де деньгахъ объ отписяхъ бить челомъ было некому“. Въ книгахъ эти суммы долженъ былъ помѣчать М. Невѣровъ. М. Невѣровъ далъ иное объясненіе: „не помѣчено де позъ тѣми статьями данья потому, что подъячіе ево не слушали, къ помѣтѣ книгъ не подносили“. Не можемъ, къ сожалѣнію, установить, какое впечатлѣніе на Комиссію произвели эти странные порядки.

На вопросъ М. Дубинину, почему расходъ деньгамъ помѣчался въ тетратяхъ, а не въ книгахъ, и не закрѣплялся дьяками, онъ отвѣчалъ, что расходъ писался въ тетратяхъ, а не въ книгахъ „для поспѣшенья“, а что касается дьячьихъ помѣтъ на выдачахъ и закрѣпленья тетратей дьяками, то онъ Невѣрову тетрати подносилъ, и Невѣровъ „тетрати иные закрѣпилъ, и иныхъ не закрѣпилъ, а для чего данья не помѣтилъ и тетратей не закрѣпилъ, того онъ не вѣдаетъ“. Совсѣмъ другое объясненіе далъ Невѣровъ: Мирошка, дѣйствительно, тетрати подносилъ, но онъ не помѣтилъ данья потому, что „осмотрѣлъ — въ той роздачѣ своровалъ тотъ Мирошко: сверхъ списка приписалъ на платье въ росходѣ 1930 рублевъ“. Въ подтвержденіе М. Невѣровъ подалъ 4 Мирошковыхъ тетрати, по которымъ онъ уличилъ Ми-

рошку въ тѣхъ „приписныхъ деньгахъ“, и „письмо“, составленное на основаніи счета Мирошки (подъячимъ Васильемъ Прокофьевымъ) и тѣхъ данныхъ, которыя онъ, Невѣровъ, выбралъ изъ Мирошковыхъ книгъ. Изъ этого сопоставленія слѣдовало, что Мирошка въ книги писалъ расходъ выше дѣйствительнаго. Дубининъ отвѣтилъ на эту улику увѣреніемъ, что онъ выдавалъ деньги по тому „смотрѣному списку“, который былъ ему данъ за приписью дьяка Василья Прокофьева. Комиссія обратилась тотчасъ же съ вопросомъ къ дьяку В. Прокофьеву, есть ли у нихъ въ Приказѣ „смотрѣной списокъ“. Дьякъ сначала отвѣчалъ, что „того онъ не упомнитъ“, но потомъ спохватился и заявилъ, что онъ это сказалъ, „пропамятовавъ“, что копія такого списка за его Васильевою рукою у нихъ въ Приказѣ, дѣйствительно, есть, а подлинный списокъ изъ Приказа с. р. л. посланъ къ воеводамъ. Тогда Комиссія категорически потребовала у М. Невѣрова объясненія: „сказываетъ онъ, Михайло, что Мирошко Дубининъ приписалъ въ росходъ сверхъ списка многіе деньги, а онъ Мирошко, деньги давалъ по списку?“ Невѣровъ отвѣчалъ, что онъ къ подлинному списку не обращался, а сыскалъ „приписные деньги“ по тѣмъ тетратямъ, которыя нынѣ предъявилъ на очной ставкѣ.

В. Прокофьевъ повторилъ, что его помѣты у данья нѣтъ потому, что помѣчалъ онъ на докладной выпискѣ, а расходъ долженъ былъ помѣчать Невѣровъ (§ 23).

Комиссія велѣла выписать изъ предъявленныхъ къ счету тетратей, сколько выдано нѣмецкимъ людямъ и русскимъ драгунамъ и солдатамъ на платье и на кормъ. Когда свѣрили тетради Дубинина съ „подлинникомъ“, по которому Дубининъ долженъ былъ выдавать деньги, оказалось, что въ тетратяхъ имъ записано на 48 человѣкъ больше, и выдано имъ будто бы сравнительно съ „подлинникомъ“ лишнихъ 144 р. За этихъ 48 человѣкъ расписывался какой-то Ондрюшко Григорьевъ, — „а какой человѣкъ Ондрюшка, замѣчаетъ протоколъ, — того не написано“ (§ 24).

Разбираясь въ цифровыхъ данныхъ, относящихся къ выдачѣ Мирошкой Дубининымъ денегъ на кормъ и на платье нѣмецкимъ и русскимъ урядникамъ, драгунамъ и солдатамъ, Комис-

сія наткнулась на такое затрудненіе: передъ ней было 3 расчета— а) расчетъ подъячихъ, считавшихъ Дубинина въ августѣ 147 г., б) расчетъ „письма“ М. Невѣрова, на основаніи данныхъ самого Мирошки, в) расчетъ тетратей, взятыхъ изъ ящика Мирошки послѣ его ареста.

а) По счету подъячихъ Мирошка выдалъ на указанныя статьи всего . . . . . 9902 р. 31 ал.

б) по „письму“ Невѣрова . . . . . 9711 р. 8 ал. 2 д.

в) по тетратямъ Мирошки. . . . . 9888 р. 7 ал. 1 д.

Надо полагать, что въ „письмѣ“ содержались данныя, наиболѣе близкія къ истинѣ, а остальныя цифры, полученныя изъ сообщеній Мирошки, имѣли дутый характеръ: въ одномъ случаѣ (в) онъ прибавилъ 176 р. 32 ал. 1 д., а въ другомъ (а) 191 р. 22 ал. 4 д. Путаница увеличивалась еще тѣмъ, что отдѣльныя слагаемыя этихъ итоговъ колебались иногда въ направленіяхъ противоположныхъ: одни показывались увеличенными, а другія уменьшенными. Во всякомъ случаѣ наличность злоупотребленій была очевидна: Мирошка взвинчивалъ итоги расходныхъ статей, чтобы оправдать свои утайки или растраты (§ 25).

Комиссія продолжала разслѣдованіе допросомъ М. Дубинина и дьяковъ о порядкѣ закрѣпленія выдачъ въ отдѣльныхъ случаяхъ. Такъ, Комиссія задала Мирошкѣ вопросъ, почему дьячьей рукой не помѣчена выдача 19 р. 17 ал. 4 д. урядникамъ Крафертова полка. Дубининъ отвѣчалъ, что выдачи на дѣлѣ не было, но Невѣровъ заявилъ, что деньги были даны, а не помѣчены онѣ по его собственному недосмотру [1]). На вопросъ о томъ, почему не помѣчена отсылка на кормъ ратнымъ людямъ 5609 р. 24 ал. $2^1/_2$ д., Мирошка отвѣчалъ, что деньги посланы, а почему отсылка дьякомъ не помѣчена—онъ не вѣдаетъ. Дьякъ В. Прокофьевъ сказалъ, что на докладной выпискѣ помѣта его, а въ книгахъ долженъ былъ помѣтить М. Невѣровъ. М. Невѣровъ сказалъ „прежніе свои рѣчи“: деньги были записаны не въ книгѣ, и у нихъ есть въ томъ особая расписка и отписка воеводъ. На вопросъ о томъ, почему не помѣчена выдача полку Росформа 1847 р. 29 ал., Дубининъ отвѣчалъ, что онъ подносилъ въ этомъ случаѣ расходную те-

[1]) „... а что данья у тѣхъ статей сво Михайловою рукою не помѣчено, и въ томъ де воля государева“.

трать дьяку В. Прокофьеву, но Прокофьевъ не помѣтилъ,—„а для чево не помѣтилъ, того онъ не вѣдаетъ". В. Прокофьевъ отпарировалъ это объясненіе, заявивъ, что его помѣта—на докладной выпискѣ, а въ „даньѣ" долженъ былъ помѣчать М. Невѣровъ. Невѣровъ отрекся: эту раздачу по подписной челобитной велѣно было вѣдать И. П. Шереметеву и дьяку В. Прокофьеву, а ему „тое роздачи вѣдать не велѣно". Комиссія спросила М. Дубинина, почему имъ не помѣчена выдача 49 р. 17 ал. 2 д. дѣтямъ боярскимъ, „которымъ быть на государевѣ службѣ на засѣкахъ въ урядникахъ". Дубининъ отвѣчалъ, что онъ тетрати дьякамъ подносилъ, но они „данья подъ тѣми статьями не помѣчали". Тогда оба дьяка категорически заявили, что подъячіе книгъ къ нимъ не подносили. Прижатый къ стѣнѣ Мирошка метнулся въ другую сторону: „сказываютъ де дьяки Василей Прокофьевъ да Михайло Невѣровъ на двухъ, на него Мирошка да на Сеньку Гаврилова, что онѣ книгъ къ нимъ, дьякомъ, къ помѣтѣ не подносили, а у нихъ де у подъячево у Василья Прокофьева въ росходѣ денегъ съ 50.000 рублевъ, и у него де тѣмъ деньгамъ и книгъ росходныхъ нѣтъ, не токмо что данье дьячьею рукою помѣчено". Комиссія тотчасъ поставила дьякамъ соотвѣтствующій вопросъ. Дьякъ В. Прокофьевъ отвѣчалъ уклончиво: „тотъ де подъячей Василей Прокофьевъ деньги пріималъ въ приходъ и въ росходъ давалъ—и въ книги росходу какъ было ему не записывать?" М. Невѣровъ сослался на товарища: подъячаго В. Прокофьева взялъ изъ Костромской чети въ Приказъ с. р. л. дьякъ В. Прокофьевъ, „и государю де онъ, Василей, сказывалъ, что тотъ подъячей ему, Василью, вѣренъ, а ему де, Михаилу, до того подъячево и дѣла нѣтъ". Дьякъ Прокофьевъ подтвердилъ, что когда ему велѣно было сидѣть въ Приказѣ с. р. л., онъ, Василій, „о подъячихъ, кому у того государева дѣла быть, докладывалъ государя, и государь де указалъ въ Приказъ збору ратныхъ людей взять подъячихъ ис Костромскіе чети, и тотъ де подъячей Василей Прокофьевъ деньги въ приходъ пріималъ и въ росходъ давалъ по приказу боярина Ивана Петровича Шереметева, и ему де, Михаилу, какъ было у того подъячего въ приходѣ и въ росходѣ не помѣчать?" Невѣровъ возражалъ, что подъячій В. Прокофьевъ деньги выдавалъ до поступленія въ Приказъ с. р. л. его,

Невѣрова, и какъ подъячій выдавалъ деньги, „правдою ль или неправдою“, онъ не вѣдаетъ, и потому въ расходѣ помѣчать его не смѣлъ. Дьякъ В. Прокофьевъ отвѣчалъ на это рѣзкой репликой: „сказываетъ де Михайло Невѣровъ, что онъ у подъячево у Василья Прокофьева въ росходѣ помѣчать не смѣлъ, а онъ де, Михайло, ево, Василья, въ приходѣ и въ росходѣ и считалъ“. М. Невѣровъ возражалъ: „подъячего де Василья Прокофьева въ приходѣ и въ росходѣ онъ, Михайло, не считалъ, а только де взялъ у него приходу и росходу смѣтную роспись, а книгъ не закрѣплялъ онъ потому, что ему не вѣрилъ“. На этомъ неожиданномъ заявленіи препирательство дьяковъ о помѣтѣ суммъ, проходившихъ черезъ руки подъячаго В. Прокофьева, вызванное ловкой репликой Мирошки, и окончилось (§ 26).

М. Невѣровъ взялъ на себя въ этотъ моментъ инціативу дальнѣйшаго веденія слѣдствія и просилъ допросить М. Дубинина о томъ, „какъ онъ, Мирошко, укралъ государевыхъ денегъ 825 рублевъ 14 алтынъ полъ 6 де, и гдѣ у него тѣ деньги были, и какъ и съ кѣмъ онъ тѣ деньги изъ Приказу выносилъ и въ Приказъ принесъ“, т.-е. потребовалъ, чтобы хотя одинъ боевой вопросъ былъ поставленъ твердо и настойчиво.

Мирошко, конечно, отперся, заявивъ, что онъ денегъ не кралъ, и сослался на то, что, когда онъ въ 148 г. раздавалъ въ Холопьемъ приказѣ кормовыя деньги, то былъ тамъ не одинъ,—„и въ тѣ де поры тутъ были подъячіе и сторожи, а не одинъ онъ, Мирошко, тѣ деньги роздавалъ, и денегъ приносить ему въ Приказъ было неоткуда“. Мирошко, изворачиваясь, билъ челомъ, чтобы самъ М. Невѣровъ былъ допрошенъ о томъ, присутствовали ли при раздачѣ, кромѣ Мирошки, подъячіе и сторожа.

Комиссія приняла этотъ вопросъ и поставила его М. Невѣрову. Невѣровъ отвѣчалъ, что при раздачѣ Мирошкой денегъ въ Холопьемъ приказѣ были молодые подъячіе: „Сеньки Гаврилова братъ Петрушка Гавриловъ да Ондрюшка Столѣтовъ, а сторожи де были по перемѣнамъ“. Невѣровъ, вѣроятно, чувствуя, что почва ускользаетъ у него изъ-подъ ногъ, счелъ нужнымъ въ этотъ моментъ повторить тѣ же самыя обвиненія противъ Мирошки, съ которыхъ началось слѣдствіе.

Комиссія, обходя эти повторенія, поставила Мирошкѣ вопросъ о неправильномъ внесеніи имъ поступленій въ документы Приказа 14—28 августа 147 г., когда въ приходъ онъ занесъ 361 р., въ ящикѣ у него оказалось 932 р., а по книгамъ значилось поступленій 985 р. Мирошка отвѣтилъ туманнымъ объясненіемъ: денегъ онъ не зарегистрировалъ потому, что „тѣ достальные деньги въ приходъ у него были не приняты, и ему де тѣхъ денегъ у себя въ приходъ написать было нельзѣ". Въ отвѣтъ на это дьяки указали, что печать у денежныхъ мѣшковъ была его, Мирошкова. Мирошка категорически отперся: „у тѣхъ де денегъ у мѣшковъ печать была не ево Мирошкова".

Относительно займа 1930 р. 22 ал. 1 д. [1]) у Сеньки Гаврилова, Мирошка настаивалъ, что деньги онъ у Сеньки, дѣйствительно, занималъ, а относительно выдачи (которую отрицалъ М. Невѣровъ) драгунамъ и солдатамъ послѣ 14 августа 147 г. 327 р. 24 ал. 5 д., Мирошко продолжалъ утверждать, что деньги эти имъ были выданы (§ 27).

Того же 17 ноября Комиссія сдѣлала очную ставку Сенькѣ Гаврилову съ дьяками. Сенькѣ былъ поставленъ вопросъ о томъ, почему среди его расходовъ 12187 р. 23 ал. не были помѣчены дьячьей рукою. Сенька отвѣчалъ наивностью: книги онъ дьякамъ подносилъ, а дьяки не помѣчали, „а для чево не помѣчали, того онъ не вѣдаетъ". Дьяки отвѣчали на это согласнымъ повтореніемъ своего прежняго объясненія: они не помѣчали въ книгахъ только тѣхъ суммъ, въ которыхъ не было отписей,—потому, надо думать, что не имѣли увѣренности, что деньги эти попадутъ въ Приказъ по назначенію. Вообще, прибавили дьяки, „у многихъ статей данья не помѣчено, что подъячіе къ помѣтѣ книгъ не подносили".

На вопросъ о томъ, отчего не помѣчена дьячьею рукою отправка въ городы 500 р., Сенька отговорился незнаніемъ. Точно спохватившись, дьякъ В. Прокофьевъ прибавилъ свое обычное объясненіе: его помѣта есть на докладной выпискѣ, а въ книгѣ долженъ былъ помѣтить не онъ, а М. Невѣровъ. М. Невѣровъ тоже повторилъ прежнее объясненіе: выдача этихъ денегъ помѣчена у нихъ въ Приказѣ въ особыхъ „запискѣ" и „роспискѣ",

[1]) Выше была рѣчь о 1930 р. 8 ал. 2 д.

„да и потому де они у росходу не помѣчали, что подъячіе къ нимъ къ помѣтѣ книгъ не подносили". Наткнувшись на такія уличающія его показанія дьяковъ, Сенька неожиданно сдѣлалъ сенсаціонное заявленіе: книги для помѣтъ они дьякамъ подносили, „и Михайло де Невѣровъ у многово приходу взятья и у росходу данья не помѣчалъ, а говорилъ имъ подъячимъ: вы де подъячіе ѣдите яблока, а намъ оскомина".

Комиссія тотчасъ потребовала отъ Семена истолкованія этой иносказательной фразы М. Невѣрова. С. Гавриловъ пояснилъ: „говорилъ де Михайло Невѣровъ имъ, подъячимъ, про яблока и про оскомину къ тому, будто они, подъячіе, какъ роздавали солдатомъ кормовые деньги, и они де будто у той роздачи корыстовались, а имъ не давали ничево". М. Невѣровъ отъ этой фразы о яблокахъ и оскоминѣ отрекся.

Слѣдующій вопросъ С. Гаврилову касался отсутствія дьячьей помѣты на тетратяхъ, въ которыя была записана выдача нѣмецкимъ людямъ и русскимъ драгунамъ и солдатамъ на платье и на кормъ 5725 р. 16 ал. и 1622 р. 6 ал. 5 д.; почему выдача этихъ денегъ не была проведена по книгамъ, и когда она имѣла мѣсто. Семенъ отвѣчалъ, что раздача происходила въ іюнѣ 147 г. въ помѣщеніи Холопьяго приказа, что тетрати и списки онъ М. Невѣрову и В. Прокофьеву подносилъ, но дьяки денегъ этихъ не помѣчали, а М. Невѣровъ списки у него взялъ и „держалъ ихъ у себя мало не годъ" и, кромѣ того, взялъ у него „имяна голые въ тетраткахъ для тово, чтобъ ему, Сенькѣ, чево въ той роздачѣ не прибавить, и тѣ де имяна въ тетраткахъ и нынѣ у Михаила Невѣрова". Дьяки сказали, что ихъ помѣтъ нѣтъ потому, что деньги раздавались безъ нихъ въ Холопьемъ приказѣ, и книгъ имъ Сенька не подносилъ. М. Невѣровъ заявилъ, что списки у С. Гаврилова онъ для счета, дѣйствительно, бралъ, но давно отдалъ тѣ списки Сенькѣ обратно.

Затѣмъ Комиссія задала С. Гаврилову всѣ тѣ вопросы, которые были поставлены и М. Дубинину. а) Объ отсутствіи записи полученія съ Вятки 1417 р. 8 д. Гавриловъ отвѣчалъ, что взятье не помѣчено потому, что отписи въ тѣхъ деньгахъ вятскимъ цѣловальникамъ не было дано; б) и в) объ отсутствіи записи 105 р., посланныхъ имъ въ Костромскую четь, и 158 р., посланныхъ въ

Новгородскую четь (возвращеніе платежа Строгановыхъ), Гавриловъ сказалъ, что расписка въ Приказѣ есть, а почему дьяки не помѣтили, онъ не знаетъ. Дьяки повторили свои прежнія объясненія.

М. Невѣрову Комиссія поставила такой вопросъ: „написалъ онъ въ росписи своей у Сеньки Гаврилова въ займѣхъ на подъячихъ 2630 р., а на комъ на подъячихъ—того именно не написалъ“. М. Невѣровъ отвѣчалъ, что деньги были переданы М. Дубинину и подъячему В. Прокофьеву. На тотъ же вопросъ Сенька далъ удовлетворительное объясненіе: 1930 р. 22 ал. 1 д. онъ передалъ М. Дубинину да 700 р. подъячему В. Прокофьеву, и расписка у него въ тѣхъ деньгахъ есть. Въ остаткѣ у него по тотъ срокъ, когда онъ былъ отданъ за пристава, значилось 273 р., изъ нихъ 200 р. послано въ Разрядъ, а 73 р. и теперь у него въ остаткѣ въ Приказѣ (§ 28).

22 ноября Комиссія занялась разсмотрѣніемъ тѣхъ тетратей, о которыхъ шла рѣчь въ предыдущіе дни слѣдствія, и начала съ предъявленія ихъ обоимъ дьякамъ и подъячимъ Семену Гаврилову и Мирону Дубинину. Комиссія поставила допрашиваемымъ вопросъ: почему „противъ ихъ Васильевы и Михайловы приписи тѣ тетрати несполна показывали“, т.-е. почему не всѣ листы тетратей оказались налицо? [1]) В. Прокофьевъ сначала сказалъ, что тетрать, имъ закрѣпленная, закрѣплена имъ сполна, а потомъ прибавилъ, что эта тетрать была имъ заведена, когда онъ только что былъ опредѣленъ въ Приказъ, и отъ прежняго состава Приказа домочныхъ книгъ къ нему и боярину И. П. Шереметеву прислано не было, и денегъ, приносимыхъ за перехожіе дворы, записывать было „не во што“, „и что де въ тѣ поры денегъ въ приходъ было взято, то онъ, Василей, своею рукою и закрѣпилъ, а порожнихъ де тетратей къ той тетрати привязать онъ, Василей, не велѣлъ, потому что денегъ въ приходъ въ тѣ поры записывать было больши того нечево, и потому де только ево, Васильевою, рукою и закрѣплено“. М. Невѣровъ показалъ, что тетрати были имъ закрѣплены сполна, что были онѣ у подъячихъ, а сколько листовъ или тетратей отъ

[1]) Отрываніе неудобныхъ листовъ было, повидимому, въ Приказѣ въ ходу. Ср. замѣтку на л. 80 № 120 1652 г.: „...сворovалъ подъячій Андрюшка Русановъ: изъ книги листъ выдралъ, и про то сыскано, а дѣло его взято въ Большой приходъ...“

нихъ оторвано, и куда оторванные листы или тетради дѣвались, онъ не знаетъ. М. Дубининъ показалъ, что онъ не знаетъ, многіе ли листы или тетради оторваны отъ тетрадей, скрѣпленныхъ М. Невѣровымъ, что онъ не вѣдаетъ и не помнитъ, были ли на тѣхъ оторванныхъ листахъ его, Мирошковы, записи,—„а записывали де въ тѣ тетради деньги въ приходъ всѣ подъячіе, которые сидятъ въ Приказѣ збору ратныхъ людей". Когда ему приказали принимать деньги съ посадовъ, онъ передалъ—„тому з годъ" (т.-е. въ началѣ 148-го года) — тетради подъячему Харитону Гордѣеву „цѣлы", а Харитонъ послѣ того умеръ, тетради остались у подъячихъ Приказа с. р. л., и какіе листы изъ нихъ пропали, онъ не знаетъ. Тетрадь же за приписью дьяка В. Прокофьева сохранилась безъ поврежденій до сихъ поръ. С. Гавриловъ показалъ, что тетради, скрѣпленной М. Невѣровымъ у него не было совсѣмъ, а была эта тетрадь сначала у Х. Гордѣева, а по смерти его у подъячаго В. Прокофьева; тетрадь, помѣченная дьякомъ В. Прокофьевымъ, сохранилась въ исправности, и листовъ отъ нея оторвано не было (§ 29).

Ноябрьскіе допросы по мысли руководителей дѣла, очевидно должны были вскрыть весь порядокъ счетоводства Приказа с. р. л., но задача оказалась Комиссіи не по плечу. Комиссія, переходя отъ одного вопроса къ другому, отъ частнаго къ общему, и нигдѣ не добираясь до конца, отвлекаемая отъ заданныхъ вопросовъ самими допрашиваемыми и собственной непослѣдовательностью, блуждала какъ въ лѣсу. Начавъ съ вопроса о смѣтныхъ спискахъ и остаткахъ, Комиссія перешла къ вопросу о выдачѣ денегъ полку Крафорта, объ отправкѣ денегъ въ города, о порядкѣ приказныхъ ревизій, объ обстоятельствахъ отстраненія Дубинина отъ должности, затѣмъ поставила общій вопросъ о записи прихода и расхода, снова вернулась къ отправкѣ денегъ „въ города", поставила вопросы о посылкѣ денегъ въ Костромскую и Новгородскую чети, о поступленіи денегъ съ Вятки, о выдачѣ денегъ драгунамъ и солдатамъ, о порядкахъ въ счетоводствѣ Приказа вообще и т. д. и т. д. Обратившись къ допросу подъячихъ и перебивая его показаніями дьяковъ, Комиссія опять вернулась къ конкретнымъ эпизодамъ, содержавшимся въ томъ „письмѣ" Невѣрова, съ котораго началось слѣдствіе, но почему-

то не догадалась или не рѣшилась углубиться въ изученіе сопроводительныхъ воеводскихъ отписокъ, которые могли бы разъяснить ей кое-что существенное. Ни одинъ изъ этихъ вопросовъ не былъ исчерпанъ и освѣщенъ до конца. Показанія дьяковъ расходились съ показаніями подъячихъ и не согласовались одно съ другимъ. Комиссія кружилась въ этомъ противорѣчивомъ матеріалѣ, безсильная расположить его въ порядкѣ и системѣ, безсильная сладить даже съ ариѳметическими трудностями дѣла. Она не пришла въ концѣ концовъ ни къ какому опредѣленному заключенію, и слѣдствіе замерло.

Картина дѣлопроизводства Приказа с. р. л., открывшаяся передъ Комиссіей, была мало утѣшительной. Оказалась, что, не въ примѣръ обычному порядку, „смѣтные списки“ (т.-е. годичные отчеты) въ Приказѣ не составлялись совсѣмъ, и дьяки собирались свести общій отчетъ только по окончаніи операціи. Текущая бухгалтерія Приказа находилась въ состояніи полной разрухи. Кромѣ записи въ официальныя книги Приказа, скрѣпленныя по листамъ помѣтами дьяковъ съ начала и до конца и соотвѣтствующія нашимъ „шнуровымъ книгамъ“, въ Приказѣ допускалось еще замѣнявшее запись въ книги занесеніе „взятья и данья“ въ какія-то „тетрати“—и допускалось съ вѣдома самихъ дьяковъ [1]). Повидимому, главная запись, заносимая только въ тетрати, шла именно помимо книгъ. Тетрати эти частью совсѣмъ не были закрѣплены дьяками, а то, что и было закрѣплено, оказалось въ безпорядкѣ: цѣлыя пачки листовъ были оторваны. Дьяки истолковывали дѣло по-разному. Невѣровъ то признавалъ неряшливость веденія счетоводства и объяснялъ отсутствіе скрѣпъ въ книгахъ и тетратяхъ при выдачахъ своею оплошностью, то ссылался на то, что деньги, поступавшія въ Приказъ при препроводительныхъ грамотахъ изъ другихъ учрежденій, напр., четей, и не нуждались въ особыхъ записяхъ въ Приказѣ. Наконецъ, Невѣровъ усиленно упиралъ на непослушаніе подъячихъ, не приносившихъ дьякамъ этихъ суммъ къ записи съ вѣдома потакавшаго имъ боярина, жаловаться на самоуправство котораго госу-

[1]) О неряшливости проведенія поступившихъ суммъ въ Приказѣ можно судить и по матеріалу, изложенному въ гл. III—IV. См., напр., случаи Двины, Пскова, Соли Галицкой, Устюга, Яренскаго уѣзда и др.

дарю онъ не смѣлъ. Оба дьяка согласно утверждали, что они пытались завести правильный порядокъ регистраціи денежныхъ суммъ въ Приказѣ, посадивъ одного подъячаго у пріема, другого у выдачи, а третьяго у домки, но планъ ихъ былъ нарушенъ грубымъ вторженіемъ въ порядки Приказа самого боярина, взявшаго всю денежную сторону въ собственныя руки и посадившаго у прихода и расхода своихъ клевретовъ Мирошку и Сеньку. Распущенность подъячихъ въ этихъ условіяхъ дошла до того, что въ полученіи 144 р. расписался за 48 человѣкъ какой-то никому невѣдомый Ондрюшка Григорьевъ.

В. Прокофьевъ, правда, поддерживалъ М. Невѣрова въ своихъ показаніяхъ, но поддерживалъ уклончиво и вяло, стараясь, гдѣ можно, отвильнуть въ сторону, то ссылаясь на недосугъ, помѣшавшій ему заняться „справкой“ тетратей, то отвѣчая какими-то реторическими ссылками на своего однофамильца, покойнаго подъячаго В. Прокофьева. Иногда онъ и прямо сваливалъ отвѣтственность на товарища.

Дубининъ держался самоувѣренно: сначала развязно увѣрялъ Комиссію въ томъ, что тетрати имъ неукоснительно подносились дьякамъ, но они сами не желали дѣлать помѣтъ, а потомъ дерзко заявилъ, что дьяки жалуются на него и на Сеньку, а молчатъ о томъ, что огромныхъ денежныхъ суммъ черезъ бухгалтерію не проводилъ и подъячій В. Прокофьевъ.

При видѣ незакрѣпленныхъ и растрепанныхъ тетратей, передъ ними положенныхъ, дьяки выразили недоумѣніе, увѣряя Комиссію, вопреки своимъ собственнымъ показаніямъ, что тетрати въ свое время были помѣчаемы ими систематически. Дубининъ нагло пытался свалить отвѣтственность за порчу тетратей на покойнаго Х. Гордѣева.

Дѣло съ тетратями такъ и осталось неразъясненнымъ. Комиссія не смогла или не сумѣла разобраться въ этой счетоводной стряпнѣ, а путаница открывала много возможностей для отпора слѣдствію со стороны подъячихъ и Шереметева. Для Комиссіи, конечно, вполнѣ была ясна суть дѣла: мошенничество боярина въ союзѣ съ подъячими и нѣкоторое потаковничество дьяковъ совершавшимся на ихъ глазахъ хищеніямъ при совершенной неряшливости всей этой тройной приказной бухгалтеріи.

Въ путаницѣ допросовъ первоначальный импульсъ, данный дѣлу, былъ, однако, потерянъ. Было ясно, что дьяки допустили въ веденіи дѣла рядъ крупныхъ промаховъ, не упорядочивъ „взятья и данья", а главное, разрѣшая очень неряшливое обращеніе съ тетратями, и не требуя закрѣпленія суммъ, проходившихъ черезъ Приказъ. Оправданіемъ имъ было грубое и злостное вмѣшательство въ самыя щекотливыя стороны внутреннихъ порядковъ Приказа сильной и хищнической руки боярина. Подъячіе, виновность которыхъ въ отдѣльныхъ случаяхъ (выдача подложныхъ расписокъ) не вызывала никакихъ сомнѣній, дерзко и развязно запутывали дѣло, очевидно чувствуя за собой поддержку со стороны своего властнаго покровителя. Какой страхъ и дьякамъ и самой Комиссіи внушалъ бояринъ, видно изъ того, что не только дьяки въ свое время не осмѣлились на него жаловаться, но и Комиссія не рѣшилась подвергнуть его допросу. В. Прокофьевъ указалъ на его участіе въ хищеніяхъ нехотя, точно нечаянно проговорившись. Но самое упоминаніе имени И. П. Шереметева должно было, конечно, вызвать съ его стороны энергичное противодѣйствіе слѣдствію. Вѣроятно, именно этимъ противодѣйствіемъ и объясняется неожиданная пріостановка работы Счетнаго приказа въ томъ неопредѣленномъ фазисѣ, до котораго она была доведена ноябрьскими допросами. Дѣло было направлено по обычной дорогѣ московской волокиты, его начинаютъ тянуть, давая возможность запутаннымъ въ немъ лицамъ прятать концы въ воду. Судя по той трудности, съ какой было начато Счетное дѣло, расчетъ властнаго плута былъ правильный. Закулисная работа разныхъ вліяній должна была совершенно парализовать дальнѣйшее слѣдствіе.

Отклоняясь отъ ближайшаго вопроса о злоупотребленіяхъ подъячихъ и погружаясь все болѣе и болѣе въ тайны приказнаго счетоводства, слѣдствіе становится вялымъ. Затѣявшій дѣло М. Невѣровъ оказался въ положеніи подслѣдственнаго и долженъ былъ почувствовать, что почва подъ его ногами колеблется. Обезпокоенный бездѣйствіемъ Комиссіи и неожиданнымъ оборотомъ дѣла М. Невѣровъ черезъ Счетный приказъ подалъ государю новое челобитье, въ которомъ онъ, дополняя со-

держаніе своихъ обвинительныхъ пунктовъ, просилъ допросить молодыхъ подъячихъ и сторожей Приказа с. р. л. Челобитье это помѣчено 9-ымъ декабря. Оно было доложено государю или въ самый моментъ его отъѣзда на богомолье — онъ выѣхалъ по официальнымъ даннымъ изъ Москвы 8 декабря и вернулся только къ Рождеству, — или же резолюцію положилъ именемъ государя кн. И. Б. Черкасскій, которому была поручена Москва на время высочайшаго отсутствія. Во всякомъ случаѣ князя Ивана Борисовича въ этотъ моментъ дѣло не могло миновать [1]).

7. Допросы въ январѣ 149 г. молодыхъ подъячихъ и сторожей Приказа с. р. л.

Очевидно, увертки подъячихъ нѣсколько озадачили самого Невѣрова,—ему понадобилось время, чтобы разобраться въ нихъ и сообразить положеніе. Разобравшись, Невѣровъ рѣшилъ опять бить въ ту же точку и въ своемъ новомъ челобитьѣ оспаривалъ объясненія Дубинина относительно 1083 р. — утайка по росписи Невѣрова за время августъ 147 г. — февраль 148 г. Дубининъ показалъ, что 1183 р. (такъ!) превышенія его расхода надъ приходомъ были имъ покрыты изъ его іюньскаго полученія. М. Невѣровъ возражалъ противъ такого объясненія, указывая на то, что еще съ 19 августа 147 г. они съ дьякомъ В. Прокофьевымъ, замѣтивъ, что подъячіе утаиваютъ деньги, стали отправлять всю наличность Приказа с. р. л. на Казенный дворъ, — „и денегъ имъ (подъячимъ) у себя въ ящикахъ и въ коробьяхъ держати не велѣно ничего“. „Переставливали всякіе и мелкіе деньги (которыя приходилось держать въ самомъ Приказѣ) за ихъ подъяческими печатьми въ казенку, писалъ Михайло, а казенку печатали мы, х. т., съ Васильемъ Прокофьевымъ своими печатьми, а безъ насъ, государь, нихто ис казенки денегъ не вымывалъ и въ казенку не переставливалъ.“ Съ августа 147 г. по ноябрь 148 г. было 4 выноса денегъ изъ Приказа на Казенный дворъ, такъ что денегъ у Мирошки никоимъ образомъ не могло оставаться на рукахъ, — откуда же онъ могъ взять на расходъ 1090 р. (такъ!) сверхъ прихода? Изъ позднѣйшихъ полученій Мирошка утаилъ

[1]) Ср. выше стр. 472.

еще 106 р. Общій итогъ утаекъ Мирошки Невѣровъ въ этомъ заявленіи исчислялъ только въ 2755 р., ссылаясь на то, что „иныя татьбы писаны въ прежнемъ спискѣ". 2755 р., очевидно, слагались изъ двухъ статей первой росписи (см. выше сс. 473 -474): 825 р. + 1930 р.,—хищенія этихъ суммъ Невѣровъ считалъ фактами совершенно безспорными. Обращаясь къ счету Сеньки, Невѣровъ указывалъ на то, что первое его заявленіе было имъ построено на данныхъ, сообщенныхъ ему Сенькой по 14 августа 147 г. Съ тѣхъ поръ прошелъ годъ и 5 мѣсяцевъ, и подъячіе, спохватившись, пытались пригнать расходъ къ приходу, — „а въ книгахъ они послѣ того все здѣлали противъ приходу потому, какъ тѣ росходы были тому годъ 5 мѣсяцъ, а книги были безъ замѣтъ".

Невѣровъ просилъ допросить молодыхъ подъячихъ и сторожей, которые были у раздачъ съ Дубининымъ и Гавриловымъ: „такіе великіе деньги въ маѣ и в-юнѣ вынесены 2755 рублевъ немалыми людми или на телѣгѣ вывезены,"— какъ же ихъ вывезли и назадъ въ Приказъ внесли? „А мнѣ у той роздачи, писалъ Невѣровъ, быть не велѣно. А всѣ, государь, Мироновы татьбы побъявились по его-жъ Миронкову письму, а безъ письма и безъ улики нѣтъ ни единые деньги. А что, государь, онъ, Миронко, воровалъ, подписывалъ дьячьи руки и подъячево руку, и хто у него послѣднюю отпись, что взялъ деньги у Ѳонасья Челюсткина, писалъ, а письмо подъяческое доброе, а въ Приказѣ збору ратныхъ людей такова письма нѣтъ. Вели, государь, того подъячево къ сыску взять и вели, государь, у нихъ роспросу мнѣ, х. с., быть для того, что моя, х. т., рука подписана".

Къ своей челобитной Невѣровъ приложилъ новую выкладку, противорѣчившую его прежнему расчету (повидимому, онъ и самъ не былъ увѣренъ въ приводимыхъ цифрахъ), въ которой доказывалъ, что Семенъ утаилъ 1032 р. 14 ал. 2 д., а Миронъ, если положиться на приведенныя имъ самимъ данныя, — 1349 р., на самомъ же дѣлѣ 2755 р. Кончая свои выкладки, дьякъ прибавилъ такую многозначительную фразу: „для того то написалъ, што того никому обойти не умѣть" [1]).

Невѣровъ подчеркивалъ, что Мирошка поддѣлалъ руку его самого, руку Емельяна Евсевьева и руку неизвѣстнаго подъячаго

[1]) Текстъ этой фразы, сильно пострадавшій, устанавливаемъ не совсѣмъ увѣренно.

Помѣстнаго приказа,—„а подъяческое доброе писмо, и тотъ человѣкъ не сысканъ“, — и просилъ сыскать этого подъячаго. Для большей убѣдительности онъ присоединилъ слѣдующее выразительное заключеніе: „тотъ же, государь, Миронко многижда изъ Приказу изъ желѣзъ бѣгивалъ и отъ пристава бѣгалъ, и многіе у него животы были въ-объявѣ, и всѣ перехоронены, потому, какъ ево послѣднее воровство и подписка объявилась, и послѣ того сыску тому не было многое время, и онъ не сысканъ 6 дней бѣгалъ отъ пристава“.

„Мнѣ было, х. т., не объявити тебѣ, государю, не умѣть, восклицалъ М. Невѣровъ, что твои государевы деньги гинутъ, а его воровство множилось: блюлся твоей государской опалы, чтобъ внапраснѣ не погинуть! А нынѣ, государь, и ходить не смѣю, брожу, какъ мертвецъ, сколь борзо убьютъ. Люди, государь, тѣ подъячіе многосемьянистые, а я человѣкъ одинакой, блюдусь смертного убойства и пожогу и всякого воровского умыслу. Вели, государь, тотъ счетъ написати по моей росписи и по ихъ рукамъ по росписямъ, а на книги, государь, я тебѣ, государю, бью челомъ, что они воровскимъ вымысломъ писали, и росписи, вымышленные-жъ, только были у меня, а книги были у нихъ. И послѣ, государь, прежнего счету тотъ воръ написалъ сверхъ письма и имянныхъ книгъ 53 человѣка, а имъ дачи больши 300 рублевъ. Тѣ, государь, воры будутъ многимъ воромъ любо на добро любо на зло образецъ“ (§ 30).

Въ этой припискѣ М. Невѣрова слышится голосъ отчаянія, и чувствуется стремленіе оправдаться. Такъ неожиданно обернулось поднятое имъ съ большими усиліями дѣло: черезъ 2 мѣсяца послѣ начала слѣдствія главный обвинитель превратился въ обвиняемаго, а подъячіе, опираясь на путаницу въ дѣлопроизводствѣ Приказа с. р. л., ободрились и обнаглѣли. Очевидно, И. П. Шереметевъ, понемногу втягиваемый въ слѣдствіе въ качествѣ главнаго участника злоупотребленій, принялъ свои мѣры.

Государевъ указъ о допросѣ молодыхъ подъячихъ и сторожей помѣченъ 9 декабря, но неизвѣстно по какой причинѣ Счетный приказъ собрался приступить къ ихъ допросу только 1 января, т.-е. спустя цѣлыхъ 3 недѣли, уже по возвращеніи государя въ Москву. Допрошенный Комиссіей подъячій Столѣ-

товъ показалъ, что онъ сидитъ въ Приказѣ с. р. л. „въ молодыхъ подъячихъ тому другой годъ у подъячихъ у Мирошка Дубинина да у Сеньки Гаврилова съ товарыщи“, что отношенія къ приходу и расходу денегъ онъ вообще не имѣлъ, но при раздачѣ Дубининымъ денегъ въ Холопьемъ приказѣ тамъ былъ вмѣстѣ съ подъячимъ Петромъ Кузьминымъ; откуда Мирошко деньги бралъ—онъ не знаетъ. Спрошенный о предъявленной С. Гавриловымъ еще во время ноябрьскихъ допросовъ и компрометирующей Шереметева „грамотцѣ“, Столѣтовъ отвѣтилъ отрицательно: памятцы онъ не писалъ, и вина никто ему и Сенькѣ Гаврилову не сулилъ. Но когда „памятца“ ему была „казана“, онъ не устоялъ и сознался, что это его „письмо“, а написана „грамотца“ по порученію Давыда Бѣгичева, „чтобъ онъ, Сенька, человѣка ево изъ желѣзъ выпустилъ“. „И Сенька де Гавриловъ того Давыдова человѣка изъ желѣзъ выпустилъ и взялъ у него отъ тово полведра вина, а больши де того онъ, Ондрюшка, въ той паметцѣ ничево не писывалъ“.

Комиссія не могла, установивъ этотъ фактъ, не поставить вопроса объ участіи въ дѣлѣ самого Шереметева. Около этого вопроса блуждали уже давно, а возбудить его—значило помѣряться вліяніемъ самимъ боярамъ — Репнину и Шереметеву. Комиссія рискнула поставить Ондрюшкѣ такіе вопросы: по чьему велѣнью онъ написалъ свою „паметцу“, и „иные такіе паметцы онъ, Ондрюшка, къ подъячимъ писывалъ ли, и Василей Шереметевъ за такими дѣлами къ боярину Ивану Петровичю Шереметеву прихаживалъ ли“. При такомъ оборотѣ „молодой подъячій“ обробѣлъ Ондрюшка показалъ, что „паметцу“ онъ писалъ „собою, а не по боярскому Ивана Петровича велѣнью“, угрозу челобитьемъ Василію Шереметеву онъ написалъ „собою-жъ, а ни по чьему велѣнью, а иныхъ де такихъ паметцей онъ, Ондрюшка, ни к кому не писывалъ, и Василей Шереметевъ за такими дѣлами къ боярину, къ Ивану Петровичю, не прихаживалъ. А велѣлъ де бояринъ Иванъ Петровичъ Шереметевъ съ стольниковъ, и съ стряпчихъ, и з дворянъ московскихъ, и з дьяковъ, и з жильцовъ, и со всякихъ чиновъ: людей за перехожіе дворы деньги збирать ему, Ондрюшкѣ, по росписи, а не выборомъ“ (§ 31).

Поставленный къ допросу слѣдомъ за Столѣтовымъ подъячій

Петрушка Кузьминъ показалъ, что при раздачѣ денегъ Дубининымъ въ Холопьемъ приказѣ онъ присутствовалъ, но откуда Дубининъ бралъ для раздачи деньги, не знаетъ. Тѣ же вопросы были заданы сторожамъ Приказа с. р. л., изъ которыхъ трое взяты были изъ Владимірскаго суднаго приказа, а трое изъ Костромской четверти. Они показали, что при раздачѣ денегъ въ Холопьемъ приказѣ они стояли, перемѣняясь по недѣлямъ,— „а отколева онъ, Мирошко, для тое роздачи деньги ималъ и ис Приказу деньги выносилъ ли, того они не вѣдаютъ“ (§§ 32 и 33).

На этомъ допросѣ 1 января 149 г. слѣдствіе заглохло почти на цѣлыхъ 8 мѣсяцевъ: возобновилось оно только въ концѣ 149 г. Въ самомъ Приказѣ с. р. л., въ этотъ моментъ наступилъ развалъ, который лучше всего характеризовать безхитростнымъ съ виду повѣствованіемъ лѣтописнаго характера, затерявшимся въ глубинѣ одного изъ его столбцовъ. Приказъ с. р. л. обратился къ Счетному приказу со слѣдующимъ запросомъ, сохранившимся въ черновомъ отпускѣ. „Лѣта 7149 года марта въ 11 де. По г. (*п. т.*) указу боярину князю Борису Александровичу Репнину да дьякомъ думному Михаилу Данилову да Ивану Переносову велѣти имъ дати выправити, а иные статьи выписати изъ книгъ Приказа с. р. л. 146 и 147 году взятье и доимки съ московскихъ чиновъ бояръ, и окольничихъ, и стольниковъ, и стряпчихъ, и дворянъ московскихъ, и дьяковъ, и вдовъ большихъ, и жильцовъ, и дворовыхъ разныхъ, и всякихъ чиновъ людей, и изъ городовъ и посадовъ, и городовыхъ вдовъ и недорослей взятье яъ и доимку. Съ московскихъ чиновъ для того, что даны были росписи збирати деньги подъячимъ и приставомъ, и многіе подъячіе и приставы пропали безвѣстно, и сыскать ихъ немочно (зачеркнуто: бѣжали съ Москвы), а иные померли. А изъ городовъ воеводы и всякіе приказные люди пишутъ, что изъ многихъ городовъ деньги къ Москвѣ посланы (зачеркнуто: и на комъ чево денегъ взято, того выправить безъ книгъ не по чему). И, не выправясь съ книгами, на московскихъ всякихъ чиновъ людей новыхъ росписей и въ городы про доимки писать не по чему (зачеркнуто: не умѣть — да та выпись за дьячьею приписью прислати въ Приказъ с. р. л. къ боярину И. П. Шереметеву да къ дьякомъ Василью Прокофьеву да Ми-

хаплу Невѣрову за дьячьею приписью), а для той выправки (зачеркнуто: выписки) и высланы (было: посланы) Приказу с. р. л. подъячіе Микифорка Ивановъ да Володимерко Толстой да Иванъ Гавриловъ и съ молодыми товарищи“ [1]). Такова была печальная аттестація, выданная Приказомъ с. р. л. самому себѣ.

Что могла Комиссія, запутавшаяся въ противорѣчивомъ матеріалѣ, сообщить самимъ виновникамъ этой путаницы къ руководству, сказать трудно, и самое требованіе Приказа с. р. л. доставить ему эти данныя похоже скорѣе на насмѣшку боярина, отъ котораго исходилъ этотъ запросъ. Слѣдовъ отвѣта на него въ архивномъ наслѣдіи Приказа с. р. л. не встрѣтилось.

8. Допросы дьяковъ и подъячихъ Приказа с. р. л. и экспертиза отписи въ августѣ 149 г.

28 августа 149 г. послѣдовалъ неизвѣстно чѣмъ вызванный указъ государя о допросѣ Мирошки подъ пыткой. Онъ долженъ былъ отвѣтить на слѣдующіе вопросы. „Какъ онъ, Мирошко, сидѣлъ въ Приказѣ збору ратныхъ людей у приходу и у росходу, и онъ, Мирошко, ево государеву казну деньги кралъ, и что онъ, Мирошко, приписалъ въ тетратѣхъ ратнымъ людемъ на платье денегъ сверхъ тѣхъ тетратей, каковы онъ далъ діаку Михаилу Невѣрову“. Отпись, выданную въ 20 рубляхъ Аѳанасію Челюсткину, государь указалъ смотрѣть площаднымъ подъячимъ,—„да будетъ площадные подъячіе скажутъ, что у той отписи дьячья Михайлова рука Невѣрова подписана, и ево, Мирошка, указалъ государь пытать же, — та отпись которово подъячево письмо, и самъ ли онъ, Мирошко, тое отпись подписывалъ и по чьему велѣнью“ (§ 34).

Не можемъ объяснить, какимъ конкретнымъ обстоятельствомъ былъ вызванъ приливъ энергіи въ дѣятельности Счетнаго приказа,—можетъ быть, это было связано съ обычной очисткой затянувшихся дѣлъ въ концѣ гражданскаго года. Но, очевидно, рѣшили двинуть дѣло серьезно, и, наконецъ, были поставлены тѣ вопросы, съ выясненія которыхъ слѣдовало бы начать слѣдствіе,—остальное тогда разъяснилось бы само собой. Дѣло было

[1]) 1637 г. № 67 л. 138.

поведено спѣшно, можетъ быть, даже слишкомъ спѣшно для равномѣрнаго углубленія слѣдствія.

30 августа М. Дубининъ „у пытки“ былъ допрошенъ и поставленъ съ дьякамъ съ очей на очи. Первымъ былъ заданъ ему наиболѣе осязательный вопросъ объ утайкѣ 90 р. 3 ал. 3 д. изъ полученныхъ въ Большомъ дворцѣ 2090 р. 3 ал. 3 д. Мирошко объяснилъ, что 90 р. 3 ал. 3 д. онъ прописалъ „безъ хитрости“. Когда дьяки, считая его, „ему спаметовали“ объ этой прописки, онъ, „справяся въ приказѣ Большого дворца съ росходною книгою“, и убѣдившись, что, дѣйствительно, 90 р. имъ недоданы, написалъ эти 90 р. „въ счотную роспись“, но въ приходную книгу занести эти деньги дьяки ему уже не дали. Мирошко, не смущаясь, заявилъ, что „тѣхъ денегъ онъ, Мирошко, не крадывалъ, тѣ деньги въ росходѣ“.

Дьяки, дававшіе показанія параллельно съ Мирошкой, пояснили, что утайку эту они обнаружили только черезъ полгода послѣ ея совершенія, а когда спросили Мирошку о томъ, всѣ ли онъ деньги внесъ, то Мирошка сказалъ, что онъ этихъ 90 р. не получалъ; когда же они велѣли „рѣчи ево записать, да къ тѣмъ рѣчамъ ему, Мирошку, руку приложить“, то Мирошко „повинился“ и сказалъ, что деньги эти изъ Большого дворца онъ получилъ. Деньги эти до сихъ поръ за Мирошкой, и боярину И. П. Шереметеву объ этомъ извѣстно.

Затѣмъ Мирошкѣ были поставлены два вопроса: а) о несдачѣ имъ 19 августа 147 г. 825 р. 14 ал. $5^1/_2$ д. на Казенный дворъ и б) о томъ, откуда онъ бралъ и съ кѣмъ приносилъ деньги на раздачу въ Холопій приказъ въ ноябрѣ 148 года. На первый вопросъ Мирошка, судя по протоколу, не отвѣтилъ совсѣмъ, а на второй далъ такое объясненіе: онъ раздавалъ деньги, взятыя за перехожіе дворы съ московскихъ чиновъ, и деньги, выданныя ему съ Казеннаго двора дьяками В. Прокофьевымъ и М. Невѣровымъ. В. Прокофьевъ и М. Невѣровъ факта этой выдачи денегъ съ Казеннаго двора не подтвердили. Мирошко упорно стоялъ на своемъ.

Слѣдующій вопросъ касался лишнихъ 48 именъ и 144 рублей, занесенныхъ въ списокъ, по которому выдавалъ деньги Мирошко, сравнительно съ спискомъ, который онъ представилъ

М. Невѣрову. Отсутствіе этихъ 48 именъ въ спискѣ, переданномъ имъ М. Невѣрову, онъ объяснилъ „прописки“ молодого подъячаго.

Дальнѣйшій вопросъ былъ о 1930 р. 8 ал. 2 д., будто бы занятыхъ Мирошкой у Сеньки Гаврилова: бралъ ли онъ эти деньги, почему въ книгахъ нѣтъ соотвѣтствующей расписки, кому онъ роздалъ эти деньги и всѣ ли ихъ роздалъ. Мирошка объяснилъ, что Сенькѣ онъ „письмо“ далъ, но у него письма самъ не взялъ. Тогда М. Невѣровъ рядомъ справокъ показалъ, что въ то время, къ которому долженъ былъ относиться этотъ мнимый заемъ, Мирошко у С. Гаврилова денегъ не занималъ, да и занимать ему не было надобности. Невѣровъ недвусмысленно опять указалъ на то, что раздача происходила по приказанію И. П. Шереметева въ Холопьемъ приказѣ безъ нихъ дьяковъ. Мирошко отпарировалъ: „велѣли де въ Холопьѣ приказѣ деньги роздавать, ему, Мирошку, да Сенькѣ Гаврилову боярин Иванъ Петровичъ Шереметевъ да діаки Василей Прокофьевъ да Михайло Невѣровъ“. Невѣровъ и Прокофьевъ возразили, что приказаніе это исходило только отъ боярина, а не отъ нихъ.

Наконецъ, Мирошкѣ былъ поставленъ боевой вопросъ, отъ котораго онъ уже никакъ не могъ увернуться, о поддѣлкѣ руки Невѣрова на отписи, выданной въ 20 рубляхъ Аѳ. Челюсткину. Была предъявлена и самая отпись. Мирошка объяснилъ, что отпись выдалъ онъ, но что написана она молодымъ подъячимъ Куземкою, — „а гдѣ онъ, Куземка, нынѣ, того онъ не вѣдаетъ, а подпись де у той отписи дьяка Михаила Невѣрова, а не ево, Мирошкова, и инымъ де никому отписей онъ, Мирошко, не подписывалъ“. Вслѣдъ за тѣмъ Мирошко сдѣлалъ новое сенсаціонное заявленіе: „а деньги съ Ѳѳопасья Челюсткина противъ той отписи взяты въ государеву казну, и записана та отпись была въ тетратѣхъ, которые были здѣланы въ полдесть сперва, какъ въ Приказѣ збору даточныхъ людей еще книгъ было не здѣлано, и тѣ де тетрати укралъ у него, Мирошка, дьякъ Михайло Невѣровъ для брата своего подъячего Харитона Гордѣева, потому что у него, Харитона, былъ приходъ и росходъ большой, и онъ де на него, Харитона, чаялъ начоту большово, а нынѣ де онъ, Харитонъ, умеръ“.

М. Невѣровъ протестовалъ: никакихъ тетратей онъ у Мирошки не кралъ, и подъячій Харитонъ Гордѣевъ ему „былъ не братъ“.

Неожиданная выходка Мирошки повлекла за собой новый вопросъ, искусно поставленный ему Комиссіей: „сказываетъ онъ, что у него отпись Ѳеонасья Челюткина записана была въ тетратѣхъ, а укралъ тѣ тетрати дьякъ Михайло Невѣровъ, и въ тѣхъ тетратѣхъ иные отписи чьѣ имяны записаны?“ Мирошко отвѣчалъ, что имень онъ не упомнитъ, и сдѣлалъ темное заявленіе, что въ Приказѣ с. р. л. „есть иная отпись“ за Михайловой рукою, и просилъ дать ему для отысканія ея въ Приказѣ пристава. Но кн. Репнинъ и его товарищи перешли къ экспертизѣ руки на отписи Челюткина (§ 35).

Комиссія отдала приказаніе поставить передъ собою площадныхъ подъячихъ „и у той отписи, какова дана Ѳеонасью Челюткину въ 20 рублехъ, дьячьи Михайловы руки Невѣрова смотрить“. Площадные подъячіе, староста Иванъ Быковъ съ товарищи, числомъ 21 человѣкъ, „сказали, смотря рукъ дьячьихъ, что у отписи и что по ставомъ Михаила Невѣрова, и тѣ руки, что у отписи и что по ставомъ, не сошлись: не одной руки то письмо. Что у отписи рука дьячья, то письмо помастеровитѣя тово письма, что по ставомъ дьячья-жъ рука, и въ словахъ и въ почерку ни въ чемъ не сходитца“. Сказка была снабжена рукоприкладствомъ всѣхъ площадныхъ подъячихъ, участвовавшихъ въ экспертизѣ (§ 36).

Затѣмъ Комиссія возобновила допросъ Мирошки, потребовавъ у него объясненія: почему онъ, принимая деньги у князя Ухтомскаго и Леонтьева, „въ государевыхъ деньгахъ давалъ памятцы, а не отписи за дьячьею приписью, какъ в-ныхъ приказехъ ведетца“; онъ ли, Мирошко, поддѣлалъ руку Емельяна Евсевьева на отписи, выданной Веревкиной; куда онъ дѣвалъ утаенныя деньги; почему у него въ 147—8 гг. оказалось лишка въ расходѣ предъ приходомъ 1266 р. 31 ал. (24618 р. 28 ал. $1^1/_2$ д.—23351 р. 24 ал. $3^1/_2$ д.), и, если онъ, дѣйствительно, подносилъ, какъ самъ утверждаетъ, приходныя и расходныя тетрати дьякамъ къ помѣтѣ и закрѣпкѣ, а дьяки данья не помѣчали и по листамъ не закрѣпляли, — отчего подъячіе не били челомъ на дьяковъ государю

и не „сказывали про то боярину Ивану Петровичю Шереметеву,— потому что государева многая казна роздана въ роздачю, а дьячьею рукою данья въ книгахъ не помѣчено, и тетрати по листомъ не закрѣплены“.

Мирошко уперся: „памѣтцы“, а не „отписи“ онъ давалъ для поспѣшенья, собираясь ихъ потомъ замѣнить отписями, денегъ онъ не кралъ, руки Е. Евсевьева не поддѣлывалъ, упрекъ въ томъ, что у него образовался лишекъ расхода надъ приходомъ— недоразумѣніе,—„и то де нешто будетъ написано, не узнаючи въ книгахъ ево Мирошковы руки. А дьякомъ де онѣ тетрати, по которымъ роздавали деньги на платье и на кормъ, къ помѣтѣ подносили, и дьяки де въ тѣхъ тетратѣхъ данья не помѣчали, а онѣ де подъячіе на нихъ дьяковъ про то боярину И. П. Шереметеву сказывали, и боярину де Ивану Петровичю про то вѣдомо“.

Дьяки повторили, что ни Мирошко ни Сенька „ихъ не слушали, къ помѣтѣ и къ закрѣпкѣ книгъ къ нимъ не подносили“. За невозможностью распутать дѣло обратились къ дыбѣ,—„и Мирошко Дубининъ пытанъ накрѣпко, а было ему 44 удара, а съ пытки говорилъ тѣ-жъ рѣчи, что въ роспросѣ сказывалъ“,— проявилъ стойкость (§ 37).

Въ тотъ же день допрашиванъ „у пытки“ и Семенъ Гавриловъ: давалъ ли онъ Мирошкѣ взаймы 2030 р. 8 ал. 2 д.? Сенька показалъ, что 1930 р. 22 ал. 5 д. онъ Мирошкѣ далъ, но далъ по приказанію боярина И. П. Шереметева и дьяковъ В. Прокофьева и М. Невѣрова. Въ доказательство своего утвержденія Сенька представилъ расписку Мирошки отъ 9 іюня 147 г. на 1508 р. 25 ал. 4 д.

Дьяки заявили, что давать взаймы деньги Мирошкѣ они Сенькѣ не приказывали. Тогда Сенька сдѣлалъ ловкій выпадъ, заявивъ: „только-бы де ему, Сенькѣ, бояринъ Иванъ Петровичъ и дьяки Василей и Михайло тѣхъ денегъ Мирошку взаймы дать не велѣли, и Михайло-бъ де Невѣровъ тѣхъ денегъ у нево, Сеньки, какъ ево въ приходѣ и въ росходѣ считалъ, и въ росходъ не клалъ“. Сдѣлавъ такое заявленіе, Сенька подалъ „письмо счотново списка дьяка Михаила Невѣрова“, по примѣру Прокофьева тоже припрятанное до поры до времени ради эффекта.

Въ этой росписи, написанной рукой Невѣрова, дѣйствительно, было помѣчено, что С. Гавриловъ положилъ въ своемъ счетѣ 1500 р., выданными взаймы М. Дубинину. Невѣровъ объяснилъ: „то де ево Михайлово письмо, что нынѣ подалъ Сенька Гавриловъ, писано [съ ?] счотного списка, потому что онъ ево считалъ по росписямъ по ево Сенькинѣ рукѣ, и ему де, Михаилу, тѣхъ денегъ у нево, Сеньки, какъ было въ росходъ не класть?“

Затѣмъ С. Гаврилову былъ заданъ вопросъ, почему не записана въ книгу и не закрѣплена дьяками его раздача солдатамъ 1622 р. 6 ал. 5 д. Сенька объяснилъ, что онъ при раздачѣ ограничивался своею помѣтою, такъ какъ раздавалъ по спискамъ, уже скрѣпленнымъ М. Невѣровымъ. Но М. Невѣровъ заявилъ, что помѣта его относится не къ тому времени, когда деньги были раздаваемы Сенькой, а къ тому, когда онъ Сеньку считалъ въ приходѣ и расходѣ.

Далѣе, Сенькѣ былъ предложенъ вопросъ о томъ, подносили ли подъячіе книги для записи дьякамъ, и говорилъ ли М. Невѣровъ подъячимъ фразу: „вы подъячіе ѣдите яблока, а намъ оскомина“. С. Гавриловъ показалъ, что книги дьякамъ подъячіе подносили, и что М. Невѣровъ фразу о яблокахъ имъ говорилъ.

Дьяки, встрѣтившись опять съ такимъ категорическимъ утвержденіемъ, показали, что „подъячіе де ихъ не слушали, къ помѣтѣ книгъ имъ не подносили, а не велѣлъ де имъ подъячимъ ихъ дьяковъ слушать бояринъ Иванъ Петровичъ Шереметевъ. А приговорилъ де, было, онъ, боярин Иванъ Петровичъ, у приходу и у росходу быть четверымъ человѣкомъ подъячимъ, а послѣ онъ же бояринъ Иванъ Петровичъ велѣлъ быть у приходу и у росходу двумъ человѣкомъ, Мирошку Дубинину да Сенькѣ Гаврилову, и велѣлъ имъ, Мирошку и Сенькѣ, сидѣть не съ ними дьяки вмѣстѣ, въ другой избѣ. Да боярин же де Иванъ Петровичъ подъячего Данилка Барашова велѣлъ бить батоги на площади передъ приказомъ за то, что онъ написалъ, было, отпись въ деньгахъ безъ ево, Ивана Петровича, вѣдома. И тотъ де подъячій Данилко отъ тѣхъ побой лежалъ 9 дней и умеръ“.

Велико же было давленіе боярина, если дьяки стали откровенно показывать правду о немъ только тогда, когда, очевидно,

по боярскому наущенью подъячіе выступили съ прямыми обвиненіями противъ нихъ самихъ! Только прижатые къ стѣнѣ дьяки заговорили достаточно откровенно о преступной дѣятельности въ Приказѣ самого боярина.

Языки развязались. Тутъ и М. Невѣровъ вспомнилъ свою фразу о яблокахъ: „про яблока де и про оскомину подъячимъ онъ говорилъ къ тому, что онѣ, подъячіе, деньги роздавали безъ нихъ, дьяковъ, въ другомъ приказѣ, и имъ бы де отъ той ихъ роздачи внапраснѣ вконецъ не погинуть“.

Послѣдній вопросъ, предложенный Сенькѣ, касался его остатка, который по счету Комиссіи равнялся 1743 р. 9 ал. 2 д., если не считать 2030 р., которые Сенька будто бы передалъ Дубинину, — и 3773 р. 31 ал. 3 д., если включить и эту сумму— „и тѣ достальные деньги, спрашивала Комиссія,гдѣ онъ дѣлъ?“

Сенька отвѣчалъ, что всѣ деньги, какія у него были на рукахъ, находятся въ Приказѣ, „а государевыхъ де денегъ онъ не крадывалъ, а что де нынѣ на немъ написано по счоту денегъ, и то де нешто будетъ написано на немъ, не узнаючи въ книгахъ его Сенькины руки. И билъ челомъ государю Сенька Гавриловъ, чтобъ ево государь пожаловалъ, велѣлъ ему въ тѣхъ начотныхъ деньгахъ справитца“ (§ 38).

На этомъ допросъ подъячихъ пока и закончился. Пытке Сеньку не подвергли, ограничились тѣмъ, что постращали.

Покончивъ съ Сенькой, Комиссія перешла къ допросу „у пытки“ Ондрюшки Столѣтова, написавшаго цитированную „паметцу“, и задала ему вопросъ: „и то онъ въ той паметцѣ писалъ по чьему велѣнью?“ Очевидно, Комиссія, наводимая дьяками, рѣшилась, наконецъ, поднять руку и на самого Шереметева. Но Ондрюшка, конечно, Шереметева не выдалъ: „писалъ де онъ тое память къ подъячему къ Сенькѣ Гаврилову собою з глупости, а нихто ему такой памятцы писать не веливалъ. И боярышъ де Иванъ Петровичъ Шереметевъ про то, чтобъ имать людей у дворянъ и у дьяковъ у богатыхъ, а у жильцовъ людей не имать, ему Ондрюшкѣ не приказывалъ, а говорилъ де ему, Ондрюшкѣ, о томъ, чтобъ Давыдова человѣка выпустить, Давыдъ Бѣгичевъ[1]). А приживалъ де онъ, Давыдъ, у Василья Петровича Шереметева“.

[1]) У дв. м. Давыда Бѣгичева было 11 дворовъ—Боярская № 14 л. 200.

Слѣдственная комиссія распорядилась Мирошку и Сеньку отдать за пристава попрежнему, а Ондрюшку отдать на статную поруку „въ томъ, что ему ставитца въ приказѣ счотного дѣла по вся дни до государева указу". Комиссія распорядилась показать М. Дубинину и С. Гаврилову приходныя и расходныя книги и тетрати и списки, „и въ тѣхъ книгахъ и въ тетратѣхъ и въ спискахъ имъ, Мирошку и Сенькѣ, письма своихъ рукъ смотрѣть, чтобъ на нихъ въ приходѣ и въ росходѣ не ихъ рукъ письма, въ счетѣ лишка и недописки ничево написано не было". Бѣгичева не тронули (§ 39).

Книги, тетрати и списки подъячимъ были „казаны". Подъячіе признали, что „тѣ де статьи всѣ въ счотной списокъ написаны въ приходѣ и въ росходѣ противъ ихъ письма рукъ". Мирошка отмѣтилъ только одну ошибку: въ его счетномъ спискѣ дважды написаны одна и та же сумма (371 р.), полученная въ 147 г. съ Устюга. Деньги были занесены въ приходную тетрать, а оттуда перенесены въ книгу, при чемъ сдѣлать соотвѣтствующую помѣту въ тетрати онъ, Мирошко, „пропаметовалъ". Сказка Мирошки подтвердилась справкой съ книгами и тетратями (§ 40).

Итакъ, въ рядѣ случаевъ слѣдствіе съ очевидностью доказало рядъ подлоговъ, а хода дѣло все-таки не получило!

9. Допросы дьяковъ и подъячихъ въ январѣ 150 г. и общій расчетъ доимки.

Въ слѣдствіи въ этотъ моментъ наступилъ неожиданный перерывъ: очевидно, сопротивленіе, оказываемое подъячими дьякамъ при поддержкѣ самого И. П. Шереметева, затормозило ходъ его. Трудно уяснить, какъ Комиссія реагировала на это. Слѣдствіе возобновилось лишь 18 января 150 г. [1]), и то только благодаря новому энергичному вмѣшательству М. Невѣрова и В. Прокофьева, — палка была вставлена въ колесо очень искусно. Дьяки представили челобитье вд. Настасьи Вѣко-

[1]) Не въ связи ли съ настроеніемъ, сложившимся на земскомъ соборѣ какъ разъ въ эти дни?

вой о томъ, чтобы выданная ей С. Гавриловымъ памятца въ 40 р. за 2 даточныхъ, была замѣнена „отписью“. Между тѣмъ деньги, съ нея полученныя, совсѣмъ не значились въ Приказѣ въ поступленіи. Кромѣ случая Вѣковой, дьяки указывали на такое же злоупотребленіе съ платежомъ Ѳедора Беклемишева. Любопытно, что съ Беклемишева, получившаго подобную же „памятцу“, деньги были взяты 21 сентября 149 г., т. е., когда уже производился розыскъ сбѣжавшаго изъ-подъ ареста Мирошки, а приставъ Москотиньевъ самъ попалъ подъ стражу за плохой надъ нимъ караулъ, и всего за какихъ-нибудь 2 — 3 недѣли до формальнаго начала слѣдствія о злоупотребленіяхъ въ Приказѣ с. р. л. Къ челобитью Вѣковой были приложены и обѣ памятцы, выданныя ей и Беклемишеву. Кромѣ того, дьяки представили списокъ лицамъ, которыя сдали деньги С. Гаврилову, не получивъ отписей, и теперь подвергались опасности новаго взысканія, такъ какъ деньги не были показаны въ росписяхъ Приказа с. р. л., а книги Приказа были взяты къ счету, и по нимъ справиться было нельзя. Въ этомъ спискѣ мы встрѣчаемъ имена кн. П. А. Репнина (старшаго брата главы Счетнаго приказа), уплатившаго 20 р., дѣтей дьяка Василія Волкова, внесшихъ 23 рубля, кн. Данила Гагарина, уплатившаго 20 руб. Итогъ всѣхъ взносовъ равнялся 113 руб. Эти случаи воровства были уже совершенно безспорны (§ 41).

Разслѣдованіе этихъ фактовъ Комиссія начала съ вопроса дьякамъ: „почему онѣ нынѣ про тѣ деньги свѣдали, что ихъ взялъ подъячій Сенька Гавриловъ, а въ приходъ не записалъ?“ Дьяки очень просто объяснили дѣло тѣмъ, что они узнали объ утайкѣ С. Гавриловымъ этихъ денегъ, только когда стали посылать къ плательщикамъ приставовъ для взысканія доимки (§ 42).

22 января Комиссія поставила Сенькѣ вопросы: принималъ ли онъ перечисленные взносы, записывалъ ли ихъ въ приходную книгу, и почему Вѣковой и Беклемишеву онъ выдалъ памятцы, а не отписи. Сенька объяснилъ, что человѣкъ кн. П. А. Репнина, платившій деньги, заявилъ ему, будто государь его боярина пожаловалъ, велѣлъ деньги взять вполы, а подписную челобитную Репнина у него взялъ дьякъ В. Прокофьевъ. Отписей другимъ

лицамъ Сенька не выдалъ потому, что взялъ съ нихъ только половину денегъ, а отписи за дьячьими приписями онъ выдалъ бы тогда, когда они принесли бы остальныя деньги. Въ книгу деньги не были записаны потому, что тогда книги еще не были сдѣланы. Въ отвѣтъ на эти сбивчивыя и неясныя объясненія Комиссія поставила Сенькѣ въ упоръ категорическій вопросъ: „гдѣ онъ тѣ деньги дѣлъ?“ Сенька отвѣчалъ, что „имали де онѣ деньги по себѣ“, записывая ихъ въ тетрати безъ дьячьихъ скрѣпъ. Запутавшійся въ своихъ объясненіяхъ Сенька билъ челомъ отпустить его въ Приказъ с. р. л.,—„и онъ де тѣ тетрати сыщетъ“. Челобитье его было удовлетворено—бояринъ кн. Б. А. Репнинъ велѣлъ дьяку И. Переносову взять въ Приказѣ с. р. л., по указанію С. Гаврилова, нужныя тетрати „къ счоту“. „И того жъ часу дьякъ Иванъ Переносовъ въ Приказѣ збору ратныхъ людей взялъ тетрати, каковы ему указалъ подъячей Сенька Гавриловъ“. Но въ доставленныхъ въ Комиссію тетратяхъ оказались только списки даточнымъ, взятымъ съ разныхъ чиновъ, а записи денегъ, взятыхъ за даточныхъ людей въ нихъ не было, и дьячьими руками тѣ тетрати закрѣплены не были. Тогда Комиссія въ присутствіи дьяковъ поставила Сенькѣ Гаврилову такой вопросъ: въ предъявленныхъ тетратяхъ деньги не записаны, нѣтъ ли въ Приказѣ с. р. л. другихъ тетратей, въ которыя записывались бы деньги, взятыя *вмѣсто* даточныхъ, а не за перехожіе дворы? Этотъ вопросъ сбилъ Сеньку съ толку. „Приходныхъ окладныхъ книгъ даточнымъ людемъ, показалъ онъ, нѣтъ и не бывало, а здѣланы де въ Приказѣ только доимочные книги, а съ чево они здѣланы, того онъ не вѣдаетъ, а довелось де было здѣлать окладные книги, да въ тѣ книги съ тѣхъ людей, съ ково довелось взять деньги за даточные люди, и записывать“. Сенька прибавилъ, что денегъ, взятыхъ съ Репнина, Волковыхъ, Гагарина, Беклемишева и Вѣковой, ему и „записать было не во што, а записаны де тѣ деньги въ паметной тетрати, и тое де тетрати, неожиданно заключилъ Сенька, нынѣ и сыскать негдѣ“. Дьяки показали, что приходныя окладныя книги въ Приказѣ с. р. л. есть [1]), да окладъ написанъ и въ тѣхъ книгахъ, которыя взяты „къ счоту“ (§ 43).

[1]) Онѣ сохранились и до нашего времени.

Кн. Репнинъ съ товарищи рѣшили провѣрить дѣло „и велѣли дьякомъ Василью Прокофьеву да Михаилу Невѣрову изъ Приказу збору ратныхъ людей приходные книги принесть къ себѣ тотчасъ". Дьяки принесли кн. Репнину и дьякамъ М. Данилову и Ивану Переносову 2 приходныя доимочныя книги 146 и 147 гг. и расходную книгу 149 и 150 гг. и заявили, что здѣсь написанъ окладъ даточнымъ людямъ, „съ ково сколько человѣкъ даточныхъ людей довелось взять". Слѣдственная комиссія занялась разсмотрѣніемъ, какъ этого матеріала, такъ и того, который былъ взятъ изъ Приказа с. р. л. раньше, но данныхъ о количествѣ дворовъ за служилыми людьми въ этихъ книгахъ не нашла. Въ книгахъ и тетратяхъ оказались данныя только о такъ называемыхъ перехожихъ дворахъ и о деньгахъ, которыя были взяты за нихъ. Тогда Комиссія поставила дьякамъ вопросъ о томъ, есть ли у нихъ особыя окладныя книги общему количеству даточныхъ за каждымъ служилымъ человѣкомъ и учетъ недоданнымъ даточнымъ, и съ чего у нихъ дѣланы тетрати, предъявленныя ими къ счету.

Дьяки разъяснили, что учетъ даточнымъ у нихъ въ „спискахъ", а не въ книгахъ, что тетрати, взятыя нынѣ къ счету по челобитью Сеньки, составлены подъячими Юрьемъ Тютчевымъ и Даниломъ Барашовымъ, а они, дьяки, не успѣли ихъ справить со списками, „потому что тѣ подъячіе послѣ того вскорѣ померли, и потому де ихъ рукъ у тѣхъ тетратей и нѣтъ". Доимочныя книги, нынѣ предъявленныя къ счету, ими сдѣланы съ росписей, оставшихся въ Приказѣ, уже послѣ передачи подлинныхъ книгъ въ Слѣдственную комиссію. Комиссія оказалась передъ трудной ариѳметической задачей.

а) Сенька заявилъ, что въ Приказѣ с. р. л. даточнымъ людямъ приходныхъ книгъ нѣтъ, а доведется взять за даточныхъ полныхъ людей больше 30.000 р. Доимка за перехожіе дворы простирается до 100.000 р., т.-е. общій итогъ доимки достигаетъ 130.000 руб.

б) Дьяки заявили, что по ихъ расчету за даточныхъ и за перехожіе дворы надо добрать всего 50.000 р.,—„и для де тѣхъ денегъ на Москвѣ посылаютъ они подъячихъ съ росписьми къ тѣмъ людемъ, на комъ тѣ деньги взять, беспрестани, а въ городы

де для городовыхъ вдовъ и недорослей посыланы государевы многіе грамоты".

в) Обратившись къ приходнымъ и доимочнымъ книгамъ и инымъ бывшимъ налицо документамъ, Комиссія получила такія данныя. Вся доимка на 146 и 147 гг. выражалась въ слѣдующемъ: 670 даточныхъ и 20839 р. 4 ал. За счетъ этой доимки взято 902 р. 11 ал. 1 д., такъ что (переводя 670 даточныхъ на деньги — по 20 р. за даточнаго) общій итогъ доимки по счету Комиссіи равнялся 33336 р. 26 ал. 1 д. При удвоеніи цифры, являвшейся денежнымъ эквивалентомъ неприсланныхъ даточныхъ, общій итогъ доимки поднимался до 67575 р. 30 ал. 1 д., включая въ него опять 902 р. 11 ал. 1 д. однажды полученной доимки. Прикладывая къ этой цифрѣ суммы, имѣвшія поступить съ боярина Г. И. Морозова и другихъ лицъ въ размѣрѣ 5038 р. 2 д., [1]) общій итогъ доимки, взятой „въ одинъ рядъ", получили: 33336 р. 26 ал. 1 д. + 5038 р. 2 д. = 38374 р. 26 ал. 3 д., а при удвоеніи ради оштрафованія: 67575 р. 30 ал. 1 д. + 5038 р. 2 д. = 72613 р. 30 ал. 3 д. (§ 44).

Доимка съ посадовъ и черныхъ волостей на 146—7 гг. была высчитана по доимочнымъ книгамъ равной 38787 р. 23 ал. $3^1/_2$ д. Складывая ее съ доимкой со служилыхъ людей, взятой „въ одинъ рядъ", т. е., съ 38374 р. 26 ал. 3 д., Комиссія получила общій итогъ—77262 р. 16 ал. $4^1/_2$ д. [2]). Удваивая доимку со служилыхъ людей, общій итогъ доимки получили равнымъ: 72613 р. 30 ал. 3 д. + 38787 р. 23 ал. $3^1/_2$ д. = 111501 р. 20 ал. $4^1/_2$ д. [3]) (§ 44).

Комиссія стала втупикъ: подъячіе высчитали всю доимку этого момента (съ посадовъ, черныхъ уѣздовъ и служилыхъ людей) въ 130.000 р., дьяки въ 50,000 р., а по доимочнымъ книгамъ по одному расчету она равнялась 77262 р. 16 ал. $4^1/_2$ д., а по другому (при удвоеніи доимки со служилыхъ людей)—111501 р. 20 ал. $4^1/_2$ д. Чтобы выйти изъ затрудненія, Комиссія рѣшила самостоятельно провѣрить одно изъ слагаемыхъ—доимку съ посадовъ и чернаго населенія, итогъ которой былъ показанъ доимочными книгами равнымъ 38787 р. 23 ал. $3^1/_2$ д., и углубилась въ

---

[1]) Неясно, почему эти 5038 р. 2 д. сосчитаны Комиссіей отдѣльно.

[2]) Слѣдовало: 77162 р. 16 ал. $4^1/_2$ д.

[3]) в Слѣдовало: 111401 р. 20 ал. $4^1/_2$ д.

бухгалтерію Приказа с. р. л. „Изученіе“ охватило всѣ сѣверные уѣзды (кромѣ почему-то пропущенныхъ Каргополя, Кевролы и Мезени для 146 г. и Вятки для 147 г.) и арзамасскую мордву и бортниковъ. Изученіе этого счетоводства только усилило путаницу. Комиссія наткнулась на своеобразную „двойную бухгалтерію“ дьяковъ, которые тоже, какъ и подъячіе, вели счетъ окладамъ и доимкѣ по книгамъ и по тетратямъ. Результаты довольно сложной операціи Комиссіи надъ этимъ бухгалтерскимъ матеріаломъ можно свести къ слѣдующей таблицѣ.

	Доимка по книгамъ.	Взятье по книгамъ.	Остатокъ доимки по книгамъ.	Доимка по тетрати.	Взятье по тетрати.	Остатокъ доимки по тетрати.
На 146 годъ.	54940 р. 3д.	5658 р. 19 ал. 5 д.	49281 р. 14 ал.	44812 р.[1]	35136 р. 30 ал. 2 д.	9664 р. 18 ал. 4 д.[2].
На 147 годъ [3].	79822 р.	5228 р. 32 ал. $2^1/_2$ д.	74593 р. $5^1/_2$ д.	40167 р. 16 ал. 4 д.	20861 р. 31 ал. $3^1/_2$ д. Изъ этой суммы 11418 р. 24 ал. 1 д. взято было въ 149—150 гг.	19305 р. 18 ал. $2^1/_2$ д.

Примѣчанія. 1) Откуда взялась эта цифра 44812 р., объяснить трудно Въ мѣстностяхъ, перечисленныхъ подъ пп. 2—16 § 45-го Счетнаго дѣла, было по нашему подсчету $43021^1/_2$ дв., изъ которыхъ $2595^1/_2$—посадскихъ дворовъ. По первоначальному расчету общій окладъ этихъ мѣстностей равнялся 2 р. × $43021^1/_2$ = 86043 р. При пониженіи оклада уѣзднаго двора до 1 р. общій окладъ долженъ былъ равняться 45617 р. + 1279 р. двойного оклада арзамасской мордвы и бортниковъ, на которыхъ пониженіе не было распространено, т.-е. 46896 р. Хотя Счетное дѣло (lapsus calami!) и называетъ цифру 44812 р. доимкой, на дѣлѣ рѣчь, повидимому, идетъ объ окладѣ.

2) Ариѳметическая ошибка Приказа с. р. л.: слѣдовало 9675 р. 3 ал.

3) Напоминаемъ, что расчеты на 146 г. и 147 г. не совсѣмъ параллельны: въ расчетѣ на 146 г. нѣтъ рѣчи о доимкѣ по Каргополю, Кевролѣ и Мезени, а въ расчетѣ на 147 г. — по Вяткѣ, зато есть и Каргополь, и Кеврола, и Мезень. Въ мѣстностяхъ, перечисленныхъ подъ пп. 17—31 § 45-го насчитываемъ 39461 дв. уѣздныхъ и $2034^1/_2$ дв. посадскихъ, что даетъ общій окладъ въ 82991 р. по первоначальному расчету и въ 43520 р. при пониженіи ставки на уѣздный дворъ до 1 р.

Въ текстѣ Счетнаго дѣла „тетрати“ то-и-дѣло переименовываются, вѣроятно, по ихъ внѣшнему виду въ „другую книгу“.

Комиссія не удовольствовалась расчетомъ на каждый годъ, но подвела и общіе итоги поступленія доимки на оба года. Итоги эти были таковы.

	Доимка на 146 и 147 гг.	Взятье на 146 г.	Взятье на 147 г.	Итого взято.	Остается въ доимкѣ.
По книгамъ.	54940 р. 3 д. + 79822 р. = 134762 р. 3 д.	5658 р. 19 ал. 5 д. (Донять 49281 р. 14 ал.).	5228 р 32 ал. $2^1/_2$ д. (Донять 74593 р. 14 ал $5^1/_2$ д.).	10887 р. 18 ал. $5^1/_2$ д.	123874 р. 14 ал. $5^1/_2$ д.
По тетратямъ.	44812 р. + 40167 р. 16 ал. 4 д. = 84979 р. 16 ал. 4 д.	До конца 148 г. взято 39351 р. 5 ал. 2 д. + 5228 р. 32 ал. $2^1/_2$ д., проведенные и по книгамъ[1]), а въ 149—150 гг. взято 11418 р. 24 ал. 1 д.		5998 р. 28 ал. $3^1/_2$ д.	28980 р. 21 ал. $2^1/_2$ д.

Передъ этими разногласіями Комиссія стала втупикъ, очевидно, недоумѣвая, какія заключенія должны были вытекать изъ столь противорѣчивыхъ данныхъ. Вѣроятно, стремясь уяснить себѣ найденныя разногласія, Комиссія запялась цѣлымъ рядомъ безплодныхъ ариѳметическихъ выкладокъ надъ полученными цифрами. Сравнивая исходныя цифры, т.-е. 54940 р. 3 д. и 44812 р., получили разность 10128 р. 3 д., хотя доимка по книгамъ и „доимка" по тетратямъ были явно несоизмѣримы, потому что первая была, дѣйствительно, доимкой, а вторая, очевидно, только формулой новаго пониженнаго оклада. Сравнивая поступленія на 146 г., т. е. 5658 р. 19 ал. 5 д. и 35136 р. 30 ал. 2 д., получили разность въ обратномъ направленіи — 29411 р. 10 ал. 3 д., совершивъ при этомъ ариѳметическую ошибку, такъ какъ слѣдовало получить 29438 р. 10 ал. 3 д. Сравнивая взятье по книгамъ и тетратямъ на оба года (39351 р. 5 ал. 2 д.—5658 р. 19 ал. 5 д.), констатировали разницу въ 33692 р. 18 ал. 5 д.

---

[1]) Сумма 5228 р. 32 ал. $2^1/_2$ д. складывалась изъ слѣдующихъ поступленій, проведенныхъ и по книгамъ и по тетратямъ: 1991 р. + 1006 р. + 33 р. + 207 р. 15 ал. $4^1/_2$ д. + 500 р. + 832 р. + 659 р. 16 ал. 4 д.

Суть дѣла была въ разногласіи исходныхъ точекъ, т. е. въ положеніи доимки равной 54940 р. 3 д. или 44812 р., — остальное объяснялось довольно просто съ принципіальной стороны, требуя только бухгалтерской провѣрки, между тѣмъ Комиссія устремила свое вниманіе на разногласія въ поступленіяхъ, довольно удовлетворительно съ *ариѳметической* стороны объясняемыя тѣмъ, что поступленія проводились по тетратямъ и не проводились по книгамъ.

Такимъ образомъ, получились три расходящіяся цифры доимки съ посадовъ и чернаго населенія:

Итогъ, взятый изъ тетратей, ... 28980 р. 21 ал. $2^1/_2$ д.
Итогъ, взятый изъ доимочныхъ книгъ, . 38787 р. 23 ал. $3^1/_2$ д.
Итогъ, полученный послѣ подсчета приходныхъ книгъ, ... 123874 р. 14 ал. $5^1/_2$ д.

Комиссія не сумѣла, повидимому, сдѣлать отсюда никакихъ выводовъ и, не будучи въ состояніи выйти изъ бухгалтерской путаницы, она привлекла къ содѣйствію самихъ дьяковъ. Въ развитіи слѣдствія въ этотъ моментъ опять наступилъ длинный перерывъ (§ 45).

Противодѣйствіе, оказанное И. П. Шереметевымъ веденію слѣдствія, вполнѣ достигло цѣли: дѣло завязло въ побочныхъ вопросахъ и въ теченіе почти полуторагодичной волокиты потеряло свою сенсаціонность. Заторможенное и лишенное остроты, оно боярину уже не было опасно. Между тѣмъ Шереметевъ не терялъ времени и нанесъ отвѣтные удары. Обстоятельства складывались благопріятно для него: въ апрѣлѣ 150 г. умеръ кн. И. Б. Черкасскій, чья сильная рука несомнѣнно поддерживала слѣдствіе. Немедленно послѣ смерти Черкасскаго 1 мая 150 г. кн. Б. А. Репнинъ былъ командированъ съ Ѳ. В. Клепиковымъ-Бутурлинымъ и дьякомъ Наз. Чистаго въ Тверь „сыскивать руды золотыя". Послѣ этой юмористической командировки мы видимъ кн. Бориса и его товарищей у счета лишь въ августѣ 150 г. (§ 4) и въ ноябрѣ 151 г. Къ концу 151 г. всѣ трое были отставлены и даже поплатились за свое участіе въ ревизіи: кн. Борисъ отправился воеводой въ Астрахань [1]), М. Даниловъ потерялъ свое положеніе въ Помѣстномъ приказѣ, а И. Переносовъ былъ посланъ дьякомъ въ Сибирь.

---

[1]) Д. Р. П., 679, 670. Не касаемся здѣсь послѣдующей крупной военной карьеры кн. Бориса — онъ дожилъ до 1670 г. — Долгоруковъ „Россійская родословная книга". Кн. Борисъ былъ родоначальникомъ извѣстной линіи князей Репниныхъ.

10. Допросы въ ноябрѣ 151 г. и челобитье М. Дубинина.

Слѣдствіе возобновилось только черезъ полныхъ 10 мѣсяцевъ, но теперь, 2 года спустя послѣ начала дѣла, оно совершенно недвусмысленно было направлено на самихъ дьяковъ, а не на подъячихъ. На допросѣ 23 ноября 151 г. дьяки объяснили, что окладная книга, „сдѣланная" на 146-й годъ, сначала была цѣликомъ повторена и для сбора 147 г., но по челобитьямъ посадскихъ и уѣздныхъ людей, доложеннымъ 19 декабря 148 г., окладъ былъ пониженъ до 1 рубля съ уѣзднаго двора, и по 2 р. велѣно было брать только съ дворовъ посадскихъ. Вотъ почему такъ сильно понизилась доимка, показанная въ тетрати, сдѣланной М. Невѣровымъ въ 149 г., когда книги Приказа с. р. л. уже были взяты для счета. Какъ примѣръ и подтвержденіе того, что дѣло обстояло именно такъ, дьяки привели данныя по сбору съ Перми и Чердынскаго уѣзда, изъ которыхъ должно было явствовать, что въ декабрѣ 148 г. былъ изданъ указъ сократить въ этомъ случаѣ налогъ для уѣзда вдвое, такъ какъ торговыхъ людей, подлежащихъ 2-рублевому окладу, на 2885 дворовъ слишкомъ пермичи насчитали только 9 человѣкъ (§§ 46 и 47).

Комиссія поставила тогда дьякамъ вопросъ о томъ, почему же они не очищали пониженія подъ соотвѣтствующими статьями. Дьяки отвѣчали, что они не дѣлали этого „своею простотою безъ хитрости, въ томъ де государева воля, а хитрости де въ томъ ихъ никакіе нѣтъ".

Постановка даннаго вопроса поссорила дьяковъ, завязшихъ въ этомъ дѣлѣ и сталкивавшихся уже и ранѣе. Василій Прокофьевъ билъ челомъ словесно, что М. Невѣровъ не освѣдомлялъ его о государевыхъ указахъ относительно сбора Приказа с. р. л. „И Михайло де Невѣровъ, жаловался Прокофьевъ, тѣхъ государевыхъ указовъ въ книги не записывалъ и тѣми государевыми указы книгъ не очищалъ, а онъ де, Василей, въ тѣ поры былъ въ Верху у государя царевича князя Алексѣя Михайловича и у полоняничныхъ дѣлъ з бояриномъ

съ Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ съ товарыщи и въ Четверти, да у нево-жъ де были многіе переносные дѣла, а Михайло де Невѣровъ былъ у того одново дѣла, а иныхъ де никакихъ дѣлъ у него, Михайла, не было. А здѣлалъ де то Михайло надъ нимъ, Васильемъ, по недружбѣ: какъ де ему, Василью, да Михаилу велѣно быть у збору даточныхъ людей, и тотъ де Михайло не хотѣлъ съ нимъ, Васильемъ, у того дѣла быть, и посыланы де по него, Михаила, стрѣльцы многижды и вывезли ево, Михаила, скована".

Эта неожиданная и какъ будто ничѣмъ немотивированная выходка В. Прокофьева не могла не вызвать протеста со стороны М. Невѣрова. Невѣровъ объяснилъ, что въ книгахъ очищаютъ подъячіе, а не дьяки, но если бы Василій помѣтилъ на выпискѣ относительно Перми и Чердыни о необходимости очистить платежъ въ книгахъ, очистка и была бы сдѣлана. Между тѣмъ Василій держалъ „тое докладную выписку съ помѣтою тайно у подъячихъ, а подъячіе де тое выписку сыскали и отдали ему, Василью, тому нынѣ третей день", и Василій продолжалъ ее прятать въ мѣшкѣ за печатью. Недружбы между ними никакой не было (§§ 48 и 49).

Ставъ на точку зрѣнія слѣдствія надъ дьяками, а не надъ подъячими, Комиссія поставила имъ вопросъ, почему не отправлены на государеву службу 5 чел. даточныхъ, присланныхъ въ Приказъ с. р. л. Бутурлинымъ, Милюковымъ и Клешниным. Отвѣтъ дьяковъ почти не сохранился. Можно догадываться, что они ссылались на сложеніе этихъ даточныхъ по особому докладу (§ 50).

На этомъ допросѣ слѣдствіе замерло почти до конца 151 года, и невидно, чтобы что-нибудь было предпринято для дальнѣйшаго разслѣдованія. Дѣло застряло, и этимъ на время удовольствовались, повидимому, обѣ стороны. Инціатива продолженія дѣла теперь переходитъ къ подъячимъ. Характернымъ показателемъ побѣды подъячихъ являются ихъ челобитья, поданныя въ іюлѣ—августѣ 151 г. и ноябрѣ 152 г.

Въ царскіе именины 12 іюля 151 г. Мирошка (вѣроятно, черезъ Шереметева) билъ государю челомъ. Въ челобитьѣ своемъ онъ развязно увѣрялъ, что сидитъ 4-й годъ за приставы „по ложному доводу дьяка М. Невѣрова", и что, по счету кн. Репнина

и думнаго дьяка М. Данилова, „государева казна сыскана вся“, а ему государева указа не учинено. Мирошка утверждалъ, что онъ уже получилъ подписную челобитную за помѣтою И. Гавренева о пріобщеніи къ дѣлу „для оправданья“ счетной росписи, которая была ему вручена М. Невѣровымъ, а кн. Репнинъ, „жалуечи Михаила Невѣрова“, ея къ дѣлу не взялъ; „а онъ, Михайла, развязно прибавлялъ Мирошка, въ томъ дѣлѣ свободенъ, невѣдомо для чево, и нынѣ сидитъ въ Приказѣ“. Мирошка просилъ включить упомянутую роспись въ дѣло, а его выпустить изъ-за пристава на поруки (§ 1). 13 іюля государь указалъ поручить дѣло боярину князю Юрію Андреевичу Сицкому и дьяку Дмитрію Карпову и передать имъ все дѣлопроизводство. 12 августа 151 г. дѣлопроизводство и было передано имъ отъ М. Данилова и Олферья Кузовлева (§§ 2—3).

11. Составъ Счетнаго приказа 151 г.

Князь Юрій Андреевичъ Сицкой, сынъ князя Андрея Васильевича, доводился Романовымъ въ свойствѣ. Родился онъ, вѣроятно, въ царствованіе Бориса. Его отецъ, князь Андрей, былъ воеводой на Устюжнѣ, въ Галичѣ и Ярославлѣ, въ чинѣ окольничаго и боярина въ 130-хъ годахъ сидѣлъ въ Московскомъ судномъ и Помѣстномъ приказахъ и принадлежалъ къ составу комиссій, которымъ поручалась Москва; въ 137 году онъ былъ посланъ съ дьякомъ Бажеромъ Степановымъ въ Сибирь [1]).

Князь Юрій появился во дворцѣ, какъ царскій родичъ, конечно, „отъ младыхъ ноготь“. Въ первый разъ мы встрѣчаемъ его, по Разрядамъ, въ сентябрѣ 127 года „смотрящимъ въ кривой столъ“ на обѣдѣ, данномъ „сидѣльцамъ“, возвратившимся съ защиты Бѣлой. Въ этой же роли онъ выступаетъ и за пасхальнымъ столомъ 127 года [2]). Весь кругъ его жизни шелъ затѣмъ въ теченіе добрыхъ двадцати лѣтъ около дворца. Въ 128 году въ январѣ, когда „государь отложилъ, свейскому посланнику у себя не велѣлъ быть, потому что того дни государь ходилъ тѣшиться на лоси въ Черкизово“, кн. Юрій ѣдетъ возницей государя съ нимъ

[1]) Д. Р. passim.
[2]) Д. Р. I, 353, 390.

на охоту [1]). 29-го того же января онъ присутствуетъ рындой, одѣтый въ бѣлое платье, при пріемѣ пословъ Алтынъ-царя вмѣстѣ съ двумя молодыми князьями Волконскими - Меринками. 12 марта, когда у царя „ѣлъ патріархъ", онъ смотритъ въ „кривой столъ" [2]). На Благовѣщенье на другомъ государевомъ обѣдѣ патріарху онъ наряжаетъ вина и уже названъ стольникомъ [3]). 9 апрѣля въ Вербное воскресенье онъ тоже наряжаетъ вина [4]), въ Свѣтлое Воскресенье, когда у государя по обычаю „ѣлъ" патріархъ, смотритъ въ „кривой столъ", а одинъ разъ на Свѣтлой недѣлѣ смотритъ даже въ „большой столъ", если только это не описка составителей Разрядовъ [5]). Въ августѣ того же 128-го года онъ стоитъ рындой при пріемѣ кизыльбашскаго купчины [6]). Такъ и пошла придворная карьера кн. Юрія въ теченіе 20 лѣтъ, вращаясь между „кривымъ столомъ" и наряженіемъ винъ, среди дворцовыхъ церемоній, сплетенъ, пересудовъ и дрязгъ. Разряды двадцатилѣтія 127—147 гг. (кромѣ 135, 138, 140 и 144 гг.) отмѣчаютъ его непрерывное присутствіе во дворцѣ и неизмѣнное смотрѣніе въ „кривой столъ". Дѣловыхъ порученій, за рѣдкими исключеніями, ему не давали, изрѣдка онъ участвуетъ только въ смотрахъ и разборахъ служилыхъ людей. Это—типичный царедворецъ-бѣлоручка, весь смыслъ жизни котораго, вѣроятно, заключался въ знаніи современнаго ему дворцоваго этикета. Отъ времени до времени кн. Юрій исполняетъ нѣкоторыя экстренныя порученія: въ 129 г. ѣздитъ потчивать аглинскаго посла [7]), въ 133 и 134 гг. участвуетъ въ поѣздахъ царскихъ свадебъ [8]), присутствуетъ послѣ свадьбы въ царской мыльнѣ [9]) и т. д. Со 141 г. государь постоянно беретъ его съ собою въ свои поѣздки,—онъ ѣдетъ съ государемъ возницей въ январѣ 141 г., когда „ходилъ государь въ монастырь къ Спасу

---

[1]) Д. Р. I, 435
[2]) Д. Р. I, 438.
[3]) Д. Р. I, 442.
[4]) Д. Р. I. 443.
[5]) Д. Р. I, 449, 450
[6]) Д. Р. I, 454.
[7]) Д. Р. I, 474.
[8]) Д. Р. I, 635, 1219; II, 775.
[9]) Д. Р. I, 784—785.

на Новое къ панихидѣ“ [1]), въ февралѣ того же 141 г. ѣдетъ возницей къ Троицѣ-Сергію [2]) и въ Новодѣвичій монастырь [3]), а въ мартѣ 141 г.—опять къ Спасу на Новое [4]). Въ іюлѣ 142 г. рындой у саадака онъ сопровождаетъ государя къ Николѣ на Угрѣшу [5]), въ октябрѣ 143 г. присутствуетъ при выходѣ государя въ с. Покровское. 15 мая 146 г. на праздникъ св. благовѣрнаго царевича Димитрія кн. Юрій пожалованъ изъ стольниковъ въ бояре; боярство ему сказывали окольничій кн. Ѳ. Ѳ. Волконскій да думный дьякъ Ив. Гавреневъ [6]). Послѣ долгаго стажа около Постельнаго крыльца и едва ли особенно безпокойной службы около виннаго наряда князь Юрій дождался, наконецъ, и крупнаго дѣлового порученія: въ 146 г. его послали первымъ воеводой въ Астрахань вмѣстѣ съ кн. Л. Ѳ. Волконскимъ и дьяками Ст. Уготцкимъ да Сав. Самсоновымъ. Въ Астрахани онъ пробылъ года два [7]). Съ января 149 года его имя опять появилось въ дворцовомъ обиходѣ: 12 января 149 года на именины царевны Татьяны Михайловны онъ обѣдаетъ у государя [8]). Около этого же времени кн. Юрій пошелъ въ ходъ и по дипломатической части: въ февралѣ 149 года въ званіи намѣстника Нижегородскаго съ помощью спеціалистовъ въ дипломатическомъ искусствѣ С. М. Проѣстева, думнаго дьяка Ѳ. Ѳ. Лихачева и дьяка Мих. Данилова онъ былъ въ отвѣтѣ у датскаго посольства. Въ отвѣтѣ датскимъ посламъ онъ выступаетъ и въ сентябрѣ 150 г. [9]). Лѣтомъ 150 г. его посылаютъ воеводой на Веневъ [10]), а въ концѣ 150 г. онъ получаетъ въ свое завѣдываніе Разбойный приказъ, имѣя товарищами Б. И. Пушкина, дьяковъ Марка Поздѣева и Сем. Дохтурова [11]). Въ 151 и 152 гг. онъ продолжаетъ значиться присутствующимъ въ Разбойномъ приказѣ [12]). Въ 152 г. кн. Юрій уча-

[1]) Д. Р. II, 314.
[2]) Д. Р. II, 317.
[3]) Д. Р. II, 320.
[4]) Д. Р. II, 320.
[5]) Д. Р. II, 385.
[6]) Д. Р. II, 575.
[7]) Д. Р. II, 586 и 615.
[8]) Д. Р. II, 648.
[9]) Д. Р. II, 660, 667.
[10]) Д. Р. 680, 686.
[11]) Д. Р. II, 690.
[12]) Д. Р. II, 709.

ствуетъ въ торжественной встрѣчѣ королевича Вальдемара, именуясь кн. Сицкимъ-Ярославскимъ, намѣстникомъ Нижегородскимъ, и опять выступаетъ „въ отвѣтѣ“ передъ датскимъ посольствомъ [1]). Со 153 г. онъ изъ Разрядовъ исчезаетъ—повидимому, въ 152-мъ году онъ и умеръ. Состояніе, имъ оставленное, было довольно значительнымъ, — по даннымъ Приказа с. р. л. у него насчитывалось 349 дв. [2]).

Въ юности кн. Юрій, повидимому, не отличался умомъ. Такъ, когда въ 130 г. къ кизильбашскому послу были посланы потчивать его—отъ имени государя, „съ государскимъ жалованьемъ съ столомъ, съ ѣствою и съ питьемъ“, юноша кн. Юрій, а отъ имени патріарха—стольникъ кн. П. А. Репнинъ, человѣкъ уже зрѣлыхъ лѣтъ, кн. Юрій началъ „похваляться“, что „онъ учиненъ болши, потому что ѣздилъ отъ государя“, а князь Петръ только отъ патріарха. Кн. Петръ забезпокоился, какъ бы изъ этого не сдѣлали прецедента, и пожаловался, но хода жалобѣ дано не было, хотя Сицкому, вѣроятно, и сдѣлали соотвѣтствующее внушеніе. Кн. Петру въ отвѣтъ на его жалобу сдѣлано было знаменитое разъясненіе: „бьетъ челомъ тѣмъ онъ, кн. Петръ, не знаючи, и въ мѣсто то онъ ставитъ не дѣломъ, что каковъ онъ государь, таковъ и отецъ его государевъ, великій государь святѣйшій патріархъ Ѳиларетъ Никитичъ Московскій и всея Русіи, и ихъ государское величество нераздѣльно: тутъ мѣстъ нѣту, и впредь бы о томъ дѣлѣ не билъ челомъ и ихъ великихъ государей тѣмъ на гнѣвъ не воздвигнулъ. И патріархъ велѣлъ ему ѣхать“ [3]) (посланцемъ отъ себя). Какъ Репнинъ принялъ это отдающее доморощенной богословско-политической догматикой разъясненіе, Разряды не разсказываютъ. Другой мѣстническій конфликтъ вышелъ не по винѣ кн. Юрія. Въ январѣ 141 г., когда государь собирался къ панихидѣ къ Спасу на Новое, возницей былъ впервые назначенъ князь Юрій, а „стоять на ухабѣ“ долженъ былъ стольникъ Ѳ. П. Нащокинъ. Нащокинъ заупрямился, ссылаясь на то,

---

[1]) Д. Р. II, 712, 714, 716, 718, 722, 723, 729, 732, 735, 740.

[2]) Книга по Москвѣ № 2 л. 59. Его вдова, кн. Фетинья, урожденная кн. Бахтеярова-Ростовская, упоминается въ Разрядахъ еще подъ 159 г. по поводу выставленія ею датошныхъ при встрѣчѣ литовскихъ пословъ. Д. Р. III, 236. См. ея завѣщаніе къ документахъ Вознесенскаго монастыря—Ч. О. И. Д. Р. 1875 № 3.

[3]) Д. Р. I, 490—491.

что невмѣстно ему „стоять на ухабѣ“ въ то время, когда возницей ѣдетъ князь Юрій: „бывали Годуновы и Сабуровы съ нашими родители, а Сицкіе де бывали съ ними“. Нащокинъ, заявивъ такую претензію, очевидно, самъ заробѣлъ „и, бивъ челомъ, былъ“, замѣчаютъ Разряды. Своимъ неосторожнымъ челобитьемъ, однако, онъ успѣлъ встревожить и Сицкого и Сабуровыхъ и Годуновыхъ. Въ наказаніе за неумѣстную претензію Нащокинъ выданъ былъ Сицкому головой и посаженъ въ тюрьму съ предупрежденіемъ—„да и впредь тебѣ тѣхъ господъ своихъ въ случаяхъ не подавать“ [1]). Больше Сицкого мѣстническими дѣлами не безпокоили, если не считать какой-то неясной претензіи Головиныхъ по отношенію къ Сицкимъ вообще, упоминаемой въ Разрядахъ подъ 143 г. [2])

Дурашливый смолоду, кн. Юрій не нажилъ ума около кривого стола и государева возка и подъ старость, какъ можно судить по одной его странной мѣстнической претензіи. Въ 152 году онъ вздумалъ обидѣться на то, что онъ, князь Юрій, встрѣчалъ королевича Вальдемара во Псковѣ, а боярин М. М. Салтыковъ „за городомъ“, т. е. при въѣздѣ въ Москву. „Съ подхожего стана“ кн. Юрій, сопровождавшій королевича, написалъ, что „ему для Михаила Салтыкова въ городъ (т.-е. Москву), не ѣзживать съ королевичемъ“, такъ какъ когда-то при царѣ Борисѣ Мих. Глѣб. Салтыковъ былъ посланъ встрѣчать датскаго королевича Ягана, а былъ онъ, М. Г. Салтыковъ, „гораздо хуже его, князь Юрья“. Сицкого успокоили невмѣстной грамотой, объявивъ, что велѣно при встрѣчѣ всѣмъ быть безъ мѣстъ, „а съ Михайломъ Салтыковымъ ему мѣстъ николи не будетъ, и честь ихъ Сицкихъ старѣе Салтыковыхъ, и при прежнихъ государяхъ родители его Салтыковыхъ честнѣе бывали, и онъ бы съ королевичемъ ѣхалъ попрежнему ко встрѣшнему мѣсту безо всякаго опасенія“. Послушался ли Сицкой—не знаемъ [3]). Безпокоиться о чести всего рода Сицкихъ особыхъ основаній у кн. Юрія не было, такъ какъ онъ былъ въ 152 г. послѣднимъ изъ Сицкихъ,—родъ этотъ имъ кончался, дѣтей у него не было, и оборонять ему было некого.

---

[1]) Д. Р. II, 314—315.
[2]) Д. Р. II, 443.
[3]) Д. Р. II, 722.

Даже въ то нетребовательное время кн. Юрій не считался, надо думать, въ своемъ кругу за дѣлового человѣка. Его обороняли и берегли, какъ обломокъ старой знати, родственный династіи, какъ декорацію, какъ фигуру издавна знакомую, привычную, повидимому, безобидную и звѣздъ не хватавшую. Сдавая Счетъ въ вялыя руки князя Юрія, Шереметевы хорошо, конечно, знали, что съ его стороны имъ не грозитъ опасность иниціативы и энергичнаго изученія дѣла, особенно если къ нему приставить секретаремъ „своего человѣка". Таковой, конечно, и нашелся—въ лицѣ дьяка Дмитрія Карпова.

Д. Карповъ началъ свою карьеру около Помѣстнаго приказа: въ ноябрѣ 134 г. онъ отмѣченъ въ немъ справнымъ подъячимъ [1]. Въ 140—141 гг. онъ принималъ участіе въ Смоленскомъ походѣ въ качествѣ дьяка при бояринѣ М. Б. Шеинѣ [2]). Смоленское несчастье не испортило его карьеры, а скорѣе даже помогло ей: вѣроятно, въ процессѣ, погубившемъ Шеина и Измайлова, онъ и держался соотвѣтственно. Въ апрѣлѣ 142 г. Карповъ былъ оправданъ по дѣлу Шеина на томъ основаніи, что онъ и другой дьякъ Александръ Дуровъ были у Шеина „все въ неволѣ", „хуже сторожей" [3]). Въ 144 г. видимъ его уже дьякомъ Костромской чети [4]), а въ октябрѣ 144 г. онъ приставленъ къ сбору даточныхъ и денегъ за нихъ [5]). Въ 145 г. съ кн. И. Дашковымъ онъ производитъ розыскъ о Вятскомъ бунтѣ, направленный противъ воеводы Г. Н. Волынскаго [6]). Въ 147 г. видимъ его объѣзжимъ головой въ Москвѣ [7]), въ 150 г.—дьякомъ Устюжской чети [8]), а въ 152—3 гг. —Новгородской [9]) и Новой четей, около лакомаго дѣла надзора за московскими кабаками, при бояр. Ѳ. И. Шереметевѣ [10]). Затѣмъ судьба начала бросать Карпова: въ 154 — 7 гг. встрѣчаемъ его дьякомъ въ Тобольскѣ [11]), съ 158 по

[1]) В. Н. Сторожевъ „Матеріалы" и т. д. I, 162.
[2]) А. М. Г. I, 375, 437; Д. Р. II, 371.
[3]) А. А. Э. III, 304.
[4]) А. М. Г. II, 21.
[5]) А. Ю. Б. II, 750.
[6]) Оглоблинъ „Описаніе Сиб. пр." III, 186.
[7]) Д. Р. II, 604.
[8]) Р. И. Б. XIV, 371; XII, 227.
[9]) Р. И. Б. XXIV, 8.
[10]) Д. Р. II, 740; III, 12.
[11]) Зерцаловъ „О мятежахъ", 116 и С. Г. Г. Д. III, 440.

160 г. — дьякомъ въ Бѣлгородѣ и на Яблоновомъ при Б. А. Репнинѣ, а въ 162 г. — на Теркахъ [1]). Для Ѳ. И. Шереметева Дм. Карповъ въ 152 году, очевидно, — свой человѣкъ, и Шереметевы не ошиблись, посадивъ рядомъ съ Сицкимъ своего подчиненнаго, надъ которымъ власть старшаго Шереметева не прекращалась и во время секретарства Карпова при Сицкомъ.

Такъ можно разгадать смыслъ передачи Счетнаго дѣла въ руки этихъ двухъ лицъ. Назначеніе Комиссіи кн. Сицкого было послѣднимъ проявленіемъ энергіи, вложенной въ слѣдствіе кн. Черкасскимъ и его союзниками. По характеру лицъ это былъ удобный для И. П. Шереметева компромиссъ.

12. Прекращеніе Счетнаго дѣла.

Слѣдомъ за Мироном 23 августа 151 г. билъ челомъ черезъ князя Сицкого и подъячій Семенъ Гавриловъ. Жалуясь, что онъ „по ложному извѣту дьяка Михаила Невѣрова“ третій годъ сидитъ „въ чѣпи и въ желѣзѣхъ“ „напрасно, безъ вины“, С. Гавриловъ указывалъ на то, что его считали въ Помѣстномъ приказѣ заочно, не призывая „къ справкѣ, къ счоту“, между тѣмъ какъ при ревизіи Стрѣлецкаго приказа, Большого прихода, Новгородской и Устюжской четвертей ревизуемые подъячіе у счета присутствовали и „счетчикомъ отчетъ давали налицо“. С. Гавриловъ указывалъ, что въ приходныхъ книгахъ, кромѣ него, записывали поступленія и многіе другіе подъячіе, и дерзко увѣрялъ, что онъ подалъ Слѣдственной комиссіи „улику, письмо ево Михайлову руку“, а ему по той уликѣ все-таки „свободы не учинено“. Нынѣ, писалъ Сенька, кн. Б. А. Репнинъ посланъ на службу въ Астрахань, Ив. Переносовъ въ Сибирь, думный дьякъ М. Даниловъ удаленъ изъ Помѣстнаго приказа, а за него, Сеньку, заступиться некому. Семенъ билъ челомъ, чтобы „улику“ на Михаила Невѣрова взяли изъ Помѣстнаго приказа, и тогда ложный извѣтъ Михайлы „будетъ явенъ“. Подъячій просилъ счесть его въ иномъ приказѣ, гдѣ государь укажетъ, но въ присутствіи его, Семена. Семенъ предлагалъ также представить роспись тѣмъ дѣламъ, которыхъ М. Невѣровъ не прислалъ къ счету, и просилъ выпустить его на

[1]) П. С. З. № 37; Барсуковъ „Списки“, 223; Д. Р. III, 166, 252.

поруки. Челобитье его было взято къ дѣлу, но былъ ли онъ выпущенъ на поруки—невидно (§ 51).

1 ноября 152 года совершенно осмѣлѣвшій Мирошка подалъ челобитную, въ которой, не стѣснялсь, увѣрялъ, что онъ неповинно сидитъ „за приставы“ уже 4 года (на самомъ дѣлѣ 3 года 8 мѣсяцевъ, да и то съ перерывами), что Иванъ Переносовъ былъ ему врагъ, а Михайлу Невѣрову—„свой“, и, дружа ему, Михайлу, „считалъ ихъ не дѣломъ, по ево Михайловой воровской доводной росписи, какову онъ, Михайло, подалъ, а не по приходнымъ и росходнымъ книгамъ, и началъ на него не дѣломъ лишніе деньги, дружа ему, Михайлу, по свойству, и по ево воровской росписи“. Мирошка имѣлъ дерзость увѣрять, что они съ Семеномъ „у счоту не бывали, и ни про што ихъ противъ книгъ не допрашивали, и ихъ отвѣту ничего не бывало“, и что Иванъ Переносовъ, дружа М. Невѣрову, деньги клалъ на него, Мирошка, вдвое. Мирошка просилъ не вѣрить росписи Невѣрова и счесть его противъ приходныхъ и расходныхъ книгъ по его рукѣ, „а не по чюжимъ рукамъ“, уповая, что „тутъ ево Михайлова правда и ложь объявитца“ передъ государемъ (§ 52).

Однако, Миронъ, повидимому, не былъ освобожденъ. Уже къ концу 153 года относятся указанія на то, что для содержанія подъ стражей Миронъ былъ переданъ отъ Н. Карамышева кн. Ив. Посново-Гагарину, а потомъ Петру Лихареву. Между тѣмъ дѣлопроизводство Счетнаго приказа съ устраненіемъ его прежнихъ руководителей, распалось. 10 ноября 152 г. изъ Приказа с. р. л. бояринъ И. П. Шереметевъ да дьяки В. Прокофьевъ и М. Невѣровъ, какимъ-то образомъ усидѣвшіе вмѣстѣ, затребовали отъ князя Ю. А. Сицкого для справки о доимкѣ 146 и 147 годовъ книги стольниковъ, стряпчихъ, вдовъ большихъ, дьяковъ, жильцовъ, дворянъ московскихъ, дворовыхъ людей и вдовъ и недорослей всѣхъ городовъ, тетрати, посадскія книги и расходныя книги. 13 ноября объ этомъ кн. Сицкимъ былъ сдѣланъ докладъ государю, и государь указалъ выписать доимку изъ перечисленныхъ книгъ, „а въ приходныхъ и росходныхъ книгахъ справливатца ни въ чемъ государь не указалъ, потому что по тѣмъ книгамъ подъячимъ счетъ былъ“. Этимъ рѣшеніемъ дѣло было ликвидировано. Но когда книги были переданы изъ Счетнаго приказа обратно въ

Приказъ с. р. л.,—не знаемъ Наконецъ, послѣдній моментъ: 13 августа 153 года окольничій Василій Ивановичъ Стрѣшневъ „приказалъ государевымъ словомъ діаку Минѣ Грязеву: велѣлъ книги и тетрати, которые взяты изъ Приказу збору ратныхъ людей къ счоту, что считаны подъячіе Мирошко Дубининъ да Сенка Гавриловъ, отдати въ Приказъ збору ратныхъ людей діакомъ для справки...“ Дѣлопроизводство Приказа с. р. л., почему-то оказавшееся у Мины Грязева, очевидно, не отправленное обратно въ Приказъ с. р. л. въ ноябрѣ 152-го года, было возвращено Приказу—къ концу пятаго года послѣ начала счета (§§ 53 — 56).

13. Характеръ Счетнаго дѣла.

Капризный и порывистый ходъ Счетнаго дѣла объясняется тѣмъ, что главная борьба шла не въ Счетномъ приказѣ, не на допросахъ, а за кулисами, въ незримой для наблюдателя средѣ придворныхъ отношеній. Тамъ, въ интимной сферѣ царскаго окруженія, сцѣпились столпы Михаилова царствованія · Шереметевы и кн. И. Б. Черкасскій, дѣлившіе между собою Московское государство не по-старому — территоріально, а по-новому — вѣдомственно. Но властные люди обхаживали одинъ другого издали и подставляли другъ другу ноги съ нѣкоторымъ свѣтскимъ тактомъ и осторожностью; они не гонялись за правдой съ неумѣреннымъ и шумнымъ усердіемъ, миролюбиво уважая чужіе аппетиты, во-время уклоняясь отъ кажущихся намъ неотстранимыми конечныхъ выводовъ, и съ дѣловитой мягкостью избѣгая неопрятныхъ личныхъ столкновеній: пѣтушиться и задорно наскакивать другъ на друга они предоставляли меньшой приказной братіи. Идея общаго блага и государственнаго интереса въ этой сферѣ выдвигалась и получала вѣсъ лишь въ мѣру столкновенія между властными временщиками, — о ней вспоминали, когда ею хотѣли нанести ударъ другъ другу. По исчезновеніи одной изъ боровшихся сторонъ со смертью князя Ивана Борисовича въ апрѣлѣ 150 года замолкло и слѣдствіе.

Развитіе Счетнаго дѣла напоминаетъ театръ маріонетокъ: дѣйствующія лица то застываютъ въ мертвой неподвижности бумажныхъ куколъ, то, приводимыя въ движеніе невидимой рукой, обнаруживаютъ неожиданную бодрость и предпріимчи-

вость. Въ зависимости отъ движеній этой незримой руки или рукъ Счетное дѣло нѣсколько разъ и мѣняетъ свой темпъ.

Надо думать, что главная тенденція счета была направлена не на подъячихъ, а на самаго И. П. Шереметева: Комиссія даже не заглянула въ столбцы 146 г. и не дала себѣ труда изучить ихъ, хотя именно этимъ путемъ она могла бы подойти къ совершенно показательнымъ выводамъ относительно счетоводства заподозрѣнныхъ подъячихъ въ эпоху, предшествующую появленію въ Приказѣ с. р. л. И. П. Шереметева. Въ союзѣ со своимъ вліятельнымъ родичемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ И. П. Шереметевъ вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ: послѣ четырехъ безплодныхъ натисковъ дьяки изъ обвинителей сами превратились въ подсудимыхъ, но — типичная неопрятная уживчивость московскихъ людей! — всѣ трое усидѣли вмѣстѣ въ Приказѣ и послѣ бурнаго 149 года.

Въ борьбѣ около Счетнаго дѣла выразительно выступаютъ характеры участниковъ его. М. Невѣровъ все время вѣренъ себѣ. Какимъ онъ рисуется по составленному имъ статейному списку, таковъ онъ и въ Счетномъ дѣлѣ: впечатлительный и наблюдательный, съ умомъ живымъ и дѣятельнымъ, но безпомощный въ приказной дипломатіи и не мастеръ оперировать съ цифрами. М. Невѣровъ готовъ постоять за государево дѣло, но невсегда онъ умѣетъ взяться за него съ настоящаго конца. Торопыга, плохой политикъ и неосторожный человѣкъ: немудрено, что свою долгую карьеру онъ такъ и не увѣнчалъ думнымъ дьячествомъ.

Совсѣмъ другой характеръ — Василій Прокофьевъ. Онъ очень проигрываетъ рядомъ со своимъ пылкимъ и безпокойнымъ товарищемъ. Осторожный и себѣ на умѣ, племянникъ своего дядюшки, настоящее крапивное сѣмя, Прокофьевъ болѣе всего боится запутаться въ трудную исторію. Это—неумирающій типъ приказнаго крота, канцелярскаго умника. Во дворцѣ онъ свой человѣкъ, поэтому-то онъ такъ и боится сдѣлать хотя бы одинъ неосторожный шагъ. Роль В. Прокофьева въ Счетномъ дѣлѣ двусмысленна: онъ все время идетъ на поводу у М. Невѣрова, хлопотливость котораго его раздражаетъ; заговариваетъ Василій нехотя,—его хата всегда съ краю!—, а заговоривъ, начинаетъ сердиться, по недостатку сообразительности проговаривается и не

ожиданно для себя наводитъ слѣдствіе на боярина. Потомъ, когда эта откровенность влечетъ за собой непріятности, онъ торопливо прячется въ кусты, покидая своего товарища на произволъ судьбы, пытаясь все свалить на него. Въ борьбѣ М. Невѣрова съ хищеніями такой товарищъ былъ не столько союзникомъ, сколько вреднымъ балластомъ: ни обойтись безъ него ни положиться на него увѣренно было невозможно. Его поза обычно—выжидательная, а въ глубокомъ карманѣ своего дьячьяго кафтана онъ вѣчно припрячетъ секретный документъ, который и вытащитъ съ торжествомъ въ критическую минуту.

Слѣдствіе не осилило и не извлекло на свѣтъ главнаго дѣйствующаго лица—самого „злодѣя", боярина Ивана Петровича, за широкой спиной котораго прячутся два шустрыхъ приказныхъ ерша Сенька и Мирошка. Первый изъ нихъ, Сенька, былъ, повидимому, и половчѣе и понаходчивѣе своего товарища. Поведеніе подъячихъ при счетѣ не вызываетъ никакихъ сомнѣній: будучи не въ силахъ защищаться по существу, но увѣренные въ покровительствѣ боярина, объединенные съ нимъ узами совмѣстнаго мошенничества, они дерзко киваютъ на живыхъ и на мертвыхъ и ожесточенно отбиваются, когда дьяки дѣлаютъ попытки уличить ихъ. И. П. Шереметевъ, заколотившій въ гробъ неудобнаго для него Данилку Баранова, этихъ подъячихъ не выдалъ, и они дешево отвертѣлись отъ грозившей имъ за подлоги по московскому порядку ампутаціи ихъ проворныхъ рукъ. Счетное дѣло закончилось ихъ торжествующими заявленіями: пожупровавъ на сборъ Приказа, они вышли сухими изъ воды. Въ концѣ концовъ Мирошка и Сенька оказались дружнѣе и солидарнѣе дьяковъ—такъ хорошо ихъ скрѣпило покровительство боярина, но ничѣмъ серьезнымъ они не смогли и не сумѣли ихъ скомпрометировать, — значитъ (argumentum ex silentio!), никакихъ серьезныхъ уличающихъ данныхъ противъ дьяковъ у нихъ и не было.

Фигуры дѣятелей слѣдствія кн. Б. А. Репнина, М. Данилова и Ив. Переносова замѣтны гораздо менѣе. Направляющая роль въ веденіи счета, надо думать, принадлежала Ив. Переносову,—недаромъ онъ такъ и поплатился за свое усердіе. Самъ Репнинъ держался, повидимому, выжидательно и насторожился,

когда зашевелился растревоженный Счетнымъ приказомъ клубокъ Шереметевской родни.

Счетное дѣло было предметомъ тревожнаго и недоумѣвающаго вниманія государя: обѣ стороны, и обвинители и обвиняемые, повидимому, очень докучали ему своими обращеніями. За волнующимися и жестикулирующими фигурами дьяковъ и огрызающимися злобными лицами подьячихъ, за притаившейся на заднемъ планѣ съ хищнической осторожностью фигурой боярина виднѣется скорбная и безкровная физіономія перваго Романова, дѣлающаго судорожныя и безпомощныя усилія разобраться въ этомъ трудномъ и стыдномъ вопросѣ. Но интересъ его неустойчивъ, и свѣтъ, бросаемый на слѣдствіе его личнымъ вниманіемъ, невѣренъ, какъ трепещущій свѣтъ догорающей свѣчи, ярко вспыхивающей, чтобы слѣдомъ затѣмъ утомленно потухнуть. Лишенная силы и крѣпости отъ природы, но изрѣдка охватываемая внезапными порывами воли безхарактернаго человѣка, надломленная физическими немощами и семейными невзгодами, съ усталой головой и больными ногами, въ нерадостномъ настроеніи въ эти нерадостные дни—эта зябкая фигура въ фантастическомъ нарядѣ изъ зуфи лимонной и въ червчатыхъ сапогахъ медленно движется по аренѣ московской политической жизни, не вѣря другимъ и неувѣренная въ себѣ. Сгибаясь подъ тяжестью надѣтаго на него вѣнца, царь Михаилъ колесилъ по ближнимъ и дальнимъ богомольямъ, безсильный выбраться изъ окружающаго его плутовства, и не имѣя духу порвать съ близкими ему житейскими хищниками, пока „меланхолія, сирѣчь кручина“ не положила преждевременнаго конца его жизни и не сняла съ его слабыхъ плечъ непосильнаго земного бремени.

Заключеніе.

Дѣятельность Приказа с. р. л., такая кипучая въ первые годы его существованія, постепенно сходитъ на нѣтъ. Послѣ 162 г. исчезаютъ всякіе ея слѣды въ дѣлопроизводствѣ, но нельзя точно установить моментъ исчезновенія или упраздненія Приказа: Приказъ с. р. л. пересыхалъ, какъ русло ручья, нашедшаго себѣ иную дорогу. Приказъ окольничаго Никифора Сергѣевича Собакина да дьяка Григорія Одинцова, учрежденный для сбора съ дворового числа по переписнымъ книгамъ въ январѣ 159 г., уже другое учрежденіе [1]).

Дѣятельность Приказа с. р. л. была звеномъ въ развитіи нѣсколькихъ процессовъ въ жизни Московскаго государства. Отмѣтимъ прежде всего значеніе дѣятельности его въ составленіи бюджетныхъ плановъ московскаго правительства [2]). Финансовые итоги работы Приказа не были утѣшительны: за три первыхъ года сбора (146—149 гг.) вмѣсто предположенныхъ 364.000 р. При-

---

[1]) П. С. З. I. № 56. Въ 160 г. въ этомъ приказѣ сидѣли Н. С. Собакинъ, дьякъ Гр. Лукинъ и дьякъ Никифоръ Сивковъ. М. А. М. Д. № 42302.

[2]) Точный подсчетъ того, что собралъ деньгами Приказъ с. р. л., задача нелегкая. Расчетъ Приказа состоялъ въ слѣдующемъ: со служилыхъ людей онъ долженъ былъ получить 29.000 рублей (откидываемъ вездѣ для простоты сотни рублей), съ посадовъ, черныхъ уѣздовъ и дворцовыхъ селъ—153.000 руб., итого на одинъ годъ—182.000 руб., а на два года—364.000 руб. По нашему подсчету, за три года (146—148) со служилыхъ людей Приказъ взялъ около 23.000 руб., а съ посадовъ, черныхъ уѣздовъ и дворцовыхъ селъ—около 90.000 руб., всего около 113.000 руб. По этому расчету доимка къ январю 150 г. должна была доходить (учитывая поступленіе 11.000 руб. въ 149—150 гг.) до 250.000 руб. По такъ какъ окладъ сбора со служилыхъ людей въ 147 г. былъ пониженъ до 18.000 руб., а окладъ сбора съ посадовъ, черныхъ волостей и дворцовыхъ селъ пониженъ на *оба* года до 194.000 руб. (97.000 руб.×2), то общій окладъ обоихъ сборовъ опустился до 241 000 рублей (29.000+18.000+194.000), если не распространять пониженія оклада сбора со слу-

казъ выбралъ около 125.000 р., т. е. около $^1/_3$ того, на что разсчитывалъ Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ было показано въ главѣ IV, выборка доимки должна была затянуться до 165 года, т. е. на полныхъ двадцать лѣтъ. Результаты эти воочію показывали, что новые финансовые нажимы подобнаго типа безполезны и временно должны быть пріостановлены, и что надо дать населенію сѣверныхъ уѣздовъ нѣкоторую передышку. Выяснялось, что двухрублевая годичная ставка на дворъ должна быть признана финансовой несообразностью для огромнаго большинства черныхъ уѣздныхъ и даже посадскихъ дворовъ, а владѣльческіе крестьяне не могли справиться и съ однорублевой ставкой на дворъ. Разумный расчетъ годичнаго сбора требовалъ установленія ставки на 1 дворъ владѣльческихъ крестьянъ самое большее въ 2 гривны: недаромъ на Азовскомъ соборѣ служилые люди предлагали сбирать съ нихъ деньги „поворотно, съ двора хотя по гривнѣ", выражая пожеланіе, чтобы статистическія вѣдомости дворовладѣнія составлялись для этой цѣли не по писцовымъ книгамъ, а по ихъ сказкамъ [1]). Приблизительно такъ и нормируются позднѣйшіе сборы, напримѣръ, сборы 159 и 170 гг. [2]). Въ дѣлѣ бюджетныхъ расчетовъ сборы Приказа с. р. л. послу-

---

жилыхъ людей на сборъ 146 года, — и до 230.000 руб., если распространять это пониженіе и на окладъ 146 года. Полагая общій окладъ сборовъ равнымъ именно 230.000 руб., а поступленіе 146—149 гг. равнымъ по нашему подсчету 113.000 руб.+ 11.000 руб., т. е. 124.000 руб., получимъ доимку равной приблизительно 106.000 руб Между тѣмъ: 1) дьяки при счетѣ ее клали на глазъ равной 50.000 руб., 2) по „доимочнымъ книгамъ" Слѣдственной комиссіей она была высчитана въ 77.000 руб., а 3) подъячіе поднимали ее до 100.000 руб. Исходя изъ приведенныхъ учетовъ доимки, поступленія Приказа с. р. л. за 146—150 гг. должны были достигать: 1) принимая данныя дьяковъ—180.000 руб, 2) данныя „доимочныхъ книгъ"—153.000 руб., 3) данныя подъячихъ—130.000 руб. Цифра подъячихъ почти сходится съ нашей (т. е. 124.000 руб.), особенно, если принять во вниманіе не поддающіеся точному учету случаи сложенія сбора и доимку за даточныхъ, включаемую подъячими въ общій учетъ доимки. Это совпаденіе нашего расчета съ расчетомъ подъячихъ объясняется тѣмъ, что въ *обоихъ* случаяхъ рѣчь идетъ объ официально зарегистрированныхъ поступленіяхъ. Дьяки, какъ мы видѣли, не владѣли денежнымъ дѣлопроизводствомъ Приказа, то и дѣло ускользавшимъ изъ ихъ рукъ, и ихъ соображенія нѣсколько отвлеченны, но если принять ихъ данныя и сравнить эти данныя съ заявленіями подъячихъ, то амплитуда операцій боярина въ союзѣ съ подъячими выразится въ разницѣ между 130.000 и 180.000 руб., т. е. достигнетъ 50.000 руб.: вотъ максимумъ хищеній.

[1]) С. Г. Г. Д. III № 113

[2]) П. С. З. I, № 56, 170 (по 2 гривны съ двора); А. Э. т. IV, № 137.

жилій, такимъ образомъ, связующимъ звеномъ между эпохой царя Михаила и слѣдующимъ царствованіемъ.

Значительно было вліяніе дѣятельности Приказа с. р. л. и на развитіе государственно-строительныхъ идей. Приказъ с. р. л. сыгралъ какъ бы роль зажигательнаго стекла: онъ собралъ разсѣянные ранѣе мотивы въ одинъ пучокъ и вызвалъ къ жизни новую идею государственнаго обихода—дворовое число. Введенный въ обращеніе Приказомъ с. р. л. порядокъ финансовой раскладки по схемамъ дворового числа былъ проявленіемъ тенденціи государственной организаціи къ самоопредѣленію и самоутвержденію. Посредствомъ дворового числа государство стремится взять цѣликомъ въ свои руки и поставить на формальныя основанія оцѣнку платежеспособности каждаго служилаго человѣка и каждаго чернаго поселенія. Какъ нѣкогда сошное письмо, дворовое число явилось проводникомъ идеи суверенитета государства въ финансовыхъ вопросахъ, но въ измѣненной постановкѣ. Вмѣсто прежняго патріархальнаго сотрудничества агентовъ центральнаго правительства и представителей мѣстнаго общества, допускавшагося при составленіи писцовыхъ книгъ, проводившихъ въ жизнь идеи сошнаго письма, государство сосредоточиваетъ теперь податную экспертизу въ своихъ рукахъ. Податныя формулы, развивающіяся на основѣ дворового числа, были новой, болѣе отчетливой и болѣе законченной кристаллизаціей государственной идеи—въ этомъ ихъ главное и основное значеніе.

Развитіе перелома финансовой системы Московскаго государства было частичнымъ, но очень характернымъ выраженіемъ широко развивавшагося общаго процесса опредѣленія и утвержденія основныхъ началъ его политическаго строя. Политическій абсолютизмъ московской государственной власти, опредѣлившійся около конфликта между боярствомъ и дворянствомъ, развивался дальше около розни между столицей и уѣздомъ; свое законченное выраженіе онъ получитъ около розни между господами и крѣпостными: развитіе политическаго порядка питалось за счетъ конфликтовъ, развивавшихся въ нѣдрахъ соціальныхъ отношеній.

Слѣдствія утвержденія новой позиціи государства че-

резъ посредство двороваго числа надо отмѣтить и въ области соціальныхъ отношеній: во-первыхъ, въ складѣ самого служилаго класса и, во-вторыхъ, въ отношеніяхъ служилыхъ людей къ ихъ крестьянамъ.

Придя къ обложенному сборомъ служилому человѣку со строго индивидуализированнымъ податнымъ требованіемъ, государство каждаго отдѣльнаго плательщика какъ бы противопоставило себѣ. Каждый служилый человѣкъ московскаго списка, каждая вдова, каждый недоросль почувствовали себя въ податныхъ вопросахъ лицомъ къ лицу съ государственной властью и потребовали вниманія со стороны государства къ своимъ личнымъ дѣламъ и передрягамъ. Они не заявили какого-либо *общаго* индивидуалистическаго лозунга, но принципіальное требованіе послѣдовательной индивидуализаціи звучитъ на каждомъ шагу между строкъ ихъ челобитій. Служилые люди сказали, что имъ недостаточно идеальной податной парцелляціи писцовыхъ книгъ, а нужна дѣловая, технически хорошо поставленная и разработанная индивидуализація податной отвѣтственности въ приказномъ дѣлопроизводствѣ. Во имя этого начала правительство должно было принимать въ соображеніе всякій экономическій актъ плательщика, повышавшій или понижавшій количество числившихся за нимъ дворовъ. Приказу с. р. л. и пришлось учитывать брачныя сдѣлки, обиды сосѣдей другъ другу, счеты мачехи съ пасынкомъ, невѣстки съ деверемъ, зятя съ тестемъ и т. д. и т. д.[1])

Дворовое число явилось формулой соглашенія въ податныхъ вопросахъ между властью и служилымъ обществомъ, на которое пришлось сдѣлать финансовый нажимъ. Финансовая индивидуализація, проведенная Приказомъ с. р. л., не была чѣмъ-либо новымъ и дотолѣ неслыханнымъ, мотивъ этотъ развивался и раньше, при господствѣ системы сошнаго письма, только раньше это была льгота, привилегія, случайность, а теперь мы встрѣчаемся съ признаннымъ и въ соотвѣтствующую бухгалтерскую технику оправленнымъ *правомъ* каждаго служилаго человѣка. Въ этомъ смыслѣ дворовое число было своеобразнымъ

[1]) См. выше въ гл. III, напр., дѣла сурначея Воронина, Акс. Зубатовой, Васил. Шепелевой, Пелагеи Корсаковой, Арины Нагой, Анны Ачкасовой, Анны Скобельцыной, Ст. Самарина, Пв. Орлова и др.—стр. 188, 190, 192, 242, 243 и друг.

претвореніемъ и демократизированнымъ наслѣдіемъ старой жалованной грамоты, изъ которой были удалены всѣ особыя привилегіи и изъятія, имѣвшія спеціальный и личный характеръ. Милость древней жалованной грамоты становится теперь правиломъ, равномѣрно распространяемымъ на весь служилый людъ.

Разъ допущенный и узаконенный принципъ податной индивидуализаціи не могъ, конечно, остаться въ монопольномъ распоряженіи одного московскаго круга и пристегнутыхъ къ нему въ 146 г. по логикѣ сбора уѣздныхъ вдовъ и недорослей,—онъ естественно распространяется на весь служилый классъ. Индивидуальное отбываніе тягла послужило, конечно, важнымъ средствомъ его сліянія въ ту юридически однородную и цѣльную дворянскую массу, которая складывается у насъ къ XVIII в.

Прояснѣніе черезъ посредство дворового числа идеи податной индивидуализаціи неизбѣжно повлекло за собой и прояснѣніе вопроса о крѣпостномъ *правѣ*; эти двѣ идеи связаны незримыми внутренними связями, хотя онѣ развиваются и оторванно одна отъ другой. Проводя принципъ индивидуализаціи податной отвѣтственности служилыхъ людей, власть не могла не поставить вопроса о закрѣпленіи отношеній владѣльцевъ и крестьянъ, *поскольку* это зависѣло отъ нея, а для этого надо было покончить со всѣми соблазнительными условностями, связанными съ урочными годами. Государство обратилось къ служилымъ людямъ съ требованіемъ: „вы отвѣчаете каждый порознь за податную исправность своихъ крестьянъ“, а служилый людъ отвѣтилъ на это: „но тогда и обезпечьте за нами нашихъ крестьянъ, поскольку это зависитъ отъ васъ“. Государство твердо и послѣдовательно требуетъ свою долю труда владѣльческихъ крестьянъ, но усваиваетъ точку зрѣнія невмѣшательства во внутреннія отношенія крѣпостной деревни. Вмѣсто блуждающихъ и пестрыхъ рѣшеній крѣпостного вопроса на разные лады (учетъ крестьянскихъ повинностей, сохраненіе права крестьянскихъ переходовъ и урочныхъ лѣтъ, покровительство мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ и т. д.), власть принимаетъ грубое, но отчетливое и законченное заключеніе, котораго внѣшнимъ выраженіемъ и символомъ и становится сначала дворовое число, а потомъ счетъ податныхъ душъ. Любопытно, что въ XVIII в. еще сохранилось

глухое воспоминаніе о такомъ значеніи дворового числа [1]). Государству и служилому обществу надо было выбраться изъ недосказанныхъ и неопредѣленныхъ отношеній въ крѣпостномъ вопросѣ— искомый выходъ былъ найденъ въ новой податной формулѣ. Принявъ дворовое число, какъ принципъ, государство надолго примирилось съ обязательнымъ посредничествомъ владѣльца въ податныхъ вопросахъ. Въ служиломъ классѣ дворовое число укрѣпило увѣренность спокойнаго обладанія тѣмъ, что у него находилось въ рукахъ, и было важнымъ шагомъ на пути признанія государствомъ въ будущемъ неприкосновенности владѣльческихъ правъ на крѣпостную деревню. Подвигаясь по этому пути все дальше и дальше, черезъ полтора столѣтія придутъ къ торжественной декларации дворянскихъ правъ въ Жалованной грамотѣ 1785 г.

На служилой землѣ отчетливо индивидуализируя податную отвѣтственность, дворовое число было техническимъ шагомъ впередъ въ приказномъ дѣлопроизводствѣ, а на посадахъ и въ черныхъ уѣздахъ, наоборотъ, оно огрубляло старыя, десятилѣтіями выработанныя схемы сошнаго письма, стирая всѣ тонкія и замысловатыя различія въ податныхъ тарифахъ, ломая всю ту хитрую податную механику, которую въ окладныхъ книгахъ особенно въ посадскихъ, совмѣстными усиліями выращивали московскій дьякъ и разныхъ статей посадскіе и уѣздные люди. Въ то же время усиленіемъ податного нажима дворовое число должно было усилить изоляцію посада отъ уѣзда, посадскій сыскъ и связанный съ сыскомъ свозъ.

Взглянемъ на дворовое число въ перспективѣ историческаго развитія. Податная исторія древней Руси, пройдя въ промежуткѣ XVI—XVII вв. черезъ сложныя и замысловатыя формы сошнаго

---

[1]) „Первый поводъ къ продажѣ по одиночкѣ данъ владѣльцамъ наборомъ рекрутъ съ числа дворовъ, показавъ тѣмъ дорогу, что можно ихъ отдѣлять отъ земли и отъ семействъ по одиночкѣ. Указъ, сравнившій помѣстья съ вотчинами, и вскорѣ потомъ послѣдовавшая подушная перепись, которой холопи, безъ различія кабальныхъ отъ полныхъ, поверстаны въ одинакій окладъ съ крестьянами, утвердилъ владѣльческое притязаніе присвоить надъ тѣми и другими одинакое властительства право". (Болтинъ, Примѣчанія на Леклерка, II, стр. 210). Болтинъ говоритъ это о сборахъ конца XVII в. и даже начала XVIII вѣка; но то же самое надо сказать и о сборахъ 146—149 гг.

письма, началась и кончилась дворовымъ числомъ. Въ 146 г. старое дворовое число, вытѣсненное, хотя и не совсѣмъ, изъ финансовой практики Московскаго государства столѣтія на полтора, возвращается въ роли универсальнаго начала податной организаціи, но возвращается уже широко обставленное разными дополнительными посылками и условностями. По первоначальному замыслу оно должно было, повидимому, играть роль только вспомогательнаго и дополнительнаго средства податной системы Московскаго государства, примѣняемаго параллельно съ сошнымъ письмомъ. Однако, вскорѣ между той и другой схемами развивается конфликтъ, постепенно приводящій къ полному вытѣсненію сошнаго письма дворовымъ числомъ.

Всѣ мотивы дворового числа по частямъ съ большей или меньшей выразительностью давно были въ ходу на практикѣ, но Приказъ с. р. л. оформилъ и консолидировалъ эти идеи, сообщилъ имъ болѣе устойчивый и болѣе законченный характеръ. Это былъ одинъ изъ типично московскихъ микрометрическихъ шаговъ впередъ, одна изъ тѣхъ незначительныхъ съ перваго взгляда перестановокъ, которыя своимъ накопленіемъ, однако, пересоздаютъ порядокъ и укладъ жизненныхъ отношеній. Появленіе дворового числа отнюдь не было изобрѣтеніемъ новой идеи, оно выросло на идейныхъ корняхъ сошнаго письма, было прямымъ его продолженіемъ. Въ своемъ генезисѣ дворовое число какъ бы повторило генезисъ сошнаго письма: исходная государственная идея его была приложена къ обществу, въ которомъ развивались *свои* тенденціи и *свои* теченія. Встрѣтивъ общественную реакцію, идея эта быстро напиталась общественнымъ содержаніемъ. Тысячи отдѣльныхъ усилій, развивавшихся при помощи безшумныхъ и съ виду столь покорныхъ челобитій, совершенно не забиравшихся въ принципіальную сторону дѣла, сообщили основному государственному импульсу соціальный смыслъ, придали ему устойчивость и облекли его въ надежную оправу. Но эта реакція развилась короче и энергичнѣе, чѣмъ та длительная реакція, въ результатѣ которой сложилось сошное письмо.

Вводя порядокъ, символически выраженный идеей дворового числа, государство освобождаетъ себя отъ вялыхъ и тягучихъ пріемовъ податной экспертизы сошнаго письма и, благо-

этому, облегчаетъ себѣ финансовые нажимы, но, выигрывая экономически, оно уступаетъ въ крѣпостномъ вопросѣ и проигрываетъ юридически. Усилился нажимъ государственной власти, но въ отвѣтъ на него развился и болѣе энергичный отпоръ со стороны служилаго общества.

Дворовое число дѣловитѣе, но и неуживчивѣе сошнаго письма. Схема началъ, съ нимъ связанныхъ, была жестче и тверже, чѣмъ патріархально-расплывчатые навыки и обычаи сошнаго письма; оно быстро потребовало опредѣленія и прояснения ряда вопросовъ, отъ которыхъ какъ-то умѣли уклоняться при прежней системѣ. Такъ, прямымъ заключеніемъ изъ индивидуалистической и формально-отчетливой разверстки налога на основѣ двороваго числа былъ выводъ о томъ, что для закрѣпленія владѣльческихъ правъ служилыхъ людей должна быть произведена спеціальная подворная перепись. Перепись 154 года прямо продолжала дѣло Приказа с. р. л. Ликвидація урочныхъ лѣтъ и твердая формулировка началъ крѣпостного права были обязательнымъ слѣдствіемъ принципіальной и технической индивидуализаціи платежей служилаго класса: кругъ понятій, начавшій опредѣляться одной своей стороной въ 146 г., нашелъ свое завершеніе черезъ восемь лѣтъ въ подворной переписи 154 г. Заявленія на Азовскомъ соборѣ, хронологически какъ разъ на полпути между обоими актами, были выразительной вѣхой этого развитія порядка. Въ финансовой системѣ Московскаго государства съ половины XVII в. пріютилась уже и робкая струйка одного постояннаго налога, разверстывавшагося на основѣ двороваго числа [1]).

Дворовое число было равнодѣйствующей эволюціи всего строя Московскаго государства и типичнымъ образчикомъ мыслительной работы людей того времени, а не идеологической затѣей какого-нибудь дальновиднаго приказнаго ума. Едва ли поэтому есть основаніе навязывать идеѣ двороваго числа какой-нибудь экономическій планъ, имѣвшій въ виду, напримѣръ, рас-

---

[1]) Такъ же, какъ и первые общегосударственные сборы на основѣ сошнаго письма въ XVI в., первымъ сборомъ, положеннымъ на дворовое число послѣ переписи 154 (1646) г., были полоняничныя деньги (Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, VIII, 1).

ширеніе запашки: идея эта опредѣлялась въ своемъ развитіи вовсе не съ того конца. Въ дѣлопроизводствѣ Приказа с. р. л. мы, конечно, напрасно стали бы искать и отвлеченнаго построенія идеи „двороваго числа“, цѣльнаго мыслительнаго образа, который люди эти стремились бы провести и осуществить на практикѣ. Идея его складывается въ ихъ сознаніи стихійно, мозаично сцѣпляемая изъ отдѣльныхъ кусочковъ. Дворовое число было не заранѣе отвлеченно обдуманной и планомѣрно развитой программой нововведенія, а итогомъ, декларацiей, того, что по частямъ сложилось на практикѣ до него.

Въ дѣятельности Приказа с. р. л. осязательно вскрылись пріемы мышленія людей той эпохи. Мышленіе это очень отличается отъ нашего бѣдностью отвлеченныхъ понятій логико-техническаго характера и неумѣніемъ обращаться съ ними. Современная мысль на каждомъ шагу пользуется заранѣе заготовленными комбинаціями идей, тѣмъ, что мы привыкли называть „точками зрѣнія“. Каждый частный случай мы инстинктивно стремимся подвести подъ общее правило и изъ каждаго частнаго случая стремимся извлечь общее заключеніе и обобщающій урокъ. Логика древнерусскихъ людей была лишена самаго вкуса къ пользованію общими понятіями. Конечно, общія формулы мы нерѣдко встрѣтимъ и въ ихъ мыслительномъ оборотѣ, но онѣ являются не исходными положеніями, служащими опорой и руководствомъ, а медленно накопляемыми итогами длительной работы. Уясняя тѣ логическіе пути, которыми шли люди того времени, развивая и обрабатывая разнообразныя начала своего строя, надо помнить объ особенностяхъ ихъ мыслительной работы: общія дѣловыя идеи были для нихъ не отправными *началами*, а замыкающими *заключеніями*. Къ этимъ заключеніямъ они подвигались при помощи медленныхъ и неувѣренныхъ усилій мышленія, подолгу выписывая около каждаго такого заключенія логическіе узоры. Выносишь впечатлѣніе, что эти заключенія слагаются точно помимо ихъ воли и вѣдома стихійно и неотстранимо изъ безконечнаго количества мелкихъ и, казалось бы, хаотическихъ частностей. Свои общія заключенія они выпариваютъ изъ массы своихъ переживаній, подобно тому, какъ они выпаривали соль на соляныхъ варницахъ изъ своихъ црѣновъ. Идея для людей

древней Руси—больше привычка и навыкъ, чѣмъ отвлеченное сужденіе; думаютъ они по складамъ и долго-долго натверживаютъ зады прежде, чѣмъ, наконецъ, рѣшатся сдѣлать давно напрашивающееся заключеніе. Въ обобщающей работѣ мышленія людей того времени преобладаетъ агглютинирующее усиліе: они не торопятся сжимать отдѣльныя логическія звенья въ общія формулы, а *сцѣпляютъ* ихъ одно съ другимъ, нанизывая, какъ бусы. Ихъ мыслительная работа похожа на клубки ихъ дѣлопроизводства, склеенные часто вмѣстѣ на основаніи ассоціацій, для насъ трудноуловимыхъ. Они движутся впередъ не черезъ предварительное признаніе нѣкоторыхъ новыхъ общихъ положеній и замѣну однѣхъ руководящихъ идей другими, а путемъ частичныхъ умозаключеній отъ одного конкретнаго случая къ другому, идутъ не широкой дорогой обдуманнаго плана, а плетутся логическими проселками. Слѣдствія какого-нибудь положенія, глухо признаннаго ихъ умомъ, опредѣлялись и выражались раньше, чѣмъ само это положеніе, и въ ихъ порядкахъ всегда было что-то недосказанное. Даже такія мощныя конструкціи, какъ помѣстное землевладѣніе, какъ крѣпостное право, какъ распространеніе обязательной службы на вотчины, какъ прикрѣпленіе къ тяглу и т. д., приходили не въ видѣ общихъ принципіальныхъ формулъ, а въ видѣ многочисленныхъ частичныхъ отложеній, покрывающихъ слагавшійся на практикѣ порядокъ какъ бы юридической накипью.

Но сцѣпленныя изъ отдѣльныхъ кусочковъ общія идеи людей древней Руси обладали большой внутренней крѣпостью, напоминая твердыя коралловыя образованія. Превратившись путемъ длительной агглютинаціи въ общее положеніе, подобная идея живетъ своей собственной жизнью: застывшей общей схемѣ становится уже трудно придать текучесть и плавкость [1]).

При смѣнѣ идей въ ихъ сознаніи мы наблюдаемъ не испол-

[1]) Характерны обороты ихъ языка, отражавшіе пріемы ихъ мышленія: они слагаютъ сборъ „съ 10, съ 9, съ 8, съ 7, съ 6, съ 5, съ 4, съ 3, съ 2, съ 1 двора". Даточныхъ къ засѣкамъ велѣно было сбирать съ 10, съ 9, съ 8 и т. д. дворовъ. Перечисляя количество дворовъ, которыми владѣли служилые люди, Котошихинъ говоритъ, что у одного лица бываетъ „и по одному, и по два, и по три, и по четыре, и по пяти, и по шести, и по семи, и по восьми, и по девяти, и по десяти дворовъ и больши", съ трудомъ, очевидно, отваживаясь на это „больши". См. характерные образцы такихъ агглютинирующихъ усилій на каждомъ шагу въ Уложеніи.

ненные драматизма діалектическіе конфликты общихъ положеній, вооруженныхъ каждое арсеналомъ доводовъ, разставленныхъ въ извѣстномъ тактическомъ построеніи, а медленное, ползучее перерожденіе понятій: новыя идеи приходятъ къ людямъ того времени какъ-то незамѣтно, рождаясь изъ старыхъ понятій, какъ ихъ побѣги или отводки. Они не развертываютъ новую идею, какъ боевое знамя, а тащатъ ее, какъ тяжелый грузъ, подпирая, подхватывая и подсаживая съ разныхъ сторонъ.

Такой характеръ логики сильно мѣшалъ широтѣ кругозора и отчетливости умозаключеній. Разсчетливые на мелочи, всегда крѣпко себѣ на умѣ, древне-русскіе люди не понимали и боялись крупной игры, не соображали часто цѣлаго и общей связи, запускали и прозѣвывали то, чѣмъ должны были дорожить, съ чѣмъ хотѣли бороться (развитіе крѣпостного права на крестьянъ, ослабленіе правъ государства на служилую землю и т. д.).

Наши идейныя построенія страдаютъ отъ избытка общихъ формулъ, отъ чрезмѣрной логической игры, а людямъ того времени мѣшаетъ вялость и бѣдность ихъ мыслительнаго оборота. Наши построенія сознательнѣе, щеголеватѣе, ихъ построенія сѣрѣе, но зато крѣпче. Наши идеи ярче и эффектнѣе цвѣтутъ, у ихъ идей глубже и прочнѣе корни. Они не знаютъ выгодъ и невыгодъ, связанныхъ съ отвлеченными, „идейными“ въ нашемъ смыслѣ слова постановками жизненныхъ вопросовъ, не знаютъ нашихъ „вопросовъ“, не знаютъ идейныхъ натисковъ, идейныхъ побѣдъ и пораженій, ихъ „идеи“ лишены того логическаго нимба, который такъ любимъ мы. Поэтому они относятся къ своимъ „идейнымъ“ построеніямъ проще, прозаичнѣе и дѣловитѣе. Идею люди того времени мыслятъ, проводятъ и осуществляютъ въ видѣ практическихъ воплощеній и конкретныхъ мѣропріятій, не умѣя и не стремясь сообщить ей отвлеченное энергично формулированное выраженіе. У этого тяжелаго стиля мышленія были и свои положительныя стороны. Ему присуща нѣкоторая важная неторопливость мыслительной поступи: когда они размышляютъ, они слѣдуютъ извѣстному „чину“, обряду мышленія, придающему ходу ихъ размышленія осторожность и степенность. За отсутствіемъ привычки къ мыслительной подвижности, къ проворнымъ и гибкимъ мыслительнымъ операціямъ,

къ обильному расходу словъ, эти логическіе сидни пользуются своей цѣпкой и осторожной логикой „примѣра“-образца съ замѣчательнымъ терпѣніемъ, усердіемъ и сосредоточенностью. Зато, начавъ развивать какую-нибудь по-своему понятую идею, они не толкуютъ объ ней попусту, а продвигаютъ ее молча и сосредоточенно, стиснувъ зубы. Люди эти выработали себѣ особую суровую дисциплину, направленную не только на слова, но и на самыя мысли. Они не любятъ не только „невѣжливыхъ и неподобныхъ стадницкихъ словъ“, но и „невѣжливыхъ“ мыслей: извѣстныхъ вещей, по ихъ понятіямъ, „не только говорить, но и помыслить не годится“. Ихъ логическая истовость и стыдливость иной разъ трогательны и внушительны и имѣютъ свою цѣну, особенно по сравненію съ тѣмъ отсутствіемъ мыслительной конфузливости, которымъ удивляютъ наши времена. Московскіе всякихъ чиновъ люди съ трудомъ отваживались на общія заключенія и неувѣренно держались на логическихъ подъемахъ, но зато они не любили превращать свою мыслительную работу въ игру и забаву. Людямъ нашего времени ничего не стоитъ развернуть размашистую и шумную программную декларацію, ударить въ словесные колокола, но, отзвонивъ, тотчасъ же и забыть о торжественно возвѣщенномъ. Не такъ они: къ общимъ заключеніямъ они подходятъ скромно и робко, но зато къ своему собранному по крохамъ и склеенному изъ лоскутьевъ мыслительному скарбу относятся бережливо и заботливо, какъ къ своимъ отъ прадѣдовъ полученнымъ шубамъ и тѣлогрѣямъ. Ихъ программныя построенія неладно, часто очень неладно скроены, да крѣпко сшиты: имъ совершенно чужда столь распространенная и столь обманчивая привычка другихъ временъ довольствоваться легковѣснымъ и дешевымъ хламомъ общихъ словъ и общихъ мѣстъ, тѣмъ готовымъ словеснымъ платьемъ, котораго появляется такое изобиліе въ позднѣйшія эпохи. Лыкомъ шитые, въ лаптяхъ ходившіе, на мѣдные гроши ученые, они не теряли, однако, самаго главнаго—здраваго смысла и глазомѣра. Они неизбѣжно консерваторы, но ихъ отношеніе къ старинѣ имѣетъ глубокій смыслъ. Они берегутъ старину потому, что *вѣрятъ* въ нее, и въ ихъ консерватизмѣ нѣтъ ничего предвзятаго, озорного, въ немъ много спокойнаго чувства собственнаго достоинства и сознанія, что такъ должно быть и иначе быть и не можетъ.

Эти именно свойства мыслительной работы и выразились въ дѣятельности Приказа с. р. л. Они сдѣлали Приказъ вялымъ и неповоротливымъ, лишили его организаціонной и наступательной энергіи, но сообщили ходу его дѣятельности сосредоточенный, надежно ориентированный и относительно устойчивый характеръ: Приказъ очень не безъ грѣха, но онъ исчерпалъ поставленную ему задачу и закрѣпилъ своей работой новую государственную позицію.

Итакъ, тускло освѣщенная сальными огарками невзрачная избушка Приказа с. р. л. съ убогой утварью изъ лапотнаго ряда сослужила свою службу въ развитіи одной изъ боевыхъ и наступательныхъ идей московской государственности — въ этомъ главное значеніе Приказа. Московскій государственный порядокъ слаживался по образу и подобію мастерившихъ его людей: грубо, топорно, но прочно. Развитіе государственной идеи въ Москвѣ шло ломаннымъ, запутаннымъ, далеко не всегда кратчайшимъ путемъ: не-хуже своихъ подданныхъ Московское государство знало, что прямо только ворона летаетъ, знало, что не только плетью обуха, но и обухомъ плети не перешибешь. Дворовое число осуществилось и воплотилось въ схемѣ московскаго политическаго строя довольно капризнымъ изломомъ. Начавъ съ экономическаго натиска на „Москву“, на „поживившихся“, государство легко подчинилось встрѣчной реакціи, развившейся изъ служилой среды, и кончило тѣмъ, что подсказывалось этой реакціей: признало крѣпостное право законченнымъ государственнымъ институтомъ. Черезъ восемь лѣтъ послѣ того, какъ Приказъ с. р. л. открылъ свои операціи, перепись 154 г. официально санкціонировала крѣпостной порядокъ. Утвержденіемъ крѣпостного права и устраненіемъ всякихъ неясностей по этому поводу былъ ликвидированъ важнѣйшій мотивъ розни между уѣздомъ и столицею. Они помирились, да мириться было и очень пора: назрѣвала другая рознь, правда, обычно дремлющая, но гораздо болѣе опасная и грозная для общественнаго порядка: рознь господъ и крѣпостныхъ, на столѣтія поставленныхъ въ условія перемирія во владѣльческой деревнѣ. Успѣхъ первой польской войны царя Алексѣя, смывшій впечатлѣнія неудачнаго Смоленскаго похода, былъ

символическимъ выраженіемъ примиренія между столкнувшимися группами служилаго общества, а приближавшаяся тѣнь Разиновскаго бунта говорила о томъ, что служилому обществу надо кончать свои внутренніе счеты.

Въ строительной работѣ надъ внутреннимъ укладомъ жизни этотъ новый этапъ развитія русской государственности будетъ характеризоваться постановкой на очередь задачъ сглаживанія и подравниванія тѣхъ чертъ общественнаго строя, которыя стояли на дорогѣ всепоглощающему развитію государственнаго начала. Московское государство XVI—XVII вв. было неразборчиво и легко вбирало въ свои созидательныя схемы черты и порядки, встрѣчаемые имъ въ присоединенныхъ областяхъ, дѣлая это со стихійнымъ простодушіемъ и непринужденностью. Оно мирилось съ самыми разнородными началами, лишь бы они не сталкивались съ основной поглощающей тенденціей московской политики. Москва все ташила въ свою кучу—и служилыхъ и торговыхъ людей, и правовыя нормы, и литературу, и святыхъ, и чудотворныя иконы, въ расчетѣ на то, что все это когда-нибудь и какъ-нибудь да пригодится. Понемногу Москва принимается за работу разжевыванія, и перевариванія, примиряя и соподчиняя разнородныя начала, включавшіяся раньше неразборчиво въ государственную кладку, подрѣзая и придушивая то, что ей казалось неудобнымъ, поддерживая и развивая то, что она находила полезнымъ. Дворовое число и было показательнымъ симптомомъ развитія и укрѣпленія этой прогрессирующей государственной тенденціи.

Приказъ с. р. л. и важенъ тѣмъ именно, что въ немъ развертывалась идея русской государственности. Поводы къ раскрытію ея были различны, но внутренняя ея сущность всегда была едина: это было раскрытіе духовной мощи, вложенной въ русскій народъ. Истинная сила этой организаціи была, конечно, не въ грызнѣ столицы и уѣзда, не въ раболѣпствѣ передъ нерѣдко ничтожными представителями власти, смѣнявшимися въ кремлевскихъ покояхъ, не въ хитросплетеніяхъ московскихъ приказныхъ умниковъ, не въ самолюбивой взаимной борьбѣ сильныхъ людей, сила ея была въ физіологической и нравственной мощи этого полагаемаго въ дворовое число народа, подъ накипью

своихъ правящихъ круговъ тихимъ, сосредоточеннымъ, страшнымъ по своему напряженію и своей мощи усиліемъ овладѣвавшаго выпавшимъ на его долю необъятнымъ пространствомъ, задавшимъ ему безграничный рядъ сложныхъ политическихъ, соціальныхъ, техническихъ и нравственныхъ задачъ, и дѣлавшаго свое творческое дѣло съ крѣпкой вѣрой въ свое далекое, и теперь еще очень далекое лучшее будущее.

Дополненія и поправки.

Къ с. 126 и 466. Князья И. Голицынъ и П. и Б. Репнины въ концѣ 140-ыхъ годовъ завѣдывали Сыскными приказами, сыскивавшими закладчиковъ—С. Б. Веселовскій „Акты писцоваго дѣла“ II № 177.

Къ с. 128. Въ 144 г. Евсевьевъ состоялъ и въ Новгородской чети—А. Ю. Б. II № 230, XII.

Къ с. 170—183. Приписаны были дворы слѣдующимъ лицамъ: кн. М. В. Щетинину, Тим. Колемину, Андр. Гр. Чичерину, Ѳед. Нашокину, кн. Ив. Буйносову-Ростовскому, Ал. Собакину, Ив. Ст. Колтовскому, Андр. Измайлову, Ив. Чулкову Стан.-Петру Граевскому, кн. Андр. Ив. Мещерскому, Ив. Скорнякову-Писареву, Мих. Бутурлину, Гавр. Андр. Иванову, Бор. Приклонскому, кн. Мих. Ив. Мещерскому, Лукѣ Петр. Микулину, Вас. Мих. Коробьину, Бор. Пушкину, Ив. В. Горянову, Кир. Ст. Бѣшенцову, Кузьмѣ Корн. Кузьмину, Евгр. Сем. Елизарову, Ив. Сем. Колтовскому, Ив. Чичерину, Гр. Кокореву, Петру Бабичеву, Кир. Беклемишеву, Пр. Данилову, Ст. Мертвому, кн. Вас. Бор. Пріимкову-Ростовскому, Ѳед. Измайлову, Вас. Щербатому, Ѳед. Ѳед. Дурному, Неалт. Шейдяковой, Петру Гр. Сабурову, Ал. Шипову, Ел. Кузеневу, Ст. Исленьеву, Дм. и Ив. Ларіоновымъ, Мир. Вельяминову, кн. Никитѣ Мезецкому, Андр. Милюкову, Дм. Ив. Зубову, Сурьянину Тороканову, Кирѣевскимъ, Агр. Бутурлиной и Авд. Тюфякиной, Мих. Мансурову, княг. Аннѣ Мосальской, Сол. Ловчиковой, Вас. Философову, Ив. Ник. Сомову, кн. Ѳед. и Юр. Барятинскимъ, Богд. Хитрово, кн. Мих. Шаховскому, Ив. Бестужеву, Девятому Кривскому, Ив. Шипову, Мих. Ѳед. Носову, Ильѣ Лопакову, Матв. Баранову, Сем. Вас. Ларіонову, Петру Вас. Кривскому, кн. Ив. Аѳ. Вяземскому, Ив. Перелешеву, Як. Ив. Салманову, Вас. Дм. Есипову, Зах. Ратиловскому, Ив. Ив. Философову, Жд. Вас. Кондыреву, Далм. Сем. Бѣшенцову, кн. Ив. Ив. Гагарину, Л. Караулову, Ал. Вас. Облязову и Лар. Мих. Карцову, Як. Толочанову, Ив. Мих. Кайсарову, Петру Тим. Бартеневу, Ст. Татищеву, Перф. Колтовскому, Лавр. Раевскому, Богд. Приклонскому, Гавр. Як. Бибикову, кн. Ник. Ник. Гагарину, кн. Сем. Вас. Прозоровскому, Мих. Мих. Салтыкову, кн. Вас. Петр. Ахамашукову-Черкасскому, Т. Юд. Луговскому, Нат. Лодыженской, Аннѣ Буконтовой, Матв. Никифорову, Льву Баландину, Вас. Пушкину, Аѳ. Ощерину, Кир. Супоневу, кн. Ив. Голицыну, кн. Юр. Сулешову, Тим. Стрѣшневу, Григ. и Аѳ. Образцовымъ, Лукѣ Унковскому, Ст. Сологубову, кн. Вас. Ромодановскому, Ив. и Л. Шетневымъ, Лукѣ Оболдуеву, Коч. Поливанову, Як. Милюкову, Пр. Елизарову, Ег. Жадовскому, Макс. Лодыженскому, Ив. Солнцеву.

Къ с. 259, 264, 316. Расхожденіе въ итогахъ дворовладѣнія вдовъ и недорослей городовыхъ объясняется тѣмъ, что въ первомъ и второмъ случаяхъ (с. 259 и 264) взяты данныя только изъ книгъ, а въ третьемъ (с. 316) приходилось пользоваться и данными отписокъ, отклоняющимися отъ книгъ. Данныя книгъ, къ тому же, не всегда ясны. Въ качествѣ общаго основного масштаба все же беремъ книги, въ которыхъ Приказъ собралъ данныя по дворовладѣнію вдовъ и недорослей.

Къ с. 272. Отписка Л. Милославскаго и И. Байбакова—1643 № 42 л. 218—220.

Къ с. 285. Итогъ денежныхъ окладовъ условно беремъ изъ книгъ (см. с. 264).

Къ с. 287—312. Данныя приказныхъ грамотъ и воеводскихъ отписокъ берутся въ точности, независимо отъ того, соотвѣтствуютъ ли они дѣйствительнымъ размѣрамъ поступленій и доимки.

Къ с. 297. Данныя по Каширскому уѣзду—кн. по Новгороду № 25 л. 218—287.

Къ с. 307. Серпуховъ. Съ серпуховскихъ, тарусскихъ и оболенскихъ вдовъ въ 146 г. Д. Елагинъ собралъ 25 руб. 16 ал. 4 д.—1638 № 24 л. 18—25.

Къ с. 313—316 см. примѣчаніе ниже на с. 560.

Къ с. 321. Замѣтимъ, что относительно лицъ, владѣвшихъ ровно 10 дворами, видно нѣкоторое колебаніе: сначала, какъ будто, сборъ съ нихъ не былъ сложенъ.

Къ с. 338—341. Списокъ обложенныхъ посадовъ, черныхъ уѣздовъ и дворцовыхъ селъ взятъ согласно сводной окладной книгѣ Приказа с. р. л.—кн. по Владиміру № 4. Сверхъ означенной книги прибавлены по указаніямъ, почерпнутымъ изъ отписокъ, Медынь, Новгородъ Сѣверскій, Оболенскъ и Орелъ. Отмѣчаемъ частичность и случайность данныхъ о дворцовомъ землевладѣніи, вошедшихъ въ окладную книгу.

Къ с. 342—392. См. выше замѣчаніе къ с. 287—312. Замѣтимъ, что при вычисленіи поступленій приходится комбинировать данныя семи источниковъ нерѣдко не совпадающія между собой: 1) окладной книги, 2) приказныхъ грамотъ, 3) воеводскихъ отписокъ, 4) Счетнаго дѣла, 5) сводныхъ приказныхъ вѣдомостей, 6) докладовъ Приказа государю, 7) челобитій плательщиковъ.

Къ с. 345. Вологда. Согласно кн. по Владиміру № 4 л. 111, $^{14}/_{VII}$ 147 г. съ Вологды по отпискамъ воев. кн. Ив. Волконскаго взято 300 р. да $^{22}/_{X}$ 148 г.—286 р. Полагаемъ, что сборъ на 146 г. поступилъ также исправно.

Къ с. 346. Вятка. Отсутствіе данныхъ по сбору съ уѣзда отмѣчаемъ только относительно *переписки* Приказа съ воеводами.

Къ с. 347. Гороховецъ. Согласно кн. по Владиміру № 4 л. 143, на 146 г. поступило 312 р., а на 147 г. по отпискѣ Павла Бологовскаго $^{21}/_{VIII}$ 147 г. поступило 302 р. Въ 159 г. Приказъ почему-то накинулъ 18 р., высчитавъ доимку въ 348 р. вмѣсто 330 р.

Къ с. 347—351. Двина. Свѣдѣнія о поступленіи на 147 г. 579 р. (с. 348) взяты изъ доклада, представленнаго государю въ апрѣлѣ 149 г. Потребованные (с. 349) $^{26}/_{II}$ 149 г. 4932 р.—не частичная доимка, а полный окладъ. Общій расчетъ доимки, сдѣланный Приказомъ,—2281 р. 25 ал. (с. 349)—содержитъ ариѳметическую ошибку: слѣдуетъ—2381 р. 25 ал. Взятые съ Ѳ. Мельцова 8 р. (с. 351) входятъ въ общій итогъ—278 р. 13 ал. $1^1/_2$ д.

Къ с. 351—352. Заонежье. По Счетному дѣлу, на 146 г. было собрано 4789 р. 32 ал. 4 д., а на 147 г. поступило, повидимому, въ 149 г. 2919 р. 16 ал. 4 д.

Къ с. 353—355. Кай-городъ. По Счетному дѣлу, съ посада поступило на 146 г. въ 146 г. 70 р., а съ уѣзда 378 р.; въ 147 г. съ посада и съ уѣзда—543 р. На 147 г. въ 147—8 гг., по Счетному дѣлу, съ уѣзда поступило 207 р. 15 ал. $4^1/_2$ д., что согласуется съ приказной грамотой кн. С. Гагарину. По сбору 149 года Счетное дѣло и данныя воеводскихъ отписокъ расходятся.

Къ с. 355—357. Каргополь и Турчасовъ. Итогъ поступленій, по Счетному дѣлу, съ Турчасовскихъ посада и уѣзда на 146 г. въ 146—7 гг. равняется 1688 р. 29 ал. Цифра поступленія съ Каргополя, посада и уѣзда, на 146 г. въ 146—7 гг., 2241 р. 4 ал. 2 д., получена путемъ вычитанія 1688 р. 29 ал. изъ 3930 р., общаго итога сборовъ съ Каргополя и Турчасова по даннымъ переписки. На 147 г., по Счетному дѣлу, въ 148 г. съ Каргопольскаго уѣзда взято 832 р., а въ 149 г.—1376 р. (б. м., включая 832 р.?); съ Турчасовскаго уѣзда на 147 г. въ 148 г. взято 659 р. 16 ал. 4 д. и, кромѣ того, было какое-то поступленіе въ 149 г.

Къ с. 357. Кеврола и Мезень. По Счетному дѣлу, на 147 г. въ 148 г. поступило 1991 р. да въ 150 г.—500 р.

Къ с. 367—370. Пермь Великая. Упомянутые въ текстѣ (с. 368) 33 р., согласно Счетному дѣлу, взяты на 147 г. въ 148 г. съ Усольскаго уѣзда.

Къ с. 378. Торопецъ. По отпискѣ изъ Торопца отъ $^3/_{VIII}$ 147 г. Ѳед. Пушкина, съ Торопецкаго посада съ 39 дв. 78 р. взяты сполна. Сборъ былъ сложенъ, очевидно, только на 146 г. Кн. по Владиміру № 4 л. 70.

Къ с. 378—381. Тотьма. Данныя поступленій (с. 378) съ Тотемскихъ посада и уѣзда взяты изъ № 118 1642 г. Относительно поступившихъ съ посада въ 147 г. $^{12}/_{VII}$ 15 р. возможно и другое толкованіе: ихъ можно считать поступленіемъ оклада не на 147-ой, а на 146 г. Данныя Счетнаго дѣла не вполнѣ совпадаютъ съ цифрами, приведенными въ текстѣ (с. 378): въ Счетномъ дѣлѣ нѣтъ упоминанія о поступленіи 297 р. 10 ал. 5 д.

Къ с. 381. Уржумъ. Въ 146 г. Мих. Желиборскому велѣно было сбирать съ 7 дв. съ четью и полчетью 14 р. 26 ал. 4 д.

Къ с. 389. Шуя. Сборъ съ Шуйскаго посада въ 146 г., дѣйствительно, поступилъ исправно—см. „Старинные акты г. Шуи“ с. 78.

Къ с. 394—403. Въ эту схему не вошли по отсутствію данныхъ упомянутые выше (с. 342—392) согласно сводной окладной книгѣ слѣдующіе посады, черные уѣзды и дворцовыя села: Алатырь, Балахна, Василь, Дѣдиловъ, Елатьма, Елецъ, Епифань, Кадомъ, Казань, Кашинъ, Кашира, Кинешма, Клинъ, Козельскъ, Кольскій острогъ,

Крапивна, Курмышъ, Курскъ, Ливны, Лихвинъ, Медынь, Новгородъ Сѣверскій, Оболенскъ, Орелъ, Перемышль, Ржева Пустая, Самара, Свіяжскъ, Серпейскъ, Таруса, Торопецъ, Угличъ, Уфа, Царево-Санчурскъ и Царево-Санчурскія дворцовыя села, Цивильскъ, Чебоксары, Чухлома, Шацкъ.

Къ с. 401 (примѣчаніе). Въ итогъ дворовъ посадовъ, уплатившихъ 80%—100% своихъ окладовъ на 146 г., включены Устюгъ, Псковъ, Суздаль, Карачевъ, Ярославль, а въ итогъ дворовъ посадовъ, уплатившихъ 80%—100% своихъ окладовъ на 147 г., вошли Царевококшайскъ, Москва и Исковъ.

Къ с. 403 (примѣчаніе). Итоги дворовъ выведены только для посадовъ; поэтому по сбору на 146 г. въ итогъ не вошли уплатившіе полностью свои оклады Старорусскіе погосты и Царевококшайскія дворцовыя села, а по сбору на 147 г. Старорусскіе погосты, Царевококшайскія и Ярапскія дворцовыя села.

Къ с. 404. Объ операціяхъ В. И. Стрѣшнева см. выше с. 140 и 373—374.

Къ с. 466 см. выше примѣчаніе къ с. 126.

Къ с. 541—542. Въ общій итогъ поступленій поступленія оклада на 146 г. въ 148 г. включены въ видѣ круглой цифры 5000 р.

Къ с. 313—316. Превышеніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ (Боровскъ, Бѣжецкій, Верхъ, Владиміръ, Галичъ, Калуга, Курмышъ, Лука, Великіе, Медынь, Одоевъ, Ростовъ В., Торжокъ, Ярославль) поступленій вмѣстѣ съ сложенными суммами надъ окладами, необъяснимое изъ тѣхъ данныхъ, которыми мы располагали, надо отнести или къ дополнительнымъ спискамъ по этимъ городамъ или къ взысканію штрафныхъ суммъ. По Каширѣ, Костромѣ, Суздалю, Шуѣ и Тулѣ превышеніе итоговъ поступленій и сложеній надъ денежными окладами могло возмѣщать недоборъ даточныхъ.

Опечатки.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
125	3 примѣчаніе	Сибирскій сборникъ	Синбирскій сборникъ
135	7 снизу	къ государевой	въ государевой
137	2 примѣчаніе	А. М. Сухотинъ	Л. М. Сухотинъ
„	3 примѣчаніе	начала XVI в.	начала XVII в.
154	прим. 17 стр. снизу	161 г.	160 г.
180	7 сверху	кн. Ѳедула	кн. Ѳедора
226	14 снизу	Сотникъ	Сытникъ
228	5 сверху	сотниковъ	сытниковъ
241	3 сверху	въ Приказѣ	въ Приказъ
259	4 снизу	39,5	39,2
260	4 снизу	Бѣлоозеро 4	*Слѣдуетъ вычеркнуть.*
261	22 сверху	въ 31 уѣздѣ	въ 32 уѣздахъ
„	8 снизу	Бѣлгородъ 3,3	Бѣлгородъ 2
„	7 „	Медынь 2	Медынь 3,3
„	6 „	Калуга 5,1	Калуга 1,5
262	5 сверху	Воронежъ 3,3	Воронежъ 3,6
„	18 „	Алатырь $305^1/_2$—37—8,2	Алатырь $307^1/_2$—37—8,3
„	21 „	Бѣлоозеро 8,3	Бѣлоозеро 8,2
272	8 снизу	къ голенямъ спинѣ	къ голенямъ и спинѣ
279	12—13 снизу	просиси	росписи
286	12 сверху	за эти	За эти
287	7 „	въ ходѣ	въ ходъ
288	1 „	245 р.	247 р.
„	10 снизу	$^{10}/_{X}$	$^{10}/_{X}$ 153 г.
293	16 сверху	$426^1/_2$ р.	384 р. 27 ал. 5 д.
295	2 „	10 даточныхъ	13 даточныхъ
302	2 „	$173^1/_3$ р.	$179^1/_3$ р.
307	8 снизу	Елагина	Елагинъ
337	1 примѣчаніе	с. 278	с. 268
342	16 сверху	дворовѣдѣнія	дворовладѣнія
343	9 „	четверными	четвертными
345	9 „	Въ посадъ	В. посадъ
346	11 сверху	4733 р.	4300 р.
347	11 снизу	4. д. „а что	4 д.,—„а что
„	10 „	съ отпискахъ	въ отпискахъ
„	9 „	за 146—7 гг.	за 146–8 гг.
348	10 сверху	полтиной, „Обоево	полтиной,—„обоево
„	3 снизу	149 р.	149 г.
349	15 „	397 г.	397 р.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
350	14 снизу	2500;	2500 р.;
356	6 сверху	на 146 г.	въ 146 г.
„	7 „	на 147 г.	въ 147 г.
357	10 „	По 4/VIII	По 4/VIII 146 г.
„	9 снизу	въ Приказѣ	въ Приказъ
358	8 сверху	на 146 г.	отъ 146 г.
„	14 снизу	Н. Невѣрова	М. Невѣрова
360	9 сверху	148 г.	147 г.
„	13 „	начитывалось	насчитывалось
„	1 снизу	в 146 г.	въ 146 г.
362	5 сверху	6 ал. 4 д.	16 ал. 4 д.
366	2 „	24 ал. 4 д.	25 ал.
„	12 снизу	грамотой платежахъ	грамотой о платежахъ
373	7—8 сверху	Зарайскомъ	Звенигородомъ
375	13 снизу	4064 р. 17 ал. 4 д.	3378 р. 17 ал. 4 д.
„	7 „	Къ 149 д.	Къ 149 г.
377	5 сверху	изложены	изложено
378	9 снизу	1666 р. 22 ал. 5 д.	1666 р. 22 ал. 3 д.
379	13 „	2160 р. Къ 1/XII	2610 р. Къ 1/XII 149 г.
„	2 „	590 р.	620 р.
382	7 „	689 р. 28 ал. 5 д.	688 р. 29 ал. 5 д.
385	12 сверху	152 г.	150 г.
390	1 снизу	1528 р. 19 ал. 4 д.	1528 р. 19 ал. 2 д.
391	2 сверху	повинущихся	повинующихся
445	11 „	подаетъ	падаетъ
461	1 прим. 8 стр. снизу	со 139 г.	съ 1639 (147) г.
479	13 сверху	въ росписи	въ роспись
„	14 „	подписалъ	подписывалъ
481	18 снизу	прималъ	принялъ
489	13 „	Василью Невѣрову	Василью Прокофьеву

На стр. 258 въ графѣ дворовладѣнія стрѣлчихъ, владѣющихъ 40 — 50 дворами, въ числѣ лицъ отпала цифра 1, слѣдуетъ читать 11.

Цѣна 7 р. 50 к.

Складъ изданія у автора: Москва, Волхонка,
д. Голофтѣева, кв. 30.

2007041972